

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Э.М. Кобозева

***Мещанское сословие г. Самары
в пространстве власти и повседневности
(вторая половина XIX – начало XX в.),
или Рассказ о «душе с повинностями»***

МОНОГРАФИЯ

Самара,
Издательство «Самарский университет»
2013

УДК 977.083
ББК 63.3(2) 52

Рецензенты:

д-р ист. наук, проф. В.В.Кондрашин,

д-р ист. наук, проф. Е.П. Баринава.

*Кафедра общественной истории и археологии поволжской
государственной социально-гуманитарной академии*

Научный редактор:

д-р ист. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ

П.С. Кабытов

К 55

Кобозева, З.М.

Мещанское сословие г. Самары в пространстве власти и повседневности (вторая половина XIX – начало XX в.), или Рассказ о «душе с повинностями». – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2013. – 615 с., 48 стр. илл.

ISBN 978-5-86465-584-9

В монографии анализируются механизмы адаптации основного городского слоя дореволюционной Самары, мещанства, к различным импульсам власти, формирующим его повседневную жизнь в границах сословного статуса. Книга основана на широком круге источников из фондов Центрального государственного архива Самарской области, большинство из которых впервые вводится в научный оборот, так как мещанство долгие годы оставалось сословием «невидимкой» как в историографии, так и в образе «купеческой Самары». Поэтому в документы, связанные с этим сословием, никто не заглядывал. Письменные свидетельства самарских мещан о своей жизни оказались настолько выразительными, что это позволяет назвать их «провинциальными анекдотами», они активно цитируются автором практически в полном объеме.

Предназначена для историков-профессионалов, студентов вузов, школьников, а также для широкой читательской аудитории, заинтересованной судьбами России, родной Самары, своими корнями и «бабушкиными сундуками».

ISBN 978-5-86465-584-9

© Кобозева З.М., 2013

© Самарский государственный университет, 2013

© Оформление. Изд-во «Самарский университет», 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	9
Эпилог введения.....	56

РАЗДЕЛ I

Мещанин и город

Глава 1. «Диалоги» мещанства с властью в границах «городского гражданства» (историография проблемы). «Золотой век» мещанского сословия (гипотеза).....	66
Глава 2. «Чрево Самары»: социальное взаимодействие в повседневной жизни мещан в последний период эпохи «городского гражданства» (1850–1870 гг.).....	122
Глава 3. «Кружится церковь, трактир и дома, кругом кружится моя голова»: потеря «чрева» и обретение «управы» в эпоху сословности (1870–1917 гг.).....	163

РАЗДЕЛ II

«Душа с повинностями»

Глава 1. Мещанин в хозяйственном локусе повседневности.....	230
Глава 2. Мещанин и деньги.....	280
Глава 3. Паспортная повседневность.....	310
Глава 4. Мещанин и война.....	390

РАЗДЕЛ III

«Жестокие романсы» частной жизни

Глава 1. Семья и любовь432

Глава 2. Тело: столкновение с болезнями, старостью и смертью.....468

РАЗДЕЛ IV

Мещанин «озорует»

Глава 1. Нарушители дисциплины: мещане-хулиганы и мещане-революционеры.....494

Глава 2. Власть и душа: мещане-«раскольники» в границах «православного царства».....565

Заключение611

Благодарность автора

Всегда помню главный принцип хорошей актёрской игры, сформулированный С. Моэмом в «Театре»: нельзя переносить личные переживания на творчество. Применительно к труду историка мучительным для меня остаётся неизбывный вопрос: можно ли исследовательскую рефлексию переносить на объект исследования? Можно ли с позиций собственных этических убеждений и принципов оценивать чувства и поступки тех, кто жил в том же городском пространстве, в котором живу и я, только более ста лет назад? Могу ли я понять и услышать этих мещан, о которых податный староста когда-то написал в своих отчётах: «душа с повинностями»? Мне кажется, что моя душа также обременена повинностями, как и их. Ведь иначе и быть не может, так как мы, я и они, живем и жили в огромном государстве, раскинушемся на необъятных территориях, которое не может существовать без сильной власти и имперского сознания подданных или граждан. Признаться, я не возражаю против «подданства», но в границах «имперского сознания». Это не исключает существования моего «маленького мирка», «мещанского мирка», моей в меру строптивой в исследовательском отношении личности, задумавшей вывести признаки сословной идентичности из языковой картины мира мещан, оставленной в делопроизводственной документации. Поэтому начать слова благодарности я бы хотела со своего научного руководителя, профессора П.С. Кабытова, который мне, начиная со студенческих времён, всегда предоставлял шанс проявить себя в ремесле историка, но с другой стороны, постоянно провоцировал тем, что не доверял тем «инструментам», которыми я вооружалась, вернее, правильному их использованию в моих руках: структуриализму, социолингвистике, микроисследованию. Главной его «провокацией» явилось предложение заняться исследованием жизни мещанского сословия в ту историографическую эпоху, когда для достижения макроисторических задач основная традиционная методология устарела, а с помощью микроисследований чрезвычайно трудно подняться до такого уровня обобщений, каким является сословный анализ.

Ещё одной «провокацией» – «вызовом» – для меня явилось мнение об эпистолярной «неозвученности» мещанского сословия, о том, что люди, принадлежавшие к данной сословной группе, в силу своего низкого образовательного уровня и особой ментальности не оставили так на-

зываемых «эго» – источников, позволивших бы проникнуть в глубины их самоидентификации и словесной идентичности. В этом отношении хотелось выразить слова благодарности Центральному государственному архиву Самарской области, его сотрудникам, особенно Г.В. Галыгиной, П.С. Лебядиному, К. Фроловой за возможность интенсифицировать процесс работы с фондами, что оказалось необходимым условием в ситуации полистного изучения дел. За трепетное отношение к мещанскому делопроизводству архив ответил мне тем же, позволив обнаружить непронумерованную вещную находку – бронзовую медаль за участие в русско-японской войне. Испытывая буквально «любовный трепет» в поисках эпистолярных артефактов человека, выражаю архиву признательность за пережитые мгновения.

Особую благодарность хотелось бы выразить главному библиографу информационно-библиографического отдела Самарской областной универсальной научной библиотеки О.В. Кузьминой за библиографическую опеку над проектом.

Ещё будучи студенткой исторического факультета Куйбышевского государственного университета, я прочла статью А.Я. Гуревича в «Вопросах истории», в которой он писал, что историк обязан писать «живое слово о живых». Именно так я себе и представляла ту историю, которой сама могла бы заниматься как исследователь. Но методологически чрезвычайно трудно было обосновать свой круг интересов, особенно слыша вслед, что то, как я говорю и пишу – это не настоящая история. Поэтому мне как воздух необходимы были советы тех «соратников по цеху», кто уже работал в реалиях «лингвистического поворота». В этом отношении особенно плодотворны были консультации профессора (в 1998 г.) Мерилендского университета, Майкла Дэвида Фокса, познакомившего меня с направлением «культурной истории» в американской историографии. Его пожелания оказались весьма полезны и на сегодняшнем уровне контактов, обратив меня к такому базовому исследованию зарубежной историографии в области соединения методов лингвистики с социальной историей как *Constructing Russian Culture*. В рамках таких же «межкультурных» коммуникаций хотелось бы высказать благодарность профессору Оксфордского университета Катрионе Келли за актуализацию спектра проблем, сформулированных в монографии *Refining Russia. Advice Literature, Polite Culture, and Gender from Catherine to Yeltsin*. Давние контакты с профессором Шейлой Фицпатрик во время её приезда в Самару, прерванные, к

сожалению, в последние годы, во многом также определили позицию в рассмотрении вопросов социальной истории, в частности после увлечения структурализмом особенно правильными мне показались её слова, высказанные во введении к монографии «Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России»: «стезя социального историка привела меня на территорию, активно колонизируемую молодыми историками культуры, представителями школы «советской субъективности». ... Их интересует идеология и дискурс и увлекает в первую очередь теория. Меня интересует социальная практика и повседневность, и я не слишком жалею тотальное теоретизирование, будь оно марксистское или «фукоистское»...»¹. И тем не менее, у меня в данной книге получилась «фукоистская» повседневность, за что я чрезвычайно признательна всем зарубежным коллегам, научившим инаковости.

Научные контакты с отечественными исследователями, такими как И.Н. Данилевский, Б.Н. Миронов, М.М. Кром, Г.Г. Ершова, О.Е. Кошелева, А.А. Сальникова, Е. Вишленкова, С. Мальшева, И. Нарский предоставили счастливую возможность увидеть воочию всю широту диапазона методологических подходов и фееричность тем, которыми эти историки занимаются, оставаясь тем не менее в рамках предмета и специальности. Особую благодарность хотелось бы выразить проф. Н.В. Середе за ряд стимулирующих замечаний в отношении проблемы «городского гражданства». Знакомство с коллегами из Саратовского государственного университета, Южного федерального университета, Крапивненского музея, Днепропетровского издательства «Фронтири міста» поддержало в отношении добрых флюидов и научного содружества.

Значительную помощь в развитии темы и апробации её на различных конференциях оказало членство в Российском обществе интеллектуальной истории, возглавляемом профессором Л.П. Репиной. Научные консультации М.Ф. Румянцевой и её видение «чужой одушевлённости» придали смелости в пространстве академического «диалога со временем».

В любом деле главное – «тылы». Поэтому особую благодарность хочется выразить коллективу кафедры Российской истории Самарского государственного университета, коллегам. Учитывая тот факт, что мещане являлись и гласными Думы, и торговцами, и революционерами, и выходцами из крестьянского сословия, в консультациях по теме оказались задействованы все мои коллеги.

Филология всегда оставалась для меня той «звездой пленительного счастья», куда влекло перманентно. В этом отношении хотелось бы высказать признательность за консультации профессорам А.Л. Гринштейн, С.В. Голубкову и Е.А. Барашкиной.

Беседы с проф. Е.Я. Бурлиной по вопросам культурологии города также внесли свой «изюм» в исследовательскую интерпретацию городской повседневности. Консультации проф. Самарского Медицинского Университета Ф.Н. Гильмияровой на биохимическом уровне показали, как «предугадать, как наше слово отзовется».

Моя мама, профессор кафедры английской филологии, Е.Г. Кашина, актуализировала интерес к семейным мещанским корням через внедрение в повседневность сокровищ «бабушкиных сундуков». Мой папа, хирург, написавший книгу воспоминаний о городской семье старой Самары, всегда являлся для меня образцом нравственности, благородства и мужества, позволившего ему стоически выносить последствия инсульта.

И, наконец, мой муж и мои дети своей любовью помогли завершить труд.

¹ Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011. С. 17.

ВВЕДЕНИЕ

Но если оторваться от этой захватывающей дух картины стремительного рывка ввысь, то станет очевидным, что главным героем – с полётами в Космос и без них, с расщеплением ядра и без него, с клонированием или же с естественной репродукцией – продолжает оставаться всё тот же обычный человек... Есть что-то, что нас всех объединяет и уравнивает, – это одна физиология, одни чувства и эмоции, а также желание жить, продолжать род и быть членом коллектива.*

На Монмартре, в четвертом этаже дома 75-бис по улице Оршан, жил-был замечательный человек по фамилии Дютийель. Замечателен же он был тем, что обладал завидным даром проходить сквозь стены...

М. Эме. Человек, проходящий сквозь стены

ословия в Российской империи были уничтожены декретом СНК и ВЦИК от 11 (24) ноября 1917 года. До этого повседневная жизнь людей протекала в столицах и провинции, с одной стороны, так как писал Л. Н. Толстой, по принципу «все счастливые семьи счастливы одинаково, а каждая несчастная семья несчастна по-своему», с другой стороны, счастье и несчастье во многом зависели от тех прав и обязанностей, которые диктовал им сословный статус, поддерживаемый властью и законом. Эта «игра по правилам» заставляла социальных «игроков» вырабатывать такие механизмы адаптации, которые бы позволили им получать удовольствие от жизни даже в тех ситуациях, когда «игра» казалось бы абсолютно проиграна, ибо на этих основаниях зиждется витальный оптимизм. Индивидуальное переживание «социальной игры» в границах жизни человека, отображённое в письменных источниках, им оставленных, помноженное на количество этих авторов в границах города, даёт возможность увидеть те грани сословной идентичности, которые рождались «снизу» и не могли быть предугаданы законодательным дискурсом. Власть вновь и вновь предназначала «маленькому человеку» империи его место и социальные роли, а «маленький человек» вновь и вновь бился за жизнь, причём жизнь счастливую, пере-

шивая это «платье империи» на свой размер. Так рождались индивидуальные и коллективные практики сословного существования в ситуации перманентного «диалога» с властью. Их анализ и научное осмысление возможны только при расширении традиционных методов исторического исследования достижениями смежных гуманитарных наук, таких как социолингвистика, историческая антропология и социология**.

Русский город XIX в. «был чрезвычайно многоликим по социальному составу¹. Среди его жителей можно было встретить все сословия России»². Мещанство являлось самым многочисленным городским сословием³. Поэтому нам показалось интересным сфокусироваться на эволюции «мещанского» города с 50-х гг. XIX в. и до 1917 г. и одновременно на эволюции сословия в границах изменяющегося в процессе модернизации города. Мещанство чрезвычайно трудно выделить из «многоярусного» городского быта в силу отсутствия замкнутости между сословными группами, диалогичности различных городских субкультур, их неожиданных переплетений и сочетаний, квивпрокво, инверсий социальных ролей. В качестве примера подобного социального «квивпрокво» можно привести Михаила Никаноровича Кашина, прадеда автора. Представляя собой, в некоторой степени, истэблшмент провинциального города начала XX в., работая управляющим Самарской конторы «Товарищества братьев Крестовниковых» и всей сигналетикой одежды, запечатлённой на старых фотографиях, апеллируя к категории городских франтов, он продолжал принадлежать к крестьянскому сословию. Причём, его переход в город осуществился не в результате «пролетаризации»⁴ и не в результате «буржуазного предпринимательства»⁵, а в силу самоопределения себя как городского жителя в ущерб правовому определению в качестве крестьянина. Его первая жена была мещанкой г. Самары. Вторая – крестьянкой, принявшей решение ещё в бытность жительницей маленького села стать горожанкой. В подобной ситуации становления новых социально-экономических и культурных определений вместо правовых и административных мы решили пойти по пути официальной стратификации, оперировавшей сословными понятиями. Социальный термин «мещанство», являясь частью офици-

ального языка власти, влиял на государственные представления о месте этого сословия в обществе. С другой стороны, сами мещане при социальном взаимодействии между собой и с властью оценивали себя в категориях сословности, что является важным показателем сословной идентичности. Но в то же время мы склонны согласиться и с точкой зрения Э. К. Виртшафтер о том, что «для историков важно размышлять в понятиях множественности, пересечения и конкуренции социальных рамок», так как «создание общественных границ можно распознать в точках соприкосновения сдвигающихся линий, где многочисленные правовые, социально-экономические и культурные группы и подгруппы встречались и расходились»⁶. Главный тезис советской историографии о складывании в городе новых классов буржуазного общества вместо традиционных сословий нами намеренно игнорируется, как игнорируется и классовая теория в целом. Исследовательская «оптика» смещена от глобальных общественных моделей и объяснительных механизмов исторического развития в сторону таких аспектов, как индивидуальное чувственное переживание сословного статуса, повседневная жизнь в границах сословного фрейма и некая коллективная идентичность в городе – фронтире, в городе – «обочине», в городе – «перекрёстке» имперских дорог и в то же время в «провинциальном городе N», каким являлась Самара во второй половине XIX – начале XX вв. Мещанин, испомещённый в «келью» дисциплинарного пространства власти, в разных ситуациях оказывался носителем разных социальных ролей: он был и узником, и дипломатом, и «менеджером системы», и хулиганом. Он весь был погружён в хозяйственный быт, но мог и возвыситься над повседневностью. Он отчаивался и надеялся. Он хитрил и сам становился жертвой обмана. Он учил государство и учился у государства. Он маленькими шажками эмансипировался от власти через профессионализацию и индивидуализацию сам и был, наконец, эмансипирован законодательством в тот момент, когда поднятые революционной стихией другие социальные слои не дали ему возможности почувствовать себя добропорядочным «бюргером».

Что оставил нам после себя этот отверженный рефлексией русской высокой культуры социальный тип? Психологию, кол-

лективную и индивидуальную, отражённую в делопроизводстве. Выходцы из мещанского сословия в пореформенной России активно пробивались в самые разные сферы жизни: пополняли ряды разночинной интеллигенции, вносили свой вклад в науку и искусство, становились героями революционного движения. Безусловно, можно было бы обогатить исследование некоторыми «эго-источниками», пойдя по пути выявления выдающихся личностей, вышедших из мещанской среды. Но нам интересен был неприметный актер, случайно «выхваченный историей из пасти времени» с помощью так называемой «бумаги во власть» и сословной делопроизводственной документации. Мы подкарауливали таких героев в «западнях», расставленных в делопроизводствах «градской Думы», мещанской управы, городской управы, духовной консистории, канцелярии губернатора, жандармского управления и т. д. То есть во всех тех инстанциях, куда мог «заглядывать» для решения своих насущных забот мещанин. Но так как «заглядывать» он мог в гораздо большее число учреждений, чем те, которые образуют источниковую базу данного исследования, книга в чём-то останется неполной и ограничится лишь общими контурами сюжетов. Будут ждать своего часа мещане – евреи, татары, цыгане и другие этнические группы. Компанию им составят мещане – «сектанты», мещане – создатели сословного фольклора и мещане – гласные всесословной городской думы. Отъявленные преступники и выдающиеся революционеры также подождут своего исследователя. Наш же герой – «маленький человек», застигнутый в определённой жизненной ситуации. Как он с ней справлялся, приближаясь параллельно к гибели своего сословия, к формированию стойкой идентичности, позволившей ему сконструировать новую социальную маску в советский период, сохранив свои основные ценности, к модернизации городского пространства, искорёженного войнами и революциями начала XX в., будет рассказано в этой книге.

И, наконец, важная, на наш взгляд, оговорка касается непостоянной исследовательской задачи абстрагироваться от дискурса русской художественной литературы, особенно литературы реализма, которая, казалось бы, уже схватила мещанскую социальную реальность и переработала её в блестящий художественный

продукт, снабдив учением о «типе», то есть расставив этические акценты для всех социальных персонажей русской действительности: купцов, дворян, крестьян, духовенства и мещан. В этом контексте феномен «мещанства» можно определить как «некоторую совокупность антимещанского комплекса»⁸, в плену у которого оказалась русская культура⁹.

Одно из самых знаковых для образа мещанства в русской литературе произведений, повесть Н. Г. Помяловского «Мещанское счастье», начинается с переживаний главного героя Егора Ивановича Молотова, которые можно было бы определить как социальную зависть: «А где же те липы, под которыми прошло моё детство? – нет тех лип, да и не было никогда»¹⁰. В данном случае «липы» – дискретный знак, который мещанин Молотов наносит на свою социальную «униформу», мечтая о дворянстве и презирая его. Он не принадлежит душой к тем мещанам, которые составляли сердцевину русского провинциального города. Молотов жаждет порвать со своей социальной средой. И, порывая с ней, стать обличителем мещанства, как многие из тех русских разночинцев, о которых пишет Э. Виртшафтер в своей монографии «Социальные структуры: разночинцы в Российской империи»¹¹. Безусловно, к мещанству ближе всего образ, созданный М. Горьким в пьесе «Мещане». И в то же время Горький выступал как судья над мещанством, отсюда и все искажения, которые возникают при любой художественной интерпретации. В результате нравственных «уроков» Горького и вообще всей русской литературы мещанином стали называть «независимо от социальной принадлежности, человека с узкими, частнособственническими интересами, с ограниченным духовным кругозором»¹². С мещанством мы встречаемся и в образе отца Лопухова, одного из героев романа Чернышевского «Что делать?», который был *«рязанский мещанин, жил, по мещанскому званию, достаточно, то есть его семейство имело щи с мясом не по одним воскресеньям и даже пило чай каждый день. Содержать сына в гимназии он кое-как мог»*¹³, и в «Пошехонской старине» Салтыкова-Щедрина, когда *«жена крепостного иконописца происхождением из мещан решила закрепоститься, выйдя за него замуж»*¹⁴, и в образе мещанина-ремесленника Кулигина в драме Островского «Гроза»: *«В мещанстве, сударь, вы ничего, кроме грубости да бедности нагойной, не увидите. И никогда нам,*

*сударь, не выбраться из этой норы! Потому что честным трудом никогда не заработать нам больше насущного хлеба»*¹⁵. Талантливый механик-самоучка мечтает служить людям, но для этого не имеет ни прав, ни возможностей: *«Работу надо дать мещанству-то. А то руки есть, а работать нечего»*¹⁶. *«Браты мои в мещане отписались и в городе мастерством занимаются, а я мужик»*, – говорит старик Холодов в рассказе Чехова «Степь»¹⁷, а в «Обломове» Гончарова *«городничий бьет мещан по зубам»*¹⁸. Таким образом, эпоха реализма в русской литературе оставила такой глубокий и до сих пор осязаемый след в сознании и психологии всех тех, кто знаком с её ключевыми образами, что исследователю сложно пробиваться сквозь этот своеобразный «текст культуры» и доносить до аудитории свою мещанскую историю. Но, безусловно, не представляется возможным полностью отринуть наблюдения классиков, касающиеся социального портрета мещанства. Всё правда. Но без назидательности.

Антропология повседневного быта: макроистория из микроанализа

Круг источников, позволяющий реконструировать сословную жизнь мещанства, обладает такой специфической чертой, свойственной делопроизводственной документации, как лапидарность сюжета. Тысячи «маленьких трагедий», не имеющих биографического начала и конца и повествующих о конкретном мгновении в жизни индивида, могут быть или проигнорированы в результате усреднённости и типизации, включения в статистику, в обобщения, констатирующие тенденции, пополняющие «царство массовости и обезличенности»¹⁹, или стать объектом пристального внимания на предмет выявления человеческой субъективности со всей неповторимостью индивидуального проживания исторического времени. Так как источники по данной теме систематизированы в архиве, в основном сообразуясь с групповым принципом, и тем не менее каждый из них, взятый в отдельности, заключает в себе неповторимый индивидуальный колорит частного события, поэтому мы пришли к мысли о необходимости исторического синтеза системно-структурного, социокультурного и психологически-личностного подходов в изучении проблемы мещанской жизни провинциального города. Необходимо было, анализируя мир со-

циальных отношений, мир повседневности, мир воображаемого, не только сосредотачиваться на «малоподвижной структуре коллективного сознания», но и «зафиксировать целостность исторической действительности в фокусе человеческой субъективности», обратив особое внимание на «проблему самоидентификации личности, личного интереса, целеполагания, рационального выбора»²⁰. Подобного результата можно добиться только с помощью синтеза макро- и микроподходов.

Различные программы макро- и микроподходов в границах социальной истории, как правило, всё же разводят свои предметы: часть продолжает методами социологии изучать классы, сословия и иные большие группы людей, другие сделали предметом своего изучения «социальные микроструктуры: семью, общину, приход, разного рода другие общности и корпорации»²¹. Нами был выбран типичный для отечественной историографии макрообъект – сословная структура. Но подходы к анализу были определены с позиций исторической антропологии, при которых «социальность исторического субъекта принималась как атрибут и следствие непосредственного межличностного общения в микрогруппах»²². Мы исходили из уверенности в том, что «микрокосмические» процедуры, выходя в «макроисторическое пространство», «вполне способны выполнять роль первичных блоков в более амбициозных проектах социоистории»²³. Реальность человеческих связей и отношений в рамках такого значительного социального локуса, как сословие, может быть понята через многосторонний ситуационный анализ, позволяющий реконструировать индивидуальное событие в его целостности, «то есть раскрыть конкретную совокупность условий, мотивов, действий, переживаний, восприятий и реакций, а так же последствий человеческих поступков»²⁴. Как отмечает в своём исследовании Л.П. Репина, «установление... всех вариантов практических решений, оказавшихся возможными в данном социальном контексте, в перспективе может позволить перейти от индивидуального опыта к коллективному и к характеристике самого социума»²⁵. П. Бурдьё в этом отношении отмечал, что «тысячи бесконечно малых происшествий», интегрируясь, порождают «объективное чувство, воспринимаемое объективным аналитиком»²⁶. «В обновлённой социальной истории в центре системы

должен стоять «деятель», «агент», «актор», субъект исторического действия – человек или коллектив (социальная группа), выступающий в неискоренимом дуализме своей социальности: с одной стороны, как итог культурной истории, всего прошлого развития... с другой – как персонификация общественных отношений данной эпохи и данного социума»²⁷. На современном историографическом этапе ясно одно: один метод не исключает другой, «исследование механизма трансформации потенциальных причин в актуальные мотивы человеческой деятельности предполагает обращение как к макроистории, которая выявляет влияние общества... на поведение личности, так и к микроистории, способной раскрыть способы включения индивидуальной деятельности в коллективную»²⁸.

В определении микроистории мы склонны солидаризироваться с позицией, высказанной И.М. Савельевой и А.В. Полетаевым, согласно которой микроистория – это «историографическое направление, изучающее прошлую социальную реальность на основе микроаналитических подходов, сформировавшихся в современных социальных науках (прежде всего в социологии, социальной психологии, экономической теории и культурной антропологии), включая как выбор объектов исследования, так и соответствующие им методы (теоретический и эмпирический инструментарий). Иными словами, микроистория – это исследование прошлой социальной реальности, использующее в настоящее время методы микроанализа, разработанные в социальных науках, и модифицирующие их с учётом исторической специфики»²⁹. Микроуровень в социологии подразумевает изучение таких проблем, как групповая идентичность, внутригрупповое взаимодействие, интеракции («отношения власти, способы коммуникации, распределение ролей и т.д.»³⁰). Изучая сословие, казалось бы, мы затрагиваем сферу макросоциологии однако, применяемая исследовательская «оптика» обращает нас именно к микроявлением внутри макрообъекта.

Проблема уровня анализа зависит от выбора социального контекста, в рамках которого рассматривается то или иное явление. Те методы, которые традиционно относятся к микросоциологии, в частности теория символического интеракционизма, могут быть использованы для анализа таких крупных социальных групп, ка-

кими являлись сословия. Кроме того, можно использовать и такие методы, как социометрия (анализ межличностных отношений симпатии и антипатии), теорию групповой динамики (анализ отношений внутри группы), психотерапевтическое направление (игровое, спонтанное моделирование внутригрупповых отношений³¹).

До сих пор историками ведутся дискуссии, касающиеся таких проблем, вызываемых методом микроистории, как соотношение «генерализации и индивидуализации», «мелочей и подробностей», «понятий и образов», «взаимодействия макро- и микроанализа»³². «В контексте привычных историку дихотомий: общее – особенное (частное), массовое – единичное, закономерное – случайное – микроистория... тяготеет ко второму компоненту»³³. В отношении противопоставления «генерализирующего и индивидуализирующего познания» хотелось бы выдвинуть следующие приоритетные для нас позиции: во-первых, это исследовательский путь от единичного наблюдения к теоретическим обобщениям («малозаметные признаки или отдельные казусы могут содействовать выявлению более общих феноменов»³⁴), во-вторых, нам кажется искусственной «игра» в понятия «мелочей и подробностей». Эта ситуация во многом была спровоцирована известным высказыванием Дж. Леви о том, что «микроистория означает не разглядывание мелочей, а рассмотрение в подробностях»³⁵. Под «рассмотрением в подробностях» понимается детализация исследования³⁶. Рассмотрение в мелочах – это и есть детализация, и нет необходимости усложнять всё, играя в слова. Мы начинаем рассмотрение того или иного явления с детали, с подробности, с мелочи. Скрупулёзный поиск в источнике «человека» – так нами понимается деталь (она же подробность, она же мелочь). Эта деталь способна как разрушить общую схему, так и придать ей новый ракурс, новое видение, обнаружить новые свойства. Идя «от человека», а не от объективных закономерностей исторического процесса, мы, вполне возможно, подтвердим их, но при обязательном условии: реконструировав личность живую, мятущуюся, эмоционально проживающую свою жизнь. Наш микроанализ вызван именно скупостью эго-источников применительно к такому сословию, как мещанство. Поэтому историческому осмыслению такого сложного явления, как мещанская сословная идентичность, может помочь

только глубоко запрятанная в делопроизводственном тексте деталь, она же мелочь, она же подробность.

В отношении дискуссий о научных «понятиях и образах», используемых микроисторией, Савельева и Полетаев останавливаются на двух «казусах»: «масштаб» и «микроскоп»³⁷. Из всех рассуждений авторов мы согласны только с тем, что «метафоры и аналогии – вещь в науке весьма опасная»³⁸, если придавать им гипертрофированное значение. С другой стороны, мы не склонны уходить от норм русского языка, которые понимают под масштабом как словом, заимствованным из области картографии, архитектуры и оптики, отношение длины отрезков на чертеже к длинам соответствующих им отрезков в натуре. Поэтому для нас исследовательский масштаб выступает как соотношение «отрезка» события, выхваченного из жизни ничем не примечательного горожанина, отображённого в документе, к «отрезку» сословной жизни, начертанной для многих таких ничем не примечательных горожан законодательством и властью. Третьим «отрезком» выступает некая сословная модель «снизу», которая получается в результате адаптации и приспособления многочисленными акторами той структуры, которая была для них спущена «сверху». Рассуждая о проблеме «масштаба» в макро- и микроисследованиях, П. Рикёр³⁹ обращает внимание на модель, предложенную Лабруссом и Броделем, а также значительной частью представителей школы «Анналов», демонстрирующих макроисторический подход, «последовательно распространяющийся от экономического и географического основания истории на социальный и институциональный слой и на явления так называемого «третьего типа», к которым относятся наиболее устойчивые формы преобладающих ментальностей»⁴⁰. Микроисторическое направление итальянской историографии П. Рикёр обозначил как «микроисторический демарш»⁴¹, связанный с проблемой «варьирования масштабов»⁴². Совершенно справедливо П. Рикёр подчёркивает такую сильную сторону микроистории как то, что при смене масштабов «видны не одни и те же звенья: выступают связи, оставшиеся незамеченными на макроисторическом уровне»⁴³. При переходе к большему масштабу происходят «потери в том, что касается деталей»⁴⁴. В рассматриваемой работе П. Рикёра встречаем понятие анекдота.

Этот термин «висит» и над нашим исследованием как дамоклов меч: как метафора и как историографический приём. Уже после формирования источниковой базы исследования пришло понимание того, что А. Б. Каменский вкладывал в название своей книги о городской повседневности: – «исторические анекдоты»⁴⁵. П. Рикёр при характеристике методов микроистории также говорит о том, что важно «не впасть... в событийную историю, не вернуться к анекдоту»⁴⁶. В нашем понимании «анекдот» – это, как писала в своём исследовании Н. З. Дэвис, «разные жизни, но разыгранные, так сказать, на общем поле»⁴⁷. Это то, как мещане или их сословные представители, вкусившие «от городского говора и печатного текста»⁴⁸, объясняли свои жизненные ситуации власти. Таким образом, мы сознательно «впадаем» в событийную историю и возвращаемся к «анекдоту», позволяющему увидеть и услышать мещанина, не исковерканного типизацией.

Возвращаясь к дугой метафоре Савельевой и Полетаева, к «микроскопу», следует отметить, что в нашем понимании он должен пониматься не метафорически, а как степень пристальности разглядывания всё той же детали, которая, действительно, порой может быть такой неприметной, что требует микроскопа, как, например, стихи одного мещанского мальчика, написанные на оборотной стороне отцовского паспорта.

И, наконец, Савельева и Полетаев принципиально возражают тезису, высказанному Л. П. Репиной о том, что микроисторические исследования можно использовать в качестве «первичных блоков в более амбициозных проектах социоистории»⁴⁹. Авторы утверждают: «...как показывает опыт полувековых дискуссий о соотношении макро- и микроанализа, ведущихся в экономике и социологии, эти два подхода не сводимы один к другому и микроаналитические исследования не могут служить блоками для построения макротеорий общественного развития»⁵⁰. По мнению Савельевой и Полетаева, «соединить микро- и макротеории в непротиворечивую систему до сих пор не удавалось»⁵¹.

Согласиться с подобным утверждением для нас означает перечеркнуть основную идею данного исследования, согласно которой мы приняли условия «игры», навязанной нам и людям прошлого властью и законом: мы взяли ту социальную структуру, которую

использовала власть вплоть до 1917 г., сословие в качестве рамки и опустили её на повседневную жизнь, чтобы посмотреть, как можно строить свои поведенческие тексты, жить, любить, страдать, веселиться, надеяться и считать деньги в границах определённых прав и обязанностей. Причём мы постарались сознательно увести эту повседневную жизнь от такого объяснительного механизма, как марксистская классовая теория. Но чтобы «спасти» повседневность от неё, нужно было придавать смыслы и значения несколько иным историческим фактам, чем это делалось традиционно в отечественных макроисследованиях. Поэтому возник соблазн оставить всё как есть. Мироззрение маленького человека провинциального города, но в то же время являющегося частью имперского дискурса, было бы невозможно исследовать, если не сочетать микроанализ и макроисторический фон.

В методологическом отношении, в частности в обосновании возможности сочетания методов микро- и макроанализа применительно к широким социальным группам, нам наиболее близок А.Б. Каменский, который в предисловии к своей монографии «Повседневность русских городских обывателей» обосновал необходимость подобных исследований для «рассмотрения провинции как микрокосма всего общества, особенно в периоды значительных изменений»⁵². Автор особо подчёркивает тот факт, что разочарование в возможностях макроистории не отменяет её как таковую, а означает «лишь, что концептуализация истории на макроуровне переживает методологический кризис, в значительной мере связанный с процессом реструктуризации всего социогуманитарного знания». Прогноз А.Б. Каменского сводится к тому, что «вероятно, в будущем мы придём к созданию таких концепций именно через микроисторию, историю семьи и частной жизни, гендерную историю, case-study, локальную историю, историю повседневности и т. д.»⁵³.

Таким образом, в границах микроисследования мы видим такие поведенческие стратегии, семейные, индивидуальные, групповые «перед лицом экономической реальности, иерархических отношений, во взаимодействии между центром и периферией»⁵⁴, которые вызваны человеческой субъективностью и игрой судьбы и обстоятельств. С другой стороны, мы не можем игнорировать

и некоторые макропроцессы, «габитусы», определяющие поведение индивидов в тех или иных ситуациях, создающие определённую систему координат, относительно которой протекает жизнь, наполненная «вызовами» власти. В этом отношении для всестороннего анализа дихотомии «мещанин – власть» и, чтобы не свести «познание к регистрации», оказываются необходимыми несколько теорий, пришедших в историю из структурализма и социологии: теория «социального пространства» П. Бурдьё, теория «знания – власти» М. Фуко, символический интеракционизм Дж. Г. Мида и теория социальной рефлексивности Э. Гидденса.

Признавая вслед за Бурдьё идею о том, что социальное пространство «столь же реально, как географическое пространство»⁵⁵, нам видится верным анализировать мещанское сообщество города как «многомерное пространство позиций, в котором любая существующая позиция может быть определена, исходя из многомерной системы координат», а также распределения власти, «активированной в каждом отдельном поле»⁵⁶. «Это, главным образом, экономический капитал в его разных видах, культурный капитал и социальный капитал, а также символический капитал, обычно называемый престижем, репутацией, именем и т. п.»⁵⁷.

Разделяя тезис, сформулированный сторонниками теории социального действия, о том, что структура формируется с помощью действия и взаимодействия⁵⁸, мы анализируем поведение акторов – мещан, то, как они относились друг к другу и обществу. Но символический интеракционизм гораздо шире одного действия. Он возник из интереса к языку и смыслу⁵⁹. Через язык люди получают возможность «стать существами, обладающими самознанием, т. е. знающими о своей индивидуальности и способными себя увидеть со стороны так, как нас видят другие»⁶⁰. И в этом процессе главным элементом становится символ. Дж. Мид утверждал, что «люди полагаются на общепринятые символы и представления при взаимодействии друг с другом»⁶¹. Мы не склонны преувеличивать влияние символического общения в формировании общества и его институтов, но при рассмотрении повседневной сословной жизни символический интеракционизм предоставляет возможность выявить такие депрессии, которые скрепляли, удерживали и охраняли «от распада живую пластичную ткань психических

образов совершенно аналогично тому, как скелет фиксирует живую, пластичную ткань коллоидных белков нашего тела»⁶².

В рассуждениях о власти и обществе М. Фуко центральная роль отводится дискурсу. Нас интересуют две концепции М. Фуко: об «археологии знания» и о «знании – власти». Первая излагается в книге «Слова и вещи»⁶³. Обосновав понятие эпистемы, Фуко породил соблазн выявления этого глубинного, фундаментального уровня в пространстве того явления, которым занят историк, идущий по стопам Фуко. В нашем случае подобной «эпистемой», или «априори», задающим «условие», выступает «золотой век городского гражданства», он же «потерянный рай», он же некая аутентичная русскому урбанизму структура, чьё угасание растянулось на весь пореформенный период. Именно в ней, а не во всеобщем постреформенном городском пространстве мы уловили некую взаимосвязь между языком, мышлением, знанием и вещами. «Дискурсивным событием» для данной эпистемы, на наш взгляд, выступает «Жалованная грамота городам» Екатерины II. «Популяцией событий в пространстве дискурса» являлось городское самоуправление, проявившее себя в период до реформы 1870 г.

Тема «знания-власти», сформулированная М. Фуко в его книге «Надзирать и наказывать»⁶⁴, доказывает распространение власти на всю сферу социального. Антропологические методы исследования, применяемые в нашей работе, дают нам право обозначить некое коллективное мещанское «тело», оно же вместилище души. И вслед за Фуко утверждать, что «тело непосредственно погружено и в область политического. Отношения власти держат его мёртвой хваткой. Они захватывают его, клеймят, муштруют, пытаются, принуждают к труду, заставляют участвовать в церемониях, производить знаки»⁶⁵. И, несмотря на то, что, по существу, в качестве объекта исследования нами берётся сословная структура, вслед за Фуко мы считаем, что «отношения власти... не локализируются между государством и гражданами или на границе между классами», а «выражаются в бесчисленных точках столкновения и очагах нестабильности»⁶⁶. Многочисленные латентные техники «захвата тела» властью будут исследоваться нами в разделах о паспорте, о рекрутстве, о вере – собственно, во всех разделах, посвящённых общественной и частной жизни мещани-

на, так как во всех своих ипостасях жизнь человека – это «дисциплинарное пространство», в котором он живёт, из которого бежит и куда возвращается, чтобы закончить свой жизненный путь.

В целом, безусловно, нельзя не согласиться с выводом Н.Е. Копосова о том, что «микроистория как логически независимая по отношению к макроистории методологическая перспектива возможна при выполнении одного из двух условий: либо если она откажется от предполагающих обобщение интеллектуальных стандартов, либо если она выработает такие формы обобщения, которые будут логически независимы от тех, на которых основана макроистория»⁶⁷. Но почему-то Н.Е. Копосов считает, что «рассказать человечеству о его судьбе» может только «глобальная история», а в «осколках прошлого» историки «смогли открыть мало новых глубин»⁶⁸.

Не представляя заранее, насколько удачным или неудачным окажется предлагаемый читателю в данной книге «осколок» мещанской жизни, внутренне согласна на «мелководье», так как в его прозрачной воде надеюсь увидеть обитателей «дна».

СОСЛОВНАЯ ИСТОРИЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Низший слой маленького общества на станции живёт несколько иначе, чем аристократия. Сторож Лука вечно борется с желанием сбежать к жене и брату в деревню за семь вёрст от станции.

М. Горький. Скуки ради

иска, ляг на ноги да погрей их, ляг! – стуча от холода зубами, проворчал нищий, стараясь подобрать под себя ноги, обутые в опорки и обёрнутые тряпками»⁶⁹. Так начинал свою серию очерков «Трущобные люди» В. Гиляровский. Люди, выхваченные исследователем в их рутинный, обычный, ничем не примечательный день повседневного существования, страдают от холода, голода, болезней, обид, разочарований не меньше, чем застигнутые войной, революцией, стихийным бедствием. Для некоторых из них

обида, нанесённая соседом, имеет не меньший уровень событийности, а иногда и больший, чем покушение на Государя Императора или страдания «братьев славян» от турецкого гнёта. Индивидуальная реакция зависит от степени приближенности «большого нарратива» к историческому актору и психологического склада личности. «Все ночлежники поднялись на своих койках и слушали солдата. Лишь из-под груды разноцветного тряпья блестела седая борода и лысая голова старого нищего», – заканчивает свой рассказ «В бою» В. Гиляровский⁷⁰. Повседневность всегда прислушивается. Реагирует на импульсы внешнего мира, доносящиеся в её пространство через рассказ или взрывающие её мирный ритм событийностью, «небывальщиной-неслыхальщиной». Поэтому повседневность – это такое же поле действия истории, но только в другом ракурсе: в пространстве проживания дня жизни. Всё сужено до восприятия дня от рассвета до заката, от рождения до смерти. В повседневности заключён великий психотерапевтический эффект, сформулированный Екклесиастом: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем»⁷¹. Но и нельзя утверждать, что в этот будничный день никто из наших героев – мещан не задумывался о будущем страны, об исходе войны, о справедливости в мире и жизни после смерти. Поэтому-то так мучительно сложно заниматься повседневной историей. Поэтому-то многие исследования, написанные в рамках данной исследовательской позиции, напоминают картины П. Федотова с их тщательно прорисованными бытовыми подробностями и дидактическим смыслом. Н.Л. Пушкин при анализе «истории повседневности» как направления исторических исследований совершенно справедливо замечает, что «реконструкция повседневности не так проста»⁷². Начиная с возникновения «истории повседневности» как самостоятельной отрасли изучения прошлого в 60-е гг. XX в.⁷³ и до сегодняшнего дня, накопился значительный массив методологических исследований, обосновывающих возможность использования данного метода⁷⁴. И тем не менее до сих пор удачные исследовательские проекты изучения повседневности «являются именно отдельными «островками»⁷⁵. Это работы О.Е. Кошелевой о жизни Петербурга Петровского времени, А.Б. Каменского о повседневности русских городских обывателей XVIII века, Н.Б. Лебиной о советском городе и т.д.⁷⁶

Когда находишь в обосновании метода исследования у какого-нибудь историка те же чувства и ту же логику, что и исповедуешь сам, это заставляет задуматься не о нависшей над каждым историографическим обзором в современных условиях угрозе обвинения в плагиате, а об определённой тенденции развития исторической науки. В отношении нашего исследования это относится к методологическим размышлениям А.Б. Каменского в предисловии к его монографии о повседневности городских обывателей. Автор пишет: «Проблематика данной книги и используемые в ней подходы, однако, не сводятся только к микроистории, локальной истории, истории повседневности и исторической антропологии. По сути дела, она находится на скрещении нескольких новых и традиционных направлений исторической науки»⁷⁷.

Последние десятилетия XX в. – первое десятилетие XXI в. были отмечены в историографии своего рода «мещанским бумом»⁷⁸, связанным в исторической урбанистике с возросшим интересом к «опальным» в советской историографии социальным общностям. Все эти работы были написаны в эпоху перехода от марксистских исследований классов с их «классическим» факторным анализом к междисциплинарной урбан-социологии. «Мещанские» исследования рубежа XX–XXI вв. были посвящены анализу сословной организации, мещанской общины города, социально-экономического статуса, в некоторых случаях социально-политических высказываний, подробностей быта, семейного статуса, хозяйственной и профессиональной деятельности сословных общин разных регионов империи. Эти труды «не ставили под сомнение «священных коров» историографии»⁷⁹, поэтому и не были встречены в штыки, плавно заняв свою нишу преемственности.

На региональном уровне в последние годы появилось значительное количество исследований повседневной жизни города. Применительно к Самаре это работы А.Б. Бирюковой, А.Ю. Климовичкиной, Ю.А. Рогач и др.⁸⁰. А.Ю. Климовичкина в своем исследовании отмечает, что «научная разработка истории повседневности» «подразумевает переход от анализа общих процессов и структур к анализу конкретной ситуации»⁸¹.

Такое смещение исследовательской «оптики» необходимо, ибо формула «от общего к частному», на наш взгляд, чревата ла-

тентным следованием за всё теми же неизбежными макросхемами, которые не только сформировали на долгие годы исследовательские приоритеты, но и установили иерархию смыслов, логику отбора исторических источников, традицию «вписывания в контекст». Контаминация понятий «повседневность» и «социокультурный аспект» приводит всё к тем же обобщениям «сверху», от которых чрезвычайно трудно абстрагироваться. Кроме того, выявляя субкультурное «лицо» города, у исследователя за грандиозностью задач не остаётся сил для анализа отдельных социальных групп.

Исходя из этого, мы следовали следующей схеме исследования повседневной истории. В качестве объекта анализа была выбрана не повседневность всего города, а сословная повседневность, рассмотренная во взаимодействии власти с индивидами, составляющими данную общность. Данное взаимодействие было описано через смену социальных ролей, стереотипов поведения и нюансированных социальных противоречий, политики государства, церкви, роли религии и различных форм идеологии. «Реконструкция картины мира, характерной для человеческой общности, или совокупности образов, представлений, ценностей, которыми руководствовались в своём поведении члены той или иной социальной группы»⁸², достигается за счёт выявления «точек бифуркации» или «болевых точек» их повседневного быта, исходя из «импульсов» источника, то есть «снизу», от самих акторов и их косвенно сохранившейся речевой картины мира, а не того, что кажется важным современному исследователю в результате его аналитических операций. И, наконец, построение объяснительных моделей происходит с другого угла зрения («кто более матери-истории ценен?»), с позиции приоритетности индивидуального над групповым и казуса над знаком.

Кроме того, в истории повседневности есть место этике и её художественному акцентированию текстом. В этом отношении для нас важно замечание А. Людке о том, что повседневность – это ещё и «детальное историческое описание устроенных и обездоленных, одетых и нагих, сытых и голодных, раздора и сотрудничества между людьми, а также их душевных переживаний. Воспоминаний, любви и ненависти, а также и надежд на будущее. Центральными в анализе повседневности являются жизненные проблемы

тех, кто в основном остались безымянными в истории. Индивиды в таких исследованиях предстают и действующими лицами, и творцами истории, активно производящими, воспроизводящими и изменяющими социально-политические реалии прошлого и настоящего»⁸³.

Итальянские историки повседневности К. Гинзбург и Д. Леви обосновали взаимосвязь «между индивидуальной рациональностью и коллективной идентичностью»⁸⁴. В 80–90-е гг. XX в. разработки исследователей, принадлежавших к данному направлению, расширились за счёт «новой культурной истории» с её проблемным полем. Историю повседневности обогатила и микроистория, обнаружившая в макроструктурах «маленького человека» и сделавшая его героем своего эпистемологического поля.

Свою повседневность изобретает каждый автор. Наша мещанская повседневность – это, во-первых, сословная повседневность, во-вторых, речевая повседневность, в-третьих, дискурсивная повседневность и, в-четвёртых, эмоциональная повседневность.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ПОНЯТИЙНЫЕ РАМКИ: ДИСЦИПЛИНАРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ФРОНТИРНОЙ САМАРЫ

*Ах, Самара-городок,
Беспокойная я,
Беспокойная я,
Успокой ты меня!*

онцепт «пространства» не только подразумевает географическую составляющую, но может быть истолкован и как некая область применения власти, позволяющая рассматривать историческое явление не само по себе, а усиленное, усложнённое, деформированное её усилиями. Пространство власти, с одной стороны, безмерно в социальной жизни общества, с другой стороны, может выступать как определённая система

координат, определяющая место индивида, его социальные роли и интеракции. «Любое пространство является составной частью индивидуальных и социальных практик, которые используются людьми для преобразования природы в сферу культурного смысла и жизненного опыта»⁸⁵, Используя это высказывание для обозначения пространства власти, можно наблюдать, как происходит адаптация её силового поля повседневным существованием, как актер наделяет это пространство своей логикой, своей правдой и своим смыслом. С одной стороны, «власть не только препятствует человеческому счастью... , но и привносит ужас смерти в жизнь тех, кто вошёл в пространство власти. Поэтому мотив тотальной критики власти вполне оправдан в общечеловеческом смысле»⁸⁶. С другой стороны, «...человек стоит и на стороне власти», ибо быть «в ситуации власти» онтологически естественно для него»⁸⁷. Существование в пространстве власти возможно при соблюдении правил или дисциплины. Нарушение дисциплинарных норм относит человека в категорию девиантов или деликвентов. Возможен и третий вариант существования в пространстве власти: путь адаптации «снизу» её силовых импульсов. Дисциплинарное пространство в чистом виде приближено к тюрьме. Нормально существовать в подобных условиях психологически невозможно. Поэтому индивид вырабатывает такие стратегии повседневного поведения, которые декомпенсируют проявления власти в форме создания своего рода «ниш свободы», в которых можно спрятаться, отсидеться, переждать, найти лазейку или укрытие. Таким укрытием может выступать маргинальное существование, домашний мир, дружеские связи, народная мудрость, религиозность, любовь. Анализируемое в данном исследовании социальное «тело» мещанина может выступать одновременно и как «тело манипулируемое»⁸⁸ откровенно, которое можно «подчинить, использовать, преобразовать и усовершенствовать»⁸⁹ и как тонко, ненавязчиво захваченное, когда захват осуществляется «на уровне самой механики – движений, жестов, положений, быстроты: бесконечно малая власть над активным телом»⁹⁰. Методы дисциплинарного контроля власти над индивидом были проанализированы и постулированы в знаменитом исследовании М. Фуко «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы». Мы ис-

пользуем эти методы для объяснения технологии «игры» власти с маленьким человеком империи, мещанином. Итак, это в первую очередь, «искусство распределений»⁹¹. Дисциплинарная власть распределяет индивидов в пространстве империи. Для этого используется механизм «отгораживания», или создания мест «дисциплинарной монотонности»⁹². Если у М. Фуко в качестве таких мест выступают мануфактуры, заводы, монастыри, коллежи, интернаты и т.д., то в нашем случае таким дисциплинарным отгороженным пространством выступает мещанское общество города, к которому мещанин был приписан. Далее Фуко пишет, что «принцип «отгораживания» не является ни постоянным, ни необходимым, ни достаточным в дисциплинарных механизмах. Они прорабатывают пространство много более гибким и тонким образом. Прежде всего, по принципу элементарной локализации или расчерчивания и распределения по клеткам. Каждому индивиду отводится своё место, каждому месту – свой индивид»⁹³. В мещанской жизни для этих целей использовался паспортный контроль. Но как отмечал М. Фуко, дисциплина – это ещё и «место, занимаемое в классификации, место пересечения строки и столбца, интервал в ряду интервалов, которые можно просмотреть друг за другом»⁹⁴. То есть такая ситуация, при которой единицей дисциплины выступает не территория, а ранг⁹⁵. В мещанской среде города такими местами в классификации выступают выборные должности мещан и органы власти: городская дума и мещанская управа. Дисциплинарное пространство предполагает и наказание. «Дисциплинарное наказание должно бороться с отступлениями»⁹⁶. «Через дисциплины проявляется власть нормы»⁹⁷. Мещанские общества имели дисциплинарную власть над своими членами: право исключать из своей среды людей порочных и за развратное поведение⁹⁸ (это право было отменено в 1900 г.⁹⁹). Кроме того, дисциплинарное пространство могло представлять собой совершенно иную смысловую ипостась. Когда в монотонную и благополучную среду провинциального города власть помещала мещан-деликвентов, прегрешивших против существующего строя, чужой самарский мир начинал выполнять функции «нормализующей санкции», которую Фуко относит к власти, но в самарской действительности выполняло

городское общество: суть её заключалась в том, что караются не только нарушения законов, но и отклонение от нормы. Такой тип географического пространства, по классификации Д. Замятина, можно отнести к нединамичным, статичным, равновесным пространствам¹⁰⁰. Это пространства хорошо освоенные, обладающие стабильными образами, содержательно колеблющимися вокруг точки образного равновесия. Интенсивность их освоения определяет их анизотропность: в таких пространствах можно двигаться только по определённым направлениям, а любое событие поддаётся быстрому опространствлению¹⁰¹. Данная схема, однако, в определённой степени нарушается интенсивностью предпринимательской активности самарского купечества в границах так называемого «фронта». Но при внешней освоенности географического пространства, на уровне пространства провинциальной идентичности хронотоп горожан оставался в рамках «ремесленно-трудовой семейной идиллии» (как её характеризовал М. М. Бахтин, «другая особенность идиллии – строгая ограниченность ее только основными немногочисленными реальностями жизни. Любовь, рождение, смерть, брак, труд, еда и питье, возрасты – вот эти основные реальности идиллической жизни. Они сближены между собой в тесном мирке идиллии, между ними нет резких контрастов, и они равнодостоинны (во всяком случае, стремятся к этому)»¹⁰²).

Концепт «социального дисциплинирования пространством» (концепт социального дисциплинирования, разработанный Герхардом Острайхом) представляет собой тот извод «этатистского» подхода к истории, который принимают в расчёт исследования на микроуровне, даже если они с успехом могут ему оппонировать¹⁰³. Хотя следует отметить, в условиях «антропологического поворота», данный концепт подвергается критике как «метоповествование» и постструктуралистские попытки описать «язык власти» как инструмент подавления индивида. Нам видится вполне органичным сочетание в исследовательской практике идеи «дисциплинарной власти» М. Фуко и тезиса П. Бурдьё о том, что агенты обладают активным восприятием мира и конструируют собственное мировоззрение под опосредованным давлением социальной структуры¹⁰⁴. И то и другое, на наш взгляд,

как раз и вмещается в концепт «дисциплинирующего пространства», формируемого его географическим месторасположением, социально-политической историей, культурным фоном и взаимодействием акторов на уровне повседневной жизни (хотя, заметим, П. Бурдые говорит о несовпадении социального и географического пространств)¹⁰⁵.

Самарская провинциальная культура губернского периода (1851–1917 гг.) имела значительное количество признаков мещанской картины мира: безличность, интравертность, ориентацию на материальное производство, традиционные поведенческие практики и узкий семейный круг, пространство, организованное домом. С Самарой связан образ дома, оказывающего «мощное интегрирующее воздействие на человеческий опыт и шкалу человеческих ценностей, некая «топография... внутреннего бытия»¹⁰⁶. В своей книге «Поэтика пространства» феноменолог Г. Башляр говорит о ценностях «обитаемого пространства» или «укрытия», о доме как о «не – я», которое защищает «я»¹⁰⁷. Самарское «укрытие», «обитаемое мещанами пространство» определялось двумя важными обстоятельствами: отсутствием университетского центра и значительной фабричной промышленности. «Самарскому дому» противостоял так называемый «погреб бессознательного» с его «мрачными тайниками» и «психологический символизм подпольного человека Достоевского»¹⁰⁸, внешний мир, который тоже был локализован в географическом пространстве Российской империи. Охранительная функция «дома» – Самары использовалась на рубеже XIX–XX вв. в качестве завуалированного механизма пенитенциарной системы, то есть как некое исправление пространством или социальное дисциплинирование мещанским образом жизни. Инструментами наказания выступали не виселицы, эшафоты или позорные столбы, а мещанская пытка нищетой, сопутствовавшая смене места жительства, отсутствием работы и низким социальным статусом. К. Стюарт применительно к периоду немецкой культуры раннего Нового времени рассказывает о практике т.н. Zuchtaus (дословно «дом дисциплины»), в котором власти осуществляли почти полный контроль над заключёнными, подробно регламентируя их жизнь тем, чтобы насаждать нравственную и трудовую дисциплину. Целью в этих практиках

объявлялось не возмездие, а ресоциализация¹⁰⁹. Подобная контаминация двух символов «дома» придаёт Самаре ещё и положительную коннотацию: «мещанский дом» зачастую в силу своей индифферентности к «мировому злу» оказывал действительно исправляющее воздействие на индивидов-бунтарей из низших социальных слоёв.

Б. Успенский отмечал, что «пространство постигается эмпирически», «в процессе непосредственного чувственного восприятия»¹¹⁰. Солидаризируясь с этим высказыванием, приведём выдержку из «Адрес-календаря Самарской губернии» за 1904 г. под заголовком «Предсказания общие на 1904 год»: «Весна холодная и ветроносная, неблагоприятная земным плодам. Лето жаркое, но полезное для земных плодов. Осень сырая до половины, а потом довольно приятная. Зима протяжная с великими морозами. Хлеб в начале года дорог... и кто закупит хлеба и вина, тот обогатится, потому что и то и другое будет дорого»¹¹¹. «Метафизическое телесно-духовное истолкование языка скрывает язык в его бытийно-историческом существе. Сообразно этому последнему язык есть о-существляемый бытием и пронизанный его складом дом бытия»¹¹². Самарский «дом бытия», его коллективное сознание семантически соотносится с речевой формулой «неблагоприятная/благоприятная земным плодам». «Благоприятность» – это «картина мира» мещанина: ведение хозяйства, культ семьи и частной жизни, благоразумие, умеренность, середина.

В такую среду направлялось российское мещанство, согрешившее против власти и устоев. Оказавшись в хронотопе «самарского острова», определявшегося, с одной стороны, «неспешностью» и «благоприятностью», с другой стороны, купеческим предпринимательским размахом и этикой франклинизма, изолированный от единомышленников и сочувствующих, виновный подавлялся самим пространством и был вынужден бороться с нищетой, искать работу, заботиться о своих домочадцах и при всём при этом ежедневно подвергаться медленной пытке «благоприятного» пространства. Все дела, связанные с ссылкой в Самару мещан под гласный надзор полиции, заканчиваются бесконечными прошениями о предоставлении возможности получить работу и жалобами на нищету. Большинство таких просьб удовлетворя-

лось властью, и мещанская повседневность Самары поглощала бывших фрондёров. Так достигался эффект исправления пространством.

Таким образом, в концепт дисциплинарного пространства власти нами включаются как механизмы доведения властью общих форм, установленных законом, до «бесконечно малого уровня индивидуальных существований»¹¹³, «методы обучения, позволяющие индивидам соответствовать этим общим требованиям»¹¹⁴, отношения принуждения, способы насаждения, и всё то, что позволило сформироваться в литературно-художественной, либеральной и радикальной традициях русской интеллектуальной мысли образу империи как «тюрьмы». Мы предлагаем изменить только эмоциональное восприятие данного слова. Ведь сохраняется ещё в образовательной системе техника «экзамена», который, по определению М. Фуко, «сохранил чрезвычайно тесную связь с создавшей его дисциплинарной властью»¹¹⁵, и несмотря на его инквизиторские корни¹¹⁶, он активно используется и не включает в себе такие негативные коннотации, которые несёт слово «тюрьма». «Тюрьма... образовалась вне судебного аппарата, когда по всему телу общества распространились процедуры, направленные на распределение индивидов, их закрепление в пространстве, классификацию, извлечение из них максимума времени и сил, муштру тел, регламентацию всего их поведения, содержание их в полной видимости, окружение их аппаратом наблюдения, регистрации и оценки, а также на создание накапливаемого и централизованного знания о них»¹¹⁷. Концепт тюрьмы в таком ракурсе, как её видит М. Фуко, используется нами как образ власти в империи, но не как модель реальной социальной жизни общества, в частности мещанского сословия. Ещё раз подчёркивая невозможность на огромных просторах Российской империи и с учётом ментальных особенностей русского народа никакой другой модели взаимоотношений власти и общества кроме дисциплинарной, мы склонны видеть в разнообразных поведенческих практиках социальных акторов определённую долю перманентной делинквентности, расположенной между государственным законом и противозаконностью, то есть делинквентность повседневности, позволяющей адаптировать и смягчать дискурс дисциплинарной власти.

Самара во второй половине XIX – начале XX вв. территориально принадлежала к «внутренней окраине» России. Под данным определением понимается то, что, несмотря на официальное присоединение Среднего и Нижнего Поволжья и Южного Приуралья к России на протяжении XVI–XVIII вв., социально-экономическое освоение края, формирование на его пространстве постоянного сельского и городского населения, складывание административной системы продолжалось вплоть до начала XX в. «Одновременно, начиная с конца XVII–XVIII вв., Поволжье становится важным плацдармом для активного продвижения России далее на восток и юго-восток, превращается в базу для дальнейшей территориальной экспансии Российской империи. Подобная ситуация придавала определённую двойственность экономическому, социальному и культурному развитию огромного региона...»¹¹⁸. Географический образ «внутренней окраины» был введён в науку рядом исследователей: П.С. Кабытовым и его коллегами по написанию коллективной монографии «Поволжье – «внутренняя окраина» России»¹¹⁹. «Посредством географических образов культура позволяет членам социокультурных общностей обживать, осваивать окружающий мир, занимаемые ими территории не только в плане физической адаптации (классическая оппозиция природа-культура), но и в экзистенциальном, феноменологическом плане»¹²⁰. В качестве объекта рассмотрения мы выбираем один конкретный город, Самару, который по своему географическому расположению являлся фронтальным пунктом между Востоком и Западом, между кочевым и осёдлым образом жизни, между освоенным пространством и «Диким полем», центром Волжской Луки, левобережным «выскачкой» в чужое пространство, но и в то же время стабильной частью «внутренней окраины» Российской империи, «шумным захолустьем» со всем набором хронотопических качеств бахтинского провинциального города.

С 40-х гг. XIX в. в результате технического переворота на волжских путях сообщения, «которые являлись фундаментом транспортной сети региона», и «в более консервативном сухопутном транспорте» было ускорено «слияние «внутренней окраины» с экономическим центром империи»¹²¹. Кроме того,

«обновление транспорта, особенно железнодорожного, создавало подлинно революционные условия для модернизации всей экономики региона»¹²². Самара во второй половине XIX в. становится губернским центром и включается во всероссийскую железнодорожную сеть. Таким образом, в рассматриваемый период город являлся составной частью более глобального географического образа «внутренней окраины» Российской империи и традиционного для научной литературы понятия Среднего Поволжья. Самара, с одной стороны, типична для данного географического пространства, с другой стороны, обладает своей собственной спецификой «культурного гнезда», притянувшего к себе усилия тех или иных исторических акторов. В этом отношении интересен взгляд на Самару Н. К. Писканова, в своей типологии «областных культурных гнёзд» отнёсшего Самару к «дотоле неизвестным» городам, в которые начинают собираться «отовсюду готовые, зрелые деятели культуры и здесь заново налаживают общественно-культурную деятельность»¹²³. Процесс складывания культурного пространства города напрямую связан с процессом моделирования географического образа. Особенно ярко «формовка», «затверждение новых, продуктивных» географических образов «ускоренными темпами протекает на границах различных культур, в тех пограничных, фронтальных зонах, в которых происходит наложение, эклектическое смешение и в то же время обострение традиционного взаимокультурного интереса»¹²⁴. Традиционно в качестве примера культурно-географической экспансии приводится классический американский фронт. В этом отношении интересны многочисленные аналогии, возникшие в публицистике рубежа XIX–XX вв. между Самарой и Новым Орлеаном, выразившиеся в географическом образе «Поволжский Новый Орлеан»¹²⁵ и в современной литературе по названию одноимённой повести Е. А. Бажанова «Вольный город пионеров Дикого поля»¹²⁶. В этом случае мы имеем дело с одной из репрезентаций географического образа Самары с помощью контаминации символов «Дикого Запада» и «Дикого Поля»; пионеров колонизаций и того и другого («Йо-хо, мы уходим далеко, в долину реки Огайо»); «золотой лихорадки» – «хлеб-

ной лихорадки»; индейцев – этнического конгломерата народов Поволжья; роли и значения железной дороги в освоении и тех и других территорий и т. д. Проблема самарского фронта усиливается другой неизбежной российской проблемой соотношения столицы и провинции. Семиотически периферией российского мира может выступать любое географическое пространство за границами Петербурга и Москвы. Поэтому столичные центры Российской империи сразу следует исключить из рассмотрения проблемы степени провинциальности. Для остальной территории империи Среднее Поволжье во второй половине XIX в. становится самобытным «нуворишем» с примесью разбойничье-купеческого миропонимания. «Мирки» поволжских городов не могут превращаться в замкнутые пространства из-за Великого водного пути и связанных с ним миграций. «В ходе миграций происходит перенос определённых пространственных представлений на новую территорию, на которой происходит столкновение и взаимодействие автохтонных и «пришлых» пространственных представлений. В результате в течение достаточно длительного времени формируется новый географический образ, включающий в себя и эндогенные, и экзогенные элементы»¹²⁷. В Самаре не было своего чёткого архаизированного автохтонного образа. В этой связи показательна перманентная апелляция местной культуры к личности митрополита Киевского и всея Руси Алексия, считающегося небесным покровителем города, возвестившего в 1357 г. о его славном будущем. Алексей был очарован местом, где позднее возник город. Красота и удобство данного географического пространства не являются чётким культурным символом. Красивым и удобным можно назвать территорию многих русских городов. Самара неизбежно воплощает в себе функциональную красоту и утилитарное отношение к чему бы то ни было. «Пространство, некогда отводившееся смутному и неопределённому, теперь заполняется практическим назначением предмета... В мире, где каждый предмет помимо своего прямого назначения становится товаром, где на каждую потребительскую стоимость... накладывается стоимость меновая... , даже эстетическое использование красивой вещи превраща-

ется в демонстрацию её коммерческой стоимости», – так характеризует «добротную викторианскую красоту» У. Эко¹²⁸, – так же можно охарактеризовать самарскую ментальность. Географический образ Самары обладает миграционной подвижностью. Из этого вытекает такая особенность горожан, как перенесение пространственных стереотипов поведения из автохтонных территорий на Самару и их «непоглощаемость» местным культурным фоном: «деревенские» продолжают жить в Самаре по–«деревенски», различные этносы сохраняют свою модель поведения и этику, пришлые «столичные» противопоставляют себя провинциальному «хамству» – и всё вместе формирует неповторимый маргинальный колер, в котором присутствует своя специфическая стратификация: до революции – сословная с маргинальной спецификой, в современное время – буржуазная, всё с тем же маргинальным подтекстом. В 1877 г. П.А. Матвеев сравнивал Самарский край с «Ноевым ковчегом различных рас, племён, религий, языков»¹²⁹. Также и сейчас.

В исследовании «Культура и пространство» Д.Н. Замятин приводит генетическую классификацию географических образов(ГО), выделяя ГО, создаваемые СМИ и повествовательными текстами¹³⁰. В этом отношении интересен образ Самары, созданный публицистикой М. Горького, который жил в Самаре с 1895 по 1896 г. Именно в «Самарской газете» появлялись его фельетоны, подписанные псевдонимом «Иегудиил Хламида». В своём очерке «Самара во всех отношениях» Горький давал следующую характеристику городскому обывателю: «Прежде всего в Самаре бросается в глаза общий характер её архитектуры. Тяжёлые, без каких-либо украшений, тупые и как бы чем-то приплюснутые дома заставляют предположить, что и люди, живущие в них, тоже тупы, тяжелы и приплюснуты жизнью. Затем, всматриваясь в прохожих на улице, видишь, что большинство из них представляют собою субъектов, одетых в звериные шкуры, крытые тёмными сукнами, и что они обладают особого устройства носами, сразу останавливающими на себе взгляд внимательного наблюдателя. Нервная и подвижная конструкция этих носов... заставляя пред-

положить, что вы имеете дело с млекопитающими из породы хищников... Особо алчный блеск глаз и острота взгляда поддерживают ваше предположение...»¹³¹. Подобный разбойничий колер горожанина кисти Горького мог проистекать из того, что «качество и стиль повседневной жизни жителя поволжского ... города определялись его зависимостью от природы, городского ландшафта, климата, а шире – экологии, в том числе социальной. В связи с этим повседневность большинства горожан выстраивалась как борьба за выживание, как способ и форма приспособления к окружающей среде...»¹³². А собственно, чем плох породистый нос?

«Старинная топонимика, сохраняющаяся в современной топографии любого города, способствует сохранению и развитию геокультурных мифов»¹³³. Однако с Самарской Лукой в большей степени связаны такие топонимы – термины, топонимы-геонимы, топонимы-метафоры, топонимы-символы, топонимы-прагматонимы¹³⁴, которые не создают эффекта драматизированной мифологии. Лёгкость отношения к жизни поволжского города отображается в метафоричной топонимике его географического окружения: остров Башмак, урочище Балалайка, Верблюд-гора, Весёлая поляна, Золотая Поляна, Сарафанный дол и т. д.¹³⁵.

Большая часть жителей Самары состояла из мещан. Однако мещанская культура как «специфическое явление городской культуры, в которой происходит адаптация культуры элиты для рядового потребителя»¹³⁶, в Самаре второй половины XIX в. была слабо представлена.

По описаниям, в первой половине XIX в., до придания статуса губернского города, Самара «по своему внешнему виду... напоминала... большое село с прямыми, широкими, песчаными улицами, на которых кое-где устроены были узенькие, деревянные тротуары. Окраины города носили деревенский характер: там нередко можно было встретить домики в два окошка, покрытые соломой, а вместо заборов обыкновенные плетни... площади... представляли из себя пустыри, изрытые глубокими ямами, так как обыватели рыли отсюда песок для своих нужд...»¹³⁷. К рубежу же XIX–XX вв. Самара стремительно превратится в «Поволжский Новый Орлеан» с удивительным сочетанием

архитектурных стилей, свойственных модерну, с модными магазинами, ресторанами, освещением, водопроводом, канализацией, трамваем, театром, банками, набережной со спусками, автомобилями и красавицами-горожанками. При этом неизменно будут сохраняться конформизм как главный исповедальный принцип и текст поведения и ощущение фронта, только уже не между империей и «Диким Полем», а между урбанизацией и сельским образом жизни, составлявшим «хребет» губернии.

На рубеже XIX–XX вв. сформировался особый менталитет жителя Самары, соединяющий в себе всё тот же маргинальный «душок», связанный с низким уровнем образования «перекати поле» и уже респектабельным образом жизни купеческих «грюндеров» и городской интеллигенции. Таким образом, феномен Самары заключался не в конфессиональной межкультурной коммуникации, а в повседневном стиле жизни основного городского сословия мещанства и культурно доминирующего купечества, сориентированных на некий сплав восточного торгующего мира (имманентный образ Базара, прикреплённость к дому, церкви, рынку, конформизм), кочующей души (верблюды на улицах, верблюды как символ взаимопроникновения кочевого и осёдлого образа жизни, железнодорожный узел Самаро-Златоустовской ж/д, Волга) и западного эстетизма, проявлявшегося в культуре садов.

На границе нескольких «миров» социальной жизни России, в «узле» торговых путей и дорог, так выразительно и рельефно выделенных средневожской излучиной, образовался городской организм с типично фронтальными характеристиками поведения своих обитателей. Данное явление возможно при сосуществовании, переплетении, взаимодействии, столкновении различных вероисповеданий, культурных традиций и норм, ценностных установок, «глубинных психологических структур восприятия и функционирования картин мира»¹³⁸. Несмотря на ментальный эклектизм фронта, у жителей Самары к началу XX в. оформилось определённое пространственное мышление, связанное, с одной стороны, с идентификацией себя как жителей основного ядра империи, с другой стороны, дистанционно позволяющее себе «фронду» на уровне повседневных текстов поведения.

ЯЗЫК ИСТОЧНИКА И ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

*Я царь – я раб – я червь – я бог!
Но, будучи я столь чудесен,
Отколе произошел? – безвестен;
А сам собой я быть не мог
Г. Державин*

Б. Каменский введение к своей монографии о повседневности русских городских обывателей называет «историческое «сырьё» и его обработка», понимая под «сырьём» исторические источники¹³⁹. Специфика нашего исторического «сырья» определила весь смысл и концепцию исследования: воссоздание новых граней сословной мещанской идентичности через призму их языковой картины мира. Так как в самом исследовании постоянно пересекаются два уровня анализа: макро- и микроуровни, так и при анализе источников мы используем два основных лингвокультурных понятия: языковая картина мира и языковая личность. Концепцию языковой личности в отечественное языкознание ввёл академик В.В. Виноградов. Далее этой проблемой занимался Ю.Н. Караулов¹⁴⁰. Можно выделить три уровня структуры языковой личности: вербально-семантический, лингвокогнитивный и мотивационный. Вербально-семантический уровень подразумевает лексикон личности, понимаемый в широком смысле слова, включающий в себя фонд грамматических знаний личности. В этом отношении нас интересовали те грани мещанских текстов, которые связаны с уровнем грамматических знаний представителей сословия, особенно в так называемый «допечатный период» сословного делопроизводства, который мы ограничили второй половиной XIX в., так как в начале XX в. делопроизводство теряет свой характер интимного эпистолярного пространства между личностью и властью, оформленный в виде «диалога с властью». Обращает на себя внимание практически полное отсутствие знаков препинания в источниках. Если они периодиче-

ски будут встречаться в тексте исследования при цитировании, то у нас есть подозрение, что они порой нечаянно бессознательно введены рукой автора. Заглавными буквами выделялись не только имена собственные, но и все значимые для мещан личности, события, действия. То есть заглавная буква служила для авторов неким вторичным смыслом, накладываемым на аутентичный, для акцентирования переживаний, испытываемых создателем текста. Кроме того, обращает на себя внимание отсутствие окончаний в существительных и прилагательных, оканчивающихся на «й». В текстах везде используются окончания на «ю».

Лингвокогнитивный уровень представляет собой «образ мира» или систему знаний о мире, которой обладает личность. В этом отношении наиболее ярким примером является употребление одним рядовым мещанином города эпохи первой русской революции слова «микадо», из чего становится понятным, что информационные источники, газеты и журналы, доходили до обывателя в таком количестве, что он ввёл в свою обиходную речь титул японского императора.

Мотивационный уровень деятельностно-коммуникативных потребностей отражает прагматикон личности: систему её целей, мотивов, установок и интенций. Этот уровень в наибольшей степени позволяет выявить из источника личность социальную.

При микроанализе исторического явления особую роль начинает играть семантика, пропущенная через призму текстов. Кроме того, в рамках нашего исследования постоянно делается акцент на экспрессивную лексику и другие языковые средства, связанные с эмоционально-оценочными компонентами различных стилей.

Одним из свойств дискурса «является его способность порождать определённые картины мира в сознании коммуникаторов – модели мира, предопределяющие систему ценностных ориентаций субъекта, оказывающих регулирующее воздействие на его поведение»¹⁴¹. Семиотика социального локуса находит отражение в языковой картине мира. Человек, герой, актер, носитель языковой картины мира, языковая личность, создавая текст, отражающий его собственную точку зрения на происходящее вокруг него, тем самым транслирует гносеологическую мо-

дель реальности, сформированную в результате индивидуально-институционального познания мира. Специфика социального локуса самарского мещанства заключалась в сочетании двух основных типов жителей: «старожилов» и мигрантов. Постоянный приток в город мещан из других губерний империи, а также представителей разных социальных групп и национальностей, пополнявших перманентно это сословие, приводил в определённой степени к маргинализации данной страты, размыванию традиционных, аутентичных образов и формированию особой фронтальной ментальности «перекати поле». Поэтому и речевая картина мира самарского мещанства исключительно полифонична, что вызвано смешанным, разнодиалектным составом населения, оторванностью от так называемого территориального «ядра» российской государственности, культурным взаимодействием мигрантов с аборигенами, а также урбанизацией, способствовавшей тесному переплетению деревенского и городского типов мышления и картин мира. В этом отношении историку не под силу проводить когнитивно-дискурсивный анализ речевой картины мира. Но историк может попытаться реконструировать некие общесловные фреймы, связанные с такими концептами, как «власть», «война», «паспорт», «вера», «семья», «дисциплина», «любовь», и на основании их анализа подняться до моделирования государственного дискурса «снизу», в пространстве сословной повседневности.

«Языковая картина мира в когнитивных исследованиях трактуется как воплощение особого ментально-языкового членения действительности, объективированного, прежде всего, в грамматической и лексической системах языка»¹⁴². Реконструкция фрагментов картины мира мещанина провинциальной Самары осуществляется на языковом материале сословного делопроизводства, связанного с местным городским самоуправлением. Мы исходим из того, что речевое поведение, проявляющееся в системе речевого общения, является частью сословного поведения и варьируется в зависимости от социокоммуникативного контекста и типов коммуникантов.

При использовании в историческом исследовании методов лингвистики особо следует остановиться на возможностях заим-

ствования дискурс-анализа как выходящего за границы формальной лингвистики и включающего в сферу своего внимания «экстралингвистические факторы, влияющие на речевую деятельность»¹⁴³. «При дискурс-анализе в центре внимания оказывается язык как средство общения, как способ вербализации намерений, в фокусе внимания – текстовая структура и условия её порождения/существования»¹⁴⁴. Мещанский сословный дискурс в типологии дискурсов, предложенной В.И. Карасиком, может быть отнесён к дихотомии: институциональный/персональный¹⁴⁵. Институциональность мещанского дискурса понимается как «речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом, с людьми, реализующими свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов»¹⁴⁶. В нашей ситуации мещанство города было связано между собой в границах мещанского общества и с институтами власти, такими как городская дума и мещанская управа. Но стиль каждого мещанского обращения во власть настолько самобытен и индивидуален, что мы можем говорить и об «личностно-ориентированном дискурсе бытийного типа»¹⁴⁷.

При анализе мещанского сословного дискурса мы выявляем социокультурные условия его бытования, даём коммуникативные характеристики, анализируем личность адресанта или говорящего.

Что же касается языковой картины мира мещан провинциального города, в рамках данного исследования мы не можем подняться до глобальных обобщений, так как исходим из фрагментарных групп источников, очерченных лишь делопроизводительной документацией. Получается, что в нашем исследовании представлены фрагменты языковой картины мира, связанные с переживанием индивидом в повседневной жизни различных уровней столкновения с властью. Поэтому необходимо дополнять фрагменты языковой картины мира дискурсивной картиной мира, понимаемой как «система смыслов, формируемая в координируемых коммуникативных действиях адресантов и адресатов в соответствии с системой их ценностей и интересов, и включённых в социальные практики»¹⁴⁸. Следует солидаризироваться с мнением Ю.А. Эмер о том, что «значимым являются

не только когнитивные акты – категоризация и моделирование знаний о мире, общие когнитивные модели, объединяющие коммуникантов, но и умение оперировать когнитивными моделями, трансформировать их в зависимости от социокоммуникативных условий»¹⁴⁹.

Занимаясь проблемой сословной идентичности мещанства, мы сталкиваемся с вопросом восприятия людьми этого сословия и их государственным окружением самого названия группы – «мещане». В этой связи, казалось бы, необходимо было обратиться к такому направлению гуманитаристики, как история понятий. Но история понятия «мещанство» в законодательном дискурсе, который является репрезентацией рассуждений власти о сословной парадигме в империи, затрагивается в большинстве энциклопедических статей и вводной части исследований о мещанском сословии. Нормативные источники, к которым следует отнести законодательные памятники, делопроизводственную документацию, словари и энциклопедии, представляют долговечную информацию. И тем не менее мы можем наблюдать, как происходит постепенное «нагружение» понятия новыми слоями значений, легитимными и институциональными¹⁵⁰. В перспективе диахронное сравнение статей в своде законов Российской империи¹⁵¹ и добавлений к ним, а также сравнение словарей, как дореволюционных, так и постреволюционных, обнаружение повторяемости семантики и инновации могут стать интересной исследовательской нишей, однако в границах данной работы, мы сознательно отказываемся от анализа темпоральной нагруженности понятия «мещанство» и сосредотачиваемся на анализе базовых интересов самих акторов мещанского сословия, в чью картину мира не входила рефлексия в отношении внешнего названия их социальной среды. С другой стороны, так как «язык генерирует и конструирует социальный мир», «значения, которые мы придаём словам, не заложены в них изначально, а являются результатом социальных договорённостей»¹⁵², эти значения могут со временем изменяться в процессе использования языка, люди подвергают структуру «испытанию, добавляя альтернативные идеи о том, как фиксировать значения знаков»¹⁵³ и вместе с этими языковыми изменениями меняется и социальная реаль-

ность. Архивные документы свидетельствуют, что употребление термина «мещане» в языковой делопроизводственной практике России сохранялось вплоть до декрета СНК и ВЦИК от 11 (24) ноября 1917 г., отменившего сословия, и даже дольше, в период становления нового советского государства. Слово определяло социальную реальность, которая существует дольше, чем создавший её дискурс. «В кашне, ладонью заслонясь,/Сквозь фортку крикну детворе:/Какое, милые, у нас/Тысячелетье на дворе?» И если «детвора» в ответ прокричит, что они из мещан, это будет показательнее, чем благоразумный идеал добропорядочного закона.

Настоящее исследование основано преимущественно на фондах Центрального государственного архива Самарской области: фонде мещанской управы, городской думы, духовной консистории, Самарского губернского правления, канцелярии самарского гражданского губернатора и Самарской городской управы¹⁵⁴. Несмотря на тот факт, что мещанская управа вводится в качестве сословного органа власти после реформы 1870 г., данный фонд включает в себя дела и предшествующего периода, связанные с компетенцией мещанского старосты и собраниями мещанского общества города, начиная с 1848 г. Весь фонд мещанской управы практически не тронут рукой исследователей, за исключением «одиноких старателей» генеалогических разысканий. Поэтому погружаться в его «чрево» равносильно удовольствию, получаемому от прокладывания новых неизведанных маршрутов. Ошибочно представление о том, что делопроизводство данного сословного учреждения отражает его фискально–контролирующие функции. За традиционной номенклатурой дел скрываются удивительные истории – анекдоты из повседневности мещан-обывателей. Все они так или иначе связаны с такими «болевыми точками» в жизни мещан, как собственность, статус, паспорт, налоги, рекрутство, семья, любовь. Эмоциональный фон данных текстов варьируется от страха до гнева, от любви до ненависти. Маленький человек большой империи, запечатлённый в тот момент, когда он апеллирует к власти или застигнут властью, неизбежно одинок в коллективе. Тема городского одиночества пронизывает даже такие, каза-

лось бы, «ячейки общества», как семья. И в семейном быту горожанин стремительно движется к индивидуализму. Его ещё держат тысячи продуманных государством связей, как сословных, так и семейных. Но и среди них он страшно одинок. Ибо его удел отныне – малая семья, закрытые двери, чужаки на улицах и одинокая старость. Такая участь уготована именно горожанину-мещанину, так как в держащихся за старый быт купеческих старообрядческих семьях нет этой тоски одинокого гражданина общества, там ещё царит общинный дух, да и человек-одиночка не смог бы выжить в столкновении с государством и официальной православной церковью. Таким образом, в случае с мещанским сословием мы столкнулись с феноменом эмоционально-гротескного делопроизводства, которое само определило структуру исследования. Языковая личность провинциального мещанина/мещанки второй половины XIX – начала XX вв., сокрытая за вырванностью из контекста, за невозможностью проследить её жизнь, за ситуативностью её появления в «рубрике» письменной культуры, оказалась настолько выразительна и требовательна, что заставила исследователя XXI века «услышать» её и под её руководством дать названия частям исследования. Таким образом, структура получившейся книги – реакция автора (адресата) на так называемые «сгустки эмоций» мещан-адресантов. Получилось своего рода мещанское аутентичное высказывание при отсутствии так называемого «внешнего наблюдателя»: значительный объём делопроизводственных источников заставил проигнорировать образ мещан в прессе, в художественной литературе, в мемуарно-эпистолярном наследии элитарных групп населения России и в многочисленных институтах власти, связанных с образованием мещан, их медицинским обслуживанием, судебными тяжбами, семейными разделами, беспризорными детьми, этническими группами, конфессиями и т. д.

Нельзя выделить какую-то особую группу источников, проникнутых антропологическими сведениями. Историческая антропология проступает и сквозь цифры тетрадей податного старосты, и сквозь сведения о выданных паспортах, сквозь приговоры мещанского общества города и сквозь полицейские отчёты о преступности в их среде.

Благодаря фонду Самарской городской думы мы смогли в границах данного исследования сформулировать гипотезу о «золотом веке мещанства». Шестая опись данного фонда раскрывает период тесного взаимодействия мещан и купцов третьей гильдии в границах так называемой шестигласной думы, которая предшествовала претворению в жизнь результатов Городового Положения 1870, касающихся всесословной думы. С учреждением этого всесословного органа власти мещанство уходит со сцены городских интеракций, вытесненное новыми «хозяевами» города, которых можно определить как грюндерско–интеллигентские. А.К. Семёнов в своём диссертационном исследовании о самоуправлении русских провинциальных городов подчёркивает не связь, а разрыв мещанства с купечеством: «городские общества империи были искусственно разделены на привилегированную часть – купцов... и всех остальных, вынужденных подчиняться им при исполнении имперских повинностей»¹⁵⁵, саму шестигласную думу оценивает как «функционально пустое место» в «системе губернской иерархии присутствий» «по причине полной либо частичной недееспособности этого института власти»¹⁵⁶. И приходит к выводу о том, что «непоследовательная и противоречивая политика российского самодержавия в отношении городов и городского населения империи в первой половине XIX в. объективно тормозила процессы формирования городских социальных связей и дальнейшего развития буржуазной городской культуры»¹⁵⁷. Документы шестой описи 170 фонда городской думы ГУСО ЦГАСО опровергают данные выводы, свидетельствуя об активном мещанско–купеческом социальном взаимодействии в границах шестигласной думы. С другой стороны, материалы этого же фонда, в котором собрано и делопроизводство всесословной губернской думы, заставляют солидаризироваться с выводом А.К. Семёнова о том, что «носители старых гильдейских традиций купцы – гласные дум... в думских собраниях охотно вступали в коалиции с дворянами и разночинцами, рассматривая их как естественных союзников в блокировании вожделений маргинальных купцов и торгующих мещан»¹⁵⁸.

И в фонде мещанской управы, и в фонде городской думы наиболее ценными источниками оказались те, которые связаны

с разного рода конфликтами, происходившими во внутрисословной среде и в окружающем её городском пространстве. Как справедливо замечал А.Б. Каменский, «именно конфликтные отношения, т.е. столкновение интересов, оказываются... наиболее информативными»¹⁵⁹.

И, наконец, хотелось бы принципиально возразить мнению, высказанному А.С. Лавровым о том, что «микроисследования одного или двух дел могут быть оправданы только в двух случаях – если эти дела единственны в своём роде или если типичность (или, наоборот, нетипичность) этих дел установлена. В противоположном случае дело просто невозможно прокомментировать, а все оценки носят вкусовой характер»¹⁶⁰. Защитить эти не вписывающиеся в «знак» или «казус» дела возможно при использовании методов лингвокультурного анализа, нацеленных на реконструкцию языковой картины мира или языковой личности, через призму которых возможно восстановить некоторые утраченные грани сословной идентичности мешчан.

То, что уже пережили историки старшего поколения зарубежной историографии в 1960–1970-е гг. в связи с «постмодернистским вызовом», сейчас переживают историки старшего поколения в отечественной исторической науке: «крушение привычного мира, устоявшихся корпоративных норм»¹⁶¹, смену парадигм, сомнения в самом понятии исторической реальности, в вере в возможность исторического познания. Но в нашем случае дискуссии как таковой нет. Историки старшего поколения даже не сомневаются в неизбежности традиционной методологической парадигмы и, следуя древнейшей бинарной оппозиции «свой-чужой», силой большинства изгоняют «чужаков» и «маргиналов». Остаётся только пытаться объяснить, что речь идёт не об истинности и ложности способов исторического познания, а о другой исследовательской «оптике». Занимаясь таким сложным явлением, как сословная идентичность в России, важным становится то, что многими воспринимается как казуистика: оговорки, суффиксы, интонирование, пунктуация, обращения – то есть язык источника, рассматриваемый не только «как средство отражения и коммуникации», но и как «главный смыслообразующий фактор, детерминирующий мышление и поведение»¹⁶². Чтобы увидеть, «как человек пози-

ционирует себя в социальном или групповом контексте»¹⁶³, необходимо «пристальнее вчитываться в тексты, использовать новые средства для того, чтобы раскрыть то, что скрывается за прямыми высказываниями, и расшифровать смысл на первый взгляд едва различимых изменений в языке источника, анализировать правила и способы прочтения исторического текста той аудиторией, которой он предназначался»¹⁶⁴. В такой интерпретации традиционные постулаты классовой теории превращаются в репрезентации идентичности, репрезентативные стратегии, позволяющие проследить процесс превращения субъективных представлений и интенций индивидов в культурную практику коллективной структуры, навязанной и объективированной властью.

«ЧТО В ИМЕНИ ТЕБЕ МОЁМ...»: ВЛАСТЬ, МЕЩАНСТВО И СОСЛОВНАЯ ОНОМАСТИКА

– Папаша, – сказал он, – позволь познакомить тебя с моим добрым приятелем, Базаровым, о котором я тебе так часто писал...

– Душевно рад, – начал он, – и благодарен за доброе намерение посетить нас;... позвольте узнать ваше имя и отчество?

– **Евгений Васильев**, – отвечал Базаров ленивым, но мужественным голосом ...

– Надеюсь, любезнейший **Евгений Васильич**, что вы не соскучитесь у нас...

И. С. Тургенев

о 1917 г. юридически определённое в Российской империи мещанское сословие, обладало и своей групповой идентичностью, сконструированной как властью, так и воспитанной культурой окружающей среды. Применительно к мещанскому сословию, не оставившему аутентичной художественной рефлексии, связанной с самоидентификацией, поиск её проявлений вынужден опираться на бюрократические бумаги: «хотя у человека только одно

реальное «Я», его может сопровождать по жизни бесконечная толпа документальных «Я», каждое из которых представляет какой-то аспект его личности, определённый соответствующим делопроизводителем»¹⁶⁵. «Документальное Я» мещанина принципиально отличается от «документального Я» советского человека, на основании которого Ш. Фицпатрик восстанавливает советскую идентичность. «Составление досье с первых лет было главным проектом Советского государства... Советские «документальные Я» обитали в личных делах, которые заводились на всех наёмных работников, членов профсоюзов, партии и комсомола; в анкетах, содержавших ключевой классификационный вопрос о «социальном положении»...» и т. д..¹⁶⁶ Применительно к мещанству «делопроизводственное Я» удаётся обнаружить лишь в многочисленных обращениях «во власть» представителей сословия по вопросам, касающимся паспорта, рекрутства, хозяйства, семейного быта, налогов, повинностей, веры, изменения статуса при пересечении сословных «границ». Э.К. Виртшафтер, анализируя самоопределение и идентичность разночинцев, считает, что «правовое самоопределение возникло тогда, когда люди старались изменить свою формальную идентичность или получить официальное признание непризнанного положения, когда административные ведомства конкурировали между собой в вопросах принадлежности налогоплательщиков, специалистов и исполнителей, и когда общины, землевладельцы и административные учреждения сталкивались с частными прошениями по поводу перемены положения»¹⁶⁷. Однако, в случае с мещанством мы оказываемся лишёнными и такой плоскости анализа, как изучение расхождения между «содержанием идеальных социальных типов и идентичностей, как они выражались властями, интеллектуалами и группами в обществе» и «конкретной жизнью людей и реальными судьбами групп»¹⁶⁸. Если для разночинцев, представлявших собой более образованную и более тонко чувствующую своё место в социальной иерархии группу, рассматриваемый феномен возможно выстроить на предложенных Э. Виртшафтер основаниях, то применительно к провинциальному мещанству, в массе своей не выражавшему социальные требования и социально

не уклонявшемуся от управляемой формальной идентичности, приходится обращать внимание и на такие, казалось бы, незначительные детали, как отсутствие суффикса «вич» в делопроизводственной сословной записи мещанских отчеств вплоть до 1917 года (фонд мещанской управы). Социологи выделяют два типа идентификации: социальная идентификация и самоидентификация. Социальная идентификация позволяет рассматривать человека как члена определённой группы¹⁶⁹. Наличие или отсутствие «вич» в отчествах тех или иных социальных групп в дореволюционной России позволяло сравнивать индивидуумов согласно определённым критериям. «Самоидентификация осуществляется в рамках процесса развития личности, в ходе которого мы учимся воспринимать себя и окружающий нас мир»¹⁷⁰. Мещанство в России во второй половине XIX – начале XX вв. находилось на этапе перехода от традиционных общественных форм, когда «индивидуальность человека формировалась под воздействием широкой... социальной группы»¹⁷¹, к современным, связанным с ослаблением влияния общепринятых правил и традиций, передающихся из поколения в поколение в результате урбанизации и постепенного отмирания сословных признаков. Таким образом возникает вопрос, было ли сформировано данной социальной группой определённое отношение к специфической патронимической записи в делопроизводстве. В архивах не удалось обнаружить явно выраженной реакции мещанства на данный аспект социальной реальности. Поэтому мы будем исходить из того, что для идентификации мещан в российском обществе определённая форма написания отчества была также формой общей «игры» власти по «распределению индивидов в пространстве»¹⁷² империи. Основываясь на весьма лапидарных высказываниях историков в отношении обнаружения взаимосвязи между личностью и общепринятыми формами сословной антропонимики, попытаемся предположить, что мещанин, вырвавшийся из своей социальности через службу, образование или общественную деятельность и получавший «вич» в отчество, приобретал новую квазисущность вместе с этой, казалось бы, пустяковой в историческом аспекте деталью.

Лингвисты, занимающиеся отечественной ономастикой, отмечали, что «вопросы именованя человека в России в национальный период её развития переросли официально-канцелярские рамки и приобрели идейно-политический характер, о чём свидетельствует борьба русских революционных демократов и прогрессивной общественности против антропонимического неравенства, являвшегося продолжением и отражением неравенства социального»¹⁷³. Нельзя сказать, чтобы этой проблеме были посвящены специальные исследования, но стоит отметить рефреном присутствующую в различных учебных пособиях по ономастике мысль о том, что «в одно и то же время у разных социальных групп внутри одного и того же народа могут существовать разные антропонимические системы... и даже в официальных документах конца XIX – начала XX в., в эпоху значительной нивелировки антропонимики «господа» именовались с «вичем», а «народ» – без него: офицер или чиновник – Пётр Васильевич, а мещанин или крестьянин – Пётр Васильев»¹⁷⁴.

Именоване человека по именам его предков по мужской линии называется патронимическим. «У греков ещё в конце старой эры сложилась система, предусматривающая имя и отчество»¹⁷⁵. С XIII в. лица высших слоёв общества у русских звались по имени и отчеству. В ранние периоды истории российского государства суффикс -ич имел значение не отчества, а «невзросло-сти»¹⁷⁶. В переписях населения чаще фигурировало не отчество на -вич/-ович, «а чисто патронимическая форма, основным значением которой было указание на имя отца: Иван Петров Сорокин. Такая запись в официальных бумагах отнюдь не означает, что человека так звали в быту или что ему запрещалось зваться по отчеству»¹⁷⁷. М. Горбаневский в своём исследовании «Иван да Марья» подчёркивает именно социальную обусловленность суффикса -вич в отчествах русских людей, отмечая, что «в сословном обществе в употреблении отчеств произошло исторически объяснимое разделение как бы на несколько разрядов. Простые люди вообще не имели отчества. Просто знатные люди получали «полуотчество» (имя по отцу, не оканчивающееся на суффикс -ич)... Что касается отчества, оканчивающегося на суффикс -ич, то оно весьма быстро стало противопоставляться другим именованям

по отцу. Это отчество стало как бы знаком того, что человек, его носящий, принадлежит к сословной, аристократической верхушке общества»¹⁷⁸. В доказательство автор ссылается на «Тысячную книгу 1550 года», в которой царь и бояре княжеского происхождения написаны с суффиксом –ич в отчестве, остальные тысячники – с полуотчеством¹⁷⁹. Социальную обусловленность суффикса –ич в отчестве подтверждает и «Словарь русского языка XI–XVII вв.», указывающий, что -вич – старинный русский суффикс отчества мужских имён для привилегированных лиц и сословий¹⁸⁰. Кроме того, М. Горбаневский приводит в качестве доказательства документ XVII в., в котором упоминается о стрелцком голове Любиме Осипове сыне Омешеве из города Ливны, в отношении которого автор официального письма спрашивает: «Не с вичем ли к нему пишут?», «и тут же строго указывает, подчёркивая, что этот человек не заслуживает такой высокой чести: «Писать без вича!»¹⁸¹. Немец-опричник Ивана IV писал в своих воспоминаниях о пожаловании ему -вича: «Частица «вич» означает благородный титул. С этих пор я был уравнен с князьями и боярами. Иначе говоря, этими словами великий князь дал мне понять, что это – рыцарство»¹⁸². О значении написания отчества с -вич писал Н. М. Карамзин в сюжете о Строгановых¹⁸³, А. К. Толстой в «Князе Серебряном»¹⁸⁴ и «Петре I» (разговор Петра с купцом Иваном Жигулиным из г. Архангельска)¹⁸⁵. В годы правления Екатерины II употребление разных форм отчества было законодательно оформлено в «чиновной росписи»: особ первых пяти классов следовало писать с отчеством на -вич. «Лиц, занимающих должности с шестого класса до восьмого включительно, предписывалось именовать полуотчеством, а всех остальных – только по именам»¹⁸⁶. Эти так называемые полуотчества в XIX в. употреблялись лишь в канцелярской речи и в документах. Данную особенность русской ономастики отмечает и В. Д. Бондалетов, применительно к XIX в. заметив: «Иван Петров – это совсем не то, что Иван Петрович или только Петрович»¹⁸⁷. В повседневной жизни у всех сословий использовались отчества на -вич¹⁸⁸. «Не случайно герой повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» молодой дворянин Гринёв зовёт старого преданного слугу не по имени, а по отчеству – Савельич»¹⁸⁹. В целом, на протяже-

нии всего XIX века «наблюдалось постоянное смешение и взаимодействие отчеств разных форм, с разными суффиксами»¹⁹⁰.

Что касается историков, то связь ономастики с социальным статусом затрагивает Л.В. Кошман, отмечая, что «написание отчества с окончанием на -вич всегда составляло в России принадлежность княжеского достоинства, в XIX в. оно распространилось на всё дворянство. В последние десятилетия новое написание отчества начинает входить в употребление у мещан, но ещё редко. Как правило, эта новация появляется в среде образованных людей этого сословия... Чаше всего современное написание отчества встречается в документах, написанных чиновниками, в приглашениях на собрания членам Мещанского общества. В бумагах, исходящих от самих мещан, старое написание сохранялось»¹⁹¹. Что касается фамилий, то по мнению Л.В. Кошман, они появляются у мещан в пореформенное время, «иными словами, фамилия как фактор самоидентификации личности у мещан становилась родовой и передавалась (переменялась) следующим поколениям»¹⁹². На основании определения Правительствующего сената 1888 г. лицам податного состояния, достигшим совершеннолетия, разрешалось избрать фамилию, которая после утверждения Казённой палатой указывалась в паспорте¹⁹³.

Б.Н. Миронов уделяет внимание проблеме мещанского имени (не отчества) в контексте более общего вопроса о соотношении «общества» и «общности» в российской империи. Он пишет, что «в начале XX в., как и в XVII в., все крестьяне обращались друг к другу на «ты» и по прозвищам, соответственно общность у них являлась преобладающей формой организации. Такая же форма общения преобладала среди мещан и крестьян отходников в городе. «Тогда фамилии не употреблялись среди своих, а больше по прозвищам да по приметам, – отметил известный московский журналист конца XIX – начала XX в. В.А. Гиляровский. – Клички давались по характеру, по фигуре, по привычкам. И что ни кличка – то сразу весь человек в ней...» Купцы в случае подобного обращения были в обиде за фамильярность уже в середине XIX в.; соответственно мещанское общество изживало черты общности в начале XX в... Для любого дворянина обращение

на «ты» и по прозвищу уже в конце XVIII в. стало оскорблением... Соответственно дворянин был членом дворянского общества – организации, весьма далёкой от общности»¹⁹⁴.

Получается, что вместе с эмансипацией того или иного сословия в России форма обращения становилась предметом весьма тонкой рефлексии, связанной с чувством собственного достоинства. 23-летний Пушкин «даёт в письме младшему брату Льву следующее наставление: «Будь холоден со всеми, фамильярность всегда вредит; особенно же остерегайся её в обращении с начальниками, как бы они ни были любезны с тобой...»¹⁹⁵. По словам Ф. Булгарина, в эпоху Александра I «наступил перелом в нравах административных и частных, и мало-помалу начала исчезать грубость, неприступность и самоуправство»¹⁹⁶. И, как отмечает Е. Лаврентьева, «начальники были вынуждены говорить своим подчинённым вместо привычного ты – вы»¹⁹⁷. О неприятном впечатлении, произведённом на поэта Дельвига обращением к нему на «ты» Бенкендорфа писал в воспоминаниях А.И. Дельвиг¹⁹⁸. «Начальники, которые живо помнили век Екатерины, по привычке говорили своим подчинённым «ты»¹⁹⁹.

Вместе со складыванием в конце XVIII – XX вв. в России трёхчленной структуры именованья и стабилизации словообразовательных средств отчеств (суффиксы -ов (-ев), -ин, -ич)²⁰⁰, делопроизводственная сословная документация продолжала стойко и упрямо держаться за традицию, именуя мещан неполным отчеством, тем самым подчёркивая место сословия в социальной иерархии. Оскорбляло ли это мещанство, так как оскорбляло мещан-старообрядцев Самары написание мещанской управой в документах после 1906 г. слова «раскольник» (они даже обращались с жалобами на управу в вышестоящие инстанции)? Не имея ответа на этот вопрос из мещанского делопроизводства Самары, можно предположить, что «несмотря на то, что стратификация несёт на себе печать потребности общества, а не группы или индивида, она всё же не исключает и индивидуально-психологических признаков»²⁰¹. Включаясь в разнообразные сети человеческих взаимодействий, мещанин нарушал институализированное сословное поведение. И именно индивидуальный, неинституциональный смысл новых форм жизни мещанства на пути

трансформации сословия в различные городские субкультуры приходил в противоречие с полуотчеством, пригвождавшим его к привычной социальной стратификации, исходящей от власти и закреплённой в законодательстве.

ЭПИЛОГ ВВЕДЕНИЯ

На торжественном открытии Второй международной конференции «Стены и мосты» II: Междисциплинарные и полидисциплинарные исследования в истории» декан факультета истории, политологии и права РГГУ А.П. Логунов со ссылкой на М. Эме заметил: «Когда я научился проходить сквозь стену, я понял, что нет стен, через которые стоит проходить...». Однако его собственный вывод был о том, что через «стены», созданные узостью взглядов, узкой предметностью, интеллектуальной идентификацией, стоит проходить. И для этого нужно строить «мосты», такие как в русских сказках, из материала, из которого, казалось бы, невозможно построить в реальной жизни, эти «мосты» – междисциплинарность, межпредметность. Общий же вывод конференции сводился к тому, что дисциплины остаются устойчивыми, «революций» не происходит. Происходит лишь обмен теориями и методами, меняется фокус видения. Г. Г. Ершова, обращаясь к примерам «диких детей», задаётся вопросом о том, что случилось с их мозгом, что навсегда вывело за рамки социального пространства?²⁰² И для ответа на этот вопрос обращается к выявлению закономерностей во взаимоотношениях биологического и социального, приходя к формулированию закона самоорганизации антропосистемы. Мы же в границах данной книги не поднимаемся до системных обобщений, но с благодарностью используем весь междисциплинарный опыт коллег и соратников по познанию мира и человека.

- * Ершова Г. Г. Асимметрия зеркального мира: в развитие прогр. В. П. Алексеева. М., 2003. С. 17.
- * Вследствие неустойчивости понятийного аппарата сознательно игнорирую современную дискуссию о структуре исторического знания при использовании понятия «смежные исторические науки».
- ³ Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России XIX столетия. Социальные и культурные аспекты. М., 2008. С. 179.
- ⁴ Там же. С. 182.
- ⁵ Рындзюнский П. Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века. М., 1983. С. 6.
- ⁶ Там же. С. 237.
- ⁷ Виртшафтер Э. К. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. М., 2002. С. 213.
- ⁸ Аккуратов Б. С. Феномен мещанства в российской общественно-политической мысли и политической теории: дис... канд. ист. наук. Казань, 2002. С. 5.
- ⁹ Там же. С. 40.
- ¹⁰ Помяловский Н. Г. Мещанское счастье: очерки бурсы. М., 1981. С. 5.
- ¹¹ Виртшафтер Э. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. М., 2002.
- ¹² Федосюк Ю. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. М., 2010. С. 166.
- ¹³ Чернышевский Н. Г. Что делать? Петрозаводск, 1961. С. 57.
- ¹⁴ Салтыков-Щедрин М. Е. Пошехонская старина. М., 1980.
- ¹⁵ Островский А. Н. Гроза//Фонвизин Д. Н., Грибоедов А. С., Островский А. Н. Избранные сочинения. М., 1989. С. 240.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Чехов А. П. Степь//Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Т. 7. М., 1985.
- ¹⁸ Гончаров И. А. Обломов//Избранные сочинения. М., 1990. С. 37.
- ¹⁹ Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 2009. С. 271.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. С. 27.
- ²² Там же. С. 82.
- ²³ Там же. С. 77.
- ²⁴ Там же. С. 300.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Бурдые П. Начала. М., 1994. С. 136–137.
- ²⁷ Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. С. 307–308.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история: в 2 т. Т. 2: Образы прошлого. СПб., 2006. С. 651.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. С. 654–655.

- ³² Там же. С. 659–665.
- ³³ Там же. С. 660.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же. С. 661.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. С. 662–664.
- ³⁸ Там же. С. 663.
- ³⁹ Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004. С. 293–319.
- ⁴⁰ Там же. С. 294.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же. С. 295.
- ⁴⁴ Там же. С. 296.
- ⁴⁵ Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей: ист. анекдоты из провинц. жизни XVIII века. М., 2007.
- ⁴⁶ Рикёр П. Память, история, забвение. С. 299.
- ⁴⁷ Дэвис Н. З. Дамы на обочине: три жен. портр. XVII в. М., 1999. С. 237.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. С. 77.
- ⁵⁰ Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом.: теория и история. С. 664–665.
- ⁵¹ Там же. С. 665.
- ⁵² Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей.: ист. анекдоты из провинц. жизни XVIII века. С. 11.
- ⁵³ Там же. С. 11–12.
- ⁵⁴ Рикёр П. Память, история, забвение. С. 302.
- ⁵⁵ Бурдьё П. Социология социального пространства. М.; СПб., 2005. С. 18.
- ⁵⁶ Там же. С. 16.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Гидденс Э. Социология. М., 2005. С. 31.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука: в 2 кн. Кн. 2. М., 1989. С. 131.
- ⁶³ Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитар. наук. СПб., 1994.
- ⁶⁴ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.
- ⁶⁵ Там же. С. 39–40.
- ⁶⁶ Там же. С. 41–42.
- ⁶⁷ Копосов Н. Е. Хватит убивать кошек!: критика социал. наук. М., 2005. С. 142.
- ⁶⁸ Там же. С. 5.

⁶⁹ Гиляровский В. А. Человек и собака//Гиляровский В. Избранное: в 2 т. Т. 1: Трущобные люди; Мои скитания; Люди театра. Куйбышев, 1965. С. 15.

⁷⁰ Там же. С. 118.

⁷¹ Екклесиаст; Черное Солнце Когелет. М., 1996. С. 13.

⁷² Пушкарёва Н. Л. «История повседневности» как направление исторических исследований// URL: http://www.perspektivy.info/history/istorija_povsednevnosti_kak_napravlenije_istoricheskijh_issledovanij_2010-03-16.htm.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Кром М. М. Повседневность как предмет исторического исследования//История повседневности: сб. науч. работ. СПб., 2003.

⁷⁵ История и антропология: междисциплинарные исследования на рубеже XX–XXI веков. СПб., 2006. С. 30.

⁷⁶ Кошелева О. Е. Люди Санкт-Петербургского острова петровского времени. М., 2004; Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей: ист. анекдоты из провинц. жизни XVIII века. М., 2007; Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб., 1999.

⁷⁷ Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей: ист. анекдоты из провинц. жизни XVIII века. С. 12.

⁷⁸ Захарова В. В. Мещанское сословие пореформенной России: дис... канд. ист. наук. М., 1998; Меженина О. В. Мещанство юга Западной Сибири в дореформенный период: последняя четверть XVIII – начало 60-х гг. XIX в.: дис... канд. ист. наук. Барнаул, 2005; Кострикина О. А. Мещанство уездных городов Ярославской губернии в конце XVIII – первой половине XIX вв.: дис... канд. ист. наук. Ярославль, 2003; Долгопятов А. В. Мещанское сословие городов Московской губернии: эволюция в пореформенный период: дис... канд. ист. наук. М., 2010; Чутчев В. С. Мещанское сословие Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: дис... канд. ист. наук. Барнаул, 2004; Смирнов И. Н. Мещанское сословие Области войска Донского в конце XIX – начале XX в.: дис... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2007; Одинцова Л. А. Эволюция мещанского сословия в системе социально-экономических отношений Нижнего Поволжья во второй половине XIX – начале XX вв.: дис... канд. ист. наук. Астрахань, 2011; Платонова А. А. Московское мещанство в первой половине XIX в.: брачный круг и брачный выбор.: дис... канд. ист. наук. М., 2013; Лебеденко Е. Ю. Мещанство Пермской губернии в конце XVIII – XIX века.: дис... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2011; Останина Л. В. Мещанство Западной Сибири в конце XVIII – 60-х гг. XIX в.: дис... канд. ист. наук. М., 1996; Каплуновский А. П. Русская мещанская община в городах Казанского Поволжья. 1870–1918 гг.: этно-ист. исслед.: дис... канд. ист. наук. М., 1998.

⁷⁹ Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. С. 243.

⁸⁰ Бирюкова А. Б. Социокультурное пространство поволжских городов первой половины XIX века: дис... канд. ист. наук. Самара, 2006; Рогач Ю. А. Социокультурное пространство городов Самаро-Саратовского Поволжья в конце XIX – начале XX вв.: дис... канд. ист. наук. Самара, 2006; Климочкина А. Ю. Повседневная жизнь российского провинциального города 1930-х гг.: на материалах Сред. Поволжья): дис... канд. ист. наук. Самара, 2007.

⁸¹ Климочкина А. Ю. Повседневная жизнь российского провинциального города 1930-х гг.: на материалах Сред. Поволжья: автореф. дис... канд. ист. наук. Самара, 2007. С. 3.

⁸² Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. С. 29.

⁸³ Людтке А. Что такое история повседневности? Её достижения и перспективы в Германии // Социальная история: ежегодник: 1998/99. М., 1999. С. 77.

⁸⁴ Пушкарёва Н. Л. «История повседневности» как направление исторических исследований.

⁸⁵ Казаков Р. Б., Маловичко С. И., Румянцева М. Ф. Историческая география в пространстве современного гуманитарного знания: от вспомогательной дисциплины к методу гуманитарного познания // Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве. М., 2011. С. 38.

⁸⁶ Соловьёва С. В. На стороне власти: очерки об экзистенциальном смысле власти. Самара, 2009. С. 3–4.

⁸⁷ Там же. С. 4.

⁸⁸ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. С. 199.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же. С. 200.

⁹¹ Там же. С. 206.

⁹² Там же.

⁹³ Там же. С. 208.

⁹⁴ Там же. С. 212–213.

⁹⁵ Там же. С. 212.

⁹⁶ Там же. С. 262.

⁹⁷ Там же. С. 269.

⁹⁸ Свод Законов Российской Империи. Т. 9. СПб., 1899. Ст. 580.

⁹⁹ Полное собрание законов Российской Империи. Т. 20, отд. 1, № 18839. СПб., 1880. Ст. II.

¹⁰⁰ Замятин Д. Н. Культура и пространство: моделирование геогр. образов. М., 2006. С. 100.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по ист. поэтике. М., 1975.

¹⁰³ Социальное дисциплинирование: концепты исследований раннего Нового времени // URL: <http://www.dhi-moskau.org/stranicu/issledovanie/projekt2.html>.

- ¹⁰⁴ Бурдые П. Социология социального пространства; Лавринович М. Социальный капитал vs социальное дисциплинирование: Шереметев. Странноприим. дом и его обитатели в 1810–1811 гг. //URL: http://www.perspectivia.net/content/publikationen/vortraege-moskau/Lavrinovic_Seremetev-Armenhaus.
- ¹⁰⁵ Там же.
- ¹⁰⁶ Йоост ванн Баак. Дом и мир//Антропология культуры. Вып. 3. М., 2005. С. 55–56.
- ¹⁰⁷ Цит. по: Йоост ванн Баак. Дом и мир. С. 57.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 56.
- ¹⁰⁹ Стюарт К. Позорная шуба, или непреднамеренные эффекты социального дисциплинирования//История и антропология: междисциплинарное исследование на рубеже XX–XXI веков. СПб., 2006. С. 257.
- ¹¹⁰ Успенский Б.Д. История и семиотика//Этюды о русской истории. СПб., 2002. С. 41.
- ¹¹¹ Адрес-календарь Самарской губернии на 1904 г. Самара, 1904. С. 7.
- ¹¹² Айрапетян В. Толкуя слово: из доп. 2002–2004//Антропология культуры. Вып. 3. М., 2005. С. 22.
- ¹¹³ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. С. 326.
- ¹¹⁴ Там же.
- ¹¹⁵ Там же. С. 332.
- ¹¹⁶ Там же.
- ¹¹⁷ Там же. С. 337.
- ¹¹⁸ Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX вв.). Самара, 2007. С. 5.
- ¹¹⁹ Там же. С. 5–6.
- ¹²⁰ Замятин Д.Н. Культура и пространство: моделирование геогр. образов. С. 16.
- ¹²¹ Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период. Саратов, 2010. С. 169.
- ¹²² Там же. С. 189.
- ¹²³ Пиксанов Н.К. Областные культурные гнезда. М.; Л., 1928. С. 30, 62.
- ¹²⁴ Замятин Д.Н. Культура и пространство: моделирование геогр. образов. С. 42.
- ¹²⁵ История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней, вторая половина XIX – начало XX в. М., 2000. С. 60.
- ¹²⁶ Бажанов Е.А. Вольный город пионеров Дикого поля. Самара, 1995.
- ¹²⁷ Замятин Д.Н. Культура и пространство: моделирование геогр. образов. С. 113.
- ¹²⁸ История красоты. М., 2007. С. 362–363.
- ¹²⁹ Матвеев П.А. Очерки народного юридического быта Самарской губернии. СПб., 1877//Классика самарского краеведения. Самара, 2002. С. 96.
- ¹³⁰ Замятин Д.Н. Культура и пространство: моделирование геогр. образов. С. 153.

¹³¹ Горький М. Самара во всех отношениях//URL: <http://www.bookmate.com/r#d=GlEMyPLK>.

¹³² Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период. Саратов, 2010. С. 215.

¹³³ Там же. С. 222.

¹³⁴ Барашков В.Ф., Дубман Э.Л., Смирнов Ю.Н. Топонимика Самарской Луки. Самара, 1996. С. 100.

¹³⁵ Там же. С. 104.

¹³⁶ Очерки русской культуры XIX века: в 2 т.Т. 1: Общественно-культурная среда. М., 1998. С. 110.

¹³⁷ Архангельский Н.А.Г. Самара: ист. очерк//Классика самарского краеведения. Самара, 2002. С. 229.

¹³⁸ Замятин Д.Н. Культура и пространство: моделирование геогр. образов. С. 62.

¹³⁹ Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей: ист. анекдоты из провинц. жизни XVIII века. С. 27.

¹⁴⁰ Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

¹⁴¹ Картины русского мира: современный медиадискурс. Томск, 2011. С. 5.

¹⁴² Эмер Ю.А. Современный песенный фольклор: когниции и дискурсы. Томск, 2011. С. 18.

¹⁴³ Там же. С. 22.

¹⁴⁴ Там же. С. 23.

¹⁴⁵ Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.

¹⁴⁶ Там же. С. 193.

¹⁴⁷ Эмер Ю.А. Современный песенный фольклор: когниции и дискурсы. С. 26.

¹⁴⁸ Резанова Э.И. Дискурсивные картины мира//Картины русского мира: современный медиадискурс. Томск, 2011. С. 42.

¹⁴⁹ Эмер Ю.А. Современный песенный фольклор: когниции и дискурсы. С. 52.

¹⁵⁰ Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий//История понятий, история дискурса, история метафор: сб. ст. М., 2010. С. 32.

¹⁵¹ До 1917 года, когда сословная структура общества была упразднена.

¹⁵² Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий... С. 31.

¹⁵³ Там же. С. 34.

¹⁵⁴ ГУСО ЦГАСО. Ф. 170: Городская Дума; Ф. 217: Мещанская управа; Ф. 132: Духовная консистория; Ф. 3: Канцелярия самарского гражданского губернатора; Ф. 153: Самарская городская управа.

¹⁵⁵ Семёнов А.К. Самоуправление русских провинциальных городов в конце XVIII – начале XX вв.: дис. ... д-ра ист. наук. Воронеж, 2006. С. 120.

¹⁵⁶ Там же. С. 180.

- ¹⁵⁷ Там же. С. 530.
- ¹⁵⁸ Там же. С. 532.
- ¹⁵⁹ Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей. С. 36.
- ¹⁶⁰ Там же. С. 47.
- ¹⁶¹ Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. С. 244.
- ¹⁶² Там же.
- ¹⁶³ Фицпатрик Ш. Срывайте маски!: идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011. С. 19.
- ¹⁶⁴ Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. С. 242.
- ¹⁶⁵ Фицпатрик Ш. Срывайте маски!: идентичность и самозванство в России XX века. С. 24.
- ¹⁶⁶ Там же. С. 25.
- ¹⁶⁷ Виртшафтер Э. К. Социальные структуры: различия в Российской империи. М., 2002. С. 170.
- ¹⁶⁸ Там же. С. 171.
- ¹⁶⁹ Гидденс Э. Социология. М., 2005. С. 39.
- ¹⁷⁰ Там же. С. 40.
- ¹⁷¹ Там же.
- ¹⁷² Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. С. 206.
- ¹⁷³ Бондалетов В. Д. Русская ономастика. М., 1983. С. 126.
- ¹⁷⁴ Леонтьева Г. А., Шорин П. А., Кобрин В. Б. Ключи к тайнам Клио: Палеография. Метрология. Хронология. Геральдика. Нумизматика. Ономастика. Генеалогия. М., 1994. С. 245.
- ¹⁷⁵ Суперанская А. В. Имя – через века и страны. М., 1990. С. 83.
- ¹⁷⁶ Горбаневский М. Иван да Марья: рассказы о рус. именах, отчествах, фамилиях, прозвищах, псевдонимах: кн. для чтения с коммент. и рус.-нем. словарём. М., 1988. С. 46.
- ¹⁷⁷ Суперанская А. В. Имя – через века и страны. С. 87.
- ¹⁷⁸ Горбаневский М. Иван да Марья... С. 48.
- ¹⁷⁹ Там же.
- ¹⁸⁰ Там же. С. 49.
- ¹⁸¹ Там же.
- ¹⁸² Там же.
- ¹⁸³ Там же. С. 50.
- ¹⁸⁴ Толстой А. К. Князь Серебряный: повесть времен Иоанна Грозного. М., 1981.
- ¹⁸⁵ Толстой А. Н. Пётр Первый. Куйбышев, 1977.
- ¹⁸⁶ Горбаневский М. Иван да Марья. С. 52.
- ¹⁸⁷ Бондалетов В. Д. Русская ономастика. С. 125.
- ¹⁸⁸ Горбаневский М. Иван да Марья... С. 52.
- ¹⁸⁹ Пушкин А. С. Капитанская дочка//Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 6: 1977–1979. Л., 1978.

- ¹⁹⁰ Горбаневский М. Иван да Марья... С. 54.
- ¹⁹¹ Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: социал. и культ. аспекты. М., 2008. С. 282–283.
- ¹⁹² Там же. С. 283–284.
- ¹⁹³ Там же.
- ¹⁹⁴ Суперанская А. В. Имя – через века и страны. С. 523.
- ¹⁹⁵ Лаврентьева Е. Светский этикет пушкинской поры. М., 1999. С. 28.
- ¹⁹⁶ Там же. С. 28–29.
- ¹⁹⁷ Там же. С. 29.
- ¹⁹⁸ Там же.
- ¹⁹⁹ Там же.
- ²⁰⁰ Бондалетов В. Д. Русская ономастика. С. 124–125.
- ²⁰¹ Хренов Н. А. Художественная жизнь императорской России (субкультуры, картины мира, ментальность). СПб., 2001. С. 67.
- ²⁰² Ершова Г. Г. Асимметрия зеркального мира. С. 18.

Раздел I
МЕЩАНИН И ГОРОД

ГЛАВА 1. «ДИАЛОГИ» МЕЩАНСТВА С ВЛАСТЬЮ В ГРАНИЦАХ «ГОРОДСКОГО ГРАЖДАНСТВА» (ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ). «ЗОЛОТОЙ ВЕК» МЕЩАНСКОГО СОСЛОВИЯ (ГИПОТЕЗА)

*Одна забота наяву
В его усердьи молчаливом
Чтобы я выглядел счастливым
В том пиджаке. Пока живу
Б. Окуджава*

античном мире складывается мифологическое представление о «золотом веке» как о счастливом и беззаботном состоянии первобытного человечества. Наиболее отчетливо это понятие выражено в поэме Гесиода «Труды и дни» и в «Метаморфозах» Овидия. По Гесиоду, первое поколение людей в правление верховного бога Кроноса наслаждалось полным блаженством: «Жили те люди, как боги, с спокойной и ясной душой, горя не зная, не зная трудов... А умирали как будто объятые сном...»¹. У Овидия читаем: «Первым посеян был век золотой, не знавший возмездья, сам соблюдавший всегда, без законов, и правду и верность... Сладкий вкушали покой безопасно живущие люди...»². Статья о золотом веке в энциклопедическом издании «Мифы народов мира» заканчивается цитатой В. И. Ленина о том, что «никакого золотого века позади нас не было, и первобытный человек был совершенно подавлен трудностью существования, трудностью борьбы с природой»³.

На жизнь народа, в том числе и на жизнь мещанства, можно смотреть с позиций сочувствующего дидактизма, как смотрела на него русская литературная и общественно-политическая традиция, а можно наблюдать жизнь народа с позиций здорового оптимизма, каждодневного привычного образа жизни, в том числе и общественного быта. Как точно подметил в «Докторе Живаго» Б. Пастернак: «Люди трудились и хлопотали, приводимые в движение механизмом собственных забот. Но механизмы

не действовали, если бы главным их регулятором не было чувство высшей и краугольной беззаботности. Эту беззаботность придавало ощущение связности человеческих существований, уверенность в их переходе одного в другое, чувство счастья по поводу того, что всё происходящее совершается не только на земле, в которую закапывают мёртвых, а ещё в чём-то другом, в том, что одни называют царством Божиим, а другие историей...»⁴. С другой стороны, не ставя своей целью создать очередную социально-утопическую интерпретацию темы «золотого века» применительно к мещанскому сословию, не создавая бинарную оппозицию «золотой век» – «дурная реальность», не выдвигая концепцию «золотого века» мещанства в качестве репрезентации самого сословия (так как подобного рода источников, свидетельствующих о существовании некоего внутрисословного утопического образа, связанного с городским дореформенным прошлым нами не было обнаружено) и не связывая городское дореформенное общество с авторскими представлениями об идеальном времени (все варианты трактовки мифа о «золотом веке», как религиозно-мифологические, так и литературные и политические, имеют установку на «идеал», «рай» или «идеальное государственное устройство»), мы используем понятие «золотой век» как некий культурно-смысловой код, несущий, во-первых, социальное значение, во-вторых, ценностное значение и, в-третьих, методологическое.

Социальное значение связано с теми возможностями участия в городском самоуправлении, которые были предоставлены мещанству екатерининским законодательством и которые воплотились в форму так называемого «городского гражданства», в составе которого мещанство занимало достаточно активную позицию, утраченную с введением Городового положения 1870 г., после которого мещанство, получая свой сословный орган власти, мещанскую управу, в делах города перестаёт играть ту традиционно-патриархальную роль «хозяина», которую оно играло вместе с купечеством в делах местного самоуправления ранее.

Ценностное значение заключается в том, что в российской истории понятие «золотой век», как правило, связывалось с эли-

тарной культурой, противопоставленной массовой, низовой культуре. Но и среди непривилегированных, неэлитарных слоёв населения на уровне практик взаимодействия внутри социума и с государственным окружением сложился свой «золотой век» как период наибольшей ответственности перед собой и перед городом.

Методологическое же значение использования термина «золотой век», позволяет ещё раз подчеркнуть задачу исследования: написать историю мещанства «снизу», со стороны базовых интересов сословия. Принимая вывод М. Б. Лавринович о том, что в результате реформаторской политики Екатерины II в области городского законодательства «городское население перестало играть для государства роль исключительно источника финансов», а «статус горожан приобрёл политическое значение, став индикатором характера государственного устройства – монархии как «правового государства» с сословным устройством»⁵, нам видится «золотой век» как индикатор «шага в сторону формирования гражданского общества»⁶.

По делопроизводственной документации, в наибольшей степени сосредоточенной в фонде городской думы (имеется в виду шестигласная дума), создаётся стойкое впечатление, что период наибольшей сословной активности мещанства в делах города приходился на 50–60-е гг. XIX века, который мы условно обозначили как «золотой век мещанства» («золотой» относительно выбранного нами периода с 1850 по 1917 гг.). Так как мещанство в делах управления в этот период тесно сотрудничало с купцами третьей гильдии, можно утверждать о сложившемся в городе социальном мещанско-купеческом пространстве, «городском гражданстве», именно в значении социального взаимодействия данных страт и создаваемого им ментального поля городской идентичности. Традиционно под «городским гражданством» в историографии понимается социальная среда города, сформированная екатерининским законодательством 1775–1785 гг. На наш взгляд, та социальная картина, которая сложилась в провинциальном городе Среднего Поволжья в 50–60-е гг. XIX века, как раз и явилась результатом «симбиоза» законодательных инициатив конца XVIII – начала XIX вв. и социального творчества

горожан, адаптировавших это законодательство под свою повседневную жизнь.

Кроме того, хотелось бы оговорить выбор нижней хронологической границы исследования, начинающейся с середины века, с 1850 г. В традиционной периодизации отечественной истории, принятой в историографии, те или иные явления социальной жизни второй половины XIX столетия, как правило, начинают рассматриваться с 1861 г., то есть обосновываются теми изменениями, которые привнесла в жизнь людей эпоха «Великих реформ». Однако, следуя логике комплектации фонда городской думы, в котором основной массив дел, связанных с мещанским сословием города, начинается с 1850-х гг., мы решили включить это десятилетие в своё исследование. И тут обнаружилась весьма интересная ситуация, свидетельствующая об определённой, сформированной предыдущим историческим развитием, расстановке социальных сил в городе в лице мещан и купцов, исчезающая с введением Городового положения 1870 г. Чтобы понять специфику данного периода, позволим себе краткий экскурс в генезис так называемого «городского гражданства». Уложение 1649 г. более чётко установило городские границы и «обособило посадских от других категорий городского и сельского населения, наследственно прикрепило их к городской (посадской) общине, очертило круг их государственных служб... обязало платить налоги и нести разные... повинности, монополизировало за ними торгово-промышленную деятельность в черте города, санкционировало их объединение в самоуправляющиеся городские общины...»⁷. Следующим этапом на пути формирования городского сословия стала Жалованная грамота городам, которая «определила юридическое положение городского сословия, корпоративные формы существования... , создала сословный суд и организационные формы для правильного самоуправления (магистраты и городские думы)»⁸. Дворянство и духовенство проигнорировали участие в органах городского самоуправления. Военным и крестьянам, проживающим в городах, запрещено было в нём участвовать. Таким образом, городское самоуправление стало самоуправлением купцов, мещан и ремесленников. Общины мещан, купцов и ремесленников образовали «общество градское»⁹.

Городовое положение 1870 г. «превратило сословное городское самоуправление во всесословное, в котором дворянство и профессиональная интеллигенция заняли значительное место»¹⁰. Как отмечает в своём исследовании А. П. Каплуновский, «следствием городской реформы 1870 г., провозгласившей принцип всесословности муниципального управления, было вытеснение мещанской общины из общегородских распорядительных и исполнительных органов»¹¹. Реформа 1870 г. сформировала исполнительные органы мещанского общества, мещанские управы, в составе мещанского старосты, являвшегося председателем, и его помощников (два члена управы и письмоводитель), избравшихся сроком на три года. Мещанская управа занималась исполнением решений, принятых на собрании общества, ведала вопросами его жизнедеятельности. В целом Городовое положение 1870 г. реализовывало «принцип самоуправления и хозяйственной самостоятельности города»¹². Но, несмотря на утверждение части историков о том, что в первой половине XIX в. в результате того, что «система городского самоуправления, дарованная городскому обществу в 1785 г., уже устарела, «городское хозяйство приходило в упадок... города практически не благоустраивались, горожане игнорировали выборы городских дум, шестигласные городские думы руководились губернской администрацией»¹³, общие городские думы в некоторых городах вообще не собирались¹⁴, «иными словами, «самоуправления» городского общества в полном смысле не существовало»¹⁵, для мещанства провинциального города период до 1870 г. как раз и был временем общественной сословной активности. Поэтому не представляется возможным согласиться с мнением А. К. Семёнова о том, что «непоследовательная и противоречивая политика российского самодержавия в отношении городов и городского населения империи в первой половине XIX в. объективно тормозила процессы формирования социальных связей и дальнейшего развития буржуазной городской культуры»¹⁶. После 1870 г. мещанство растворилось во всесословном городском управлении и старые «городские хозяева» – мещане уступили место новой «элите» – некоему «грюндерскому» предпринимательскому кругу и альтруистам из почувствовавших силу и страсть к «местным нуждам» интел-

лигентов (и, безусловно, получившим такую возможность). Замкнутый традиционный русский город и его социальное «чрево» в лице мещан–обывателей, прикреплённых тяглыми традициями, сознанием, видом на жительство, хозяйственной деятельностью к «месту» (NB: вся семантическая игра с понятием «местечковость»), уступили место подвижному и активному модернизированному городу и его новым хозяевам, связанным с капиталами, социальным престижем, общественной альтруистической рефлексией и рационалистическим сознанием. С этого момента мещанство устремляется в разные направления имперской жизни: в коммивояжёры, в художники, в учёные, в предприниматели, а самое главное, в поток информации, меняющий жизнь. Дискурс «мещанства», сформированный художественной традицией и общественной мыслью России – всего лишь миф, не имеющий ничего общего с обладающей консервативными вкусами социальной средой, которая была открыта инновациям настолько же, насколько и всё остальное российское общество при благоприятных обстоятельствах.

В отношении понятия «гражданство» (в составе более узкого термина «городское гражданство»), мы склонны исходить из позиции в этом вопросе социолога Э. Гидденса, который отмечал, что «...семьи и ассоциации граждан могут играть важную роль при рассмотрении общественных проблем...», которые не в состоянии решить «одни лишь правительство и рынок...»¹⁷, гражданское общество Гидденс определяет как «сферу между государством и рынком, занимаемую семьёй, общественными ассоциациями и другими неэкономическими институтами»¹⁸. И ещё очень интересное для нас замечание касается анализа Гидденсом концепции Ю. Хабермаса, в которой помимо прочего отмечается, что «гражданское общество развивалось так, что оказывалось гораздо более благоприятным для мужчин, чем для женщин»¹⁹. При изучении роли власти в процессе создания «городского гражданства» не обойтись без объяснительных моделей «сверху». И в этом случае нами будет использоваться теория организаций М. Фуко. М. Фуко показал, что архитектура той или иной организации, в нашем случае «городского гражданства», непосредственно связана с её социальным обликом и системой власти²⁰. Кроме того, следует учи-

тывать, что при анализе проблемы «городского гражданства» мы сталкиваемся со значительным количеством «дискриминаций»: методологической (в плане оценки проблемы «сверху» и со стороны макротеорий), гендерной (в плане учёта позиций гражданской инициативы со стороны мужского населения городов), академической (в плане абстрактных теоретических построений типа «классов на бумаге»²¹ и всевозможных дискуссий о гражданском обществе в России), этнической (в плане учёта применительно к Среднему Поволжью только русского населения городов) и т. д. Мы не будем использовать термин «городское гражданство» как синонимичный понятию «горожане», как это делается в некоторых исследованиях²², вкладывающих в термин «горожане» представления о «временном союзе людей», «объединённых экономическими интересами и повинностями»²³. Под «городским гражданством» мы будем понимать социальную систему, «внутренней средой» для которой является «система обыденной жизни, то есть повседневного взаимодействия»²⁴ мещан, предстающих и «действующими лицами, и творцами истории, активно создающих и изменяющих социальную реальность»²⁵. Такой подход делает проблему «городского гражданства» достаточно сложной системой, синтезирующей все системы социальной реальности. Мещанин в пространстве «городского гражданства» 50–60-х гг. будет рассматриваться не только с позиций его социального поведения, группового менталитета, но и как индивидуальность со свойственной только ей мотивацией, но в то же время обусловленной культурой времени и предшествующего опыта. И «если когда-то Февр сетовал: «Подумать только – у нас нет истории Любви! Нет истории Смерти. Нет ни истории Жалости, ни истории Жестокости. Нет истории Радости»²⁶, то в рамках социальной жизни мещан в городе в качестве граждан этого города и этой страны должны присутствовать элементы эмоционального переживания ими своего статуса и своей жизни. Всё это можно представить «как простую или сложную связь элементов разных систем социальной реальности и тем самым «связать историю обоняния с историей политики»²⁷. Кроме того, нам кажется важным определить свою позицию в отношении цивилизационного прочтения темы города. Один из распространённых взглядов в историографии, противо-

поставляющий Россию как «страну деревенскую, крестьянскую» и западные страны – «городские, промышленные»²⁸, нам кажется вполне обоснованным с одним уточнением: помимо дворянской культуры, к миру европейскому был ближе именно город, «городские обыватели» уже в конце XVIII в. «обладали специфическим менталитетом, имели свою субкультуру, что отражалось в их внешнем облике», и к моменту издания Жалованной грамоты у них уже «сформировалось сословное самосознание»²⁹. Говоря словами К. Руан, горожане в России к концу XVIII в. в определённой степени уже приняли так называемый европейский messages, несмотря на то, что элементы русского традиционного быта и костюма сохранялись в городской среде вплоть до начала XX века. Именно открытость и маргинальность города позволили ему двигаться в европейском направлении. Придерживаясь схемы «десинхронизации синхронии» в рамках темпорально-монистических концепций «всемирной истории», ориентированных на европоцентризм, нам кажется особенно важной проблема «городского гражданства» как части наиболее общего вопроса о переходе российского общества с доиндустриальной стадии развития (аграрной, традиционной) на индустриальную (модернизированное общество)³⁰. Историческая урбанистика в XX в. стала «излюбленным местом приложения сил сторонников междисциплинарного подхода и... самым удачным «детисцем» междисциплинарного взаимодействия истории, социологии и экономики. Город как целое, представляющий собой идеальный объект для комплексного междисциплинарного исследования,.. превратился из сценической площадки, места социально-исторического действия в специальный предмет изучения именно в интеллектуальном контексте «новой городской истории»³¹. Поэтому утверждение Б.Н. Миронова, основанное на одной методологической платформе, не отрицает противоположных взглядов на город XVIII в., сформулированных, в частности, А.А. Кизеветтером в его фундаментальном труде «Посадская община в России XVIII столетия», в котором он писал: «столетие... жизненных условий складывалось неблагоприятно для развития городской культуры в России XVIII столетия, и город того времени представлял собой хрупкий, экономически слабый организм, не имевший под собой питательной почвы»³².

Самосознание горожан в таком случае представлялось А. А. Кизеветтеру как производное от тяглового характера городской общины: «В империи XVIII века... городская община являлась посадской общиной, то есть, не обнимая всей совокупности городского населения, включала в себя лишь тяглецов, живших на посаде и отправлявших специальное посадское тягло. Личный состав этой посадской общины определялся двумя основными началами: 1) наследственностью посадского состояния и 2) профессиональным характером посадского тягла»³³. Интересное наблюдение А. А. Кизеветтера касается «социального лица» посадской общины, в дальнейшем повлиявшего на образ горожанина-мещанина в контексте «городского гражданства», в частности он пишет, что посадская община XVIII в. «не была по своей бытовой социальной физиономии не только исключительно, но даже преимущественно торговой, купеческой общиной: купцы, имевшие торги к портам и пограничным таможням, вместе с купцами, имевшими лавочные торги в своём городе, составляли менее половины посадского населения по всей России, а несколько более половины его (около 58%) состояло из ремесленников, огородников и чернорабочих... Таким образом, типичная посадская община XVIII столетия – небольшая пирамидка с широким основанием в виде «подлого» гражданства и с очень тонкой верхушкой в виде малочисленной группы первостатейных купцов»³⁴. Какую бы методологическую позицию не исповедовал исследователь при анализе города, «взгляды на город могут мирно сосуществовать при условии, если «трёхчленному средневековому делению и биполярному классовому подходу» противопоставить «более сложную картину социальных структур, промежуточных слоёв и страт, позволяющую тоньше нюансировать характер социальных противоречий, политики государства, роли религии и церкви, различных форм идеологии»³⁵.

Таким образом, та социальная реальность, которая сложилась вокруг мещанства провинциального города в 50–60-е гг. XIX в., своими корнями уходит в законодательство конца XVIII в. и в историографическую проблему «городского гражданства».

На сегодняшний день накоплен значительный пласт исторической литературы, посвящённой законодательному оформле-

нию городских сословий в эпоху Екатерины II и их дальнейшей эволюции на протяжении первой половины XIX века. Сословия в свете российского законодательства анализируются в монографии Н. А. Ивановой и В. П. Желтовой «Сословное общество Российской империи»³⁶. Монография носит характер нарративного базового исследования. Правовому статусу мещанства посвящено диссертационное исследование О. С. Амосовой³⁷. Не ставя своей задачей в рамках данного исследования останавливаться подробно на правовом статусе сословия, ограничимся некоторыми общими замечаниями, характеризующими положение мещанства в границах «городского гражданства».

В Наказе, данном комиссии о сочинении проекта нового Уложения 30 июля 1767 г., Екатерина II написала очень важную мысль о том, что всем городам «нужно иметь одинаковый закон, который бы определил: что есть город, кто в оном почитается жителем и кто составляет общество того города...»³⁸. Торгово-промышленное городское население было выделено в особую категорию свободных людей, получивших общее наименование мещан³⁹. По замыслу Екатерины II мещане должны были составить «трудолюбивый» и «добронравный» «средний род людей», от которых государство «много добра ожидает»⁴⁰. Большинство исследователей, как дореволюционных (И.И. Дитятин)⁴¹, так и современных (Н. А. Иванова, В. П. Желтова)⁴² видят в законотворчестве Екатерины II в отношении «среднего рода людей» «стремление следовать западным образцам»⁴³. Но, по их мнению, если на Западе за городами были закреплены «значительные привилегии, самостоятельность в области суда,.. право на самоуправление» и освобождение от многих налогов, то «ничего подобного не было в русских городах»⁴⁴, а учреждение мещанского сословия было свидетельством искусственного характера сословности в России⁴⁵. В отношении проводимых аналогий с социальным развитием Западной Европы, нам всё же видится более верной позиция Б. Н. Миронова, который говорит не об искусственности сословной модели, а о непродолжительном по сравнению с западноевропейскими странами времени существования городского сословия в России.

По мнению И. И. Дитятина в отношении «Жалованной грамоты», «основной тенденцией законодателя, сложившейся, очевидно, под напором действительности самой жизни, является желание разуместь под городским обществом в сущности совокупность трёх сословий торгово-промышленного населения города – купеческого, мещанского и цехового»⁴⁶.

«Водоразделом между мещанством и купечеством по Манифесту 1775 г. объявлялась сумма («капитал») в 500 рублей и «податный» и «неподатный» статус⁴⁷. Самая близкая по финансовым показателям к мещанству оказывалась третья гильдия купцов, объявивших капитал от 500 до 1 тысячи рублей⁴⁸. Изданная Екатериной II 21 апреля 1785 г. «Грамота на права и выгоды городам Российской империи», которая по мнению Н. А. Ивановой и В. П. Желтовой дала официальную структуру городского населения, сохранявшуюся «в основе своей на протяжении всего XIX – начала XX в.»⁴⁹, в сочетании с Законом о состояниях 1832 г. породили дискуссию в историографии о «городском гражданстве».

Часть исследователей считают, что «Грамота положила основание для нового понятия о городе как единой местной сословной общине, представляющей всё городское население»⁵⁰. Другие полагают, что Грамотой городам утверждалось сословное начало для городских жителей⁵¹. По мнению Н. А. Ивановой и В. П. Желтовой, «объединение всех городских обывателей в особую категорию населения обуславливалось... не стремлением Екатерины II создать сословное общество, а необходимостью обозначить... городских жителей, которые в силу владения недвижимостью обязаны были платить городские налоги и нести повинности»⁵². Б. Н. Миронов же пишет: «Городовое Положение имело целью заменить сословную городскую общину общесословным обществом всего городского населения. Оно рассматривало весь город, всё население, проживающее в нём, как юридическое лицо, как самоуправляющееся общество, имеющее свои, особые от государственных интересы и нужды. Именно с этого времени возникли понятия «общество градское» и «гражданское общество» для обозначения общегородской общины»⁵³.

Надо отметить, что в рамках данного исследования нас меньше всего интересуют замыслы и мотивация власти. Нас интересует конечный результат законотворчества как некая легитимная модель, спущенная населению «сверху». И тут, как нам представляется, получилась некая смесь из устремлений власти «сверху» и их адаптации «снизу»: в городах сложилась местная сословная (без дворянства, крестьян и интеллигенции) община с тяглым осознанием своей фискальной роли, но и в то же время с самоидентификацией в качестве «хозяев» своего локального пространства, за которое они несут ответственность.

Статья 241 IX тома Свода Законов уточняет: «...к состоянию городских обывателей под общим названием граждан принадлежат: 1) гильдейское купечество, местное и иногороднее и почётные граждане; 2) мещане или посадские; 3) ремесленники или цеховые»⁵⁴. Состав городских обывателей раскрывается в разделе, посвящённом вводимым городским обывательским книгам. Составление городской обывательской книги имело цель «доставить каждому гражданину своё достояние от отца к сыну, внуку, правнуку и их наследию»⁵⁵. В эту книгу вписывалось «имя и прозвание всякого гражданина, в том городе дом или строение, или землю имеющего, или в гильдии, или в цех записанного, или мещанским промыслом промышленяющего»⁵⁶. Тот, кто не вписан в городскую обывательскую книгу города, «не только не принадлежит к гражданству того города, но да и не пользуется мещанскою выгодою того города»⁵⁷. В книгах отмечалось: фамилия, имя, отчество, семейное положение, количество детей мужского и женского пола, их имена; за кем значится дом или строение, или место, или земля, им ли построено, или наследственно, или куплено, или в приданое получено, и в каком месте в городе или иных службах был или есть»⁵⁸.

В Самаре сохранилась обывательская книга, состоящая из двух частей: «Имеющим недвижимую собственность» и «Не имеющим недвижимую собственность»⁵⁹.

Таким образом, городская обывательская книга как бы фиксировала принадлежность к «гражданству» города⁶⁰. Неслучайно Б. Н. Миронов связывает «девальвацию сословной парадигмы» в России и, в частности, условный конец социальной жизни го-

родского сословия, наступивший после Великих реформ, с фактом прекращения ведения с 1870 г. обывательских книг⁶¹.

Дворяне, проживающие в городе, сохраняли своё дворянское звание, освобождались от личных податей и служб, не платили городские налоги⁶². От мещанских податей и служб освобождались лица, находящиеся на военной или гражданской службе и проживающие в городе⁶³. Также не принадлежали к городским гражданам разночинцы, иностранцы, крестьяне и крепостные люди⁶⁴. Таким образом, все категории городского населения для занятия торгово-промышленной деятельностью должны были или приобретать гильдейское купеческое свидетельство или записываться в мещане⁶⁵. «Грамота (Екатерины II – З.К.) сохраняла тяглый характер города, что реализовывалось через мещанство, которое считалось, согласно ей, общегородским сословием»⁶⁶.

Этический концепт грамоты сводился к следующей формуле: с помощью трудолюбия и добронравия, посредством торговли, промыслов, рукоделия и ремесла можно стать мещанином и передать своё состояние по наследству. Мещанин имеет право на доброе имя, которого может лишиться только по суду (мещанскому) за такие тяжкие проступки, как нарушение присяги, измена, разбой, воровство, лживые поступки, преступления. В качестве наказания за содеянное предусматривались телесные наказания. Приобретённое имущество мещанин мог дарить, завещать, продавать, отдавать в приданое. Кроме того, статус мещанина предполагал возможность строить в городе гостиный двор, иметь лавки и амбары, заводить станы⁶⁷.

«Купеческое звание было производным от мещанского, поскольку приобреталось при наличии капитала путём ежегодной покупки гильдейских свидетельств и утрачивалось в случае их невозобновления»⁶⁸. Этим объясняется постоянное взаимопроникновение этих сословных страт: один год мещанин города становился купцом, на следующий год мог снова вернуться в мещане. С данным обстоятельством связана сложность выявления именно мещанских, а не купеческих текстов поведения и психологии. Отдельно следует уточнить тот момент, что в рамках данного исследования мы не будем выделять ремесленников города в отдельное сословие, солидари-

зируясь с теми авторами, которые рассматривают их в составе мещанского сословия⁶⁹.

В целом Н. А. Иванова и В. П. Желтова, следуя логике формационного подхода, связанного с выявлением основных этапов генезиса капитализма в истории русского города нового времени, считают, что «сохранение тяглого характера посадской общины, которая со временем превратилась в мещанское общество, прежде всего свидетельствовало о значительной однородности городских жителей. Но эта однородность, как и представление городских обывателей «Жалованной грамотой городам» в виде мещанства, была... не результатом складывания среднего сословия, а свидетельством слабой размежёванности торгово-промышленного населения российского города. В усилении этого размежевания и заключалось основное направление дальнейшего социального развития города»⁷⁰. Нам же видится дальнейшее размежевание русского города не столько по социально-экономическому признаку, сколько по культурному. Причём эта культурная стратификация не совпадала с сословной. Ещё раз уточним, что в рамках данной работы анализ сословной страты мещанства предпринимается не на уровне исследования институционализации существовавших в обществе процессов и взаимодействий, а как данная государством правовая рамка, объединившая определённую часть людей, как факт. Наш интерес будет сосредоточен на процессах оптимизации этой правовой данности в повседневной жизни мещанства. В этом отношении, кажется интересным утверждение Н. А. Хренова и К. Б. Соколова о том, что «принадлежность индивида к сословию есть следствие институционализации уровней поведения индивида, значимых и полезных для государства или, иначе говоря, носящих утилитарный характер. Однако всё поведение людей свести к ним невозможно. Как следует из символического интеракционизма, помимо своей сословной характеристики индивид включается в разнообразные сети человеческих взаимодействий. Последние не обязательно являются институционализированными, то есть имеют для общества значение. Но не являясь столь значимыми, такие проявления жизни индивида могут иметь важный смысл для возникновения и функционирования необходимых культурных и этических

норм»⁷¹. Если встать на точку зрения данных исследователей в том, что «образование субкультур может предшествовать образованию сословий»⁷², то получается, что до екатерининского законодательства существовала особая городская субкультура⁷³, которая и позволила так долго функционировать так называемому «городскому гражданству», на протяжении всей первой половины XIX в. Эта субкультура обладала определённой картиной мира, связанной с некой фронтирной психологией: между традиционным миром и миром рациональным. Профессионализация и маргинализация второй половины XIX века постепенно видоизменяют этот городской субстрат. Из профессионализации вытекает специфическая культурная городская среда, сделавшая сословность фактором социального престижа, а не основанием тяглого сознания. Но во второй половине XIX – начале XX вв. поменялось и законодательство в отношении правового статуса мещанства.

Возвращаясь к проблеме «городского гражданства», связанной с законодательным дискурсом, отметим, что «Жалованная грамота городам» предоставляла городским обывателям каждого города право составлять отдельное общество. Городскому обществу разрешалось иметь дом для собрания, архив, печать с городским гербом и своего писаря. «Для совещаний по общественным делам» городским обществам предоставлялось право составлять собрания. Собрания были или общие, для всего общества, или частные, по сословиям⁷⁴. Общие собрания городского общества должны были происходить раз в три года (в случае необходимости – в другое время). Если в Грамоте городам вопрос о составе собраний и правах их членов изложен нечётко⁷⁵, то по Закону о состояниях в собрании общества «присутствовать могут все наличные граждане не моложе 25 лет, и имеющие капитал, с которого проценты не ниже 50 рублей», не опороченные судом и не имеющие явного порока⁷⁶. Основной функцией городских собраний являлись выборы должностных лиц по внутреннему управлению обществом и на различные должности судебного и полицейского ведомств. Общество выбирало городского главу, бургомистров и ратманов городских магистратов через каждые три года, старост и судей словесного суда – ежегодно⁷⁷. Губерн-

ские заседатели губернского магистрата и заседатели Словесного суда избирались обществом один раз в три года и утверждались губернатором. Заседатели в суды избирались мещанством из мещан, живущих в городе «неотлучно» и записанных в городской обывательской книге. В управе благочиния наряду с городничими и приставами уголовных и гражданских дел заседали также два выборных городских ратмана. Городское общество выбирало на три года старост и депутатов от каждой городской части для ведения городской обывательской книги⁷⁸. Собрания городских обществ выслушивали предложения губернатора и генерал-губернатора и предоставляли им ответы. Кроме того, общество могло делать представление губернатору «о своих нуждах и пользах»⁷⁹. Городское общество имело дисциплинарную власть над своими членами, право исключать из него опороченных судом или пороком. Фактически городское общество выступало неким «сенсорным домом», то есть пространством, которое обыватель ощущал и проживал «с помощью всего комплекса чувств – осязания, обоняния, вкуса, слуха и зрения»⁸⁰.

Н. А. Иванова и В. П. Желтова в своём исследовании обращают внимание на тот факт, что «общегородские дела, касающиеся городских земель и городского хозяйства, здравоохранения, образования, общественного призрения и т. п., не включались... в круг деятельности градского общества»⁸¹. Губернские магистраты были превращены в судебные учреждения городских граждан⁸². Однако часть исследователей оспаривают факт ограничения их функций судебными⁸³. В городском сиротском суде, учреждённом при каждом Городовом магистрате для купеческих и мещанских вдов и малолетних сирот, председательствовал городской голова и заседали два члена Городового магистрата и городской староста⁸⁴. Городовое депутатское собрание составлялось из городского головы и депутатов, избранных от каждой части города. Собрание занималось рассмотрением доказательств городского состояния, составлением городской обывательской книги и т. д.⁸⁵. Кроме того, «Жалованная грамота городам» предусматривала создание Городской общей думы и Городской шестигласной думы. В Общую думу входили городской голова (председатель) и гласные от основных групп населения. Городская общая дума

из своих гласных избирала шестигласную думу. Так как дворяне и чиновники, как правило, «уклонялись от участия в управлении городом, в большинстве случаев даже не являясь на выборы», думы сосредотачивали в себе купеческо-мещанскую среду города (Н. А. Иванова, В. П. Желтова вслед за А. А. Кизеветтером говорят о «купеческо-ремесленной среде»⁸⁶). Если городские собрания, старосты, депутаты и т. п. ведали городским населением, то думы призваны были заниматься делами города как такового⁸⁷. Шестигласная дума, являвшаяся исполнительным органом Общей думы, заседала раз в неделю, а иногда и чаще⁸⁸. В компетенцию дум входили вопросы «обеспечения жителям города прокормления и содержания, поощрение торговли, сохранение добрых отношений между жителями города и с окрестными городами и селениями, наблюдение за состоянием публичных городских зданий, содействие строительству новых магазинов, пристаней и других необходимых городу объектов, способствование приращению городских доходов и распространению заведений, подведомственных Приказу общественного призрения (школы, богадельни и др.), разрешение вопросов, касающихся ремёсел и гильдий, хранение городского и ремесленного Положений, контроль за их правильным исполнением»⁸⁹. Городские думы распоряжались также городскими доходами и расходами. Эти доходы складывались из отчислений от таможенных и питейных сборов, из доходов с мельниц, рыбных ловель, перевозов, штрафных денег, собираемых с купцов и мещан, а также из выморочных мещанских имений⁹⁰.

Рассмотрев основные вехи законодательства Екатерины II в отношении городов, Н. А. Иванова и В. П. Желтова приходят к выводу о том, что «всё усложняющаяся жизнь города оказывалась в ведении многих и различных по характеру учреждений: органов сословного общественного управления... , органов государственно-выборных... , чисто государственных... в лице губернаторов и связанного с ними аппарата управления, полицейских управ, казённых палат, управ благочиния, приказов общественного призрения»⁹¹. Задачей нашего исследования будет показать, как мещанство города «снизу» адаптировало под свою повседневную жизнь этот спущенный властью «сверху» механизм,

в какие формы выливалась городская жизнь мещанства, протекающая по «сосудам власти». Б. Н. Миронов также приходит к выводу в отношении городской реформы 1775–1885 гг. о том, что «при проведении ... реформы... в жизнь произошли существенные отклонения от замысла, с которыми правительство было вынуждено смириться и признать их... Эти отклонения – убедительное доказательство того, что не только государство творило социальную историю страны, но и само население...»⁹² творило её.

Определённые коррективы в схему, созданную екатерининским законодательством в отношении городов, внесли правовые инициативы правительства первой трети XIX века. Среди различных узаконений следует выделить указы 31 марта 1805 г., 5 декабря 1823 г., 29 февраля и 31 декабря 1824 г., согласно которым, мещанин, желавший перейти в город другой губернии, должен был получить увольнительное свидетельство от своего общества, подписанное большей частью его членов и городским головой. Свидетельство представлялось в думу или магистрат, а затем в казённую палату, которая окончательно решала вопрос, донося о каждом перечисляющемся в министерство финансов⁹³. Для перехода мещан в купечество также требовалось увольнение от общества, объявление гильдейского капитала и уплата установленных повинностей⁹⁴.

В начале XIX в. произошло повышение правового статуса купечества и отделение его от мещанства. По манифесту 1807 г. и Уставу рекрутскому 1831 г. рекрутская денежная повинность снималась с купцов всех трёх гильдий⁹⁵. С другой стороны, устанавливаются связи мещанства именно с купцами третьей гильдии с точки зрения выполнения ими обязанностей по городскому самоуправлению. Купцы третьей гильдии могли избираться на должности городских старост, членов шестиголосных дум и т. д. На все прочие низшие должности избирались мещане⁹⁶. В рамках деятельности шестиголосной думы складывается своеобразное купеческо-мещанское сообщество. Кроме того, «мещан и третьегильдейское купечество объединяло и сходство предпринимательской деятельности, с той только разницей, что у купцов торговля была несколько крупнее: сдача в аренду лавок, предоставление кредита, смешанная торговля»⁹⁷. Поэтому

нам видится не совсем правильным утверждение о том, что купцы в начале XIX века «всё более отделялись от мещан»⁹⁸. О социальном разрыве между мещанством и купечеством утверждает и М. Б. Лавринович⁹⁹. С точки зрения суммы капитала, обуславливающего принадлежность к купечеству, разница между мещанами и купцами третьей гильдии увеличивается: по указу от 8 ноября 1807 г. к третьей гильдии относились купцы, объявившие капитал от 8 тысяч рублей и более¹⁰¹. Сословный статус мещан также подвергся дальнейшей корректировке. Во-первых, это коснулось самого термина «мещане»: он стал использоваться применительно к низшему разряду городских обывателей. Попытка законодательства дифференцировать мещан на торгующих и посадских закончилась тем, что указом 11 июля 1826 г. категория торгующих мещан была ликвидирована. В дальнейшем термин «посадские» употреблялся наравне с термином «мещане»¹⁰². Что касается общественных прав мещанства, то мещанские общества получили право по приговорам отдавать в рекруты или отсылать на поселение мещан развратного поведения (указы 30 сентября 1809 г., 31 июня 1812 г., 5 ноября 1829 г., 28 июня 1831 г.)¹⁰³.

Таким образом, если законодательное оформление городского общества во время правления Екатерины II, как справедливо отмечают в своём исследовании Н.А. Иванова и В.П. Желтова, не только имело итогом создание «в городах из торгово-промышленного населения единой категории «среднего рода людей» и одновременно её разделение на привилегированные и ... податные сословия и группы»¹⁰⁴, но и создало определённое пространство отношений, позволяющее говорить о «городском гражданстве», то законодательство первой трети XIX в. окончательно сформировало мещанина как «носителя общественных отношений»¹⁰⁵. Как справедливо подчёркивает в своём исследовании Б.Н. Миронов, собрание городского общества к середине XIX в. «не стало ни общесословным, ни собранием всей городской элиты», «дворянство, разночинцы и интеллигенция не участвовали в нём, считая это ниже своего достоинства, а крестьянство, составлявшее около трети постоянного городского населения, и военные были лишены избирательных прав. Имущественный ценз для участия в общегородских

собраниях был настолько высоким, что во многих городах находились единицы или вовсе отсутствовали люди, которые бы ему соответствовали. Городские думы... были вынуждены допускать на собрания лиц по своему усмотрению, часто всех желающих... в результате думы превратились в органы только городского сословия. Во-вторых, купцов первых двух гильдий, которые соответствовали цензу, в большинстве городов было очень мало, поэтому... было разрешено при недостатке купечества избирать на все общественные должности мещан и ремесленников, а купцам отказываться от второстепенных должностей»¹⁰⁶. То, что «благородное сословие» игнорировало участие в городском самоуправлении подтверждает и исследователь российского чиновничества начала XIX В.Л. Писарькова: «Нелюбовь дворян к гражданской службе и, как следствие, преобладание среди служащих представителей непривилегированных сословий, отмечали и современники. Историк генерал-лейтенант Н.Ф. Дубровин, характеризуя состав служащих местных учреждений в начале XIX века, писал: ... присутственные места заполнялись часто людьми недостойными, безнравственными и совершенно необразованными. Молодые дворяне до 20 лет больше сидели дома в недорослях, пока не наступало время женить их. Тогда родители записывают их в нижний земский суд и вместе с празднованием коллежского регистратора играется свадьба... Дворянство находилось тогда в таком блаженном положении, что не желало обременять себя службой и всеми способами уклонялось от нее». По свидетельству известного мемуариста и тайного советника Ф.Ф. Вигеля, дворянство «не жаловало» гражданскую службу, «молодые дворяне, как известно, при Екатерине и до нее, вступали единственно в военную службу, более блестящую, веселую и тогда менее трудную, чем гражданская... собственно званием канцелярского гнушались, и оно оставлено было детям священников церковнослужителей и разночинцев». Гражданская служба не была престижной. Дворянство «...в силу традиций неохотно шло на гражданскую службу и в особенности избегало должностей, требующих усидчивых канцелярских занятий»¹⁰⁷. Поэтому «образовать общие городские думы... оказалось невозможно, и в большинстве городов они прекратили своё существование, а шестигласные думы... превратились в орган го-

родского сословия, состоящий из четырёх купцов, одного мещанина и одного ремесленника. В результате органы городского самоуправления не стали ни элитарными, ни сословными... Они формировались в ходе прямых и по существу всеобщих выборов: избирательные права в большинстве городов предоставлялись «старожилам» мужского пола в возрасте 25 лет и старше»¹⁰⁸.

По мнению ряда исследователей, отделение города от деревни «в главных чертах завершилось в европейской России к середине XIX в.»¹⁰⁹. «В основе этого процесса лежало сокращение земельных ресурсов города для занятия населения сельским хозяйством, а также развитие товарно-денежных отношений. Это заставило городских жителей переключиться от экстенсивного земледелия... на огородничество и садоводство, но главным образом на занятие торговлей и промышленностью»¹¹⁰.

Принадлежность к мещанству продолжала оставаться пожизненной и наследственной. Сверх брака и рождения мещанское состояние сообщалось припискою усыновлённого к семейству усыновителя. Указом 24 января 1849 г. был облегчен переход государственных крестьян в городское сословие. Положение 19 февраля 1861 г. и закон 18 января 1866 г. подтверждали право вступления в мещанское сословие сельских обывателей всех категорий. В 1835 г. было разрешено вступать в сословие мещан осёдлым самоедам. С 1842 г. крестившиеся евреи, а также возвратившиеся из Сибири ссыльнопоселенцы могли приписываться к мещанским обществам. В 1855 г. стали причислять к мещанству лиц, уволенных из цеха вольных матросов. С 1833 г. в мещанство разрешено было записываться священнослужителям, лишённым духовного сана за преступления и пороки. По указу 10 июля 1850 г. лица бывшей польской шляхты, не доказавшие дворянства, перечислялись в мещане. Согласно постановлению от 7 июля 1852 г., в сословие мещан могли вступать дети личных дворян, не имевшие офицерских чинов и пользовавшиеся по закону правами потомственного почётного гражданства. Перечислялись в мещане купцы, не выкупившие в очередной раз купеческие свидетельства. И, наконец, в сословие мещан могли вступать те лица, которые обязаны были избрать род жизни: незакон-

норождённые, подкидыши, церковные причётники православного и армяно-грегорианского вероисповедания, которые оказались уволенными из духовного звания или исключёнными по суду из духовного ведомства за пороки, жители польских губерний, переселявшиеся в другие губернии империи, уволенные из войскового сословия и т. д.¹¹¹. Как видно из вышеперечисленных указов, мещанское сословие было достаточно открытым для культурного взаимопроникновения, в некотором смысле маргинальным, но обладающим всеми правами городского гражданства. Проникновение «через границы» всегда влечёт за собой изменения в обществе: «индивидуумам приходится вступать в регулярный контакт с людьми, которые думают по-другому, выглядят по-другому и живут иначе, чем они...»¹¹². В городах, в отличие от деревень, «множество людей живёт в непосредственной близости друг от друга, не будучи лично знакомым...»¹¹³, но в этом-то и заключается «шарм» городского образа жизни, его привлекательность – в возможности ослабить контроль над социальным пространством. С другой стороны, бюрократическая машина Российской империи тут же всем «чужакам» определяла их «номер социальной кельи», чем придавала городскому мещанскому обществу статусный социальный вид. Состав мещанства регулировался сохранением обязательной приписки к мещанскому обществу города. Приписка осуществлялась по приёмному приговору мещанского общества с предоставлением увольнительного приговора от прежнего общества – мещанского или крестьянского. С 40-х гг. XIX в. сохранялось положение, согласно которому приписка к мещанству, даже при согласии общества, не разрешалась в случае раздробления семьи. Это обуславливалось зависимостью мещанских повинностей, в частности рекрутской, от размера семьи¹¹⁴. Мещане как представители податного сословия получали «срочные» паспорта с «пропиской». По указу 12 мая 1847 г. паспорта мещанам выдавались в думах и ратушах¹¹⁵. 25 мая 1853 г. было разрешено включать мещанок в паспорта своих мужей¹¹⁶. Указ 9 января 1856 г. предоставлял полиции право выдавать иногородним мещанам свидетельства на временную отлучку на срок не более трёх месяцев¹¹⁷.

В 1861 г. устанавливался порядок предоставления мещанам отсрочек по паспортам¹¹⁸. 11 февраля 1867 г. были подписаны правила выдачи мещанским обществам плакатных паспортов и билетов.

Постепенно законодательно расширялась сфера профессиональной деятельности мещан. По закону мещане оказывались владельцами мелких торговых и промышленных заведений, иногда с незначительным числом наёмных рабочих, но чаще – семейным характером труда¹¹⁹. 16 января 1856 г. были определены суммы на подряды, откупа и поставки мещан – не выше 1200 рублей серебром, которые также устанавливали незначительные размеры их производственной деятельности¹²⁰. При расширении заведений или приобретении более ценной недвижимости мещане должны были покупать гильдейские купеческие свидетельства. По Положению от 28 июня 1838 г. о порядке взимания с мещанских и цеховых обществ денежных сборов, мещане уплачивали государственные подати (подушную и подать на устройство водяных и сухопутных сообщений), земские повинности (определялись на каждое трёхлетие губернскими сметами), общественные сборы и чрезвычайные сборы¹²¹. За исправный взнос всех сборов отвечало мещанское общество в целом. Своим приговором оно осуществляло раскладку сборов по ревизским душам или дворам в соответствии с состоянием каждого члена общества или двора, производимым им торгом или промыслом, а также согласно другим, «принятым между мещанами местным правилам»¹²². Взимание денежных сборов осуществляли избиравшиеся на три года в каждом мещанском обществе старосты и их помощники¹²³. Порядок денежных сборов с мещанских обществ был уточнён 16 декабря 1846 г. Устав о податях 1857 г. подтверждал уплату мещанами подушной подати и некоторых особых местных налогов¹²⁴. Именным указом 1 января 1863 г. указанные налоги, а также подушная подать с мещан, проживавших в городах, посадах и местечках европейской России отменялись. Вместо них вводился налог с недвижимых имуществ, ставший общим для всех городских обывателей¹²⁵. «Освобождение от рекрутской повинности и телесных наказаний началось у мещан с лиц, служивших по выборам городских и сословных обществ (Указы 11 января 1834 г.

и 9 января 1842 г.)»¹²⁶. Правилами от 25 ноября 1853 г. вместо очередного был установлен жеребьёвый порядок назначения в рекруты в городах, посадах и местечках, подтверждённый в 1855 г., что значительно облегчило эту повинность для семьи¹²⁷.

Таким образом, в первой половине XIX в. законодательно мещанство было окончательно оформлено как сословная группа с определённым набором социальных ролей, предусмотренных их статусом. В рамках данной части исследования мы рассматриваем сословное положение мещанства в составе «городского гражданства», как принято школой функционалистов, то есть априори предполагаем, что социальные роли являются жёстко определёнными и относительно постоянными составными частями культуры общества. «Согласно этой трактовке, – пишет Э. Гидденс, – каждый человек получает информацию о различных социальных ролях, существующих в обществе, и исполняет свою роль в полном соответствии с предоставленными установками. Социальные роли не предусматривают творческого подхода или оспаривания – они носят предписывающий характер и в общих чертах управляют поведением человека. Посредством социализации человек «входит» в социальную роль и обучается её правильному исполнению»¹²⁸. Такое начало исследования необходимо для создания «матрицы»: то есть общего начертания законодательной ситуации, определявшей статус сословия. Однако в дальнейшем речь пойдёт об определённом локусе Российской империи, так называемой «внутренней окраине», и будет рассмотрен процесс того, как «на самом деле социализация позволяет человеку оказывать активное воздействие на окружающую культурную среду вместо того, чтобы превращать его в запрограммированный автомат»¹²⁹. «Люди познают и принимают свои социальные роли в ходе непрерывного процесса социального взаимодействия»¹³⁰.

Основное городское общественное взаимодействие мещан осуществлялось через мещанское общество. Как уже отмечалось выше, мещанское общество выросло из посадской общины с её тяглым сознанием, традиционной этикой и торговым духом. Мещанские общества осуществляли приём в мещанство представителей других сословий и перечисление мещан в другие общества с предоставлением увольнительных свидетельств. Мещанские

общества имели дисциплинарную власть над своими членами – право исключать из своей среды людей порочных и за развратное поведение. До вынесения приговора о выселении порочных и развратных мещан в Сибирь мещанские общества применяли к ним до трёх раз по мирским приговорам исправительные меры, а именно: отдачу в различные казённые, городские и частные работы – в первый раз на время от одного до двух месяцев, во второй раз – от двух до четырёх, в третий – от четырёх до шести¹³¹. В отличие от купеческих обществ мещанские не имели права обращаться в высшие инстанции. Разрешение их проблем возлагалось на губернские власти¹³². Вместе с тем мещанское общество являлось юридическим лицом – имело имущественные права, право вступления в подряды с казной. Мещанское общество отвечало за уплату своими членами налогов и податей и несение различных повинностей. Одной из основных функций мещанских обществ являлись выборы из своей среды должностных лиц в органы местного сословного и городского самоуправления. Мещанские общества избирали мещанских старост, их помощников и десятских, ведавших определёнными участками города. Они избирались по баллам на трёхлетний срок из принадлежавших к этому обществу лиц и утверждались губернатором¹³³. Должности старост и их помощников считались общественными и долгое время не оплачивались. По приговору общества им могли отпущаться небольшие суммы. Однако постепенно общества получили право выделять из своих общественных сборов определённую сумму на оплату выборных должностных лиц¹³⁴. По мнению Н. А. Ивановой и В. П. Желтовой, «гражданские» возможности мещанской корпоративной организации были весьма ограниченными»¹³⁵.

Большинство исследователей истории «городского гражданства» в России сходятся во мнении о том, что «городская реформа 1870 г. нанесла сильнейший удар по общинным отношениям в среде городского сословия»¹³⁶ тем, что «наконец создала всесословное общество горожан ценой лишения 95% городского населения избирательных прав вследствие имущественного ценза, в принципе небольшого, но оказавшегося для 95% бедных российских горожан непреодолимым»¹³⁷. Власть в городской думе

перешла к цензовым горожанам, «среди которых численно преобладало богатое купечество, а в политическом и идеологическом отношении – профессиональная интеллигенция»¹³⁸.

Рассмотрев основные вехи эволюции мещанского сословия от екатерининского законодательства к городскому положению в контексте его взаимодействия с городским обществом, ключевую проблему мы видим в определении дискурсивной природы понятия «городское гражданство». Спектр оценок варьируется от социальной утопии эпохи Просвещения до дискурса власти, формирующего общественные отношения, спущенного сверху и приучающего через «надзор и наказание» к определённым поведенческим практикам. Где-то посередине находится теория символического интеракционизма, вооружившись которой, можно предположить, что «городское гражданство» – естественное состояние людей, обладающих самосознанием, то есть знающих о своей индивидуальности и взаимодействующих символами в контексте повседневной жизни. Общие собрания мещан стали созываться только раз в три года и лишь для выборов. Право быть избранным на общественные должности предоставлялось лицам, отвечавшим тем же трём цензам, которые требовались для получения избирательных прав по выборам в городскую думу – имущественному, возрастному и осёдлости. Среди мещанства таким цензам соответствовало лишь около 5% их представителей¹³⁹. «Так, – по мнению Б. Н. Миронова, – прекратила своё существование непосредственная демократия и в обществах... мещан...»¹⁴⁰. И «вследствие того, что подушная подать... была заменена индивидуальными денежными сборами, круговая порука по сбору налогов и выполнению повинностей – индивидуальной ответственностью... а рекрутская повинность – всеобщей воинской повинностью... , общества в значительной мере утратили административные, дисциплинарные и финансовые функции. Это привело к тому, что корпоративное крепостное право мещанских ... обществ на своих членов было уничтожено... , ... и к тому, что пребывание мещан... в обществах потеряло «экономический смысл...»¹⁴¹.

Анализ проблемы «городского гражданства» в советской историографии был тесно связан с проблемой генезиса капита-

лизма. П. Г. Рындзюнский писал, что «для марксистски мыслящего историка развитие городов – неперемный спутник движения вперед, от феодализма к капитализму»¹⁴². Следовательно, все утверждения дореволюционной историографии о российских городах как «насильственной случайности»¹⁴³ и «административных учреждениях власти»¹⁴⁴ воспринимались как несостоятельные. Исторический прогресс связывался советской историографией с отмиранием сословий и превращением их в классы буржуазного общества. Основное содержание горообразование, по мысли Рындзюнского, состояло «в создании и распространении специфического уклада жизни, отличного от распространённого в сельских местностях феодального режима и более благоприятного для торгово-промышленной деятельности»¹⁴⁵. Через дискуссию с так называемым «противоюридическим направлением» в дореволюционной историографии, в частности с основными тезисами исследования В. П. Семёнова-Тян-Шанского «Город и деревня в европейской России», Рындзюнский приходит к формулировке собственной концепции города как синтетического организма: «Город – не экономическая категория», он не в меньшей степени, чем экономической, «определяется общественно-правовой, идеологической и культурной сферами»¹⁴⁶. В. П. Семёнов-Тян-Шанский выделяет город, образуясь с тремя критериями: «людность», то есть число жителей населённого пункта; доля в нём населения с несельскохозяйственными занятиями; «бойкость торгово-промышленного оборота, исчисленного на одного жителя»¹⁴⁷. По мнению же Рындзюнского, «у исследователя-марксиста в центре внимания стоит вопрос не о том, какие отрасли производства были развиты в деревне и в городе. Такой узкий подход чужд системе марксистских взглядов, для которой первейшее значение имеет, как, то есть в какой общественной системе, производились продукты, а не то, что производилось... Отделение города от деревни, олицетворявшее отделение промышленности от земледелия, следует рассматривать «как отделение капитала от земельной собственности...». Рост городов означал создание новых форм коллективности взамен прежней естественно создавшейся общности. «Вместе с городом появляется и необходимость админи-

страции, полиции, налогов и т. д. – словом, общинного политического устройства, а значит и политики вообще»¹⁴⁸. В отношении общественных учреждений города и городского хозяйства в 30–50-е гг. XIX в. Рындзюнский отмечал: «документальные материалы вполне подтверждают свидетельства наших писателей-реалистов о крайней отсталости общественной и административной жизни русского города»¹⁴⁹. И на современном этапе развития отечественной исторической мысли по-прежнему идёт апелляция к теоретическому наследию марксистско-ленинской методологии: в предисловии к «Историческим очеркам» А. А. Кизеветтера Е. Александров пишет: «...с позиций более поздней методологии исторической науки магистерская диссертация Кизеветтера имела ряд существенных изъянов. Так, по справедливому замечанию А. Л. Шапира, автор игнорировал классовую и социально-экономическую детерминанту в развитии законотворческого и политического процесса, связывая, к примеру, городскую реформу Петра I и Магистратский регламент исключительно со стремлением царя «двинуть городскую жизнь на новые пути по западноевропейским образцам»¹⁵⁰.

Несмотря на тот факт, что с 90-х гг. XX в. начинают появляться исследования, посвящённые истории не популярных в советской историографии сословий: дворянства, купечества, мещанства, – определённой вехой, связанной с осмыслением сословного статуса городского обывателя, явилась статья В. М. Бухараева¹⁵¹. По его мнению, «историография России отмечена одним пробелом... недостаточной разработанностью проблемы культурно-исторической эволюции города дореволюционного периода, а соответственно и облика носителей нормативных урбанистических начал – «обывателей». Под «обывателями» В. М. Бухараев понимает «группы населения, укоренённые в городской среде, владельцы места и дома»¹⁵². К проблеме «городского гражданства» Бухараев косвенно подходит через анализ связи екатерининского законодательства и «учреждения русского бюргера»¹⁵³. Однако по мнению Ю. Степанова, бюргер – это немецкий аналог русского мещанства, но с другой этической историей¹⁵⁴. «В новое время слово *Burger* – «горожанин, мещанин, бюргер» – приобретает также значение «гражданин»¹⁵⁵. Далее в своих размышлени-

ях на тему «другой» природы бюргерства Ю. Степанов ссылается на концепцию А. А. Фёдорова, изложенную в его книге «Томас Манн. Время шедевров»¹⁵⁶. Противопоставляя весь спектр оценочных характеристик русского мещанства как этической категории и бюргерства, Степанов отмечает, что под бюргерством следует понимать, как это сформулировано в творчестве Т. Манна, «особую, высокоразвитую духовную стихию жизни», связанную с «расцветом европейских городов», «порождение удачных времён, благополучного стечения обстоятельств в жизни городов»¹⁵⁷ и т. д..

Нам же, напротив, видится вполне уместными выводы о взаимосвязи законодательных инициатив Екатерины II и созданием «городского гражданства» как определённой городской бюргерской среды, которую воплотили мещанство и купечество третьей гильдии в русском городе дореформенного периода.

В этой связи при рассмотрении понятия «городское гражданство» не как синонимичное «горожанам», а именно в контексте «гражданства», следует остановиться на проблеме существования «гражданской идентичности» в дореволюционной России. Несмотря на то, что хронологически, как правило, данный феномен относится к эпохе после Великих реформ, некоторые нюансы, связанные с постановкой данной проблемы, созвучны и проблеме «городского гражданства» в дореформенной России. Так, Дж. Брэдли в работе «Гражданское общество и формы добровольных ассоциаций: опыт России в европейском контексте» сформулировал суть дискуссии следующим образом: «На первый взгляд создаётся впечатление, что гражданское общество западного образца просто не могло существовать в самодержавной России. Такие институциональные гаранты гражданского общества, как свобода от личной зависимости и произвола властей, неприкосновенность личности и жилища, права собственности и нерушимость контрактов, главенство закона и существование какого-либо парламента или сословного представительства, канонизированных западной политической мыслью, для царского режима... не были характерны. То же можно сказать и о так называемых экономических и социологических гарантиях – торговых городских центрах и сильном среднем классе»¹⁵⁸. Смысл его

дальнейших умозаключений сводится в упрощённом варианте к тому, что если в царской России всё было так плохо в отношении гражданского общества, как об этом думает часть, в основном, западных историков («в «двойной спирали» политической культуры имперской России атрофия общества переплеталась с гипертрофией государства»¹⁵⁹), то почему всё не развалилось гораздо раньше, чем в 1917 году.

Практически не исследованным в историографии остаётся вопрос о взаимосвязи городской гражданской идентичности и «революции в одежде» XVIII века. Скорее всего, это происходит из-за того, что многие историки по-прежнему полагают, что «мода тривиальна и ни на что не влияет»¹⁶⁰. По мнению К. Руан, «в России... одежда служила... маркером этнической, социальной, политической и половой идентичности. Поскольку русские носили эти послания (messages) в буквальном смысле на себе, динамика групп и политика в сфере идентичности влились в главное русло повседневной жизни...»¹⁶¹. Но на рубеже XVIII–XIX вв. не только у русских одежда выступала в качестве маркера социальных связей. Применительно к европейской культуре Р. Барт отмечал, что «веками типов одежды было столько же, сколько социальных классов... Сменить одежду значило одновременно сменить свою сущность и свой класс – одно совпадало с другим»¹⁶². Код одежды, являясь социологическим знаком, с другого угла зрения может решить проблему городской идентичности. Если рубеж «золотого века» мещанства мы определили, исходя из факта законодательной инициативы, то в сфере моды, появление индустрии готового платья в конце XIX в. также в определённой степени завершило этап «городского гражданства» «всесословностью» моды. Исходя из того, что «вещи навязывают... манеру поведения», создавая вокруг себя «определённый культурный контекст»¹⁶³, можно предположить, что мещанство начинает растворяться в среде прочих сословий тогда, когда код одежды становится всеобщим – европейский модный костюм.

При анализе проблемы «городского гражданства» нельзя не остановиться на ставшем уже хрестоматийным исследовании Н. П. Ерошкина по истории государственных учреждений дореволюционной России¹⁶⁴. Характеризуя состояние городского са-

моуправления, сложившееся после реформ 1775–1785 гг., он писал: «В целом органы городского «самоуправления» играли роль административно-хозяйственного придатка к аппарату администрации и полиции»¹⁶⁵.

Как отмечает в своём исследовании русского дореформенного города А. И. Куприянов, «такая оценка известным историком социального строя и государственного управления Российской империи опиралась не только на собственные исследовательские выводы Н. П. Ерошкина, но и имела самое широкое распространение в дореволюционной и советской историографии»¹⁶⁶. По мнению же Куприянова, реалиям провинциальной жизни в большей степени соответствует гипотеза Б. Н. Миронова о том, что «власть в городе была поделена между чиновниками и выборной верхушкой городского самоуправления»¹⁶⁷.

А. И. Куприянов в своём осмыслении городского пространства дореформенной России наиболее близок нам в стремлении взглянуть на проблему «снизу», со стороны провинциальных агентов города. Что касается системы городского самоуправления, которая складывается после 1775–1785 гг., Куприянов отмечает, что она «в значительной степени выражала интересы городских сословий» и «...просуществовала до городской реформы 1870 г.», которая «принципиально изменила всю систему городского самоуправления, сменив сословный принцип представительства на имущественный ценз»¹⁶⁸. Говоря о творчестве горожан «снизу» по корректировке законодательства, Куприянов в этом отношении отмечает факт слияния общей и шестигласной дум, которое «произошло почти повсеместно и было реакцией горожан на чрезмерную усложнённость представительских органов и оторванность столичных чиновников, готовивших реформу от социальных реалий российской провинции»¹⁶⁹. Занимаясь проблемой «конфигурации власти» в провинциальных городах, А. И. Куприянов отмечает, что среди иерархии выборных лиц и учреждений городского самоуправления с мещанством по своей деятельности был связан городской голова («градский глава»). Он председательствовал в сиротском суде, руководил выборами на все должности городского самоуправления, деятельностью шестигласной думы и был наделён представительскими функциями

ми. Не обходит своим вниманием Куприянов и сюжет, связанный со столкновением интересов различных «партий» во время избирательных компаний в органы местного самоуправления¹⁷⁰. Сама тема «политической борьбы» не вызывает поддержки в границах нашего исследования, но тезис о наличии «социально активных граждан»¹⁷¹ в городском самоуправлении провинциального города подтверждает наш общий вывод о «золотом веке мещанства». В пользу данной концепции говорит и вывод Куприянова, высказанный и рядом других исследователей, о том, что общесословное управление в городах, сформулированное законодательством, превратилось в управление собственно городских сословий: купцов, мещан и цеховых, так как «чиновники и дворяне самоустранились и были вытеснены гражданами от всякого участия в решении городских дел»¹⁷². Размышляя над причинами самоустранения «благородной» публики, Куприянов называет ряд факторов: во-первых (со ссылкой на точку зрения В. В. Рабцевич¹⁷³), чиновники, духовенство и дворяне «имели другие возможности воздействовать на городские дела»; во-вторых, их мало интересовали именно те дела, которые решались на общественных собраниях и, в-третьих, мещане и купечество неприязненно относились к «благородным», считая, что «управление делами города – это сфера гражданства, а у дворян есть своё самоуправление»¹⁷⁴. И, кроме того, по мнению Куприянова, «в самоустранении дворян и чиновников от участия в городских делах сыграл роль социальный и культурный снобизм»¹⁷⁵. Куприянов рассматривает городские выборы как «один из важнейших актов коммуникации царской власти и градского общества», доказывая данный тезис тем, что выборам сознательно придавался «характер дела государственной важности и официального торжества»¹⁷⁶, так как перед баллотировкой все участвующие в ней горожане обязаны были ознакомиться с избирательными процедурами, побывать в церкви на молебне, присягнуть¹⁷⁷. Нам кажется несколько домысленным тезис о продуманной политике «коммуникации» между властью и обществом. Мещанская и купеческая традиционная религиозная этика, основанная на воспитании¹⁷⁸, предполагала определённые ритуальные действия в деле, которое горожане воспринимали как государственно важное. Тем более сам

Куприянов говорит о том, что в купеческо-мещанской среде городов первой половины XIX в. присутствовало твёрдое убеждение в том, что «самоуправление – это прерогатива, дарованная им монархами и выражающая именно их сословные интересы, следовательно, именно они отвечают за всю общественную жизнь города»¹⁷⁹. На примере чухломского городского головы, мещанина И. Июдина, Куприянов строит тип горожанина, – этос которого определяется верой в Бога, трудолюбием, чувством социальной справедливости и ответственностью перед сообщественниками, делегировавшими ему властные полномочия¹⁸⁰. На региональном материале по Среднему Поволжью можно подтвердить этот тезис о подобном сложившемся типе городского чиновника «снизу», из мещанско-купеческой среды. Исследуя иерархию городских общественных служб Твери, А. Куприянов ставит под сомнение утвердившийся в историографии вывод «о никчёмности и беспольности совестных судов, введённых Екатериной II, и их низком престиже»¹⁸¹, в своей аргументации в пользу активного гражданства опираясь «на реконструкцию «снизу», то есть... из интересов горожан»¹⁸². Аналогичный вывод напрашивается и в отношении шестигласной думы, чья деятельность традиционно рассматривалась в историографии как «неэффективная и искусственная»¹⁸³, но при рассмотрении истории города «снизу» дума выступает как некое официальное «чрево» мещанской жизни, регулирующее повседневные стратегии и практики сословного существования. Таким образом, уже применительно к первой половине XIX века А. Куприянов постоянно акцентирует момент, подчёркивающий связь «культуры политического городского гражданства» и «практик городского самоуправления»¹⁸⁴. Обращает на себя внимание и анализ А. Куприяновым менталитета горожан в отношении «городского гражданства», в частности тот факт, что горожане не поддержали идею единого, общесословного суда¹⁸⁵. Этот момент в определённой степени служит ещё одним доказательством гипотезы о «золотом веке» мещанства, заканчивающемся введением всесословного Городового положения 1870 г., отодвинувшего мещан от дел города. Один из сюжетов диссертационного исследования А. Куприянова посвящён избирательным практикам горожан в контексте сложного переплетения со-

словных, групповых, конфессиональных и личных интересов социальных акторов¹⁸⁶. Нельзя не согласиться с его выводом о том, что «культура политического во многом имела патриархальный характер»¹⁸⁷.

Несмотря на то, что исследование В. В. Рабцевич посвящено дореформенному городу, как уже говорилось выше, та социальная реальность, которая существовала в городе в 50–60-е гг. XIX в., во многом была сформирована предшествующим периодом. Методологическая позиция автора исследования, опубликованного в советский период историографии, не играет существенной роли, так как самое ценное в исследовании – попытка чётко структурировать то, что в самом законодательстве не выглядело чётко структурированным, а именно систему городского самоуправления. Как нам кажется, автор начинает этот раздел своего исследования с самого важного, неизбежно присутствующего в русской культуре, истории, ментальности – выделения города как такового на фоне ментально аграрной страны. Горожанам в нашей истории, культуре, ментальности неуютно. При вечном стремлении определённой части русской деревни в город противопоставление городского и деревенского во все периоды русской истории остро, любой городской маргинал высокомерно ощущает себя городским, а житель деревни так же высокомерно будет его презирать. Вне данной рефлексии В. В. Рабцевич начинает с констатации того, что «один из признаков города – его особый политический статус»¹⁸⁸. Политический статус видится автору в наличии органов самоуправления. «В результате включения органов самоуправления в систему учреждений местного государственного аппарата по акту 1775 г. на них распространялся иерархический принцип организации»¹⁸⁹. Включение в любой вид иерархии для значительной части российского населения, гипертрофированно относящейся к любым проявлениям власти, оказывалось достаточно стимулирующим механизмом вовлечения в дискурс власти. В. В. Рабцевич очень тонко подмечает этот психологический нюанс: «Наглядно иерархический принцип организации городских органов самоуправления проявлялся в моменты торжественного выхода бюрократического корпуса на праздничные собрания и молебны: в тринадцатом ряду... занимали свои места городские депутаты; мещане,

предводительствуемые городским головой, замыкали шествие в двадцать втором эшелоне»¹⁹⁰. С 1785 г. система городского самоуправления, по мнению В. В. Рабцевич, усложняется и становится трёхступенной. Общегородская община получила представительство в виде собрания общества градского, общей градской и шестигласной дум. Посадская община объединялась магистратом или ратушей. Внешние связи сословных групп осуществлялись через старост¹⁹¹. В оценке общества градского В. В. Рабцевич исходит из марксистско-ленинской методологии, в частности говоря о том, что если, по мысли «буржуазных» историков, данный орган власти выступал как всеобщий, то на самом деле, так как к решению вопросов допускались только те, кто был включён в обывательскую книгу, обладал собственным домом и капиталом в 5 тыс. руб., с которого поступал взнос не менее 50 руб., следовательно, «эти требования совпадали с имущественным цензом купца второй гильдии» и в решении «значительных для города вопросов участвовали только купеческая элита и представители господствующего класса»¹⁹². Общей думе отводилась распорядительная функция в области городского хозяйства. Фактически те же вопросы, по мнению В. В. Рабцевич, подлежали ведению шестигласной думы. Автор приводит таблицы номенклатуры должностей по общегородскому и сословному выборам¹⁹³, которые, с одной стороны представляются необходимыми для анализа политической инфраструктуры города, с другой стороны, система власти на местах была столь запутанной, что каждый город имел свою собственную особенность в номенклатуре данных должностей. Мещанский староста в г. Туруханске Тобольской, а затем Томской губерний выполнял те же функции, что и мещанский староста в Самаре: вёл книги записей общественных приговоров, отвечал за составление ревизских сказок, за соблюдение паспортного режима, обеспечивал сбор податей. Как и в Самаре, практически все общественные приговоры мещан Труханска были посвящены трём вопросам: раскладке податей, сдаче внаём и выборам¹⁹⁴. По мнению В. В. Рабцевич, некоторой рационализации системы городского самоуправления добилась реформа 1822 г. Сперанского¹⁹⁵. Но в целом «вся система органов самоуправления использовалась в качестве податного механизма. Административные полномо-

чия наместников и губернаторов парализовали коллегиальные и выборные начала городского самоуправления»¹⁹⁶. Но несмотря на этот характерный для советской историографии вывод, автор чётко обрисовывает сложившуюся к середине XIX века систему самоуправления в городах. Так как её элементы присутствовали и в городах Среднего Поволжья, отметим её основные черты. Совершенно справедливо В. В. Рабцевич отмечает, что система была сложной¹⁹⁷. Органами общегородского масштаба являлись: собрание общества градского, собрание граждан по шести разрядам, общая и шестигласная думы, городской голова, депутатское собрание по сочинению обывательской книги. В пределах посада действовали городовые магистрат, сиротский, словесный суды. Мещанский староста осуществлял свои функции в среде мещанского сословия. Иерархия органов самоуправления, по мнению В. В. Рабцевич, не была чёткой и была организована на началах корпоративности, то есть «разъединяла горожан на сравнительно замкнутые категории с разным объёмом прав»¹⁹⁸. Главный вывод автора, несмотря на серьёзный анализ института власти, сосредоточенной в городе, заключался в подчёркивании тяглого характера города («абсолютизму удалось ... укрепить свои позиции, превратив горожан в сословие феодально-зависимых тяглецов, общественная жизнь которых находилась под контролем фискального и полицейского аппарата государства»¹⁹⁹). Что касается тяглого характера городского общества и контроля фискального и полицейского аппарата, мы в этом вопросе вполне разделяем позицию В. В. Рабцевич. Главное наше уточнение сводится к тому, что мещане сумели воспользоваться той ситуацией, которая была предоставлена им екатерининским законодательством. Они смогли создать «союз» с купечеством в выполнении возложенных на них задач. Их социальная активность в русле городского самоуправления создавала дискурс, лингвистически оформленный языком того делопроизводства, которое призвано было документально оформить эти интеракции.

Особое место в историографии проблемы «городского гражданства» занимают монография и статьи Н. В. Середы²⁰⁰. В анализе литературы по теме, предпринятом автором во введении к своей монографии, совершенно справедливо отмечается заслу-

га А. А. Кизеветтера, который на основе изучения больших делопроизводственных комплексов документации городских учреждений «показал отступления от законодательно предписанных норм в практике функционирования городских институтов»²⁰¹. Поэтому Н. В. Середа сосредоточивает своё исследовательское внимание на конкретном регионе, Тверской губернии, и на таких органах власти, как городские магистраты, уничтоженные в ходе реформы 1864 г. В рамках интересующей нас темы, Н. В. Середа рассматривает вопрос функционирования общества купцов и мещан в системе управления и их выборных органов. Свой анализ Н. В. Середа начинает с утверждения о том, что «вопрос о компетенции городских выборных органов управления, в том числе о круге лиц, подведомственных тем или иным из них – важный, спорный и практически не изученный на основе делопроизводственных материалов...»²⁰². Несмотря на тот факт, что Н. В. Середу интересует другой хронологический период, конец XVIII в., тем не менее, основные законодательные инициативы, как уже отмечалось нами выше, сформировавшие облик мещанства, каким мы видим его в 50–60-е гг. XIX в., корнями уходят именно в тот период. Автор выделяет концепцию А. Д. Градовского о процессе образования сословий, состоящем в организации системы тягл, повинностей, наложения их в пользу государства на различные классы общества, что сопровождалось ограничением свободы, но было необходимым средством обеспечения исправного отбывания тягостей²⁰³, «сословия, организованные в интересах государственного тягла, управляемые из центра и приписанные к одному из центральных учреждений, мешали складыванию местных территорий и местного самоуправления»²⁰⁴. Противоположный концепции Градовского взгляд был сформулирован в работе А. П. Пигары, который считал, что «вместе с учреждением магистратов городская община получила новую организацию: стала территориальной общиной людей торгово-промышленного состояния и окончательно потеряла свой поземельный характер. Одновременно община потеряла и народный характер, потому что в её составе сформировался верхний слой «регулярных граждан». Таким образом, делает вывод Н. В. Середа, А. П. Пигара «считает, что введение магистратов разрушило тяглоу город-

скую общину, разделив её членов по имущественному принципу на граждан и не граждан»²⁰⁵. Н. В. Середина акцентирует внимание и на дискуссии в историографии в отношении дифференциации городского населения на «регулярных граждан», входящих в образованные по Регламенту Главного магистрата гильдии, и «массу простого народа, живущего ежедневным трудом», или на «городских обывателей в особенности»²⁰⁶, солидаризируясь с выводами И. И. Дитятинина о подушной подати как основополагающем признаке принадлежности к гражданам, об «открытости» городского общества и его межсословном характере и, наконец, о том, что торгово-промышленное население городов не составляло замкнутого «традиционного» сословия²⁰⁷. В анализе историографии, предпринятом Н. В. Середой, исследователь обращает внимание на чрезвычайную многоаспектность использования термина «граждане». По её мнению, И. И. Дитятин уклоняется от ответа на вопрос, кто по «Жалованной грамоте» относится к категории «граждане», однако в статье «К истории «Жалованных грамот» дворянству и городам» всё же отождествляет граждан с теми городскими обывателями, которые владеют недвижимостью в городе, то есть «гражданин», «городской обыватель» – общее название для всех шести отдельных разрядов городского населения, для каждого из членов этого последнего, независимо от сословия, к которому он принадлежит, раз он владелец в городе дома или земли²⁰⁸. В подобной ситуации, по мнению Н. В. Середы, происходит не расширение понятия «гражданин», а перенос его с торгово-промышленного «сословия» на владельцев недвижимости²⁰⁹. Общество, которое образуется в результате данного законодательства, как считает И. И. Дитятин, – всесословное, так как недвижимостью могли владеть представители самых разных сословий²¹⁰ и их органом власти после 1785 г. становится всесословная дума²¹¹. Другая концепция, на анализе которой останавливается в своём исследовании Н. В. Середина, – точка зрения М. П. Щепкина, называющего «домом градского общества» «купцов и мещан» городское учреждение, которое заведовало «сборами податей и повинностей казённых с купцов и мещан, равно как и общественными складками на известные и от приговоров зависящие расходы»²¹². Н. В. Середина утверждает, что под «домом»

М. П. Щепкин понимает управленческие структуры верхневолжских городов, известных под названием земских изб и городовых дел, представляющих городские общества купцов и мещан, возглавляемые городскими старостами²¹³, и что после введения Манифеста 1775 г. ранее единая Московская гильдия разделилась на общество купцов и общество мещан, как и в городах Верхневолжья, которые, однако, составляли «некое единое целое», так как «их объединяли обязанность выплачивать государственные налоги, выполнять государственные повинности, а также право осуществлять «добровольные складки», которые шли на нужды города...»²¹⁴. Как бы ни назывались учреждения, объединявшие купцов и мещан города в их общественной городской жизни, важен сам факт существования этого сообщества, который достигался за счёт устранения дворян и разночинцев от городской общественной деятельности, считавших её «неприличной для себя»²¹⁵.

Н. В. Середя останавливается и на точке зрения В. В. Рабцевич о том, что применительно к XVIII в. следует отличать посадскую и территориальную городскую общины. «Состав посадской общины был определён законодательством достаточно чётко. В неё входили «городовые обыватели в особенности», причисленные законом к «среднему роду людей» – тяглому городскому населению, которое В. В. Рабцевич, в свою очередь, отождествляет с гражданством»²¹⁶. Городскую же территориальную общину В. В. Рабцевич отождествляет с городским обществом, отмечая, что она включала в свой состав лишь лиц, записанных в обывательскую книгу города. Но постепенно в обывательские книги стали записывать всех домовладельцев без учёта их сословной принадлежности²¹⁷.

На основе изучения материалов фондов городовых магистратов Тверской губернии за последнюю четверть XVIII в. Н. В. Середя предполагает, что гражданами города являлось население, положенное в оклад по данному городу²¹⁸, а магистраты являлись органами общегородского управления²¹⁹.

Истоки понятийной путаницы, возникающей при анализе феномена «городского гражданства», по мнению Н. В. Середы, заключаются в том, что в историографии отсутствуют исследо-

вания, «которые представляли бы систему выборных органов управления городами в конце XVIII в., выявили комплекс её элементов и принципы взаимоотношений между ними»²²⁰.

В статье «Граждане российских городов. Последняя четверть XVIII в.» Н. В. Середа продолжает анализировать основные термины, связанные с проблемой «городского гражданства»: «посадские», «мещане», «городовые обыватели», «граждане», «городское общество»²²¹. Автор приходит к выводу, что «Жалованная грамота городам создала в России особую категорию людей – «мещанство»... , одновременно закрепила существование в России территориальных образований – городских гражданских обществ, которые ведут свою историю от Петра I. С момента издания «Жалованной грамоты городам» они становились территориальными объединениями мещан. В основе принадлежности к городскому обществу... являлось положение в оклад по данному городу»²²².

К проблеме «городского гражданства», оформленного екатерининским законодательством, обращается и Л. В. Кошман в своей монографии «Город и городская жизнь в России XIX столетия». Она пишет о том, что город нового времени был в значительной степени определён «Жалованной грамотой» 1785 г., как определён был и состав городского общества, «в которое входили те, кто участвовал «в торге, ремесле или промысле»... Принцип владения собственностью в городе, когда недвижимость принадлежала не отдельным гражданам, а городу в лице его властей, имел сходство с общинной собственностью в деревне. Таким образом, в городе нового времени при его возникновении отсутствовал буржуазный принцип собственности, основанный на индивидуальном владении»²²³.

Безусловно, нельзя при анализе историографии, посвящённой проблеме «городского гражданства», не остановиться особо на точке зрения В. А. Нардовой, сформулированной в работе «Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х годов XIX в. Правительственная политика»²²⁴. В. А. Нардова, так же как и значительная часть исследователей русского города, отмечает, что «основным законодательным документом, регулировавшим устройство городского общественного управления,

вплоть до начала 70-х годов прошлого (XIX в. – З.К.) продолжала считаться «Жалованная грамота» городам Екатерины II (1785 г.). Некоторые её положения были фактически сведены на нет последующими законодательными актами, но при этом формально так и оставались неотменёнными, иные были перечёркнуты самой жизнью. Всё законодательство в целом, весьма запутанное и неопределённое, давно перестало соответствовать уровню социально-экономического развития городов и их значению в жизни страны...»²²⁵. С её точки зрения, законодательство «не давало чёткого ответа на вопрос о том, какие обыватели – «вообще» или «в особенности» – считались принадлежавшими к «составу городского общества» и как таковые пользовались правом городского представительства (могли избирать и быть избранными в органы городского управления)»²²⁶. Подразделение же жителей города на «обывателей вообще» и «обывателей в особенности» сохраняло свою силу, по мнению Нардовой, не только до, но и после реформы 1870 г. К первым относились все более или менее постоянные жители города («имевшие осёдлость по рождению, по владению недвижимой собственностью, по торгу и промыслу, по отбываемым повинностям»). «Городскими «обывателями в особенности», или «гражданами», назывались лица, принадлежавшие к городским сословиям: гильдейское купечество... , почётные граждане, мещане или посадские, ремесленники, рабочие люди»²²⁷. Как видно из данного сюжета, законодательная путаница в названиях различных категорий жителей города не только затрудняет исследовательскую интерпретацию проблемы «городского гражданства», но и порождает терминологический хаос в отношении социальных страт города. Говоря о дореформенном городском обществе, Нардова останавливается на его характеристике, данной хозяйственным департаментом министерства внутренних дел: «...его состав определялся «исключительно правами состояния» и кроме лиц купеческого звания в него входили лишь жители города, приписанные к податным сословиям, «городская община обнимает собой главным образом низшие слои населения»²²⁸. При этом, как отмечает исследователь, значительное число жителей, владевших в городе недвижимой собственностью (дворяне, лица духовного звания, разночинцы, сельские обывате-

ли, иностранцы, не имевшие звания почётных граждан), от участия в общественном управлении были устранены²²⁹. Далее Нардова приходит к выводу о том, что «в этом устранении неподатных сословий, прежде всего дворянства как самого образованного слоя городского населения, усматривалась одна из причин неудовлетворительной деятельности органов городского общественного управления»²³⁰. В этой позиции нам видится главное несоответствие между академической версией и реальными обстоятельствами городской жизни: в силу своего социального апломба, на наш взгляд, дворянство и не занималось бы хозяйственными нуждами города, даже если бы и было допущено до городского самоуправления. Нельзя не согласиться с Нардовой в том, что порядок деятельности и функции «общей думы» и «шестигласной» «были весьма неопределёнными»: «в сведениях, представленных в министерство внутренних дел с мест в начале 60-х годов, в числе учреждений городского общественного управления назывались только «собрание городского общества» и «дума». Первое исполняло роль распорядительного органа, «дума» была учреждением, ведавшим текущими делами. Выяснилось, что «общей думы» как собрания представителей города «нигде не существует...»²³¹. Для вынесения «приговоров» (постановлений), избрания должностных лиц городского общественного управления и прочих дел созывались «собрания городского общества». Министерство внутренних дел подчёркивало право участия в них обывателей, принадлежавших к городским сословиям: «Неудобство» такого порядка министерство видело в необходимости собирать «городское общество» во всех случаях в полном составе и «особенно» в том, «что в нём перевес остаётся на стороне низшего слоя городского населения – мещан»²³². По мнению Нардовой, тот факт, что распорядительные функции должно было осуществлять «городское общество» в целом, свидетельствует о неразвитости городской общественной организации, особенно учитывая то, что «европейский муниципальный строй в то время базировался уже на основе представительства»²³³. Далее все рассуждения автора строятся, исходя из принятого в советской историографии тезиса об неэффективности городского общественного управления в до-реформенной России, а именно: что касается шестигласной думы,

то «вместо шести человек от шести сословий, гласные были представлены... только сословиями купцов и мещан... , число гласных в большинстве случаев ограничивалось двумя-тремя, иногда же превышало количество, установленное законом», «...за весьма редким исключением исполнительные функции городского общественного управления вообще находились в руках чиновников канцелярии, поскольку купцы, избранные в думы, не были подготовлены к такой деятельности, а подчас не обладали элементарной грамотностью», «городские думы были практически безвластны, не имели права самостоятельно решать самые мелкие хозяйственные вопросы. Причём в силу доведённой до абсурда централизации решение чуть ли не каждого вопроса требовало санкции министерства внутренних дел. Служба на городских выборных должностях была не престижна и вместе с тем крайне обременительна. «Полноправные» горожане стремились избежать её, изыскивая для этого всевозможные средства»²³⁴. В принципе, Нардова права в своих оценках городского самоуправления, но с одним уточнением: ситуация рассматривается как «сверху», так и со стороны абстрактных категорий «исторического прогресса». На самом деле, городское сообщество создало свои социальные связи, интеракции, функционировало и решало вопросы своей социальной повседневности. Городское сообщество ещё и включало в себя общественный быт горожан, «систему социальных взаимоотношений,.. обычаи, культурные, этические и моральные традиции, особенности управления, общественную активность людей...»²³⁵.

В завершение анализа историографии в отношении проблемы «городского гражданства» или иными словами городского общественного самоуправления в дореформенный период хотелось бы остановиться на региональном исследовании, посвящённом уже непосредственно Среднему Поволжью²³⁶. Исследователь городского населения Среднего Поволжья А. Н. Зорин отмечает, что «четвёртая последняя редакция городского положения 1785 г. вошла в Свод законов 1857 г.»²³⁷. В 1861 г. органы управления «в городах края» состояли из канцелярии городского головы, городской думы и ратуши, состоящей из бургомистров и ратманов²³⁸. «Если управление осуществляла дума или канцелярия городско-

го головы, в городе имелся магистрат. При управлении ратушей магистрата не было, как не было и должности городского головы»²³⁹. А. Н. Зорин применительно к Среднему Поволжью подтверждает общий историографический вывод о том, что «общие думы» в первой половине XIX в. «потеряли всякое значение и, может быть, вообще не существовали»²⁴⁰. Что касается шестигласной думы, то, как утверждает исследователь, она «сделалась неузнаваемой по сравнению со своим прототипом», а единого «градского общества» вообще не существовало²⁴¹. Мотивацию дворян в отказе участвовать в городском самоуправлении А. И. Зорин, как и другие исследователи, связывает с «унизительностью» для них права «быть избираемыми вместе с купцами и мещанами»²⁴². Городской голова избирался всем городом по общему правилу не из кандидатов, а путём баллотировки «всех вообще горожан» подходящего сословия. Избранный голова утверждался губернатором. Городские головы избирались преимущественно из купцов первых двух гильдий. В малолюдных городах допускались головы из мещан²⁴³. С 1836 г. мещан разрешили выбирать на все городские должности²⁴⁴. Общественные должности не оплачивались, но предполагались поощрения в виде освобождения от рекрутчины и телесных наказаний²⁴⁵. А. И. Зорин достаточно эмоционально замечает, что «людей, озабоченных тем, как добыть пропитание, государство заставляло тратить драгоценное время на службу в выборных учреждениях»²⁴⁶, и добавляет: «Темнота и невежество гласных – общее место в отчётах ревизоров»²⁴⁷. Что касается оценки городских выборных учреждений как «классовых органов «буржуазии», по мнению Зорина, она «просто некомпетентна»²⁴⁸. В целом у исследователя преобладает негативный взгляд на деятельность дум: «делопроизводство в думах велось медленно, часто неправильно. Инструкции и циркуляры сплошь и рядом в срок не выполнялись. Элементарные дела тянулись годами»²⁴⁹, «думы и ратуши были очень несамостоятельны в своих действиях. Теоретически на каждый свой шаг они должны были испрашивать разрешение губернского правления, а то и высочайшее»²⁵⁰, «сметы думами составлялись небрежно и бестолково. Общественные суммы тратились на поздравления чиновников, на кормление их обедами... и т.п... В росписи вносились расходы

на уплату жалования по должностям, которых не было»²⁵¹. Таким образом, рисуется картина практически горьковского дискурса в описании провинциальной действительности.

Что касается ситуации с городским самоуправлением в Самаре, то авторы монографии «История Самары: От воеводского управления до губернской думы» отмечают, что общая городская дума практического значения в повседневной жизни не имела. По сути дела это было собрание выборщиков от разных групп горожан, которое проводилось раз в три года и занималось исключительно избранием членов постоянной, так называемой «шестигласной» думы... В уездной Самаре от издания «Жалованной грамоты» до 1850 г. было проведено 23 созыва думы»²⁵². В Самаре было четыре гласных, а не шесть, как предусматривала «Жалованная грамота». «Дума осуществляла распорядительные функции по тем сторонам жизни Самары, что были отнесены к ведению местного самоуправления. Она ведала сбором податей с горожан и несением ими повинностей, содействовала развитию торговли и ремёсел, управляла городским хозяйством и имуществом, занималась благоустройством, защищала сословные права купцов и мещан. Важнейшей частью работы думы была финансово-бюджетная»²⁵³. В целом авторы коллективной монографии приходят к выводу, что так как до 1851 г. Самара была уездным городом, «её органы городского самоуправления были развиты слабо»²⁵⁴.

Таким образом, проблема «городского гражданства» обращает нас к вопросу, сформулированному Э. Гидденсом: «Кому принадлежит город?»²⁵⁵. Сам социолог отвечал на него: «...города мира являются как домом для огромной концентрации власти и богатства, так и пристанищем для терпящих неслыханные затруднения и лишения»²⁵⁶. Несмотря на «приоритетность административной функции русского города», являвшегося в первую очередь «центром власти»²⁵⁷, город сам устанавливал социальные связи и отношения: «Большой город – это «мир незнакомцев», однако он поддерживает и создаёт новые взаимоотношения»²⁵⁸. В городах пересекаются пути различных групп населения. Они выстраивают свои социальные связи, помимо запланированной властью. По мере модернизации русского города в пореформенную эпоху горожанин становится более мобилен, связь внутри

городского сообщества ослабевала, «темп жизни» возрастал, «конкуренция начинала доминировать над взаимодействием»²⁵⁹, повседневные контакты обезличивались. В урбанистическом пространстве «множество людей живёт в непосредственной близости друг от друга, не будучи лично знакомым практически ни с кем из окружающих»²⁶⁰. Однако в городе провинциальном в 50–60-е гг. XIX в. ещё весьма сильны традиционные для сельской местности соседские отношения. Если исходить из понятия «среднего класса» как «ядра общества», «нивелирующего социальные крайности и поэтому создающего стабильность»²⁶¹, можно предположить, что купеческо-мещанское общество городов 50–60-х гг. XIX в. как раз и представляло собой такой «средний класс». Поэтому город принадлежал всем тем, кто участвовал в его внутреннем социальном взаимодействии.

Ещё один интересный вопрос, связанный с городским общественным организмом дореформенной России, касается проблемы, поднятой Б. Н. Мироновым в отношении двух моделей общественной организации: общности и общества²⁶². В общности «господствуют социальные связи, основанные на соседстве и родстве, на привязанностях, душевной склонности и уважении»²⁶³. В обществе «доминируют социальные отношения, основанные на рациональном обмене услугами и вещами, каждый участник этих отношений сознаёт полезность и ценность, которой обладает... один человек для другого. Эти отношения поддерживаются сознательно; эмоции при этом подавляются, так как они приводят к нерациональным решениям»²⁶⁴. На наш взгляд, «городское гражданство» провинциальных городов в 50–60-е гг. XIX в. объединяло в себе черты как общности, так и общества, если использовать дефиниции Миронова. Учитывая общий тезис историографии о том, что вместо всесословного городского общества сложилось общество купцов и мещан, причём именно в большинстве случаев купцов третьей гильдии, по своему социальному положению наиболее приближенных к мещанству, мы можем предположить, что это общество несло в себе много черт общности, являлось не столько малоэффективной бюрократической единицей, как это принято считать, а определённой системой социального взаимодействия, обладавшей в зачатках тем бюргер-

ским духом, которым его и хотело наделить екатерининское законодательство. Поскольку, с точки зрения источников личного происхождения, мещанство выступает как немотствующее сословие, наибольшее количество документального материала, позволяющего реконструировать поведенческие практики, менталитет сословия и т. д. применительно к 50–60-м гг. XIX в., сохранилось именно в фондах городских дум. В сочетании с исторически сложившейся особой социальной моделью «городского гражданства», в которой значительная роль принадлежала мещанству, можно условно наделить рассматриваемый период в истории сословия чертами «золотого века».

¹ Цит. по: Мифы народов мира: энцикл. Т. 1. М., 1994. С. 471.

² Там же.

³ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 5. М., 1967. С. 103.

⁴ Пастернак Б. Доктор Живаго. Куйбышев, 1989. С. 14.

⁵ Лавринович М. Б. Реформаторская политика Екатерины II в области городского законодательства (1762–1796): дис... канд. ист. наук. М., 2001. С. 241.

⁶ Семёнов А. К. Самоуправление русских провинциальных городов. С. 120.

⁷ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб., 2000. С. 111.

⁸ Там же.

⁹ Каплуновский А. П. Русская мещанская община в городах Казанского Поволжья. 1870–1918 гг.: этно-ист. исслед.: дис... канд. ист. наук. М., 1998. С. 24.

¹⁰ Миронов Б. Н. Социальная история России периода Империи. С. 113.

¹¹ Каплуновский А. П. Русская мещанская община в городах казанского Поволжья... С. 34–35.

¹² Тюрин В. А. Власть и городское самоуправление в Среднем Поволжье: опыт взаимодействия на рубеже XIX – XX вв. Самара, 2007. С. 42.

¹³ Артамонова Л. М. Административные и полицейские органы Самары в первой половине XIX века//Самарский земский сб. Вып. 4. Самара, 1996. С. 4.

¹⁴ Тюрин В. А. Власть и городское самоуправление в Среднем Поволжье... С. 34.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Семёнов А. К. Самоуправление русских провинциальных городов

в конце XVIII – начале XX вв. дис... д-ра ист. наук. Воронеж, 2006. С. 530.

¹⁷ Гидденс Э. Социология. С. 384–385.

¹⁸ Там же. С. 388.

¹⁹ Там же. С. 583.

²⁰ Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитар. наук ... СПб., 1994; Он же. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.

²¹ Бурдьё П. Социология социального пространства.

²² Зайцева Е. А. Развитие гражданских отношений городских сословий в 30–50-е годы XIX века: по материалам Москвы и Моск. губ.: дис... канд. ист. наук. М., 2003. С. 68–69.

²³ Там же. С. 98, 258.

²⁴ Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история. Т. 1. С. 345.

²⁵ Там же. С. 357.

²⁶ Цит. по.: Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история. Т. 1. С. 373.

²⁷ Там же.

²⁸ Рындзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С. 5.

²⁹ Миронов Б. Н. Социальная история России периода Империи... С. 112.

³⁰ Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история. Т. 2. С. 261–265.

³¹ Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. С. 23.

³² Кизеветтер А. А. Посадская община в России XVIII столетия // Исторические очерки: из ист. полит. идей – школа и просвещение – русский город в XVIII столетии – из истории России в XIX столетии. М., 2006. С. 230.

³³ Там же. С. 230–231.

³⁴ Кизеветтер А. А. Исторические очерки. С. 232.

³⁵ Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. С. 27.

³⁶ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. М., 2009.

³⁷ Амосова О. С. Правовой статус мещан Российской империи: XVIII–XIX вв.: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2005.

³⁸ Полное собрание законов Российской Империи. Т. 18. СПб., 1830. № 12949. § 393.

³⁹ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. С. 360.

⁴⁰ Полное собрание законов Российской Империи. Т. 18. № 12949. § 377–382.

⁴¹ Дитятин И. И. Устройство и управление городов России. Т. 1. СПб.,

1875; Т. 2. Ярославль, 1877.

⁴² Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. М., 2009.

⁴³ Там же. С. 361.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Дитятин И. И. Устройство и управление городов России. Т. 1. С. 418.

⁴⁶ Дитятин И. И. Устройство и управление городов России. Т. 2. С. 144–148.

⁴⁷ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. С. 362.

⁴⁸ Там же. С. 363.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Дитятин И. И. Устройство и управление городов в России. Т. 1. С. 401; Ключевский В. О. Краткое пособие по русской истории. М., 1992. С. 161; Кизеветтер А. А. Русское общество в восемнадцатом столетии. Ростов-на-Дону, 1905. С. 46–47; Он же. Городовое положение Екатерины II 1785 г. М., 1909. С. 283; Писарькова Л. Ф. Развитие местного самоуправления в России до Великих реформ: обычай, повинность, право//Отечественная история. 2001. № 3. С. 27–28.

⁵¹ Григорьев В. Реформа местного управления при Екатерине II. СПб., 1910. С. 115, 300–301; Российское законодательство X –XX вв. Т. 5. С. 67.

⁵² Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. С. 366.

⁵³ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи. С. 495.

⁵⁴ Собрание законов Российской Империи. Т. 9. Ст. 241.

⁵⁵ Цит. по: Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. С. 365.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ ГУСО ЦГАСО. Ф.170, Оп. 6. Д.120, 121. Обывательская книга губернского города Самары.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской Империи. С. 365.

⁶¹ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи. С. 112–113.

⁶² Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской Империи. С. 365.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. С. 366.

⁶⁶ Там же. С. 367.

⁶⁷ Там же. С. 367–368.

⁶⁸ Там же. С. 368.

- ⁶⁹ Там же. С. 369.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ Хренов Н. А., Соколов К. Б. Художественная жизнь императорской России. (Субкультуры, картины мира, ментальность). СПб., 2001. С. 10.
- ⁷² Там же. С. 18.
- ⁷³ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи. С. 113.
- ⁷⁴ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. С. 376–377.
- ⁷⁵ Там же. С. 377.
- ⁷⁶ Собрание законов Российской Империи. Т. 9. Ст. 299.
- ⁷⁷ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. С. 378.
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ Там же. С. 379.
- ⁸⁰ Пинк С. Интервью с видеокамерой: представление, саморепрезентация и нарратив//Социологический журнал. 2007. № 3.
- ⁸¹ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. С. 380.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ Серeda Н. В. Изучение функций магистратов в отечественной историографии: к проблеме «историк и источник»//Отечественная культура и историческая наука XVIII – XX веков: сб. ст. Брянск, 1996.
- ⁸⁴ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. С. 380.
- ⁸⁵ Там же. С. 381.
- ⁸⁶ Там же; Кизеветтер А. А. Городовое положение Екатерины II 1785 г. С. 358–360, 366.
- ⁸⁷ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. С. 381.
- ⁸⁸ Там же. С. 382.
- ⁸⁹ Там же.
- ⁹⁰ Там же.
- ⁹¹ Там же. С. 383.
- ⁹² Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи. С. 495.
- ⁹³ Полное собрание законов Российской Империи. Т. 28. № 21693; Т. 38. № 29665; Т. 39. № 29823, № 30187.
- ⁹⁴ Там же. Т. 39. № 30115. § 193 (14 нояб. 1824 г.); ПСЗ-II. Т. 1. № 458. Ст. 8. (11 июля 1826 г.).
- ⁹⁵ Там же. Т. 29. № 22418. Ст. 17; ПСЗ-II. Т. 6. № 4677. § 10, п. 1; СЗ. 1832. Т. 9. Ст. 334.
- ⁹⁶ Там же. Т. 39. № 30115. § 30–33.
- ⁹⁷ Рындзюнский П. Г. Городское гражданство. С. 24.
- ⁹⁸ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. С. 390.
- ⁹⁹ Лавринович М. Б. Реформаторская политика Екатерины II. С. 241.

- ¹⁰⁰ Семёнов А. К. Самоуправление русских провинциальных городов. С. 120.
- ¹⁰¹ Полное собрание законов Российской Империи. I. Т. 29. № 22678. Ст. 18; Т. 39. № 30115. § 35.
- ¹⁰² Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. С. 395–396.
- ¹⁰³ Полное собрание законов Российской Империи. I. Т. 30. № 23872; Т. 32. № 25170; ПСЗ-II. Т. 4. № 3274; Т. 6. № 4677. § 324, 334.
- ¹⁰⁴ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. С. 401.
- ¹⁰⁵ Бурдьё П. Социология социального пространства.
- ¹⁰⁶ Миронов Б. Н. Социальная история России периода Империи. С. 495–496.
- ¹⁰⁷ Писарькова Л. Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX века // Человек. 1995. № 3.
- ¹⁰⁸ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи. С. 496.
- ¹⁰⁹ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. С. 406.
- ¹¹⁰ Там же; Миронов Б. Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990. С. 229.
- ¹¹¹ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. С. 454–456.
- ¹¹² Гидденс Э. Социология. С. 248.
- ¹¹³ Там же. С. 499.
- ¹¹⁴ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. С. 457.
- ¹¹⁵ Полное собрание законов Российской Империи. II. Т. 22. Отд. 1. № 21210.
- ¹¹⁶ Там же. Т. 28. Отд. 1. № 27283.
- ¹¹⁷ Там же. Т. 31. Отд. 1. № 30030.
- ¹¹⁸ Там же. Т. 36. Отд. 2. № 37604.
- ¹¹⁹ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. С. 463.
- ¹²⁰ Полное собрание законов Российской Империи. II. Т. 31. Отд. 1. № 30058.
- ¹²¹ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. С. 464.
- ¹²² Цит. по: Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. С. 464.
- ¹²³ Полное собрание законов Российской Империи. II. Т. 13. Отд. 1. № 11366. § 6, 8, 13, 14.
- ¹²⁴ Собрание законов российской Империи. Т. 5: Устав о податях. Ст. 689–706, 730–736, 811–815.
- ¹²⁵ Полное собрание законов Российской Империи. II. Т. 38. Отд. 1.

№ 39119.

¹²⁶ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. С. 465.

¹²⁷ Там же. С. 465–466.

¹²⁸ Гидденс Э. Социология. С. 39.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Полное собрание законов Российской Империи. II. Т. 12. Отд. 1. № 10344. Т. 26. Отд. 1. № 24874; Отд. 2. № 25820.

¹³² Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. С. 468.

¹³³ Там же. С. 469.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Там же. С. 479.

¹³⁶ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи. С. 500.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Там же. С. 502.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Рындзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С. 10.

¹⁴³ Там же. С. 6.

¹⁴⁴ Ган И. А. О настоящем быте мещан Саратовской губернии. СПб., 1860. С. 27.

¹⁴⁵ Рындзюнский П. Г. Основные факторы горообразование в России второй половины XVIII в. // Русский город: ист.-метод. сб. М., 1976. С. 105.

¹⁴⁶ Там же. С. 105–109.

¹⁴⁷ Семёнов-Тян-Шанский В. П. Город и деревня в Европейской России: очерк по экон. географии. СПб., 1910. С. 5–56 // Цит. по: Рындзюнский П. Г. Основные факторы горообразование в России. С. 106.

¹⁴⁸ Рындзюнский П. Г. Основные факторы горообразование в России. С. 107.

¹⁴⁹ Рындзюнский П. Г. Городское гражданство. С. 384–385.

¹⁵⁰ Кизеветтер А. А. Исторические очерки. М., 2006. С. 9.

¹⁵¹ Бухараев В. М. Провинциальный обыватель в конце XIX – начале XX века: между старым и новым // Социальная история: ежегодник: 2000. М., 2000.

¹⁵² Там же. С. 19.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Степанов Ю. Константы: Словарь русской культуры. М., 2004. С. 680.

¹⁵⁵ Там же.

- ¹⁵⁶ Фёдоров А. А. Томас Манн. Время шедевров. М., 1981//Цит. по: Степанов Ю. Константы: словарь рус. культуры. М., 2004.
- ¹⁵⁷ Там же. С. 681–682.
- ¹⁵⁸ Брэдли Дж. Гражданское общество и формы добровольных ассоциаций: опыт России в европейском контексте//Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи: вторая половина XIX – начало XX века. М., 2007. С. 66.
- ¹⁵⁹ Там же.
- ¹⁶⁰ Руан К. Одежда и идентичность в имперской России//Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи... С. 219.
- ¹⁶¹ Там же. С. 222.
- ¹⁶² Барт Р. Система моды: ст. по семиотике культуры. М., 2004. С. 393.
- ¹⁶³ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1997. С. 12.
- ¹⁶⁴ Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983.
- ¹⁶⁵ Там же. С. 129.
- ¹⁶⁶ Куприянов А. И. Культура горожан русской провинции конца XVIII – первой половины XIX в.: опыт межрегионального исследования: дис... д-ра ист. наук. М., 2007. С. 271.
- ¹⁶⁷ Там же. С. 272.
- ¹⁶⁸ Там же. С. 273.
- ¹⁶⁹ Там же. С. 277.
- ¹⁷⁰ Там же. С. 279.
- ¹⁷¹ Там же. С. 280.
- ¹⁷² Там же. С. 282.
- ¹⁷³ Рабцевич В. В. Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск, 1984. С. 143.
- ¹⁷⁴ Куприянов А. И. Культура горожан русской провинции конца XVIII – первой половины XIX в... С. 283.
- ¹⁷⁵ Там же.
- ¹⁷⁶ Там же.
- ¹⁷⁷ Там же.
- ¹⁷⁸ Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М., 2008. С. 270.
- ¹⁷⁹ Куприянов А. И. Культура горожан русской провинции конца XVIII – первой половины XIX в... С. 291–292.
- ¹⁸⁰ Там же. С. 293–294.
- ¹⁸¹ Там же. С. 305–306.
- ¹⁸² Там же. С. 306.
- ¹⁸³ Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 178–179.
- ¹⁸⁴ Куприянов А. И. Культура горожан русской провинции конца XVIII – первой половины XIX в... С. 308.

¹⁸⁵ Там же. С. 309.

¹⁸⁶ Там же. С. 364.

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Рабцевич В. В. Сибирский город. С. 126.

¹⁸⁹ Там же. С. 131.

¹⁹⁰ Там же.

¹⁹¹ Там же. С. 133.

¹⁹² Там же. С. 135.

¹⁹³ Там же. С. 138–139.

¹⁹⁴ Там же. С. 147–148.

¹⁹⁵ Там же. С. 149.

¹⁹⁶ Там же. С. 150.

¹⁹⁷ Там же. С. 149.

¹⁹⁸ Там же. С. 149–150.

¹⁹⁹ Там же. С. 171.

²⁰⁰ Середа Н. В. Реформа управления Екатерины II. Источниковедческое исследование. М., 2004; Она же. Термины «гражданство», «мещанство», «купечество» и «посад» в документах городских магистратов Тверской губернии//Историческое краеведение: вопросы преподавания и изучения. Тверь, 1991. С. 65–74; Она же. Некоторые методологические аспекты и методы изучения массовых источников//Методологическая подготовка студента-историка. Тверь, 1991; Она же. К изучению терминов «гражданство», «мещанство», «купечество» (по документам городских магистратов Тверской губернии)//Мир источниковедения. М.-Пенза, 1994. С. 97–101; Она же. Городское гражданство России в последней четверти XVIII в.//Россия в X – XVIII вв.: проблемы истории и источниковедения: тезисы докл. и сообщ. Вторых чтений, посвящ. памяти А. А. Зимина. М., 1995. С. 534–538; Она же. Граждане российских городов. Последняя четверть XVIII в.//Право: история, теория, практика. Брянск, 1999. Вып. 3. С. 165–173; Она же. Городское гражданство России в последней четверти XVIII в.//Россия в IX –XX веках: проблемы истории, историографии и источниковедения: сб. ст. и тезисов докл. Вторых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. М., 1999. С. 422–424; Она же. Городское общество и городское гражданство России в работах И. И. Дитятина и А. А. Кизеветтера//Проблемы славяноведения: труды центра славяноведения. Брянск, 2000. Вып. 2. С. 81–87; Она же. Городское сообщество: основные вехи развития//Управление городами: история и современность: материалы науч. конф. Тверь 2001. С. 109–119; Она же. Реформа управления Екатерины II: источниковед. исслед. М., 2004; Она же. Купечество в структуре населения городов России//Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI – XIX вв.: сб. материалов Второй междунар. науч. конф. Курск, 2009; Она же. Городская реформа Екатерины II: источники и методы исследования//Когнитивная история: концепции–методы–исследовательские практики: Чтения памяти профессора Ольги Михайловны Медушевой. М., 2011. С. 332–355.

²⁰¹ Середа Н. В. Реформа управления. С. 7.

- ²⁰² Там же. С. 314.
- ²⁰³ Там же; Градовский А. Д. Общественные классы и административное деление России до Петра I // Журнал министерства народного просвещения. 1868. № 4–7; Он же. История местного управления России: Уезд Московского государства. СПб., 1868; Он же. Начала русского государственного права. Т. 1–2. СПб., 1875–1881.
- ²⁰⁴ Середа Н. В. Реформа управления. С. 314–315.
- ²⁰⁵ Там же. С. 315; Пригара А. П. Опыт истории состояния городских обывателей в России и организация его при Петре Великом. СПб., 1868. С. 156.
- ²⁰⁶ Середа Н. В. Реформа управления. С. 315.
- ²⁰⁷ Там же. С. 316; Дитятин И. И. Устройство и управление городов России. СПб., 1875. Т. 1. С. 207–240.
- ²⁰⁸ Дитятин И. И. К истории «Жалованных грамот» дворянству и городам // Дитятин И. И. Статьи по истории русского права. СПб., 1895. С. 120.
- ²⁰⁹ Середа Н. В. Реформа управления. С. 318.
- ²¹⁰ Там же.
- ²¹¹ Там же. С. 319.
- ²¹² Щепкин М. П. Что такое «Дом градского общества»? : смутный эпизод из истории городских учреждений в Москве. М., 1881.
- ²¹³ Середа Н. В. Реформа управления. С. 321.
- ²¹⁴ Там же.
- ²¹⁵ Там же.
- ²¹⁶ Там же. С. 324; Рабцевич В. В. Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск. 1984. С. 103–104.
- ²¹⁷ Рабцевич В. В. Сибирский город. С. 100.
- ²¹⁸ Середа Н. В. Городское гражданство. С. 534–538.
- ²¹⁹ Рындзюнский П. Г. Города // Очерки истории СССР: период феодализма: вторая четверть XVIII века. М., 1957. С. 192; Середа Н. В. Реформа управления последней четверти XVIII в. и её реализация в городах Тверской губернии. С. 253–256.
- ²²⁰ Середа Н. В. Реформа управления. С. 325.
- ²²¹ Середа Н. В. Граждане российских городов. Последняя четверть XVIII в. // Право: история, теория, практика. Вып. 3. Брянск, 1999. С. 165–172.
- ²²² Там же.
- ²²³ Кошман Л. В. Город и городская жизнь. С. 44–45.
- ²²⁴ Нардова В. А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х годов XIX в.: правительственная политика. Л., 1984.
- ²²⁵ Там же. С. 11.
- ²²⁶ Там же. С. 12.
- ²²⁷ Там же.
- ²²⁸ Там же.
- ²²⁹ Там же.

- ²³⁰ Там же. С. 13.
- ²³¹ Там же.
- ²³² Там же.
- ²³³ Там же.
- ²³⁴ Там же. С. 13–14.
- ²³⁵ Куприянов А. И. Русский город в первой половине XIX века: обществ. быт и культура горожан Западной Сибири. М., 1995. С. 5–6.
- ²³⁶ Зорин А. И. Горожане Среднего Поволжья во второй половине XVI – начале XX в.: ист.-этногр. очерк. Казань, 1992.
- ²³⁷ Там же. С. 144.
- ²³⁸ Там же.
- ²³⁹ Там же.
- ²⁴⁰ Там же.
- ²⁴¹ Там же.
- ²⁴² Там же. С. 145.
- ²⁴³ Там же.
- ²⁴⁴ Там же.
- ²⁴⁵ Там же.
- ²⁴⁶ Там же.
- ²⁴⁷ Там же.
- ²⁴⁸ Там же. С. 146.
- ²⁴⁹ Там же.
- ²⁵⁰ Там же. С. 147.
- ²⁵¹ Там же.
- ²⁵² История Самары: от воеводского управления до губернской Думы. Кн. первая. Самара, 2011. С. 101.
- ²⁵³ Там же.
- ²⁵⁴ Там же. С. 123.
- ²⁵⁵ Гидденс Э. Социология. С. 496.
- ²⁵⁶ Там же.
- ²⁵⁷ Кошман Л. В. Город и городская жизнь. С. 177.
- ²⁵⁸ Гидденс Э. Социология. С. 501.
- ²⁵⁹ Там же. С. 500.
- ²⁶⁰ Там же. С. 499.
- ²⁶¹ Кошман Л. В. Город и городская жизнь. С. 28.
- ²⁶² Миронов Б. Н. Социальная история России. Т. 1. С. 423.
- ²⁶³ Там же.
- ²⁶⁴ Там же.

ГЛАВА 2

«ЧРЕВО САМАРЫ»: СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ МЕЩАН В ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОД ЭПОХИ «ГОРОДСКОГО ГРАЖДАНСТВА» (1850–1870 ГГ.)

*«...возвращён в первобытное состояние,
то есть в число самарских мещан...»¹*

браз русского провинциального города, расположенного на великой реке, на пересечении торговых путей, в зоне «внутренней окраины» России, на своего рода границе, с которой начиналось пространство Урала, Сибири, Дальнего Востока, на перепутье между уездной и губернской жизнью, с одной стороны, может быть интерпретирован как типичный провинциальный «город N», в замкнутом мире и цикличном времени которого все процессы и взаимодействия видны как на ладони. С другой стороны, его фронтирная позиция предоставляла массу шансов создать такую модель общественной динамики, в которой у просветительской идеи государственности, вдали от основных «очагов» власти, появлялась возможность стать идеей народа, горожан, мещанского сословия. «Успех или неудача трансляции культурных достижений и культурных стандартов, выработанных в столицах и предлагаемых элитой обществу, зависел от их рецепции в провинции»². Этот период рецепции, растянувшийся на первую половину XIX в., сложен для изучения в силу скудности источников, сохранившихся в государственном архиве Самарской области из-за пожара в середине XIX в., уничтожившего основной массив делопроизводственной документации. Представить картину социального взаимодействия мещан города в границах «городского гражданства» в 1850–1860-е гг. позволяют материалы фонда городской думы за этот период³. Дела, связанные с мещанством города, представляют некий коммуникативный акт, природа которого охватывает

не только языковую составляющую, но и всю совокупность внешних социальных, психологических, си туативных детерминаций языковой деятельности. Реальность единства картин мира автора документа, принадлежащего к мещанскому сословию, с адресатом, в роли которого выступают мещанский староста, городской голова, мещанское общество и т. д., рождает дискурсивное единство, которое мы условно определяем как «золотой век» мещанства в границах городского гражданства.

Как писал в своей «Социологии» Э. Гидденс, «социальное взаимодействие представляет собой процесс, посредством которого мы воздействуем на окружающих и вызываем ответную реакцию с их стороны»⁴. А сфера повседневности, выступающая системой координат для социального взаимодействия провинциального мещанства, постигается через концепт «приключения», под которым Э. Гидденс понимает «всё, что идёт вразрез с ожиданиями по поводу того, как обычно должны происходить социальные взаимодействия и контакты»⁵. Историк, занимающийся анализом практик повседневного взаимодействия исторических акторов, выступает в роли иностранного туриста: «мысль о «глазеющем туристе» важна тем, что она даёт для понимания роли, которую играет повседневная жизнь, формируя наши представления о социальной среде, то есть об обыденном, хорошо знакомом или же необычном в ней. Действия и воззрения, часто кажущиеся иностранным туристам невероятно «экзотичными», являются прозой жизни с точки зрения местных жителей»⁶. Изучать «прозу жизни», взятую в ракурсе взаимодействия индивида с властью, чрезвычайно сложно, так как, являясь «прозой» для исторических персонажей, она не в достаточной степени отрефлексирована в исторических источниках. Мы опять-таки имеем дело с конструктом власти, отображённом в делопроизводственной документации, и косвенной реакцией на него со стороны мещанства, зафиксированной всё в той же делопроизводственной документации. Дела подобного рода отражают рутину повседневного взаимодействия мещанина с властью, но «изучая эти рутинные действия, можно очень многое узнать о себе как социальных существах и об общественной жизни как таковой»⁷. С другой стороны, рутинное, повседневное существование, подчинённое «таким факторам, как роли, нормы и обще-

принятые ожидания», воспринимается «отдельными людьми по-разному, в зависимости от их происхождения, в соответствии с их интересами и побуждениями. Поскольку они способны к созиданию, то постоянно творят реальность, принимая решения и совершая поступки. Иначе говоря, реальность не определена раз и навсегда... реальность создаётся во взаимодействиях людей»⁸.

Мещанство создавало свою социальную реальность путём каждодневного творческого «оплодотворения» предложенных властью сословных социальных ролей. Действия людей, по мнению И.М. Савельевой и А.В. Полетаева, можно разделить на «социальные» и «культурные». Под «социальными» авторы понимают действия, «ориентированные на ответное поведение людей», а под «культурными» – «действие, направленное на создание новых продуктов материальной и нематериальной культуры (предметных и символических сущностей)»⁹. В свою очередь, «в основе любых действий (поведения) человека лежит психическая активность», внешне выраженная в экстерииоризации, то есть в обнаружении, проявлении¹⁰. Власть воздействует на систему личности, «задавая определённые социальные нормы, т.е. правила поведения (взаимодействия), в том числе ролевого, которое в свою очередь определяется существующими социальными институтами»¹¹. Так же и система культуры влияет на систему личности, «предоставляя в её распоряжение набор культурных ценностей...»¹². Таким образом, происходит взаимодействие подсистем: «система личности «производит социокультурные действия, социальная система – социальные нормы, а система культуры – культурные образцы»¹³. Применительно к системе личности, влияния власти и общества на неё можно обозначить как интериоризацию или интернализацию, то есть «процесс усвоения индивидом социального и культурного опыта того общества, к которому он принадлежит»¹⁴. В глобальном споре двух социологических подходов к проблеме социальных взаимодействий, феноменологическом и символическом интеракционизме, нам видится скорее не противоречие, а взаимная дополняемость: в феноменологии процесс возникновения социальной системы объясняется как результат субъективных действий индивидов, а в интеракционизме – как процесс влияния социальной системы на формирование личности¹⁵.

Законодательные инициативы власти (1775 и 1785 гг.) сформировали в социальном пространстве города систему местного самоуправления. Она была предложена горожанам и как «осознанная необходимость» для выполнения городским обществом налоговых обязательств, и как возможность участия в общественной и хозяйственной деятельности. Общественные должности, на которые избирались мещане и купцы, не предполагали жалования, отрывали от каждодневного труда, направленного на выживание семьи. То есть, казалось бы, должны были являться ещё одним тяглом. Но вопреки сложившейся в историографии точке зрения о том, что до 1860-х гг. государство присваивало себе часть функций местного самоуправления и только в пореформенный период делегировало их местной общественности¹⁶, именно в дореформенный период мещане и купцы города создали свою модель «городского гражданства», относясь к нуждам города как к своим собственным, с позиций трудовой этики и психологии «хозяина». В рамках самарского городского местного самоуправления было бы преувеличением видеть в деятельности мещан какие-либо проявления политической культуры. Но и недооценивать степень влияния организма Градской думы на мещанскую жизнь не представляется возможным. Данное взаимодействие носило в некоторой степени характер патриархальных связей, в которых главой большой патриархальной «семьи» выступал городской голова, а связующим звеном между «отцом» и «домочадцами» являлся мещанский староста. Мещанское общество города было вписано в систему «городского гражданства» как корпоративная организация, выполнявшая налоговые функции, контролировавшая исполнение повинностей и выборы должностных лиц (внутри сословия и в органы городского самоуправления). Мещанское общество осуществляло приём в мещанство новых членов, имело дисциплинарную власть. Являясь юридическим лицом, обладало имущественными правами, выносило приговоры об общественных суммах, предназначенных для удовлетворения нужд самого общества. В вынесении приговоров общества могли принимать участие все мещане-хозяева, имеющие в городе недвижимую собственность, за исключением «опороченных» лиц¹⁷. Согласно Городовому положению 1870 г. мещанские общества получили

право учреждать мещанские управы. Однако управы были введены в тот момент сословной истории, когда власть в городе была захвачена уже другими социальными силами в границах нового социального пространства, сформированного Городовым положением. Да и сам сословный статус мещанства со второй половины XIX в. начал изменяться в сторону слияния с другими группами горожан: в 1863 г. была отменена подушная подать с мещан и введён общий для всех городских обывателей налог с недвижимых имуществ; в 1874 г. была отменена рекрутская повинность; в 1904 г. мещане были освобождены от телесных наказаний; в 1906 г. были отменены все ограничения в отношении государственной службы, и в этом же году отменялась обязательная приписка мещан к определённому городу. Таким образом, период сословной жизни под эгидой мещанской управы для самарского мещанства был одновременно и периодом исхода с городских «подмостков» власти над «чревом», над «душой» города, в которой сходились многочисленные нити социальных взаимодействий. Все вышеперечисленные обстоятельства позволили нам увидеть в хронологически небольшом периоде 1850–1860-х гг. признаки «золотого века» сословной жизни мещан города.

В данный период, который на самом деле являлся заключительным «аккордом» более широкого времени «городского гражданства», начинавшегося с конца XVIII – начала XIX вв. (то есть со времени реализации реформ 1775 и 1785 гг.), в Самаре действовали следующие органы местного самоуправления: городская дума, городской магистрат (суд для горожан – не дворян) и сиротский суд (орган опеки для купеческого и мещанского сословия). В начале XIX в. «все эти учреждения размещались в деревянном здании, стоявшем вне крепости на посаде неподалёку от волжского берега близ хлебных амбаров и называвшемся часто в документах «городовым общественным домом» или «домом общества градского»¹⁸. «Градское общество» имело юридический статус, владело собственностью, получало доходы со своего имущества и облагало своих членов специальными сборами¹⁹. По «Жалованной грамоте городам» 1785 г. предусматривалось создание в городах общей и шестигласной дум. «Общая городская дума практического значения в повседневной

жизни не имела. По сути дела это было собрание выборщиков от разных групп горожан, которое проводилось раз в три года и занималось исключительно избранием членов постоянной, так называемой «шестигласной» думы. Последняя являлась важнейшим органом местного самоуправления, именно её следует называть просто городской думой»²⁰. Городская дума состояла из головы и гласных, которых в Самаре было 4, а не 6, как предусматривалось «Жалованной грамотой»²¹. Дума ведала сбором податей с горожан и контролировала выполнение ими повинностей. Кроме того, регулировала вопросы, связанные с торговлей и ремеслом, управляла городским хозяйством и имуществом, занималась благоустройством, защищала сословные права мещан и купцов²². Так как «не казна, а «градское общество» содержало всю городскую администрацию и полицию»²³, важнейшей частью работы думы были финансово-бюджетные вопросы. Причём приходилось постоянно всё это согласовывать с губернатором и отчитываться перед ним. И если содержание правительственной администрации и полиции составляло 48, 95% годовых доходов «общества градского», то содержание думы и других органов городского самоуправления составляло 8,49% годовых расходов²⁴. Голова, гласные думы, судьи магистрата («ратманы») и сиротского суда не получали жалования, а довольствовались освобождением от некоторых налогов и повинностей. Жалование получали только канцелярские служащие, сторожа, рассыльные и т. д., то есть все те, кто не принимал участия в решении городских вопросов, а просто обеспечивал условия для функционирования думы. Собрания думы проводились практически ежедневно. Гласным и голове помогали в их работе купеческий, мещанский, ревизские, податные, базарные старосты, присяжные оценщики и торговые депутаты.

Как справедливо замечает А. И. Куприянов, «исследование социокультурных представлений о власти в русском городе и иерархии выборных лиц городского управления едва ли возможно без обращения к истории проведения выборов...»²⁵. Процедура выборов на должности городского самоуправления в уездный период жизни Самары реконструирована историками лишь по единичным делам, уцелевшим после пожара 1850 г. Ре-

шение о проведении выборов и их сроках принимал городской голова в конце календарного года. В особых случаях проходили досрочные выборы. Все собирались в «доме общества градского», приносили присягу, подписывались под её текстом. Результаты выборов протоколировались. Голосование проводилось шарами (баллотировкой). Получивший второй результат на выборах числился кандидатом в должность²⁶.

Самарское градское общество на каждое трёхлетие избирало побаллотировке в городскую думу городского голову (1 чел.), гласных думы (4 чел.), заседателей в палату уголовного суда (2 чел.) заседателей в палату гражданского суда (2 чел.), и в городской магистрат бургомистров (2 чел.), ратманов (4 чел.), ратманов для полиции (2 чел.), депутатов и купеческих, мещанских и податных старост²⁷. Все выбранные должности должны были утверждаться губернатором. В пользу сторонников теории «цивилизованной добродетели» городов²⁸ говорит критерий выборов кандидатов на должности в городское самоуправление. «Назначенные к баллотированию лица есть люди поведения хорошего, ни в каких пороках не замеченные, в штрафах и под судом не были, а если были, то за что и чем дела кончены»²⁹. Качества личного порядка становились особенно важными, так как, во-первых, были проверяемы в условиях небольшого пространства провинциального города, в котором многие друг про друга знали или были лично знакомы, и, во-вторых, городские должности такого низового уровня предполагали тип «персонализированного лидерства»³⁰, при котором носитель власти пользуется уважением в качестве главы «большой патриархальной семьи» – общества градского. Процедура выборов, на наш взгляд, не столько была задана властью, как об этом пишет А. И. Куприянов, сколько являлась той психической активностью провинциала, которая находила внешнее выражение в конструировании своего мира, мира провинциального города. Социальная система задаёт правила поведения, в том числе ролевого, «которое в свою очередь определяется существующими социальными институтами»³¹. «Роли» в данном действии получали купцы и мещане не моложе 25 лет, имеющие в Самаре капитал, с которого проценты составляли не ниже 15 рублей серебром³². Действие разворачивалось следующим образом:

«горожане, имеющие право участвовать в выборах, прибывали в Городскую Думу в 8 часов утра и, вместе с Городским Головою, отправлялись в Соборную церковь. Там служили для них Божественную литургию и молебен Христу Спасителю, а затем они, всем обществом, приводились к присяге, давая... «Клятвенное обещание»³³. Текст «Клятвенного обещания», апеллируя к религиозному сознанию мещанина («обещаю и клянусь Всемогущим Богом пред святым Евангелием»), формировал нравственный облик такого управленца из народа: «по чистой моей совести и чести без пристрастия и собственной корысти, устраняя вражду и связи родства и дружбы», «попечительными о пользе общественной», «(не)радивый о благе общественном в коем и моё собственное заключается»³⁴. Б. Н. Миронов очень точно характеризует это сложное чувство, испытываемое членами городского сообщества при включении их в управление городскими делами: они «смотрели на городское самоуправление как на служение государственным и местным сословным интересам, как на обязанность и право, как на повинность и привилегию...»³⁵.

Размышляя о конфигурации власти в провинциальном городе, А. И. Куприянов особо останавливается на процедуре выборов в органы городского самоуправления и на должности в этих институтах местной власти. Сразу же определяя проблему как «борьба на выборах в местное самоуправление», Куприянов отсылает свою аналитическую рефлексию в область «культуры политического» в социальной реальности русской городской провинции. Нам же в дальнейшем хотелось бы рассматривать проблему участия мещанства во взаимодействии с органами самоуправления вне дискурса политической борьбы, а как элемент общей интернализации провинциального горожанина, через которую происходила социализация и «культурализация»³⁶ личности. И, кроме того, нас интересует данная проблема в контексте анализа форм общения мещан и того, что «любое взаимодействие ситуативно»³⁷, или, как это называет Э. Гидденс, «пространственно-временной конвергенции», когда те или иные социальные интеракции индивида зависят от того, в какой «пространственной зоне» он находится, в зоне ежедневного труда или, скажем, в зоне форсмажорных обстоятельств. Иными словами, признавая важ-

ность концепта «борьбы», мы склонны замещать его терминами «игра» или «повседневные игры» обывателей с властью.

Вернёмся к анализу процедуры выборов, который предпринимает в своём исследовании А. И. Куприянов. Автор настаивает на наличии «фактов борьбы на выборах в русском дореформенном городе», придавая им смысл борьбы «партий» различных сословий и социальных групп, интересы которых сталкивались между собой (купцы и мещане, коренные горожане и мигранты, старожилы и приписанные к городу жители слобод, православные и старообрядцы)»³⁸. Если в некоторых городах не было подобной ярко выраженной борьбы, то, по мнению А. И. Куприянова, обнаруживалось «стремление к овладению властным ресурсом», что вело к «конкуренции на выборах в органы самоуправления»³⁹. Нам кажется, что власть – это в первую очередь событие, которое провоцирует повседневность. В этой связи более интересным видится замечание А. И. Куприянова в отношении того, что «городские выборы рассматривались законодателем как один из важнейших актов коммуникации царской власти и градского общества. Поэтому имперская власть позаботилась о том, чтобы придать выборам характер дела государственной важности и официального торжества»⁴⁰.

В Самаре, удалённой по сравнению с Тверью на значительное расстояние от административных центров страны, «героём» местного самоуправления мог стать некий персонаж «срединного мира», вобравший в себя «как амбициозный низ, так и склонный к компромиссу верх общества ...», выступавший «средоточием динамики. Единица среднего класса – «self made man», человек-самоделка, человек-выскачка, чей девиз – «Преуспеть, пробиться!» («Parvenir!» – в духе бальзаковского Растиньяка). Никто, ничей, ниоткуда, он определяет себя не через принадлежность к общине или культурной традиции (чему-то большему, глубже укоренённому исторически, чем он сам), но исключительно через индивидуальную деятельность и ее результаты»⁴¹. Герой семейной хроники самарских купцов Плотниковых-Шерстнёвых, Фёдор Семёнович Плотников в 25 лет, только что приобретя свидетельство купца 3-й гильдии, принял участие в выборах в городское самоуправление. Повествуя этот сюжет из его биографии, авторы

пишут: «Местное управление, в отличие от центрального, осуществлялось в это время не правительственными чиновниками, а при помощи местных жителей, заинтересованных в результатах своей деятельности»⁴². Из материалов фонда городской думы нам также видится в первую очередь практический подход к местным нуждам со стороны провинциальных горожан, а не жажда власти и связанная с ней политическая борьба. Хотя следует отметить, что и в других русских провинциальных городах исследователями были обнаружены элементы политической борьбы. Так, например, В. В. Рабцевич, анализируя выборы в органы местного управления в Томске, также как и Куприянов, пишет о политической борьбе: «...конкуренция двух партий купцов на выборах городского головы даже привлекла внимание сената...»⁴³.

Безусловно, нельзя преувеличивать альтруизм местного городского общества. Любая фигура, облечённая властью, в русской культуре несёт в себе семантически целый спектр эмоций, связанных с социальным престижем. Но практичный ум мещан и купцов видел в этой возможности не только источники личного обогащения и социального триумфа, но и возможность усовершенствовать свою социальную реальность. С другой стороны, общественная служба многими вообще воспринималась как отвлекающая от своего бизнеса, досадное обстоятельство, которого лучше избежать («общественные обязанности были не только почётны, но и обременительны»⁴⁴). То есть всё зависело от человека и его природной склонности к занятию административных должностей.

Система власти подобна русской матрёшке: один «домик» – мещанское общество; другой «домик» – городское общество и т. д. В более объёмном пространстве городского общественного «Дома» роль «хозяина» выполнял городской голова. «...формально городской голова исполнял по современным меркам не самые значительные функции и обладал относительно небольшим объёмом прерогатив. Он председательствовал в сиротском суде, руководил выборами на все должности городского самоуправления... руководил и деятельностью шестигласной думы... именно он был наделён представительскими функциями как глава города... именно по его инициативе раз в три года город-

ское общество могло заявить о своих «нуждах» губернатору или генерал-губернатору... На практике же городской голова часто расширял границы своей компетенции, сосредотачивая в своих руках порой огромную власть»⁴⁵. Иногда мещане города в своих обращениях к городскому голове настолько уповали на силу его воздействия на жизнь мещанского общества, что складывается впечатление о патриархальном стиле взаимодействия власти и общества в границах «городского гражданства». Письмо одной самарской мещанки, практически лишённое пунктуации, настолько сильно по эмоциональному воздействию, что приближает его по стилю к тексту своего рода «молитвы во власть» о заступничестве и заслуживает, на наш взгляд, приведения целиком: *«Ваше степенство милостивые государи Василий Ефимович и всех властей вообще богом премудростию определённых над нами подчинёнными прошу я все покорнейше всегдашняя ваша слуга Федосия Жарокова малолетними детьми моими буде мне отцом защитителем покровители явите божискую милость несравните одних людей з другими мы живём в г. Самаре 30 лет внесены отызмальства... неподвержены никаким жалобам ничем никого неоклеветали а ныне живём в самом жалком бедности и с малолетними детьми не стоят за нами казённые подати неверьте ответу Уланова у которого... находились в житии своём в острогах и в отроках добра немного он занимается глупостями разными у морычевых окошки перебил и калитку снял пожар сделал забор изломал если мне не поверите, то спросите вышеупомянутых всех а у нас до трёх раз забор ломали перва рас днём хотя я сама не видела... сказал, что Уланов Другой рас я видела сама – разбуянился в соседях выбежал от них и наш забор ломает ломаными досками начал с другими парнями драться и в то время я была на дворе идёт мимо пьяный, постучит в забор и кричит денег на гвозди нет одна – с малолетними детьми боюсь сказать у меня две девушки кабы насмешку не сделал не вымазал бы вароты или нас не побил»⁴⁶.*

О роли городского головы в жизни мещан будет упомянуто в дальнейшем в разделе, посвящённом паспортной повседневности. Другим же местным лидером, к которому обращались в своих нуждах мещане, был мещанский староста. Мещанский

староста, его помощники и десятские, ведавшие отдельными участками города, избирались мещанским обществом по баллам на трёхлетний срок и утверждались губернатором. Должности старосты и помощников считались общественными и долгое время не оплачивались, но по приговору общества им могли отпускать небольшие суммы. Постепенно общества получили право выделять из своих общественных сборов определённую сумму на оплату должностных лиц⁴⁷. В вынесении приговоров принимали участие все наличные мещане-хозяева, имеющие свои дома, лавки, недвижимую собственность. В обсуждении дела должны были участвовать не менее 24 домохозяев или 2/3 всех членов общества⁴⁸. Принадлежность к обществу города (в нашем случае мещанскому) не давала материальных льгот, но повышала социальный престиж горожанина (получение особого права жить в деревне не требовалось)⁴⁹. Как отмечает в своём исследовании В. В. Рабцевич, «наличие законодательно установленных критериев принадлежности к числу горожан, специальной процедуры записи, обывательской книги... , а также индивидуальных свидетельств граждан – всё как будто должно было свидетельствовать о замкнутости городской общины, стремлении её членов удержать статус горожанина, дающий определённые преимущества и выгоды», но применительно к сибирскому городу «почти половина жителей были равнодушны к формальному зачислению в состав горожан»⁵⁰. С другой стороны, как замечает этот же автор, «общество» отстаивало, нередко весьма упорно, свои интересы»⁵¹.

Необходимость участвовать в общественной жизни своего сословия, по мнению В. В. Рабцевич, вызывало негативные эмоции у мещан. Автор ссылается на прошение мещан, поданное в думу в 1827 г.: «...Общество признаёт для частного собрания не токмо неудобным, но отяготительным тем, что люди мещанского сословия, большая часть бедного состояния, занимающиеся промышленностью и разными работами для снискания пропитания и на платёж государственных податей и земских повинностей, должны безвременно отвлекаться от своих занятий и через то претерпевать недостатки и самое бедствие...»⁵². При этом нам всё-таки видится в такой социальной структуре, как мещанское

общество города, не только обременительное «тягло», придуманное властью, но и возможность выразить себя, свои нужды и принять участие в общественной жизни города.

В 1855 г. из среды мещан г. Самары были избраны на общественные должности: базарные старосты, мещанский староста, помощники податному старосте, присяжные оценщики, комиссар общественных зданий, депутат для квартирных дел, депутаты городского депутатского собрания, торговые депутаты⁵³. Из приговора мещанского общества 1856 г. видно, что «при городской думе» служило 24 мещанина⁵⁴. Из «Книги на записку приговоров, составляемых по разным случаям, купеческими и мещанскими обществами по Самарской Городской Думе» можно в определённой степени уловить определённый настрой общества, связанный с представлениями об упорядоченности и добротности своего городского социального мира, устроенного властью, но опекаемого сословиями города. 16 января 1856 г. *«мы нижеподписавшиеся мещане г. Самары, будучи в общественном собрании в доме занимаемом Городской Думою по выслушании Указа оной Городской Думы от 12 января сего года... к нашему мещанскому старосте посланного, что Самарское губернское правление указом от 5 января... разрешило Думе произвести выборы лиц в городские общественные должности а именно для бытия при городских частях на сей 1856 год четырёх выборных из мещан нашего общества... на которых надеемся что они возлагаемую на них обязанность исполнять будут в точности и добросовестно, в чём подпишемся к сему приговору...»*⁵⁵. Два слова, выявленные из текста данного документа, а именно, *«точно и добросовестно»*, характеризуют, на наш взгляд, исполнительскую роль мещанского общества в городе. Но фигура исполнителя вовсе не лишена значимости и общественной пользы. Причём как бы ни тягостно было для мещан отрываться от своих повседневных забот для выполнения общественных городских должностей и обязанностей, к этой работе, как и к любой другой работе, нужно было относиться *«точно и добросовестно»*, так как это был их город, наделённый смыслом «Дома». По выборам «служащих городских обывателей по Самарской Городской Думе» на 1858–1965 гг. видно, что должностей было на практике гораздо больше, чем предполага-

лось законодательством. Из них связанными с мещанством были гласные думы, общественный писарь, депутаты городского депутатского собрания, депутаты по торговле, аукционщик, комиссар для смотрения за общественными зданиями, мещанский староста с помощником, податный староста с помощниками, присяжный оценщик с помощниками, депутаты для следственных дел, базарный староста, добросовестный по общественным делам и добросовестный по рекрутским делам, депутат со стороны граждан по раздаче жителям г. Самары, страдавших от пожара, денег, комиссар по сбору денег с домовых труб, выборные при частях города, добросовестные при частях города, ратман полиции, староста квартирной комиссии, староста по составлению городской обывательской книги, комиссары для сбора денег в городской доход, окладчик податей, торговые депутаты, члены пожарного комитета и на большинство должностей ещё и кандидаты, которые могли бы заменить в крайнем случае⁵⁶.

15 апреля 1858 г. мещане г. Самары (21 чел.) собрались на своё общественное собрание в доме, занимаемом городской думой⁵⁷. Дом власти, место её сосредоточения, влияет на людей по-разному. Пространство дома помогает обрести идентичность⁵⁸. После пожара 1850 г. старый деревянный «дом общества градского» сгорел, уцелели лишь «стол присутствующих думы с зелёным сукном, зеркало и портрет Государя императора без рамки»⁵⁹. Представители местного самоуправления вынуждены были снимать за 290 руб. в год дом купца И. С. Лебедева⁶⁰. Нам видится весьма показательным с семантической точки зрения само понятие «дом общества градского». Заметим, что здание городской управы называли «дом присутствий»⁶¹. Дом как концепция созданного человеком культурного пространства⁶², может выступать не только в прикладном повседневном аспекте как место жизни индивида, но и в символическом, как место жизни власти. Выражение «дом общества градского» подчёркивает позитивные (эмоционально) семантические компоненты данной пространственной концепции, то есть «её защитных, охранительных и способствующих сплочению аспекты»⁶³. Как пишет П. В. Алабин, в 1810–1820 гг. в Самаре было два каменных дома, в которых в первом помещались присутственные места и жил городничий,

а во втором имелись караульня и тюрьма. В 1847 г. в Самаре было ещё только 62 каменных дома и 1583 деревянных. В 1853 г. – 316 каменных зданий и 2290 деревянных⁶⁴. Население города в 1851 г. составляло 150000 человек. Окраины города представляли собой чисто деревенский характер⁶⁵. Таким образом, сама локализация урбанистического пространства фактически была связана не с культурными смыслами, а с домами, в которых жили люди и обитала власть. В таком небольшом пространстве власть находится ближе к человеку. Она соседствует с ним. В этой связи «дом общества градского» становится семантическим воплощением тех концептов «городского гражданства» и «золотого века мещанства», о которых говорилось выше. С другой стороны, в отрицательных коннотациях, дом власти в русской традиции – первооснова новых городов на таких колонизируемых пространствах, каким являлось Среднее Поволжье. У М. Фуко читаем: «В центре и в первой городской черте – больницы для лечения всех болезней, богадельни для всевозможной нищеты, сумасшедшие дома, каторжные тюрьмы... По обочине первого кольца – казармы, суды, полицейское ведомство, жилища надсмотрщиков, площадки для эшафотов, дома палача и его подручных. По четырём углам – палата депутатов, палата пэров, академия и королевский дворец Город-карцер с его воображаемой «геополитикой»...»⁶⁶. Такой символический образ власти служит обязательной декомпенсацией, чтобы не было самообмана. Власть всегда заключает в себе элементы «карцера», даже если речь идёт о власти общественных деятелей.

Сама форма мещанского приговора, вынесенного на собрании, так же символически подчёркивает те интеракции, которые сложились в результате проведения в жизнь екатерининского законодательства в отношении «городского гражданства». Стиль приговора подчёркивается выражениями: «мы нижеподписавшиеся мещане г. Самары»; «прошение однообщественника», «уволить согласны»⁶⁷. Мещанство, облечённое властью, выступает как социальный агент, то есть оформляет письменно своё коллективное и объединённое действие. 31 марта 1858 г. 27 человек самарских мещан *«слушали прочитанное нам мещанским старостой Лебяжинским полученное им предписание Самарской город-*

ской думы от 5 марта за №... прошение сызранского мещанина Василья Егорова о желании его причислиться с семейством своим из г. Сызрани в наше самарское мещанское общество и постановили сей приговор... что мещанин... 26 лет, его жене Анне Лукьяновой 25 лет при них рождённая после 9 ревизии дочь Марья, недоимок за ним... не состоит и рекрутской очереди не подлежит, все они православного исповедания, а потому мы принять его Егорова в наше общество... согласны»⁶⁸. Из выше приведённого документа вырисовывается не только стиль документации, использующий определённые словообразования, но и дух самарского мещанского общества, действительно близкий к «Дому». П. В. Алабин объяснял это специфическое, неконфликтное и заинтересованное, общественное общение тем, что Самара являлась городом колонизаторского края, «в котором не могли иметь места те предания, которые преобладали в старинных губерниях, а также свойство местной торговли и промышленности, для занятий которыми сюда наезжали ежегодно, на временное жительство, предприимчивые, оборотливые люди из различных торговых центров. Всё это вместе взятое должно было выработать здесь... живой самостоятельный тип местного общества, более сходный с американским, чем со старинным русским... Даже главная масса городских обывателей – мещане, хотя и существуют отчасти здесь, как и везде, замкнутою жизнью, но представляют больше самобытности и свободы, чем в каком-либо другом городе и имеют больше чем где нибудь общение с остальным обществом»⁶⁹. Отсюда вытекает такое свойство самарской ментальности как терпимое и доброжелательное отношение к «чужакам», так как сам город находился «на обочине», то есть, насколько это возможно, в пространстве империи, был удалён «от центров политической... административной и прочей власти... от официальных центров образования и учреждений культуры»⁷⁰. С другой стороны, «от центров власти и иерархических структур нельзя отделиться полностью»⁷¹. Поэтому в маргинальной провинции складывается свой тип общественных отношений, которые можно определить как семейные и объединить символом «Дома».

Мещанский староста заключал в себе функцию хозяина «Дома». Хозяина можно слушаться, уважать или злиться на него

как на представителя власти. Он не был отстранённой и дистанцированной фигурой, какими для мещанского общества выступали представители коронной администрации. Иными словами, мещанский староста был «свой». А «своего» необходимо защищать от обидчиков. С этой целью однажды собрались самарские мещане, чтобы защитить своего старосту Лебяжинского от однообщественника Семёна Ларионова Ежова. Ежов (человек с говорящей фамилией), угрожал старосте и вообще вёл жизнь *«нетрезвую и озорную»*⁷². На «суд» мещанского общества Ежов был представлен как человек, который *«с давнего времени занимается пьянством, ведёт жизнь беспутную, имеет зазорный характер»*⁷³. Что касается его взаимоотношений со старостой, то *«без всякой со стороны его Лебяжинского причины делает ему словами угрозы намереваясь причинить побои. О чём он Ежов лично говорил 18 числа мая мещанам Дмитрию Сапунову Иону Кузнецову и Петру Швецову которые это самое на сём собрании подтвердили а потому он Лебяжинский вынужденным нашёл объявить об этом г. Городскому голове»*⁷⁴. В данном отрывке обращает на себя внимание отношение рядового мещанина к старосте как носителю власти, выражающееся возможностью *«причинить побои»*, то есть дистанция сокращается до минимума. Несмотря на девиантный колер сюжета, для нас в нём имплицитно заключено сообщение о гражданских отношениях между сообщественниками, так как *«быть гражданином – это не только жить на определённой территории, но и осуществлять своё участие во власти...»*, то есть *«быть включённым во власть... через опору общества»*⁷⁵. Пьяный, трезвый, Ежов ощущает в себе все права равного по отношению к старосте. Мещанский староста отправился жаловаться на Ежова к городскому голове. Сообщественники, в свою очередь, тут же *«закладывают»* Ежова, так как он посягнул на «хозяина» – носителя власти. Мещанское общество провело своё расследование. Оказалось, что Семён Ларионов Ежов, несмотря на утверждение о том, что он *«с давнего времени занимается пьянством»*, возраста ещё был юного, ему было 23 года, но он был уже женат на 22-летней Аграфене Васильевой и с 1857 г. занимал должность базарного старосты, *«в каковой утверждён постановлением Городской думы»*⁷⁶. Однообщественники выяснили, что и в должности

«базарного старосты» он уже успел получить выговор от начальника Самарской губернии с указанием городской думе объяснить Ежову «о неправильных его действиях по торговле на Троицкой площади»⁷⁷. Там Ежов нагрубил квартальному надзирателю Тряпицыну. Кроме того, «*Семен Ежов именующий себя базарным старостой неоднократно на Троицкой базарной площади бывши в пьяном виде производил буйство превышая своё звание больше обыкновенного чем нарушал общественное спокойствие*»⁷⁸. 30 мая, «*бывши он в Трактирном заведении мещанина Демидова, обличал всех, кто только приходил... безвинно обидел депутата со стороны граждан купеческого сына Ивана Паранюшкина ругал его скверно матерными словами чем неудовлетворив свой буйный характер нанёс ему Паранюшкину побои а потом схватив его за волосы ударил об стол головой о чём Паранюшкин с предоставлением мещанского свидетельства подал в самарскую городскую полицию*»⁷⁹. 25 июня вечером квартальный надзиратель Лобанов, проходя обходом по Троицкой площади, услышал шум в трактирном заведении купца Старкова и вынужден был зайти и посмотреть, что там делается. В трактире буянил Ежов. Буфетчик Старков обратился к Лобанову с жалобой: Ежов пил в трактире сам, да ещё решил угощать всех входящих в трактир лиц. Набрал напитков на 18 руб. 10 коп. серебром, он не стал расплачиваться на основании того, что, мол, является базарным старостой. После того как буфетчик потребовал денег, Ежов ещё и побил посуды на 5 руб. серебром. Несчастный буфетчик умолял Лобанова «*удержать Ежова от буйства и приказать рассчитаться*»⁸⁰. О дальнейших событиях повествует источник, составленный по законам делопроизводственной лексики: «*При увещании Лобанова Ежова чтобы он уплатил буфетчику деньги Ежов ему наделал грубости и даже намеревался причинить побои за что г. Лобанов его из заведения взял и представил в часть где Ежов в арестантской комнате снова произвёл буйство и выбивал двери препроводили Ежова к г. Городскому Голове просили внушить ему чтобы он от подобных буйств воздержался*»⁸¹. Только после всех этих обстоятельств Дума постановила освободить Ежова от занимаемой должности базарного старосты. Но жалобы от мещан на Ежова продолжали поступать. О том, что он «*при нетрезвом поведении и сварливом*

характере постоянно заводил дела со своими однообщественниками». В частности, словесный суд разбирал целых три таких дела, в которых фигурировал Ежов. Прибыв в суд, «Ежов всех обозвал ворами а Швецову нанёс сильный удар рукою по щеке о чём словесным судом через Городовой магистрат доведено было до сведения Губернского правления»⁸². К моменту скандала с мещанским старостой в результате наведения справок выяснилось, что ещё в 1857 г. мещанин Ежов, находясь в Спасском уезде, «произвёл там разные буйственные поступки замахиванием саблею на хозяина своей квартиры о чём также производилось следствие»⁸³. 7 мая Ежов явился к городскому голове Бурееву для объяснения своего поведения в словесном суде, «наделал дерзостей за что по приказанию г. Головы был задержан... из-под заточения вечером сбежал а после того разъезжая по городу с буйным видом наделал снова много шуму и угрожал всем сделать вреда»⁸⁴. Таким образом, мещанскому обществу предстояло решить судьбу Ежова. «Всем известно что Ежов... буйного характера ведёт жизнь беспутную зазорную поведения нетрезвого бывает в таком положении чем трезвый наносит всем без различия ругательства обиды и угрожает сделать вред»⁸⁵. Мещане стали думать, как поступить с Ежовым по закону. Что интересно, несмотря на законодательно проработанные правила сословной жизни, в конкретных ситуациях происходило некое самостоятельное творчество, помноженное на известную уже практику. Так, мещане стали рассуждать, что «по закону ... обличённых по суду в буйствах уголовному наказанию не подлежащих отдавать по приговору своему в рекруты а в случае негодности в ссылку в Сибирь» или «смирительный дом до исправления прежде окончательного удаления их употребляет до 3 раз согласно закону о состояниях отдаёт их в разные работы казённые городские и частные»⁸⁶. Поэтому мещанское общество Самары постановило: раз «Семён Ежов занимается пьянством больше времени в году чем трезв бывает» и тем самым наносит вред обществу, потому на основании закона, «заключить его в рабочее отделение при самарском тюремном замке для исправления»⁸⁷.

Мещанский староста доносил до сведения однообщественников указы Градской думы, а мещане на своём собрании давали

подписку в том, что они эти указы слушали: *«Мы, нижеподписавшиеся мещане Самарского общества, дали сию подписку старосте нашего общества Андрею Николаевичу Теплякову в том, что объявленный нам указ Градской Думы... в отношении торговли, с отдачей на четырёхлетнее содержание городских мер и весов мы слышали» (21 подпись)*⁸⁸. Или 45 мещан подписались в том, что мещанский староста озвучил им указ думы, *«чтобы старожилы мещане прибыли в Думу на слушанье дел, их касающихся»*⁸⁹. Мещанский староста сообщал и о проведении в Думе торгов на постройку и перекрытие ярмарочных лавок и т.д.⁹⁰. Показательно, что в своих официальных бумагах, направлявшихся мещанскому старосте, Дума обращается к нему на «ты», например: *«Градская Дума предписывает тебе...»* или *«Городская Дума препровождает при сём к тебе подсудимого мещанина Ефима Муравьёва для водворения в мещанское общество»*⁹¹. Семантически выразительной является фраза *«для водворения в мещанское общество»*, лишней раз подчёркивающая его функции в качестве семьи, дома и исправительного учреждения. В основе данных взаимоотношений находился в первую очередь экономический вопрос: кто будет содержать хулигана? В самарской градской полиции в тюремном замке содержался арестант, самарский мещанин, осуждённый за кражу двух лошадей у удельного крестьянина Старой Бинарадки. Мещанское общество города вынуждено было специально собираться, чтобы обсудить вопрос о его содержании в тюрьме, то есть кто будет платить за это⁹². Аналогичные проблемы решались постоянно⁹³. В случае с мещанкой Варварой Филипповой Суворовой, выпущенной из тюрьмы, куда она попала за укрывательство краденых вещей, мещане постановили принять её обратно в общество и *«внушитъ ей чтоб она от дурных поступков воздержалась а мужу её Семёну Антонову внушитъ что бы он не допускал её до слабости и воздерживал от законопротивных поступков»*⁹⁴.

Круг забот мещанского старосты в 50-е гг. XIX в. можно выявить из такого документа, как «Собрание указов мещанского старосты г. Самары на 1858 г.»⁹⁵. Указы касались сбора недоимок за лечение в больницах бедных мещан; водворения в Сибирь тех мещан, которые нарушали принятые в городском обществе нормы поведения; расследования спорных ситуаций⁹⁶. Старосте, к при-

меру, пришлось разбираться в деле двух мещан, «заподозренных в краже дров»⁹⁷. 30 марта на двух лошадях, запряжённых в сани, они поехали в общественный лес за сухим валежником. Следуя по берегу Волги, лошадь провалилась под лёд. Мещане увидели неподалёку неизвестно кому принадлежащую поленницу и взяли из неё несколько дров, чтобы вытащить лошадь. Каким-то образом, этих мещан привлекли к суду за кражу дров. Но нашлись люди, поручившиеся за то, что дрова были возвращены и ситуация просто оказалась чрезвычайной. Общество мещан города оправдало своих однообщественников, но решило «оставить в подозрении с отдачею на поручение одобривших поведение общественным людям»⁹⁸.

Служба выборных в старосты мещан до 1870 г. приравнивалась к службе чиновников 14 класса. На срок службы старосты освобождались от рекрутской повинности, телесных наказаний. Кроме того, им разрешалось ношение мундиров. Но в пореформенное время староста лишался этих привилегий и с 1873 г. никакими правами государственной службы больше не пользовался⁹⁹. Таким образом, и в «жизни» должности мещанского старосты период до реформы 1870 г. был своего рода «золотым веком».

Рассматривая набор тяглых обязанностей (податей и повинностей) мещан по отношению к государству (поставка рекрутов, содержание и строительство дорог, почтовых трактов, поставка подвод для войск, обеспечение их расквартировки в городах, денежная подушная подать, участие в государственном административном управлении и т. д.), А. П. Каплуновский называет мещанскую общину ««рабочей лошадкой», которая тащила нелёгкий воз многочисленных нужд государства»¹⁰⁰.

Обязанность участвовать в содержании почтового тракта контролировалась городским головой, который в 1855 г. писал мещанскому старосте: «Я предписываю Вам распорядиться нарядить из недоимных мещан в самарскую почтовую контору потребное число проводников с верховыми лошадьми для препровождения из г. Самары отправляемых почт до первой станции в продолжении весны каждый раз по требованию. Если почта не будет отправлена – на вашей старостиной ответственности. Март. 1855 г.»¹⁰¹. Кроме того, ввиду половодья городской голова

потребовал учредить при Думе сборный пункт проводников, состоящий из 10 человек с лошадьми¹⁰². Эти люди должны были постоянно поочерёдно находиться на берегу Волги и наблюдать вместе с отряженными для этих же целей верховыми казаками за благополучной переправой через Волгу проезжающих, *«содействуя в случае опасности от разрушения льда»*¹⁰³. Остаётся только предполагать, насколько нежелательной для повседневного хозяйственного выживания мещан была эта обязанность, отвлекающая их от добывания хлеба насущного.

Постепенно некоторые натуральные повинности мещан, которые были весьма обременительны для их повседневного быта, менялись на денежные. Пример такому событию в жизни мещанского общества Самары произошёл на собрании мещан города в 1857 г. Мещанам было озвучено предложение Самарского губернского правления *«о том не пожелают ли домовладельцы г. Самары заменить натуральную квартирную повинность денежной»*¹⁰⁴. Под квартирной повинностью понималась «обязанность принимать в доме на постой солдат и офицеров расквартированного в городе гарнизона. Казарм в подавляющем большинстве городов ещё не было. Строительство их только начиналось во многом по инициативе императора Николая I»¹⁰⁵. Квартирная повинность была для мещанства ещё и вдвойне обременительна из-за злоупотреблений местного воинского начальства. В *«одном из уездов Самарской губернии военное начальство квартирующих там резервных войск сделало распоряжение, чтобы при просторном расположении батальонов, жёны нижних воинских чинов оставались на полном продовольствии обывателей, без выдачи им на это ни провианта, ни приварочных денег. Вследствии возникшей со стороны жителей жалобы на такое распоряжение и согласно разрешению г. Оренбургского и Самарского Генерал-Губернатора, ... обыватели только в таком случае обязываются продовольствовать жён нижних чинов, если будут выдаваться на них положенные пайки»*¹⁰⁶. Поэтому когда мещанам предложили *«положить по 1% с оценочного рубля»* и прибавить к этому *«примерное исчисление суммы на постройку казарм»*¹⁰⁷, они приняли решение, что их действительно гораздо более устраивает *«вместо квартирной повинности по размещению нижних воинских чинов сдать деньги на строительство казарм»*¹⁰⁸.

Показательно, что на формирование сословной идентичности влияли не только подобные коллективные решения о судьбах сословной жизни, но и распространявшаяся через мещанское общество города литература, посвящённая анализу «среднего состояния» в России: санкт-петербургский купец книготорговец Василий Петров Поляков приглашал всех желающих мещан города «приобретать изданную им книгу под заглавием *Городское или среднее состояние русского народа, в Его историческом развитии от начала Руси до наших времён г. Плошинским*»¹⁰⁹. Купец 3 гильдии В. П. Поляков открыл собственный магазин в 1838 г., а вышеупомянутая книга Плошинского была издана в типографии Э. Веймара в санкт-петербурге в 1852 г. Книготорговец рассылал рекламу о ней в 1855–1857 гг. в том числе и в Самарское городское общество.

В фонде мещанской управы города Самары сохранился список лиц, избранных в разные городские общественные должности на 1857 г.: в словесные судьи избраны были 6 купцов и 2 мещан; выборными в городские части – 12 мещан; ратманами в городскую полицию – купцы; депутатами в квартирную комиссию – 3 мещанина; депутатами в городское депутатское собрание и кандидатами к ним – 2 мещанина и 2 купца; старостами для составления обывательской книги – 2 купца и 2 мещанина; депутатами для раскладки земских повинностей – 1 купец и 1 мещанин; торговыми депутатами – 4 купца и 4 мещан; в мещанские старосты и кандидатами к ним – 3 мещан; в податные старосты – 2 мещанина; в помощники податного старосты – 6 мещан; в помощники мещанского старосты – 10 мещан; в аукционисты – 2 мещан; в следственные депутаты – 2 мещан и 2 купцов; в квартирмейстеры – 3 мещан¹¹⁰. Были даже такие мещанские должности в Самаре, как «комиссар по сбору денег за чистку дымовых труб»¹¹¹.

Если согласиться с точкой зрения А. И. Куприянова о том, что «выполнение общественных служб наносило некоторый урон материальным интересам купцов и мещан», из-за чего они стремились «уклониться от должностей городского самоуправления», да и само государство «никак не могло окончательно определиться с феноменом выборной городской службы: что это в первую очередь – право или повинность»¹¹², и допустить, что для горо-

жан выполнение этих обязанностей было одним из вариантов общего тягла, то становится понятным, почему такие носители власти, как сборщики податей, вели себя по отношению к однообщественникам грубо и порой нарушали закон. Так, по указу губернского правления было заведено дело *«о причинении побоев самарскому мещанину Андрею Данову сборщиками податей»*¹¹³. Событие произошло накануне Нового, 1857 года, 31 декабря. Добросовестный самарской думы Аристарх Емельянов Воронцов, мещанский староста Емельян Кузнецов, а также сборщик податей Василий Воцагин собирали с должников по распоряжению городского головы недоимки. Придя в дом к Андрею Данову и не застав его, они стали требовать деньги с его сына Александра. Мальчик просил подождать отца, так как не знал, где дома находятся деньги. Сборщики ждать не захотели, увидев на дворе лошадь, принадлежащую сестре Данова, мещанке Чеплыгиной, решили забрать её. Мальчик попытался удержать их, но сборщики *«нанесли ему побои»*¹¹⁴. Отец пожаловался в думу. Дума, произведя своё дознание, признала сборщиков виновными, и дело было передано в суд¹¹⁵. Из материалов дела выясняется, что Аристарху Емельянову Воронцову было 56 лет, веры православной, бывает на исповеди, безграмотный, женат, был избран в добросовестные для взыскания податей и недоимок. Его рассказ о событиях 31 декабря звучит несколько иначе, чем жалоба Данова. Вот как объясняет произошедшее сам Аристарх: *«был я послан вместе со старостой Емельяном Кузнецовым и сборщиком Васильем Воцагиным в разные дома кто только не платил подушные деньги сполна и повинности и чтобы в случае кем либо неуплаты наличными деньгами то брать их в Городскую Думу а как мещанин Андрей Данов имеет за собой недоимку, то к нему и пришли в дом, не застав его, потребовали деньги с сына Александра, и как он отозвался, что нет отца, а между тем стал делать дерзости...»*¹¹⁶. Но квартирант Данова, нижегородский мещанин Виктор Семёнов Пушкин, подтвердил: *«как мальчик говорит, так и было»*¹¹⁷. В этом деле важна и сама фигура Андрея Гаврилова Данова. Он оказался не совсем рядовым мещанином Самары, о чём говорит документ в материалах городской думы, датированный 1861 годом. Андрей Данов написал в думу «объявление»: *«В прошлом*

1860 г. В июле с изволения Высочайшего Его Императорского Величества Награждён я серебряной медалью за усердие на ленте святого Станислава для ношения за человеколюбивые подвиги В подаянии пособия заболевающим холерою всем сословиям в городе Самаре, и в уездах Самарском, Бугурусланском, Бузулукском с раздачею всех средств безденежно и за прекращение в городах Самаре и Ставрополе пожаров. Впоследствии сеи награды покорнейше прошу городскую думу выдать мне и удостоверение на сию награду»¹¹⁸. Данная «реплика» из недр источника лишний раз подтверждает правоту тезиса А. И. Куприянова о том, что «горожанин... жил в небольшом (или даже совсем маленьком городе), в провинциальной среде, структурированной не только сословными, корпоративными и конфессиональными связями, но и пронизанной межличностными отношениями и родственными связями»¹¹⁹.

Делопроизводственные истории, повествующие о повседневном взаимодействии мещан города, только слегка приоткрывают эту жизнь «чрева» и говорят исследователю, подобно Чернушке в повести Погорельского «Чёрная курица или подземные жители»: «...поди за мною; я тебе покажу что-нибудь хорошенькое...». Но только обнаруживаешь это «подземное царство», как делопроизводственная история обрывается на полуслове, и ты, как Алёша, вынужден кричать ей вслед: «Чернушка! Чернушка!», но Чернушка не отвечает... «За час перед рассветом послышалось ему, что под полом что-то шумит. Он встал с постели, приложил к полу ухо и долго слушал стук маленьких колёс и шум, как будто множество маленьких людей проходило...»¹²⁰.

Прошения мещан на имя городского головы показывают, с одной стороны, сохранявшуюся патриархальность связей, общинность сознания представителей данного сословия, с другой стороны, отчаянную фронтирность этой социальной группы, которая перманентно сохранялась за счёт непрерывающегося потока тех социальных элементов, которые приписывались в мещанство, особенно в период после отмены крепостного права. У таких крестьян-отпущенников за плечами оставалась прожитая в рабстве жизнь. Причисляясь в мещанство города, многие из них не имели «никакого средства не только для уплаты

податей, но и для пропитания своё»¹²¹. С другой стороны, экономическую безысходность представляли собой и те слои мещан, которые по жизненным обстоятельствам оказались в городе без всякой поддержки и возможности заработать на кусок хлеба – это пожилые одинокие женщины, вдовы, часто с детьми. Все они писали голове: «не могу пропитываться», «нести повинности по старости лет не имею никакой возможности», «я едва могу существовать»¹²². Вдова Настасья Васильева Прусакова писала: «После покойного мужа моего... умершего в 1868 г. я осталась с пятью малолетними детьми, из коих старшему... исполнилось 18 лет, но он из-за слабости своего здоровья настолько плохой ещё пробретатель, что положительно не в состоянии и самого себя прокормить, а тем более искать средства по уплате повинностей...»¹²³. Все эти «униженные и оскорблённые» горожане уповали на помощь и защиту своего общественного лидера.

Как уже отмечалось выше, грань между мещанским и ремесленным обществами в городе была зачастую весьма условной. С ситуацией выборов часть самарского мещанства сталкивалась при избрании должностей в ремесленное общество города. «Жалованная грамота» выделяла из мещанского общества цеховых ремесленников¹²⁴. «По «гражданским делам» сословие ремесленников, так же как купечество и мещанство, представлял цеховой староста. А по производственной линии... создавались цеховые управы и избирались старшины»¹²⁵. Управы или цехи включали представителей одинакового ремесла. Желающий заниматься ремеслом в городе должен был предоставить свою работу управному старшине и его товарищам. Чтобы стать мастером, ремесленник должен был пройти обучение и получить управное свидетельство. В этом случае ему разрешалось открыть свою мастерскую. Мастер, записанный в цех, мог иметь подмастерьев и учеников. После обучения у мастера в течение трёх лет подмастерье сдавал экзамен на мастера. Мастеру запрещалось принимать на работу подмастерьев или ученика другого мастера без письменного свидетельства или отпуска того мастера, у которого эти ученики обучались ранее. Мастер устанавливал ученику или подмастерью плату, которая определялась ремесленным сходом раз в год. Мастера, подмастерья и ученики должны были подчиняться своему выборному управлению.

Оно состояло из ремесленного головы, управного старшины и двух старшинских товарищей, подмастерского выборного и двух поверенных. Ремесленного голову выбирали все ремесленные управы города на ремесленном сходе ежегодно по баллам. Ремесленный голова заседал в городской думе. Н. А. Иванова и В. П. Желтова считают, что сословие цеховых ремесленников выделяется на рубеже XVIII-XIX вв.¹²⁶. Но на практике в городе очень трудно установить водораздел между мещанским сословием и цеховыми ремесленниками. Так, к примеру, в баллотировочном списке сармарского ремесленного общества на избрание старшины портного цеха было указано, что избран мещанин Степан Петров, то же самое на должность старшины кузнечного цеха избран мещанин Антон Андреев Яранов, сапожного цеха – мещанин из Сызрани, пекарного цеха – мещанин из Самары и, наконец, самого ремесленного головы и старшины самарской ремесленной управы – также мещане, Свешников и Соколов¹²⁷. Проект изменений и дополнений в своде ремесленных постановлений 1852 г. вводил так называемое упрощённое ремесленное управление: в малых городах, посадах и местечках ремесленники могли не делиться на цехи, а образуя особое сословие, иметь одну общую ремесленную управу¹²⁸. С ремесленным сословием в России всё было достаточно сложно. Как пишут Н. А. Иванова и В. П. Желтова, «наличие полного или упрощённого ремесленного управления не означало ещё, что в городе существует отдельное от мещан ремесленное сословие, которое состояло из вечно-цеховых... В 19 городах наличие полного цехового устройства не сопровождалось записью в вечно-цеховое состояние, то есть здесь ремесленники не составляли отдельного от мещан сословия...»¹²⁹. Исходя из данных замечаний, можно предположить, что в Самаре значительная часть ремесленников не была записана в вечно-цеховые, а сохраняла принадлежность к мещанству. Кроме того, «на неограниченное время с причислением к цеховому состоянию в звании мастера, подмастерья или ученика могли быть записаны в цехи все те, кого разрешалось принимать в мещанское общество»¹³⁰. А также «временно, без перемены состояния, разрешалось записываться в цехи мещанам»¹³¹. Несмотря на то, что в России как в правительственных кругах, так и в прессе перманентно на протяжении XIX в. шла дискуссия о целесообразности

существования ремесленного сословия, оно не было отменено, и в городах подобное деление населения порождало ещё больше путаницы и лишних сложностей в жизни обывателей. Мещанин находился под контролем не только своей сословной организации, но и ремесленной. Так самарский мещанин Свешников, как было сказано выше, в 1861 г. был утверждён в должности ремесленного головы. Но старшины ремесленной управы, Соколов и Петров, уведомили городскую думу, что Свешников проходит в суде по делу о краже мраморной плиты с могилы родителей жены купца Буреева. Причины данного доноса вскрылись в результате ревизии книг ремесленной управы Самары за 1860 г. по сапожному цеху. *«Ремесленным головою Свешниковым найдены недоборы с ремесленников на 17 руб. 40 коп. произошедшие от упущения старшины того цеха мещанина Соколова и не записанные на приход по показаниям ремесленников деньги 25 руб. 73 коп. принятые от них... Соколовым», кроме того, «старшина Соколов очень редко является в присутствие и занимается своими лишь домашними делами»*¹³². Соколов в ответ написал прошение, в котором объяснил свои действия следующим образом. Его бывший подмастерье, Максим Ефимов Крутиков по книжке, предоставленной в управу, должен был заплатить ему 100 рублей в год. Но ремесленная управа удержала из этих денег 38 руб. *«не знаю по какому праву»*¹³³. Ремесленная управа объяснила, что деньги удержала «за сманку к себе ученика» Соколовым¹³⁴. В деле были прикреплены отпечатанные правила для подмастерьев, из которых видно, что *«подмастерье, поступая к мастеру, у которого желает работать, должен договориться о времени найма и о платеже»*¹³⁵. Тут же находилось и письменное условие о найме ученика к Соколову с указанной платой в 100 рублей.

А. И. Куприянов отмечает, что в провинциальном городе «существовали по меньшей мере три дискурса власти: официальный (чиновничий), престонародный и гражданский»¹³⁶. В. В. Рабцевич смотрит на проблему с позиций чёткой схемы марксистско-ленинской методологии, исходящей из «разложения и кризиса феодальных и генезиса буржуазных отношений»: «Различные объединения горожан – общегородская и посадская общины, профессиональные корпорации купцов, цеховых и мещан – были

включены в общегосударственную политическую систему и как составные элементы местного аппарата имели феодальную сущность... Общегородские дела были в компетенции городского головы, общей и шестигласной дум, собраний домовладельцев... , сиротского суда, общего и частных словесных судов. Руководство посадом осуществлялось городским магистратом, собранием общества градского. Внутрисословное управление находилось в ведении гильдейского и мещанского старост, ремесленного головы, ремесленной управы, цеховых старшин и управ... На практике сложная система городского самоуправления была упрощена...»¹³⁷. Нам видится гораздо большее количество властных дискурсов в том числе и за счёт таких сословно-профессиональных объединений, как ремесленная управа города. Один и тот же мещанин мог испытывать на себе влияние этих дискурсов. В таком случае мы сталкиваемся с явлением их интерференции. С другой стороны, этот же мещанин мог сам являться носителем всех дискурсов власти и вести свой социальный диалог с позиций хотя и небольшой, но власти. А потому он неизбежно становился объектом интриги, сопровождающей власть. Все эти интеракции способствовали в конечном счёте выработке у города своего социального лица, пока самая главная власть в государстве не изменила соотношение сил реформой 1870 г.

О ситуации в мещанских обществах других городов Самарской губернии помогает узнать фонд Самарского губернского правления¹³⁸. Из материалов фонда видно, что Сергиевское мещанское общество в 1851 г. избирало словесных судей, присяжных свидетелей, оценщиков, депутатов квартирной комиссии¹³⁹. Мещанское общество г. Бузулука в 1851 г. избирало в должности городских старост, депутатов квартирной комиссии. По всей видимости, мещанство Бузулука, так же как и самарское мещанство, не было в восторге от исполнения этих общественных должностей, отвлекающих их от повседневной деятельности. Бузулукский мещанин Семён Власов Малышев писал в своём прошении: *«В прошлом 1849 г. избран я обществом своим в кандидаты к податному сборщику мещанину В.И. Долгашёву на один токмо год, но как в течении последовавшего за тем 1850 – так и по настоящее время не освобождён ещё от этой обязанности*

и по часто временной болезни настоящего сборщика исправляю его должность приговорённом одиночестве своём нахожусь весьма стеснённым в промышленности своей требующей отлучек из города в уезд. И хотя многократно обращался с просьбою к городовому старосте нашему купцу Ситникову о сделании распоряжения касательно избрания вместо меня другого а по просьбе сборщика Долгашева в Оренбургскую городскую Думу посланной о увольнении его... не получили мы от него себе удовлетворения/Осмеливаясь низжайше просить о сделании начальственного распоряжения касательно избавления от должности... дать мне благодетельную возможность поддержанию состояния своего возобновлением прерванной почти в течении трёх лет промышленности»¹⁴⁰.

Так как разного рода общественные службы отвлекали мещан от их хозяйственных занятий, они изобретали всевозможные способы уклониться от несения службы. Этой проблеме посвящён раздел «Культура конфликтов, возникающих в связи с ходатайствами об отмене выборов» в монографии А. И. Куприянова¹⁴¹. Самарский мещанин Тимофей Егоров Лебяжинский был назначен разводчиком при квартирной комиссии. По номенклатуре должностей по общегородскому выбору, составленной В. В. Рабцевич, депутаты городских квартирных комиссий относились к должностям государственного управления¹⁴². Данные должности выбирались отдельно каждой сословной общиной. Мещанское общество Самары столкнулось в ситуации с Лебяжинским с отводом от должности по решению врачебной управы, которая «освидетельствовала... (Лебяжинского)... нашла, что он имеет на верхних и нижних конечностях рубцы, оставшиеся после заживших язв, а на правой руке два струпа показывающие незажившие язвы... заключает о худосочных свойствах язв. Больной жалуется, что рубцы по временам появляются в особенности весной и при ходьбе... должность разводчика исполнять не может»¹⁴³. Вместо Лебяжинского был избран мещанин Емельян Савельев Сидоров¹⁴⁴. По причине неумения читать и писать был освобождён от должности окладчика для раскладки податей по душам мещанин Ларион Кузьмин Сорокин¹⁴⁵. Скорее всего, баллотировка на эту должность происходила в его отсутствие, так как никто и не знал о том, что Ларион неграмотный. Его тут же заменили

мещанином Филоновым. Так же был отстранён от общественной должности комиссара для присмотра за целостностью городских зданий и имуществ бузулукский мещанин Модест Григорьев, так как *«судился в Оренбургском Городовом Магистрате по делу о перерублении гужей у хомута бывшего на лошади торгующего крестьянина»*¹⁴⁶.

Тексты клятв, которые приносили мещане при избрании на должности городского самоуправления, были практически идентичными, начиная от участия в выборах, заканчивая, к примеру, клятвой на вступление в должность словесного судьи¹⁴⁷. Принесение присяги при вступлении в должность представляло собой важное ритуальное действие, подчёркивающее сакральность власти.

Иногда занятие тех или иных общественных должностей для мещан было чревато привлечением к суду. Так мещанин Никанор Семёнов Минаев, избранный на должность депутата от граждан по следственным делам на трёхлетие, неправильно составил приговор по делу мещанина Полякова. По жалобе Полякова, Никанора решили привлечь к суду и от должности освободить. Но он написал уже со своей стороны жалобу в Правительствующий Сенат, и все обвинения с него были сняты¹⁴⁸.

Ещё одно пространство провинциальной власти проявлялось во властных прерогативах самого мещанского общества города. Это касалось приёма или перечисления в их сообщество мещан из других городов, представителей других сословий. Принимались в общество вдовы, крестьяне, младшие воинские чины (например, запасной старший унтер-офицер из крестьян), ссыльные, учителя и т. д.¹⁴⁹. Увольнялись в монашество, в крестьянство, на государственную службу, в высшие учебные заведения и т. д.¹⁵⁰.

По прошениям об увольнении из общества порой предстаёт картина семейных мещанских переездов, представляющихся нам ещё одной гранью этого «фронтирного» во всех отношениях сословия: пересечение границ социальных, географических, ментальных, экономических акторами этого социума делает символ «мещанского мирка» наделённым такими свойствами мобильности, в результате которых «мирок» превращается в «мир», а насе-

ляющие его персонажи из обывателей превращаются в «пилигримов» модернизационных процессов. О переезде мещан Чурковых мы узнаём из прошения в думу женщины, Екатерины Петровой Чурковой. Большое семейство самарских мещан Чурковых сдвинулось с места, решив переселиться в Томскую губернию. Большое семейство – это свёкор нашей героини, свекровь, муж, она сама, двое детей. Цель переезда «*приискание себе нового места жительства*»¹⁵¹. В Томской губернии семейству не понравилось и они отправились «*обратно для приискания другого общества*»¹⁵². Прибыли в Верхнеуральск. Но тут заболел муж Екатерины, Исай. Поэтому семья решила остановиться на жительство в этом городе, приписаться в местное мещанское общество. В этот момент Екатерина и написала прошение об увольнении из самарского мещанства. И мы ещё раз невольно обращаемся к определению «героя срединного мира»: «человек-самоделка», «никто, ничей, ниоткуда»¹⁵³.

В 1852 г. пёстрый состав мещанского общества г. Самары характеризует таблица, составленная по выписке из Сказок девятой ревизии о мещанах г. Самары¹⁵⁴.

<i>Отсуждённых</i>	19 муж.	(карандашом вписано 31)	28 жен.
<i>Воспитанников приказа</i>	4		
<i>Незаконнорождённых</i>	12		2
<i>выморочных</i>	2		2
<i>иноверцев</i>	1		(4)
<i>отпущенников</i>	1894		2058
<i>Заграничных выходцев</i>	11		
<i>Хивинских пленников</i>	7		8
<i>кантонистов</i>	49		
<i>солдат</i>	81		
<i>почтальонов</i>	1		
<i>Подьячих детей</i>	3		
<i>раскольников</i>	1		
<i>цеховых</i>	1		
<i>еврей</i>	2		
<i>Татар новокрещенцев</i>	40		
<i>чуваш</i>	1		
<i>Из сибирских поселенцев</i>	1		
<i>Французской нации</i>	1		
<i>Духовного звания</i>	120		
<i>Итого</i>	2188		1923

В Самаре к мещанству города принадлежали и цыгане, основным видом деятельности которых была «конная торговля»

и стоявшее рядом с ней конокрадство. Тем не менее представительница этой, в общем-то маргинальной этнической группы, в своём прошении в городскую думу описывает свой семейный быт как легитимное сословное существование, на фоне которого проступок её внука воспринимается как исключение из правил, заслуживающее снисхождения. *«Из цыган восьмидесятилетней мещанки Анны Ивановой Богомоловой Прошение Более 30 лет состоим в самарском обществе, поведением своим, как перед правительством, так и перед обществом порочными видимы не были, но единственная промышленность цыган, есть конная торговля, которая незаметными путями, а в особенности неопытного молодого человека может вовлечь и в величайшую ответственность. Внук мой из цыган мещанин Павел Васильев имеющий 24 лет, привлечён был с прочими лицами (мещанами) к делу о конокрадстве, и по решению этого дела, около трёх лет тому назад, сослан в арстантские роты, по окончании трёхлетнего срока, должен быть осуждён обществом... Имея такие преклонные лета, и оставаясь без приюта и призора с одной лишь женой его Устиньей Николаевой, угнетённой тоже болезнью,.. покорнейше просить Ваше Высочество, как начальника общества, и как отца детей, предложить это признание обществу на тот предмет не будет ли оно ко мне так милосердно, как Милосерд Господь к Кающимся Грешникам... не оставит ли внука моего в среде своего общества без удаления...»¹⁵⁵.*

Мещанские общества принимали решения не только о том, чтобы изгнать из своей среды, но и отпустить однообщественников на учёбу или для устройства на такую работу, которая требовала исключения из мещанского сословия. Для работы учителем подготовительного класса при Ставропольском уездном училище Пётр Сергеев Кошкин был *«исключён из класса мещан»*¹⁵⁶. Увольнение требовалось и для обучения в гимназии¹⁵⁷. Мещанин Пармен Поликарпов Бакшеев просил мещанское общество уволить его сына Илью *«для поступления в самарскую гимназию к продолжению наук»*¹⁵⁸. Дмитрий Афанасий Чайников, самарский мещанин, также хлопотал о сыне в 1858 г.: *«Желая поместить в число учеников Самарской Гимназии сына своего Михаила, имеющего ныне от роду 12 лет, покорнейше прошу Городскую Думу уволить*

его для обучения и выдать мне надлежащее свидетельство. К сему присовокупляю, что подати и все повинности за помянутого сына я обязуюсь платить сам своевременно впредь до исключения его из податного состояния»¹⁵⁹. Аналогичное прошение поступило и от мещанина Андрея Степанова Боголюбского¹⁶⁰. Мещанское общество не очень-то тепло относилось к подобным просьбам, создавая многочисленные препятствия для таких семей. Это проистекало от нежелания потерять человека как единицу налогообложения и кандидата для рекрутства, от социальной зависти к тем семьям, которым экономический статус позволял давать детям образование, и от неизбывной для русской культуры и истории глухой неприязни тех, кто был вне дискурса высокой культуры, к «образованным» и «культурным». В дело пришлось в 1863 г. вмешаться даже самарскому губернатору Замятину. В циркулярном обращении в Городскую думу он писал: «Директор Училищ Самарской губернии уведомил меня, что по отзывам лиц, принадлежащих к податному сословию, отдающих детей своих или родственников для образования в гимназию, оказывается, что не мало труда стоит для них выхлопотать увольнительное от общества свидетельство, требующееся для принятия мальчиков в гимназию...»¹⁶¹. С другой стороны, в 1862 г. мещанское общество спокойно, не чиня препятствий, отпустило для обучения в Академию художеств мещанина Ивана Ушакова, в своём решении отметив: «платёж податей за него... до новой ревизии мы принимаем на себя»¹⁶². В том же году выдано было увольнительное свидетельство и Василию Рябушкину для поступления в Казанский университет¹⁶³. В 1859 г. выдали увольнительное свидетельство женщине, Лукерье Павловой для поступления на службу в почтовое ведомство¹⁶⁴.

Все решения мещанского общества о принятии или исключении из своей среды поступали к податному старосте. Вновь причисленным в мещанство, к примеру, из отпущенных на волю крестьян, как правило, предоставлялось на несколько лет освобождение от уплаты податей и от рекрутской повинности¹⁶⁵. Так, мещане г. Самары постановили: «отпущенного на волю дворового человека с женою, сыном, дочерьми причислить в самарское мещанское общество с 6-летнею от платежа податей льготою (считая

ону с 1857 г. по 1863 г.) а от рекрутских повинностей освобождён со времени отпуска на волю на 10 лет»¹⁶⁶. Другого отпущенного на волю крестьянина с женой и двумя дочерьми приняли в мещанское общество с «2-х летней льготой от платежа податей и от рекрутской повинности – на 5 лет»¹⁶⁷. Крестьянскую вдову Матрёну, отпущенную на волю с сыном, Меркурием Феоктистовым, приняв в самарское мещанство, освободили от податей на 6 лет и на 10 лет от рекрутской повинности¹⁶⁸. Такая практика адаптации к новой городской жизни была достаточно широко распространена¹⁶⁹.

Между купечеством и мещанством происходила постоянная ротация. В 1857 г. в самарское мещанство было причислено 28 человек купцов, не объявивших капитал¹⁷⁰. Причисленные в мещанство, они, естественно, не меняли в одночасье свою социальную психологию, но ощущали понижение статуса. Сохранялся повседневный быт, в том числе и быт экономический. Поэтому не представляется возможным согласиться с точкой зрения Э. Виртшафтер о том, что «царская политика скорее создавала своими законами «общество-экономику»... , а не определяла «среднее сословие» в социальном смысле»¹⁷¹.

В самарское мещанство причислялись бывшие дворовые люди князей, купчих, «прапорщиц», есаулов, прапорщиков и т. д., отпущенные на волю¹⁷². Причислялись исключённые из военного ведомства кантонисты и солдатские дочери¹⁷³.

Что касается горизонтальной мобильности, самарское мещанство пополняли жители различных губерний империи. Они приезжали большими семействами¹⁷⁴. В 1858 г. из г. Шуи Владимирской губернии в самарское мещанство причислялся Григорий Васильев Говядин с семейством: «желаю причислиться с женою моею Настасьей Петровой, сыном Ефимом, его женою Пелагеею Васильевой, их дочерьми: Матрёною и Ольгою... в самарское мещанство – имею необходимую надобность в приёмном свидетельстве»¹⁷⁵. Бузулукский мещанин Степан Андреев Мосягин просил выдать ему приёмный приговор о причислении его, жены Татьяны, детей Петра, Павла, Ивана, Митрофана, Анны в самарское мещанство¹⁷⁶. А самарская мещанка Прасковья «по первому мужу Рябинина, а по второму – Скоробогатова» просила об увольнении

из мещанского общества Самары для причисления в московское мещанское общество¹⁷⁷. Она уже давно живёт со вторым мужем в Москве и хочет забрать туда и сына от первого брака¹⁷⁸. Новокрещёный из татар Пензенской губернии Саранского уезда д. Лямбиль Фекретдин Сейфуллов, а по крещению Николай Филипов, был также причислен в самарское мещанское общество¹⁷⁹.

Участие самарского мещанства в «городском гражданстве», или в городском самоуправлении, включающем в себя перипетии жизни в границах мещанского общества, можно ещё определить и как эмоциональное сообщество. Это не яркая эмоциональная выразительность бунтующих масс, не эмоция общественного счастья, не эмоция коллективного горевания, вызванная, к примеру, рекрутством, войной или стихийным бедствием. Это спокойное чувство уверенности, которое давала старожилам и вновь присоединённым к обществу приобщённость к «чреву» города, закреплённая «Обывательской книгой». В этой уверенности не было тягловой безнадежности. Общественная служба и само общество обеспечивали мещанам приобщение к городской цивилизации, которая понимается не только как «гражданское общество», в котором «каждый дееспособный городской гражданин... наделялся правом избирать и быть избранным в органы городского управления»¹⁸⁰, но и в повседневной, будничной уверенности в завтрашнем дне: «Вот, Егорка, деньги получил за работу, а завтра праздник: так мы щей сварим, пирог загнём, да ещё чего бы? Киселя аль каши? – Каша невпример лучше... – Ну, так каши... И во всём так: идёт ли отец гулять, в церковь, в гости – везде с ним Егорка»¹⁸¹. Дальнейший период взаимодействия сословия и власти на уровне города приведёт к потере этого патриархального чувства ответственности за город-дом. Егор, герой «Мещанского счастья», вырастет. Покинет своё социальное «чрево». На смену общественникам придут чиновники. И прочтёт в письме от Андрея Негодящего: «...ты не можешь быть купцом, архитектором, механиком, литератором, барином, священником... ты можешь быть чиновником – это неизбежно...»¹⁸². Общественный труд заменит профессионализация. Купеческо-мещанский симбиоз сменится всесословным принципом. Город будет расти, и вместе с ним будет расти дистанция между горожанами и пропадать па-

триархальное соседство-родство. А пока мы оставляем мещанина города уверенным в незыблемости существующего социального строя и сословной структуры. Мы оставляем его в городе, к которому он был прикреплён, но к которому относился как к дому. И это чувство поднимало его над иерархически определённым формально-юридическим статусом.

¹ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.80. Л.492.

² Куприянов А. И. Городская культура русской провинции. С. 3.

³ ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 1,6.

⁴ Гидденс Э. Социология. С. 78.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 79.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 80.

⁹ Там же. С. 99.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 100.

¹³ Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история. Т. 1. С. 100.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 105.

¹⁶ Миронов Б. Н. Социальная история России. Т. 2. С. 257.

¹⁷ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. С. 470.

¹⁸ История Самары: от воеводского управления до Губернской Думы. С. 99.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 101.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 102.

²⁵ Куприянов А. И. Городская культура русской провинции. С. 216.

²⁶ История Самары: от воеводского управления до Губернской Думы. С. 103.

²⁷ Баранов В. С., Михеева А. В., Шерстнёв В. Г., Шерстнёва Г. С. История самарского купечества. С. 15–16.

²⁸ Гидденс Э. Социология. С. 497.

²⁹ ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д.1080. Л.16 (Об.).

- ³⁰ Гидденс Э. Социология. С. 518.
- ³¹ Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история. Т. 1. С. 99–100.
- ³² ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д.1080. Л.16 (Об.).
- ³³ Баранов В. С., Михеева А. В., Шерстнёв В. Г., Шерстнёва Г. С. История самарского купечества. С. 16.
- ³⁴ ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д.46. Л.17–17 (Об.).
- ³⁵ Миронов Б. Н. Социальная история России. Т. 1. С. 498.
- ³⁶ Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история. С. 101.
- ³⁷ Гидденс Э. Социология. С. 93.
- ³⁸ Куприянов А. И. Городская культура русской провинции. С. 217.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же. С. 220.
- ⁴¹ Венедиктова Т. Секрет срединного мира: культурная функция реализма XIX века//Зарубежная литература второго тысячелетия. 1000–2000. С. 195.
- ⁴² Баранов В. С., Михеева А. В., Шерстнёв В. Г., Шерстнёва Г. С. История самарского купечества. С. 15.
- ⁴³ Рабцевич В. В. Сибирский город. С. 136.
- ⁴⁴ Баранов В. С., Михеева А. В., Шерстнёв В. Г., Шерстнёва Г. С. История самарского купечества. С. 17.
- ⁴⁵ Куприянов А. И. Городская культура русской провинции. С. 216–217.
- ⁴⁶ ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д.15. Л.60–60 (Об.).
- ⁴⁷ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. С. 469.
- ⁴⁸ Там же. С. 470.
- ⁴⁹ Рабцевич В. В. Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск, 1984. С. 92–93.
- ⁵⁰ Там же. С. 96.
- ⁵¹ Там же. С. 101.
- ⁵² Там же. С. 122.
- ⁵³ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.26. Л.186.
- ⁵⁴ Там же. Л.527.
- ⁵⁵ Там же. Ф.170. Оп. 6. Д.122. Л.18.
- ⁵⁶ Там же. Д.119. Л.5 (Об.)-501 (Об.).
- ⁵⁷ Там же. Д.507. Л.140 (Об.).
- ⁵⁸ Баак ванн Й. Дом и мир//Антропология культуры. Вып. 3. М., 2005. С. 66.
- ⁵⁹ История Самары: от воеводского управления до Губернской Думы. С. 99.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Алексушина Т. Ф., Алексушин Г. В., Буданова А. А. Самара, улица Дворянская. Самара, 2009. С. 219.
- ⁶² Баак ванн Й. Дом и мир. С. 41.

- ⁶³ Там же. С. 44.
- ⁶⁴ Алабин П. В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города: ист.-стат. очерк. Самара, 1877.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Фуко М. Надзирать и наказывать. С. 453.
- ⁶⁷ ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д.507. Л.140 (Об.).
- ⁶⁸ Там же. Л.142 (Об.).
- ⁶⁹ Алабин П. В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города: ист.-стат. очерк. Самара, 1877.
- ⁷⁰ Дэвис Н. З. Дамы на обочине: три женских портрета XVII века. М., 1999. С. 243–244.
- ⁷¹ Там же. С. 245.
- ⁷² ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д. 507. Л.157 (Об.).
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ Соловьёва С. В. На стороне власти. С. 50.
- ⁷⁶ ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д. 507. Л. 158 (Об.).
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ Там же. Л.159.
- ⁷⁹ Там же. Л.159 (Об.).
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ Там же. Л.160.
- ⁸² Там же. Ф.170. Оп. 6. Д.507. Л.161.Г
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ Там же. Л. 161 (Об.).
- ⁸⁵ Там же. Л. 162.
- ⁸⁶ Там же. Л.162–162 (Об.).
- ⁸⁷ Там же. Л.162 (Об.)-163.
- ⁸⁸ Там же. Ф.217. Оп. 1. Д.4. Л.42–42 (Об.).
- ⁸⁹ Там же. Л.45–47.
- ⁹⁰ Там же. Л.75.
- ⁹¹ Там же. Л.121, 136.
- ⁹² Там же. Л.190.
- ⁹³ Там же. Л.242, 247.
- ⁹⁴ Там же. Л.166–166 (Об.).
- ⁹⁵ Там же. Ф.217. Оп. 1. Д.32.
- ⁹⁶ Там же. Л.62–226 (Об.).
- ⁹⁷ Там же. Л.207.
- ⁹⁸ Там же.
- ⁹⁹ Каплуновский А. П. Русская мещанская община. С. 83.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 23.
- ¹⁰¹ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.14. Л.1–1 (Об.).
- ¹⁰² Там же. Л.2.
- ¹⁰³ Там же. Л.7.
- ¹⁰⁴ Там же. Д.26. Л.935.

- ¹⁰⁵ Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России. С. 205.
- ¹⁰⁶ ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д.621. Л.5.
- ¹⁰⁷ Там же. Ф.217. Оп. 1. Д.26. Л.935.
- ¹⁰⁸ Там же.
- ¹⁰⁹ Там же. Л.953.
- ¹¹⁰ Там же. Д.33. Л.319–321.
- ¹¹¹ Там же. Д.26. Л.1711 (Об.).
- ¹¹² Куприянов А. И. Городская культура русской провинции. С. 282.
- ¹¹³ ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д.317.
- ¹¹⁴ Там же. Л.1–1 (Об.).
- ¹¹⁵ Там же. Л.2.
- ¹¹⁶ Там же. Л.31–31 (Об.).
- ¹¹⁷ Там же. Л.34.
- ¹¹⁸ Там же. Д. 489. Л.1.
- ¹¹⁹ Куприянов А. И. Городская культура русской провинции. С. 292.
- ¹²⁰ Погорельский А. Чёрная курица, или Подземные жители: волшебная повесть для детей. М., 1999.
- ¹²¹ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.80. Л.814.
- ¹²² Там же. Л.820, 845, 846, 878.
- ¹²³ Там же. Л.865.
- ¹²⁴ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. С. 372.
- ¹²⁵ Рабцевич В. В. Сибирский город в дореформенной системе управления. С. 115.
- ¹²⁶ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. С. 396.
- ¹²⁷ ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д.490. Л.5–25.
- ¹²⁸ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. С. 479.
- ¹²⁹ Там же. С. 481.
- ¹³⁰ Там же. С. 485.
- ¹³¹ Там же.
- ¹³² ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д. 490. Л. 35.
- ¹³³ Там же. Л. 36–37.
- ¹³⁴ Там же. Л.41.
- ¹³⁵ Там же. Л.43.
- ¹³⁶ Куприянов А. И. Городская культура русской провинции. С. 297.
- ¹³⁷ Рабцевич В. В. Сибирский город в дореформенной системе управления. С. 166–171.
- ¹³⁸ ГУСО ЦГАСО. Ф.1. Оп. 1. Д.25, 28.
- ¹³⁹ Там же. Л.12 (Об.)-13.
- ¹⁴⁰ Там же. Д.28. Л.19–19 (Об.).
- ¹⁴¹ Куприянов А. И. Городская культура русской провинции. С. 283–299.
- ¹⁴² Рабцевич В. В. Сибирский город в дореформенной системе

- управления. С. 138.
- ¹⁴³ ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д. 491. Л.54.
- ¹⁴⁴ Там же. Л. 60.
- ¹⁴⁵ Там же. Л.66.
- ¹⁴⁶ ГУСО ЦГАСО. Ф.1. Оп. 1. Д.28. Л.21.
- ¹⁴⁷ Там же. Ф.170. Оп. 6. Д. 46, Л.17–17 (Об.); Д. 491. Л.129.
- ¹⁴⁸ Там же. Д.493. Л.3.
- ¹⁴⁹ Там же. Ф.217. Оп. 1. Д.300. Л.61.
- ¹⁵⁰ Там же. Л.70, 88.
- ¹⁵¹ Там же. Ф.170. Оп. 6. Д.1558. Л. 156.
- ¹⁵² Там же.
- ¹⁵³ Венедиктова Т. Секрет срединного мира: культурн. функция реализма XIX века. С. 195.
- ¹⁵⁴ ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д.1471. Л. 67–67 (Об.).
- ¹⁵⁵ Там же. Д.1558. Л.287–287 (Об.).
- ¹⁵⁶ Там же. Ф.217. Оп. 1. Д.24. Л.43.
- ¹⁵⁷ Там же. Д.26. Л.203.
- ¹⁵⁸ Там же. Ф.170. Оп. 6. Д.214. Л.1.
- ¹⁵⁹ Там же. Д.219. Л.1.
- ¹⁶⁰ Там же. Д.215. Л.1.
- ¹⁶¹ Там же. Д.621. Л.205.
- ¹⁶² Там же. Д.580. Л.2.
- ¹⁶³ Там же. Д.579. Л.1.
- ¹⁶⁴ Там же. Д.578. Л.1.
- ¹⁶⁵ Там же. Оп. 1. Д.24. Л. 49 (Об.)
- ¹⁶⁶ Там же. Л. 51.
- ¹⁶⁷ Там же. Ф.217. Оп. 1. Д.24. Л. 53–53 (Об.)
- ¹⁶⁸ Там же. Л.55.
- ¹⁶⁹ Там же. Л.57 (Об.), 59, 62.
- ¹⁷⁰ Там же. Л.176.
- ¹⁷¹ Виртшафтер Э. Социальные структуры. С. 191.
- ¹⁷² ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д.37 (а). Л.49,95,162,208, 218.
- ¹⁷³ Там же. Л.384; Д.199. Л.1 (Об.)-2.
- ¹⁷⁴ Там же. Л.43.
- ¹⁷⁵ Там же. Д.212. Л.1.
- ¹⁷⁶ Там же. Д.213. Л.1.
- ¹⁷⁷ Там же. Д.218. Л.1.
- ¹⁷⁸ Там же.
- ¹⁷⁹ Там же. Д.37 (а). Л.184.
- ¹⁸⁰ Семёнов А. К. Самоуправление русских провинциальных городов. С. 120.
- ¹⁸¹ Помяловский Н. Г. Мещанское счастье: очерки бурсы. М., 1981. С. 6.
- ¹⁸² Там же. С. 81.

ГЛАВА 3. «КРУЖИТСЯ ЦЕРКОВЬ, ТРАКТИР И ДОМА, КРУГОМ КРУЖИТСЯ МОЯ ГОЛОВА»: ПОТЕРЯ «ЧРЕВА» И ОБРЕТЕНИЕ «УПРАВЫ» В ЭПОХУ ВСЕСОСЛОВНОСТИ (1870–1917 ГГ.)

*Пришла весна-красна, у лисы избёнка растаяла,
а у зайца стоит по-старому.
Вот лиса попросилась у него переночевать,
да его из избёнки и выгнала!*

Русская народная сказка

Управные страсти

сход» мещан из городского самоуправления был предreshён Городовым положением 1870 г., нанесшим «сильнейший удар по общинным отношениям в среде городского сословия»¹. Новую расстановку сил в пореформенном городе с иронией характеризует Б. Н. Миронов: «Реформа наконец создала всесословное общество горожан ценой ли-

шения 95% городского населения избирательных прав вследствие имущественного ценза, в принципе небольшого, но оказавшегося для 95% бедных российских горожан непреодолимым»². С этого момента мещанское общество города теряет значение в городском самоуправлении. Власть в городе фактически переходит к богатому купечеству и профессиональной интеллигенции. «Исход» мещан обнаруживается в документах фонда городской думы, начиная с 1870-х гг.³ Как уже отмечалось выше, фонд № 170, ГУСО ЦГАСО скомплектован из дел, связанных с компетенцией Градской думы и всесословной, учреждённой после введения Городового положения без какого-либо внутреннего «водораздела». После 1870 г. из номенклатуры дел практически исчезает само слово «мещане (ин, ка)», в то время как до этого периода опись шестая данного фонда практически полностью была посвящена мещанско-купеческой теме. Новая дума занималась, казалось бы, всё теми же вопросами городского хозяйства, общесословного

признания, здравоохранения, культуры, образования. Но вместе с «исходом» мещанства компетенция её была сужена по сравнению с предшествующим периодом. Но зато она получила определённую автономию от коронной администрации. Город рос, превращаясь в столицу губернии. Увеличивалось его население. Вместе с ним росла и элита. Часть её концентрировалась в думе. Малообразованным, патриархально настроенным городским старожилам предшествующего поколения трудно было выдержать конкуренцию с новыми грюндерами и интеллигенцией. Правительство «стремилось... привлечь к решению новых городских задач наиболее образованную часть русского общества»⁴. По мнению авторов коллективной монографии «История Самары: от воеводского управления до Губернской Думы», привлечение «высокообразованных представителей дворянства... благотворно влияло на деятельность органов городского самоуправления»⁵. Бывшие соратники мещан по городскому самоуправлению, купцы, стали другими. Это новое поколение купеческих семей города уже не походило на тех одиночек, прибывших в Самару в середине XIX в., чтобы начать своё дело, подняться по общественной лестнице: «никто, ничей, ниоткуда». Законодательство 1863, 1865 гг. привело к упразднению третьей гильдии купечества⁶, представители которой так активно сотрудничали с мещанством в границах Градской думы. Отныне устанавливались две гильдии, для подтверждения которых нужно было ежегодно платить достаточно высокий гильдейский сбор. Поэтому экономический статус этого нового купечества предполагал респектабельность образа жизни и определённый социальный снобизм. На выборах самарской городской думы 1892 г. 60% гласных было от купечества, 22,6% – от дворян⁷. Тех представителей мещанского сословия, которые входили в число гласных думы, характеризует такой источник, как формулярные списки о службе. Биографии этих мещан отражают появление социального типа в мещанстве, более близкого к купечеству и земской интеллигенции: те же императивы, связанные с пониманием общественного блага, те же пути достижения социального престижа, те же амбиции и умеренный альтруизм. Рассмотрим в качестве примера формулярный список гласного Самарской городской думы Александра

Ефимовича Нестерова, составленный в 1911 году⁸. Сразу же обращает на себя внимание отчество с использованием суффикса -ич (в то время как в мещанском делопроизводстве до революции 1917 г. продолжало употребляться отчество, оканчивающееся на -ов-ев»). Суффикс становится равнозначен очередному этапу в эволюции сословной жизни, этапу более высокого социального статуса, который давала работа в думе, а следовательно, и в среде образованной части городского общества. Александру Ефимовичу было 36 лет. Он получил образование, закончив первое городское четырёхклассное училище. У него был свой дом на Соборной улице. Самарским Биржевым обществом Нестеров был избран членом раскладочного присутствия, уполномоченным по заведыванию продовольственными работами и «устройству самарской бухты». В браке с Марией Степановной имел 7 детей. За «полезную деятельность и особые труды» в 1915 г. Нестеров получил звание личного почётного гражданина⁹. На посту гласного думы он трудился в разнообразных комиссиях: фактически-ревизионной, скотобойной, мостовой, театральной, финансовой, трамвайной, пожарной. Так как в его формулярном списке есть сведения, что в 1913 г. он был избран на четырёхлетие, следовательно, карьерный рост этого уважаемого горожанина, мещанина, продолжался вплоть до революции¹⁰. Аналогичные формулярные списки мещан – гласных думы – помогают воспроизвести всё тот же новый социальный тип: образование в городском училище, семья, собственный дом, работы в различных комиссиях и присутствиях, бизнес¹¹. Многие из мещан-гласных впоследствии становились купцами. Некоторые, такие как Нестор Тимофеевич Якушев, причислились в мещане из крестьянского сословия. Якушев был членом Самарской городской управы. Носил на груди серебряный жетон общества Красного Креста, полученный за пожертвования, и светло-бронзовую медаль в честь 300-летия Дома Романовых. Его содержание составляло 3000 руб. в год. Образование получил в Министерском сельском училище. Был женат. В гласные городской думы его избрали в 1909 г. Якушев состоял в технической комиссии, в комиссии по выработке переоценки недвижимых имуществ г. Самары, в исполнительной комиссии по заведыванию городской пожарной коман-

дой, членом комиссии по делам страхования рабочих, комиссии по урегулированию цен на мясо и по устройству городских холодильников, членом эпидемической комиссии для принятия мер по борьбе с эпидемиями скарлатины и дифтерита, комиссии по пересмотру положения об адресном столе в г. Самаре и т.д.¹² И при всех этих должностях имел обыкновение подписываться на официальных бумагах «не имеющий чина самарский мещанин из государственных крестьян»¹³ (напрашивается ассоциация с другой социально-семантической игрой, описанной Ю. М. Лотманом, когда «известный приятель Пушкина князь Голицын... до старости указывал в официальных бумагах: «недоросль»¹⁴). Что касается его профессиональной карьеры, то началась она практически в годы учёбы в министерском училище. За успехи в учёбе он получил награду Св. Евангелия и Похвальный лист. В период с 1865 по 1883 г. Нестор Тимофеевич служил в частных купеческих торговых фирмах, занимавшихся хлебной торговлей. В 1884 г. открыл собственное дело по торговле хлебом. Женился на бездетной самарской мещанке¹⁵. Одна из его последних должностей в дореволюционный период – заместитель члена Губернского присутствия по пароходному налогу¹⁶ с октября 1916 г. В целом следует отметить, что этот новый тип мещан-грюндеров, способных выступать в социально-экономической и общественной жизни города наравне с купцами, интеллигенцией и дворянами, в определённой мере позволявших себе прохладно относиться к сословному статусу как к некоей данности, которая не мешала их представительской активности и бизнесу и не умаляла их престиж, заслуживает специального исследования. В рамках данной работы мы «пунктирно» обозначили этот персонаж, чтобы в дальнейшем повествовании не делать «реверансы» в его сторону. Обозначили и забыли.

В период после 1870 г. претерпело изменения и само мещанское общество города. Как отмечает Б. Н. Миронов, «рядовые граждане были фактически отчуждены от управления и принятия решений, им осталась роль статистов. Так прекратила своё существование непосредственная демократия в обществах... мещан...»¹⁷. В результате того, что подушная подать была заменена индивидуальными денежными сборами, круговая порука – индивиду-

альной ответственностью, а рекрутская повинность – всеобщей воинской повинностью, «общества в значительной мере утратили административную, дисциплинарную и финансовую функции. Это привело к тому, что корпоративное крепостное право мещанских... обществ на своих членов было уничтожено, но также к тому, что пребывание мещан... в обществах потеряло экономический смысл»¹⁸. Кроме того, из-за потери мещанскими обществами права на распоряжение землёй «поземельные мещанские общины попали в тяжелейшее экономическое положение и стали быстро разрушаться и разоряться»¹⁹. Основной вывод Б. Н. Миронова в отношении мещанских обществ сводится к тому, что они не имели будущего, «хотя и деградировали медленнее ремесленных и купеческих»²⁰. Их полицейскую, благотворительную, культурно-религиозную деятельность Б. Н. Миронов оценивает значительной только на бумаге и отмечает, что она «осуществлялась не столько по внутренней потребности... сколько в силу обязанности перед государством, по инерции, чисто формально и просто по принуждению»²¹. Данная ситуация была вызвана тем, что «сословный строй фактически умирал, но юридически ещё сохранялся. А раз он продолжал существовать, то закон требовал, чтобы сословные организации так же продолжали действовать»²². Мещанское общество рубежа XIX–XX вв. Б. Н. Миронов характеризует по сравнению с предшествующим периодом как деградацию²³. И заканчивает свои рассуждения на эту тему своего рода эпитафией для сословия: «Формально мещанские общества прекратили своё существование в конце 1917 – начале 1918 г. с отменой сословий и закрытием сословных организаций. Но эта смерть была тихой и закономерной»²⁴. Похоронив, таким образом, ещё при жизни сословную организацию мещанства, Б. Н. Миронов предоставил нам замечательную возможность посмотреть на сословную жизнь в границах «неэффективной системы» и «тупиковой ветви развития». Ведь люди, принадлежавшие к мещанскому сословию города, продолжали жить, вступать в различные виды социального взаимодействия как с управой, так и между собой, писать жалобы, обращаться в управу как в адресный стол, увольняться из общества, решать через служащих управы внутрисемейные конфликты, то есть демонстрировать нюансы обыденно-

го сознания. И если пользоваться терминологией, предлагаемой Л. П. Репиной²⁵, в отношении диагностирования «синдрома» Б. Н. Миронов оказывается прав, но нашей задачей становится акцентирование внимания на «симптомах».

Одним из таких «симптомов», придающих «смысл всем... формам поведения»²⁶, становится модель функционирования мещанской управы г. Самары в период «угасания сословности», то есть с момента образования и до 1917 года, а также её социальные связи с мещанами города.

Согласно Городовому положению 1870 г. мещанские общества получили право своими приговорами, утверждаемыми губернаторами, учреждать мещанские управы для заведывания делами общества²⁷. Члены мещанских управ, как и мещанские старосты и их помощники, избирались по закону 3 апреля 1889 г. сроком на три года²⁸. В компетенцию мещанских управ входили вопросы «информационно-распорядительного плана, сословной попечительности, персонального учёта мещан и выдачи им видов на жительство, раскладки и реализации сборов и повинностей, другие общественные и хозяйственные дела», мещанские старосты «отвечали за сбор подушной подати и привлечение к рекрутской повинности (пока они существовали), а в конце века к предметам ведения мещанских старост относилось «отображение согласия от мещанского общества на приём в оное просящихся или на увольнение, перечисление и т. п.»²⁹. Выборы считались состоявшимися только после утверждения их губернатором. Мещанская управа занималась исполнением решений, принятых на собрании общества³⁰.

В 1871 г. накопившиеся жалобы на процедуру проведения собраний мещанского общества Самары заставили губернатора вмешаться в этот процесс и внести в него определённые коррективы. Он потребовал, чтобы, во-первых, отныне о каждом собрании мещанского общества ему заблаговременно доносили с объявлением точной даты проведения. Во-вторых, независимо от приглашения мещан на собрание повестками или особыми объявлениями, нужно было заблаговременно публиковать в «Самарских губернских ведомостях» и в «Справочном листке» бесплатное объявление о собрании. В-третьих, со всех постановлений

мещанского общества губернатор требовал копии. И, наконец, в-четвёртых, во время проведения собраний мещане не должны были допускать шума и беспорядков. Чрезмерную «шумность» мещанских собраний в Казани отмечал и А. П. Каплуновский³¹. Губернатор настаивал, чтобы, с одной стороны, предоставляли каждому желающему возможность высказаться, с другой стороны, поступали с нарушителями порядка согласно пунктам 4, 5, 6, 9 Правил о производстве дел в дворянских, земских и городских собраниях. И, наконец, губернатор предложил самарскому мещанскому обществу решить, какое число членов общества должно присутствовать на собрании, чтобы постановление общества имело силу³². Исходя из этих требований, можно представить, что до вмешательства губернской власти в дела мещанского общества там царил «пешехонский» произвольный порядок. Обиженные на мещанское начальство, отправлялись жаловаться губернатору. Однако, социальная активность в границах «своего курятника», амбиции, скверные русские характеры и заносчивость скорее отражали национальный русский характер, нежели являлись отличительными сословными чертами.

Но уже 8 декабря 1871 г. на своём собрании мещане г. Самары *«приговорили: для более правильного ведения общественных дел и удобного сбора с общества повинностей мы желаем открыть с 1 января 1872 г. Мещанскую Управу, которая должна состоять из Председателя и двух членов»*³³. Мещане попросили «господина Начальника Губернии права произвести выборы вновь», то есть выбрать председателя мещанской управы и членов управы. К этому моменту должность мещанского старосты занимал Иван Григорьевич Белов. Его же мещане избрали и на должность председателя управы, причём и в мещанском делопроизводстве, и в повседневной речи за председателем мещанской управы города сохранилось название «мещанский староста». На выборы мещанское общество Самары собралось в полном составе. Выслушали молебен и приступили к голосованию. За Белова было 92 шара, против – 20³⁴. Белов был утверждён губернатором на этом посту. Клятвенное обещание при вступлении председателя мещанской управы в должность сохранили то же, что и при вступлении в должность мещанского старосты³⁵. В члены мещанской управы

был избран Алексей Дмитриевич Грачёв. По закону он должен был также принести присягу, но тут возникла особенная ситуация, о которой Грачёв писал в объяснительной записке: «...я принадлежу к обществу Духовных христиан, верующих в Евангелие, признающих браки и молящихся за царя и по своему исповеданию неприемлющих присяги, то вследствие этого обязуюсь исполнять должность эту по совести, согласно всем требованиям закона»³⁶. За него проголосовали: 81 шар – «за» и 30 шаров – «против»³⁷. И такой результат выборов показателен, учитывая достаточно жёсткую позицию государства по отношению к «сектантам». Тем более что до 1883 г. существовал запрет на избрание старообрядцев и сектантов в должность по общественному управлению³⁸. Самарское мещанское общество по незнанию закона или, опять-таки, по «пошехонскому» обычаю пренебрегло законом. Вторым членом Самарской мещанской управы был избран Ульян Иванович Суслов³⁹. Повышение статуса мещанских сословных органов власти отразилось в изменившемся обращении к председателю: «Г. Председатель Самарской мещанской управы» и в употреблении в их отчествах суффикса -ич⁴⁰. Меняется и стиль обращений губернатора к председателю мещанской управы. С одной стороны, по-прежнему дистанция, разделяющая этих двух носителей власти, огромна, что прочитывается в их переписке, с другой стороны, губернатор уже обращается к Господину Председателю на «Вы»: «...поставляю Вас в известность, что решительный ответ относительно приведения в исполнение приговора мещанского общества о сборе с оного суммы 5128 руб. на содержание мещанской управы и на другие общественные надобности, я могу дать не прежде, как по рассмотрению сведений, затребованных от Вас...»⁴¹.

Изменение статуса мещанского старосты Белова, превратившее его в Господина Председателя мещанской управы города, не спасло от внутренних конфликтов, в которые он оказался втянут «фрондой» из мещан, претендовавших, по всей видимости, на активное участие во вновь образованной структуре власти.

В 1871 г. на собрании мещан города планировалось обсудить много важных вопросов, но явилось всего 20 человек, и среди них Иван Яковлев Фоминский «в азартном виде»⁴². Фомин-

ский во время ведения старостой собрания *«произнёс ему... много оскорбительных слов, на что даже многие бывшие приглашёнными на собрание повестками лица очень оскорбились»*. Причём некоторые из присутствующих, *«видя что Фоминский в азартном виде произносил оскорбительные слова, даже вышли из комнаты»*, заявив, что *«оскорбление одному распространяется на всех»*. Фоминский обвинил старосту в том, что он не имеет права *«брать себе полное жалование»* и *«общество должно отдать его под суд»*, поинтересовавшись попутно у старосты, *«зачем взялся за должность если ничего не понимает»*. Выражал свои мысли Фоминский *«площадными словами»*, и оскорблённые общественники постановили запретить ему являться на собрания в течение трёх лет⁴³. Выступивший с обвинениями в некомпетентности старосты Фоминский, по всей видимости, ждал своего часа. И вот в 1876 г. он вместе с другими мещанами (А. Даниловым и И. Абрамовым⁴⁴) обратился с жалобой на самарского мещанского старосту Белова к губернатору, отметив, что *«староста, незнакомый с законами... допустил беспорядки: в собрании участвовали мещане в нетрезвом виде»*. Фоминский даже не вспомнил про свой «азартный вид» несколькими годами ранее, а сообщал, что когда во время проведения собрания стали обсуждать вопрос о принятии в свою среду бывших арестантов и мещане отказались их принимать, некто Севастьянов с приятелями стали оскорблять проголосовавших против и староста не мог никого призвать к порядку⁴⁵. В 1876 году, когда жалобе был дан ход, Белов уже не являлся мещанским старостой. Причём сменивший его на этом посту Смирнов, пробыл мещанским старостой только один год, хотя, как правило, старосты избирались на три года. Можно предположить, что избрание Смирнова было вызвано какими-то конфликтами внутри мещанского общества.

На собрания общества, связанные с выборами в 1873–1874 гг., собиралось около 80 человек мещан⁴⁶. В 1874 г. мещане Самары избрали членами мещанской управы Спиридона Анисимова и Ивана Чегодаева, приведя их к традиционной присяге, единственно добавив новую фразу: *«не щадя живота своего до последней капли крови»*⁴⁷. То есть новые члены мещанской управы, принося присягу, обязывались служить мещанскому обществу

города *«до последней капли крови»*. От них действительно этого ждали многие однообщественники. И когда подозревали в обратном, начинали требовать для нарушителей закона справедливости. Но, как показывает история одного такого мещанского «борца» за справедливость из г. Бузулука (Самарской губ.), сами оказывались в проигрыше, ведь нельзя спорить с властью!

Эта история произошла в 1877 г. в г. Бузулуке. Главным фигурантом беспорядков в мещанском обществе города было само мещанское «начальство» (следует заметить, что в небольших городах управы не были созданы и сохранялись прежние органы управления в лице мещанских старост и десятских, что было подтверждено в 1899 г. Законом о состояниях⁴⁸): мещанский староста Гречушкин, сборщик податей Попов и общественный писарь Колосов⁴⁹. О беспорядках сообщил губернатору в Служебной записке бузулукский мещанин Иван Ефимов Струков: *«11 декабря у нас в г. Бузулуке проводились общественные выборы в должность мещанского старосты, сборщика и писаря. Как только собрание было открыто, то мною г. Председателю было подано заявление о злоупотреблениях старосты Гречушкина, сборщика Попова и писаря Колосова. Я просил предварительно выборов прочесть во всеулышанье мещанскому собранию. Г. Агрономов (исполняющий должность Городского головы, член Бузулукской городской управы) принял моё заявление прочитал про себя – уходил в другую комнату откуда минут через 5 или больше возвратясь в зал собрания начал проводить баллотировку на которой впервых предлагал баллотировать подозреваемого в растрате общественных сумм старосту Гречушкина, но он по моему предложению и других от сего устранил, но г. Агрономов несколько раз приступал к выбору Гречушкина, но его предложение было всё-таки отвергнуто/по причине недачи им обществу отчёта. Затем г. Агрономовым был предложен к выбору в должность старосты мещанин Исай Ильин Павлов, подававший о своём желании баллотироваться на эту должность заявление и при участии на собрании его брата... , получил 70 избирательных балов, далее баллотировался мещанин Гаврила Дмитриев Макаров, который получил равное число 70 избирательных балов, но посредством жребья досталось быть мещанским старостом»*

стою Павлову. Этот выбор я нахожу совершенно неправильным во первых потому, что если бы не участвовал при выборе брат Павлова, то ему не досталось бы быть мещанским старостою, во-вторых, не все лица, которые подавали заявления и желали получить должность мещанского старосты баллотировались, а в третьих, г. Председатель, по моему мнению, имея в виду мною заявленное желание баллотироваться. Обязан был предъявить собранию, что такие лица подали заявление... Остались без баллотировки такие лица, которые соответствуют этой должности и достойные ответственного доверия. Затем было предложено избрать общественного писаря и тут председатель г. Агрономов предложил к выбору служащего в настоящее время писаря Колосова участвовавшего в растрате общественных денег...»⁵⁰. Далее Струков пространно объясняет, что так как председатель не прочёл собранию до выборов его заявление о растрате средств, никто и не знал, что они растрочены. Поэтому собрание выбрало на должность писаря Колосова. Струков пишет губернскому начальству: «Поданное мной заявление состояло в следующем: член комиссии по учёту мещанских интересов Бузулукский мещанин Ефим Яковлев Долгушев в июне месяце сего года случайно при разговоре высказал мне, что с прочими своими сотрудниками... производили учёт сборщику податей Ивану Попову за 1874 год нашли, что им сборщиком собраны 4185 руб. 38 коп. из них сдано в Уездное казначейство под квитанции 2712 руб. 28 коп. Выдано мещанскому старосте на содержание мещанского управления 1332 руб. 35 коп. осталось на руках 140 руб. 15 коп. Но у него Попова ничего не оказалось... что выдал вперёд в жалование общественному писарю Колосову 110 руб. 25 руб. мещанскому старосте Гречушкину на канцелярские расходы а 5 руб. 75 коп. употребил в свою пользу... Мещанский староста никому в этом отчёта не дал»⁵¹. В своей жалобе, таким образом, Струков просил провести выборы вновь. Данная записка имела для мещанской управы г. Бузулука достаточно серьёзные последствия. Для начала Струков был предупреждён об ответственности по статье 307 уст. угол. судопроизводства за ложный донос⁵². Губернским начальством была организована комиссия, которая приехала для проверки деятельности Бузулукского ме-

щанского начальства. В первую очередь комиссия проверила ведение Податных тетрадей и ужаснулась: *«комиссия полагала, что они ведутся аккуратно, так как в них большинство денег казны, но напротив, ведение их настолько безобразно и несогласно с законом, что подобного ведения едва ли встретить в сельских обществах, где сельские писари сплошь и рядом бывают из таких грамотеев, что не скоро сообразят сколько дважды два»*⁵³. Но тем не менее, комиссия решила, что данный проступок *«нельзя отнести к вине старосты и сборщика, а скорее к небрежности общественного писаря. Ему-то непростительно, во-первых потому, что он не малограмотный, а во-вторых выбирается на эту должность чуть не в продолжении 10 лет и получает приличное содержание»*⁵⁴. Далее комиссия приступила к проверке окладных листов, решив, что по Податным тетрадям о недостачах им не удастся ничего узнать. Но выяснилось, что Окладные листы ведутся ещё хуже Податных тетрадей, *«неаккуратно»*⁵⁵, *«например, Дмитрий Николаев Бычков в 1874 г. у него было переплаты 1 р. 42 к. в 1874 г. он вновь уплатил 7 р. 18 к. и у него образовалась переплата 5 р. 25 к. а по книге у него значится переплаты только 4 р. 33 коп.»*⁵⁶. Однако, по мнению комиссии, в этом также виноват «стрелочник» – общественный писарь. Потом комиссия приступила к проверке Податной книги за текущий 1876 год. Хотя книга осталась непроверенной, так как вообще не была ещё заполнена, стали проверять конкретные суммы, сданные сборщиком Поповым. Выяснилось, что повинностей он сдал 500 руб., старосте на общественные надобности – 196 руб. 33 коп., новому сборщику передал 21 руб. 53 коп. и в результате на бузулукском обществе осталось 2712 руб. 32 коп. недоимок⁵⁷. Откуда взялись недоимки? Комиссия постановила: *«Понятное дело, что от нерадения старосты и сборщика податей – это доказывается во-первых в том, что сборщик из собранных в повинности денег сдал старосте на жалование вместо подлежащих за два года 650 р. 14 коп. – 2820 р. 72 коп.,... в виде добавочного жалования»*, во-вторых, староста, по мнению комиссии, должен был отчитываться, *«между тем наш мещанский староста Кузьма Иванов Горчишников не заботился»* об отчётности, и, в-третьих, сборщик податей *«повинности не собирал,*

то только что чуть не на жалованье себе, старосте и писарю иначе если бы он сбирал, то у него не осталось бы недоимки за теми в особенности личностями, которые у него чуть не на носу сидели и лица эти имеют средства»⁵⁸. После этого комиссия приступила к проверке паспортных книг. Выяснили, что «паспорта выдавались и таким лицам, которые не уплатили сполна податей»⁵⁹. «Обращаясь затем к книгам переходящих сумм, Комиссия, снова видя там беспорядки, положила руку на сердце, не может без прискорбия говорить: видна щедрость для лиц почтового ведомства»⁶⁰. Далее комиссия докладывала: «наш общественный писарь Колосов или так сказать правил старосты получает жалованье около 600 руб. с канцелярскими расходами... староста как бы не видя этого, на канцелярские расходы тратил особо и при том из таких сумм, которых ему и не дано»⁶¹. Комиссия расследовала запутанную мещанскую афёру далее и выяснила, что староста Гречушкин не передал новому старосте сумму в 258 руб. 76 коп. и неправомочно списал на канцелярские расходы сумму в 91 руб. 85 коп. «Итак, – резюмировала комиссия, – теперь видна вся операция нашего Мещанского управления, видно, что у нас были экономические суммы, а теперь их нет, видно, что расходы были на такие предметы, на которых и приговоров нет, а из таких денег, которые расходуются только с согласия общества, видно, что на один и тот же предмет деньги выдавались вдвойне и, наконец, видна растрата но к чьей вине всё это относится, можно полагать, что частью и по вине писаря – доказательства к этому недалеки. Не может быть чтобы как староста, так и писарь не знали, что экономическая сумма есть неприкосновенный общественный капитал. Ввиду всего этого следовало бы устранить такую беспорядицу – труда к этому немного...»⁶². Комиссия предложила «ассигновать ежегодно по приговорам известную сумму с тем, чтобы староста в ней давал отчёт. Иначе у нас не один староста не останется без начёта. Наконец не мешало бы обратить внимание более строгое на податное дело, так как скоро не скоро всего недоимку доведётся разложить на плательщиков»⁶³. Все эти соображения комиссия, наконец, изложила перед собравшимися мещанами города. Среди них не оказалось Струкова. Он умер,

так и не дождавшись справедливости⁶⁴. Мещане города постановили: «1) *объяснённый старостой Гречушкиным расход 138 р. признать правильным*; 2) *на писаре – тоже признать израсходованными правильно*». Так заканчивается эта бузулукская история⁶⁵. Обвинитель умер, не дожив до финала. И хотя все его подозрения подтвердились, никого не наказали, не призвали к ответственности. Мещане, вникавшие в сословные дела, предпочли не обижать «своих»: «Рука руку моет», как гласит русская поговорка...

В г. Сергиевске также возникла неприличная финансовая ситуация, связанная с личностью мещанского старосты. В 1885 г. в Самаре рассматривалось дело о бывшем сергиевском мещанском старосте Василии Евграфовиче Львове (был старостой с 1876 г.), обвиняемом в растрате общественных денег⁶⁶. Когда он передавал свои дела вновь избранному старосте Тимашеву, обнаружилась недостача в 214 руб. 37 коп.⁶⁷ Вначале решили, что 114 руб. можно пополнить из общественных сумм, а 100 руб. предъявить как растрату. Но дело также было «спущено на тормозах». В оправдание старосты можно сказать, что финансовые дела управы были столь многочисленны и витиеваты, что легко можно было и запутаться в них, не предполагая злого умысла.

И совершенно противоположная ситуация сложилась в мещанском обществе другого города Самарской губернии, посаде Мелекесс. Если бузулукская история напоминает гоголевский дискурс, то в Мелекессе сложился удивительный феномен гармоничного взаимодействия всех институтов местного самоуправления между собой и с обществом под руководством старообрядческой семьи купцов Марковых, что даёт основание назвать эту модель взаимоотношений «Марковой верой», заимствуя данное определение из литературы о старообрядческой истории семьи.

Мелекесс «вылупился» из села во второй половине XIX в. В 1877 г. село Мелекесс было переименовано в посад, и в нём было введено городское самоуправление. За 17 лет до этого события мелекессцы во главе со ставропольским купцом 3 гильдии Григорием Марковичем Марковым обратились с прошением к самарскому губернатору о наделении селения административными правами. В 1878 г. состоялось первое заседание гласных Меле-

кесской посадской думы, на которой посадским головой был избран Константин Григорьевич Марков – сын Григория Марковича, купец первой гильдии, почётный потомственный гражданин, старообрядец. Он пробыл на этом посту (несколько лет эту должность занимал его брат) до 1917 года⁶⁸. Марков сделал для развития посада столько, что в 2003 г. в Димитровграде ему был торжественно открыт памятник. Безусловно, феномен старообрядческого управленца заслуживает более глубокой отдельной исследовательской интерпретации в контексте образа народной власти. Одна из граней взаимодействия власти и общества с участием этого удивительного народного лидера проявилась в обнаруженном в фонде № 1 ГУСО ЦГАСО деле о мещанском обществе Мелекесса.

В 1882 г. в посаде Мелекесс Самарской губернии проходили выборы мещанского старосты и его помощника. На должность старосты был избран Иван Петров Петров, а помощником – Пётр Фёдоров Иванов. 1 января 30 человек мелекесских мещан, прибывших на собрание общества, обратились к старосте с предложением выразить признательность обществу господину посадскому голове Константину Григорьевичу Маркову *«за все те заботы его и старания, какими сопровождалось учреждение в Мелекессе мещанского управления»*. Мещане решили пригласить его на собрание, чтобы *«преподнести ему от имени общества хлеб/соль и благодарственный адрес»*⁶⁹. Составили адрес: *«Высокоуважаемый Константин Григорьевич! Граждане посада Мелекесса уверяя Вам Общественное Управление и благоустройство города не могут не признать, что Вы вполне оправдали это доверие. До введения городского положения наш посад не имел никакого общественного устройства, ныне с течением самого короткого времени, Мелекес поставлен в уровень с лучшими и старыми городами империи. Вами организовано и поставлено в самые правильные рамки как вообще Городское Общественное Управление, так и в частности наше мещанское. Самое начало основания мещанского общества принадлежит всецело Вам, а так как общество это составляет почти всё городское население... , то оно не может ни засвидетельствовать Вам признательности за все общегородские учреждения. Так между прочим ныне посад наш обеспечен... имеется достаточный*

штат полиции, приобретено и построено немало весьма ценных общественных построек, базары и базарные площади приведены в надлежащий порядок и торговле дано правильное направление, главное же и самое важное по своей пользе Ваше деяние относится к учреждению училищ, ныне дети бедных имеют такую же возможность получить воспитание, как и дети людей более состоятельного класса, главное основание для достижения благосостояния населения это поднятие уровня его образования. Вы сделали в этом направлении для Мелекесса всё возможное, наконец, почин и ведение дела об учреждении в посаде другого прихода, при старом Храме, принадлежит исключительно Вам, а этот приход составляет существенную потребность нашему обществу»⁷⁰. В заключение данного адреса мещане Мелекесса решили присудить посадскому городскому голове звание «почётного члена Мелекесского мещанского общества с правом совещательного голоса»⁷¹. Приглашённый на вручение адреса городской голова ответил мещанам: «Я не признаю за собою никаких особых заслуг, принимая на себя обязанность Головы, я задался единственной целью служить для общественной пользы и если что либо и сделано мною для общества, то сделано только то, к чему меня обязывает долг; в отношении мещанского общества, которого не существовало в Мелекессе до введения в нём Городового Положения, надо же было кому либо принять на себя почин в учреждении такового; почин этот я принял на себя в виду того, что мещане – те же городские обыватели. За все те лестные для меня изъявления признательности со стороны мещанского общества и лестную оценку моей деятельности, мне остаётся в свою очередь сказать вам моё сердечное «спасибо». Так как для поднесения мне хлеба и соли состоялась между членами общества добровольная частная подписка, то я желал бы возратить каждому из вас подписанные деньги, но нахожу это неудобным, а потому прошу вас, господа, принять от меня израсходованные деньги и употребить таковые по вашему усмотрению на какое-либо общественное благодетельное дело, так например, деньги эти могут быть обращены на сооружение предложенного вместо деревянного каменного храма, на какое-либо благотворительное общественное заведение»⁷². В ответном слове мещане высказались, что «о возврате каждому подпи-

санных денег не может быть и речи, этим бы Вы показали, что не желаете принять нашей признательности, подписка состоялась из задушевного желания чем либо видимым выразить Вам эту признательность», а отдать эти деньги на «общественное благое дело – по Вашему усмотрению»⁷³. По поводу предложения мещан стать почётным членом общества голова ответил: «Я считаю для себя за честь подобное предложение, принимаю таковое и ещё раз заявляю собранию свою благодарность»⁷⁴. Вполне вероятно, что к старообрядческому лидеру Мелекесса с настороженностью относилось губернское начальство, особенно к его успехам на посту головы. В рапорте мещанского старосты Мелекесса в Самарское губернское управление читаем: «Предписанием от 27 февраля... Губернское Правление дало мне знать, что приговор Мелекесского мещанского общества, состоявшийся 1 января, не может быть утверждён по не именую в виду закона уполномочивающего мещанские общества предоставлять кому либо почётные звания»⁷⁵. Однако, по всей видимости, мещанский староста Мелекесса готов был отстаивать перед губернским начальством начинания однообщественников, так как попросил в мягкой форме, сославшись на необходимость разъяснений мещанам, указать те статьи закона, «которые воспещают мещанским обществам выразить кому либо свою признательность предоставлением звания почётного члена общества, но не находя такого закона, а напротив имея в виду очень много случаев предоставления почётных званий разным лицам как общественными, так и сословными и частными обществами, имею честь просить Губернское правление указать мне те статьи»⁷⁶. Губернские власти статей таких не нашли и скорее всего даже искать не стали, а только зафиксировали в документации: «рапорт старосты оставить без последствий»⁷⁷. В данном деле сохранился ещё экономический отчёт мелекесского мещанского старосты за 1882 год. Отчёт был написан исключительно аккуратно, красивым почерком⁷⁸...

В Самаре, в непосредственной близости к губернским властям, мещане «варились» в своей собственной сословной жизни и проблемах под контролем, но без опеки. Ни среди членов мещанской управы города, ни среди гласных думы не было никого, кто мог бы позаботиться о них так же, как это делал старообрядец

Марков, опекая свой посад. В столице губернии все отношения были в большей степени формализованы, чем в маленьких городах. Несмотря на то, что участвовать в собрании официально разрешалось всем мещанам мужского пола, которые являлись действительными членами мещанской общины данного города, то есть были причислены к ней с согласия её членов⁷⁹, на собрания приходило, как правило, небольшое количество человек. Собрания проходили в зале городской думы. В 1878 г. на собрания мещанского общества являлось от 44 до 156 человек⁸⁰. Управа оповещала мещан через «Самарские губернские ведомости»⁸¹. Но когда предстояли выборы на основные должности управы, явка могла достигать и 349 чел., как, например, в 1879 г.⁸² На общественные должности избирали, как правило, уже зрелых мужчин, в возрасте от 40 до 60 лет⁸³. Избирательным голосом обладали лица не моложе 25 лет⁸⁴. И уже традиционно результаты выборов окончательно утверждались губернатором⁸⁵.

Мелкие перебранки и жалобы друг на друга становились неотъемлемой частью повседневности мещанской управы города. В 1885 г. членом управы был выбран Иван Зотов Сорокин. И это несмотря на то, что в 1881 г. он, в числе группы мещан, написал жалобу губернатору на управу из-за того, что вовремя не были выданы деньги на канцелярские расходы. Управа же в ответ объясняла: *«К нам в управу никто не обращался, а если по поводу этому действительно был в управе дважды мещанин Иван Зотов Сорокин, но как он по безграмотности своей не смог ничего высказать основательно, так что нельзя было понять, что он просит»*⁸⁶. После же избрания Сорокина членом мещанской управы на него самого постоянно приходили жалобы. А в 1889 г. он сам написал жалобу на председателя и членов мещанской управы по поводу их поведения на выборах в сиротский суд, когда Малышев (председатель управы. – *Прим. авт.*) распорядился вывести его из залы собрания мещанского общества *«при подстрекательстве к тому письмоводителя Маченкова»*⁸⁷. На самом деле Сорокин явился на выборы в пьяном виде, поэтому и был выставлен. Но, протрезвев, он поспешил подать жалобу на обидчиков. «Донос – добровольное сообщение властям о проступках других граждан – явление весьма неоднозначное... чаще доносы

рассматриваются как акты предательства, вызванные алчностью или злобой»⁸⁸. Ш. Фицпатрик считает, что «традиция доносительства укоренилась в России задолго до того, как большевики захватили власть в 1917 г.»⁸⁹. Но в отличие от «революционного доноса»⁹⁰ повседневная жалоба-донос в мещанской городской среде носила рутинный характер. То, что Ш. Фицпатрик применительно к советскому периоду называет «народный контроль над бюрократией»⁹¹, вполне применимо и к дореволюционным нравам: граждане жаловались на злоупотребления должностных лиц и друг на друга. Доносы «большого террора» выросли из такой черты национального характера, как апелляция к власти по любому поводу частной жизни.

Несмотря на то, что мещанские управы просуществовали к концу XIX в. всего два десятка лет, общей тенденцией мещанских обществ в начале XX в. становится поднятие вопроса о нерациональном использовании общественных средств мещанскими управами. Так, например, мещанская управа Ростова-на-Дону была создана в 1872 г. и состояла из мещанского старосты с содержанием 1500 руб. в год и трёх членов управы с содержанием по 900 руб. в год каждому⁹². Ежегодные общественные платежи каждого члена общества составляли по 5 руб. «При этом суммы этих платежей устанавливались мещанской управой и избираемой в помощь ей комиссией «без всякого руководства»... В результате «беднейшие члены общества платят нередко гораздо более состоятельных однообщественников, почему живущие на стороне многие бедняки не могут получать паспортов, по неимению средств уплатить оклад нередко подвергаются по распоряжению сословных и полицейских властей продаже своего скарба-имущества за неуплату числящейся за ними общественной недоимки, а следовательно, почти полному разорению или остаются, как беспаспортные, без найма и работ»⁹³. По мнению Н. А. Ивановой и В. П. Желтовой, «собираемые мещанской управой средства расходовались крайне нерационально»⁹⁴. В начале XX в. «ликвидация сословных мещанских управлений и передача их дел органам городского самоуправления нарастала. Это отражало общую тенденцию изживания сословности в России»⁹⁵.

В Самаре подобная ситуация произошла в 1883 году, о чём свидетельствует Протест, принятый собранием мещан 20 ноября и поданный 2 декабря 1883 г. губернатору. По степени важности для сословной жизни мещан города Самары этот документ в своём роде уникальный. Ни до, ни после этого Протеста в делопроизводстве мещанской управы Самары не было документов, которые бы с такой ясностью фиксировали изживание сословной организации и попытки части самого мещанства остановить этот процесс. Если бы не та активность, которую они развили, защищая мещанскую управу как институт, а вместе с ней и всё мещанское общество с его традиционными функциями, мещанская сословная организация разрушилась бы «снизу» сама собой из-за законодательного устранения сословной исключительности в вопросах налогов и паспортов. Задачи сбора налогов, выдачи паспортов и организации воинской повинности стали бы, как это и планировалось законодателями, выполнять другие всесословные учреждения города. В 1883 г. мещане города на своём собрании приняли решение об упразднении мещанской управы и сохранения только должности мещанского старосты, которому бы помогали два писца. Но тут образовалась инициативная группа, которая выступила с Протестом против подобного решения. Защитники управы писали: *«Имея в виду, что Мещанская управа открыта в г. Самаре согласно приговора нашего общества, постановленного 8 декабря 1871 г. и утверждённого г. начальников Губернии, и что к отмене этого приговора не только нет никаких основательных причин, но даже мы считаем невозможным допустить этого, как в виду предписания Самарского Губернского Правления, от 10 октября сего года за № 4421, так и потому, что хотя с мещанских обществ отменена государственная повинность и наше общество не отбывает теперь подводной повинности, но взамен этого согласно циркуляра Г. Министра Внутренних Дел, от 19 января 1878 г. за № 10-м, возложена на Управы выдача удостоверений инвалидам на получение 3 руб. от казны пособия и Самарская Казённая Палата о всех причисленных в мещане г. Самары и выбывших из нашего общества лиц сообщает не в Городскую Управу как это было прежде, а мещанскую, а сие последняя должна сообщать первой, следовательно делопроизвод-*

ство Мещанской управы вовсе не уменьшилось, а потому не мыслимо, чтобы в таком многосложном обществе можно было оставить одного мещанского старосту, без помощника и при двух писцах и без десятников, так как один староста едва может справиться с канцелярией. А потому общественная повинность и больничные недоимки, без помощников и десятников, буде уплачиваться только теми из мещан, которым нужно будет получить от старосты какой либо документ, большая же часть мещан останется без уплаты повинностей и принудить их к тому не будет возможности, а при таком порядке не только может произойти волнение со стороны плательщиков повинностей, но даже старосте с писцами не на что будет содержаться, при том же два писца в таком большом обществе, как это доказано на опыте, едва могут успеть одним написанием паспортов и удостоверений мещанам более 5000 в год и запиской входящих и исходящих бумаг до 4000, другой, ведением денежных книг и отпиской денежных бумаг, прочее же производство, как то: ведение посемейного списка с отметками и алфавитом к нему, отписка входящих бумаг, ведение настольного регистра делам, ведение книги на записку подсудимых мещан, составление приговоров и записка их в книгу, выдача по приговорам свидетельств, выдача удостоверений инвалидам на получение 3 руб. в месяц пособия, выдача удостоверений о бедности по разным предметам и других документов должно совершенно оставаться, чего допустить никак невозможно. Кроме того, означенным приговором нашего общества постановлено, чтобы назначенную им в 1884 г. к сбору с общества сумму производить по раскладке 1882 года, но как в ту раскладку вошли только те мещане, которые числятся в обществе до 1882 г., следовательно пребывающие в нашем обществе в 1882 г. и 1883 г. лица должны освободиться в 1884 г. от общественных сборов, чего также допустить невозможно. На основании всего вышеизложенного и могущих произойти по этому поводу беспорядков, влекущих за собой ответственность должностных лиц, мы имеем честь покорнейше просить Ваше Превосходительство постановленный 20 ноября сего года приговор нашего общества, как неправильно постановленный, отменить, и вменить ему в обязанность, чтобы они на будущее время при постановлении приговоров не уклоня-

лись от лежащих на нём обязанностей, а в точности подчинялись закону»⁹⁶. На первый взгляд, создаётся впечатление, что данный документ был инициирован членами мещанской управы, так как именно они были заинтересованы в сохранении аппарата управы. Однако подписан он был другими мещанами: Е. Даниловым, К. Свешниковым, Емельяном Мотициным, И. Афанасьевым, И. Мокушкиным⁹⁷. С помощью делопроизводства управы трудно до конца разобраться в данной интриге, но власть города решила управу сохранить. Как видно из текста Протеста, составители данного документа были людьми весьма искушёнными в вопросах сословного устройства. Такая подготовленность была на самом деле неслучайна. 8 января 1884 г. на имя самарского губернатора было подано прошение от тех же мещан, подписанное «Емельян Мотицин и другие», в котором они выступали против результатов выборов в Мещанскую управу: «8 января 1884 г. в Мещанской Управе производились выборы Председателя и Членов в Управу на текущий год, при выборе этом допущены следующие отступления от закона: 1. Председатель того собрания, как принадлежащий к числу избирателей, первый должен класть шар в ящик, между тем он вовсе не клал своего шара почему-то 2. при баллотировке мещанина И. М. Перфильева в Председатели Управы оказалось в ящике шаров больше, нежели баллотирующихся лиц, и хотя излишние шары были отложены, но Председатель, как бы следовало по ст. 213, III т. Уст. О выборе двор. не был снова баллотирован 3. мещанин Евсион Васильев выбран в Председатели Мещанской управы тогда, когда он совершенно отказался от баллотировки, при том же по постановлению Управы на 9 апреля 1879 г. ему, как члену Управы, было поручено получать и расходование денежной суммы Управы, между тем избранного в сем году ревизионной комиссией сделаны за 1881 и 1882 годы замечания за беспорядки по счетоводству и не будет ли губернским начальством привлечён за это к ответственности, того невидно 4. при выборе членов в Управу мещанин Иван Васильев Моченков получил равное число избирательных баллов с мещанином Иваном Сорокиным, в неизбирательных же произошла разница, так как несколько лиц выбыли из Собрания в это время, не заявив об этом Председателю Собрания, чего по закону также не допускается,

при том же Моченков баллотировался без принятия присяги 5. в члены Управы выбран мещанин Иван Сорокин, неграмотный, который кроме ущерба обществу не может принести никакой пользы, между тем Г. Министр Внутренних Дел заботится о сокращении общественных расходов выбранным от общества лицам, поэтому Сорокин допущен к выбору неправильно в виде какой-то насмешки, тем более, что он буйного характера, за что по решению мирового судьи 6 участка Самарского округа приговорён к аресту на 7 дней и приговор тот вошёл в законную силу 6. при выборе Председателя Собрания и командированного в Собрание чиновника особых поручений Кругликова, чего на основании 4–5 ст. правил и порядке производства дел в Собраниях по прод. 1868 г. 1 ч. закона, допустить никак нельзя 7. мещанин Ефим Иванов Чернышёв, за нарушение порядка в Собрании, при неоднократном о том напоминании председателя, был лишён им права голоса при выборе в Председатели, с удалением на это время из зала Собрания, но Чернышёв, несмотря на настояния Председателя Собрания и чиновника Кругликова, по упорству своему из зала не удалился и продолжал по прежнему прерывать голоса других, вопреки 6 ст. правил о Собр. Таким образом, если не руководствоваться законом о порядке выборов и Собрании тогда нет надобности объявлять его Собранию общества, и тогда вместо шума и крика дойдёт до кулашного боя, между тем предписани-ем... (идут все пункты законодательства о порядке проведения выборов в мещанскую управу города – Прим. авт.)... На основании всего вышеизложенного мы находим выборы Председателя и членов в Управу на 1884 г. неправильными, а потому покорнейше просим Ваше Превосходительство Настоящие выборы отменить и назначить вновь таковые. Емельян Мотицин и другие»⁹⁸. Таким образом, усилиями группы Мотицина управа в Самаре была сохранена, но сами они не смогли получить власть в мещанском обществе города. В 1884 г. председателем мещанской управы г. Самары, как это следует из Адрес-календаря, был выбран Иван Андреевич Шемякин, членом управы – Иван Степанович Уваров, письмоводителем – Иван Васильевич Татищев⁹⁹. Начиная с 1879 г., Шемякин и Уваров входили в состав управы города¹⁰⁰. Перфильев И. М., обвинённый Мотициным в нарушении проце-

дуры выбора Председателя Управы, был выбран в члены управы только в 1888 г. и оставался в этой должности до 1893 года¹⁰¹. Евсион (Виссарион – *Прим. авт.*) Васильев, о котором Мотицин пишет, что он был избран в председатели, на самом деле был избран председателем в 1885 г., а до этого был только членом мещанской управы с 1880 по 1883 г.¹⁰² Председателем мещанской управы г. Самары Васильев оставался по 1887 включительно¹⁰³. Иван Зотович Сорокин, обвинённый Мотициным в неграмотности и склонности к буйствам, названный «насмешкой выборам», был избран в члены мещанской управы города в 1885 г. и оставался на этом посту до 1887 года¹⁰⁴. И, наконец, Иван Васильевич Моченков, также названный в жалобе Мотицина, в 1892 г. был избран письмоводителем в управу и пробыл в этой должности до 1904 года¹⁰⁵. Применительно к первой половине XIX в. и выборам в городские службы А. Куприянов отмечает, что «подача жалоб на результаты выборов создавала в городском обществе определённую социальную напряжённость»¹⁰⁶. Автор указывает, что в рассматриваемый им период и в определённом регионе «желающие занять должность городского головы прибегали к разнообразным способам влияния на избирателей. Среди них были, например, такие меры, как подбор коллегии выборщиков из наиболее надёжных избирателей: родственников, знакомых или бедных мещан, так или иначе зависимых от кандидата»¹⁰⁷. Отсюда и слова клятвы: «устраняя вражду и связи родства и дружбы»¹⁰⁸. Однако «социальной напряжённости» в г. Самаре в связи с выборами в мещанскую управу выявить не удалось. За исключением «казуса Мотицина». Неслучайно сами члены мещанской управы не возражали против её ликвидации. Управа не справлялась с возложенными на неё функциями: контрольными, хозяйственно-экономическими и социальной помощи. Раз продолжал существовать сословный строй, то «закон требовал, чтобы сословные организации также продолжали действовать и выполнять возложенные на них государством функции». «Уплата налогов стала личным делом каждого человека. Здравоохранение, социальная помощь, народное образование перешли в руки земств и городских дум, обеспечение общественного порядка и противопожарной безопасности – коронной полиции,

а суд – к всеобщим новым судам. Получение паспорта мещанами... стало формальностью... А в 1901 г. мещанское общество полностью утратило дисциплинарную власть над своими членами»¹⁰⁹. И тем не менее управа, сохранённая властью, пыталась справиться с возложенными на неё традиционными обязанностями. И одной из самых сложных проблем, которые решали мещанские управленцы, были больничные недоимки.

Мещане представляли собой с экономической точки зрения бедные городские слои, для которых плата в сутки за лечение в больнице в размере 18,6 коп.¹¹⁰ оказывалась непосильной. Часто они попадали в больницу не по своей воле, умирали там, а за лечение всё равно кто-то должен был платить. И больничные суммы ложились в качестве общественных сборов на мещанское общество. Так как для самого мещанства уплата налогов была рассчитана до копейки, являлась крайне обременительной для семейных бюджетов, а иногда, в силу тяжёлых жизненных обстоятельств, даже невозможной, на обществе копились больничные недоимки. С 1865 г. губернские и уездные больницы Самары были переданы в ведение земских учреждений¹¹¹. В 1872 г. в Самаре приступили к постройке земской больницы¹¹². Но несмотря на то, что с «80–90-х годов плата за лечение в земском бюджете стала иметь ничтожное значение» и земство начинало «постепенно отказываться от взыскания платы с амбулаторных больных»¹¹³, оно судилось с мещанским обществом города с целью получить с них накопившиеся больничные недоимки. У автора монографии по истории земской медицины в России этот сюжет освещается не совсем чётко, в результате чего создаётся впечатление, что в возникшей в Самаре ситуации, связанной с негуманным требованием земства к мещанству города о погашении недоимок, была виновата городская дума. Вначале автор справедливо замечает, что «простой человек не всегда имел возможность лечиться. Бедняку ничего не оставалось делать, как упрашивать медиков поместить его в больницу с правом бесплатного лечения, что делалось в исключительных случаях»¹¹⁴. И далее описывает, как органы городского управления Самары решили эту проблему: «Самарская городская дума 10 октября 1869 г. обратилась в губернскую земскую управу с заявлением «О взыскании недоимок с мещан-

ского общества за лечение в земской больнице»¹¹⁵. Подобная ситуация, связанная с «выбиванием» из мещанского общества города больничных недоимок, продолжалась перманентно, несмотря на призывы земства к оказанию бесплатной медицинской помощи населению. В 1885 г. уполномоченные мещанского общества Самары выступали на земском собрании и пытались объяснить, почему так невыносимо сложно было для них изыскивать средства для лечения мещан в земской больнице и невозможно погасить накопившиеся за годы недоимки: *«Мещанское общество как известно... входит в общий состав городского населения, состоящего из разнородных элементов. Само по себе отдельно мещанское общество нельзя считать правоспособною юридическою единицею, как нельзя считать отдельную общественную группу купцов, живущих в городе. Мещане как сословие не пользуются никакими особыми правами, не имеют никакой общественной собственности ни земли, ни капиталов, не получают земельного и никакого другого надела. В общественной жизни города как часть городского населения мещане отбывают все повинности, налагаемые на них государственными властями, в том числе уплачивают налог на земские учреждения. Со времени коренного преобразования быта крестьянского сословия (1861 г.) мещанское население городов постоянно увеличивается пришлыми элементами, хотя такое увеличение прогрессирует в ущерб общего благосостояния. На основании закона причисление к мещанам известного города совершается без особых каких либо формальностей и затруднений. Весьма нередко местная Казённая Палата не спрашивая согласия и мнения мещанского общества причисляет к мещанам как она технически выражается «для одного счёта» отставных рядовых, прежних дворовых людей, вышедших из крепостной зависимости. Людей потерявших по суду свои права. Словом такой контингент населения, который во всяком благоустроенном обществе составляет бремя в экономической жизни. Бедность в ужасающей степени, невозможность применить труд с пользою для себя, отсутствие подходящих промыслов ремёсел, отсутствие знания делают лиц, причисленных к мещанскому сословию беспомощными в самом широком смысле этого слова. Такое положение ведёт ближайшим путём и в ближайшем будущем в больницу и тюрьму, а затем яв-*

ляется необходимость в общественной благотворительности. Что приводимые нами краски бедственного, безысходного положения большинства мещанского населения составляют непустые громкие угрозы, мы просим гласных обратить внимание на содержание скорбных листов губернской больницы и на данные, заключающиеся в переписках, возникавших о взыскании денег за лечение. Эти данные укажут какой разряд людей пользовался помощью земства. Большинство лечившихся составляют лица, причисленные к мещанам без согласия мещанского общества по распоряжению Казённой Палаты, именно: отставные солдаты и другие бесприютные субъекты... Гласные губернского Земства в одну из предшествующих своих сессий весьма гуманно отнеслись к положению крестьян и приняли лечение их на счёт земства. Между тем в действительности материальное положение крестьянского населения, пользующегося наделом земли и нередко имеющее общественную собственность представляется несравненно более выгодной, чем положение мещан. Вот эти причины заставляют нас от лица мещанского населения города Самары ходатайствовать перед земским собранием сложить недоимку, числящуюся на мещанах г. Самары, и тем оказать **милость**, освободив плательщиков мещан от полного разорения. Кроме приведённых соображений мы осмеливаемся обратить внимание представителей земства и на то ещё, что взыскиваемая недоимка относится к прежнему времени за лечение больных назад тому около десяти лет, следовательно по справедливости она подлежала бы сложению, тем более, что и лиц, за кем она значится, в большинстве случаев не остаётся в живых. Для того, чтобы Губернское земское собрание наглядным образом удостоверилось, что причисление разных лиц к мещанам г. Самары делается Казённой Палатой помимо воли и согласия мещанского общества, мы имеем честь приложить несколько копий предписаний Казённой Палаты о причислении разных лиц для одного счёта и из иногородних присутственных мест, где требуется платёж за лечение на стороне. Мы нижеподписавшиеся уполномоченные мещанского общества позволяем себе надеяться, что Гласные Губернского Земства остановят внимание по поводу нашего настоящего ходатайства и примут в собрание, что мещане г. Самары одинаково с другим населением несут

все повинности и в том числе земские и ещё должны отвечать имущественно за лечение таких лиц, которые не входят в состав общества, навязаны нам помимо согласия Казённую Палатою для одного счёта»¹¹⁶. Речь в данном Прощении шла о погашении недоимки в 2985 руб. за лечение 378 мещан г. Самары¹¹⁷. Но, несмотря на апелляцию к филантропическим чувствам гласных самарского земства и несмотря на имидж земства как организации, делавшей очень много для социальной помощи населению, рассмотрение дела о погашении недоимок было передано в суд.

Во всей этой истории, казалось бы связанной исключительно с частным экономическим вопросом уплаты больничных недоимок, отражалось общее состояние социальной жизни в России. В преимущественно аграрной стране главным «героем» социальных отношений являлся самый многочисленный слой, крестьянство, которое по определению не могло находиться на периферии политического взаимодействия самых различных структур государственного контекста. В этом смысле общественный интерес к мещанству был минимальным, поскольку роль и значение этой группы в России были незначительными, а в рефлексии интеллигенции усугублены негативистскими предубеждениями. Поэтому самарское мещанство походило в городских «диалогах» на старика-нищего из рассказа Гиляровского: «Много он народу переспросил о том, где собачья богдельня есть, но ответа не получал: кто обругается, кто посмеётся, кто копеечку подаст да, жалеючи, головой покачивает...»¹¹⁸.

Мещанское общество вынуждено было нанять присяжного поверенного, чтобы он в суде защищал их интересы. Сохранилась расписка, которую он писал недоверчивым и обиженным мещанам: *«1. Я, Малыгин принимаю на себя дальнейшее ведение дела по иску предъявленному Губернским Земством к Самарскому мещанскому обществу о взыскании денег с него за лечение мещан в Земской больнице и обязуюсь на решение Самарского окружного Суда, состоявшегося 30 ноября – 11 декабря принести апелляционную жалобу в Палату и в случае надобности, лично поддерживать интересы мещан в Казённой Палате. 2. Если Палата утвердит решение Окружного Суда, или вообще разрешит упомянутое дело не в пользу мещанского общества, то Малыгин обязуется перенести его в кассационном порядке в Сенат»¹¹⁹. На все поездки Малыгина и дей-*

ствия в суде мещане выдали ему 300 руб. и обещали доплатить ещё 100 руб., если он выиграет дело¹²⁰. Сумма, которую требовало с мещанского общества земство за лечение бедных мещан, за это время возросла уже до 3777 руб. 49 коп.¹²¹ за счёт «высылки за лечение в разных больницах как мещан г. Самары, так и причисленных в это звание отставных нижних чинов и солдаток»¹²². Мальгин поехал представлять интересы самарского мещанства в Казанскую судебную палату и выиграл дело, решение было принято в пользу мещанского общества¹²³. Однако создаётся впечатление, что те социальные силы, которые окружали губернатора, входили в состав думы и земства, вели с мещанами какую-то свою нечестную игру. На следующий год вновь со всей остротой встал вопрос о больничных недоимках. На собрании мещанского общества в докладе ответственных лиц сообщалось: «После начатых нами и мещанской управою ходатайств перед Самарским городским обществом и перед Его Превосходительством Господином Самарским Губернатором относительно того безвыходного положения, в котором находится мещанское общество по поводу взыскания с него земскими учреждениями и Губернским начальством за лечение бедных больных мы считаем необходимым доложить мещанскому обществу, что представители Городского Управления, Городской Голова и некоторые из гласных отнеслись к нашим заявлениям весьма сочувственно и предложили оказать некоторую помощь...»¹²⁴. Но на этом же собрании мещане вновь постановили нанять «опытного сведущего поверенного» для решения этого дела в суде¹²⁵. Таким образом, внешнее проявление сочувствия со стороны бывших соратников мещан по городским делам в условиях новой социальной расстановки сил оставалось только внешним. А на практике дела по погашению долгов решались в суде, через присяжных поверенных. Никому никого уже не было жалко. Девиз эпохи индивидуализма: «Каждый сам за себя».

Данный девиз подтверждается и циркуляром от губернатора, пришедшим в мещанскую управу в 1887 г. по поводу привлечения служащими управы полиции города для получения с мещан долгов по недоимкам: «по имеющимся сведениям мещанские управления обращаются весьма часто к полиции с требованиями о взыскании денежных сборов с мещан и лиц, причисленным к мещанским

обществам... переписка по этим взысканиям довольно сложна и обременительна... предписываю Мещанским управлениям Самарской губернии... не обращаться к полиции с требованиями о взыскании денежных сборов с мещан и лиц, причисленных к мещанским обществам... производить через своих сословных сборщиков... к содействию полиции обращаться лишь в крайних случаях»¹²⁶.

В 1888 г. на мещанском обществе Самары вновь скопилась больничная недоимка более 6 тыс. рублей серебром¹²⁷. Мещане предъявили претензии своей собственной управе, заявив, что им «*делать нечего*», могли бы и уменьшить расход управы, таким образом деньги сэкономить и «*назначить на лечение бедных мещан г. Самары в земской больнице*»¹²⁸. Но на своей зарплате служащие управы решили не экономить, а обложить сбором всех мещан города по 10 руб., чтобы покрыть больничную недоимку¹²⁹.

Мещанскими делами занимались, как правило, взрослые мыслящие мужи, способные своим авторитетом ещё в какой-то степени удерживать социальный контроль мещанской общины над человеком, утратившим прежнюю ясность в отношении норм сословного поведения, дезориентированным по мере роста «индивидуализма, личной свободы, гражданских прав, уровня культуры и кругозора»¹³⁰. Так как женщины не допускались на мещанские сходы¹³¹, можно сказать, что делами сословия ведали мужчины от 30 до 50 лет. Так как грамотность в пореформенный период среди городского населения «была распространена в более молодых по возрасту (до 40 лет) группах населения»¹³², то не все из этих мужчин под приговором могли поставить свои подписи. 28 января 1888 г. на собрание самарского мещанского общества собрались 170 человек¹³³. 117 из них уверенно выводили свои подписи под приговором, остальные были безграмотные¹³⁴. Через год, 24 января 1889 г., из 218 мещан, прибывших на свой сход, грамотных было 155 человек¹³⁵. Грамотные под приговорами ставили подписи, неграмотные – кресты. («К сему прошению, вместо людешек города Глупова, за неграмотностью их, поставлено двести и тринадцать крестов»¹³⁶.) Выбирали председателя и членов управы. Мещанским старостой (он же председатель управы) был выбран 53-летний Тимофей Михайлов Малышев, получивший 154 балла, а членами управы – 52-летний Иван Михайлов Пер-

фильев и 42-летний Матвей Заяшников¹³⁷. В городских общинах степень общественного уважения и признания всё ещё накапливалась с возрастом, в должности избирались те представители мещанства, у которых за плечами был достаточный жизненный опыт и кто пользовался авторитетом среди однообщественников. Но жизненный опыт не мог компенсировать отсутствия образования. Политическая и общественная ситуация в стране к рубежу XIX–XX вв. усложнялась, правительство реагировало на эти изменения всё новыми и новыми законодательными инициативами. Губернские власти присылали эти документы в мещанскую управу. Но никто не удосуживался объяснить мещанскому руководству, как претворять эти указы в повседневную деятельность. («Как нарочно, это случилось в ту самую пору, когда страсть к законодательству приняла в нашем отечестве размеры чуть-чуть не опасные; канцелярии кипели уставами...»¹³⁸.) Так, к примеру, у мещанской управы Самары возникали вопросы по поводу претворения в жизнь Именного Высочайшего Указа, данного Правительственному Сенату 17 апреля 1891 г. о даровании милостей ссыльным в ознаменование посещения Сибири Е. И. Высочества Государя Наследника Цесаревича¹³⁹. Получалось, что данным указом получали право на возвращение сосланные обществом в Сибирь мещане за дурное поведение, в основном за буйство. Общество их терпело-терпело, пыталось отправлять в работные дома и в тюремные замки, отправило, наконец, в Сибирь, а их возвращают им назад. Как теперь управе выдавать им паспорта? Писать ли в паспортах фразу «из ссыльных»? Делать ли отметки о судимости и красные литеры?¹⁴⁰

События большой истории доносились в мещанскую управу, не находя отражения в их приговорах. О реакции мещанства на смену монархов по делопроизводственной документации Самары невозможно узнать, за исключением таких моментов, как сбор средств на портрет нового самодержца, «в помещениях управ... было принято вывешивать портреты царственных особ»¹⁴¹. В 1895 г. мещанская управа Самары на приобретение портрета Государя Императора Николая II ассигновала 50 руб., так как «*в управе по сие время находился портрет в Бозе почившего Императора Александра III*»¹⁴².

В 1896 г. председателем управы был избран Иван Степанович Уваров¹⁴³. И. С. Уваров проживал в Самаре на Троицкой улице в собственном доме¹⁴⁴. Все избранные мещанским обществом города члены управы также имели в Самаре собственные дома¹⁴⁵. Всего в данном голосовании принимало участие 94 человека. Уваров был избран 57 голосами¹⁴⁶. По подписям участвующих в голосовании (их только 63) можно увидеть, что 15 человек были неграмотные. В документе написано: «*За неграмотных по их личной просьбе и доверию расписался П. Ф. Егоров*»¹⁴⁷. Большинство из тех, кто подписывал подобные документы, обладали достаточно правильными почерками. Но всегда встречаются несколько подписей, написанных большими корявыми буквами. По аналогичной схеме на мещанских собраниях избирались аукционист и присяжные оценщики. Текст клятвы, к которой приводились выбранные мещане, был тот же, как и на другие должности мещанского общества¹⁴⁸.

Порой в мещанские управленцы попадали люди, далёкие от образа доблестного администратора, уклоняющиеся от выполнения своих обязанностей. («Обязанности! – О, сколь горькое это для многих градоначальников слово!»¹⁴⁹.) Мещанское общество Самары рассматривало дело о «прогульщике» мещанине Михаиле Степанове Комарове, который, избранный на должность члена мещанской управы, «самовольно отлучался без всякого разрешения начальства» более чем на «семь дней сряду». Комаров тем не менее хотел получить положенное ему жалованье за ноябрь 1896 г. Пропускал службу, как он объяснял, по причине своего «болезненного состояния». Но мещане обратили внимание на то, что прогульщик Комаров всё время называет разные причины: то «болезненное состояние», то «исполнение частных служебных обязанностей по должности приказчика купца Субботина». В результате решено было не выдавать ему жалованье за два месяца в размере 66 руб. 66 коп.¹⁵⁰ Так был наказан рублём «прогульщик» Комаров. Но как и «неожиданное усекновение головы майора Прыща не оказало почти никакого влияния на благополучие обывателей»¹⁵¹ города Глупова, так и поведение Комарова не отразилось на жизни мещанской управы. По-прежнему, как и в предыдущие годы, выборы председателя мещанской управы в 1897 г. начались с приведения общества к присяге, в которой сохранялась традиционная религи-

озная формула: мещане клялись *«Всемогущим Богом пред Святым Его Евангелием и Животворящим Крестом Спасителя»*¹⁵². Их гражданское сознание выражено следующими словами: *«хощу и должен», «окажут себя ревностными к службе Его Императорского Величества и попечительными о пользе общественной», «нерадивый о благе общественном, в коем и моё собственное заключается»*¹⁵³. В этом отношении нам видится не совсем верным тезис Б. Н. Миронова, сформулированный в итоговой главе его знаменитой монографии, о том, что гражданское общество складывается в том числе и тогда, когда происходит «чёткое размежевание общественного самоуправления и коронного управления», когда общественность противопоставляет себя государству¹⁵⁴. Нам же видится, что специфика России заключалась как раз в том, что гражданское сознание, а следовательно, специфичное гражданское общество, существовало при неразделённости общества и государства, и то, что в советской историографии определялось как царистские взгляды и убеждения населения, на самом деле являлось осознанной народом на глубинном уровне необходимостью, что и есть свобода в границах такого громадного географического пространства, которое занимала и занимает одна страна. Причём, на наш взгляд, подобное единение не отрицает индивидуализацию, privacy, личные и гражданские права, автономность от коллектива, профессионализацию и т. д. Вопрос не в формах взаимодействия власти и общества, а в сознании. В России все процессы общественной жизни были перманентно связаны с экзистенциальной необходимостью выживания. Следовательно, охранительная функция государственной власти была первичной и требовала от населения её внутреннего приятия. Принцип «велика Россия, но отступать некуда» действовал не только на войне, но и в мирной жизни. Поэтому с желанием или с неохотой, но при вступлении в должность маленький человек империи становился в определённой степени гражданином – охранителем этого огромного государства. Он вставал перед необходимостью бороться с теми пороками русской жизни, которые сам и творил. Это очень чётко отражено в тексте мещанской клятвы: *«для отправления правосудия и других дел по чистой моей совести и чести, без пристрастия и собственныя корысти, устраняя вражду и связи родства и дружбы, избрать из моих собратья*

таких, которых по качествам ума и совести их нахожу я достойнейшими и способнейшими и от которых надеюсь...»¹⁵⁵. После принесения присяги был зачитан текст закона о состояниях, определявший правовой статус мещанского сословия. В этом отношении следует солидаризироваться с Б. Н. Мироновым, который отмечает, что «главные организации ... русских сословий... становились всё более рациональными, формализованными, полагающимися в своей деятельности на твёрдые юридические основания»¹⁵⁶.

В 1901 г. умирает председатель Самарской мещанской управы Иван Степанович Уваров, находившийся в этой должности с 1893 г., а в составе мещанской управы – с 1870 г., то есть с момента её создания (по другим документам мещанская управа в Самаре была создана в 1872 г.¹⁵⁷)¹⁵⁸. С докладом по этому поводу 8 июля выступил перед обществом член управы А. Неклюдов. Начал он торжественно, перечислив заслуги почившего, и подчеркнул, что «в каковых должностях он (Уваров. – Прим. авт.) оказал себя в полном смысле слова человеком знающим совершенно принятые им на себя должности»¹⁵⁹. Однако вскоре от заслуг Уварова Неклюдов перешёл к изложению конфликта с супругой покойного, Пелагеей Алексеевой. Управа потребовала с неё остатки каких-то общественных сумм в размере 1269 руб. 29 коп. Но Уварова предоставила только 700 руб., «объявив при этом, что последние 569 руб. 29 коп. в настоящее время предоставить не может по неимению у неё таковых»¹⁶⁰. Решено было оставить этот вопрос открытым, а Неклюдов вновь вернулся к образу усопшего, предложив поручить мещанской управе «купить в 50 руб. венок с надписью на ленте: «Мещанскому старосте И. С. Уварову от признательного общества мещан г. Самары» и возложить таковой на гроб почившего», а деньги за венок разложить на общество на 1902 год¹⁶¹. А уж похоронив председателя, вернуться к вопросу о его финансовых долгах обществу.

«Пешехонские» нравы Самарской мещанской управы проявлялись и в том, что с 1901 по 1910 гг. её караулил один и тот же сторож Капитон Коновалов. И только когда ему исполнилось 70 лет, он решил оставить службу. Но «не имея никаких средств к существованию вместе с престарелой женой» ходатайствовал перед управой о назначении ему какого-нибудь пособия¹⁶².

Наступил новый, XX век. Делопроизводство мещанской управы не среагировало на его начало: всё те же темы, те же вопросы, те же мелкие ссоры и обиды. И только начало Русско-японской войны вызвало реакцию. «Каждый по собственному опыту знает, как многое в частной жизни зависит от, казалось бы, второстепенных нюансов в выражении лица, в избранном тоне разговора, в случайно вырвавшемся слове, в произвольном жесте»¹⁶³. С делопроизводством мещанской управы – приблизительно такая же ситуация. Степень реакции на какое-либо событие так называемого «большого нарратива» русской истории еле улавливается. Её практически нет. В условной шкале событийности главное событие – цифры (недоимки, сборы, прибывшие и убывшие...). Поэтому особое значение приобретают сведения о выражении верноподданнических чувств мещанами города. 1 февраля 1904 г., когда страна вступила в войну с Японией, члены мещанского общества Самары *«выслушали предложение Председателя... управы Евсеева о выражении Его Императорскому Величеству Государю Императору, по поводу осведомления об отозвании Японского посланника из Петербурга и перерыва дипломатических сношений с Японией, всеподданнических чувств своей любви к своему монарху, в следующих словах: Самарское мещанское общество возмущаясь низкой выходкой японцев по поводу отозвания своего посланника и хищническим нападением на наш флот с 26 на 27 января, без объявления войны, покорнейше просит повергнуть к стопам Его Императорского Величества беспредельное чувство своей преданной любви к своему Монарху и готовность встать грудью за Веру-Царя и Отечество, постановили: принять означенное выше предложение и просить Г-на Начальника Губернии означенное выше верноподданническое чувство повергнуть к стопам Его Императорского Величества по телеграфу, в том подписуемся»*¹⁶⁴. Насколько непроницаемым для «внешнего мира» было «царство» мещанской управы, настолько же непроницаемыми для звуков улицы были стены здания, в котором она располагалась. Это здание или, как его называли, «дом присутствий», находившийся на ул. Дворянской, 62, представляло собой «средоточие всей хозяйственной жизни города. В этом здании размещались купеческий староста, городской Общественный банк, сиротский суд»¹⁶⁵,

городская управа и др. учреждения. (Я зашла в этот дом в 2011 г. и поразилась резкому прекращению шумов улицы. За толстые кирпичные стены город не проникал – *Прим. авт.*).

И ещё только раз прозвучала тема Русско-японской войны, в связи с просьбой матерей о воспомоществовании. Самарские мещанки Евдокия Фёдорова Пронина, Александра Семёнова Гундобина, Агафья Антонова Топоркова, Елена Леонтьева Мельникова обратились с просьбой о призрении своих семейств, так как их сыновей забрали на действительную службу с *«выступлением в поход в виду возникшей войны с Японией»*. В результате, их семьи *«остались без средств к жизни»*¹⁶⁶. Мещанки считали, что мещанское общество должно их содержать, и просили денег от казны¹⁶⁷.

Служащие мещанской управы жили своей неторопливой жизнью, полной, как и у всех сообщественников, невзгод и радостей. Радостью было получить в 1908 г. пособие к Рождеству Христову в размере 94 руб. из общественных сумм¹⁶⁸. В приговоре мещанского общества было написано: *«1908 года декабря 19 дня мы нижеподписавшиеся г. Самары мещане имеющие право голоса в собраниях сего числа быв в собрании нашего общества в помещении мещанской управы слушали...»*, – сама форма приговоров практически не менялась, как не менялась и повседневность мещанского делопроизводства – *«...вот уже 14 лет как постановляет приговора о назначении сумм мещанского общества канцелярским служащим управы за службу их...»*¹⁶⁹.

Учитывая всю важность закона 1906 г. об отмене обязательной приписки мещан к определённому городу для мещанской жизни и деятельности управы, об этом событии делопроизводство откликается вскользь, реагируя в 1908 г. на очередные претензии к её деятельности со стороны однообщественников: *«самарская мещанская управа с своей стороны исполняя постановленные самарским мещанским обществом приговора, старалась привлечь членов такового к платежу общественных сборов по содержанию мещанского управления и больничного сбора, поэтому вела переписку с разными членами общества... что же касается до членов мещанского общества проживающих в г. Самаре от которых требовалась уплата означенных выше сборов*

лично, то от них на это в большинстве случаев всегда получались незаслуженные... по адресу управы упрёки и даже... жалобы Губернатору А так как именным Высочайшим указом 5 октября 1906 г. лицам податных сословий предоставлено право получать бессрочные паспортные книжки по месту их постоянного жительства из Полицейских управлений. Так как видно из означенного выше указа местом постоянного жительства признаётся не место приписки, как это было раньше, а место, где лица, желающие получить паспортные книжки или его службе занятиями, или промыслами либо домашнее обзаведение, то... в Полицейском Управлении»¹⁷⁰. Полицейское управление должно известить мещанскую управу, «отчего Мещанская Управа поставлена в безвыходное положение», так как теперь уже с новыми правилами невозможно собрать недоимки и, соответственно, нет денег на оплату служащих мещанской управы. Поэтому жалованье вынуждены брать из общественных сумм¹⁷¹. Об этой, в первую очередь экономической невыгодности содержания мещанских управ поднимался вопрос в Ишимском мещанском обществе Тобольской губернии, в г. Кизляре Терской области, в мещанском обществе г. Бежецка Тверской губернии. О том, что после указа 5 октября 1906 г. началось финансовое ослабление мещанских обществ, писал в МВД и кронштадтский военный губернатор, а также говорилось в общественном приговоре мещан г. Пскова¹⁷². Тем не менее в Самаре, как и во многих других русских городах, управа сохранялась, как сохранялся в империи сословный строй.

В 1911 г. в мещанской управе Самары по-прежнему возникали вопросы, связанные с претворением в жизнь закона от 5 октября 1906 г. Очередная сложная ситуация была связана с жалобой старообрядцев на управу¹⁷³. Губернатор своим циркуляром разъяснял служащим управы: «Как видно из буквального текста первых двух статей приведённого закона, факт обозначения брачного состояния старообрядцев и сектантов в посемейных списках сам по себе служит удостоверением этого состояния, вполне заменяющим запись в метрической книге»¹⁷⁴. П отделение губернского правления в свою очередь давало знать мещанской управе, что «закон 5 октября 1906 г., предоставляющий лицам бывших податных сословий получать бес-

срочные паспортные книжки, не распространяется на евреев, как инородцев»¹⁷⁵. И уже особым циркуляром МВД от 15 марта 1911 г. управам разъяснялось: «ввиду неоднократно возникающего в последнее время вопроса о том, сохранилась ли по воследованию Именного Высочайшего Указа 5 октября 1906 г. обязанность городских сословных, в частности мещанских обществ, уплачивать недоимки, накопившиеся за лечение неимущих их членов в больницах общества призрения... не надлежит уплачивать недоимки каковая обязанность вытекала из круговой поруки... лица, принадлежащие к мещанским обществам, получили право избрания места постоянного жительства на одинаковых основаниях с лицами других сословий и могут ныне получать бессрочные паспортные книжки не только от сословных учреждений, но и от полицейских управлений в местах их постоянного жительства...»¹⁷⁶. И, наконец, от департамента духовных дел в мещанскую управу пришёл циркуляр, в котором разъяснялось, что «обозначение брачного состояния старообрядцев и сектантов, а также факта рождения их детей в посемейных списках и соответственных им документам служит само по себе удостоверением, вполне заменяющим запись в метрической книге»¹⁷⁷. Подобное «разжёвывание» дискурса власти для самых отдалённых от большой политики «менеджеров системы», какими являлись служащие управы, иллюстрирует всю бездну дистанции, отделяющую власть от общества. Но, с другой стороны, система работала. Постепенно, с отрывом, инициативы власти, исходящие из центра, адаптировались в провинции, в таких низовых структурах, как мещанские управы, пусть для этого нужно было направлять им изрядное количество разъяснительных циркуляров.

В 1914 г. на собрания мещанского общества приходило всё меньше человек, в среднем 23¹⁷⁸. В одном из прошений на имя мещанского старосты самарской управы за 1914 г. встречаем обращение «Его Высокородию Господину мещанскому старосте»¹⁷⁹. Данное обращение относилось к гражданским чиновникам V класса. Вряд ли мещанский староста мог занимать подобное место в иерархии, так как в провинции, как правило, это были чиновники руководящих ведомств¹⁸⁰. Неверное титулование могло иметь самые элементарные причины: от незнания до лести. Андрей Прозоров, служащий земской управы в чеховских «Трёх

сёстрах», обижается, когда сторож ему говорит: «Андрей Сергеевич», а не «Ваше высокоблагородие». «Тогда Ферапонт титулует его «Ваше высокородие». Многие думают, что Ферапонт понижает титул, либо путает. На самом же деле сторож, видимо, чтобы избавиться от поправок, повышает титул Прозорова на целую ступень: высокородие выше высокоблагородия»¹⁸¹. Фигура просителя в России всегда однозначна в своей эмоциональной составляющей: «холопишка твой, боярин...». Поэтому вполне вероятно, что, чтобы получить вовремя от мещанского старосты свидетельство о несудимости «за сей 1914 год», «так как, – пишет самарский мещанин Николай Андреев Сухов, – я в настоящее время нахожусь на казённой службе и начальство требует, чтобы было свидетельство... если не будет доставлено... я буду уволен»¹⁸², Сухов готов и на обращение «Ваше высокородие». Конечно, готов. Ведь с простым людом власть предержавшие поступали всегда быстро и просто, как с мещанином г. Самары А. И. Самойловым, проживающим на промысле в Гурьевском уезде Уральской области, поступил в 1914 г. полицейский урядник промысла. Отобрав у Самойлова сведения о семейном положении, объявил, что он подлежит «*призыву к отбытию воинской повинности*»¹⁸³ немедленно. Самойлов взмолился в мещанскую управу Самары, чтобы оттуда подтвердили, что «*по паспорту, выданному мещанской управой указано, что я должен отбывать воинскую повинность в 1916 г.*»¹⁸⁴, а там, может, и война закончится.

Характер самих делопроизводственных бумаг мещанской управы Самары меняется в сторону появления отпечатанных документов и большого количества телеграмм всё с тем же обращением в мещанскую управу о выдаче паспорта. Несмотря на то, что в России «первая телеграфная линия для общего (частного) пользования соединила Москву и Петербург в 1852 г.», а «с апреля 1855 г. было введено в действие «Общее положение о приёме и передаче телеграфических депеш по электромагнитному телеграфу» и «в 60-е гг. такие линии связали все главнейшие центры империи», «почтовая связь оставалась преобладающей»¹⁸⁵. И своего рода «прорыв» телеграммы в делопроизводство самарской мещанской управы происходит только в начале XX века.

В 1914 г. мещанской управе Самары потребовались разъяс-

нения закона от 12 марта 1914 года о личных и имущественных правах замужних женщин и об отношениях супругов между собою и к детям, в частности о раздельном жительстве супругов. Мещанского старосту и членов управы больше всего интересовал вопрос: выдавать ли замужним женщинам без согласия мужей вид на жительство?¹⁸⁶ Губернатор ответил: «Можно»¹⁸⁷. Хочется добавить: так самарские мещанки обрели свободу!

В Наряде к сведению мещанской управы Самары за 1915 г. появляется некоторый слабый отклик на «большой нарратив» российской политики: стенографический отчёт заседания Государственной Думы четвёртого созыва от 20 июня 1914 года¹⁸⁸, в котором было напечатано «приветственное слово Государя Императора» и сообщение об объявлении войны: «Приветствую вас в нынешние знаменательные тревожные дни, переживаемые всей Россией. Германия, а затем Австрия объявили войну России...»¹⁸⁹. По делопроизводству мещанской управы Самары никакой реакции на начало войны со стороны мещан города обнаружить не удалось. (Как и в повести Константина Финна «Украина»¹⁹⁰.) Можно констатировать: отсутствие реакции – тоже реакция. Война не является индикатором эмоционального состояния управного человека. Если в частной жизни это слово вызывает скорбь, страдание, страх, горе и т. д., то в сословной жизни мещанской управы города не удаётся обнаружить переживаний, связанных с этим событием: никакой риторики, никакой аффектации – тексты безмолвствуют. Единственный «след», связанный с войной – циркуляр 1916 г., уточняющий, что «иностранцы, принесшие присягу на подданство России до достижения призывного возраста – подлежат исполнению воинской повинности», а возраст, до которого мещанин мог быть призван, определялся в 30 лет¹⁹¹.

Фактически круг вопросов мещанского сословного делопроизводства Самары в 1916 г. сужается до проблемы выдачи паспортов¹⁹². В последние годы дореволюционной сословной жизни, в 1916–1917 гг., члены мещанской управы Самары всё так же составляли семейные списки, расписки о выдаче паспортов, предоставляли сведения о местожительстве, об отбытии воинской повинности¹⁹³. 31 августа 1917 г. с выяснением места жительства сообщественников служащие управы обращаются

уже не в полицию, а в милицию¹⁹⁴. Такой розыск однообщественников продолжался по тем же будничным вопросам, таким как паспорт, отбытие воинской повинности, поиск пропавших и т. д. вплоть до 23 декабря 1917 г., когда сословный строй в стране уже был уничтожен, а слово «мещане» сохранялось в делопроизводстве Самарской мещанской управы, как и продолжала функционировать и сама управа, занятая выяснением местожительства мещан¹⁹⁵.

Таким образом, управа для мещан города в пореформенную эпоху являлась и «своей», и одновременно «чужой» институцией. Главное, в чём никак не могли разобраться мещане города в условиях своей кипящей повседневной деятельности – зачем нужно содержать этих управленцев, которые сидят в «доме присутствий» за толстыми стенами, никак не могут правильно посчитать финансы общества, не могут обеспечить лечение больных однообщественников, не забывают вредничать по пустякам и скандалить между собой, отвлекают их от работы, собирая на собрания, и с которыми у мещан ассоциировалось две перманентные проблемы: паспорт и армия. С другой стороны, чрезвычайно укоренившаяся в сознании мещан живучесть общинных связей и привычка к контролю со стороны власти над их социальным телом, «телом производительным и телом подчинённым»¹⁹⁶, приводили к тому, что мы назвали эпитафией Б. Н. Миронова: смерть управы в 1917 г. была «тихой и закономерной»¹⁹⁷.

Искусство распределения тел

Несмотря на то, что М. Горький начинает свою пьесу «Мещане» описанием обстановки мещанского дома, каждый предмет которого глухими переборками, прямыми углами, занавесками, огромным тяжёлым шкафом для посуды, сундуками, бездушным маятником, изразцовой печью и старым диваном как будто пригвозждает «мещанский мирок» к «месту», к провинциальному городу, мещанское сословие второй половины XIX – начала XX вв. было чрезвычайно мобильным, лёгким на подъём не благодаря, а вопреки пожеланиям власти и социальной брезгливости интеллигенции. М. Фуко писал: «Организуя «кельи», «места» и «ранги», дисциплина создаёт комплексные пространства... Про-

странства, которые обеспечивают фиксированные положения и перемещение. Они вырисовывают индивидуальные сегменты и устанавливают операционные связи»¹⁹⁸. Несмотря на то, что принадлежность к мещанству являлась пожизненной и наследственной¹⁹⁹, сословие не представляло собой жёсткой замкнутой структуры. С одной стороны, оно выглядело как динамичная и предприимчивая середина русского общества и «не имело связей, присущих социологическому единству»²⁰⁰, так как в него входили слишком дифференцированные подгруппы, с другой стороны, оформленное законодательно властью как сословие, оно было всё учтено и подвержено многочисленным процедурам фиксации социального состава. Одним из таких «учётчиков» являлась мещанская управа города. Как оренбургский платок, пропущенный через кольцо, представители разных социальных групп империи, попадая в пространство города и выразив желание быть причисленными к мещанству этого города, проходили процедуру причисления. Для других категорий была предусмотрена приписка. Для тех же, кто хотел перейти в другое сословие, общество или поступить на учёбу, необходимо было увольнение. И «оренбургский платок» вырывался из «колечка» мещанской управы и устремлялся дальше по империи.

Приписка и причисление, две формы вступления в мещанское общество, отличались друг от друга тем, что приписка осуществлялась без согласия мещанского общества по указанию Казённой палаты. Приписанными могли быть воспитанники Воспитательных домов, незаконнорождённые, «иноверцы, принявшие христианскую веру», дети канцелярских служителей, отставные нижние воинские чины²⁰¹. Представители этой категории не имели права голоса на собрании и не могли быть избранными на руководящие должности. И только через пять лет они могли «исходатайствовать согласие мещанского общества» на постоянное причисление, что давало им право голоса²⁰². Причём, на разграничении этих процедур настаивает Л. В. Кошман. Н. А. Иванова и В. П. Желтова используют эти термины как синонимичные. Приём новых однообщественников осуществлялся по приёмному приговору мещанского общества с предоставлением увольнительного приговора от прежнего общества. Круг лиц,

имевших право быть приписанными в мещанское общество без согласия оно, постоянно расширялся. Для межсословной мобильности главным условием было погашение недоимок в том обществе, из которого человек увольнялся. И только согласно решению МВД от 22 августа 1909 г. недоимки общественных сборов, числившиеся за лицами, увольнявшимися из мещанских обществ, не могли служить препятствием к выдаче им увольнительных приговоров²⁰³.

Сверх брака и рождения в мещанское сословие могли быть включены усыновлённые дети, если они оказывались приписанными к семье усыновителя²⁰⁴. На протяжении XIX в. постоянно законодательно расширялся круг лиц, могущих вступить в мещанское сословие. По закону 1850 г. лица бывшей польской шляхты, не доказавшие дворянства, причислялись в мещане; с 1852 г. в сословие мещан могли вступать дети личных дворян, не имевшие офицерских чинов и пользовавшиеся по закону правами потомственного почётного гражданства; причислялись купцы, не выкупившие купеческие свидетельства; с 1855 г. стали причислять к мещанству лиц, уволенных из цеха вольных матросов; Положение 19 февраля 1861 г. и закон 18 января 1866 г. подтверждали вступление в мещанство сельских обывателей всех категорий²⁰⁵. В мещанское сословие «могли вступать все лица, имевшие право или обязанность избрать род жизни»²⁰⁶: незаконнорождённые, подкидыши, непомнящие родства, церковные причётники, уволенные из духовного ведомства за пороки, жители польских губерний, уволенные из войскового сословия и т. д.²⁰⁷

Усиление миграции населения в пореформенной России приводило к тому, что, несмотря на все усилия власти по фиксации индивидов в пространстве, многим удавалось ускользнуть от системы, а для других приписка к мещанскому обществу определённого города вызывала массу неудобств, так как многие мещане, проживавшие в одном городе, были приписаны к совершенно другому, и им приходилось постоянно находиться в переписке с мещанской управой для получения различных документов. «Самара входила в группу российских городов (наряду с Одессой, Ростовом-на-Дону, Николаевом), которые по темпам роста населения далеко превышали средний уровень по России.

Численность населения составила в 1870 г. 14494 чел., в 1884 г. – 75478 чел., в 1897 г. – 91600 чел. Первая всеобщая перепись населения выявила, что 30469, или 33% жителей были коренными самарцами, ещё 24553 прибыли из уездов губернии, а 34699 (37%) были уроженцами других губерний»²⁰⁸.

Все прошения 1871 г. о принятии в мещанское общество города начинались словами: *«Желаю причислиться с семейством моим в мещане»*²⁰⁹. Данная фраза фиксирует как «последовательную темпоральную траекторию развития личности»²¹⁰, так и переживания индивида, связанные с конкретным моментом. Данная фраза означает точку перехода в иную социальную среду и знаменует собой финал определённого отрезка жизненного пути, связанного с накоплениями как материальных, так и духовных ценностей. Индивид «с гордо поднятой головой» претендует на новую социальную нишу, роль, программу текстов поведения. В глаголе «желаю», таким образом, заключено как нормативное, так и рефлексивное содержание. В данной точке бифуркации осуществляется личный выбор индивида между привычным и новым, между рутинной и движением, между стабильностью и рисками. Л. П. Репина пишет применительно к другой ситуации: «П. Сивер встретился со своим героем на перекрёстке социальной и религиозной истории, в проблемном пространстве так называемой народной культуры»²¹¹. В нашем случае герой, чью дальнейшую историю невозможно проследить, оказывается также на «перекрёстке» социальной истории и личной биографии. Он выбирает сословную стезю осознанно, как первичную, добавляя к ней впоследствии профессиональную. Выбор сословного статуса словесно опредмечивается формулой «заявки» на участие в новой жизни в новом социуме: *«Имею от роду 35 лет Желаю причислиться с семейством моим женою Лукерью Евдокимовою и детьми моими сыновьями: Емельяном, Ефимом и матерью Федосьей Дмитриевой из крестьян села Вязовки в Самарское мещанское общество. В обеспечение на предмет исправного платежа при сём прилагаю 5 рублей серебром»*, – писал Никифор Губасов²¹². В статье «От «истории одной жизни» к «песональной истории» Л. П. Репина пишет: «Крупное историческое событие – это тысячи и тысячи крупных, мелких и совсем, казалось бы,

незначительных, элементарных событий...»²¹³. Аналогичное прошение о принятии в мещанское общество Самары, но от мужчины другого возраста, более зрелого, заключает в себе несколько иной, не такой, как в ситуации с 35-летним, эмоциональный фон. Бывший дворовый госпожи Суриной Василий Егоров Ильин пишет: «Желаю причислиться в общество мещан г. Самары. Мне 50 лет»²¹⁴. «Социализация и окультуривание не дают единообразных результатов», – пишет Л. П. Репина²¹⁵. И это действительно так. Интонационно по-другому звучит «желаю причислиться» от дворянина-однодворца Подольской губернии Филимона Васильева Терлецкого, теряющего социальный статус в силу жизненных обстоятельств²¹⁶.

Случались и такие обстоятельства, когда в общество мещан города оказывались приписанными неизвестные люди. Собрание мещан города Самары в 1872 г. рассматривало дело об исключении из общества 43 душ, причисленных без его согласия²¹⁷. На самом деле вполне вероятно, что эти мещане были приписаны с согласия общества, но их место жительства было неизвестно, мещанские сборы они не платили, накопились недоимки, их нужно было разыскать, для чего было дано об их розыске объявление в «Самарских губернских ведомостях» (19 августа, № 66, суббота, 1872)²¹⁸.

Мещанство города пополняло свои ряды и за счёт такой категории населения, как отставные нижние воинские чины, в основном это были бывшие рядовые, младшие вахмистеры, фейрверкеры, унтер-офицеры, бомбардиры и т. д. (всего по Наряду прошениям отставных нижних чинов, причисленных в Самарское мещанство в 1873 г., – 146 человек)²¹⁹. Тексты прошений этих бывших военных показывают, что мещанство пополнялось ещё одной категорией бедняков, социально незащищённых людей, часто инвалидов, не имеющих родственных связей и корней, так как большую часть своей жизни они провели на службе в армии. «Покорнейше прошу Мещанскую управу, – писал отставной рядовой, – по причислению моему в Самару выслать мне свидетельство для получения из казны пособия в том что я не имею никаких родственников, которые могли бы давать мне пропитание а так же нигде по службе не состою...»²²⁰. Другой отставной

рядовой «Василий Макримов сын Макримова» писал в управу: *«...причислен я... в число мещан г. Самары комиссией врачей... признан я к личному труду неспособным ремеслом я не занимаюсь и торговлю собственного дома не имею в услужении у частных лиц; сторожем в присутственных местах и при церквях не состою собственных средств к жизни по слабости своего здоровья и родственников которые взяли бы меня на своё иждивение не имею почему и нуждаюсь в содержании представляя при сём указе медицинское свидетельство...»*²²¹. Данная записка носит шаблонный характер, несмотря на то, что из данного источника проступает судьба конкретного исторического актора. Таких записок поступало в мещанскую управу города достаточное количество. В случае положительного решения просителю назначалось пособие 3 руб. в месяц²²². В данную категорию просителей попадали и так называемые «солдатки». Мещане г. Самары в 1880 г. в своём приговоре отметили в отношении солдатки А. Я. Львовой, ходатайствующей о пособии: *из ходатайства «...видно, что она средств к жизни не имеет, равно и родственников, которые могли бы взять её с двумя малолетними детьми на своё попечение не имеет»*²²³. Но мещанское общество ходатайство Львовой отклонило *«в виду многочисленного семейства в которое она вошла в замужество, предполагая, что Львова от него получает какую-либо помощь»*²²⁴. По всей видимости после такого решения Львова обратилась в вышестоящие инстанции, так как мещане города в своём приговоре пишут: *«Господин Начальник Губернии, возвращая приговор этот, предписал Мещанской управе убедиться как можно обстоятельнее, в имущественном положении Львовой и ходатайство вновь передать на обсуждение общества»*²²⁵. Мещанская управа вновь провела дознание и выяснила, что Львова *«может содержать себя безбедно»*²²⁶. «Безбедно» в представлении служащих управы выглядело следующим образом: *«младшая дочь Львовой Настасья уже умерла старшая дочь Анна находится на воспитании у деда своего крестьянина Бузулукского уезда... сама же Львова имея от роду только 24 года занимается торговлей»*²²⁷. Поэтому в пособии в 3 руб. решено было повторно отказать, резюмируя: *«Принадлежит к мещанскому обществу солдатка Авдотья Львова... может жить безбедно по своей молодости»*²²⁸.

Отказали и другой Авдотье, только Самсоновой. Полицейским дознанием было подтверждено, что мещанка Авдотья Самсонова *«после смерти мужа осталась с двумя малолетними детьми без всяких средств к жизни вследствие слабости здоровья не может добывать личными трудами»*²²⁹. Мещанская управа провела собственное дознание и выяснила: *«Самсонова занимается стиркой белья женщина здоровая и нестарая сын Дмитрий 12 лет – служит у пряничника Алексеева за 3 руб. в месяц, младший сын Алексей обучается в приходском училище имеет деверьев два и родного брата но они живут отдельно и средств ей не выделяют сама она хотя и действительно бедного состояния но может содержать себя с младшим сыном»*²³⁰.

В 1876 г. из Самарской губернии выселилось 40 мещан, а переселился из других губерний 121 чел.²³¹ Как отмечал в своём отчёте самарский губернатор, выселялись мещане в основном в восточные губернии и приезжали также в основном из восточных²³².

Увольнялись из общества для поступления в монашество, на государственную службу, в почтово-телеграфное ведомство, в высшие учебные заведения, в белое духовенство²³³. Общество могло исключить из своей среды и за недоимки. В 1882 г. за недоимки в размере 16 руб. 16 коп. мещанин был исключён из общества²³⁴. Был исключён и *«бродяга Степан» «по неблагонадёжности его в образе жизни который впоследствии может быть в тягость обществу»*²³⁵.

В 1889 г. 19 человек с домочадцами были переведены из купцов в мещане г. Самары как неподтвердившие капитал²³⁶. В 1906 г. в самарское мещанство из самарского купечества был причислен православный купец с семейством Макс Максимильянович Вейк²³⁷.

В понятие «социальное взаимодействие» мы включаем и социальную мобильность, то есть «движение отдельных людей и групп от одного социоэкономического положения к другому»²³⁸. Социальная мобильность состоит из вертикальной и горизонтальной мобильности. Вертикальная мобильность – «это движение вверх или вниз по социоэкономической лестнице», а горизонтальная мобильность «означает географическое перемещение людей из одних регионов, городов или населённых пунктов в другие»²³⁹.

С этой проблемой тесно связано эмоциональное отношение представителей сословия к чужакам и маргиналам. Эмоциональное, так как рациональное отношение объясняется законом и порядком. Б. Н. Миронов отмечает высокую внутрисословную вертикальную мобильность в среде городских обывателей. Однако, по его мнению, «внутрисословная мобильность среди городского сословия со второй половины XIX в... стала ослабевать»²⁴⁰.

В 1889 г. к самарскому мещанству были причислены: разведённая крестьянка, причисленная к семейству её воспитателя из мещан, незаконнорождённая дочь дворовой девицы, прижитые вне брака девицею из дворян дети²⁴¹, а также вдовы и солдатские дочери²⁴². В 1890 г. среди причисленных в мещане разных званий²⁴³ большинство составляли крестьяне. Они подразделялись на «вольнотпущенников», «крестьян собственников на выкупе», «крестьян из ссыльных» (таких, которые оказались в ссылке, к примеру, за то, что ночью похитили рожь²⁴⁴), «крестьян собственников, бывших государственных», «уволненных в запас крестьян». Пополнялось мещанство Самары и за счёт «бывших австрийских и прусских дезертиров». Так в мещанском делопроизводстве именовались выходцы из Австро-Венгрии. Разнообразие в эту категорию «иностранцев» вносит причисленный в самарское мещанство «бывший французский подданный» Евгений Бон, сын Жана Бертона Бона²⁴⁵. «Солдатские дети и вдовы», незаконнорождённые, мещане из других губерний и «новокрещённые из татар или евреев»²⁴⁶ съезжались в Самару из разных уголков империи и оседали в городе, приобретая статус, стабильность и вместе с ними «самарскую благоспешность». По материалам мещанского делопроизводства за 1890 г., касающегося причисления новых лиц в самарское мещанское общество, можно представить «географию» этих сословных и жизненных путей: в Самару приезжали и причислялись в мещанство из Никитинской губернии Оренбургского казачьего войска, из Саратовской, Рязанской, Владимирской, Нижегородской, Вятской, Вологодской, Симбирской, Витебской, Смоленской, Тобольской, Казанской, Тульской, Костромской губерний²⁴⁷. В 1891 г. «география» причисленных в Самарское мещанское общество была та же, прибавились Уфимская, Екатеринбургская, Енисейская, Пензенская

губернии²⁴⁸. По-прежнему в самарское мещанство причислялись иностранцы, приехавшие из Австрии, Бадена, Франции (Виктор Ганрио с женой Шарлоттой)²⁴⁹, Пруссии²⁵⁰.

В начале XX в. в делопроизводстве мещанской управы Самары, касающемся причисления к обществу новых членов, появляются отдельные Наряды о причислении «женского пола», что латентно свидетельствует о растущей эмансипации женщин, вызванной в рамках сословного статуса, облегчением для них получения паспортов. Социальная картина вновь причисленных в самарское мещанство в 1904 г. женщин соответствует привычным категориям, вступающим в мещанство: солдатские жёны и дочери, покидыши и незаконнорождённые, купеческие дочери, крестьянские вдовы, бывшие прусские подданные, выпускницы детских приютов²⁵¹.

В самарское мещанство в 1905 г. по наряду предписаний самарской казённой палаты были причислены: крестьяне, бывшие служащие (бывший почтовый телеграфный чиновник IV класса, уволенный со службы), бывшие купцы, подкидыши, солдатские дети, внебрачные дети (например, внебрачный сын жены канцелярского служителя 3 разряда Евдокии Гавриловны Жаковой), «бывшие австрийские и прусские дезертиры», вдова уволенного из клира дьячка и т.д.²⁵². Среди длинного списка «бывших» обращают на себя внимание следующие категории населения. Во-первых, это так называемые «дезертиры». Среди «бывших австрийских дезертиров», вступивших в самарское мещанство, судя по именам, были представители самых разных национальностей, входивших в состав Австро-Венгерской империи: Антон Свентомский (римско-католического вероисповедания), Роман Сукняржа (римско-католического вероисповедания), Дмитрий Найкан (православный), Семён Савельник (униатского вероисповедания), Эммануил Гирш (римско-католического вероисповедания), Юзеф Губи (римско-католического вероисповедания), Войцех Мярк (римско-католического вероисповедания), Мацей Грембский (римско-католического вероисповедания), Киприан Ляско (римско-католического вероисповедания), Игнатий Лянгер (римско-католического вероисповедания)²⁵³, Иосиф Волялин (римско-католического вероисповедания), Иван Коленкок

(православный), Константин Витвицкий (православный), Павел Вергун (православный), Иван Демчевский (православный), Иван Колм (римско-католического вероисповедания)²⁵⁴, Антон Тимчишин (римско-католического вероисповедания), Фома Цюлек (римско-католического вероисповедания), Фёдор Мартынюк (православный)²⁵⁵, Василий Трючкарт (православный)²⁵⁶. Были и «бывшие прусские дезертиры»: Бруно Тондорф (лютеранской веры), Отто Шеффер (лютеранской веры), Август Отто Карл Нейнахбар (лютеранской веры)²⁵⁷, Карл Отто Михальский (римско-католического вероисповедания)²⁵⁸, Эрнст Миллер (лютеранской веры), Карл Пульке (лютеранской веры)²⁵⁹. В 1888 г. в самарской мещанство был причислен «бывший саксонский подданный» Франц Гюнтер²⁶⁰ и в 1907 г. в делопроизводстве мещанской управы в отношении причисленных в самарское мещанство представителей Австро-Венгрии и Пруссии продолжает использоваться термин «дезертир»²⁶¹.

По ревизским сказкам за 1907 г. видно, как активно состав самарского мещанства пополняется за счёт иностранцев и сосланных под надзор полиции. Появляются фамилии Грембский, Тондорф, Лянгер, Шеффер, Нейнахбар, Михальский, Миллер, Фуэсс, Тульке, Мартен, Роттер, Вайнер, Мацевицкий, Кауфман, Трунн, Шульц, Аршавский, Выдревич, Нодель и др.²⁶² В основном, это были жители Австро-Венгрии, переехавшие на жительство в Россию. Часть из них переходила в православие. Например, Мацевицкий Мовша Мордухов по крещению получил имя Михаила Фёдоровича²⁶³, Вайнер Мендель Моликович стал Михаилом Владимировичем, Аршавский Моисей Залманов превратился в Аркадия Фёдоровича, Рахиль Лия Соломонова – в Елену Николаевну и т.д.²⁶⁴ Евреи активно пополняли самарское мещанство²⁶⁵. Кто-то оставался в иудаизме (самарская синагога, входящая в десятку крупнейших в Европе, подтверждает факт спокойного отношения горожан к иноверцам), кто-то переходил в православие. В Самаре этот выбор был связан не с какими-то видами явных притеснений, а в первую очередь с вопросами бизнеса и карьеры. Хотя христоматийный пример Я.Л. Тейтеля доказывает, что можно было добиться карьерного роста, не переходя в православие. Однако Александр Львович Кауф-

ман в декабре 1917 года снова вернулся в иудаизм, предоставив в Самарскую мещанскую управу справку об этом от раввина²⁶⁶.

Мещане Самары достаточно мирно реагировали на принятие в свою среду евреев, не отличались тем обывательским антисемитизмом, которым, по всей видимости, страдал Могилёвский губернатор. Мещане слушали доклад по приговору Самарского мещанского общества о принятии в свою среду Израиля Махлина, в котором говорилось, что *«на основании закона повсеместное жительство в Империи, в соответствии с правами, принадлежащим отставным нижним чинам из евреев, поступившим на службу по рекрутскому уставу... кои, участвуя в военных действиях на дальнем Востоке, удостоились пожалованиями знаками отличия или вообще бессрочно несли службу в действительных войсках Так как мещанин г. Старого Быхова Израиль-Щаев Мошешев Махлин как видно из увольнительного билета... от 1906 г. участвовал в походах против Японцев с 14 февраля 1904 г. по 23 октября 1905 г... вёл себя отлично и при нахождении полка в походе в Корее нёс службу бессрочно. Поведения всегда был трезвого и ни в чём предосудительном не замечался. То губернское правление полагает, что хотя, по сообщению Могилёвского губернатора... Махлин, как не принимавший активного участия в военных действиях на Дальнем Востоке, не имеет права на повсеместное жительство в Империи, но в виду приведённых выше сведений об участии его в походах против Японцев... к Махлину должна быть применена статья... повсеместного проживания в Империи»*. И мещане Самары приняли его в свою среду²⁶⁷. Из данного отрывка мещанского приговора видно, что главными критериями, на основании которых решалось, достоин ли «неофит» состоять в самарском мещанстве, являлись трезвый образ жизни и отсутствие тяги к девиациям (*«ни в чём предосудительном не замечался»*).

Много было среди приписанных к мещанству подкидышей. Самарский мещанин Иван Акимов Тимофеев хотел усыновить и дать свою фамилию девочке Дарье, которую подкинули к его дому в возрасте трёх дней²⁶⁸. К квартире самарского мещанина Тита Антонова Овчарского также подбросили ребёнка, которого он усыновил²⁶⁹. Усыновлялись и внебрачные дети. К примеру, внебрачный сын жены канцелярского служителя третьего раз-

ряда Евдокии Гавриловны Жаковой, Василий²⁷⁰. Порой мещане усыновляли внебрачных детей крестьянок. Самарский мещанин усыновил своего воспитанника, внебрачного сына крестьянской вдовы Марфы Петровой Гордеевой²⁷¹. Не отрицая филантропические мотивы, следует отметить, что приёмный в семье давал возможность родным сыновьям избежать рекрутства. В 1888 г. мещане города Самары разбирали прошение «однообщественника нашего, состоящего в Запасе армии фельдфебеля Степана Кожевникова» об усыновлении подкидыша, который в возрасте 7 месяцев был подкинут к Троицкой церкви. Родители полицейей не были найдены, и Кожевников взял его к себе на воспитание и назвал Николаем²⁷². Иногда положение «неприписанный ни к какому обществу» длилось практически всю жизнь. Внебрачный сын солдатки Андриян (по крестному отцу) Иванов был рождён в 1861 г., а причислен к мещанскому обществу Самары только в 1905 г.²⁷³ Несмотря на фамилию, мещанская девица Святова также родила внебрачного сына Константина (по крестному отцу) Иванова, как написано в документе, «приблизительно в 1894 г.». В 1905 г. он был причислен в самарское мещанство²⁷⁴. Мещанское общество города в случае желанья мещан причислить к своему семейству усыновлённых детей обладало разрешительным правом. В самой словесной формуле приговора мещанского общества и в 1905 г. не происходило существенных изменений: «1905 г. февраля 20 дня, мы, нижеподписавшиеся гор. Самары мещане имеющие право голоса в собраниях, сего числа, быв в собрании нашего общества... слушали предъявленное нам Председателем мещанской управы Евсеевым заявление Самарского мещанина Михаила Васильева Исакова о желании причислить к его семейству с правом усыновления взятых им из детского приюта Самарского губернского земства девочек Евгению (6 л. 8 м.) и Марию (6 л. 11 м.)...»²⁷⁵. 20 подписавшихся мещан выразили своё согласие, но когда встал вопрос о желании усыновить 20-летнего, отказали, сославшись на то, чтобы он вначале отбыл воинскую повинность²⁷⁶. Вопросы об усыновлении мещанское общество решало до самых последних дней своего существования²⁷⁷.

О бедности многих представителей сословия свидетельствует и такое явление, как согласие матерей на усыновление их детей

более состоятельными однообщественниками. В деле об усыновлении незаконнорождённого сына мещанской девицы мещанское общество получило в первую очередь её согласие, потом положительно решило вопрос об усыновлении²⁷⁸.

Дисциплинарная власть над членами мещанского общества города приводила к исключению из сословной среды мещан порочных и за развратное поведение²⁷⁹. До вынесения приговора о выселении порочных и развратных мещан в Сибирь, мещанские общества применяли к ним до трёх раз по мирским приговорам меры исправительные, а именно: отдачу в разные казённые, городские и частные работы – в первый раз на время от 1 до 2-х месяцев, во второй раз – от 2-х до 4-х месяцев, в третий раз – от 4-х до 6 месяцев²⁸⁰. Такое право сохранялось до 1900 г.²⁸¹ Мещанскому обществу предоставлялось право вынесения приговоров о наложении опеки «на имение расточителя»²⁸². Григория Павлова Липилина, 36 лет, Семёна Архипова, Андрея Порханова, Афанасия Богомолова с женой Марьей Фёдоровой и дочерью Ириной согласно решению общества и самарской уголовной палаты решено было отправить «на водворение» в Сибирь, что и было сообщено мещанскому и податному старостам²⁸³. Из подобного рода сословной документации обнажаются человеческие трагедии, когда за родителями в Сибирь вынуждены были в силу социальных обстоятельств отправляться дети, хотя, как отмечает Б. Н. Миронов, «указы 1720 и 1735 гг. прекращали союз родителей и детей, а также и супругов: жёны и дети освобождались от обязанности следовать в ссылку за мужем, а дети – за родителями»²⁸⁴. Из самарского мещанства была уволена Варвара Иванова «для следования с матерью её в Сибирь»²⁸⁵. В 1860 г. было принято дополнение к статье 103 Свода законов об обязательном совместном проживании супругов, дававшее право женщинам без развода уклоняться от совместного жительства, если муж отправлен в ссылку²⁸⁶. Но не каждая женщина могла устроить свою жизнь без кормильца, и поэтому, несмотря на законы, отправлялась за мужем в Сибирь. Так Мавра Григорьева Михайлова писала в своём прошении: «Муж мой в недавнем времени по суду сослан в... (нечитабельно. – Прим. авт.) арестантской роты гражданского ведомства и оттуда

должен выслаться в Сибирь на поселение, почему я имея от него детей изъявляю полное желание отправиться с мужем туда на жительство куда начальство назначит и покорнейше прошу Городскую Думу об увольнении меня из Самарского мещанского общества навсегда»²⁸⁷.

По «Высочайше утверждённому указу о порядке удаления порочных мещан» видно, что составляемые обществом приговоры о подсудимых и порочных мещанах подписываемы были 2/3 домохозяев. «Но как по штатным обстоятельствам жителей г. Самары 2/3 общества собрать в одно время нет никакой возможности, потому что мещане хотя и имеют в городе дома, но по промыслам своим находятся по большей части в отлучке, а другие, занимаясь земледелием, постоянно находятся на снятых ими участках, другие же хотя и проживают в г. Самаре, но по бедному состоянию своему заняты постоянно чёрной работой, не находят времени являться на общественное собрание»²⁸⁸.

Случались в этом вопросе и конфликтные ситуации, которые иллюстрирует дело о мещанине, сосланном в Сибирь по «подложному приговору» мещанского общества. О данном преступлении мы узнаём из прошения его отца в момент, когда по делу ещё только производилось следствие. Поэтому конца этой истории по архивным документам узнать не представляется возможным. Отец просил выдать пособие для семьи этого несчастного: «Самарского мещанина Алексея Акинфиева Грачёва Заявление сосланного в Сибирь по подложному приговору сына моего приговор мещанского общества 1870 г. оказался составленным подложно, о чём производится следствие чиновником особых поручений начальника Самарской губернии...»²⁸⁹. Отец настаивал, чтобы на собрание мещан, на котором должен был решаться вопрос о выдаче пособия, не приглашались те, кто подписал подложный приговор. Мещане, которые собрались на собрание, отказали отцу в выдаче пособия²⁹⁰. И это несмотря на то, что приговор «об удалении из своей среды Петра Грачёва» они решили отменить и при том, что у Грачёва, невинно отправленного в Сибирь, остались жена и пятеро малолетних детей²⁹¹. Удивительное постоянство в нежелании исправлять свои ошибки в данной ситуации проявило, по всей видимости, руководство мещанского общества. В приговорах общества указывалось,

что общество *«упустило из виду... назначение средств к содержанию его семейства... упущение это... произошло как от членов собрания, так и от Г. Председавшего в оном потому, что в приговоре составленном этим собранием показано, что Пётр Грачёв имеет у себя только жену и одну двенадцатилетнюю дочь, между тем, как по дознанию, произведённому в 1871 г... у него пять малолетних детей»*²⁹². И вновь мещанское общество проявляет удивительное упорство против выплаты семейству пострадавшего пособия. Они принимают решение об избрании специальной комиссии, которая должна была решить, обманывает ли мещанское общество отец Петра Грачёва, так как у него имеется сад, за счёт которого, по мнению мещанского общества, дети и жена Петра Грачёва не должны бы были бедствовать²⁹³. Отец настойчиво продолжал писать жалобы. Настроенная на борьбу во имя нежелания исправлять ошибки комиссии доложила на собрании общества: у отца Грачёва под садом находится целых 23 десятины земли, из которых лесом засажены 5 десятин, остальные – под плодовые деревья. Земля под картофель и другие овощи сдаётся людям, 25 руб. за десятину. Таким образом, одна только земля приносит Грачёву-старшему годовой доход в 275 руб.. Плодовые деревья, в количестве 4000, приносят доход в 400 руб. Под малиной – одна десятина. 5 десятин леса используются в качестве отопления для избы. В саду выстроен флигель, стоящий 150 руб. А кроме того, Грачёв имеет ещё и лошадь, стоящую 20 руб., и корову, которая также может стоить 10 руб. Дети уже вообще взрослые: 9, 16, 13 и 11 лет. Более того, воинствовала мещанская управа, у Грачёва-старшего есть ещё один сын, помимо несправедливо сосланного в Сибирь, и вот этот другой сын Алексей занимается посевом овощей и другими промыслами, имеет двух лошадей и одну корову. И вообще, всё принадлежащее Грачёву-старшему имущество можно оценить в 5000 рублей, следовательно, ни о каком пособии для семьи Грачёва-младшего нечего и говорить²⁹⁴.

Общество принимало в свои ряды и таких персонажей, как крестьянин из ссыльных, который был отправлен в Сибирь *«за пьянство, буйство, упорство, дерзость волостному кандидату»*²⁹⁵. Когда его заключили в тюрьму, он и там *«произвёл шум», «ломал печь из которой целый ряд кирпичей выбросил»*²⁹⁶.

Выглядел он также колоритно: рост два аршина, телосложение крепкое, волосы чёрные, глаза карие, брови чёрные, зубы белые, подбородок острый, лицо смуглое, щёки впалые²⁹⁷. Но самарское мещанство и не таких обтёсывало – не побоялось, приняло в общество.

Мещане неторопливо взвешивали все «за» и «против» в отношении приёма в свою среду «проштрафившихся» однообщественников. 56 человек мещан г. Самары на своём собрании обсуждали судьбу К. С. Поликарпова, который за кражу лошади «за неимением в Самаре рабочего дома» был «выдержан» в городской тюрьме. Там он вёл себя хорошо, и мещане решили принять его обратно²⁹⁸.

Молодые люди, осуждённые за грабёж (23-летний за укрыительство кражи, 22-летний за кражу, 20-летний за грабёж с насилием), были гуманно возвращены мещанами города в свою среду, переданы «на попечение родителей», так как под судом они оказались первый раз и в отношении их у мещан была «*надежда на исправление*»²⁹⁹. То же самое чувство управа испытывала и в отношении мещанина Давыда Моисеева Маневича, очередной раз осуждённого «*за составление подложных документов*», который и раньше «*хотя и подвергался суду за разные преступления, но подаёт надежду на исправление своей нравственности*», в связи с чем мещане посчитали возможным принять его вновь³⁰⁰. Но сжалиться над одинокими матерями с детьми, просящими у управы помощь и пособие, не представлялось возможным. Управа не ленилась проводить дополнительные дознания, чтобы доказать, что эти женщины не умирают с голоду. А пожалеть преступников и тем самым пополнить число налогоплательщиков – органично вписывалось в представления о нравственном долге.

В 1886 г. вопросы о нравственности решались обществом по формуле: «*имеет ли надежду на исправление*». 35-летний Иван Кашин, отправленный за мошенничество в исправительное арестантское отделение сроком на 1 год и 6 месяцев, вёл себя там хорошо, и мещане города согласились принять его обратно в свою среду. А вот 24-летнего Минигру Хамдиева, осуждённого за кражу, не приняли назад, хотя, по сообщениям из тюрьмы, он вёл себя там хорошо. Причина в том, что Хамдиев уже второй раз был

судим, первый – за кражу лошадей. Сообщественники постановили: «не имеет надежды на исправление своей нравственности»³⁰¹.

Несмотря на то, что данный раздел мы начинали с законодательного дискурса, определив, как власть через закон контролировала состав сословия и его мобильность, описывали различные социальные группы, пополнявшие сословие или исключавшиеся из него, закончить размышления об интеракциях управы и мещанского общества города в пореформенную эпоху хотелось бы утверждением, связанным с эмоциональным контекстом. Разделяя тезис о том, что «эмоции – это тот язык, без которого немислимы социальные отношения»³⁰², мы обнаружили социальный организм мещанского общества города чрезвычайно эмоциональным и активно сопереживающим своей роли в социальной системе страны. Социальные эмоции включают в себя культурные нормы и межличностные отношения³⁰³. Моральное чувство служащих управы и тех мещан, которые приходили на собрания, чтобы вершить судьбы, заставляло их не только следовать букве закона, но и творчески применять его в границах своего правосознания. Ценности и эмоции этих «маленьких людей» составляли «иногда благой, а иногда порочный круг, непрерывно воздействуя друг на друга»³⁰⁴. Сосредоточенные в своём эмоциональном сообществе, мещане города производили категоризацию окружающего социального пространства. Чем более одинокой и ненужной в пространстве империи становилась эта группа, тем больше склонялась к преувеличению своей роли, что отражалось на их восприятии себя как вершителей человеческих судеб: этот нравственный, а этот порочный; этот бедный, а этот притворяется таковым; этот платёжеспособный, а этот будет обузой обществу. Отсутствие этнических фобий – тоже эмоция, определявшая тексты поведения самарской мещанской управы и её окружения. Общая эмоциональная невыразительность самарской мещанской управы в отношении тех императивов государственной истории, которые заставляли активно откликаться дворянство или купечество, – тоже эмоция. По всей видимости, для мещанской Самары события войн, революций, парламентаризма и т.д. были слишком сильными эмоциями, разрушительными для их «познания, выбора и рациональности»³⁰⁵. И мещане не заходили в своей

общественной рефлексии за некий «болевого порог», так как это было и опасно, и нецелесообразно и противоречило логике повседневного существования.

- ¹ Миронов Б. Н. Социальная история России. Т. 1. С. 500.
- ² Там же.
- ³ ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 1,6.
- ⁴ История Самары. С. 126.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Самарское купечество: веки истории. Самара, 2006. С. 21.
- ⁷ История Самары: от воеводского управления до Губернской Думы. Кн. 1. С. 135.
- ⁸ ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д.1038. Л.40–40 (Об.).
- ⁹ Там же. Л.37.
- ¹⁰ Там же. Л.114 (Об.)-115 (Об.).
- ¹¹ Там же. Л.115 (Об.)-232.
- ¹² Там же. Л.232–239.
- ¹³ Там же. Л.238.
- ¹⁴ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1997. С. 28.
- ¹⁵ Там же. Л.238 (Об.)-239.
- ¹⁶ Там же. Л.288 (Об.)-289.
- ¹⁷ Миронов Б. Н. Социальная история России. Т. 1. С. 502.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. С. 503.
- ²⁰ Там же. С. 505, 507.
- ²¹ Там же. С. 507.
- ²² Миронов Б. Н. Социальная история России. С. 507.
- ²³ Там же. С. 508.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 2009. С. 43.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Полное собрание законов Российской Империи. II. Т. 45. Отд. 3. № 48498. Прил. Ст. 14, прим.; Собрание законов. Т. 9. Ст. 597.
- ²⁸ Полное собрание законов Российской Империи. III. Т. 9. № 5900.
- ²⁹ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество российской империи. С. 470.

- ³⁰ Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: социал. и культур. аспекты. М., 2008.
- ³¹ Каплуновский А. П. Русская мещанская община. С. 67.
- ³² ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.88. Л.1 (Об.).
- ³³ Там же. Л.4 (Об.).
- ³⁴ Там же. Л.9 (Об.).
- ³⁵ Там же. Л. 6–8.
- ³⁶ Там же. Л.8.
- ³⁷ Там же. Л. 9 (Об.).
- ³⁸ Каплуновский А. П. Русская мещанская община. С. 78.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.88. Л.19.
- ⁴¹ Там же. Л.23 (Об.).
- ⁴² Там же. Д. 85. Л.161–162.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же. Ф.1. Оп. 1. Д.3459.
- ⁴⁵ Там же. Л.3–3 (Об.).
- ⁴⁶ Там же. Л.1 (Об.)-3.
- ⁴⁷ Там же. Д.123. Л.2–3.
- ⁴⁸ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. С. 470.
- ⁴⁹ ГУСО ЦГАСО. Ф.1. Оп. 1. Д.3462. Л.3.
- ⁵⁰ Там же. Л.4–5.
- ⁵¹ Там же. Л.6–6 (Об.).
- ⁵² Там же. Л.7.
- ⁵³ Там же. Л.23 (Об.).
- ⁵⁴ Там же. Л.24.
- ⁵⁵ Там же. Л.25.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ ГУСО ЦГАСО. Ф.1. Оп. 1. Д.3462. Л.26.
- ⁵⁸ Там же. Л.26 (Об.).
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Там же. Л.27.
- ⁶¹ Там же. Л.29.
- ⁶² Там же. Л.30–30 (Об.).
- ⁶³ Там же. Л.30 (Об.).
- ⁶⁴ Там же. Л.54.
- ⁶⁵ Там же. Л.31 (Об.)-32.
- ⁶⁶ Там же. Д.3754.
- ⁶⁷ Там же. Л.1 (Об.).
- ⁶⁸ Димитровград и его окрестности//URL: <http://mir-dim.ru/gorod.html>.
- ⁶⁹ ГУСО ЦГАСО. Ф.1. Оп. 1. Д.3630. Л.2,3, 11.
- ⁷⁰ Там же. Л.11 (Об.)-12.

- ⁷¹ Там же. Л.12 (Об.)
- ⁷² Там же. Л.13–13 (Об.).
- ⁷³ Там же. Л.13 (Об.).
- ⁷⁴ Там же. Л.14.
- ⁷⁵ Там же. Л.24.
- ⁷⁶ Там же. Л.24–24 (Об.).
- ⁷⁷ Там же. Л.26 (Об.).
- ⁷⁸ Там же. Л.30.
- ⁷⁹ Каплуновский А. П. Русская мещанская община. С. 37.
- ⁸⁰ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.165. Л.59–79.
- ⁸¹ Там же. Д.167. Л.1.
- ⁸² Там же. Д.189. Л.44–51.
- ⁸³ Там же. Д.190. Л.43. Д.201. Л.22.
- ⁸⁴ Каплуновский А. П. Русская мещанская община. С. 37.
- ⁸⁵ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.168. Л.1–2.
- ⁸⁶ Там же. Ф.1. Оп. 1. Д.3459. Л.3–3 (Об.).
- ⁸⁷ Там же. Ф.217. Оп. 1. Д.254. Л.64 (Об.).
- ⁸⁸ Фицпатрик Ш. Срывайте маски! С. 237.
- ⁸⁹ Там же. С. 238.
- ⁹⁰ Там же. С. 239.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. С. 475.
- ⁹³ Там же.
- ⁹⁴ Там же.
- ⁹⁵ Там же. С. 478.
- ⁹⁶ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.212. Л.9–11 (Об.).
- ⁹⁷ Там же. Л.11 (Об.).
- ⁹⁸ Там же. Л.19–20 (Об.).
- ⁹⁹ Адрес-календарь Самарской губернии на 1884 год. Самара, 1883.
- ¹⁰⁰ Адрес-календарь Самарской губернии на 1979 год. Самара, 1878. С. 63; Адрес-календарь Самарской губернии на 1880 год. Самара, 1979. С. 62, 68, 69, 70, 81, 82, 83.
- ¹⁰¹ Адрес-календарь Самарской губернии на 1888 год. Самара, 1887. С. 91; Адрес-календарь Самарской губернии на 1889 год. Самара, 1888. С. 91; Адрес-календарь Самарской губернии на 1890 год. Самара, 1889. С. 99; Адрес-календарь Самарской губернии на 1891 год. Самара, 1890. С. 79; Адрес-календарь Самарской губернии на 1892 год. Самара, 1891. С. 93; Адрес-календарь Самарской губернии на 1893 год. Самара, 1892. С. 108.
- ¹⁰² Адрес-календарь Самарской губернии на 1880 год. С. 62; Адрес-календарь Самарской губернии на 1881 год. Самара, 1880. С. 68; Адрес-календарь Самарской губернии на 1882 год. Самара, 1881. С. 69;

Адрес-календарь Самарской губернии на 1883 год. Самара, 1882. С. 70 (за 1884 г. в Адрес-календаре указан только один член управы, можно предположить, что при печати произошла ошибка и Васильева забыли впечатать).

¹⁰³ Адрес-календарь Самарской губернии на 1885 год. Самара, 1884. С. 69; Адрес-календарь Самарской губернии на 1886 год. Самара, 1885. С. 71; Адрес-календарь Самарской губернии на 1887 год. Самара, 1886. С. 71.

¹⁰⁴ Адрес-календарь Самарской губернии на 1885 год. С. 69; Адрес-календарь Самарской губернии на 1886 год. С. 71; Адрес-календарь Самарской губернии на 1887 год. С. 71.

¹⁰⁵ Адрес-календарь Самарской губернии на 1904 год. Самара, 1903. С. 217; Адрес-календарь Самарской губернии на 1901 год. Самара, 1900. С. 238; Адрес-календарь Самарской губернии на 1903 год. Самара, 1902. С. 316; Адрес-календарь Самарской губернии на 1902 год. Самара, 1901. С. 223; Адрес-календарь Самарской губернии на 1900 год. Самара, 1899. С. 239; Адрес-календарь Самарской губернии на 1899 год. Самара, 1898. С. 44; Адрес-календарь Самарской губернии на 1898 год. Самара, 1897. С. 53; Адрес-календарь Самарской губернии на 1897 год. Самара, 1896. С. 330; Адрес-календарь Самарской губернии на 1896 год. Самара, 1895. С. 355; Адрес-календарь Самарской губернии на 1895 год. Самара, 1894. С. 121; Адрес-календарь Самарской губернии на 1894 год. Самара, 1893. С. 64; Адрес-календарь Самарской губернии на 1893 год. Самара, 1892. С. 108; Адрес-календарь Самарской губернии на 1892 год. Самара, 1891. С. 93.

¹⁰⁶ Куприянов А. Городская культура русской провинции. С. 283.

¹⁰⁷ Там же. С. 261.

¹⁰⁸ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.122. Л.1.

¹⁰⁹ Миронов Б. Н. Социальная история России. Т. 1. С. 507–508.

¹¹⁰ Кузьмин В. Ю. Земская медицина России в мирное и военное время (1864–1917 гг.). Самара, 2000. С. 61.

¹¹¹ Там же. С. 75.

¹¹² Там же. С. 80.

¹¹³ Там же. С. 89.

¹¹⁴ Там же. С. 95.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.222. Л.2–6.

¹¹⁷ Там же. Л.44.

¹¹⁸ Гиляровский В. А. Избранное: в 2 т. Т. 1. Куйбышев, 1965. С. 18.

¹¹⁹ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.222. Л. 49.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Там же. Л.50.

- ¹²² Там же. Л.51.
- ¹²³ Там же. Л.52.
- ¹²⁴ Там же. Д.227. Л.28.
- ¹²⁵ Там же. Л. 28 (Об.).
- ¹²⁶ Там же. Д.235. Л.13–13 (Об.).
- ¹²⁷ Там же. Д.227. Л.111.
- ¹²⁸ Там же. Ф.217. Оп. 1. Д.227. Л.111.
- ¹²⁹ Там же. Л.229.
- ¹³⁰ Миронов Б. Н. Страсти по революции. С. 199.
- ¹³¹ Каплуновский А. П. Русская мещанская община. С. 41.
- ¹³² Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России. С. 247.
- ¹³³ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.242. Л.18–20 (Об.).
- ¹³⁴ Там же.
- ¹³⁵ Там же. Д.256. Л.22–25; 32–35.
- ¹³⁶ Салтыков-Щедрин М. Е. Избранные сочинения. М., 1989. С. 63.
- ¹³⁷ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.250. Л.12–28.
- ¹³⁸ Салтыков-Щедрин М. Е. Избранные сочинения. С. 117.
- ¹³⁹ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.258.
- ¹⁴⁰ Там же. Л.3.
- ¹⁴¹ Каплуновский А. П. Русская мещанская община. С. 88.
- ¹⁴² ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.284. Л.2–3.
- ¹⁴³ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.300. Л.5.
- ¹⁴⁴ Календарь и памятная книжка на 1896 год. С. 355.
- ¹⁴⁵ Там же.
- ¹⁴⁶ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.300. Л.7, 15–17.
- ¹⁴⁷ Там же. Л.7.
- ¹⁴⁸ Там же. Д.122. Л.1.
- ¹⁴⁹ Салтыков-Щедрин М. Е. История одного города//Салтыков-Щедрин М. Е. Избранные сочинения. М., 1989. С. 166.
- ¹⁵⁰ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.300. Л.78.
- ¹⁵¹ Салтыков-Щедрин М. Е. История одного города. С. 116.
- ¹⁵² ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.300. Л.18–19.
- ¹⁵³ Там же.
- ¹⁵⁴ Миронов Б. Н. Социальная история России. Т. 2. С. 287.
- ¹⁵⁵ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.300. Л.18–19.
- ¹⁵⁶ Миронов Б. Н. Социальная история России. Т. 1. С. 522.
- ¹⁵⁷ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.88. Л.4 (Об.).
- ¹⁵⁸ Там же. Д.329. Л.99.
- ¹⁵⁹ Там же.
- ¹⁶⁰ Там же. Л.99 (Об.).
- ¹⁶¹ Там же.
- ¹⁶² Там же. Д.396.

- ¹⁶³ Человек в мире чувств: очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени. М., 2000. С. 11.
- ¹⁶⁴ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.356. Л.12.
- ¹⁶⁵ Алексушина Т. Ф., Алексушин Г. В., Буданова А. А. Самара, улица Дворянская. Самара, 2009. С. 219.
- ¹⁶⁶ ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 1. Д.368. Л.62.
- ¹⁶⁷ Там же.
- ¹⁶⁸ Там же. Д.391. Л.1.
- ¹⁶⁹ Там же. Л.2.
- ¹⁷⁰ Там же. Ф.217. Оп. 1. Д.391. Л.88.
- ¹⁷¹ Там же. Л.88 (Об.).
- ¹⁷² Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. С. 476–478.
- ¹⁷³ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.403. Л. 2.
- ¹⁷⁴ Там же. Л.3.
- ¹⁷⁵ Там же. Л.4.
- ¹⁷⁶ Там же. Л.6.
- ¹⁷⁷ Там же. Л.8.
- ¹⁷⁸ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.412. Л.41; Д.412. Л.177–177 (Об.).
- ¹⁷⁹ Там же. Л.51.
- ¹⁸⁰ Шепелев Л. Е. Титулы, мундиры и ордена Российской империи//URL: <http://www.bibliotekar.ru/CentrTitul/index.htm>.
- ¹⁸¹ Федосюк Ю. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. М., 2010. С. 108.
- ¹⁸² ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.412. Л.51.
- ¹⁸³ Там же. Л.57.
- ¹⁸⁴ Там же.
- ¹⁸⁵ Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России. С. 416–419.
- ¹⁸⁶ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.411. Л.172.
- ¹⁸⁷ Там же.
- ¹⁸⁸ Там же. Д.418. Л.44 (а).
- ¹⁸⁹ Там же.
- ¹⁹⁰ Финн К. Рассказы и повести многих лет. М., 1969.
- ¹⁹¹ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.426. Л.1.
- ¹⁹² Там же. Д.450. Л.1–157 (Об.).
- ¹⁹³ Там же. Д.423. Л.1–238.
- ¹⁹⁴ Там же. Л.238.
- ¹⁹⁵ Там же. Л.263.
- ¹⁹⁶ Фуко М. Надзирать и наказывать. С. 40.
- ¹⁹⁷ Миронов Б. Н. Социальная история России. Т. 1. С. 508.
- ¹⁹⁸ Фуко М. Надзирать и наказывать. С. 216.

¹⁹⁹ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. С. 454.

²⁰⁰ Виртшафтер Э. К. Социальные структуры. С. 194.

²⁰¹ Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России. С. 217.

²⁰² Там же.

²⁰³ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. С. 460.

²⁰⁴ Там же. С. 454.

²⁰⁵ Там же. С. 454–455.

²⁰⁶ Там же. С. 455.

²⁰⁷ Там же. С. 455–456.

²⁰⁸ История Самары... С. 118.

²⁰⁹ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.89. Л.1–331.

²¹⁰ История через личность: ист. биография сегодня. М., 2010. С. 11.

²¹¹ Там же. С. 62.

²¹² ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.89. Л.331.

²¹³ История через личность... С. 70.

²¹⁴ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.89. Л.395.

²¹⁵ История через личность... С. 73.

²¹⁶ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.89. Л.396.

²¹⁷ Там же. Д.100.

²¹⁸ Там же. Л.1–15 (а).

²¹⁹ Там же. Д.112. Л.1–6.

²²⁰ Там же. Л.10–19.

²²¹ Там же. Л. 333–333 (Об.).

²²² Там же. Л.333 (Об.), 385.

²²³ Там же. Д.190. Л.68.

²²⁴ Там же.

²²⁵ Там же.

²²⁶ Там же.

²²⁷ Там же.

²²⁸ Там же.

²²⁹ Там же. Л.81.

²³⁰ Там же. Л.81 (Об.).

²³¹ Приложение ко Всеподданнейшему отчёту Самарского губернатора за 1876 год. Самара, 1877. С. 26.

²³² Там же. С. 27.

²³³ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.274. Л.21–22 (Об.).

²³⁴ Там же. Д.201. Л.80.

²³⁵ Там же.

²³⁶ Там же. Д.241. Л.38–38 (Об.).

²³⁷ Там же. Д.372. Л.162.

- 238 Гидденс Э. Социология. С. 268.
- 239 Там же.
- 240 Миронов Б. Н. Социальная история России. Т. 1. С. 121.
- 241 ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.249. Л.8–14.
- 242 Там же. Л.21–45.
- 243 Там же. Д.255. Л.1–220.
- 244 Там же. Л.174 (Об.)
- 245 Там же. Л.172.
- 246 Там же. Л.1–220.
- 247 ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.255. Л.1–220.
- 248 Там же. Д.259. Л.1–277.
- 249 Там же. Л. 905 (Об.).
- 250 Там же. Д.259. Л.1–905 (Об)
- 251 Там же. Д.358. Л.1–20.
- 252 Там же. Д.365. Л.1–182.
- 253 Там же.
- 254 Там же. Д.372. Л.3–25.
- 255 Там же. Л.63–136.
- 256 Там же. Л.160.
- 257 Там же. Д.365. Л.1–182.
- 258 Там же. Д.372. Л.18.
- 259 Там же. Л.28,32.
- 260 Там же. Д.241. Л.69.
- 261 Там же. Д.382. Л.2,5, 26, 59, 68, 70, 85,229.
- 262 Там же. Ф.153. Оп. 1. Д.88. Л.3 (Об.) – 272.
- 263 Там же. Л.24 (Об.).
- 264 Там же. Л.3 (Об.)-272.
- 265 Там же. Л.341 (Об.)-342; Д.87. Л.503 (Об.).
- 266 Там же. Л.248 (Об.).
- 267 Там же. Ф.217. Оп. 1. Д.391. Л.64.
- 268 Там же. Д. 365. Л.13.
- 269 Там же. Л.118.
- 270 Там же. Л.79.
- 271 Там же. Л.80.
- 272 Там же. Д.242. Л.5.
- 273 Там же. Л.116.
- 274 Там же. Л.117.
- 275 Там же. Д.368. Л.1.
- 276 Там же. Л.5.
- 277 Там же. Д.420.
- 278 Там же. Д.227. Л.53.
- 279 Собрание законов Российской Империи. Т. 9. Ст. 580.
- 280 Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской

империи. С. 468.

²⁸¹ Там же.

²⁸² Там же. С. 469.

²⁸³ ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д.220. Л.1 (Об.)-3,4,5.

²⁸⁴ Миронов Б. Н. Социальная история России. Т. 1. С. 252.

²⁸⁵ ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д.216. Л.6 (Об.).

²⁸⁶ Миронов Б. Н. Социальная история России. Т. 1. С. 254.

²⁸⁷ ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д.217. Л.1.

²⁸⁸ Там же. Ф.217. Оп. 1. Д.26. Л.167–167 (Об.).

²⁸⁹ Там же. Д.99. Л.3.

²⁹⁰ Там же. Л.3 (Об.)-6.

²⁹¹ Там же. Д.99. Л. 7 (Об.).

²⁹² Там же. Л.8.

²⁹³ Там же. Л.23–24.

²⁹⁴ Там же. Л.32 (Об.).

²⁹⁵ Там же. Л.905 (Об.).

²⁹⁶ Там же.

²⁹⁷ Там же.

²⁹⁸ Там же. Д.186. Л.4 (Об.).

²⁹⁹ Там же. Д.210. Л.72.

³⁰⁰ Там же. Л.191–191 (Об.).

³⁰¹ Там же. Л.54 (Об.).

³⁰² Суня Р.Г. Аффективные сообщества: структура государства и нации в Российской империи//Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций. М., 2010. С. 82.

³⁰³ Там же. С. 83.

³⁰⁴ Там же.

³⁰⁵ Суня Р.Г. Аффективные сообщества... С. 89.

Раздел II
«ДУША С ПОВИННОСТЯМИ»

ГЛАВА 1. МЕЩАНИН В ХОЗЯЙСТВЕННОМ ЛОКУСЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

*Молю тебя, создатель
(совсем я не шучу),
Я русский обыватель –
Я просто жить хочу!*
С. Чёрный

своей повести о Ван Гоге И. Стоун рассказывает о том периоде, когда художник решил стать проповедником и отправился в Боринаж, район каменноугольных шахт. Обнаружив там безнадежную бедность, Ван Гог услышал от одной из женщин этого городка рудокопов: «Господин Винсент,.. у меня была такая тяжкая жизнь, что я потеряла Бога»¹. Когда Ван Гог приехал покорять Париж, он узнал, что в ранние апрельские сумерки «весь Париж пьет аперитив»². А в Арле местный почтальон спросил у него: «Всю свою жизнь я стараюсь понять, господин Ван Гог, почему одному принадлежит больше, а другому меньше... Может быть, я слишком тёмный, чтобы разобраться, в чём тут дело?». Тогда Ван Гог ему ответил: «Да, мой друг, ... я, как и Вы, человек тёмный, и мне никогда не понять этого и никогда с этим не примириться»³. Если бы волею художественного вымысла к ним присоединился самарский обыватель – мещанин, он бы просто объяснил им, что нужно пойти торговать или заняться чёрной работой, или открыть маленький завод, или построить дом, а лучше трактир. И тогда, пожалуй, в ранние апрельские сумерки Самара тоже будет пить аперитив... Пусть данное начало послужит прологом к рассказу о мещанском доме, мещанском саде, мещанской земле, мещанском стаде, мещанской профессии и мещанском предпринимательстве.

Одно из обращений самарского мещанина Павла Иванова Солдатова в думу начинается со слов: «**Желаю я построить мукомольную мельницу**»⁴. По дискурсу в некоторой степени напоминает державинские строки: «Я царь – я раб – я червь – я Бог!». Как отмечал Р. Барт, «фраза... содержит в себе знаки, но сама

не является знаком;... на уровне фразы мы переходим... к описанию дискурса, единицей которого может являться фраза... «она имеет одновременно и смысл и референцию: смысл – потому что несёт смысловую информацию, а референцию – потому что соотносится с соответствующей ситуацией»⁵. Фраза, оставленная самарским мещанином в делопроизводстве думы, обращает нас к проблеме, которую Б. Н. Миронов обозначил как «менталитет... городских низов после эмансипации»⁶. Этот изменившийся менталитет он связывает с такими появившимися или углубившимися чертами, как «рост рационализма, прагматизма, расчётливости, индивидуализма»⁷. Текстом поведения, который распространился в народной литературе, сориентированной на городские низы, становится установка на успех, который «в решающей степени обуславливался личными усилиями и мало зависел от судьбы и божественного провидения»⁸. Горожанин ценил деньги и собственность и мало полагался на судьбу. Поэтому общий посыл фразы «желаю я построить мукомольную мельницу» направлен в сторону меркантилизма. В этом утверждении мы приходим в противоречие с тезисом Б. Н. Миронова о том, что, подобно крестьянам, мещане не были предпринимателями в истинном смысле слова: «целью их хозяйства являлось получение только пропитания, а общей жизненной целью – не богатство и слава, а спасение души»⁹. С другой стороны, подобными фразами начинались все прошения мещан в градскую думу об отдаче им городских мест под устройство тех или иных «заведений», то есть это была устоявшаяся речевая формула: «*Желаю я устроить горчичный завод вверх по берегу реки Волги*», – писал в думу мещанин Осип Давыдов¹⁰.

Мещанин Самары Фёдор Михайлович Ильин просил ответить ему в оброчное содержание городское место для устройства сально-свечного и мыловаренного завода¹¹, в 15 сажень в ширину и 20 сажень в длину, но дума отказала на основании того, что своим производством он может причинить «*вред городскому воздуху*»¹². Ильин не сдался, и спустя некоторое время мещанское и купеческое общества города удовлетворили его просьбу¹³. Через какое-то время Ильин, уже купец, просил место для устройства бойни рядом с мыловаренным заводом¹⁴. Спустя некоторое

время он обращается в думу с очередной просьбой, но уже в качестве мещанина¹⁵. Таким образом, в этом маленьком сюжете видно стремление мещан к расширению бизнеса, к росту социального статуса. А также то, что грань между купечеством и мещанством становилась всё более преодолимой и условной, определяемой размером капитала. Если в какой-то год своей жизни дела шли хуже и купец не мог подтвердить своих капиталов, это не означало, что сразу же с переходом в мещанство менялись его хозяйственная картина мира и стиль жизни. Поэтому в середине XIX в. ещё трудно проводить водораздел между мещанской и купеческой хозяйственными ментальностями.

За, казалось бы, банальными фразами делопроизводства, констатирующими мещанскую хозяйственную повседневность, на наш взгляд, скрывается некий имплицитный смысл, определяющий индивидуалистическое мировоззрение и социальный апломб негоцианта. «В языке предложение есть то же, что представление в мышлении: его форма одновременно самая общая и самая элементарная...»¹⁶. Читаем в материалах дела мещанина А. И. Быстрова: *«желаю я приобрести из городского выгона в 24-летнее содержание место за чертою города между заводами Крахмального, принадлежащего купцу Кузнецову и Селитёрного, принадлежащего мещанину Светову в количестве 3221 кв. сажень под устройство заведения какое мне заблогорасудится»*¹⁷. В этом отрывке особенно показательным нам видятся глаголы *«желаю»* и *«заблогорасудится»*. «Глагол – это атрибутивность», «в течение всего XIX века язык будет предметом дознания в своей загадочной природе глагола: т. е. там, где он наиболее близок к бытию, наиболее способен называть его, переносить или высвечивать его фундаментальный смысл, делая его совершенно выявленным»¹⁸. Исходя из утверждения, что «язык обозначает действия, состояния, волю»¹⁹ и «язык означает прежде всего не то, что видят, но скорее то, что делают или испытывают»²⁰, можно предположить, что горожанин-мещанин эпохи превращения патриархального города в город нового времени через отношение к делу (бизнесу), собственности поднимался над тяглым характером своего статуса. И несмотря на то, что «задача комментария, по существу, никогда не может быть выполнена до конца»²¹, подходя к языку

источника как к «глобальному опыту культуры»²², мы склонны считать, что вышеприведённые глаголы доказывают ментальное становление горожанина нового типа в российской провинции. Если одни мещане «желали» «чего заблагорассудится», то другие пребывали в бедности без надежды на то, чтобы из неё вырваться. Податный староста докладывал в думу в 50-е гг. XIX в.: *«При взыскании мной податей с мещан г. Самары весьма много оказывается таких, у которых нет... не только недвижимой собственности... но и другого движимого имущества, занимаются одною чёрною поденною работою и то только в то время, когда в особенности в г. Самаре бывает потребность в рабочих людях, а в остальное время года они работают за дешёвую цену и из числа их некоторые добровольно по первому требованию платят за себя подати с прочими повинностями, но большая часть таковых мещан по нерадению своему и слабому поведению и вообще по беспечности, при всех принимаемых мною мерах оказываются безнадёжными плательщиками. В V т. Устава о податях, велено приступать к продаже движимого и недвижимого имущества неплательщиков и употреблять их в работы к частным людям или на разные их заведения состоящие в одном городе и уезде или соседственные... Применяясь к закону, мещане... были отправляемы для употребления в работы, по неимению в г. Самаре рабочего дома, в Самарский Тюремный замок, с заключением там в Рабочем отделении от 4 дней до 1 месяца, но при всём этом недоимка числящаяся на них не возвращалась, потому что за работы платы им нисколько не полагалось, им же на содержание отсылались из общественных сумм кормовые деньги и таким образом мера эта оказалась решительно бесполезною, подвергать же неплательщиков аресту при Думе или в Полицейских частях или употреблять в частные работы тоже нет возможности потому что желающих взять их в заработки в г. Самаре не оказывается, платить им за эти работы не полагается»²³. Данный документ не только фиксирует социально-экономический статус определённой части представителейсловия, но и показывает фатальную обречённость и отказ от попыток что-либо изменить. Они безропотно готовы идти в тюрьму, равно как и наниматься на чёрную работу. Эффект дисциплины и наказания не срабатывает. Эти люди и дисциплинированы,*

и подвергнуты наказанию. Но всё это не оказывает влияния на результат, ожидаемый государством. Они нигде не могут взять денег для уплаты податей. М. Фуко определял подобную ситуацию следующим образом: «Между противозаконностью низов и противозаконностью других общественных сословий не было ни полной схожести, ни глубинной противоположности. Вообще говоря, различные противозаконности, характерные для каждой общественной группы, поддерживали отношения не только соперничества, конкуренции, конфликта интересов, но также взаимной поддержки и участия: землевладельцы не всегда осуждали нежелание крестьян платить некоторые государственные или церковные подати... Словом, игра противозаконностей была частью политической и экономической жизни общества»²⁴. Трудно выявить из «легитимного» текста сборщика податей, на чьей стороне его симпатии, и какая возможная «игра противозаконностей» станет альтернативной стратегией повседневной жизни для этой, в определённой степени маргинальной, части сословия. Кроме того, нет возможности выявить закономерность между тем, из каких других сословных групп было инкорпорировано в мещанство города это «слабое звено». Ясно одно. В «тигле» города одни получали шанс на «жизнь наверху», другие – скатывались на «дно». У одних хватало витальных сил на рационализм, прагматизм, расчётливость и индивидуализм, так как эти качества сопровождались «напряжением в человеческих отношениях»²⁵. Нам кажется в этом отношении, что Б. Н. Миронов несколько занижает степень присутствия «буржуазного духа» в менталитете горожан, о котором он пишет: «мещане, ремесленники и крестьяне-горожане не были предпринимателями в истинном смысле этого слова. Подобно крестьянам, целью их хозяйства являлось получение только пропитания, а общей жизненной целью – не богатство и слава, а спасение души. Накопление богатства среди них осуждалось общественным мнением. Протестантская экономическая этика была им совершенно чужда»²⁶. Данное утверждение справедливо только для определённой части горожан. Кроме того, вполне вероятно, к подобным выводам автор приходит, исходя из региональной специфики источникового материала, связанного с центром России. Самарское городское пространство как часть более

широкого региона, Среднего Поволжья, представляло собой ту «внутреннюю окраину империи», где в едином «котле», на пересечении торговых путей, «плавилась» самые разные социальные силы, значительную часть которых традиционно определяют как «пионеров Дикого Поля», причём под «Диким Полем» можно понимать как само Поволжье, так и открывавшуюся за ним Сибирь и Дальний Восток. Получается, что города, стоящие на этой фронтальной линии, становились своего рода «плацдармом» для дальнейшего продвижения модернизации на Восток. Таким образом, даже учитывая тот факт, что некоторая часть горожан обладала социальным инфантилизмом, свойственным традиционной культуре, «окрестьянивалась» после эмансипации, как об этом пишет Б. Н. Миронов, тем не менее «гений места» вырабатывал так называемую этику франклинизма, вызвавшую стремительный экономический рост Самары на рубеже XIX–XX вв., позволивший проводить сравнение с американскими городами–нуворишами. И, наконец, та «протестантская этика», которую не замечает Б. Н. Миронов в менталитете горожанина, в Среднем Поволжье была связана с концентрацией здесь старообрядческого элемента: труд, аскеза, взаимопомощь. Когда пишешь историю о человеке, трудно абсолютно чётко сгруппировать материал по определённым сферам его хозяйственного бытия. Герой мещанского мира мог одновременно быть и хозяином завода, и торговать, и спорить в суде с городским самоуправлением, и покупать дом. Однако для удобства анализа хозяйственной повседневности мы выделили несколько проблем: город и собственность; городское место; дом; сад-огород-пастбище; торговля; занятия и профессии; промышленные предприятия; питейные заведения.

Городская собственность. И вновь возникает вопрос, актуализированный Э. Гидденсом: «Кому принадлежит город?». Ответить на него можно субъективно, со стороны интересов разных социальных сил или культурных факторов. Можно объективно, с позиций законодательства. В рамках данного раздела нас интересует именно мещанский субъективный ответ на данный вопрос. Если в середине XIX в. мещанин ощущал пространство города как свою общинную собственность, то с 1870 г. он «теряет» город. Новая дума оказалась для мещанства чужой и наступающей на его

права. Это проявлялось в самой дискурсивной природе новой думы: городской голова оказался чиновником в мундире, на него возлагались дела, которые были наиболее важны для правительственной администрации, через городского голову губернские власти контролировали деятельность городского общественно-управления²⁷; «в деле устройства городского общественного управления на новых началах одним из важнейших вопросов являлась организация правительственного надзора»²⁸; «местные дела есть на самом деле – государственные, переданные лишь волей государства в руки органов местного самоуправления»²⁹; дума активно взаимодействовала с министерствами и ведомствами; взхлёб выражала верноподданнические чувства. И самое главное, дума переводила привычную городскую среду обитания мещан в товар. Как в сказке Дж. Родари «Чиполлино», когда синьор Помидор стал разрушать домик Тыквы: «Злодей! – кричал синьор Помидор. – Разбойник! Вор! Мятежник! Бунтовщик! Ты построил этот дворец на земле, которая принадлежит графиням Вишням, и собираешься провести остаток своих дней в безделье, нарушая священные права двух бедных престарелых синьор и круглых сирот». Доходы города в пореформенный период постоянно росли, за 30 лет увеличиваясь в четыре раза³⁰. Наиболее значительный доход давал городу сбор с недвижимых имуществ. Вторым по значимости для формирования городского бюджета Самары был налог с трактирных заведений, постоялых дворов и съестных лавочек³¹. Особенно резко возросли доходы города от эксплуатации принадлежащей ему земли³². В 1881 г. во владении г. Самары состояло 8079 дес. удобной земли и 1270 дес. неудобной. Из числа удобной находилось под хлебопашеством 3600 дес., под садами – 883 дес., под лесом – 600 дес., под выгоном, площадью города и окружающими его заводами – 2893 дес.³³. Земли внутри и вне города, так называемые выгонные земли, принадлежали городу как административной единице³⁴. Выгонной землёй города могли пользоваться только мещане и купцы, являвшиеся членами городского общества³⁵. Но они не были собственниками этой земли и могли только её арендовать. Л. В. Кошман отмечает, несмотря на то, что городское общество не вправе было «ни продавать своих выгонов, ни иначе оным поступаться»,

«в реальной жизни купля-продажа земли внутри города существовала»³⁶. Закон запрещал также застраивать городские выгоны³⁷. Положение с городскими выгонами поменялось только после реформы 1870 г., когда был введён «буржуазный принцип её распределения между горожанами»³⁸: вся земля, разбитая на разные участки, стала сдаваться в аренду с торгов с платой подешевитинно. Торги происходили каждые 12 лет. Одно из самых крупных в самарской истории дел, связанных со спорным вопросом городской выгонной земли, было дело о Воеводских лугах мещанина Светова. В 1868 г. Самарский городской голова Назаров подал апелляционную жалобу в Сенат на решение Самарской палаты гражданского суда. Текст жалобы начинается с исторического анализа событий XVI века со ссылкой на Н. М. Карамзина, т. X «Истории государства Российского»³⁹.

Другой важной группой городских имуществ, «приносящих существенный доход в местный бюджет», были «различные промыслы, участки, сдаваемые под пристани, рыбные садки, плитомойные плоты и проруби, городские весы и меры, мосты и перевозы через реки Волгу и Самару»⁴⁰. И, наконец, значительные суммы поступали в городской бюджет от сдаваемых городом торговых мест. «Налоги, собираемые местным самоуправлением, носили самый разнообразный характер. Это были сборы за торговлю на городских площадях и улицах с подвижных лотков, деревянных лавок, за места в принадлежащих городу деревянных и каменных торговых рядах, съестном ряду, за места под ярмарки и т. п.»⁴¹. Большинство самарских историков, оценивающих положительно деятельность всесословной думы, в ситуации с городскими доходами отмечают: «увеличение доходов города не влекло за собой расширения финансовых полномочий городского управления. Дума, по сути, была лишена права совершенно свободно распоряжаться всеми городскими средствами»⁴².

Мещане города об этом не знали и продолжали по старинке думать: «Бог дал землю, чтобы кормиться, а не для спекуляции ею»⁴³. Но справедливости ради следует отметить, что и до введения нового городского самоуправления мещане, в силу бедности, не могли позволить себе аренду и самовольно захватывали выгонные земли, о чём постоянно поднимался вопрос в думе и ме-

щанском обществе Самары. Так, к примеру, в 1957 г. мещанский староста рапортовал о самовольной порубке леса в 16 верстах от города около дачи помещицы Воронцовой: *«Большая часть жителей Самары самовольно пользуется землёю, рубит лес и хворост под предлогом, что дача эта будто бы их единственная собственность»*⁴⁴.

Из доклада мещанского старосты в думу видно, что представители мещанского общества пытались предотвратить самовольные действия горожан в отношении выгонной земли, в частности староста докладывал о том, что для *«окарауливания общественной дачи»* были наняты офицер Степанов и рядовой Петров, которые *«наблюдали бдительно целый день»*. *«И уже вечером в 9 часов поймали двух подельщиков неизвестных нам людей нанятых коллежским асессором Михайлой Фёдоровым собственно для этой цели у которых нашли две телеги с нарубленным дубовым лесом... офицер с рядовым доставили всех в думу с награбленным и оставили там Ночью подельщики ушли неизвестно куда со двора Думы»*⁴⁵. Следует заметить, что в думу часто приводили тех или иных нарушителей общественного порядка, оставляли без охраны, и они исчезали. Подобная *«пошехонская»* непосредственность в отношении своих деликвентов лишней раз доказывает, что, во-первых, их некуда было девать, так как, как писал П. В. Алабин, город был неблагоустроен, в 1810–20-х гг. *«было два каменных дома, из которых в первом помещались присутственные места и жил городничий, а во втором – ... караульня и тюрьма»*⁴⁶. К моменту создания самарской губернии в 1851 г. количество каменных домов увеличивается, но сама территория города, составлявшая *«1,5 версты ширины и 3 версты по Волге»*⁴⁷, представляла собой достаточно небольшое городское пространство, в котором нам видятся аналогии с *«Чевенгуром»* Андрея Платонова. В Самаре, как и в *«Чевенгуре»*, *«...происходит наложение базисного, материнского, реального географического пространства (южная часть реальной Воронежской губернии) (в нашем случае – Самарской губернии. – Прим. авт.) и гораздо более условного и по сути метафизического пространства центрально-азиатских степей и полупустынь»*⁴⁸ (в случае Самары – реального, о чём читаем у Алабина: *«С места, где ныне Троицкая площадь, тогда бывшая почти*

за городом и называвшаяся Сенною, раскидывалась степь...»⁴⁹). Так же как и над героями «Чевенгура», над жителями Самары довлеет «архетип пустынности» в «степной империи»⁵⁰ Среднего Поволжья. С другой стороны, так же как и исследователь географических образов Д. Н. Замятин видит аналогии пространства «Чевенгура» со спецификой средневекового восприятия географического пространства, когда пространство сгущается настолько, «что весь мир помещается в стенах королевского дворца»⁵¹, и в Самаре, когда речь заходит о городской жизни, всё концентрируется на небольшом территориально локусе, в котором происходит концентрация тех сил, благодаря которым город географически выделяется во враждебном пространстве степей, деревни и волжской маргинальной жизни. Самара – зона типичного фронта или «внутренней окраины» империи. И «Чевенгур» – «система-граница, пространственное движение которой определяет и её внутреннюю структуру»⁵². (А впрочем, самарский выгон проще было бы сравнить с выгоном города Глупова кисти Салтыкова-Щедрина: «Ну, теперь показывайте мне, старички, – сказал он ласково, – каковы у вас есть достопримечательности? Стали ходить взад и вперёд по выгону, но ничего достопримечательного не нашли, кроме одной навозной кучи».⁵³)

В пореформенный период мещанство постепенно учится новому языку городского взаимодействия, отстаивая свои интересы в Окружном суде, действуя через присяжных поверенных. В 1876 г. в суде решались вопросы, связанные с собственностью мещан: о признании права собственности на имение по давности, о принуждении другого мещанина к совершению купчей крепости, о вводе во владения, по векселям, иски о взыскании с кого-либо денежных средств, о признании наследственных прав, о продаже имений, жалобы несовершеннолетних на действия сиротского суда, взыскание долгов по расписке и т. д.⁵⁴ На заседании Самарской городской думы в 1892 г. был прочитан доклад по прошению самарского мещанина Ивана Дмитриева Видина (он же Аржанов) о сложении с него недоимки за место на Воскресенской площади. За место нужно было платить по 36 руб. в год. Видин отказался от пользования местом, но вовремя не сообщил об этом в думу, и в результате на нём

оказались недоимки 119 руб. 56 коп.. Присяжному поверенному поручено было предъявить ему иск⁵⁵.

Городская власть включает мещанина в бесконечный «хоровод» инстанций, присутствий и кантор. Самарская мещанка Марья Чеканова по решению Сиротского суда признана была опекуншею над малолетним сыном Иваном Михайловым Чекановым и над имуществом, оставшимся после смерти его отца, её мужа, Михаила Чеканова. Вместе с опекунством в её обязанность вошло «иметь хождение во всех присутственных местах по делам малолетка»⁵⁶. Самым важным делом было решение вопросов, связанных с наследством. Наследством являлось дворовое место, застроенное самовольно под постоянный двор в Засамарской слободке. Так поступало большинство жителей слободы, пока власти не прекратили этот процесс. Многие добились утверждения Правительственным Сенатом подобного самозахвата. Но вот местная дума не торопилась выдавать данную на место⁵⁷. Вот и приходилось матери добиваться для своего сына наследства, бесконечно бродя по чиновникам и ведомствам. По инстанциям приходилось ходить и мещанину Василию Афанасьеву Маслову, который просто потерял удостоверение на дворовое место⁵⁸. Мещанин Максим Иванов Соколов просил отдать ему с торгов место под устройство кожевенного завода⁵⁹. Многие мещане обращались о вознаграждении за отходящие под строительство новых улиц и площадей дворовые места⁶⁰. Даже чтобы проложить из новой купленной бани трубу для стока мыльной воды, мещанин М. В. Кошелев вынужден был получать разрешение из думы⁶¹.

Город стремительно рос. В начале XX в. «это был большой и богатый город с многоэтажными каменными домами»⁶³, с развитой инфраструктурой и блестящими памятниками модерна, особняками самарской купеческой знати. Было бы лукавством, отвечая на вопрос, кому принадлежит город, утверждать, что только тем, кто жил в этих особняках, кто ездил в дорогих экипажах и посещал рестораны и театр. Город принадлежит всем тем, кто ходит по его улицам, чувствует его запахи и не подозревает о его тайнах. Но мещанам было тяжело пережить это «взросление» Самары, хотя, торгуя в своих лавочках, они не замечали, как пролетал день.

Дворовое место. Главной единицей мещанского хозяйственного локуса являлось дворовое место, единица поземельного владения в городах, считающаяся недвижимым и нераздельным имуществом. К примеру, у самарского мещанина Василия Михайлова Комарова по Окладной книге на 1910–1911 гг. дворовое место располагалось на набережной реки Самары, между Саратовской и Николаевской улицами, составляло 26,04 кв. саж.⁶⁴; у мещанина Никифора Трофимова Степанова дворовое место в Солдатской слободе составляло 300 кв. саж., такие же по размеру места принадлежали Абраму Фёдорову Фёдорову, Фёдору Дмитриеву Букрееву, Михаилу Прокофьеву Федотову, Людвигу Филиппову Товкевичу, Конону Егорову Куркину⁶⁵. В той же Солдатской слободе были и меньшие по размеру места, приблизительно в 70–80 кв. саж.⁶⁶ Чтобы выстроить дом на дворовом месте, нужно было получить у землемера план⁶⁷. Самара начала активно застраиваться в начале XIX в., в середине века многим мещанам потребовалось подтверждение своего права на владение городскими местами. В этой связи они обращались в городскую думу с просьбой выдать им данную на дворовое место. Так, Елизавета Кузьмина Яковлева писала в думу: *«После родителя моего самарского мещанина Козьмы Филиппова Блохина досталось в наследство дворовое место в первой части города по Симбирской улице, по улице – 9 саж., в глубину – 16 саж.»*⁶⁸

Купчие на дворовые места иллюстрируют размеры этого мещанского достояния. Так, дворовое место, проданное мещанкой Корниловой мещанину Колпину, располагалось на Алексеевской улице, в глубину двора на 20 сажень, по улице – 10 сажень. Обязательно указывались соседи: справа – жила вдова вольноотпущенника, слева – коллежский асессор. Дворовое место было продано в 1859 г. за 268 руб.⁶⁹

Вместе с тем как город рос, происходило «отчуждение» дворовых мест мещан под улицы, площади и промышленные предприятия. В середине XIX в. в Самаре больше всего дворовых мест мещан отчуждалось под Соборную площадь и набережную. Новые дворовые места, как правило, выдавались им в другой части города. Дума регулировала этот вопрос. В связи с чем значительное количество дел фонда городской думы посвящено именно вопро-

су дворовых мест. Так, мещанин Гаврила Андреев Вьюгин, волнуясь, писал в думу: «*дворовое моё место лежащее по набережной р. Самары отходит под устройство кузницы, в таком случае я хотя и просил комиссию чтобы отвести мне взамен отходящего другое, но такового неизвестно почему не получил...*»⁷⁰. Под устройство Соборной площади у самарской мещанки П. С. Скворцовой городом было выкуплено 900 кв. сажень земли за 5200 руб.⁷¹. То же самое происходило и при застройке Троицкой площади. Иногда мещанам выдавали компенсацию за перенос их строений на новые места. В 1892 г. Никитину и Сухову выдали новые дворовые места и 1000 руб. на перенос строений⁷², мещанам Ивановым – под строительство гимназии, Давыдовым – под присутственные места, под маслобойный завод – у мещанки Лифановой и т.д. Самое главное, что, так как эти места часто оказывались «*самовольно захвачены*», не надо было ничего компенсировать их владельцам⁷³.

Самарская мещанская вдова Федосья Михайлова Эхфанова просила думу в 1856 г. об отводе ей места вместо отходящего под набережную реки Самары. Она напоминала, что место ею было куплено законно в 1845 г. у мещанина Ивана Григорьева близ амбаров по Татарской улице, и «*покорнейше просила*» отвести ей новое дворовое место⁷⁴. Под набережную в 1857–1859 гг. отходило и место мещанина Епифанова⁷⁵. Под устройство здания для архиерея семинарии и консистории усадебные места забирали у 51 мещанина г. Самары⁷⁶. Иногда городской землемер отказывал мещанам в выдаче пустопорожних мест под постройку домов⁷⁷. Мещанка Ольга Александрова Загуменнова просила думу выдать ей свидетельство на пустопорожнее место в 115 квартале⁷⁸. Для этого вначале она написала заявление в думу на приобретение с торгов городского места, затем получила разрешение губернского землемера, потом приняла участие в торгах по повестке из думы, полученной от мещанского старосты, потом приобрела место, а потом ещё и обращалась в думу с просьбой о выдаче свидетельства, что всё вышеперечисленное осуществлено ею законно. Всё как всегда. Бесконечная рутина в жизни маленького человека. Дума выдавала ещё и такой документ как данная на дворовое место. Так, самарская мещанка Степанида Иванова

Мошкова в 1856 г. обращалась в думу с просьбой о выдачи данной на дворовое место, оставленное ей в наследство от родителей в 14 части города в 46 квартале под № 974. В ширину по улице место занимало 9 саж., вглубь – 30 саж.. К построенному там деревянному дому семья собиралась пристроить каменный флигель⁷⁹. Мещане при просьбах о выдаче данной на дворовое место писали о том, как оно им досталось. Значительное количество дворовых мест Самары к середине XIX в. перешло к владельцам по наследству⁸⁰ или было куплено⁸¹. Мещанская жена Авдотья Углицкая писала в думу: *«Назад тому более 15 лет купила я у двоюродного дяди моего, самарского мещанина Ермолая Герасимова Филатова дворовое место, состоящее в первой части г. Самары в Пробойной от р. Волги к р. Самаре улице, в смежности с дворами самарских мещан: по правую сторону Степана Анкудинова, по левую и в за- дах Лариона Понкратова, коего мерою по улице 5 сажень и 1 ар- шин, а в глубину двора 11 сажень, ценою 200 рублей ассигнациями, а на серебро 57 руб. 14 ¼ коп. и тогда же на этом месте выстроен мною, с дозволения бывшего в городе Самаре г. Городничего Рут- ковского деревянный флигель, в котором и поныне проживаю»*⁸². Сложность данной ситуации заключалась в том, что тот, кто про- давал это дворовое место, умер, а купчей у неё не было.

Аналогичная ситуация возникла и у мещанина Гаврилы Его- рова Дворянчикова. Он обратился в городскую думу с просьбой выдать ему данную на пустопорожнее городское место в третьей части г. Самары в 1860 г.⁸³. Место было расположено по Самар- ской улице на 30 сажень в глубину двора. Квартальный над- зиратель Самарской 3 части Численцов, депутаты от граждан и соседи были приведены к присяге, подтверждая, что данное дворовое место действительно принадлежит Дворянчикову. Клятвенное обещание было произвольной формы: *«Я наиме- нованный обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом пред Святым его Евангелием животворящим Крестом Господним в том, что по делу, по которому я призван... будут меня спрашивать должен показать сущую правду, неприбавя и неубавя ненакоторую сто- рону не для родства, дружбы, вражды, корысти или подарков... страха ради ... лиц не показывать, но так честно и справедливо как перед Богом и судом его Страшным в том ответ дать могу.*

В Заключении сей моей клятвы Целую слова и Крест Спасителя моего. Аминь». Далее шёл список всех тех, кто подтвердил клятвенно права владения дворовым местом⁸⁴. А после привода к присяге – тексты показаний. Сосед Дворянчикова, 80-летний Александр Меркулович Панов, подтвердил: «... Я... неграмотный, вероисповедания православного, на исповеди и у святого причастия бываю, под судом не был... проживаю в собственном доме стоящим во второй части по Самарской улице, в соседстве с самарским мещанином Гаврилой Егоровичем Дворянчиковым, которого я довольно хорошо знаю; дворовое место на коем он в настоящее время живёт, действительно принадлежит ему, каковое он приобрёл покупкою от неизвестного мне Господина...»⁸⁵. Также и мещане, унаследовавшие дворовое место с деревянным домом от своей матери, вдовы М. С. Лебяжинской, у которой оно находилось в собственности более 25 лет, для выдачи удостоверения из думы на него, вынуждены были собирать соседей и приводить их к присяге⁸⁶. Самарская мещанка Марья Герасимова Романова и удельная крестьянская дочь Марфа Иванова Капитонова просили думу отвести им усадебное место: «*Желая принять в совладение пустопорожние усадебные места, находящиеся в 100 квартале которые назначены под застройку просим сделать законное распоряжение об отдаче нам этих мест*»⁸⁷. Самарская мещанка Прасковья Кухарина писала в думу в 1854 г. с просьбой о выдаче ей удостоверения: «*Для беспрепятственной постройки дома на дворовом месте находящимся на Преображенской улице в соседях с куцом А. Шемякиным и мещанином И. Кухариным в задах мещанина А. Елистратова...*». Но строительная комиссия запросила доказательства того, что это место действительно принадлежит ей⁸⁸. Учитывая тот факт, что большинство дворовых мест, о которых вставал вопрос в 50-е гг. XIX в. в Самаре, были получены или самовольно захвачены ещё в тот период истории города, в начале XIX в., когда он был уездным, небольшим и до пожаров 50-х гг., доказать право владения на место, на котором стоял ещё родительский дом, оказывалось порой непросто. Кроме того, при разделе родительской недвижимости, возникали споры между наследниками. Так один из братьев без ведома других обратился в Думу с прошением о выдаче

ему удостоверения на дворовое место, оставшееся после родителя, приобретшего его 13 лет назад *«по отводу местного начальства из городских пустопорожных мест на краю г. Самары в 20 части»*⁸⁹. Ценность мещанских прошений в думу⁹⁰ заключается в том, что к ним, как правило, прилагался план будущей застройки, указывались размеры недвижимости. Так, например, владевший дворовым местом более 15 лет самарский мещанин Абрам Алексеев Сапулин отмечал в своём прошении в думу, что его дворовое место в ширину 10 сажень, в глубину – 30 сажень, его право владения могут подтвердить все соседи⁹¹. Все прошения, помимо официальной формы, которой они подчинены, в определённой степени рисуют картину освоения старожилами городского пространства: *«После покойного родителя моего самарского мещанина ... досталось в наследство деревянный флигель с дворовым местом по Казанской улице... не имея никакого акта кроме выданной в 1808 г. на имя моего родителя плана...»*⁹² или *«После покойного первому брата, а последнего отца достался нам обоим братьям в наследство деревянный дом, выстроенный под одну крышу с дворовым местом во второй части города в 41 квартале по Самарской улице 20 сажень в глубину и по улице не имеем никакого законного акта. Кроме выданного в 1835 г. плана»*⁹³. И у мещанки, вдовы Анны Ивановой Мальковской в 1855 г. складывалась аналогичная ситуация, при которой она не могла предъявить нужных документов, подтверждающих её право владения дворовым местом: *«...во второй части по Преображенскому переулку между соседней мещан... деревянный дом с надворным строением построенный мной более 25 лет на месте, отведённом землемером из городских пустопорожных по улице 7 ½ в глубину 17 сажень»*⁹⁴. Мещанин Василий Данилов писал в думу прошение, из которого вырисовывалась также достаточно грустная история, связанная с дворовым местом. У него был построен дом на дворовом месте *«по набережной р. Самары»*, шириной 5 сажень, а глубиной – 10, фактически *«домик Тыквы»*. Постепенно эта территория оказалась *«за чертой»* города и городская полиция стала принуждать Василия очистить данное место. Несмотря на то, что дом для мещанина – это не только материальный объект, но и ментальное поле всего его суще-

ствования, Василий даже не пытается защищаться или вступать в дискуссию с властью. Он смиренно просит: *«покорнейше прошу Городскую Думу сделать распоряжение об отводе мне где следует под постройку дома такового места с торгов в числе бедного состояния мещан, мер по улице 10, а в глубину двора 30 сажень или как по плану следовать будет...»*⁹⁵. Дума отказала ему на основании того, что место на берегу Самарки он занял самовольно, и предложила с торгов купить другое место⁹⁶.

Городские места, ставшие объектами приложения сил бизнеса на рубеже XIX–XX вв., вызывали споры более ожесточённые, нежели эмоциональный фон мирного подтверждения прав на место соседями в середине XIX в. Чистопольский мещанин П. А. Зяблицин решил взять в аренду в 1893 г. городское место под устройство белой харчевни на берегу Волги напротив пароходной пристани «Дружина» за 200 руб. в год⁹⁷. Это место по плану предназначалось под устройство подвижных лавок и парикмахерских заведений, и никто раньше не просил сдать его в аренду. Посчитав, в думе решили, что если Зяблицин уплатит в доход города ещё и акциз с трактирных заведений в размере 600 руб., то можно ему сдать место. Тут же снесли три лавочки с которых доход был несравненно ниже. Но жителей этих мест была, безусловно, своя корысть, связанная с бойкой несанкционированной торговлей на пристани. Официально они обратились с жалобой на Зяблицина в думу, апеллируя к тому, что в этом месте везде навален хлам и они боятся пожара. Дума не стала принимать к сведению эти жалобы⁹⁸. Но местные жители не отступали. Зяблицин к этому времени уже приступил к строительству, закупил кровельных досок. Администрация под нажимом местной общественности запретила ему продолжать строительство. Тогда Зяблицин подал прошение в городскую управу об уплате ему 491 руб. 30 коп. средств, израсходованных на покупку материалов для строительства, за черчение планов и т. д. Была организована специальная комиссия, которая оценила расход Зяблицина в 158 руб. 10 коп., и выдали ему данную сумму⁹⁹. Позднее гласный думы Буслаев выступил на тему, что дума вполне могла сдать это место Зяблицину, так как берег свободен. В конфликтной ситуации было виновато народное общество «Дружина», не имевшее права загро-

можда́ть бере́г свои́ми това́рами. А с воспре́щением Зябли́цину строи́ть харчевню́, город терпит убы́ток в 800 руб. Следова́тельно, по мнению́ Бусла́ева, необходи́мо было́ заступиться́ за Зябли́ци-на и восстано́вить права́ города́ на сдачу́ мест¹⁰⁰. Данная́ история́ не имеет́ продол́жения. Одна́ко она́ иллюстри́рует процесс́ актив-ного вклю́чения города́ и горо́жан в това́рно-дене́жные отноше́ния, связа́нные с горо́дской террито́рией. У всех – своя́ коры́сть.

Страсти́ с горо́дскими́ места́ми не ути́хали, и все́ их рассма-тривала́ дума. Купцы́ сталкива́лись в свои́х интере́сах с мещана́ми, мещане́ требо́вали компенсаци́и за свои́ места́, отходи́вшие под новые́ горо́дские́ объеќты.¹⁰¹ О бы́лом мещанско-купе́ческом сою́зе в рамках «горо́дского́ гра́жданства» уже́ не было́ речи́ на ру-бе́же XIX–XX вв. Мещане́ то́груются́ с ду́мой.

В это́м же го́ду реше́но было́ сдать́ мещани́ну Я. Булы́гину на один́ го́д в аренду́ за 42 руб. уча́сток земли́ в разме́ре 420 кв. саже́нь под скла́д неф́ти¹⁰². Мещани́ну Аки́му Светову́ в 1858 г. дума́ отве́ла уча́сток горо́дской выгонной́ земли́ под устрой́ство се́литёрного́ заво́да, причём́ дума́ с него́ требо́ует 15 руб. 46 коп. за де́сятину, а Светов, ссы́лаясь на «Начальника́ губер́нии», со-гласе́н плати́ть то́лько 1 руб. 80 коп. за де́сятину¹⁰³.

В це́лом, анали́зируя э́моциона́льный фо́н взаимоотно́шения мещан и города́ в вопро́се горо́дского́ места́, хоте́лось бы отме́тить, что в это́й ситуа́ции мещани́н бьётся́ в одино́чку. Э́моции, связа́нные с данной́ пробле́мой, не спосо́бствовали́ укрепле́нию солида́рности в гру́ппе, а скорее́ походи́ли на рациона́льные исчисле́ния индиви-дуальной́ вы́годы, были́ связа́ны с расчё́том обе́их сторо́н. Мещани́н, соприка́саясь с пробле́мой свое́го жи́зненного́ про́странства в горо́де, не испыты́вал гнева́ по отноше́нию к вла́стям, но не испыты́вал и симпати́и: это́ была́ социа́льно сконстру́ированная́ э́моция праг-матизма́ и ито́г взвеше́нного́ размы́шления́ над ситуа́цией. И новые́ управленцы́, и старожи́лы были́ лю́дьми де́ла.

Дом. После́ пожа́ра 1850 г. горо́д два́жды опу́стошался́ пожа́рами в 1854 и 1856 гг. «В 1848 и 1850 го́дах горо́д (Самара) вы́горел почти́ полно́стью... Во вре́мя само́го большо́го в истори́и горо́да пожа́ра 1850 г. сгоре́ло 572 дере́вянных и ка́менных до́ма, в том числе́ все́ зда́ния прису́тственных ме́ст, больни́цы, тюре́мный замо́к, 126 хле́бных амба́ров. Бо́лее 20 судов́ по пере́возке

пшеницы и другие строения. Не обошлось и без человеческих жертв»¹⁰⁴. Неслучайно поэтому мещане собирали общественные деньги на обучение мальчиков из сословия в московском пожарном депо. В 1855 г. до сведения самарского мещанства доводили объявление от городских властей о том, что в случае пожара, владельцы домов должны явиться на пожар «с какими огнегасительными снарядами... немедленно прибыть с бочками нужными для возки воды»¹⁰⁵.

Дж. М. Тревельян называл город викторианской эпохи «угнетающей клеткой для человеческого духа»¹⁰⁶, «одной завесы дыма и сажи было достаточно, чтобы отбить охоту к каким бы то ни было стремлениям к красоте...»¹⁰⁷. Провинциальная Самара, как и многие другие русские города, нуждалась в очищении воздуха от зловоний другого рода, от нечистот. Канализации в Самаре в середине XIX в. не было. Основными видами уборки мусора и нечистот в городах XIX в. были ассенизаторская служба, устройство выгребных ям при домах и вывоз отходов в специально вырытые рвы и канавы¹⁰⁸. Процесс очищения выгребных ям по требованию врачебно-полицейской инструкции должен был выглядеть следующим образом. В очищаемые ямы на каждые 100 пудов нечистот добавлялось около двух с половиной пудов раствора, который составлялся из одной части по весу железного купороса и из двух частей по весу воды. После раствор перемешивается до совершенного уничтожения зловония. Зимой замёрзшие нечистоты нужно было разломать в комки и облить их тем же раствором. Заменять железный купорос позволялось хлористым марганцем. После уничтожения зловония яма должна проветриваться для удаления углекислого газа. Для удостоверения, выветрился ли газ, в яму опускалась зажжённая свеча: если она потухает или «горит худо», то работнику в яму нельзя было спускаться. Когда газ из ямы выветривался, в неё опускался привязанный к верёвке работник. При данной процедуре должен был присутствовать дворник и быть поставленным в известность квартальный надзиратель¹⁰⁹. Так было в теории. В 1892 г. Самарская городская дума устанавливала в организационном порядке время, к которому жители должны были очистить свои дворы для осмотра санитарного врача¹¹⁰. В 1867 г. члены Врачебного от-

деления г. Самары, «рассматривая санитарное состояние города», в отношении «отхожих мест и людских извержений» отмечали: «отхожие места устроены двояким образом: или при доме, или на дворе. Первые поставлены обыкновенно около главного входа в дом, имеют часто стены досчатые с большими щелями, двери неплотно запирающиеся, сидения без крышки, содержатся внутри крайне неопрятно, а для устранения зловония имеют отводные трубы. Отхожие места на дворе устраиваются самым простым образом: вырывают на любом месте без разбора яму приблизительно в аршин глубины, ставят на эту яму маленькую будку из досок, в которой иногда только бывает сиденье, когда яма наполнилась испражнениями она закапывается землёю, а будка передвигается на несколько шагов в сторону на вновь вырутую яму. Кроме того, в значительном числе мещанских домов не имеется вовсе никакого устройства, служат весь двор и навесы отхожим местом»¹¹¹. Врачи пытались донести до чиновников думы весь вред и опасность подобного санитарного состояния домов, отмечая, что подобная ситуация вызывает вспышки инфекционных заболеваний, особенно «горячки и поносы преимущественно детские»¹¹². Усугублялось санитарное состояние города от торговли хлебом, салом, скотом.

Самара получила свой первый регулярный геометрический план, как пишет в своём исследовании А. Г. Моргун, в 1782 г.¹¹³. «Одновременно были установлены правила сооружения (гражданских) казённых домов и купеческих, непременно с лавками, по «примерным фасадам», утверждённым губернатором»¹¹⁴. В 1851 г. Самара «с пятнадцатитысячным населением становится губернским городом и немного отстраивается, особенно за три года после четвёртого пожара: в 1853 г. каменных строений в ней насчитывалось уже 14%»¹¹⁵. Но 80% городской территории Самары занимали деревянные постройки¹¹⁶. «Наиболее типичный деревянный жилой дом старой Самары – небольшой одно- или двухэтажный, утилитарный по своей внутренней планировке, с парадным входом непосредственно с улицы и нечётным количеством маленьких окон на фасаде, с хозяйственными постройками в глубине тесного двора. Строение всегда перекрывалось двускатной кровлей, а оформление уличных фасадов, обшитых

тёсом, сводилось к художественной обработке резьбой треугольного щипца, образованного скатами кровли, узорной оболочкой окон жилых и чердачных помещений, входной двери и крытых крылец над ними, ворот и особенно карнизных завершений»¹¹⁷. Этажность здания зависела от экономического статуса хозяина. Зачастую в цокольном или первом этаже размещались лавка, склады, мастерская. В краеведческой картотеке К. П. Головкина, хранится план г. Самары 1850–1851 гг. В нём зафиксированы все дворовые участки и фамилии их владельцев с указанием количества квадратных саженей, занятых строениями, выгоном, садами, огородами, улицами, площадями и т. д.¹¹⁸. Вдоль Волги были разбросаны кирпичные сараи, «глинястые ямы» и «кые-какие постройки»¹¹⁹. «На Хлебной площади между церковью Спаса-Преображения и кварталом – городская дума»¹²⁰. Квартал в описании Головкина состоял в основном из дворовых мест, принадлежащих мещанам¹²¹. По плану 1852 г. пространство города определялось пятью каменными и восемью деревянными церквями, мостами, перевозами, винными подвалами, заводами, кузницами, обывательскими домами¹²². Планировалось построить новые церкви, дома губернских и уездных присутственных мест, для начальника губернии с садом, для дворянского собрания, дом архиерея с семинарией и консисторией, для гимназии, почтовой конторы, театра, почтовой станции и т. д. То есть придание городу статуса губернского предполагало его расширение и застройку. Однако во многом город продолжал оставаться провинциальным городом N со свойственной ему топонимикой: дворовое место мещанина Гуськова, между Николаевской и Соборной улицами, располагалось на переулке Песочном или Мотне. Как писал К. П. Головкин, «назван, очевидно, потому что, будучи не замощённый камнем, был трудно проходим от глубокого мелкого песка, его заполнявшего... не имея сквозного выхода, представляет из себя тупик, а потому имеет ещё другое название – Мотня. В нём находился кабак, который носил название переулка – Песочный кабак»¹²³.

Ведомости Самарской оценочной комиссии по недвижимому имуществу позволяют реконструировать мещанский дом 1855 г. (в данном документе даётся описание всех мещанских

домов города, мы произвольно выбрали три примера). Деревянный флигель мещанина Потапа Алексеева Балова был выстроен в 1850 г. на дворовом месте, шириной 9 сажень, а в глубину – 20 сажень. На улицу и во двор выходили комнаты в четыре окна, во дворе находилась баня. Крыша дома была крыта тёсом. Доход с дома и квартир в год составлял у Потапа 36 руб.¹²⁴. На этом фоне его расходы по дому исчерпывались четырьмя рублями 68 копейками¹²⁵. В эту сумму входило: на различные полицейские повинности – 36 коп., на содержание дворника – не платил («не полагается»¹²⁶), на ремонт – 2 руб. 16 коп., «на содержание трапуар – не полагается», на страхование – 2 руб. 16 коп.¹²⁷. За рекой Самарой было расположено дворовое место, шириной 8 сажень, а глубиной 33 сажени, что в общем составляло более 264 кв. саженей, принадлежавшее мещанину Фёдору Яковлеву Никитину. На этом месте был построен деревянный флигель с сениями и одной комнатой в три окна. Во дворе ещё находились изба (из одной комнаты в три окна), два амбара и сарай на столбах¹²⁸. Доход с дома в год составлял 36 руб., а расход – 4 руб. 68 коп.¹²⁹. В Самаре он владел ещё одним домом, расположенным на дворовом месте, общей площадью 504 кв. сажени. На дворовом месте располагался обгоревший одноэтажный каменный дом с двумя комнатами, 4 окна выходили на улицу, 3 окна – во двор. Этот дом был построен в 1848 г. Комнату сдавали «в постой» за 18 руб. серебром в год. Общий доход с дома составлял 60 рублей¹³⁰. Самарскому мещанину Дмитрию Яковлеву Ключеву принадлежала деревянная изба, состоящая из одной комнаты в четыре окна, построенная в 1848 г. Доход от дома составлял 18 руб. в год, расход – 2 руб. 34 коп.¹³¹.

Если судить по Раскладочной ведомости по второй части г. Самары за 1871 г., то основными типами мещанских домов были деревянный флигель, изба и каменный одноэтажный флигель¹³². Первенствующее место среди них занимал деревянный флигель. Однако у более состоятельной части мещанства встречались полукаменные двухэтажные дома с амбарами, полукаменные флигели с амбарами и сараями, каменные двухэтажные дома¹³³. Наиболее состоятельные имели и каменный двухэтажный дом, во дворе – избу, сарай, конюшни и по-

гребницы. Некоторые владели избой и лавочкой. А самые бедные жили в землянках¹³⁴. По раскладочной ведомости по первой части Самары за 1871 г. видно, что мещане селились также в каменных или деревянных флигелях, каменных домах, порой с лавочками, и в избах с дворовыми постройками¹³⁵. Те из мещан, кто не имел собственного дома, снимали квартиры у богатых горожан. В доме купца Новокрещенова снимали квартиры сразу несколько мещан: 28-летняя мещанка, работавшая прислугой, 56-летний столяр с женой и двумя детьми, 24-летний и 55-летний кучера¹³⁶. В доме Оферусова по ул. Вознесенской, № 45, проживало помимо его самого с женой, ещё пять жильцов из мещан, снимавших квартиры¹³⁷. Порой мещане превращали свои дома в гостиницы¹³⁸. В доме Замулина на углу Вознесенской и Предтеченской улиц проживали мещане с семьями: торговец, служащий в коммерческом клубе, сапожник, официант коммерческого клуба¹³⁹.

Хозяйственную и семейную повседневность мещан города в наибольшей степени характеризует Обывательская книга г. Самары¹⁴⁰. Книга состоит из двух частей: имеющих недвижимую собственность и не имеющих недвижимой собственности¹⁴¹. В Обывательской книге был описан весь «мир» мещанина: имя, отчество, фамилия, возраст, члены семьи с указанием их возраста, городская недвижимая собственность, принадлежащая семье, а самое главное, описывался дом и указывалась история его приобретения и перестроек. Кроме того, отмечалось, где мещанин проживает, каким делом занимается и состоял ли в городских службах. Чтобы проиллюстрировать тот социальный портрет, который помогает воспроизвести Обывательская книга города, выберем произвольно Елистрата Иванова Антонова, которому в 1855 г. было 54 года. Его жене Василисе – 49 лет. С ними вместе проживали их дети, 19-летняя дочь и 6-летний сын, а также брат с женой и сыном. Елистрат сам приобрёл покупкой в Самаре дворовое место со строением в первой части города по Симбирской улице, размером 9 на 30 сажень. Все акты на приобретение данного места сгорели в страшном пожаре 1850 года. Елистрат занимался хлебопашеством и торговал разным товаром, в городских службах

никогда не состоял¹⁴². В некоторых случаях при характеристике горожан в книге есть надпись: «старожил». «Старожилом» обозначен мещанин Тимофей Никитин Абразцев, 33 лет. Тимофей женат, его жене – 35 лет. С ними вместе живут их дочь и вдова брата, отданного в рекруты. Вдове 59 лет. У неё есть сын 27 лет. Он вместе со своей женой, сыном и дочерью также проживает с Тимофеем одним семейством. Но дом на Сенной улице во второй части, в котором обитала семья, принадлежал жене брата Тимофея. Сам он торгует хлебом и в должностях никаких не был¹⁴³. По Обывательской книге вырисовывается такая картина социально-экономического статуса мещанства, которая доказывает, что занятие, к примеру, хлебопашеством, торговлей хлебом, пряниками, щепетильным товаром, кузнечным мастерством, судопромышленностью, чёрной работой давало возможность иметь в городе дворовое место, свой дом, надворные строения¹⁴⁴. Безусловно, недвижимая собственность многим мещанам доставалась по наследству. И тем не менее у большинства представителей данного сословия имелся в городе дом: или это был деревянный флигель, или пятистенная келья, или четыре деревянных зимних избы, или каменный дом, или дом в несколько этажей с многочисленными надворными постройками.

В Оценочном листе, сохранившемся в фонде Самарской городской думы, находим подробное описание одного из городских домов. Дом располагался на дворовом месте, размером 10 на 30 сажень, и представлял собой деревянный одноэтажный флигель с антресолюю на каменном фундаменте из соснового цельного леса. В доме находилось 6 комнат. Стены, потолок, полы были «простые». Дом обогревался за счёт двух печей, одна – изразцовая, другая – кирпичная русская. Двери в доме и рамы к ним были «столярной работы с зимними рамами». Стёкла в окнах – полубелые. В сенях – три двери с железными петлями и запорами. Одна дверь выходила на заднее крыльцо. Под домом находился подвал. Крыша – деревянная в два тёса. Во дворе были построены тёсовые погребница, каретник и хлев из плетня. На улице выходил деревянный забор, а вглубь двора шёл плетень¹⁴⁵.

А был и такой вариант мещанского жилища, который описан в Объявлении в думу мещанина Семёна Сергеева Колосова: *«В за-Самарской слободке в задах дворов мещан Ленкова и Зуева осталось... общественное местечко свободным,.. мне желательно на этом месте поставить келью, потому что выстроить дом в лицо, где бы то ни было, я не в силах, да и не к чему: нас в семье всего двое стариков: я 66-летний и 65-летняя старуха-жена... За местечко это я буду вносить поземельный сбор»*¹⁴⁶.

Делопроизводство в основном было актуализировано той активной частью мещанского сословия, которая отставала в тех или иных ситуациях свои экономические интересы. А те, кто оказывался за чертой бедности, ускользали от фиксации. Но о них повествуют грустные факты, косвенно связанные с домом, скорее в качестве дома для этих мещан выступает казённый дом, а в качестве собственности, какой-нибудь жалкий полушубок. Для тех, кто находился в зоне маргинального пространства социальной жизни, нарушителей закона, границы собственности сводились к предметам повседневной носки, и то им не принадлежавшими по закону, являвшимися казёнными. Так, к примеру, мещанский староста Самары докладывал в думу в 1868 г.: *«Имею честь при сём представить в Городскую думу казённые вещи, отобранные мною от самарского мещанина Михайлы Михайлова, доставленного в Самару при пересылке из Тетюшинского Полицейского Управления, полушубок и от мещанки Дарьи Фёдоровой доставленной то же... коты, кафтан и онучи, для отсылки оных по принадлежности»*¹⁴⁷. О мире вещей мещан, умерших на чужбине, свидетельствуют описи присланного нехитрого скарба в родную мещанскую управу или к мещанскому старосте: *«препроводить вещи оставшиеся после умершего самарского мещанина Константина Никифорова: тёплую шубу на заячьем меху, валенки тёплые, сапоги, обшитые кожею, тёплую шапку, шерстяные чулки»*¹⁴⁸... Memento mori...

Сад-огород-настбище. Л. В. Кошман считает, что «занятие сельским хозяйством сохраняло значение для жизненного уклада горожан и в последние десятилетия XIX в.», цитируя автора 80-х гг. XIX в., который писал: «города до сих пор остались такими же деревнями, какими они были прежде; и господствующим

занятием тамошних мещан и купцов по-прежнему остаётся хлебопашество»¹⁴⁹. Но в номенклатуре дел шестой описи фонда Самарской городской думы, непосредственно связанной с мещанством, доминирует слово «сад». Действительно, значительная часть мещанства Самары занималась хлебопашеством и скотоводством¹⁵⁰. Но чаще всего самарские мещане обращались в думу с просьбами о выделении земли под разведение садов, что являлось имплицитным знаком западной эстетики. Безусловно, сады этому сословию в первую очередь были необходимы для продажи фруктов. Но существует очень показательная оппозиция: сад-огород. Огород характеризует крестьянскую ментальность, сад – знак городского мировосприятия, обращённого к высокой культуре. Сад эстетизирует пространство дома. Показательно, что городские дома мещан были лишены садов, сады приобретались на городском выгоне. Главным образом выращивались яблони, вишни, малина. С 80-х гг. XIX в. сады стали постепенно переходить на положение дач, «т. е. стали заниматься лицами не столько ищущими от них дохода, сколько являющимися местом летнего отдыха вдали пыльной и жаркой Самары»¹⁵¹. Происходила и трансформация их владельцев: от торговцев к дачникам. Генезис дачи как социокультурного феномена лишней раз иллюстрирует превращение города – восточного базара в город западноевропейского цивилизационного типа. Городской выгон, как отмечал К. П. Головкин, «с давних пор до 1853 г. был самовольно занимаем местными жителями под разведение садов; брали кто сколько хочет, кто сколько в состоянии огородить и окараулить. В конце 50-х годов город «хватился» своего имущества, но за давностью не мог уже считать захваченную землю своей собственной, чтоб обложить арендой. С этого времени город привёл в известность свой выгон и стал уже сдавать участки земли под разведение садов на определённый срок (99 лет) и за известный оброк в год. Захватчиков лишь обязал огородить свои участки плетнём или забором... Сады разрослись, и некоторые садоводы умело поставили дело садоводства, стали получать громадный урожай, главным образом, яблок, малины и вишни»¹⁵². После того как город взял под свой контроль ситуацию с садами, в думу посыпались прошения от мещан об отдаче им городской выгонной земли¹⁵³. Про-

шения выглядели следующим образом: *«желая заниматься садоводством по правую сторону дороги, пролегающей в с. Семейкино в конце Казанского колка где отдано для садоводства место...»*¹⁵⁴. Самарский мещанин Кузьма Терентьев Лебедев вступил в «битву» за свой сад с купцами Хазовым и Плотниковым, самовольно построившими вокруг его сада поташные заводы. Заводы «вредили» «разведённому им фруктовому саду», который располагался на 12 дес. земли. Решение думы было в пользу купцов: «вреда от этих заводов никакого нет»¹⁵⁵.

Так как многие горожане имели свой скот, на мещанских собраниях часто обсуждалась кандидатура пастуха, нанимаемого для пастьбы стада. Общество учитывало «хорошее поведение» кандидата¹⁵⁶. В 1855 г. пастух был нанят «пасти крупный табун ценою за 25 коп.»¹⁵⁷. В том же 1855 г. пастух, нанятый мещанами г. Самары пасти их скот, писал расписку: *«Я, мещанин г. Самары, Филипп Григорьев Макеев, заключил сие условие с жителями г. Самары в следующем: Я, Мокеев, обязуюсь в течении лета... производить пастьбу рогатого скота коров, принадлежащих жителям здешнего города собирать скот в сборное место близ дома Г-на Тарханова по Саратовской улице»*¹⁵⁸. Аналогичные расписки писали и другие пастухи¹⁵⁹. (Хочется заметить, что во время учёбы автора в Куйбышевском государственном университете (ныне Самарском) в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. вокруг университетского корпуса жители окрестных домов пасли коз.)

В 1877 г. во Всеподданнейшем отчёте самарский губернатор отмечал «исключительно земледельческий характер губернии», который «отражается не только на промыслах, но и на торговле»¹⁶⁰, в которой главную роль играет хлеб¹⁶¹. В 1890 г. купцы и мещане Самарской губернии владели 1144247 дес. земли¹⁶². Верблюдов, этих «кораблей пустынь», в Самарской губернии в 1890 г. было 6824 головы¹⁶³. Причём 2 ноября 1890 г. Самарской городской думой было даже вынесено постановление, относительно езды по городу на верблюдах: «Езду на верблюдах во всякое время дозволить только в за-Самарской слободке, на косе р. Волги и у хлебных амбаров, не поднимаясь в гору, по городу же дозволить езду на верблюдах только с полуночи до 7 часов утра»¹⁶⁴.

На рубеже XIX–XX вв. мещане города также нанимали пастухов для выгона стада, только контролировала уже этот процесс городская всесословная дума: в 1894 г. решено было назначить конным пастухом мещанина Новикова¹⁶⁵... («На другой день поехали наперерез и, по счастью, встретили по дороге пастуха. Стали его спрашивать, кто он таков и зачем по пустым местам шатается... Но пастух на все вопросы отвечал мычанием... На третий день, отпустив пастуха, отправились в серёдку... Одевшись в лучшие одежды, ... выстроились в каре и ожидали своего начальника...»¹⁶⁶.)

Занятия и профессии. Традиционное мнение в отечественной историографии сводится к тому, что мещанство, «будучи мелкобуржуазным слоем... являлось объективно основой для мелкого торгового предпринимательства»: они занимались перекупкой и перепродажей продуктов, мелочной торговлей, промышленным предпринимательством, извозным промыслом, наймом в услужение и т. д.¹⁶⁷

По мере того как росла Самара, превращаясь, по образному выражению В. И. Немировича-Данченко, в «здорового, кровь с молоком, юношу»¹⁶⁸, и усложнялся её городской организм, менялась сфера профессиональной занятости мещан и их занятия. Если раньше мещанин-общинный выбирал для себя сельское хозяйство, чёрную работу, услужение, то теперь мещанин-индивидуалист становился вполне респектабельным горожанином, заводя свою парикмахерскую, работая садовником в садах городской знати, кондуктором и телеграфистом. Вот эту эволюцию мы и проследим, начав с пчеловодши 1855 года.

Чтобы завести в лесу пчельник, нужно было получить «удостоверение» от мещанского общества в отношении нравственного облика однообщественника. Прасковье Константиновой Бедриной в 1955 г. выдали удостоверение в том, что *«она поведения весьма хорошего и ни в каких предвзятых поступках замечается нами не была... и что она Бедрина сырораствующий лес истреблять не будет, но котора может оный охранять всегда в целости, и также будет оберегать (чего Боже сохрани) от огня, и по сему зная Её хорошее поведение удостоверяем своими подписями»*¹⁶⁹.

По сведениям Самарской городской думы за 1850 г., мещане занимались торговлей, чёрной работой, хлебопашеством, кузнечным делом, были сапожниками, плотниками. Причём если родители занимались данным делом, то и их дети занимались тем же¹⁷⁰. Некоторую часть мещан составляли те, для которых была характерна запись: «неграмотный, православный, ремесла не знает» (5 из 640 чел.), а также определённое количество тех, у кого в графе «профессия» стоит прочерк¹⁷¹. Так из Жеребьёвого списка малорабочего участка г. Самары за 1855 г. большинство парней (1833–1834 гг. рождения) ремесла никакого не знали¹⁷². Но подавляющее число мещан, зафиксированных в деле № 48 фонда 170 городской думы за 1850 г., принадлежали к категории «чернорабочий» (286 чел. из 640 чел.). (При подсчёте не учитывались смешанные категории, когда человек, к примеру, занимался и чёрной работой, и торговлей. Точно так же такие смешанные категории не учитывались и при других подсчётах.)¹⁷³ Вторая по количеству занятости в профессии – категория «торговля» (175 из 640 чел.)¹⁷⁴. Далее все профессии значительно уступают в количественном отношении категориям «чернорабочий» и «торговля». К ним можно отнести следующие: кузнечное мастерство, хлебопашество (52 чел.), печное мастерство, сапожник, красильное заведение, извозчик, плотник, шитьё тулупов, шорное мастерство, портной, слесарь, резчик, каменщик, письмоводство, кузнец, садоводство, оспопрививатель, выделка кирпича¹⁷⁵. Из 640 человек – 182 грамотных, среди которых были такие, которые только читали или только писали по-русски¹⁷⁶. Из 115 человек, принадлежавших к так называемым «сектантам»: поморской и малоканской сект, остальные – православные¹⁷⁷. Из 307 человек мещанских парней, указанных в Жеребьёвом списке за 1855 г., 4 портных, 3 кузнеца, 3 маляра, гребеньщик, красильщик, резчик, 5 плотников, каменщик и печник. Остальные указали, что ремесла не знают¹⁷⁸.

В фонде городской думы сохранились данные «О числе ремесленников и промышленников г. Самары» (не совсем понятно, из документа за 1852 или 1854 г., так как само дело называется «дело о доставлении сведений для составления статистики 1854–1855 гг.», но данные в нём встречаются и за 1852 г.)¹⁷⁹.

<i>портных</i>	121 чел.
<i>модисток</i>	28
<i>сапожников</i>	99
<i>башмачников</i>	20
<i>столяров</i>	45
<i>слесарей</i>	10
<i>Золотых и серебряных дел мастеров</i>	16
<i>печников</i>	37
<i>трубочистов</i>	13
<i>хлебопёков</i>	203
<i>мясников</i>	20
<i>каретников</i>	23
<i>извозчиков</i>	67
<i>коновалов</i>	3
<i>Часовых дел</i>	7
<i>живописцев</i>	11
<i>иконописцев</i>	3
<i>рогожников</i>	11
<i>переплётных</i>	5
<i>маляров</i>	32
<i>кровельщиков</i>	25
<i>красильщиков</i>	9
<i>картузников</i>	7
<i>шапочников</i>	5
<i>овчинников</i>	35
<i>скормятников</i>	1
<i>тулупников</i>	56
<i>цириульников</i>	8
<i>гребеньщики</i>	12
<i>валяйщиков</i>	7
<i>шерстабитов</i>	2
<i>рамщиков</i>	47
<i>резчиков</i>	5
<i>колесников</i>	20
<i>бондарей</i>	52
<i>маркитантов (сбитеньщиков, квасников, пирожников)</i>	7

Более подробные сведения о профессиях горожан приводятся по Самаре за 1854 год¹⁸⁰.

<i>серебряных дел</i>	7 мастеров	2 подмастерья	0 учеников
<i>часовых дел</i>	5	2	
<i>живописных дел</i>	4	1	6
<i>иконописных</i>	1	1	1
<i>переплётных</i>	2	1	2
<i>маляров</i>	7	17	8
<i>кровельщиков</i>	7	12	6
<i>печников</i>	7	22	8
<i>красильщиков</i>	7	2	
<i>мужских портных</i>	34	46	36
<i>дамских портных</i>	2	1	2
<i>модисток</i>	5	2	21
<i>картузников</i>	4	6	7
<i>шапочников</i>	5		
<i>овчинников</i>	10	17	8
<i>тулупников</i>	10	18	28
<i>цирюльников</i> (<i>цyrюльников –</i> <i>в документе</i>)	3	2	3
<i>каретников</i>	3	14	6
<i>медников</i>	3	2	
<i>слесарей</i>	4	3	3
<i>кузнецов</i>	28	28	4
<i>серповников</i>	4		
<i>гребенщиков</i>	4	5	3
<i>сапожников</i>	32	42	25
<i>башмачников</i>	7	8	5
<i>шорников</i>	6	4	2
<i>шерстобитов</i>	2		
<i>столяров</i>	9	18	18
<i>рамщиков</i>	13	19	15
<i>резчиков (рещиков)</i>	1	2	2
<i>сундучников</i>	1	2	2
<i>бондарей</i>	21	19	12
<i>рогожников</i>	11		
<i>калачников</i>	15	65	6
<i>калачниц лавочных</i>	43		
<i>булочников</i>	16	26	
<i>пряничников</i>	10	8	
<i>крендельщиков</i>	3		
<i>хлебников</i>	11		
<i>сбитенщиков,</i> <i>квасников,</i> <i>пирожников</i>	13	4	

Мы специально не стали выносить данную таблицу в приложения, чтобы читатель мог себе рельефнее представить круг занятий провинциальных мещан-горожан как некое торжество вещного мира. Вещь – «это то, что доступно зрению, это то, что мыслится,.. это некоторая вещь-дефиниция, которая ничего нам не даёт, если только не попытаться выяснить, какие коннотации имеет данное слово»¹⁸¹. В основном все профессии мещан – вещные и постигаемые через конкретный продукт-вещь: пирожники делают пирожное, квасники – квас, сбитенщики – сбитень, хлебники – хлеб, крендельщики – крендель и т. д. В рамках этих профессий вещь определяется как «нечто, что для чего-то служит», то есть целесообразностью использования¹⁸². И поэтому вещь мещанского мира «обладает транзитивностью – она служит человеку для воздействия на внешний мир, для активного присутствия в нём»¹⁸³. Но вещи ещё и несут в себе смыслы, сообщают информацию. Поэтому у каждой вещи есть своя метафорическая глубина¹⁸⁴. Метафоре мещанской вещи, образовавшейся в дискурсе русской художественной литературы и интеллектуальной мысли и связанной с утилитарностью её культурной функции, нужно придать иное интонирование: прагматизм, утилитаризм, материализм были необходимыми элементами витальной программы этого социального слоя.

С властью мещанин сталкивался при любых своих профессиях и занятиях, даже если он был простым перевозчиком. В 1869 г. Степан Иванов Никифоров обратился в думу с Объявлением: *«Содержу я в г. Самаре, через р. Самару перевоз – по заключённому с Городской Думою контракту, а 7 числа сего мая, во время сильного ветра, находилось у меня на том берегу у Кряжа на пристани семь паромов, которые и разбило и от таковых и дров не осталось – и из оных едва ли будет можно поправить парома два и потерпел от такого несчастного случая более 700 руб. серебром – хотя бы и можно было спасти все – и завести оные для спасения в удобное место за мыс – но более зависело в распоряжение, ни от меня, ни местной полицейской власти, так что мы были отстранены в распоряжении – а заведывал майор второго батальона Абразского пехотного полка, который строго приказал, чтоб от пристани не отводить, так мы в эти самые дни только и перевозили нижних*

воинских чинов, упомянутого полка, багажи, а во время таковой штурмы – нагруженный паром с экипажами, лошадьми и людьми одного полка стоял на якоре с кормщиком Тарасовым, и видя гибельную участь, я все меры употребил к спасению, и дал возможность погибавшим на оном, и перегружены были. И по выгрузил из такового, и хотел оный спасти, но против власти Майора, не мог послушаться, оставил на пристани, и тот бурю расчкпало – так что принял крайнее разорение, и остался в настоящее время при двух паромах... покорнейше прошу принять меры в ходатайстве по содействию помощи, потерпевший не от воли Божией, а от распоряджения Воинского Начальства»¹⁸⁵. Дума решила, что «чтобы требовать что-либо с майора, нужны доказательства», и назначила ответственного за сбор доказательств гласного думы Личикарёва¹⁸⁶. А потом, подумав, добавила: «равно обратить внимание и на то, не производится ли на перевозе со стороны содержателя его или рабочих противу таксы поборы»¹⁸⁷. А паром Никифорова обозвали «**перевозная посуда**»¹⁸⁸. Вот как бывает, когда жалуешься власти на власть.

«Великие стройки» второй половины XIX века, к числу которых можно отнести и строительство Волго-Каспийского канала, привлекали возможностью найти работу и самарское мещанство. Есть сообщения от инженера Волго-Каспийского канала о работающих там в начале XX в. самарских мещанах¹⁸⁹.

В 1895 г., судя по спискам квартирующихся у домовладельцев Самары мещан, видно, как расширяется круг мещанских профессий. К традиционным, таким как чернорабочий, столяр, портной, кучер, домохозяин, слесарь, сапожник, торговец, хлебопашец, кузнец, прибавляются служащий, содержатель гостиницы, повар в гостинице, няня, кухарка, горничная, швейка, швейцар в клубе, строитель, дворник, экономка, содержатель столовой, приказчик, служащий в клубе, содержательница буфета, стряпка, хозяйка швейной мастерской, служащий в типографии, фельдшер, машинист на заводе, мастер калачный, виноторговец, домовладелец, содержатель пивной лавки, портниха, модельщик¹⁹⁰.

С другой стороны, то, что было запрятано глубоко в жизнь «чрева» Самары в середине XIX в., стало открыто определять лицо большого города на рубеже XIX–XX вв. – публичный дом.

Думой в 1894 г. были приняты правила о надзоре за проституцией¹⁹¹. Проституция превращалась из греха в прибыльный бизнес, сопутствовала бизнесу, несла разорение и горе, точно так же как и стихийные бедствия, с которыми город периодически сталкивался. От пожаров страдали в основном мещане, терявшие в одночасье не только дома, но и свой бизнес (в 1888 г. сгорели кузницы мещан Новикова, Ефрановой, Иванова дома Щелкунова, Трофимова и т. д.)¹⁹². Отстраивались вновь дома, восстанавливался бизнес, и мещанин чутко прислушивался к сообщениям о торгах на различные хозяйственные операции, например, «на поставку в астраханский порт сухопутного провианта» и т. д.¹⁹³.

Профессии мещан в конце XIX в. можно проследить и по такому источнику, как Отчёт самарского городского приёмного покоя, в котором пациенты, посетившие его за год, обозначались «по занятиям»¹⁹⁴. Больше всего в этом списке было тех, кто занимался «чёрной работой» (9332) и «домашним хозяйством» (8703 чел.). Далее шла «домашняя прислуга» (3237), «торговые и приказчики» (2046), «портные и шапочники» (1324), «плотники и столяры» (1183), «механики и слесари» (657), «извозчики, кучеры и пожарные» (378), «калачники и булочники» (253), «гильзовщики и зеркальные мастера» (21), «земледельцы» (36), «каменщики и печники» (382), «кожевники и скорняки» (60), «письмоводители и телеграфисты» (681), «проститутки» (51)¹⁹⁵. По подворной описи мещан города Самары, сохранившейся в фонде городской управы¹⁹⁶, больше всего мещан из зафиксированных в данном документе занималось хозяйством (21 чел.), на втором месте идут профессии слесаря (21), торговца (15), столяра (13), сапожника (8), дворника (4), чернорабочего (3), приказчика (2), машиниста у Журавлёва (ещё 2 машиниста), кухарки (7), маляра (3), ломового извозчика (2), служащего в конторе мельниц Журавлёва (2), портного (5), няни (5), кузнеца (3), токаря (7). Остальные профессии указаны в единичном варианте: швейцар в клубе, строитель мельниц, экономка, содержатель столовой, содержатель буфета, служащий в клубе, кучер, повар, швейство, стряпка, официант коммерческого клуба, владелец швейной мастерской, служащий в губернской типографии, машинист на заводе Михайлова, мастер калачей, виноторговец, со-

держатель пивной лавки, кузнец, кожевщик, служащий по парходной части, портниха, управляющий Чельшёвских бань, карульщик на заводе Журавлёва, швея, котельщик на заводе Журавлёва, в услужении, модельщик (3), мясник, плотник, конторщик, портной в магазине у Глухова, официант ресторана Корнилова, линейщик на заводе Журавлёва, парикмахер, служащий в типографии, лакей в клубе, мукобойщик у Журавлёва, в типографии Новикова, машинист на пароходе, приказчик у купца Кутузова, прислуга (2), официант, котельщик (2), горничная (4), прачка, механическое заведение, литейщик, в типографии, булочник, счётчик, сторож, кучер, экономка, директор механического заведения Журавлёва по технической части, бухгалтер конторы завода, модельный мастер, приказчик (3), конторщик (4), сторож, рабочий в переплётной мастерской, газетчик, домовладелец, торговец в лавочке, прачка, котельщик, земледелец, крупчатник, кучер, хозяин бакалейной лавки¹⁹⁷. Спектр мещанских профессий иллюстрирует и такой документ, как призывной список купцов и мещан г. Самары за 1912 год, в котором помимо вероисповедания, семейного положения и числа мужчин, оставшихся в семье, указывалась профессия. Выявляются следующие профессии мещан-призывников (молодые люди приблизительно 19–22 лет): письмоводство, кондитер, хлебопашество, техник, чернорабочий, землемер, помощник машиниста, реквизитор театра, слесарь, сапожник, приказчик, топограф, телеграфист, котельщик, преподаватель частных уроков, портной, кондитер, мельник, торговец, чертёжник, маляр¹⁹⁸.

Некоторые мещане города отправляли своих детей на учёбу в корпус межевщиков, надеясь дать им данную профессию. Но количество мест было ограничено. И некоторым приходилось вместо учёбы на межевщика отправляться в привычное для мещан «услужение»¹⁹⁹.

В переписке о выдаче мещанам г. Самары паспортов в 1907–1908 гг., которая велась мещанской управой, обнаружено значительное количество паспортных книжек, в которых в графе «род занятий» указывалось их ремесло. Список профессий, которыми владели мещане в начале XX в., существенно меняется. Помимо традиционных для XIX в. (работа в услужении, кузнец,

сапожник, торговля, чернорабочий, столяр), появляются новые: кондуктор, техник, золотых дел мастер, машинист, телеграфист, фельдшер, слесарь, приказчик²⁰⁰, садовник²⁰¹. Но по-прежнему большинство мещан было занято чёрной работой²⁰². О получении специальности «телеграфист» мещанами свидетельствуют и прошения об увольнении из общества для поступления в школу при Самарской почтово-телеграфной конторе²⁰³. Из паспортов за 1916 г. основными мещанскими занятиями выступают «хозяйство» и «служба»²⁰⁴.

Платье, сапоги, башмаки, печи, трубы, хлеб, мясо, карета, лошадь, часы, крыша, картуз, шляпа, тулуп, сбитень, квас, пирожки – вещи, в которых нуждаются, вещи полезные, вещи, определяющие быт горожанина. И если понимать под словом «пригнанность» то, что в него вкладывает М. Фуко – «сходство, связанное с пространством отношения «ближнего к ближнему», выражающее соединение и слаженность вещей»²⁰⁵ – окажется, что мир мещанских профессий середины XIX в. был «пригнан» к городу. «Благодаря действию этой пригнанности, сближающей подобное и породняющей близости, мир образует цепь вещей и замыкается на себе самом»²⁰⁶, как был замкнут на себе самом период дореформенного «чрева» Самары.

Гостиница, контора, частный дом, столовая, магазин, мастерская, типография, больница, поезд, публичный дом, завод, трамвай, почта – пространства, свободные от «ограничений, налагаемых местом», соответствие, действующее на расстоянии. Такое подобие М. Фуко называет «соперничеством». В своей профессиональной занятости мещанин рубежа XIX–XX вв. приходит в соперничество с замкнутым пространством «чрева», рвёт связи и обусловленности, «знаки освобождены от муравейника мира»²⁰⁷ и устремляются на свободу: в профессионализацию и индивидуализм. Служба, чёрная работа – традиционные, казалось бы, для мещанства занятия – наполнялись новым смыслом благодаря секуляризации, рационализации сознания и повышению уровня культуры.

Торговля. Значительная часть мещан города занималась торговлей. По отчёту торговой депутации за 1858 г., 214 человек самарских мещан постоянно торгуют из открытых лавок²⁰⁸ на пло-

щадях и на пристанях²⁰⁹. В 1856–1857 гг. в Самаре на Троицкой площади *«до снятия флага, то есть до 12 часов полудня... не дозволяли скупать у приезжающих на рынок поселян привозимые ими припасы, дрова, сено и т.п. Только явится на рынок сельский обыватель со своими произведениями, немедленно окружают его городские барышники и торговцы и почти насильственно скупают у него произведения и потом перепродают оные по дорогой цене городским обывателям»*²¹⁰. Во время самой торговли на рынках города проверяющими постоянно выявлялись нарушения: использовались весы без клейм с привесками из камней, железных вещей и т. д. (по докладу проверяющего Маркова, ни одних весов совершенно правильных не оказалось); продаваемый хлеб не соответствовал по вкусу и качеству установленным таксам; крендели продавались булочниками по 5 коп. серебром за десяток, тогда как в десятке менее фунта веса, а фунт лучшего крупчатого хлеба должен был стоить по таксе только 4 коп. серебром; в хлебопекарных курнях, расположенных по берегу реки Волги, хлеб был *«или непечён, или кисел, или горьковат и вообще неприятен на вкус»*, или от несоблюдения в курнях *«надлежащей чистоты и опрятности»* или *«из-за злоупотребления самих торговцев»*, которые *«нарочно не пропекают его»*, или, *«как найдено у хлебопёка Ивана Егорова Дворянишина, запекают в него для большего веса крупно замешанные на вид сырые лепёшки»*²¹¹. Проверяющими были высказаны замечания думе за *«слабый надзор»* за рынками. Активными нарушителями торговли по фактам этой проверки были признаны 14 мещан города, в основном за неправильные весы²¹².

В 1860 г. на имя городского головы от торгующих в городе Самаре купцов и мещан поступило Прошение навести порядок в торговле *«некоторых иногородних лиц»*, *«которые являясь в город Самару производят оную без всяких на этот предмет установленных в законе прав... Так, например, шапошники... хотя и платят ничтожную сумму в Ремесленную управу, но по обширности... торговли, как они поставляют товары свои в лавки. И выносят в большом размере онога на торговую Троицкую площадь, то по обороту торговли они превышают в сумме некоторых торгующих в лавках, которые за эти лавки платят хороший в доход города взнос, имеют на производство торговли... свидетельства.*

*Торговая депутация действительно следит за правильностью торговли, но ей неизвестны те лица, которые под личиною скрывают больший сбыт своих товаров, а показывают на площади только самую малую часть»*²¹³. Конфликты во время торговых будней происходили не только между группами торговцев, но и индивидуальные. В 1860 г. за правильностью торговли личными изделиями на Троицком рынке Самары следил староста, мещанин Андрей Прокофьев Осинин. Он докладывал городскому голове, что за то, что один мещанин не доплатил другому, провинившийся был взят под арест, и были наказаны «самопроизвольные торговцы» лесными изделиями²¹⁴.

С торговцев на площадях Самары собирали деньги на право торговли²¹⁵. На площадях Самары мещане снимали места под устройство деревянных лавок, за которые платили от 12 до 35 руб.²¹⁶ Реклама пробиралась и за толстые стены мещанской управы, в фонде которой сохранился рекламный листок магазина Самохваловой, торгующего щётками, кистями, синькой, крахмалом, шотландским цементом, шведским картоном, маслом деревянным и минеральным, сургучом, смолкой, всевозможными пробками, москательными, парфюмерными и «пароходскими» товарами²¹⁷.

Самарская городская управа занималась сдачей мест на Троицкой площади в оброчное содержание. С 1871 по 1874 гг. мещане брали в оброчное содержание места на Троицкой площади для торговли печёным хлебом, мясом, рыбой, птицей, горшечными изделиями, разным товаром, валенками. Брали в оброчное содержание также «столики» и «сквозные лавки»²¹⁸.

Места на площадях города, взятые в аренду для торговли, снимали по многу лет, как, например, сызранский мещанин Пётр Васильев Ширманов, который писал в думу: «Я произвожу торговлю мелочным товаром более десяти лет и имею на Троицкой площади снятое... место»²¹⁹. Для торговли на ярмарках мещанам продавались думой специальные билеты: «Дан сей билет (продан за 18 руб²²⁰. – Прим. Авт.) Самарской городской думой, на основании 2816 ст. XI т. уст. торг. Самарскому мещанину Герши Маркисону, на отведённую ему во временно устроенном ярмарочном ряду лавку... для торговли»²²¹.

Мещанская торговля – часть имиджа Самары, такая же часть, как и мещанская душа этого города, так талантливо схваченная А. Толстым в «Хождении по мукам». А. Толстой описывает встречу двух миров: аутентичного, мещанского, и пришлого, интеллигентского, выраженного образом земского статистика: *«Одну из таких лодок нанял Говядин; попросил Дашу править рулём, сам сел на вёсла и стал выгребать против течения. Скоро на бледном лице его выступил пот. – Спорт – великая вещь, – сказал Семён Семёнович и принялся стаскивать с себя пиджак, стыдливо отстегнул помочи и сунул их под нос лодки. У него были худые, с длинными волосами, слабые руки и гуттаперчевые манжеты... навстречу проплыла лодка, полная народу. Три мещанки в зелёных и пунцовых кашемировых платьях грызли семечки и плевали шелуху себе под колени. Напротив сидел совершенно пьяный горчишник, кудрявый, с чёрными усами, закатывал, точно умирая, глаза и играл польку на гармонике. Другой шибко грёб, раскачивая лодку, третий, взмахнув кормовым веслом, закричал Семёну Семёновичу: – Сворачивай с дороги, шляпа, тудыть твою душу...»*²²². Пока волжский мещанский люд торговал, «земские статистики» постепенно захватывали город...

Промышленные предприятия. На примере губерний Центрально-Промышленного региона Российской империи, Л. В. Кошман приходит к выводу о том, что на протяжении XIX в. происходит рост участия мещанства в промышленном предпринимательстве²²³, отмечая, что в средневропейских и поволжских губерниях в 90-е гг. XIX в. было 9% мещан среди владельцев промышленных заведений²²⁴. В конце XIX в. мещанские заведения относились к числу мелких с числом рабочих до 15 человек. «Большинство этих заведений производило продукцию, необходимую для потребностей домашнего быта горожан»²²⁵. Л. В. Кошман объясняет рост мещанского предпринимательства в пореформенный период тем, что «это сословие было вовлечено в общий процесс складывания новой социально-классовой структуры буржуазного общества», замечая, однако, что «мещанство продолжало оставаться носителем мелкого бизнеса»²²⁶.

Ещё во введении мы оговорили свою позицию «бегства» от марксистской социально-экономической теории, поэтому посмотрим на эту проблему с позиций повседневной жизни.

Мещанство в своих обращениях в думу называло свои промышленные предприятия заводами. Авдотья Иванова Шихобалова просила в 1858 г. думу отдать землю под устройство изразцового завода²²⁷. Никифор Захаров – под мукомольную мельницу²²⁸. По описи заведений, устроенным на городской земле, с которых собирался акциз в пользу города в 1856 г., видно, что больше всего в собственности мещан города было салотопенных заводов²²⁹. Кроме того, мещане владели канатно-прядельными, поташными и солодовенными заводами²³⁰. По реестру владельцев заводов и мельниц, на которых числились оброчные недоимки, видно, что мещане владели также кирпичными заводами (14 человек недоимочных), чугунными (1), кожевенными (1), клееваренными (5), мыловаренными (1), горшечными (4), бойными (3), паровыми мельницами (1), ветряными мельницами (3)²³¹. В 1856 г. недоимки мещан в думу свидетельствуют, что их бизнес по-прежнему был связан с такими же предприятиями²³².

В 1858 г. мещане Самары владели заводами: 5 чел. – салотопенными, 3 чел. – солодовенными, 5 чел. – клееваренными, 1 чел. – дегтярным, 6 чел. гончарными, 2 чел. – мыловаренными и 21 чел. – кирпичными²³³.

В 1858 г. в докладе Торговой депутации в думу «о правильности содержания фабрик и заводов» говорилось: *«дозволено одним лишь купцам и мещанам сверх своего семейства употреблять к станам и ремёслам своим и небольшим домам... не более 16 работников. Тогда как самарские мещане имеют у себя в содержании и сами занимаются производством на заводах: солодовенных Иван Аникин и клееваренных: Анисим Кротков, Филипп Пасейков, Иван Клейников и другие ... гончарных... сально-свечных... все эти заводы могут быть отнесены к разряду домашних заведений содержание которых может быть дозволено мещанам»*²³⁴. А вот мещанин Рыскин, по мнению депутации, не имел права иметь в Самаре предприятие, так как приписан был к городу Пензе²³⁵.

К рубежу XIX–XX вв. мещане уже участвуют в значительно более крупных сделках, чем в середине XIX в. Самарский мещанин Глухов и купец Чекмарёв обращались в думу с просьбой передать им участок городской земли размером в 840 кв. саженей под устройство бойного завода. На Глухове к этому моменту

были недоимки в 662 руб. 90 коп. за землю под мыловаренный завод²³⁶. Он должен был выплачивать в думу за эту землю ежегодный оброк в 168 руб. Но в думу обратился мещанин Новотоцкий, предложив за этот мыловаренный завод уплачивать 200 руб. в год, кроме того, он обязывался заплатить недоимку, накопившуюся у Глухова. Купец же Чекмарёв на тех же условиях предложил 210 руб в год. И выиграл сделку²³⁷.

Мещанин А. Абрамов, открыв «торговую баню, преимущественно для чёрного класса в двух отделениях», заработал столько капитала, что стал купцом третьей гильдии, хозяином торговых бань на берегу р. Волги «против женской общины»²³⁸.

Л. В. Кошман, рассуждая о судьбе мещанского предпринимательства, считает, что «многочисленные налоговые, финансовые преграды со стороны правительственных властей» приводили к тому, что «преуспевающие в этой сфере деятельности мещане встречались редко»²³⁹. Нам же кажется, что этот процесс был недостаточно заметен в начале XX в. из-за того, что просто сословная принадлежность перестаёт играть смысл и в жизни, и в самом делопроизводстве. И кроме того, мещанам становилось всё труднее выдерживать конкуренцию с крупными купеческими промышленными предприятиями.

Питейное дело. Дистанция между центром России и провинцией проявлялась и в том, что мир обывателя был переполнен слухами о том, каких же новых указов ждать и какие уже приняты, прежде чем все эти указы оказывались озвученными властями. Так как мещанское предпринимательство было в значительной степени связано с открытием питейных заведений, «торговлей питий»²⁴⁰ в 60-е гг. XIX в. стали усиленно распространяться тревожившие мещан слухи о том, что вышли указы об ограничении лиц, которым можно заниматься этим делом. Потребовалось властям города на собраниях городского общества специально озвучить указ министра внутренних дел от 31 декабря 1862 г. № 180, который разъяснял на основании ст. 243 Высочайше утверждённое в июле 1861 г. положение о питейном сборе, согласно которому «разрешалось открытие в городах и посадах питейных заведений... всем без изъятия лицам, имеющим право на торговлю питьями по установленным правилам»²⁴¹. Местные

власти интерпретировали этот указ по-своему: так как питейный налог выгоден для казны, то и не надо делать никаких ограничений для лиц, желающих заниматься этим бизнесом: «Градским дума́м и Ратушам дозволено открывать в городах, посадах и местечках питейные заведения, без предоставления удостоверений о несостоянии под судом и следствием с заменою сих удостоверений подпискою, распространяющей на всех лиц»²⁴². С другой стороны, городская дума часто отказывала мещанам в желании открыть питейный бизнес. Отказано было мещанке Лукерье Силантьевой на основании того, что она собиралась торговать «питием» на берегу реки Самарки около хлебных амбаров, чем могла помешать «хлебным операциям»²⁴³. Отказано было и мещанину, который не указал, что конкретно хочет открыть – «питейный дом или выставку», так как помещение он просил слишком большое для простой лавки, в 120 кв. сажень²⁴⁴.

В 1866 г. по высочайшему повелению в трактирных заведениях были установлены следующие правила: «Музыка, пение, танцы, представления и т.п. публичные увеселения допускаются в трактирных заведениях не иначе как с особого разрешения высшего полицейского начальства, которое обязано немедленно воспрещать таковые увеселения там, где обнаружено будет бесчинство, или другие какие беспорядки»²⁴⁵. По ведомости о трактирных заведениях г. Самары видно, что бизнес мещан города был связан и с содержанием харчевен²⁴⁶.

Иногда хозяйственный локус мещанина определялся размером в 3 квадратных сажени на берегу речки Самарки – тёсовой передвижной (на случай разлива) лавкой для продажи хлебного вина распивочно и на вынос²⁴⁷.

В 1869 г. из категории таких заведений, как «гостиницы, рестораны и харчевни», больше всего свидетельств мещанам было выдано на содержание трактиров²⁴⁸. Их или открывали в собственных домах, или арендовали помещения под заведение в домах других горожан.

С 1870-х гг. одной из важнейших функций думы стал контроль за питейными заведениями. В октябре 1875 г. Правительствующий сенат издал распоряжение, по которому городские думы получали возможность определять места в городе, где тор-

говля спиртным «на разлив» полностью запрещалась, и ограничивать число всех питейных заведений²⁴⁹. В результате дума сократила число питейных заведений в Самаре с 159 до 28 и увеличила взимаемый с них акциз²⁵⁰. Но самарское присутствие по городским делам опротестовало это решение думы. И «погреба русских вин» продолжали плодиться и размножаться. Единственное, что могла сделать дума – это «издать обязательное постановление о санитарном состоянии в «погребах русских виноградных вин». Отныне лица, желающие открыть данные заведения, должны были получить разрешение специальной комиссии, состоящей из представителей полиции, управы и городского врача, о том, что помещение полностью соответствует санитарным нормам. Эта мера позволила косвенно ограничить открытие новых питейных заведений²⁵¹.

Из знаменитого изречения Дизраэли о двух нациях в Англии – богатых и бедных – наши мещане принадлежали ко второй. Самарский борец «армии синих лент» Чельшиёв ничего не смог поделаться, как ничего не смогли поделаться и дума, и «сухой закон» с тем, что нации бедных нужен свой «дурман», своё средство примириться с повседневностью, а самое главное – чуть-чуть заработать на этом. Тревельян пишет о викторианской Англии: «пьянство и огромные расходы на напитки составляли одно из величайших зол городской жизни»²⁵². Но как бы с этической точки зрения ни оценивать это мировое зло, самарские мещане торговлей «зельем» зарабатывали себе на жизнь.

Таким образом, идя, казалось бы совершенно другим путём в рассуждении о благосостоянии и хозяйственной жизни мещанина пореформенной России провинциального города, чем это делает Б. Н. Миронов, и наблюдая за повседневностью, а не за антропометрическими показателями, мы приходим к тем же выводам: «имперская Россия модернизировалась и благосостояние населения росло, несмотря на все издержки»²⁵³. Трансформации, затронувшие профессиональную сферу, сферу занятости мещан являются индикаторами модернизационных процессов в русском городе второй половины XIX – начала XX вв. Хозяйственная тактика мещан, зажатых законодательством, являлась отражением их базовых интересов, связанных с трансформацией

традиционного патриархального мира в сторону демократизации и индивидуализации.

¹ Стоун И. Жажда жизни. М., 1992. С. 45.

² Там же. С. 246.

³ Там же. С. 317.

⁴ ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д.507. Л.1.

⁵ Барт Р. Лингвистика дискурса//Система моды: ст. по семиотике культуры. М., 2004. С. 458; Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С. 140.

⁶ Миронов Б. Н. Социальная история России. Т. 1. С. 332.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 336.

⁹ Там же. С. 347.

¹⁰ ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д.336. Л.1.

¹¹ Там же. Д.135. Л.1.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л.32.

¹⁴ Там же. Л.49.

¹⁵ Там же. Л.53.

¹⁶ Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитар. наук. СПб., 1996. С. 125.

¹⁷ ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д.1705. Л.1.

¹⁸ Фуко М. Слова и вещи... С. 129–130.

¹⁹ Там же. С. 314.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 77.

²² Там же.

²³ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.33. Л.276–276 (Об.).

²⁴ Фуко М. Надзирать и наказывать. С. 121–122.

²⁵ Миронов Б. Н. Социальная история России. Т. 1. С. 336.

²⁶ Там же. С. 347.

²⁷ Тюрин В. А. Власть и городское самоуправление в Среднем Поволжье: опыт взаимодействия на рубеже XIX–XX веков. Самара, 2007. С. 35.

²⁸ Там же. С. 40.

²⁹ Там же. С. 63.

³⁰ История Самары... С. 131, 133.

³¹ Там же. С. 131.

³² Там же. С. 132.

³³ Там же.

³⁴ Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России. С. 233.

³⁵ Там же.

- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. С. 239.
- ³⁸ Там же. С. 241.
- ³⁹ ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д.982. Л.2.
- ⁴⁰ История Самары... С. 132–133.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России. С. 244.
- ⁴⁴ ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д.237. Л.1–3.
- ⁴⁵ Там же. Л.5–5 (Об.).
- ⁴⁶ Алабин П. В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Замятин Д. Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов. М., 2006. С. 158.
- ⁴⁹ Алабин П. В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города.
- ⁵⁰ Замятин Д. Н. Культура и пространство. С. 162.
- ⁵¹ Там же. С. 163.
- ⁵² Там же. С. 166.
- ⁵³ Салтыков-Щедрин М. Е. История одного города. С. 76.
- ⁵⁴ ГУСО ЦГАСО. Ф.8. Д.6. Л.1 (Об.)-183; Д.1. Л.6–46.
- ⁵⁵ Журналы Самарской городской думы. 1892 г. Самара. 1892. С. 15.
- ⁵⁶ ГУСО ЦГАСО. Ф.153. Оп. 1. Д.108. Л.5.
- ⁵⁷ Там же. Л.5 (Об.).
- ⁵⁸ Там же. Л.7.
- ⁵⁹ Там же. Л.14.
- ⁶⁰ ГУСО ЦГАСО. Ф.153. Оп. 1. Д.108. Л.9–144.
- ⁶¹ Отчёт Самарской городской управы за 1883 год. Самара, 1885. С. 17.
- ⁶² Архангельский Н. А. Г. Самара: ист. очерк//Классика самарского краеведения: антология. Самара, 2002. С. 229.
- ⁶³ Там же. С. 234.
- ⁶⁴ ГУСО ЦГАСО. Ф.153. Оп. 1. Д.487. Л.5 (Об.)-6.
- ⁶⁵ Там же. Л.7 (Об.) – 15.
- ⁶⁶ Там же. Л.16 (Об.)-22.
- ⁶⁷ Там же. Ф.170. Оп. 6. Д.112. Л.1–19.
- ⁶⁸ Там же. Д.113. Л.1.
- ⁶⁹ ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 2. Д.13. Л.1–2.
- ⁷⁰ Там же. Оп. 6. Д.439. Л.1.
- ⁷¹ Отчёт Самарской городской управы и подведомственных ей учреждений за 1888 год. Самара. 1890. С. 74–77.
- ⁷² Там же. С. 54.
- ⁷³ Отчёт Самарской городской управы за 1883 год. Самара, 1885. С. 19–20.

- ⁷⁴ ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д.141. Л.1.
⁷⁵ Там же. Д. 176. Л.1.
⁷⁶ Там же. Л.15.
⁷⁷ Там же. Д.60. Л.1.
⁷⁸ Там же. Д.142. Л.1.
⁷⁹ Там же. Д.143. Л.1–43.
⁸⁰ Там же. Д.144. Л.1.
⁸¹ Там же. Д.148.
⁸² Там же. Л.1–1 (Об.).
⁸³ Там же. Оп. 2. Д.15.
⁸⁴ Там же. Л.4–4 (Об.).
⁸⁵ Там же. Л.6.
⁸⁶ ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д.68. Л.1.
⁸⁷ Там же. Д.62. Л.1.
⁸⁸ Там же. Д.67. Л.1.
⁸⁹ Там же. Оп. 6. Д.65. Л.1.
⁹⁰ Там же. Д.61, 104, 101, 107, 103, 97,98,106, 111, 69, 92,93.
⁹¹ Там же. Д.107. Л.1,4.
⁹² Там же. Д.97. Л.1.
⁹³ Там же. Д.98. Л.1.
⁹⁴ Там же. Д.100. Л.1.
⁹⁵ Там же. Д.95. Л.1.
⁹⁶ Там же. Л.9.
⁹⁷ Журналы Самарской городской думы. 1892. Самара, 1892.
С. 178.
⁹⁸ Там же. С. 179–189.
⁹⁹ Там же. С. 346–347.
¹⁰⁰ Там же.
¹⁰¹ Журналы Самарской городской думы за 1893 г. Самара, 1893.
С. 33, 61.
¹⁰² Там же. С. 213.
¹⁰³ ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д.1666. Л.1–5.
¹⁰⁴ Баранов В. С., Михеева А. В., Шерстнёв В. Г., Шерстнёва Г. С. История самарского купечества. С. 26–27.
¹⁰⁵ ГУСО ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д.26. Л.745.
¹⁰⁶ Тревельян Дж. М. История Англии от Чосера до королевы Виктории. Смоленск, 2001. С. 608.
¹⁰⁷ Там же.
¹⁰⁸ Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России. С. 99.
¹⁰⁹ ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д.125. Л.4.
¹¹⁰ Журналы Самарской городской думы. 1892 г. С. 108.
¹¹¹ ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д.1544. Л.35.-Л.35 (Об.).
¹¹² Там же. Л.36.
¹¹³ Моргун А. Г. От крепости Самара до города Куйбышева. Куйбышев, 1986. С. 5.

- ¹¹⁴ Там же.
- ¹¹⁵ Там же. С. 6.
- ¹¹⁶ Там же. С. 29.
- ¹¹⁷ Моргун А. Г. От крепости Самара до города Куйбышева. С. 29.
- ¹¹⁸ Головкин К. П. Самара в конце XVIII – начале XX вв.: краевед. картотека//Классика самарского краеведения: антология. Вып. 3. Самара, 2007. С. 54.
- ¹¹⁹ Там же.
- ¹²⁰ Там же.
- ¹²¹ Там же. С. 56–57.
- ¹²² Там же. С. 67–68.
- ¹²³ Там же. С. 101.
- ¹²⁴ ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д.1479. Л.1.
- ¹²⁵ Там же. Л. 4.
- ¹²⁶ Там же.
- ¹²⁷ Там же.
- ¹²⁸ Там же. Л.16.
- ¹²⁹ Там же. Л.16 (Об.).
- ¹³⁰ Там же. Л.24–25.
- ¹³¹ Там же. Л.32.
- ¹³² Там же. Ф.153. Оп. 1. Д.931. Л.1–208.
- ¹³³ Там же.
- ¹³⁴ Там же.
- ¹³⁵ Там же. Д.930. Л.1–308.
- ¹³⁶ Там же. Д.910. Л.1.
- ¹³⁷ Там же.
- ¹³⁸ Там же.
- ¹³⁹ Там же. Д.910. Л.33 (Об.)-34.
- ¹⁴⁰ Там же. Ф.170. Оп. 6. Д.120.
- ¹⁴¹ Там же. Д.121.
- ¹⁴² Там же. Д.120. Л. 4 (Об.)- 5.
- ¹⁴³ Там же. Л.5 (Об.)-6.
- ¹⁴⁴ Там же. Л.9 (Об.) – 21.
- ¹⁴⁵ Там же. Д.856. Л.78.
- ¹⁴⁶ Там же. Л.112.
- ¹⁴⁷ Там же. Д.1558. Л.28.
- ¹⁴⁸ Там же. Д.1683. Л.5 (Об.).
- ¹⁴⁹ Кошиан Л. В. Город и городская жизнь в России. С. 237.
- ¹⁵⁰ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.26. Л.848.
- ¹⁵¹ Классика самарского краеведения. Антология. Выпуск 3. К. П. Головкин. Самара в конце XVIII – начале XX в. (Краеведческая картотека). Самара, 2007. С. 267.
- ¹⁵² Головкин К. П. Самара в конце XVIII – начале XX вв.: краевед. картотека//Классика самарского краеведения: антология. Вып. 3. Самара, 2007. С. 265–266.

- 153 ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д.264.
154 Там же. Л.1.
155 Там же. Д.1694. Л.51 (Об.)-58.
156 Там же. Ф.217. Оп. 1. Д.26. Л.134.
157 Там же.
158 Там же. Д.14. Л.46.
159 Там же. Л.50.
160 Приложение ко Всеподданнейшему отчёту самарского губернатора за 1876 год. Самара, 1877. С. 20.
161 Там же. С. 21.
162 Приложение к Всеподданнейшему отчёту губернатора за 1890 год. Самара, 1891. С. 1.
163 Там же. С. 4.
164 Классика самарского краеведения. С. 295.
165 Журналы Самарской городской думы за 1894 г. Самара. 1894. С. 371.
166 Салтыков-Щедрин М. Е. История одного города. С. 78.
167 Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России. С. 219–246.
168 Путешествие в прошлое. Самара. 1992. С. 71.
169 ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.26. Л.181.
170 Там же. Ф.170. Оп. 6. Д.48. Л.1 (Об.)-66.
171 Там же. Л.66.
172 Там же. Д.85.
173 Там же. Д.48. Л.1 (Об.)-66.
174 Там же.
175 Там же.
176 Там же.
177 Там же.
178 Там же. Д.85.
179 Там же. Д.1471. Л. 78-Л. 78 (Об.).
180 Там же. Л.97 (Об.).
181 Барт Р. Семантика вещи//Система моды: ст. по семиотике культуры. М., 2004. С. 417.
182 Там же. С. 418.
183 Там же.
184 Там же. С. 420.
185 ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д.1349. Л.11–11 (Об.).
186 Там же. Л.12–12 (Об.).
187 Там же.
188 Там же.
189 ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.309.
190 ГУСО ЦГАСО. Ф.153. Оп. 1. Д.910. Л.33 (Об.)-34.
191 Журналы Самарской городской думы за 1894 г. С.693.
192 Отчёт Самарской городской управы и подведомственных ей учреждений за 1888 год. Самара. 1890. С. 80–82.

- ¹⁹³ ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д.621. Л.1–2.
- ¹⁹⁴ Отчёт Самарской городской управы и подведомственных ей учреждений за 1888 год. С. 322–323.
- ¹⁹⁵ Там же. С. 324–325.
- ¹⁹⁶ ГУСО ЦГАСО. Ф.153. Оп. 1. Д.910.
- ¹⁹⁷ Там же. Л.28.
- ¹⁹⁸ Там же. Д.991. Л.13 (Об.) – 184.
- ¹⁹⁹ Там же. Ф.170. Оп. 6. Д.1558. Л.254–266.
- ²⁰⁰ Там же. Ф.217. Оп. 1. Д.447. Л.79 (Об.)-235; ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.448. Л.1–19.
- ²⁰¹ Там же. Д.448. Л.1–19.
- ²⁰² Там же. Д.447. Л.79 (Об.)-235; ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.448. Л.1–19.
- ²⁰³ Там же. Д.257. Л.29.
- ²⁰⁴ Там же. Д.450. Л.1–63.
- ²⁰⁵ Фуко М. Слова и вещи. С. 55.
- ²⁰⁶ Там же. С. 56.
- ²⁰⁷ Там же. С. 101.
- ²⁰⁸ ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д.1491. Л.40 (Об.).
- ²⁰⁹ Там же. Л.68–72 (Об.).
- ²¹⁰ ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д.1140. Л.1.
- ²¹¹ Там же. Л.25 (Об.)-26.
- ²¹² Там же. Л.27. – 27 (Об.).
- ²¹³ Там же. Д.15. Л.3–3 (Об.).
- ²¹⁴ Там же. Л.11, 13.
- ²¹⁵ Там же. Ф.217. Оп. 1. Д.14. Л.322.
- ²¹⁶ Там же. Ф.170. Оп. 6. Д.1349. Л.29–30.
- ²¹⁷ Там же. Ф.217. Оп. 1. Д.321. Л.101.
- ²¹⁸ Там же. Ф.153. Оп. 1. Д.436. Л.1 (Об.)-9 (Об.), 10 (Об.)-32, 33 (Об.)-57, 58 (Об.)-64 (Об.), 65 (Об.)-72 (Об.), 73 (Об.)-84, 84 (Об.)-86, 86 (Об.)-92 (Об.), 93 (Об.)-97 (Об.), 99 (Об.)-105 (Об.), 106 (Об.)-113, 117–125 (Об.), 126 (Об.)-130 (Об.).
- ²¹⁹ Там же. Ф.170. Оп. 6. Д.1385. Л.4.
- ²²⁰ Там же. Л.18–24.
- ²²¹ Там же. Л.25.
- ²²² Толстой А. Хождение по мукам: трилогия. М., 1961. С. 93.
- ²²³ Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России. С. 223–225.
- ²²⁴ Там же. С. 226.
- ²²⁵ Там же. С. 227.
- ²²⁶ Там же.
- ²²⁷ ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д.251. Л.1.
- ²²⁸ Там же. Д.252. Л.1.
- ²²⁹ Там же. Ф.217. Оп. 1. Д.26. Л.1719 (Об.).
- ²³⁰ Там же. Л.1720–1720 (Об.).
- ²³¹ Там же. Ф.170. Оп. 6. Д. 1349. Л.57–58.

- ²³² Там же. Д.1474. Л.35 (Об.)-37 (Об.).
- ²³³ Там же. Д.1491. Л.74–80 (Об.).
- ²³⁴ Там же. Д.1491. Л.21–21 (Об.).
- ²³⁵ Там же. Л.22.
- ²³⁶ Журналы самарской городской думы. 1892 г. Самара. 1892.
- С. 144.
- ²³⁷ Там же. С. 145.
- ²³⁸ ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д.1637. Л.3–69.
- ²³⁹ Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России. С. 246.
- ²⁴⁰ ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д.621. Л.244.
- ²⁴¹ Там же. Л.114.
- ²⁴² Там же. Л.148.
- ²⁴³ Там же. Л.244.
- ²⁴⁴ Там же. Л.248 (Об.).
- ²⁴⁵ Там же. Л.34.
- ²⁴⁶ Там же. Л.58–59.
- ²⁴⁷ Там же. Л.44.
- ²⁴⁸ Там же. Д.992. Л.1–9 (Об.).
- ²⁴⁹ Тюрин В. А. Власть и городское самоуправление. С. 153.
- ²⁵⁰ Там же. С. 154.
- ²⁵¹ Там же. С. 157.
- ²⁵² Тревельян Дж. М. История Англии. С. 596.
- ²⁵³ Миронов Б. Н. Страсти по революции. Нравы в российской историографии в век информации. М., 2013. С. 184.

ГЛАВА 2. МЕЩАНИН И ДЕНЬГИ

«...налоги в России не являлись чрезмерными...»

Б. Н. Миронов

*Под сим крестом погребена/Моя законная жена/Я прожил с нею мно-
го лет/Она готовила обед/И выходя всегда из смет/Она отправилась
в тот свет/За это шлю моей Аннет/И благодарность и привет
Эпитафия на городском кладбище*

вязь цифр с жизнью подчёркивали в своих произведениях Г. Успенский и Н. Рубакин¹. Н. Рубакин писал: «Да, цифры – живые, нужно только понимать их жизнь и разбирать их язык. ... Между каждой цифрой, какой бы далёкой и отвлечённой она не казалась, с одной стороны, и личностью человеческой, мыслящей, чувствующей и страдаю-

щей, – с другой, всегда существует самая тесная и неразрывная связь»². Так как, по мнению Н. Рубакина, «производить какой-либо подсчёт можно лишь одним способом, а именно – стоя лишь лицом к лицу с данным явлением жизни непосредственно»³, мы надеемся обнаружить «лицо» мещанства и в тех цифрах, которые его окружали в повседневной жизни. А самыми главными цифрами для них были деньги. «Согласно Гоббсу, подобная венам система каналов, по которым деньги передаются, – это система налогов и обложений, изымающих из перемещающихся, купленных или проданных товаров определённую массу металла, доставляя её к сердцу Человека-Левиафана, то есть в государственное казначейство»⁴.

Не только импульсы сословности постепенно угасают в мещанском делопроизводстве к 1917 г., но и такая часть быта, как деньги. Это объясняется тем, что мир денег теряет свою сословную обусловленность и становится всеобщим эквивалентом городского хозяйства, переключённая в иные учреждения с иным делопроизводством. Меняется, как уже было замечено выше, сама дума, перестав ориентироваться на бывшее мещанско-купеческое «чрево».

В период, предшествующий введению Городового Положения 1870 г., градская дума постоянно собирала ведомости о спра-

вочных ценах на товары рынков Самары. Когда мещане и купцы собирались на свои собрания в думу, им сообщались эти цены. В январе 1851 г. мука аржаная за пуд (приблизительно 16 кг) стоила 33 коп., мука пшеничная первого сорта – 58 коп., крупа гречневая – 57 коп., горох – 50 коп., мясо говядина за пуд 1 сорта – 1 руб. 40 коп., телятина – 2 руб., гусь – 20 коп., индейка – 25 коп., курица – 12 коп., осетрина свежая за фунт (приблизительно 0,4 кг) – 15 коп., стерлядь 1 сорта за фунт – 43 коп., севрюга мало-солёная – 10 коп., сёмга свежая – 5 коп., судак свежий – 5 коп., сазан свежий – 5 коп., лещи – 5 коп., окунь – 4 коп., карась – 3 коп., масло коровье за пуд – 5 руб., капуста белая за ведро – 55 коп., соль за пуд – 57 коп., Бумага «писшяя» за фунт стоила 25 коп., мыло жёлтое за фунт – 6 коп., печёный хлеб из крупчатки первого сорта за фунт – 3 коп., перья за фунт – 80 коп., нитки за фунт – 40 коп., дрова дубовые однополенные за сажень – 1 руб. 85 коп., шёлк за фунт – 5 руб.⁵

В 1851 г. плата за дневную работу одному человеку составляла в среднем 30 коп., с лошадьё – 60 коп., с парой волов – 1 руб. Эксплуатация барки со всеми снастями, помещающей в себе 200 кулей хлеба – 2800 руб., лодки, помещающей 1000 пудов – 95 руб. За сплав от Самары до Рыбинска с куля муки брали 1 руб. 20 коп., до Нижнего – 90 коп., до Саратова – 55 коп., до Астрахани – 1 руб. За грузку в барки с куля муки брали 2 коп., за перевозку сухим путём из Самары до Уральска с куля муки брали 1 руб. 10 коп., за перевозку с базара до пристани с куля муки – 2 коп., за хранение хлеба в амбарах в год с куля муки брали 7 коп. Каменотёсу в день в этом году в среднем платили 90 коп., каменщику – 80 коп., штукатуру – 90 коп., плотнику – 1 руб., столяру – 90 коп., кузнецу – 80 коп., молот/бойцу – 40 коп., слесарю – 1 руб. 50 коп., печнику – 1 руб., стекольщику – 80 коп., кровельщику – 80 коп., маляру – 90 коп., чернорабочему – 30 коп., за конную подводу с провожатым – 60 коп.⁶

В 1852 г. плотник в день получал 70 коп., пильщик – 85 коп., каменщик – 70 коп., столяр – 90 коп., маляр – 60 коп., рабочий – 50 коп.⁷ По ведомости о справочных ценах, составленных думой за этот год, тулуп русский овчинный стоил 10 руб. 9 коп., коты крестьянские – 35 коп., сапоги простой работы – 2 руб., шапка

крестьянская с простым верхом – 45 коп., нижегородская среднего сорта шляпа – 90 коп., рубаха мужская льняная – 90 коп., рубаха женская льняная – 1 руб. 10 коп.⁸ Плата подёнщику в день с лошастью составляла 80 коп., чёрная работа без лошади оценивалась в 40 коп., каменщику – 40 коп., плотнику – 50 коп.⁹ Чашка большая деревянная стоила 20 коп., ушат деревянный – 60 коп., ведро деревянное – 25 коп., лопата – 15 коп., дровни – 1 руб., телега – 7 руб., чугунная сковорода большая – 35 коп., ведро железное – 90 коп., сало свиное за пуд – 4 руб.¹⁰

24 января 1854 г. «самарские купецкое и мещанское общества... собрались для собрания», чтобы узнать справочные цены на «предметы продовольствия, строительные материалы и прочие потребности»¹¹. Зимой 1854 г. пуд мёда в Самаре стоил 5 руб., пуд коровьего масла – 4 руб. 50 коп., муки ржаной – 20 коп., пшеничной – 25 коп. Баранья шерсть продавалась за пуд по 2 руб. 50 коп., верблюжья – по 4 руб., а телячьи шкуры – по 70 коп.¹² 1 фунт говядины 1 сорта стоил на рынках Самары 3 коп. серебром выборочно, хлеб ржаной – 1 коп. серебром, рыба первого сорта – 3¼ коп.¹³ 16 января 1854 г. «Самарские губернские ведомости» писали: «в Самару... столько везётся хлеба, что площади и улицы иногда совершенно наполняются обозами... цены упали... покупателей много»¹⁴.

В январе 1863 г. один куль ржаной муки в 9 пудов весом стоил 3 руб., пуд картофеля – 40 коп., пуд говядины – 2 руб. 40 коп., свинины – 2 руб. 30 коп., масла коровьего – 8 руб.¹⁵ В мае картошка стоила столько же, говядина подешевела на 40 коп.¹⁶ В феврале, марте и апреле 1863 г. калач стоил 2 коп., а французский хлеб – 5 коп. Фунт говядины – 6 копеек, а с языком и мозгами – 50 коп.. Гусак продавался за 40 коп.¹⁷

Таким образом, для большинства представителей сословия, рынок товаров и рабочей силы Самары обеспечивал, в принципе, безбедное повседневное существование. «Между длинных дощатых барачков с хлебом, бунтов леса и целых гор из тюков с шерстью и хлопком бродили грузчики и крючники, широкоплечие, широкогрудые мужики и парни, босые, без шапок, с голыми шеями. Иные играли в орлянку, иные спали на мешках и досках; вдалеке человек тридцать с ящиками на плечах сбегали по зыбким сходам. Между телег стоял пьяный человек, весь в грязи и пыли,

с окровавленной щекой, и, придерживая обеими руками штаны, ругался лениво и матерно»¹⁸. Ленивую повседневность обеспечивала Волга-кормилица. В городе на большой реке – деньгам свой счёт. Но, несмотря на спасающее соседство с Волгой, бюджет мещанских семей был постоянно подвержен тяжёлому налоговому бремени, которое несло сословие.

Являясь податным сословием, мещанство платило в казну подушную подать. По Положению о порядке взимания с мещанских и цеховых обществ денежных сборов от 28 июня 1838 г. мещане уплачивали государственные подати (к которым принадлежали подушная подать и подать на устройство водяных и сухопутных сообщений), земские повинности (определялись утверждёнными на каждое трёхлетие губернскими сметами), общественные сборы (предназначенных для удовлетворения потребностей, одобряемых думой или Ратушей и утверждаемых губернатором, сюда же входили и рекрутские деньги) и чрезвычайных сборов¹⁹. Размер подати с 1839 г. вплоть до конца 50-х гг. сохранялся в размере 2 руб. 38 коп.²⁰ При коллективной ответственности в мещанских обществах повинности неимущих мещан раскладывались на состоятельных членов²¹. Своим приговором мещанское общество осуществляло раскладку сборов по ревизским душам или дворам в соответствии с состоянием каждого члена общества (или двора), производимым им торгом или промыслом, а также согласно другим, «принятым между мещанами местным правилам»²². Порядок денежных сборов с мещанских обществ был уточнён 16 декабря 1846 г.²³ Устав о податях 1857 г. подтверждал уплату мещанами подушной подати и некоторых особых местных налогов²⁴.

До отмены подушной подати документом фиксирующим налоговые обязательства мещан, были податные тетради мещанского общества, в которых указывался номер мещанского семейства по ревизской сказке, сколько и за что «по приговорам общества обязаны платить», число душ и сколько уже заплачено²⁵. В 1848 г. с мещанина Алексея Александрова недоимки податей составили 14 руб. 28 коп., по земским сборам – 1 руб. 11 коп., вспомогательного капитала – 00 руб. 72 коп., на устройство помещений – 00 руб. 54 коп., на писца и расходы – 00 руб. 18 коп., итого – 16 руб. 83 коп. К 26 марта половину недоимок он заплатил²⁶.

Приблизительно размер недоимок за этот год у других мещан колебался от 8 до 13 руб.²⁷ По окладу на 1848 г. числилось в самарском мещанстве 3956 душ, с которых собрать следовало 11 356 руб. 69 коп., а собрали в уездное казначейство 7369 руб. 22 коп.²⁸ Самарскому мещанину Николаю Мартынову Шепелеву, имеющему в своём семействе 4 ½ души за 1858 г., нужно было заплатить 15 руб. 25 с половиной коп., из которых 10 руб. 71 коп. – размер самой подати, 2 руб. 61 коп. – на государственную повинность, 2 руб. ¼ коп. – губернских, 22 ½ коп. – на народное продовольствие, 1 руб. 68 коп. – общественных сборов²⁹. Андрей Фёдоров Бутырский, имеющий в своём семействе 2 ½ души, должен был заплатить 8 руб. 4 ½ коп., Козьма Ермолаев, имеющий 5 душ – 16 руб. 95 коп. (для сравнения: в 1854 г. с семейства Михайлы Семёновкина за 5 душ взяли 18 руб. 42 коп., но данное сравнение не совсем корректно, так как в эту сумму могли входить недоимки, но в целом цифры практически не менялись с 1854 года)³⁰, Иван Яковлев Смирнов с 3 ½ душами – 11 руб. 86 коп.³¹ и, наконец, Ассон Степанов, имеющий в своём семействе 1 ½ души – 5 руб. 8 ½ коп.³² У Ассона были ещё и недоимки за прошлый год в размере 8 руб. 49 коп.³³ В Податной тетради самарского мещанского общества указывались: номер семьи по ревизской сказке, сколько глава семьи обязан заплатить по приговору общества (государственных податей, недоимки, текущего платежа, на общую земскую повинность, земского капитала, на народное продовольствие, на постройку присутственных мест, тюрем, общественных сборов), число душ по окладу и сколько уже заплачено³⁴. К примеру, Андрей Фёдоров Бутырский, имевший в своём семействе 1 ½ души, должен был заплатить в 1852 г. 4 руб. 67 коп., а Дмитрий Андреянов Канаев, имевший 6 душ – 18 руб. 69 коп.³⁵ В 1855 г. по Окладной книге самарского мещанского общества в окладе было 6555 душ³⁶.

В 1855 г. для сбора рекрутской суммы по 12-му частному и общему наборам с души, состоящей в окладе, собирали по 20 коп. серебром³⁷, о чём был извещён рекрутский староста Чегодаев³⁸. Податным старостой в самарском мещанском обществе в 1855 г. был Гордеев, который в специальную Учётную тетрадь фиксировал все недоимки, начиная с 1852 г.³⁹ Только кто-либо оказывал-

ся приписанным к самарскому мещанскому обществу, его тут же вносили в оклад податей⁴⁰.

Учёт мещанских семейств, связанный с налоговыми сборами, показывал постоянную текучесть и изменение их состава. Так семейство Александра Семёнова Гусакова, состоящее из трёх душ, его и двух братьев, поменяло свой состав на одну душу: сам Александр был сослан в Сибирь, другой его брат ушёл по найму в рекруты⁴¹. Кто-то покидал семейства, отправляясь учиться к лекарям, кто-то устраивался на работу в московское пожарное депо, кто-то переходил в купечество, кто-то находился в безвестной отлучке, кто-то оказывался блаженным («убогим»)⁴². Чаще всего встречались записи в окладном реестре: «помер», «в рекруты», «в Сибирь», «стар», «в купцы»⁴³. Подобное изменение статуса вело за собой изменение суммы податей. Цифры в податной тетради самарского мещанского общества не фиксируют точную денежную сумму, лежащую на семье, так как в неё включались и разного рода недоимки за прошлые годы. Если судить по данному документу, то за одну душу в год (1857) нужно было заплатить 3 руб. 41 коп., за 1 ½ души – 5 руб. 11 ½ коп., за две души – 6 руб. 82 коп., за 3 ½ души – 11 руб. 93 ½ коп., за 4 души – 13 руб. 64 коп.⁴⁴ По данным на 29 декабря 1857 г., со всего самарского мещанского общества было внесено в самарское уездное казначейство разных податей, повинностей и недоимок на сумму 4380 руб. 91 коп.⁴⁵ Более подробно количество податей и повинностей с мещан было описано в учётной тетради за 1857 год. Каждая душа должна была сдать за 1857 год: 2 руб. 38 коп. податей, 60 коп. государственной земской повинности, 5 коп. хлебного капитала на продовольствие, ½ коп. губернской повинности, 3 руб. 41 коп. общественного сбора⁴⁶. Общественный сбор слагался из «следующих надобностей»: на квартиру первого приходского училища, на содержание второго приходского училища, на выезд в уезд депутатов для следствия, на жалование общественному писарю, на издержки, «потребные для исправления порочных», на наём лошадей для отправления подводной повинности, на содержание мальчиков, обучающихся в московском пожарном депо и в Самаре, на оспопрививатель и на непредвиденные общественные надобности. В данном

документе указаны были более подробные данные о мещанстве Самары: с 7402 душ собрано в 1857 году 28995 руб. 42 $\frac{1}{2}$ коп.⁴⁷

По указам из думы податному старосте за 1857 г. можно выявить круг мещанских расходов: «для постройки цейхауса, на квартиру первого приходского училища по 3 коп. с души, на содержание второго приходского училища по 5 коп. с души, на содержание депутатов при производстве следствия, в которых причастны мещане по 1 коп., на жалование общественно-го писаря по 4 с половиной коп., на издержки, потребные для исправления порочных мещан по 2 коп., на наём лошадей для отправления подводной повинности по 12 коп., на содержание мальчиков, обучающихся в пожарном депо, и оспопрививателей по 6 коп., на непредвиденные по общественной надобности расходы по 4 коп. с души»⁴⁸.

Отдельная памятная тетрадь в фонде самарской мещанской управы была посвящена «записке денег», взыскиваемых с «бывших сенгилеевских ямщиков», ныне самарских мещан⁴⁹.

Цифры, касающиеся мещанской повседневности, отображены и в тетрадях Приговоров мещанских обществ. Из них становится известно, что приговором общества мещан города за 1855 г. было решено, что с каждой души нужно будет собрать за год 2 руб. 38 коп. государственных податей, 60 коп. государственных повинностей, $\frac{1}{2}$ коп. губернских повинностей, 5 коп. на народное продовольствие, 10 коп. на содержание семейств бессрочно отпусковых, вызванных на государственную службу, 3 коп. на содержание первого приходского училища, 5 коп. на содержание второго приходского училища, 8 коп. на содержание мальчиков, обучающихся в московском пожарном депо, и мальчиков, обучающихся в самарском оспопрививании, 1 коп. на выезды в уезды депутатов на следствие, 2 коп. на мещан порочных, отправляемых для исправления поведения, 8 коп. на воспомоществование семействам, отданных в рекруты по жеребьёвке, 4 коп. обществу писарю, 10 коп. на государственное ополчение, 3 коп. на обгородку кладбища на новом месте⁵⁰.

Мещане, относясь серьёзно к месту завершения своего жизненного пути, периодически объявляли сбор средств на «обгородку» кладбища⁵¹.

Обычно такой документ мещанского делопроизводства, как Податная тетрадь, не несёт каких-либо знаков авторской рефлексии составителя. Поэтому особенно выпукло смотрится запись – молитва, сделанная в начале «Книги податного старосты на 1854 г. принимаемой им денежной суммы с мещан г. Самары следующей с них подати и повинности»: *«Благословише венец лета, благости твоя Господи!»*⁵². Так начинается церковное песнопение, посвящённое празднованию новолетия. Венец лета – это круг года. Церковь испрашивает благословение на продолжение жизни, на совершение ещё одного годовичного круга, на повторение времён года. Такого же благословения испрашивает и податный староста в бесконечном круге годовых цифр, связанных со сословным налоговым бременем. Вообще, несмотря на то, что сознание горожанина во многом становится более рационалистичным, менее связанным с религиозной духовностью, особенно того горожанина, вся повседневность которого пронизана миром денег, многие постоянные словесные формулы, принятые в сословном делопроизводстве, походят на строки молитв. Когда мещане пишут в бумагах «во власть» фразу «я и дети мои», это напоминает текст молитвы: «Боже, Тебе молюся, дай мне веселие и радость о моих детях и сподоби мне предстати с ними на Страшном суде Твоём, с непостыдным дерзновением сказать: «Вот я и дети, которых ты мне дал, Господи»⁵³.

Кроме Податной тетради, все виды денежных повинностей мещан расписывались в книгах на записку принимаемой податным старостой денежной суммы в подати и повинности мещан города⁵⁴.

Власть распространяла постепенно своё право собственности даже на такую сторону повседневного мещанского быта, как стирка белья в прорубях Волги. В 1854 г. Самарская губернская дума объявила, что *«находящиеся на реках Волги и Самары проруби, водопои и платьемойки, с утверждения Губернского начальства отданы в оброчное содержание мещанам: Егору Пигасову и Василью Кошелеву, коим представлено за водопой скота и мытьё белья производить сбор по нижеследующей таксе: за водопой одной и двух лошадей $\frac{1}{4}$ коп. серебром, от трёх до шести лошадей – $\frac{1}{2}$ коп. серебром, за водопой коров, быков – 1 коп., принося-*

щих бельё на руках – 1/3 коп. Примечание: 1. сбор за водопой скота из прорубей допускается только в течении зимы 2. за черпание воды из прорубей не взимается никакой платы 3. за мытьё белья на портомойных плотах обязаны платить все без изъятия жители г. Самары»⁵⁵.

В 1863 г. подушная подать с мещан была отменена. Вместо неё был введён общий для всех городских обывателей налог с недвижимых имуществ, к которым относились дома, фабрики, заводы, бани, пустопорожние места, огороды, сады, оранжереи⁵⁶. Его не платили лишь не владевшие недвижимостью в городах мещане, жившие в сельской местности и в Сибири. Все они продолжали платить подушную подать. Указом Сената от 18 мая 1882 г. прекращалось взимание подушной подати с мещан, проживающих в сельской местности⁵⁷. Вместо подушной подати с ревизской души мещане стали⁵⁸ уплачивать в казну «окладные сборы» с каждого члена семейства⁵⁹. Недоимки мещан фиксировались в окладных книгах⁶⁰.

Все городские общественные учреждения, как дума, так и мещанская управа, были озадачены тем, как собрать с мещан недоимки. Городская дума «делопроизводственно размышляла»: *«Из Городской Думы постоянно производятся выдача мещанам разных документов: письменных видов на отлучку из города и промысловых билетов, свидетельств на мелочный торг, разрешений и удостоверений по открытию питейных заведений, постоялых дворов, свидетельств на трактирные заведения и других необходимых для мещанского класса удостоверений, а в особенности с наступлением ноября получение торговых на 1864 г. документов, для торгующих делается обязательным. Между тем, усматривая из отчётов Податного старосты, что по податям и повинностям на мещанах оказывается недобор в значительном количестве... не выдавать мещанам... до уплаты податей... никаких документов»⁶¹. Но на отправку в Москву на коронацию Александра II городского головы Умнова денег было не жалко: в общей сумме городское общество израсходовало 4153 руб. 2 коп., из них на серебряное блюдо и солонку – 3000 руб.; на проезд со служителями в Москву – 154 руб. 80 коп.; за квартиру – 300 руб.⁶²*

Общественные сборы на удовлетворение частных нужд мещанского общества могли быть введены лишь на основании общественных приговоров. В вынесении приговоров принимали участие все наличные мещане-хозяева, имеющие свои дома, лавки и вообще недвижимую собственность. Приговоры утверждались губернатором в тех местах, где не было введено Городовое положение 1870 г. В Пензе, к примеру, для составления общественных приговоров по раскладке повинностей были избраны мещанские депутаты⁶³. Мещанские управы вели Журналы о приходе и расходе сумм мещанского общества⁶⁴.

В 1874 г. мещане Самары просили Государственный банк выдать им сумму в 6010 руб. 72 коп. от положенного в банк продовольственного капитала на сумму 4998 руб. 92 коп. под проценты⁶⁵.

Жалование председателя мещанской управы Самары в 1875 г. составляло 600 руб., члены управы получали по 300 руб. На наём писцов расходовалось 800 руб., на канцелярию – 200 руб., на канцелярские принадлежности – 250 руб., на наём десятников для управы – 444 руб., на лечение бедных мещан в больнице – 300 руб., всего – 3494 руб.⁶⁶ С этого года мещане перестали собирать подводную повинность, так как она стала вноситься в смету земства⁶⁷.

В 1878 г. председателю мещанской управы в качестве зарплаты в год решено было выделить 700 руб., членам – по 400 руб.⁶⁸ В 1880 г. писцы мещанской управы жаловались, что они *«получали содержание несоответствующее трудам нашим»*⁶⁹, особенно *«по нынешней дороговизне»*, *«наград же в управе, как это бывает в других присутственных местах не бывает»*⁷⁰. Решили им выдать единовременно 100 руб..⁷¹

Жалование мещанского старосты в 1888 г. в Самаре понизилось до 500 руб., но члены мещанской управы всё так же получали по 400 руб. в год⁷². Такие же зарплаты сохранялись и в 1890 г.⁷³

В 1890 г. мещанских продовольственных капиталов по Самарской губернии было собрано на сумму 21297 руб. 84 ½ коп.⁷⁴ В 1895 г. – 22024 руб. 35 ½ коп.⁷⁵ А в 1896 г. – 22232 руб. 29 ½ коп.⁷⁶

Из Книги по описи самарской мещанской управы на записку расхода сумм на общественные потребности и лечение бед-

нейших общественников в 1899 г. видны статьи расходов. Деньги шли на объявления в газете о собраниях мещанского общества, на почтовые марки, на жалование служащим управы. На содержание мещанской управы за январь 1899 г. поступило 165 руб. 51 коп.⁷⁷, за февраль – 132 руб. 8 коп.⁷⁸. Председатель управы, Уваров, получил за февраль 1899 г. 58 руб. 33 коп., члены управы – по 41 руб. 67 коп., письмоводитель – 58 руб. 33 коп., писцы – 33 руб. и 20 руб., сторож – 15 руб., десятник – 15 руб.⁷⁹ В Оренбургскую губернскую больницу было отправлено 17 руб. 12 $\frac{3}{4}$ коп. за лечение мещанки г. Самары Прасковьи Елисеевны Ефимовой⁸⁰. Священнику за привод к присяге собрания мещанского общества было уплачено 1 руб.⁸¹ За переплёт «Семейных списков» заплатили 21 руб.⁸² В марте этого же года жалование членам мещанской управы Самары оставалось таким же. За лечение самарского мещанина в больнице земства было перечислено в губернскую управу 1 руб. 40 коп.⁸³ Поступление денег в капитал мещанского общества во многом было связано с платой за перечисление в самарские мещане⁸⁴.

По Наряду приговоров, постановлений самарского мещанского общества за 1896 г. выясняется, что недоимки за лечение бедных мещан в 1894 г. составили 7865 руб. в иногородних больницах, а в больнице самарского земства – 11294 руб. Таким образом, в целом к 1895 г. долг составил 19159 руб. Постановили для уплаты долга взимать со всех наличных плательщиков от 18-летнего возраста и выше, принадлежащих к мещанскому обществу Самары⁸⁵.

Из окладной книги за 1900 г. видно, что недоимки в основном связаны с общественными повинностями, больничным сбором и окладом на содержание мещанской управы⁸⁶. Общественные повинности были достаточно острым для мещан вопросом. Как отмечают в своём исследовании Н. А. Иванова и В. П. Желтова применительно к мещанскому обществу Ростова-на-Дону, в результате общественных платежей «беднейшие члены общества платят нередко гораздо более состоятельных однообщественников, почему живущие на стороне многие бедняки не могут получать паспортов, по неимению средств уплатить оклад нередко подвергаются по распоряжению сословных и полицейских

властей продаже своего скарба – имущества за неуплату числящейся за ними общественной недоимки, а следовательно, почти полному разорению или остаются как беспаспортные, без найма и работ»⁸⁷.

Из журнала о приходе, расходе и наличности всех сумм мещанского общества на 1900 г. видно, что, к примеру, за февраль приход составил 1326 руб. 61 коп., а расход – 1313 руб. 38 коп. За январь того же года приход – 930 руб. 2 ½ коп., а расход – 510 руб. 18 коп.⁸⁸ И за все остальные месяцы года приход стабильно превышал расход⁸⁹. Жалование председателя мещанской управы в 1903 г. составляло 700 руб. в год⁹⁰.

Кроме того, мещанские управы вели Книги на записку прихода и расхода общественных повинностей по содержанию мещанского Управления и другие по нему расходы; процентов (полученных с капитала общества, хранящегося в банках); больничного сбора, поступившего на лечение мещан города и поступивших от разных лиц при причислении в мещанство в капитал обеспечения исправного платежа общественных повинностей⁹¹. За январь 1905 г. на содержание мещанского управления г. Самары поступило 305,97 руб. и больничного сбора 75,15 руб. Расходовались эти средства на зарплату мещанскому управлению, на отправку телеграммы верно-подданнического адреса по поводу начавшейся войны с Японией, на панихиду по почившему Великому князю Сергею Александровичу и на лечение мещан в Приказе общественного призрения⁹². Фактически цифры косвенно отражают уровень политической активности сословия. За весь 1905 г. мещане г. Самары не выразили своё отношение к политическим событиям в стране никоим образом, за исключением сбора средств на покупку восковых свечей и на приглашение причта церкви для молебна по случаю избавления их императорских величеств от опасности в 1888 г.⁹³, поминовение данного события к 1905 г., по-видимому, уже стало традицией. Управа продолжала вести журнал о приходе и расходе сумм мещанского общества⁹⁴. На содержание мещанской управы в 1906 г. с прошлого года на 1 января осталось 36 руб. 41 коп., больничного сбора на лечение бедных мещан г. Самары – 122 руб. 74 коп., переходящих сумм – 37 руб. 72 коп., капитала от причисления в мещане – 45 руб. 25 коп., процентов с капитала Д. М. Ко-

ренева, пожертвовавшего обществу, – 55 коп., продовольственного капитала – 3 руб.⁹⁵

Цифры мещанской повседневности фиксировались и в Памятных книгах для приёма и записки податной суммы, в Памятных тетрадах мещанского общества, в Учётных тетрадах по сбору податей и повинностей с мещан города⁹⁶.

В 1911 г. общественные повинности мещанская управа Самары собрала с 19250 душ⁹⁷. Жалование председателю мещанской управы Самары в 1911 г. составляло 760 руб., членам управы – по 550 руб., письмоводителю – 700 руб., писцам – 1008 руб., сторожу – 241 руб.⁹⁸

Таким образом, первая и главная ипостась, связывающая мещан с деньгами, касалась налогов различных уровней и их фиксации в форме недоимок. Далее мы посмотрим, как выживало мещанство в мире сословных налоговых обязательств, власти, торговли и в форсмажорных жизненных обстоятельствах. Выживать – это не только иметь кров и еду. Это ещё и различные ситуации, возникающие исключительно в мире бедных и обездоленных, «униженных и оскорблённых». И это ещё один способ власти напомнить о себе. Это и форма благотворительных практик, и способ отойти в мир иной, сформулировав своё последнее «прости» в завещании. Это и привычное для простого русского человека жульничество повседневное и жульничество профессиональное. Это и возможность умереть, выраженная в денежном эквиваленте.

В 1851 г. самарской мещанской вдове Варваре Свешниковой было отказано в просьбе причислить к её семейству незаконно-рождённых детей. Но платить пришлось и за отказ. Власть в лице Симбирской казённой палаты потребовала с неё за два листа гербовой бумаги, на которых был написан отказ, заплатить 60 коп. серебром. И так как она не заплатила, деньги стали с неё требовать через полицию города⁹⁹.

Самарский мещанин Апполон Фролов Флоров отдал в Приказ общественного призрения 100 руб. серебром на благотворительность, но таким образом, чтобы проценты с этого капитала шли в уплату его податей.

В 1855 г. 28 января в присутствии Словесного суда Самары явился мещанин Фёдор Максимов Ильин и предъявил жалобу

на мещанина Анисима Филиппова Шигаева. Суть жалобы заключалась в следующем: «я Ильин 7 января сего года купил у самарского мещанина Анисима Шигаева... говяжьего сала 200 пудов по 2 руб. 60 коп. серебром за пуд с тем, чтобы означенное сало было доставлено 9 числа сего же января; в задаток чего выдано мною Ильиным ему Шигаеву 10 руб. серебром чему были свидетелями Самарский купец Митрофан Евсеев Уваров и мещанин Артамон Данилов. Но купленное сало 200 пудов Шигаев мне до сего времени не доставил, то чтобы не остановить в ходе Свечносальный завод, я купил такое же количество но уже пополам с бараниной и по 9 руб. 62 коп. а на серебро по 2 руб. 14 коп., от какой неустойки Шигаева в доставлении мне сала я понёс убытку 43 руб. серебром да задаточный 10 руб. а всего 53 руб. серебром. Таковую сумму прошу Торговый суд с Шигаева взыскать и меня оными удовлетворить»¹⁰⁰. Словесный суд постановил: «позвать в словесный суд мещанина Шигаева и потребовать от него ответ противу жалобы Ильина»¹⁰¹. Ильин был вызван в суд и отвечал невнятно о том, «что хотя и было... с Ильиным условие... но задаточные деньги 10 руб. дал чтобы я сам приискал сало если не найду то верну 10 руб...»¹⁰². Суд постановил взыскать с Шигаева 53 руб. в пользу Ильина и чтобы полиция всё проконтролировала. Словесные суды были введены в XVIII в. для разбора торговых дел, а упразднены во второй половине XIX в. В состав словесного суда, как правило, входили выборные от купечества.

В 1871 г. два мещанина Самары, Иван Ефимов и Никита Осипов Калинины, были приговорены съездом мировых судей к тюремному заключению на месяц «за сбыт фальшивого кредитного билета 10 руб. достоинства»¹⁰³. Червонец был один, а срок получил каждый. Так как мир мещанского общества был неотделим от мира денег, тщательно вписываемых в документацию, равно как и вписанных в контекст их повседневности, к мещанскому старосте приходили периодически секретные циркуляры с описанием фальшивых кредитных билетов, бытующих на рынках города и в обороте, в частности «5 рублёвого достоинства седьмого рода подделки. Бумага тонкая, красная, без внутренних знаков. Личная пропись, украшения... и обратная пропись частью рисованы и травлены, частью резаны по камню... Из числа ошибок

более грубых можно указать на следующие: цифры, означающие год и номер, другого рода, чем на настоящих билетах...»¹⁰⁴.

Можно сказать, что для бедных мещан умереть стоило 6 руб. 15 коп. Так за лечение в больнице Приказа Общественного призрения и за погребение мещанки Прасковьи Бобровой потребовали с мещанского общества города данную сумму¹⁰⁵.

Деньги служили для некоторых мещан эквивалентом родных детей. От детей зависела старость. Когда человек обрекался на дряхлость, болезни и бедность в силу жизненных обстоятельств, единственной надеждой для него являлась семья. И если он по каким бы то ни было причинам оказывался лишённым и её, выхода другого не было, как только просить власть о материальной помощи, выстраивая достаточно циничную взаимосвязь между ребёнком и деньгами. У мещанина Федота Алексея Колесникова в 1869 г. забрали в рекруты единственного сына. В 1871 г. отец пишет прошение о том, что за сына *«по настоящее время не получил никакого пособия... а как в настоящее время по преклонности лет имею слабое здоровье и чувствую постоянную боль по всему телу, но в поддержании домашнего хозяйства более других детей, кроме Степана, не имею, то дабы не расстроить домашнее положение прошу возречь на бедное моё положение и неблагоугодным будет пожертвовать в вознаграждение за сына моего какое-либо денежное пособие единовременно»¹⁰⁶. Мещанское общество в большинстве случаев отрицательно реагировало на подобные просьбы о денежном вознаграждении. Более того, в данной ситуации рассудило: Колесников ходатайствует о денежном вознаграждении уже не первый раз. В прошлый раз общество решило предоставить ему место в богадельне. Раз он не воспользовался этим, значит, в этот раз вместо вознаграждения лишили его и места в богадельне¹⁰⁷.*

О безысходном финансовом положении некоторых мещанских семей свидетельствует письмо женщины, самарской мещанки: *«Вспресветлейший, державнейший, великий Государь Император Николай Павлович, самодержец всероссийский, государь Всемиловейший! (данное обращение отпечатано, что даёт основание предположить, что это уже готовый официальный бланк. – Прим. авт.) Просит жена отпущенника ... Ивана Ефимо-*

ва Соловьёва, Федора Иванова, о чём моё прошение, тому следуют пункты:

1-е Муж мой отпущенник... по постановлению Самарской городской думы от 1850 г. Указом Симбирской казённой палаты причислен в самарское мещанство с 6-летней льготой от податей 2-е В будущем 1855 г. истекает означенный срок и муж мой должен будет платить подати и отправлять прочие повинности наравне с мещанами г. Самары, между тем он, одержимый падучей болезнью и лишившийся рассудка так что не может ничем заниматься и не только приобретать трудами подати но и содержать себя имея с двумя малолетними детьми и если бы в настоящее время не принял бы к себе и не дал содержания и приюта господин Макавич (бывший владелец. – Прим. авт.), то я вынуждена снискивать пропитание подаянием, о чём объяснила Всеподданнейше прошу дабы повелено было избавить мужа моего до совершеннолетия сына Александра от уплаты податей и всех повинностей как денежных, так и натуральных. 1854 г.»¹⁰⁸.

Через сызранскую полицию был найден самарский мещанин Иван Иванов Спорышков, с которого самарская городская дума требовала заплатить числящуюся за ним недоимку в размере 5 руб. 42 коп. Это оказался мальчик. От его имени кто-то неизвестный писал в думу: «...имею честь объяснить что я недоимку эту по малолетству и бедному состоянию своему заплатить не могу впредь до совершеннолетия своего подати уплачивать никак не в силах тем более что я при себе ближних родственников не имею для пособия мне в платеже оной недоимки кроме престарелой матери моей самарской мещанки Натальи Александровны Сорышковой, а когда достигну возраста дозволяющего приобретать собственными трудами, тогда от платежа податей не откажусь а дотого времени прошу покорнейше самарскую градскую думу взыскиваемую с меня недоимку и текущий платёж подати сложить по той причине что я ещё и пропитываюсь ныне чужим пособием Руку приложил...»¹⁰⁹.

Дело 1858 г. о взыскании недоимки с мещанина г. Самары Андрея Данова началось с того, что Приказ общественного призрения потребовал с него 40 руб. за содержание в больнице Приказа его дочери Александры и за лечение её в Симбирском доме

для умалишённых по 2 руб. 89 коп. в месяц¹¹⁰. Данов был не в состоянии уплатить требуемые с него деньги, так как *«кроме дворового пустопорожнего места, на котором есть деревянный флигель и прочие строения»*, сдающиеся квартирантам, у него ничего нет. *«По справке в Самарском Приказе общественного призрения оказалось: в указе Правительствующего Сената 15 января 1857 г... сказано, что плата за содержание в больницах бедного звания лиц, в т.ч. и неимущих мещан, в том городе где учреждена больница должна производиться на том основании примечания к 480 ст. общ. губ. учреж. сообществе сословий, к которым принадлежат призреваемые»*¹¹¹. Как видно из документа, платить за лечение должно было мещанское общество города. Но мещанское общество Самары платить за Данова отказалось, предложив ему *«продать пустопорожнее место и деньги выслать в Приказ»*, так как *«Данов пользуется с дома квартирными деньгами»*¹¹². Так как Данов отказывался продавать дом, мещане постановили взыскать с него деньги *«полицейскими мерами»*¹¹³.

А вот за отправленную в больницу мещанку Прасковью Макаричеву муж *«решительно»* отказался платить 5 руб., сказав, что *«проживая в работниках, он ещё не уплатил податей за первую половину сего года, а в отношении отправления в больницу, он её в больницу не отправлял... платить не обязан»*¹¹⁴. Сама же Прасковья так же сообщила, что платить не желает, так как *«была отправлена в больницу не по желанию ея, а вследствие произошедшей ссоры с мужем, и будучи здоровою – в больнице ничем не пользовалась»*¹¹⁵. Мещанскому обществу оставалось производить собственное расследование: из какой полицейской части она была отправлена в контору больницы и по чьему ходатайству¹¹⁶. Таких проблем, связанных с уплатой за содержание в больнице бедных мещан, их излечение или погребение, мещанскому обществу приходилось решать много¹¹⁷.

Бедность – обратная сторона мира денег. Бедность многих мещан толкала их на всевозможные хитрости, позволявшие уменьшить число податей и повинностей, выпадающих на семью. Так мещанка Федора Крупнова просила исключить её мужа Потапа из числа работников по сумасшествию. Но контора самарской больницы сумасшедшим его не признала, утверждая, что он

правильно отвечает на все вопросы и во время своего пребывания в больнице *«вёл себя как человек в здоровом уме»*. Отсутствие правильной речи врачи объяснили болезнью языка. И сделали вывод, что он вполне здоров для того, чтобы числиться работником¹¹⁸.

Среди определённой части городского мещанства было распространено занятие сбором милостыни. Нередко полиция забирала их с улиц и отправляла в думу для разбирательства¹¹⁹.

Одни мещане просили на улицах подаяние, другие – выступали благотворителями. Это не был купеческий размах. В духовном завещании мещанина В. П. Орлова находит отражение психология рачительного и бережливого обывателя. В 1879 г. своим духовным завещанием Орлов передавал капитал и недвижимое имущество *«бедным на подаяния и богоугодные места»*¹²⁰. Орлов был бездетным вдовцом. Он писал: *«За поминование после моей кончины оставляю: за годовую службу на три церкви – 2000 руб. Из оной суммы – бедным на подаяние»*¹²¹. Своему внуку и крестному сыну саратовскому мещанину Смирнову он передавал каменный дом с пристройкой в с. Балаково, а также 40 штук билетов 5% с выигрышем государственного внутреннего займа. Если внук умрёт, оговаривалось в завещании, то всё пожертвовать *«на богоугодные места»*¹²². Купчую крепость на землю Орлов оставлял также своему внуку *«во владение»*. Дальше шло уже менее ценное имущество: *«платья моего носильного распределяю по реестру на оборот сего завещания Алексею Яковлевичу и Анне Фёдоровне Ансеровым завещаю им моё награждение положить в Саратовский банк на вечно 4000 руб. и в продолжении их жизни% с оной суммы должны получать Ансеровы, а по смерти их оные билеты передать в Балаковскую кладбищенскую церковь для содержания бедных при богадельни оной церкви, пользоваться вечно процентами с оных билетов. Племяннице моей Вьюшковой определяю: билет Саратовского банка на 1500 руб. и купчую крепость на участок земли крестьянина... заложенного мною за 1700 руб... Сестре... – 10 билетов 5% государственного внутреннего займа. Крестьянину с. Балаково Ивану Ларионовичу Вьюшкову определяю две шубы бобрового меха и чёрною медвежью, крытые сукном... столовое и чайное серебро и носильные платья оставляю внуку...»*¹²³.

Мещане занимались благотворительностью по-мещански, спрогнозировав будущее своих денег до 1952 года. Кто же мог предвидеть, что в стране произойдёт революция! В 1902 г. самарский мещанин Дмитрий Михайлов Коренев сделал заявление, озвученное перед обществом мещан председателем управы Евсеевым. Коренев выразил желание пожертвовать билет внутреннего с выигрышами займа Государственного банка и билет Самарского общественного банка самарской мещанской управе на следующих условиях: «1. жертвуемые билеты поступают в собственность управы на 50-летний срок 2. В случае выигрыша билет Государственного Банка в течении вышеозначенного срока смотря по сумме приобретает ещё 15 новых выигрышных билетов по 5 каждого займа. Оставшиеся от покупки деньги положить вечным вкладом в Государственный Банк и таким образом увеличить капитал до 50 тыс. руб. общая сумма вечного вклада 3 % на выше означенный капитал расходовать ежегодно на нужды выходящих замуж бедным девушкам мещанского и крестьянского сословия Самарской губернии законного и незаконного происхождения и без различия вероисповеданий. Выдачу производить перед Новым годом и праздником Святой Пасхи 4. Порядок раздачи: каждой девушке при выходе замуж выдавать на руки 50 руб. и 100 руб. положить на вечный вклад в Государственный банк круглым сиротам вклад делается на 500 руб. справом пользоваться процентами 5. правом получения вышеозначенного пособия имеют преимущественно только девушки находившиеся в услужении у одних хозяев не меньше года на что должно быть удостоверение им в качестве горничных, кухарок, нянек, бон, а также в ремесленных мастерских... и разных благотворительных учреждениях в качестве служащих получают не более 10 руб. в месяц. Преимущественно в пособия оказать девушкам, не получившим никакого образования (безграмотным)»¹²⁴. Далее следовали два пункта о манипуляциях банковских с выигрышными билетами, из которых вытекал пункт № 9: «если поднимутся в цене и будет излишек», обратить его «на нужды мещанского сословия: устроить ремесленную женскую школу, похоронную кассу, квартиры для бедных девушек, ищущих работы или по болезни лишившихся мест, школу кройки, дачу для больных и слабых, женскую сифилитическую

*больницу»*¹²⁵. В фонде мещанской управы Самары подобных завещаний больше не встретилось. Можно предположить, что и для самих членов управы подобное завещание явилось неожиданностью, так как последовало обсуждение, принимать ли такой дар сословию. Мещане города решили, что примут дар и следует выразить Дмитрию Михайловичу *«за проявленные им благие намерения искреннюю благодарность»*¹²⁶.

По духовному завещанию самарской мещанки Марьи Ивановны Славновой 200 руб. было завещано на Константиновскую богадельню, 200 руб. – в пользу Николаевского сиротского дома, 300 руб. – на строящийся Кафедральный собор¹²⁷.

С другой стороны, завещания становились и спорной проблемой в мещанских семьях. Так мещанка Марфа Васильева Савина обратилась в думу с жалобой на своих братьев: *«Из наследственного денежного капитала оставшегося после умершего родителя моего самарского мещанина Василия Александрова Стрельникова... хранящегося в Общественном банке всего 600 руб. серебром Самарская городская дума удержала при выдаче... братьям моим родным мещанам... 160 руб. серебром а на какой предмет мне неизвестно между тем из вышеуказанной суммы... они не имеют права пользоваться восьмой частью от участия которой они меня не показали»*¹²⁸.

«Благотворительность по-мещански» иногда вызывала у властей (в частности Приказа общественного призрения) потребность уточнить в своих обращениях к сословию: *«склонив благотворителей исполнить это доброе дело бесплатно, ... или же с платою от Приказа, но сколько можно умеренною»*¹²⁹. В данном конкретном случае речь шла о маленькой сироте Александре, чей отец, унтер-офицер, умер в больнице Приказа общественного Призрения. За неимением родственников девочка так и жила в больнице. Поэтому Приказ и обратился к горожанам, *«не пожелает ли кто из них принять на своё попечение малолетнюю сироту»*¹³⁰.

Для жителей города важным показателем было наличие недвижимой собственности. По материалам самарского мещанского общества, в 1853 г. 317 мещан имело в городе недвижимую собственность¹³¹. Мещане сдавали свои лавки в аренду. По оклад-

ным книгам городской управы видно, что это была достаточно распространённая практика¹³². Так, к примеру, мещанин Арефий Егорович Шмонин в 1913 г. сдал свою лавку в аренду Пелагее Степановне Шмониной за 1500 руб. в год, взяв в качестве залога с неё 551 руб.¹³³

Драматизацию внутрисемейным конфликтам также придавали денежные разногласия. Два года больная замужняя дочь жила в доме своего отца, самарского мещанина Антона Андреева Ефанова. Замужем же Анна была всего три года, за купеческим сыном Александром Максимовичем Кузнецовым, из них, болея, два года прожила с отцом и умерла. Муж забрал приданое жены себе и отцу ничего не вернул. Ефанов написал городскому голове прошение, чтобы ему вернули приданое дочери¹³⁴. Самарская мещанская вдова Прасковья Васильева Мельникова жаловалась городскому голове и сиротскому судье В. Е. Бурееву в том, что деверь забрал всю её собственность и не отдаёт¹³⁵. Иван Антонович Руковишников обращался в думу с просьбой разрешить ему продать спорное дворовое место¹³⁶. Василий Матвеев Дмитриев также жаловался на родню, которая вознамерилась лишить его собственности¹³⁷.

Деньги любят кошелёк. В делопроизводстве мещанской управы Самары было обнаружено портмоне. В портмоне в четверть сложенные находились два документа: свидетельство о выполнении воинской повинности матроса Рылкина и рекомендательное письмо прислуге Пелагее Рылкиной¹³⁸. В ходе «розыскных мероприятий» на смежных листах дела обнаружилась весьма скудная информация о хозяйке портмоне. В декабре 1909 г. к околоточному надзирателю 4 части г. Оренбурга обратился крестьянин деревни Родинки Костромской губернии Василий Григорьев Винокуров. Он сообщил, что проживает при мельнице Зимина в Оренбурге. 24 ноября, когда он отсутствовал дома, «*неизвестно куда скрылась кухарка*» его Пелагея Рылкина, оставив свои документы и «*по сие время не возвращается*»¹³⁹. В портмоне находилось письмо из справочной конторы г. Оренбурга, адресованное Винокурову, с рекомендациями кухарки Пелагеи Рылкиной. На оборотной стороне была сделана следующая запись: «*Живущая у нас в прислугах крестьянка Пелагея Рылкина честная, рабо-*

*тящая женщина, но по временам выпивает»*¹⁴⁰. Муж Пелагеи, как видно из свидетельства о воинской повинности, в 1884 г. был уволен в запас от службы из-за хронического катара лёгких, происходил из мещан г. Самары, плавал на корвете «Боярин», в воинских компаниях не участвовал. Был повенчан законным браком с девицей Пелагеей уже после увольнения со службы. Больше никаких сведений о владелице портмоне обнаружить не удалось.

И, наконец, связь мещанства с деньгами определялась их сферой занятости: мелкое торговое предпринимательство. Чтобы торговать на берегу Волги, на самом бойком месте около пристани, надо было заплатить в думу за торговые места¹⁴¹.

Для многих мещан города бедность доходила до такого отчаянного уровня, что они обращались в мещанскую управу для выдачи им свидетельств о бедности. В 1870-е гг. отставной бомбардир Григорий Ларионов, причисленный в самарское мещанство, писал в своём прошении: *«Покорнейше прошу мещанскую управу выдать мне свидетельство о моей бедности, несостоятельности и неимении никаких средств к жизни»*¹⁴². В это же время другим удавалось заработать необходимое количество денег для того, чтобы подняться по социальной лестнице и записаться в купечество. Самарский мещанин Иван Филатов писал в управу: *«По постоянному проживанию моему в г. Казани где я занимаюсь торговлей и имею свой дом – ныне с женою с согласия родителя своего... перечисляемся в Казанское купечество»*¹⁴³.

В 1900 г. мещанская управа постановила взыскать с проживающей в Дербенте мещанки г. Самары Марии Коротковой госпитальных недоимок за лечение в Дербентском лазарете 36 руб. 43 коп. Постановить постановили, но средств у неё никаких не было. Мария *«поддерживала своё существование»* подаянием *«с добрых людей и по болезненному состоянию она не способна к личному труду, движимого и недвижимого имущества в г. Дербенте не имеет, а равно нет у неё здесь ни близких, ни дальних родственников»*¹⁴⁴. В лазарет её положили с хроническим воспалением матки и яичников, которое обострилось и доставляло ей невыразимые страдания. Поэтому не лечить Марию врачи не могли, как не могли и завершить лечение, так как, находясь в больнице с ноября по февраль, она так и не нашла денег на ле-

чение. В страданиях Мария жила и до того момента, как управа вознамерилась взыскать с неё деньги за лечение. Более того, работать самостоятельно она уже тоже больше не могла¹⁴⁵.

Мещане из-за денег готовы были выносить ссоры и разногласия в пространство судебных разбирательств. Это была такая словесная группа, для которой, как и для смежной с ней купеческой страты, «отношения между богатством и деньгами устанавливались в обращении и обмене»¹⁴⁶. В 1897 г. через поверенных в Самарском окружном суде решалось дело о том, как купец П. Виноградов дал мещанину И. Медведеву 500 руб. в долг и не мог получить их обратно¹⁴⁷. А иногда требование денег с мещан так и терялось в пространстве «мещанских кочевий»: с мещанки города Самары пытались взыскать 9 руб. 43 ½ коп. «за пользование и погребение мужа ея», но так и не нашли¹⁴⁸.

Чтобы уж не исчезли, не заплатив, те, кто находился в доступности властных структур, применяли порой такие меры, после которых мещане жаловались в суд, требуя судебных разбирательств. Так мещанин Пётр Матвеев Матицын написал Прощение уездному стряпчему начать дело о преследовании всех тех, кто поступил с ним оскорбительно. 5 декабря по распоряжению Самарской городской думы полицмейстер г. Самары выслал за Матицыным полицейских с тем, чтобы они доставили его силой в городское полицейское управление. Пётр Матицын проживал в собственном саду в семи верстах от Самары. С его слов, прибывшие полицейские «взяли меня как учинившего какое-либо преступление, представили в городское полицейское управление, откуда меня отослали ... (под присмотром всё тех же полицейских. – Прим. авт.)... в Самарскую Градскую Думу... где податный староста потребовал с меня подушной подати, как за себя, так и за сына, живущего от меня (отдельно)... а когда я отказался в платеже (сославшись на преклонность) своих лет, которых в настоящее время я имею более 60 лет, а сын мой кроме себя работников ещё имеет двух, то староста стал стращать меня посадить в тёмную холодную комнату... требовали с меня за сад недоимку будто бы в 200 руб. серебром, а когда я стал убеждать, что 1) за мной не то количество... денег 2) просил сделать рассрочку, то никакого снисхождения мне не сделали что я считаю себе за величайшее стеснение

а со стороны неправильности... за сына я не обязан платить а он обязан по самую смерть содержать меня... Ни полицейское управление, ни Городская Дума не должны делать притязания и задерживать под присмотром как какого-либо преступника, что противу не только Закону, но и здравому рассудку»¹⁴⁹. В данном отрывке мещанского текста мы обнаруживаем не только методику власти по добыванию недоимок, но и уже совершенно рациональную форму поведения горожанина. Причём в этой ситуации горожанин не уповает на своё мещанское общество для защиты своих интересов, а отправляется напрямиком к стряпчему, чтобы юридическим путём наказать тех, кто оскорбил его как личность, как гражданина, обладающего презумпцией невиновности, и как человека, у которого пострадало чувство собственного достоинства. Данный пример – один из многих, иллюстрирующих процесс, названный Б. Н. Мироновым как «развитие индивидуалистической личности» в России¹⁵⁰.

Самарский мещанин Дмитрий Егоров был уволен в запас из второго закаспийскоко железнодорожного батальона в 1892 г., сроком по 1 января 1906 г. В 1893 г. он женился на мещанской девице. Брак оказался недолгим, так как жена его умерла от алкоголизма в 1896 г. В этом же году Егорова вызвали на учебный сбор в Астрахань. Из рекомендаций его начальства в отношении амуниции можно представить, сколько стоило отправиться на войну: «Если Д. Егоров по призыве на действительную службу, принесёт с собою собственные сапоги с голенищами не короче девяти вершков и бельё, годное к употреблению, то по прибытии его в войска, вещи эти могут быть зачтены в казну, а ему уплочены будут за эти вещи деньги. На период времени до 1 января 1894 г. цены назначены: за пару сапогов 5 руб., за 1 рубашку 50 коп. и за 1 исподние брюки – 35 коп... Кроме того, если призыв будет объявлен с 1 сентября по 1 февраля, то за принесённые с собой годные тёплые вещи будет уплачено: за полушубок 4 руб., за рукавицы 26 коп., за наушники 11 коп. и за суконные портянки или взамен их шерстяные чулки или носки по 72 коп.»¹⁵¹.

По суду мещанке Е. С. Трофимовой удалось взыскать со своего «блудного» мужа сумму по 5 руб. в месяц, которую он должен был ей выплачивать на протяжении 10 лет¹⁵² (с 1913 г. по 1923 г. –

мужа спасла от уплаты революция. – Прим. авт.). *«Вот уже девять месяцев прошло с тех пор, – писала Трофимова в суд, – как муж мой Ставропольский мещанин Владимир Кузьмин Трофимов меня бросил с малолетним ребёнком на руках, которому в настоящее время всего 12 месяцев и какового я пропитывать не в состоянии и не имею никаких средств к жизни муж мой в настоящее время находится на должности писца в г. Самаре в первой части у помощника пристава и мне ничего не присылает из своего заработка для прокормления ребёнка Я уже потеряла всякую надежду, что муж мой вернётся или хотя бы прислал денег на содержание ребёнка Третий раз как уходит мой муж от меня, что могут подтвердить ставропольские мещане... Покорнейше прошу окружной суд присудить с мужа... хотя бы по 5 руб. в месяц»¹⁵³. Суд не только обязал мужа платить по 5 руб. в месяц в течение 10 лет, но и заплатить 6 руб. в казну судебных пошлин и 2 руб. 50 коп. гербового сбора¹⁵⁴. *«Муж мой рядовой Илья Фёдоров Никитин, – писала в 1888 г. в думу вдова, солдатка Дарья Петрова Ильина (Никитина) Прошение, – волею Божию помер, отец же мужа моего и мой свёкор, самарский мещанин Фёдор Яковлев Никитин, из недвижимого имени его как то каменного дома, и сенокосных пожень не выделяет мне законной части наследства, почему я желаю начать дело в судебном месте и выделении мне означенной части наследства»¹⁵⁵.**

За купцами закрепились устойчивая характеристика, что они в вопросах денег «являются искушёнными людьми, и поэтому ... превосходно знают цену вещам»¹⁵⁶. Мещане по социальной лестнице находились ниже и «с трудом» открывали «немногие из окружающих» их «вещей, давая цену согласно нужде, испытываемой в каждом месте и в каждое время»¹⁵⁷. Деньги и цифры, наполняющие сословную мещанскую жизнь, обладая многими чертами сходства с купеческой «денежной» рефлексией, тем не менее семантически в большей степени подчёркивали не сходство, а социальный «водораздел», так как отражали податное состояние данного сословия, низкий социально-экономический статус и социальную незащищённость. Мещане претендовали на те же сферы экономической активности, в которых были задействованы купцы. Но мещанство, в силу своего пёстрого социального со-

става, слишком на многих «хотело быть похожим», поэтому мы имеем такой расплывчатый ментальный портрет сословия: видим в нём и черты интеллигенции, презирающей деньги, и черты дворянства, живущего не по средствам, и черты крестьянства и купечества, берегущих копеечку, и черты той части русских людей, которая неизбежно веровала в греховность денег. Границы мещанского и купеческого сословий преодолевались также с помощью денег. Из третьей гильдии купцов по г. Самаре на 1 января 1855 г. «по необъявлению капитала» было перечислено в мещанство 55 человек¹⁵⁸, по другим бумагам – 53 человека, не объявивших капитала¹⁵⁹ (в других делах – 49 человек)¹⁶⁰. Стоило делам пойти лучше, и вчерашний мещанин, заплатив гильдейский сбор, снова становился купцом.

Таким образом, акцентированность денежной сферы в жизни сословия мещан лишний раз подчёркивает их ментальное тяготение к западной цивилизации, в которой прагматизм, рационализм, материализм были постулированы стихией рынка в отличие от неизбежного экзистенциального отторжения денег как греховной сущности в традиционной русской культуре. Мещанин – город – Запад – деньги – повседневность – образ мыслей – тексты поведения. Такая цепочка отправляет нас всё к той же мысли о добропорядочном бургере, в которого должен был превратиться русский мещанин, если бы у него для этого оказалось чуть больше исторического времени, прерванного революцией, и чуть больше денег.

¹ Рубакин Н. А. Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы: опыт стат. характеристики сослов.-классового состава рус. государства. М., 2009; Суринов А. Е. Сто лет спустя. М., 2010; Успенский Г. И. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 7: Кой про что. Письма с дороги. Живые цифры: из путевых заметок. М., 1957.

² Рубакин Н. А. Россия в цифрах. С. 18.

³ Там же. С. 24–25.

⁴ Фуко М. Слова и вещи. С. 206.

⁵ ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д.1461. Л.1–6.

⁶ Там же. Д.1462. Л.1 (Об.)–12.

⁷ Там же. Д.1465. Л.61.

⁸ Там же. Л.186 (Об.).

⁹ Там же. Л.187 (Об.).

- ¹⁰ Там же. Л.186 (Об.)-188.
¹¹ Там же. Л.163.
¹² Там же. Д.1473. Л.579–579 (Об.).
¹³ Самарские губернские ведомости. 1854. № 1. С. 7.
¹⁴ Самарские губернские ведомости. 1854. № 4. С. 1.
¹⁵ ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д.1508. Л.14.
¹⁶ Там же. Л.23.
¹⁷ Там же. Д.1509. Л.2–3 (Об.).
¹⁸ Толстой А. Хождение по мукам. С. 91–92.
¹⁹ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. С. 464.
²⁰ Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России. С. 204.
²¹ Там же.
²² Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. С. 464.
²³ Там же.
²⁴ Там же.
²⁵ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.27. Л.1.
²⁶ Там же. Д.1. Л.4.
²⁷ Там же. Л.4 (Об.).
²⁸ Там же. Л.410 (Об.), 422 (Об.).
²⁹ Там же.
³⁰ Там же. Д.34. Л.70, Л. 22–365; Д. 35. Л.18 (выборочно).
³¹ Там же. Д.28. Л.1–170.
³² Там же. Д.29. Л.182.
³³ Там же.
³⁴ Там же. Д.2. Л.1.
³⁵ Там же. Д.3. Л.1, 225 (Об.).
³⁶ Там же. Д.9,10.
³⁷ Там же. Д.11. Л.1.
³⁸ Там же. Д.13. Л.1.
³⁹ Там же. Д.12.
⁴⁰ Там же. Д.13. Л.4.
⁴¹ Там же. Д.25. Л.1.
⁴² Там же. Л. 2–265.
⁴³ Там же.
⁴⁴ Там же. Д.21. Л.4–20.
⁴⁵ Там же. Д.22. Л.84 (Об.).
⁴⁶ Там же. Д.23. Л.114 (Об.)-116 (Об.).
⁴⁷ Там же.
⁴⁸ Там же. Д.24. Л.13–14.
⁴⁹ Там же. Л.73.
⁵⁰ Там же. Д.26. Л.173.
⁵¹ Там же. Д.14. Л.73.
⁵² Там же. Д. 36. Л. (не пронумерован).

- ⁵³ Молитвослов материнский. М., 2007. С. 163.
- ⁵⁴ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.30.
- ⁵⁵ Самарские губернские ведомости. 1854. № 1. С. 5.
- ⁵⁶ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. С. 205.
- ⁵⁷ Там же. С. 465.
- ⁵⁸ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.13. Л.155.
- ⁵⁹ Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России. С. 204.
- ⁶⁰ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.359, 360, 294, 295.
- ⁶¹ Там же. Ф.170. Оп. 6. Д.621. Л.563 (Об.).
- ⁶² Там же. Д.581. Л.12 (Об.).
- ⁶³ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. С. 470–471.
- ⁶⁴ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.361.
- ⁶⁵ Там же. Д.116. Л.2.
- ⁶⁶ Там же. Д.129. Л.64.
- ⁶⁷ Там же. Л.64 (Об.).
- ⁶⁸ Там же. Д.165. Л.37.
- ⁶⁹ Там же. Д.190. Л. 79.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ Там же. Л. 79 (Об.).
- ⁷² Там же. Д.242. Л.98.
- ⁷³ Там же. Д.256. Л.89.
- ⁷⁴ Приложение к Всеподданнейшему отчёту губернатора за 1890 год. Самара, 1891. С. 5.
- ⁷⁵ Приложение к Всеподданнейшему отчёту самарского губернатора за 1895 год. Самара, 1896. С. 10.
- ⁷⁶ Приложение к Всеподданнейшему отчёту самарского губернатора за 1896 год. Самара, 1897. С. 13.
- ⁷⁷ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.312. Л.1.
- ⁷⁸ Там же. Л.2 (Об.).
- ⁷⁹ Там же. Д.310. Л.4–4 (Об.).
- ⁸⁰ Там же. Л.4 (Об.).
- ⁸¹ Там же. Л.5 (Об.).
- ⁸² Там же.
- ⁸³ Там же. Л.7 (Об.).
- ⁸⁴ Там же. Д.311.
- ⁸⁵ Там же. Д.293. Л.4.
- ⁸⁶ Там же. Д.314.
- ⁸⁷ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. С. 475.
- ⁸⁸ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.317. Л.1–3.
- ⁸⁹ Там же. Л.3 (Об.)-6.
- ⁹⁰ Там же. Д.350. Л.82.
- ⁹¹ Там же. Д.362.

- 92 Там же. Л.1–11.
93 Там же. Л.23.
94 Там же. Д.364.
95 Там же. Д.381. Л.21 (Об.).
96 Там же. Д.16, Д.17, Д.18, Д.19, Д.20.
97 Там же. Д.408. Л.8.
98 Там же. Л.51.
99 Там же. Ф.1. Оп. 1. Д.259. Л.1–7.
100 Там же. Ф.217. Оп. 1. Д.26. Л.1083.
101 Там же.
102 Там же. Л.1083 (Об.).
103 ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.89. Л.454.
104 Там же. Д.24. Л.332.
105 Там же. Ф.170. Оп. 6. Д.1704. Л.3.
106 Там же. Ф.217. Оп. 1. Д.85. Л.118 (Об.).
107 Там же. Д.85. Л.119.
108 Там же. Д.26. Л.47.
109 Там же. Л.104 (Об.) – 103 (Об.).
110 ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д.1683. Л.2.
111 Там же. Л.2 (Об.).
112 Там же. Л.4–4 (Об.).
113 ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д.1683. Л.31.
114 Там же. Л.34.
115 Там же.
116 Там же. Л.34 (Об.).
117 Там же. Л.68 (Об.)-103.
118 Там же. Ф.217. Оп. 1. Д.14. Л.223–223 (Об.).
119 Там же. Л.251.
120 Там же. Ф.1. Оп. 1. Д.3544. Л.3.
121 Там же.
122 Там же. Д. 3544. Л.3 (Об.).
123 Там же. Л.4–5.
124 Там же. Ф.217. Оп. 1. Д.338. Л.23–23 (Об.).
125 Там же.
126 Там же. Л.24.
127 Журналы Самарской городской думы за 1894 г. Самара. 1894.
С. 433–434.
128 ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д. 1558. Л. 26.
129 Там же. Д.621. Л.452.
130 Там же.
131 Там же. Л.112–127.
132 Там же. Ф.153. Оп. 1 Д.447. Л.5 (Об.) – 28 (Об.).
133 Там же. Л.5 (Об.).
134 Там же. Л.19.
135 Там же. Л.20.

- ¹³⁶ Там же. Л.25.
¹³⁷ Там же. Л.34.
¹³⁸ Там же. Л.596 (а); 596 (е, ж).
¹³⁹ Там же. Л. 595.
¹⁴⁰ Там же. Л. 596 (е, ж).
¹⁴¹ Там же. Ф.217. Оп. 1. Д.8. Л.308.
¹⁴² Там же. Д.88. Л.495.
¹⁴³ Там же. Л.500.
¹⁴⁴ Там же. Д.321. Л.333.
¹⁴⁵ Там же. Л.334.
¹⁴⁶ Фуко М. Слова и вещи. С. 206.
¹⁴⁷ ГУСО ЦГАСО. Ф.8. Оп. 3. Д.48. Л.1.
¹⁴⁸ Там же. Ф.170. Оп. 6. Д.1683. Л.10.
¹⁴⁹ Там же. Ф.217. Оп. 1. Д.80. Л. 518 (Об.) – 520.
¹⁵⁰ Миронов Б. Н. Социальная история России. Т. 2. С. 287.
¹⁵¹ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.246. Л.121–121 (к).
¹⁵² Там же. Ф.8. Оп. 3. Д.2188. Л.1.
¹⁵³ Там же. Л.1–1 (Об.).
¹⁵⁴ Там же. Л.9.
¹⁵⁵ Там же. Ф.170. Оп. 6. Д.1564. Л.12.
¹⁵⁶ Фуко М. Слова и вещи. С. 200.
¹⁵⁷ Цит. по: Фуко М. Слова и вещи. С. 200.
¹⁵⁸ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.13. Л. 20.
¹⁵⁹ Там же. Д.26. Л.198.
¹⁶⁰ Там же. Д.10. Л.112.

ГЛАВА 3. ПАСПОРТНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

*«Колокольчики мои,
Цветики степные!
Что глядите на меня,
Тёмно-голубые?
И о чём звените вы
В день весёлый мая,
Средь нескошенной травы
Головой качая?
Конь несёт меня стрелой
На поле открытом,
Он вас топчет под собой,
Бьёт своим копытом.
Колокольчики мои,
Цветики степные!
Не кляните вы меня,
Тёмно-голубые!
А.К. Толстой*

громные территории Российской империи предполагали такую форму дисциплинарного контроля над населением, как «распределение индивидов в пространстве»¹. Социальное пространство, выделенное для каждого сословия, представляло собой в определённой степени «отгороженное место дисциплинарной монотонности»². Каждому индивиду в этом пространстве отводилось своё место: «дисциплинарное пространство имеет тенденцию делиться на столько клеточек, сколько есть тел или элементов, подлежащих распределению»³. «Требуется вести учёт наличия и отсутствия, знать, где и как найти того или иного индивида, устанавливать полезные связи, разрывать все другие, иметь возможность ежеминутного надзора за поведением каждого, быть в состоянии оценивать его, подвергать наказанию, измерять его качества и заслуги»⁴ – приблизительно так выглядела методика управления «послушными телами» мещанства с помощью паспортной системы. В.Г. Чернуха в своих исследованиях о паспорте в дореволюционной России также от-

мечает, что «паспорт был введён в первую очередь для решения полицейских и налоговых задач»⁵, а также обращает внимание на то, что, в принципе, «как документ легитимационный, т.е. удостоверяющий личность его предъявителя, и одновременно разрешительный, подтверждающий право владельца на передвижение по стране... известен всему цивилизованному миру»⁶. Но в Западной Европе «с развитием в новое время торгово-экономических связей, предпринимательства, требовавшего мобильности населения... начинают отказываться от ограничений прав граждан и обязательности внутреннего паспорта. Два довода в пользу отказа от паспорта как легитимно-разрешительного документа оказались для них решающими: забота об экономическом развитии и права подавляющего населения, априори признаваемого лояльным власти (презумпция невиновности!)»⁷. В России же «письменные документы, такие как выписки из метрических книг (церковно-приходских книг, в которые заносились данные о рождениях, свадьбах и смертях) и внутренние паспорта, которые регулировали проживание и перемещение в пределах империи, служили связующими нитями между отдельными подданными и правящим режимом»⁸. Большинство исследователей социальной истории мещанства отмечают стеснённость данной социальной страты «мелочной бюрократической опекой»⁹. В энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона в статье о паспорте также акцентируется полицейская функция данного документа: «сохранение за паспортом значения орудия полицейского надзора признавалось комиссиями, учреждавшимися для пересмотра паспортного устава, необходимым, в виду как обширности территории России, так и затруднительности обеспечить ее достаточными средствами охраны в полицейском отношении»¹⁰. Существуют определённые сложности в исследовании законодательного пути утверждения паспортной системы в России, так как «среди множества источников, на которые опирались кодификаторы, совершенно отсутствуют законы о паспорте. Отдельные элементы паспортной системы оказались вмонтированными в разного рода указы, грамоты и положения, толковавшие о функциях учреждений, правах и обязанностях сословий, сословных групп, территорий и народов»¹¹. Как отмечает В.Г. Чернуха,

«вторая четверть XIX в. – важная веха в истории паспортной системы: её строительство завершается, она приобретает законченность, а вместе с тем оформляются и правовые отношения личности и государства в сфере одной из гражданских свобод – свободе передвижения»¹². В царствование Николая I число статей Свода законов, регулировавших паспортные правила, возросло на 250 единиц¹³. Подчёркивая дисциплинарную роль государства и, в частности, императора Николая I, В.Г. Чернуха пишет: «Стремясь быть отцом равно всех подданных, император не оставляет своим вниманием никого из народов, сословий, групп населения. ... Тенденция к механическому порядку, к тому, чтобы каждый военный и гражданский чин, рекрут, человек зависимый и свободный получил от верховной власти точную инструкцию, как себя вести...»¹⁴. Происходит кодификация всех паспортных правил. Законы о паспортах попали в XIV том Свода законов Российской империи. В.Г. Чернуха считает, что ««Устав о паспортах и беглых»... наглядно демонстрировал завершившийся процесс порабощения государственной властью своих подданных»¹⁵. Автор обращает внимание на взаимосвязь паспортной системы в России с разрушением привычных хронологических ценностей в связи со строительством железных дорог. Несмотря на общую направленность исследования, связанную с привычным для советской историографии креном в сторону обличения самодержавия во всех пороках социальной жизни, сам механизм действия власти в этом отношении не вызывает сомнений. Так, В.Г. Чернуха обращает внимание на реплику Е.Ф. Канкрина в отношении того, что скоростное передвижение для России является «скорее злом, чем благодеянием», так как сделает «ещё более подвижным и без того недостаточно осёдлое население»¹⁶. Введение в строй железной дороги, по мнению В.Г. Чернухи, привело к тому, что «рушилась привычная схема слежения за населением»¹⁷.

Указ 9 января 1856 г. предоставлял полиции право выдавать иногородним мещанам свидетельства на временную отлучку на срок не более трёх месяцев¹⁸. В 1861 г. устанавливается порядок предоставления мещанам отсрочек по паспортам¹⁹. 11 февраля 1867 г. императором были подписаны правила выдачи мещанскими обществами плакатных паспортов и билетов²⁰. Усиление ми-

грации населения в пореформенный период приводило к тому, что многие мещане вынуждены были жить в одних городах, а быть приписанными к мещанским обществам других городов. «Хотя отмена подушной подати с мещан во второй половине XIX в. делала их более свободными от своих обществ, они и в начале XX в. продолжали платить сословные общественные сборы, что вынуждало их возвращаться к месту приписки в случае ухода на заработки. Это контролировалось выдачей мещанам «срочных» паспортов с «пропиской» в отличие от бессрочных паспортов, которые получали лица неподатных сословий»²¹. В эпоху великих реформ «правительство, не сумев провести паспортные преобразования, ограничилось периодически рассылаемыми министерством внутренних дел циркулярами губернаторам, напоминая им об обязанности следить за тем, чтобы городские думы и волостные правления не злоупотребляли своими правами, не задерживали высылку продлённых паспортов и не требовали с отходников присылки денег в большем размере, нежели с них причитается по окладу. Такие циркуляры рассылались в 1867, 1871 и 1875 гг.»²². Таким образом, на протяжении XIX века мещанство, «будучи лично свободным сословием, не имело права беспрепятственного передвижения. Местом постоянного жительства для них был «город, посад или местечко, к мещанскому обществу которых они причислялись»²³. С другой стороны, как отмечает в своём исследовании Э. Виртшафтер, «имеется большое число документов, свидетельствующих о широком распространении экономической, социальной и географической мобильности, которая сформировала столь изменчивый и чрезвычайно пёстрый образ имперского русского общества. Фактически на всех его уровнях экономические отношения разрушали формальные социальные границы. Низший слой предпринимателей, который так легко пересекал широкие, самые разнообразные просторы империи; незарегистрированные торговцы, ремесленники и работники, которые были так заметны в городах; городские «жители», которые нелегально проживали в сельской местности... ; экономические взаимоотношения (законные и незаконные), которые объединяли дворян, купцов, крестьян и разночинцев, – всё это представляло общество, где социальные границы легко преодолевались...»²⁴.

Мещане не обязаны были иметь вид на жительство в месте постоянного проживания. Если мещанин отлучался куда-либо в пределах того уезда, где он проживал, или за пределы своего уезда на расстояние не далее 50 вёрст и на срок не более шести месяцев, вида на жительство не требовалось²⁵. Любое передвижение мещанина в пространстве империи далее указанных границ, будь то переезд на новое место жительства или отлучка по хозяйственным делам, всегда сопровождалась необходимостью получения для этого разрешения. Вид на жительство выдавался в месте постоянного проживания мещанина. При выдаче вида на жительство необходимо было удостовериться в личности получателя и в правильности сведений, заносимых в вид. Если получателем были предоставлены документы, то при возвращении ему последних на них делалась надпись о времени выдачи вида на жительство. Получателю вида требовалось подтвердить, что другого вида он не имеет. «Неоднократные законодательные постановления (1803, 1805, 1811 г.) запрещали мещанину отлучаться из города без вида (т.е. паспорта), который выдавался ему не более чем на год, правда, с возможностью дальнейшего продления. Переселяться в другую губернию, в другой город мещанин мог «только по разрешению общества, если на нём не было казённых недоимок»²⁶. На протяжении XIX в. порядок выдачи паспортов менялся. По указу 12 мая 1847 г. паспорта мещанам выдавались в думах и ратушах²⁷. В делопроизводстве Самарской городской думы хранятся книги на записку паспортов и билетов, выдаваемых купцам и мещанам²⁸. 25 мая 1853 г. было разрешено включать мещанок в паспорта своих мужей²⁹. В вид на жительство по ходатайству получателей могли вноситься и другие живущие при них лица: сыновья, родственники, приёмьши, состоящие под опекой, престарелые родственники и т.д. Все эти лица могли включаться в вид на жительство только по их согласию (мужского пола – по достижении 17 лет, женского – 21 года)³⁰. Лицам, подлежащим призыву на военную службу, по достижении ими 18 лет виды на жительство выдавались на цветной бумаге. В видах обозначалось прописью: год, в котором владелец вида подлежит призыву к жребию, и наименование призывного участка, к которому он приписан. Если мещанин имел льготу по семейному по-

ложению, то делалась отметка об этом. Все лица мужского пола, за исключением обывателей сельского податного состояния, обязаны были по достижению ими 16 лет и не позднее 31 декабря того года, когда им исполнится 20 лет, получить свидетельство о приписке к призывному участку. Лицам, которые обязаны были приписаться к призывному участку, виды на жительство выдавались только после предоставления ими свидетельств о приписке. В случае перечисления мещанина из одного призывного участка в другой об этом перечислении делалась отметка в виде на жительство тем установлением, к призывному участку которого приписывалось лицо на срок не более двух недель³¹. Лица, обязанные избрать род жизни, получали от полиции на время производства дела о перечислении их в состояние городских или сельских обывателей свидетельства на срок не более одного года. Лицам, высланным для водворения за нищенство, виды на жительство выдавались не ранее двух лет со времени высылки. В течение этого срока местная полиция могла выдавать им, по особо уважительным причинам, бесплатные свидетельства на отлучку на срок не более двух недель. В этих свидетельствах точно обозначалось место отлучки³². Лицам, состоящим по судебным приговорам под надзором полиции или общества, виды на жительство выдавались только с разрешения полиции или общества, под надзором которых они находились³³. В видах, выдаваемых таким лицам, делалась отметка об их судимости с обозначением существа судебного приговора. По окончании надзора эти виды заменялись новыми без отметок о судимости, если на исключение таких отметок следовало разрешение губернского начальства. Виды на жительство в случае их ветхости, подчисток, помарок или каких-нибудь повреждений заменялись новыми. В случае потери или уничтожения вида на жительство владелец вида должен был заявить о том в местную полицию. Полиция выдавала удостоверение на срок до шести месяцев, в течение которых мещанин должен был заменить утраченный вид. Вид на жительство, оставшийся после умершего, представлялся в местную полицию. Полиция делала отметку о смерти владельца в виде и отсылала его в мещанскую управу. Лицам, включённым в виды других лиц, в случае смерти последних выдавались свидетельства на срок до

шести месяцев³⁴. При обнаружении лица, отлучившегося или проживающего без установленного вида или же с видом просроченным, полиция, если лицо доказывало свою личность, выдавала свидетельство на срок до шести месяцев, достаточный для получения вида на жительство. В случае истечения срока свидетельства владелец свидетельства получал от полиции особое удостоверение для отбывания в семидневный срок на место постоянного жительства. Лицо, не отбывшее в указанный срок к месту жительства, высылалось полицейскими мерами. Высылка производилась на основании особой инструкции. Это правило не распространялось на лиц, находящихся, в силу состоявшегося о них судебного приговора, под надзором полиции или общества, и на высланных для водворения за нищенство. Эти лица высылались мерами полиции в место их постоянного жительства, где и привлекались к ответственности на основании статей 61 и 63 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями³⁵. Данные правила губернское начальство постоянно циркулярно разъясняло мещанским обществам. Так в 1884 г. от самарского губернатора Свербеева пришло пояснение Высочайше утверждённых правил: «местом постоянного жительства для... мещан считается та волость или город, где они числятся приписанными... уволенные в запас нижние чины этих сословий были отправляемы в те именно местности, где они приписаны...»³⁶. Жалобы на действия и распоряжения по делам, касающимся видов на жительство, приносились на полицейские управления и мещанские управы губернаторам и градоначальникам.

С воцарения Александра II «влияние паспортной системы на экономическую и социальную жизнь России начинает обсуждаться в печати, сама паспортная система становится объектом изучения и попыток реформирования чередой законотворческих комиссий»³⁷. Паспортная система подверглась критике со стороны таких видных российских деятелей и публицистов, как С.П. Мельгунов и В.А. Кокорев. С.П. Мельгунов писал: «Паспорты, виды, плакаты, выдаваемые с разными затруднениями, по запутаннейшим в мире правилам, на определённые сроки, без нужды препятствуют лёгкому и свободному передвижению с места на место...»³⁸. Н.П. Огарёв вообще ратовал за немедлен-

ное уничтожение паспорта³⁹. В 1859 г. министр внутренних дел С.С. Ланской назвал цифру задержанных в 1857 г. за беспаспортность – более 30 тысяч человек⁴⁰. В 1859 г. была учреждена при МВД Паспортная комиссия с целью составить проект облегчения паспортных порядков⁴¹.

Видами на жительство для мещан признавались паспортные книжки, паспорта и бесплатные билеты на отлучку. Эти виды выдавались мещанскими управами. По истечению каждого из билетов мещанину, если он в срок не успевал возвратиться к месту своего постоянного жительства, давался месяц льготы, и эта месячная просрочка в вину ему не ставилась. Паспортные книжки выдавались на пять лет по специальной форме. Перемены, происходившие в семейном положении владельца паспортной книжки, а также лиц, числящихся в выданной ему книжке, отмечались управами или местной полицией в документе. При перечислении владельца паспортной книжки из одного общества в другое книжка заменялась новой. Паспортные книжки не выдавались лицам, которые по суду подвергались лишению всех особенных, лично и по состоянию приобретённых прав и преимуществ, а также состоящим под особым надзором полиции и обществ, не имеющих средств к жизни калекам и цыганам, не имеющих осёдлости⁴². Мещанам, имеющим недоимки по общественным сборам, паспортные книжки выдавались только с согласия обществ, к которым они были приписаны. Установление, выдавая паспортную книжку, делало в ней отметку о размере годовых сборов, причитающихся по последней раскладке с лица, получающего книжку. Владелец паспортной книжки обязан был ежегодно, не позднее 31 декабря, уплачивать обозначенную в книжке сумму годовых сборов⁴³. После уплаты всех сборов мещанином управа обязана была выдать ему удостоверение и сделать отметку в книжке. Полиция могла отобрать паспортную книжку мещанина в случае оставления им «без призрения» членов семьи. Для этого требовался приговор мещанского общества. Данный приговор утверждался губернским правлением или градоначальником⁴⁴.

Паспорта выдавались на один год, на шесть и на три месяца. Мещане могли получить паспорта независимо от лежащих на них недоимок по сборам. Однако они не могли возобновлять

паспорта без согласия общества, если не уплатят всех недоимок, числящихся на них с 1 января того года, в котором заявлено было ими ходатайство о возобновлении паспортов. Паспорта, срок действия которых истёк, отсрочивались полицией по желанию их владельцев в местах их временного пребывания. Самарский мещанин, печник, православный, неграмотный, по призыву 1895 г. зачисленный в ополчение 1 разряда, Василий Фёдоров Тулумбасов приобрёл 3-месячный паспорт за 15 коп.. Мещанин, занимающийся торговлей, Матвей Сидоров стал владельцем 6-месячного паспорта за 50 коп.⁴⁵

Относительно выдачи мещанам плакатных паспортов существовали определённые правила. Городские управления несли ответственность за расход плакатных паспортных бланков, приобретаемых для мещан. Паспорта и билеты должны были быть обязательно печатные, а не писанные. В каждом паспорте обозначалась губерния, уезд, город, волость или деревня, имя, прозвище, пол. Мещанские управы при выдаче паспортов обозначали нередко в паспорте только имя и отчество, а фамилию и прозвище не писали. Если паспорт выдавался мещанину, служащему по выборам от мещанского общества, то в нём обозначалась его служба и должность. В паспорте отмечалось, кто женат, кто холост, кто вдов, после какого брака. Год, месяц и число писали прописью. Потом обозначалось, по какому документу, из какого казначейства паспорт выдан и под каким номером он внесён в книгу. Вверху паспорта, с левой стороны печатался государственный герб и цена паспорта. Под гербом отмечались особые приметы: возраст, рост, волосы, брови, глаза, нос, рот, подбородок, лицо, особые приметы⁴⁶. Так, например, в билете самарского мещанина Ивана Гаврилова в графе «особые приметы» было обозначено: «зубы кривые»⁴⁷. На каждом паспорте ставился номер по исходящему реестру. Паспорт подписывался казначеем и бухгалтером, ставилась печать. Деньги за плакатные паспорта вносились в казначейство монетою или кредитными билетами. За полугодовые плакатные паспорта взыскивалось 85 копеек, за годовые – 1 рубль 45 копеек, за двухгодовые – 2 рубля 90 копеек, за трёхгодовые – 4 рубля 35 копеек. Бланки плакатных паспортов для мещан и гербовая бумага для кратковременных билетов доставлялись в городские обществен-

ные управления из казённых палат или из местных казначейств за наличные деньги, которые заимствовались из общественных сумм мещанских обществ⁴⁸. Бесплатные билеты на отлучки на сроки до одного года выдавались пострадавшим от неурожая, пожаров, наводнений и др. бедствий с разрешения губернатора или градоначальника. А также переселяющимся на казённые земли, не достигшим восемнадцатилетнего возраста, жёнам нижних чинов, находящимся на действительной военной и морской службе, призреваемым в богадельнях и других заведениях системы общественного призрения, отставным нижним чинам, поступившим на военную службу по рекрутскому уставу, действовавшему до 1874 г., и нижним чинам, получающим из казны денежное пособие вследствие неспособности к работе, а также жёнам и вдовам этих нижних чинов⁴⁹. После смерти мещан в отлучке их паспорта возвращались в родную мещанскую управу. Эта функция сословных органов власти, связанная с фиксацией основных вех биографии мещанина империи, создаёт символическое значение дома как «формы, образа и концепции созданного человеком культурного пространства»⁵⁰. «Дом (house) во всём множестве своих манифестаций и вместе с другими соотносимыми представлениями о культурно значимых пространственных объектах, какими являются стены, тропы, дороги, сады и земельные участки, – всё это создаёт то, что можно назвать «территорией» или «жилём» (home). Подобные пространственные конфигурации способны воплощаться в ориентации на центр (расстоянием от которого измеряется и оценивается всё остальное), в сознании принадлежности чему-то или обладания чем-то, а также, разумеется, в сознании связи разделённых временем поколений и индивидов»⁵¹. Мещанское общество города (местечка) выступало таким «домом», от которого исходили «тропы» российских дорог мещанина. Если судить по вернувшемуся в мещанскую управу г. Самары в 1898 г. паспорту на имя мещанина г. Самары Фёдора Алексеева, ему было 59 лет, когда, получив годовой паспорт за рубль серебром, он был «уволен в разные города и селения Российской империи» в 1897 г. до 3 июня 1898 г. Фёдор был женат на Анисье, не мог расписаться на паспорте, так как был неграмотный, работал сапожником. Где-то далеко от Самары его застигла смерть, и в

мещанскую управу возвратился паспорт без своего владельца⁵². В подобных документах и их казённой стилистике заключалась некоторая поэтика странствий мещанина по просторам империи, даже если эти странствия были «на длину» паспортов или видов на жительство: *«Предъявитель сего Самарской губернии Самарского уезда г. Самары Спиридон Павлов Кравцов уволен в разные города и селения Российской империи... на три месяца то есть по 8 ноября 1895 г. вероисповедания: православного / род занятий: хлебопашество/ состоит ли в браке: с Федосьей / находится при нём: жена»*⁵³. Мещанская управа города фиксировала всю процедуру выдачи паспортов в Алфавите по настольному паспортному реестру⁵⁴.

В Своде законов Российской империи (СЗРИ) в уставе о паспортах 1890 г. были в том числе определены правила о беспаспортных, бродягах, беглых и дезертирах⁵⁵. Бродягами признавались и подвергались наказаниям за бродяжничество лица, живущие или переезжающие с места на место без ведома полиции, без видов на жительство, без возможности доказать своё состояние или звание. Беглыми считались все те, которые отлучались от своих обществ без разрешения на большой срок. Беглыми считались также нижние чины запаса армии и флота, не явившиеся при призыве на действительную военную службу в установленный срок на сборные пункты без уважительной причины. Дезертирами считались нижние воинские чины, отлучившиеся от своих команд и проживающие без разрешения своего начальства и паспорта. Задержанные лица без вида на жительство препровождались в место их жительства. Если они давали ложные сведения, то подвергались следствию и суду за бродяжничество. Если задержанный объявлял себя «не помнящим родства» или отказывался сообщить о своём месте жительства, то он подвергался суду и наказанию по статье 951 Уложения о наказаниях. Согласно этой статье, лицо присуждалось к отдаче в исправительные арестантские отделения на 4 года. После этого срока, а также в случае негодности к работам в арестантских отделениях, лицо водворялось в сибирские или другие отдалённые губернии. Женщины отдавались в тюрьмы на тот же срок, а потом отправлялись на водворение в Сибирь. Обо всех пойманных бродягах публиковали

объявления с точными приметам в местных губернских ведомостях. Для освидетельствования всех бродяг их обнажали, а женщин осматривали через повивальных бабок⁵⁶. В билете самарского мещанина И. Гаврилова было прописано, что он отпускается «для жительства в разных губерниях сроком на один месяц, если же в течение льготного месяца после сего срока не явится, то с ним поступлено будет как с бродягою»⁵⁷. В 1908 г. самарскому губернатору, а затем в мещанскую управу поступило сообщение из отдела торгового мореплавания о том, что, по сведению Российского посольства в г. Вашингтоне, самарский мещанин, кочегар II класса парохода «Россия», 27-летний кареглазый Иван Ильин дезертировал 2 июля «в Нью-Йоркском порте»⁵⁸.

3 июня 1894 г. был принят «первый собственно паспортный закон», «обширным «Положением о видах на жительство»... не заменявший существовавший «Устав о паспортах и беглых», а лишь отчасти менявший его»⁵⁹. Законом 1894 г. паспортный сбор был понижен и упрощено его взимание с помощью паспортной марки⁶⁰. Согласно Положению о видах на жительство 1894 г. мещане в случае отлучки с места постоянного жительства должны были получить в мещанской управе или других органах общественного управления паспортную книжку (которая выдавалась на пять лет) или паспорт (выдававшийся на один год, шесть или три месяца)⁶¹. Получить паспортную книжку в случае, если за мещанином числились недоимки по общественным сборам, можно было только с согласия мещанского общества. Если выяснялось, что уехавший мещанин оставил «без призрения» членов семьи, то по приговору общества паспортную книжку у него можно было отобрать (приговор общества в этом случае должен был быть утверждён губернским правлением или градоначальником)⁶². Паспортная книжка «представляла больше возможностей для власти вносить в неё всякого рода сведения, в том числе об уплате налогов»⁶³. Паспорта мещане получали независимо от недоимок по сборам, но не могли возобновить их без согласия общества, пока не уплатят всех недоимок. «80-90-е годы XIX в. – время, когда инициатива в деле реформирования паспортной системы исходит от Министерства финансов... С.Ю. Витте... в 1897 г. стремительно провёл закон об отмене паспортного сбора»⁶⁴. Законом от 4 апреля 1897 г.

в России был отменён паспортный сбор⁶⁵. «Упразднение в 1903 г. принципа круговой поруки «общества» в уплате налогов исчерпало интерес Министерства финансов к паспортной проблеме»⁶⁶. С этого момента в качестве ведомства, отвечающего за соблюдение паспортных правил, выдвигается Министерство внутренних дел. «Проблемы модернизации паспортных порядков... легли на Департамент полиции»⁶⁷. Устав о паспортах 1903 г. также предусматривал выдачу мещанам паспортных книжек и паспортов органами мещанского общественного управления при условии уплаты ими общественных сборов⁶⁸. В Манифесте 17 октября 1905 г. «в перечне свобод самодержавие и не вспомнило о существенной для России свободе передвижения»⁶⁹. И только лишь именной указ Сенату 5 октября 1906 г. вводил лицам бывших податных сословий свободу избрания постоянного места жительства наравне с другими сословиями. В качестве вида на жительство мещанам стали выдавать бессрочные паспортные книжки как на местах приписки – от сословных учреждений, так и в местах постоянного жительства. При этом ограничительные правила, обозначенные в ст.48. 65 и других Устава о паспортах, связанные с обязательной уплатой мещанами общественных сборов, отменялись⁷⁰. В 1914 г. правительство создало при МВД «ведомственное совещание», «которое должно было представить модернизированный проект закона о паспортах»⁷¹. В 1915 г. ведомственное совещание превратилось в межведомственное, «...но шла мировая война, население находилось в сильнейшем движении, и... законотворчество Департамента полиции было сначала отодвинуто, а потом и сметено войной и революционными событиями»⁷².

Выдачей паспортов занимался мещанский староста. Он вёл книгу регистрации «письменных видов», где указывались фамилия, имя и отчество того, кому выдан паспорт, и его приметы: возраст, рост, цвет волос, глаз, семейное положение. Эти же отличительные характеристики указывались и в паспорте, заменяя в определённой степени фотографию человека (несмотря на распространение фотографии в этот период среди населения, в документах подобного рода она ещё не использовалась)⁷³. За выданный паспорт необходимо было вносить определённую плату. Паспорта получали мужчины холостые и женатые (с определённого

времени вместе с женой и детьми), женщины (девицы и вдовы), люди разного возраста, но преобладали молодые, до 40 лет.

Как отмечает в своём исследовании Л.В. Кошман, «наличие обязательных для мещан паспортов, выдаваемых на определённый срок с согласия мещанского общества, ставило их в правовом отношении в неравное положение с купечеством. Последним «вполне заменяло паспорта» свидетельство о принадлежности к купеческому сословию, которое давало право «свободного проживания по всей Империи». Правда, купцы обязаны были ежегодно обновлять этот документ, уплачивая в казну по 10 руб. за 1-ю гильдию, по 5 руб. – за 2-ю гильдию. Бессрочные паспорта в пореформенное время получали только разночинцы. Дворянство пользовалось этим правом всегда»⁷⁴. Указом 5 октября 1906 г., согласно которому виды на жительство стала выдавать полиция в местах проживания, а не постоянной приписки, мещане наконец становились действительно свободным сословием, обретя право беспрепятственного передвижения по Империи. Однако мещанская управа, вынужденная по-прежнему собирать с мещан общественные сборы, оказалась в «безвыходном положении»: *«Самарская мещанская управа с своей стороны исполняя поставленные самарским мещанским обществом приговора, старалась привлечь членов такового к платежу общественных сборов по содержанию мещанского управления и больничного сбора, поэтому вела переписку с разными членами общества... что же касается до членов мещанского общества, проживающих в г. Самаре от которых требовалась уплата означенных выше сборов лично. То от них на это в большинстве случаев всегда получались незаслуженные... по адресу Управы упрёки и даже... жалобы губернатору. А т.к. именным Высочайшим указом 5 октября 1906 г. лицам податных сословий предоставлено право получать бессрочные паспортные книжки по месту их постоянного жительства из Полицейских управлений, т.к. видно из означенного выше указа местом постоянного жительства признаётся не место приписки, как это было раньше, а место, где лица, желающие получить паспортные книжки по его службе занятиям, или промыслам, либо домашнее обзаведение, то... (обращается) в Полицейское управление... Полицейское управление извещает Мещанскую управу... отчего... Мещанская управа*

не может собрать недоимки... нет денег на оплату служащих... поэтому жалованье берётся из общественных сумм...»⁷⁵. И даже в 1911 г. служащие самарской мещанской управы всё ещё не могли разобраться в том, как же поступать с недоимками в пространстве действия указа 5 октября 1906 г. В делопроизводстве управы за 1911 г. хранится копия циркуляра МВД от 15 марта 1911 г. о том, что «ввиду неоднократно возникавшего в последнее время вопроса о том, сохранилась ли по воследовании Именного высочайшего указа 5 октября 1906 г. обязанность городских сословных, в частности мещанских обществ, уплачивать недоимки, накопившиеся за лечение недвижимых их членов в больницах общественного призрения... не надлежит уплачивать недоимки, каковая обязанность вытекала из круговой поруки... (по указу 5 октября 1906 г.) лица, принадлежащие к мещанским обществам, получили права избрания места постоянного жительства на одинаковых основаниях с лицами других сословий и могут ныне получать бессрочные паспортные книжки не только от сословных учреждений, но и от полицейских управлений в местах их постоянного жительства...»⁷⁶. Из приведённого циркуляра видно, что спустя пять лет после отмены особого мещанского паспортного режима на местах и представители власти, и представители сословия продолжали жить по старой схеме: одни пытались за счёт паспортов взыскивать недоимки и тем самым поддерживать основные константы общественной жизни мещан, другие, как это часто бывает в России, не «расслышали» Высочайших постановлений и не пользовались своими новыми возможностями.

Таким образом, с помощью паспортной системы до 1906 г. (официально, но в реальной жизни гигантской империи гораздо дольше) мещанство представляло собой такое социальное пространство, в котором «просматривается каждая точка, где индивиды водворены на чётко определённые места, где каждое движение контролируется, где все события регистрируются, где непрерывно ведущаяся запись связывает центр с периферией, где власть действует безраздельно по неизменной иерархической модели, где каждый индивид постоянно локализован, где его изучают и относят к живым существам, больным или умершим, – всё это образует компактную модель дисциплинарного

механизма»⁷⁷. Использование теории М. Фуко применительно к анализу механизма государственного регулирования социальной жизни мещанского сословия в российской империи XIX в., на наш взгляд, допустимо при условии заимствования схемы взаимодействия власти, идеологии и дискурса. По мнению М. Фуко, власть действует через дискурс и формирует общепринятое отношение к различным институтам, в нашем случае, к институту паспортного контроля для определённой группы населения. Эта технология власти не является чем-то необычным. Как замечает социолог Э.Гидденс, «надзор – наблюдение и сбор информации о людях, с тем, чтобы контролировать их поведение, – является постоянной практикой в обществе»⁷⁸.

Представитель современной американской историографии Ч. Стейнвелл, анализируя Указ 5 октября 1906 г., считает, что «государство уменьшило роль сословных институтов в процессе контроля за перемещением граждан и усилило свой собственный прямой контроль за проживанием и перемещением с помощью применения законов об усиленной и чрезвычайной охране. Таким образом, предпринятое государством распространение идентификации по сословному и вероисповедному признакам на более широкие круги населения подорвало партикуляристскую деятельность негосударственных учреждений. Поскольку с расширением сферы применения метрической регистрации и выдачи паспортов возросли возможности режима идентифицировать людей по сословному признаку и вероисповеданию, увеличилась и способность этих категорий упорядочить гражданскую жизнь. Политика в отношении метрических записей и паспортов отражала попытки царского государства «уравнять» царских подданных перед централизованной властью в том смысле, который вкладывали в это понятие де Токвиль и Вебер»⁷⁹.

При достаточном количестве объяснительных моделей функционирования общества в теории функционализма нам видится интересным подойти к проблеме дискурсивной природы мещанского паспорта через теорию социального действия, в частности символический интеракционизм. Необходимость получения паспорта мещанами будет рассмотрена с точки зрения поведения акторов по отношению к власти, документу и друг другу,

всё вместе это будет условно называться «бумажная повседневность» как часть более общей проблемы повседневного существования индивидов в границах дисциплинарного пространства империи. Символический интеракционизм «привлекает внимание к деталям межличностного общения, к тому, как они используются в осмыслении того, что говорят и делают другие люди... в контексте повседневной жизни»⁸⁰. Теория символического интеракционизма традиционно подвергается критике «за пренебрежение к таким... проблемам, как власть и структура в обществе и их функции по ограничению активности отдельного человека»⁸¹. Однако в нашем случае мещанские интеракции, связанные с паспортным контролем, будут рассмотрены в контексте механизма дисциплинарного контроля имперской власти над жизнью индивида. Власть же будет выступать тем не менее как справедливая и осознающая свои контролирующие функции, приспособливающая их к повседневности (*Конь несёт меня стрелой/ На поле открытом,/ Он вас топчет под собой,/ Бьёт своим копытом./ Колокольчики мои, / Цветики степные!/ Не кляните вы меня,/ Тёмно-голубые*), а индивиды – как послушные и осознающие необходимость подобных мер граждане, приспособливающие свою повседневную жизнь к имперскому закону, но и использующие любые «лазейки» для того, чтобы его обойти (*Колокольчики мои,/ Цветики степные!/ Что глядите на меня,/ Тёмно-голубые?/ И о чём звените вы / В день весёлый мая,/ Средь нескошенной травы/ Головой качая?*), ибо именно на этих основаниях и происходит нормальная человеческая жизнь.

Несмотря на то, что обязанность платить подати была укоренена в сознании мещан, экономическое положение большинства представителей данного сословия вызывало затруднения в своевременной уплате денежной повинности. Образовывался своего рода «порочный круг»: без уплаты податей не выдавался паспорт, а без паспорта невозможно было найти работу. Подушная подать с мещан была отменена в 1863 г., но одновременно был введён общий для всех городских обывателей налог с недвижимых имуществ. Вместо подушной подати с ревизской души мещане стали уплачивать в казну «окладные сборы» с каждого семейства⁸². Выдачей паспортов занимался мещанский староста, к нему обраща-

лись мещане с просьбой войти в их положение и помочь с паспортом. «Общение лицом к лицу является главной составляющей всех форм социального взаимодействия вне зависимости от масштабности контекста»⁸³, при таком взаимодействии на микроуровне особое значение приобретает язык письменных обращений «во власть» как средство передачи смыслов, который индивид берёт из своей повседневной рутины. При всей важности подобного источника, его достаточно трудно интерпретировать, так как «любой пустячный разговор ... труден для понимания»⁸⁴. Главу «Социальное взаимодействие и повседневная жизнь» в своём учебнике по социологии Э. Гидденс, говоря о современном мире, заканчивает разделом под заглавием «Заключение: непреодолимое стремление к близости», в котором автор пишет об испытываемой людьми потребности в близости или соприсутствии, так как «в современном обществе, резко отличающемся от традиционного, мы постоянно находимся во взаимодействии с людьми, которых можно ни разу не видеть или не встретить»⁸⁵. В дореволюционном провинциальном городе ситуация повседневного взаимодействия предполагала совершенно иные границы пространства личного и общественного: мещанский староста был связан с мещанами города многочисленными нитями интеракций, которые официально не были отражены в законодательном плане. В пространстве империи мещанский староста – маленькая бюрократическая фигура, в пространстве личных и общественных связей провинциального города – это большой человек, от которого зависит судьба мещанской семьи: паспорт, подати, рекрутство. При анализе социальных структур Российской империи Э. Виртшафтер также отмечала, что необходимо «отличать правовые определения от реальных общественных явлений»⁸⁶. Это доказывает стиль писем мещан к мещанскому старосте, носящих в середине и практически до конца XIX в. во многом личный характер. Так, например, самарский мещанин Алексей Соловьёв писал старосте в 1856 году (сохранена орфография источника⁸⁷): *«Милостивый Государь!/Никанор Семёнович/ Пришла пора немедлинности на пересылку государственных податей, да и правда ныне так долго промедлил, в продчем была тому причина у нас по дому в семействе неблагополучно к большому прискорбию/*

Почтенная наша маминька покинула нас и оставила навечно, отойдя в Будущий мир 25 декабря Но сколько ни грусти невозвратим этот путь для каждого/ так Милостивый Государь Никанор Семёнович всепокорнейшею просьбою обращаюсь к вам на взнос податей при сём посылаю денег с серноводским полицейским солдатом петром Емельяновым 10 руб. серебром За сей текущий год, а недоимка 7 руб... А теперь потрудитесь выправить два паспорта мне и сыну Сашеньке Зделайте милость ради Бога потрудитесь об этом похлопотать чем премного обяжите/ наше истинное Почитание Вам и милостивой Государыне Глафире Александровне От всей Души желаю Вам быть Здоровым Равно и детям Вашим/ При истинном Почитании навсегда пребываю с исключительно Уважением / Милостивый Государь Ваш Алексей Соловьёв»⁸⁸. Другим почерком на этом письме была сделана приписка: «Милостивый государь Никанор Семёнович и Глафира Александровна! Все ли вы здоровы – я свою схоронил. А Вам дни Господни желаю быть здоровым 20 апреля ради Господа заплатить подати 1855 года и паспорт править чем премного обязан Е. Соловьёв»⁸⁹. Можно предположить, что это дописал отец А. Соловьёва. Мещанские обращения «во власть», как мы видим из вышеприведённого источника, отличает достаточно сильный эмоциональный фон, в котором преобладают эмоции страха, граничащего с отчаянием, и своего рода «крик» о помощи. В наступающий век индивидуализма, когда в городском пространстве уже пошатнулись традиционные основы общества – религия и микросообщество (семья, община)⁹⁰, мещанское письмо отражает нарастающую тревожность и упование на традицию, выраженную как в патриархальном доверии к общинным лидерам, так и в религиозном сознании, имплицитно присутствующем в тексте письма. Аналогичные письма приходили на имя старосты и от других самарских мещан. Так, например, Александр Соколов в 1853 г. писал Никанору Семёновичу, что годовой паспорт он благополучно получил, «о чём и имею честь уведомить», а оставшиеся от уплаты за паспорт деньги Соколов просит мещанского старосту «употребить на рекрутскую квитанцию», далее следует подпись: «С чувством моего к Вам почтения и непреложною преданностью имею честь быть ваш покорнейший слуга Александр

Соколов Самарский мещанин»⁹¹. С одной стороны, в данном отрывке мы, безусловно, сталкиваемся в первую очередь с общеупотребимой формулой вежливости, которую в своё время очень точно охарактеризовал А.С. Пушкин в «Путешествии из Москвы в Петербург»: «мы всякий день подписываемся покорнейшими слугами, и, кажется, никто из этого ещё не заключал, чтобы мы просились в камердинеры»⁹². Другая проблема, которая вытекает из анализа мещанского эпистолярного наследия, связанного с необходимостью получения паспорта, связана с восприятием образа чиновника в мещанской среде. Что касается российского образованного общества, в частности дворянства, Ю.М. Лотман в своих исследованиях отмечал «низкий общественный престиж» чиновника, который в общественном сознании «ассоциировался с крючкотвором и взяточником»⁹³. Гоголевский Поприщин в «Записках сумасшедшего» рисует следующий портрет чиновника «в губернском правлении, гражданских и казённых палатах»: «Там, смотришь, иной прижался в самом уголку и пописывает. Фрачишка на нём гадкой, рожа такая, что плюнуть хочется, а посмотри ты, какую он дачу нанимает! Фарфоровой вызолоченной чашки и не носи к нему: «это», говорит, «докторский подарок»; а ему давай пару рысаков, или дрожки, или бобёр рублей в триста. С виду такой тихенькой, говорит так деликатно: «Одолжите ножичка починить пёрышко», а там обчистит так, что только одну рубашку оставит на просителе»⁹⁴. Ю.М. Лотман делает вывод относительно чиновничьего мира Российской империи: «русская бюрократия, являясь важным фактором государственной жизни, почти не оставила следа в духовной жизни России»⁹⁵. Одним из последних примеров исследовательского поиска причин негативного образа чиновничества в российской саморефлексии является статья В.П. Богданова «Крапивенное семя: чиновничество и российская саморефлексия»⁹⁶. На основании анализа образов чиновничества в дореволюционной художественной литературе автор приходит к выводу, что положительных примеров там найти невозможно, так как «русское чиновничество – органическая часть русского социума», следовательно «в онтологическом плане русский народ из своей среды постоянно выделяет тех, у кого можно найти и обличить собственные недостатки»⁹⁷. Нам всё же

кажется более правдоподобным вывод Б.Н. Миронова о том, что писатели «намеренно преувеличивали недостатки русской бюрократии по той причине, что их цель,... состояла в том, чтобы опорочить её и косвенно дискредитировать верховную власть»⁹⁸. Кроме того, следуя логике стихотворных строк о противоположности взглядов на одно и то же явление (в одно окно глядели двое: / Один увидел пыль и грязь; / Другой – листвы зелёной вязь, / Траву и небо голубое...), восприятие чиновника в России зависело от ментального «неприятия мира, в котором индивидуализм с сопровождающими его жестокостью, аморализмом и жаждой собственности»⁹⁹ проявлялся и в образах бюрократии, кроме того, сыграла роль и ментальная склонность к тому, чтобы и «в самых весёлых звуках» улавливать «жалобные стоны», как писал В. Ключевский о русской песне: «Всё жалоба, всё стон, и нигде нет светлого мотива, весёлого игрового чувства»¹⁰⁰. О российской бюрократии и, в частности, об отличиях российского чиновника от идеального чиновника, пишет Б.Н. Миронов во втором томе «Социальной истории России»¹⁰¹. Автор делает акцент на другой «породе» российского чиновничества, чем интересующая нас социальная среда мещанских старост, городских голов и их ближайшего окружения. Б.Н. Миронов пишет о зарождении нового поколения просвещённых русских чиновников, благодаря которому русское управление эволюционировало в сторону идеального типа формально-рационального управления¹⁰². Автор солидаризируется с мнением С.Ю. Витте, «которому никак нельзя отказать в знании русского чиновника», в том, что «российская бюрократия в силу просвещённости и аристократизма может с пользой служить обществу и лучше управлять страной, чем органы общественного самоуправления»¹⁰³. Б.Н. Миронов рассматривает модель российской государственности в данном эпизоде «сверху», отмечая, что «роль права в регулировании социальных отношений систематически повышалась, напротив, роль насилия снижалась»¹⁰⁴. Признавая, с одной стороны, правомерность данных суждений, хотелось бы заметить, что в России на протяжении всей её истории «внизу» сформировалась своя «защитная» от давления власти среда, которую составляли «доступные» и «понятные» для большинства населения, «свои» чиновники.

«Взятка» в такой среде не несла однозначно негативных коннотаций, обладая значением подарка. «Связи» играли роль родственных связей того локуса, в котором обитал определённый чиновник. Такой тип чиновника начинает в дореволюционный период постепенно исчезать с введением положений 1870 г. Всесловный принцип городского управления привёл в город «чужаков», которые в своё время, после екатерининского законодательства, «побрезговали» вместе с мещанством и купечеством участвовать в делах города – дворянство и интеллигенцию. Оба социальных слоя были неизменно одинаково чужими как крестьянству, так и мещанству с купечеством. И сколько бы представители интеллигенции и русского дворянства не пытались действовать во имя социального большинства, они были латентно отторгаемы на основании древнейшей оппозиции «свой-чужой». Б.Н. Миронов же объединяет эти ментально разные персонажи в более общую категорию «общественного самоуправления», противопоставляя его «коронному управлению»¹⁰⁵. Трагедия России, на наш взгляд, а вместе с тем и её особенность заключалась в том, что дворянство и интеллигенция не могли составить единое «общество» с основным населением России (крестьянством, мещанством, купечеством).

Анализ взаимодействия мещан со своими сословными чиновниками заставляет предположить, что в их взаимоотношениях присутствовала некая патриархальность, выражающаяся в интонациях искренней просьбы о помощи, содействии, вера в порядок в границах своего социального пространства, носителем которого (порядка) являлся мещанский староста или городской голова. Мещанский староста и сам писал письма мещанам, что подтверждает уже ответное письмо к нему от неизвестного мещанина (подпись в письме очень неразборчива): *«Милостивый государь Никанор Семёнович/ Прочитав Ваше письмо от 12 сентября переданное мне от Анисия Ивановича, мне очень приятно было читать оное, из коего вижу, что (Вы)... приняли со своей стороны участие в моём положении. Я первым делом поставляю себе в неприменную обязанность засвидетельствовать Вам лично чувствительнейшую благодарность. Письмо Ваше доставило мне удовольствие в том что я чрез него*

узнаю долг свой за собою, о котором позабочусь без отлагательства как нибудь в будущем Надеюсь на получение паспорта без коего я в 10 месяцев не имел никуда свободного выезда и выхода. В письме Анисия Ивановича забыл Вам передать, что у меня в пожаре сгорели копии с ревизских сказок без коих я не могу верно припомнить... Прошу прислать мне копию ... Покорнейше прошу Вас Никанор Семёнович поблагодарить за меня тех лиц, от коих зависит сложить с меня окладные души Дай на многие годы доброго здоровья Они много мне в этом случае сделали милости... приходит холодное время и я не имею ничего на себя надеть тёплого и другой одежды и где бы я взял платить подати но теперь... постараюсь прежде уплатить подать, а потом буду надеяться на Бога что подаст пищу алчущим его нагим 6-и душам По годам то можно бы ещё надеяться на прокормление себя, да зрение глаз и здоровье ненадёжны, вечером совсем не могу писать а здоровье очень изменяет своё положение. Простите моей откровенности которой я может быть Вам навеял скуку и не удовольствие а для болящего только тогда и бывает отрада когда говорит с лекарем подобно и я имею отраду передавать вам мои чувства о своём несчастном положении С истинным почтением... Ижеевка 18 сентября 1857 г.»¹¹⁰. 50-е гг. XIX в. – время страшных пожаров в Самаре. Сгорал практически весь деревянный город. Обывательская книга передаёт сухим канцелярским языком весь трагизм повседневной борьбы горожанина за жизнь: мещане отстраивают свои дома заново, но уже на каменном фундаменте. При низком экономическом статусе представителей данного сословия подобное строительство было очень серьёзным испытанием. Безусловно, многие оказывались в этой борьбе проигравшими, лишались жилья и статуса. Вместе с жильём у горожан сгорали документы, вещи первой необходимости. Всё приходилось восстанавливать в буквальном смысле «из пепла». В данном контексте письмо неизвестного мещанина приобретает особый трагизм. В стиле письма мы склонны видеть некоторую интеллигентность провинциала, который боится выглядеть попрошайкой, но в то же время не может не уповать на снисходительность местной власти в отношении податей и паспорта.

Анализируя конфигурацию власти в провинциальном городе первой половины XIX в., А.И. Куприянов замечает, что «горожанин... жил в небольшом (или даже совсем маленьком) городе, в провинциальной среде, структурированной не только сословными, корпоративными и конфессиональными связями, но и пронизанной межличностными отношениями и родственными связями»¹¹². А.Б. Каменский, изучая городскую повседневность провинциального города XVIII в., в заключении обратил внимания на такие черты менталитета горожан в отношении власти, которые обнаруживаются в провинциальной Самаре и в середине XIX в.: сочетание патриархальности нравов и модернизационной деловитости. Так, А.Б. Каменский отмечает, с одной стороны, патриархальность и «в определённой степени убожество городской провинциальной жизни. Но, с другой стороны, видно и воздействие на повседневную жизнь процессов, которые условно можно обозначить как модернизационные. Мы сталкиваемся и с очевидными проявлениями своего рода наивности, простодушия, неискущённости горожан, характерными для человека доиндустриальной эпохи. Но одновременно с этим видим и проявление жестокости, коварства и вполне современной деловитости и расчётливости»¹¹³. Наивная патриархальность менталитета проявляется в обращениях во власть, которые в середине XIX в. носят зачастую частный, семейный характер, что, с другой стороны, может объясняться и небольшим размером городского организма как такового (даже в начале XXI в. среди горожан распространено убеждение, что г. Самара – как большая деревня, в которой все друг друга знают). С другой стороны, сам дискурс подобных писем характеризует такую черту российской повседневной чиновной жизни, как роль неформальных связей. В 1861 г. из г. Новохоперска Воронежской губернии самарский мещанин Семён Иванов Долгов писал мещанскому старосте: *«Милостивый Государь Никанор Семёнович / Имею честь поздравить Вас с наступившим Новым Годом и от всей души желаю Вам Здравия и долголетия и всех возможных на земле благ я уверенный во всегдашней вашей готовности на помощь ближнему Благодарю Вас что и в прошлом году мною по содействию Вашему паспорт получен в скором времени.*

Осмеливаюсь прибегнуть ещё к вам с покорнейшею моею просьбою не оставить так же и нынче выправкою мне нового паспорта и пересылкою оною ко мне на предмет этот посылаю Вам старый паспорт и денег 8 руб. сер. Из которых Вы заплатите подушные за нынешний год и на прочие расходы и ещё 3р сер. нелишите принять от меня в знак моей к вам благодарности. Всего 11 руб. сер. / Покорнейше Вас прошу Никанор Семёнович не оставьте моей просьбы перешлите вместе с новым паспортом и расписку в податях. За что премного обязан буду Вам. / С совершеннейшим почтением и преданностию имею честь быть / Милостивый Государь / Вашим Покорнейшим слугой / Семён иванов Долгов / 1861 г. Новохоперск Воронежской губ. Квартирующийся противу дома занимаемого прежде почтовою конторою».¹¹⁴

Переписка провинциального мещанства с властью позволяет по-новому взглянуть на культуру взаимоотношений внутри сословия, отличавшуюся своим собственным достоинством, духовностью и миропониманием. В этом отношении заслуживает внимания письмо мещанскому старосте от мещанина Ивана Разумова: «Милостивый Государь Никанор Семёнович (Минаев) / Первым долгом поздравляю Вас с торжественным праздником – рождеством христовым – желаю в оный насладиться всех благ. А потом надеясь на ваше ко мне дружеское расположение, которое вы всегда оказывали... и я в настоящее время решился прибегнуть к вам с моей покорнейшею просьбою – просьба моя состоит в трёх предметах: 1-е посылаю свой просроченный паспорт и денег 5 руб. серебром да в обеспечение 2 руб. 21 коп. сереб. положены в таблицы 1855 г. на 1856 год № таб.654 и того составит 7 р. 21 коп. которые зачтите в подати за перв. пол. года а за последние вышлите мне паспорт 6-месячный 2-е Я слышал, что с 1857 г. начнётся ревизия – ибо я имею у себя детей то в таком случае прошу вас уведомить меня, как должно поступить о включении оных... нужно ли метрическое свидетельство 3-е осмеливаюсь просить вас о ... включении дела матери моей что оно в какой позиции находится ибо здесь николаевский земский суд производил следствие ещё в августе месяце под присягою ныне я и по сие время погружаюсь в бездны неизвестности прошу вас постараться привести в исполнение вам самим известно что без письменного вида

жить трудно не благоволит ли дума снабдить мать мою копией с её явочного прошения – за сим надеюсь милостивый государь что вы примите мою покорнейшую просьбу ободряемый этою надеждою честь имею свидетельствовать вам глубочайшее почтение и ожидая благоприятного ответа честь имею пребыть Милостивый государь вашим покорнейшим слугою Иван Разумов 21 декабря 1856 г.»¹¹⁵. Аналогичное письмо было отправлено главе самарской думы Льву Алексеевичу Умнову: «Милостивый государь Лев Алексеевич! Решился особу Вашу беспокоить, потому что не имея в Самаре родственников и знакомых сделайте милость не оставить меня своим покровительством, примите на себя труд приказать мне написать и выслать паспорт, на который и на подати... прилагаю серебром 14 рублей... Павел Яковлев Чаплыгин 1857 г. г.Сенгилей служащий в питейной конторе»¹¹⁶. Аналогичное письмо пришло от Василия Флемонтова Банкова в 1861 г. из станции Верхнеозёрной: «Милостивый государь / Пётр Алексеевич / Посылаю при сём к Вам вышедший из срока билет и денег 3 руб. сереб. ... пожалуйста Пётр Алексеевич не оставьте бедняка прислать быстрее билет, завсем тем примите от меня истинное почтение. В ожидании остаюсь нетерпеливо. Навсегда быть слугою Василий Флемонтов Банков»¹¹⁷. Письма приходили городскому голове и от незнакомых ему лично мещан, но и эти письма носят весьма личностный характер: «от Платона Яковлева Пермякова / Милостивый Государь / Господин Градской Голова / По имени вас Милостивый Государь и отечеству не знаю/ осмеливаюсь Ваше Степенство беспокоить и просить, т.к. я, самарский мещанин ... состою под ведомственным Вашей Самарской Думе, занимаюсь в городе Арзамасе ремеслом позолоткою, выданный мне из Самарской Думы годовой паспорт, просрочился, а потому нужно мне на проживание получить другой...»¹¹⁸. Как видно из следующего письма, городской голова участвовал в судьбах сообщественников не только как чиновник, отвечающий за паспорта, но и как христианин, заботящийся о своих ближних. Мещанин Фёдор Сухов писал Льву Алексеевичу: «Так как я зная ваше доброе сердце и Душу то осмелился прибегнуть к стопам Вашим с своей нижайшей просьбой и утруждать вас моим искренним прошением как я известный вам по обществу вашему мещанин Фёдор Сухов

бывши отправлен вами по болезни в больницу но как я ни мог хорошенько поправить своё здоровье больше и по выписке вздумал обратиться на родину свою к родным для поправки как себя и своего здоровья, но теперь благодаря бога я немного поправился: живу у своего отца своим семейством. То, осмеливаюсь вас просить о высылке мне годового паспорта ежели можно. А нет – то билет на 3 месяца...»¹¹⁹. В письмах мещане называют городского голову «отцом», «благодетелем»¹²⁰, потому что паспорт являлся для большинства гарантом легитимного существования и основным условием предпринимательской активности, дающей возможность не просто безбедно существовать, а просто существовать. Застигнутые болезнями, мещане писали чиновнику: «Лев Алексеевич как вам уже известно что был отчаянно болен но теперь хоша и поправился но ещё не попрержнему то как вам известно что за мною остался неуплаченным: подушные весенние то я поправлюсь могу сколько следует будет уплатить позаработать будете высылать паспорт мне ...»¹²¹. Как отмечал Ю.М. Лотман, «бюрократическое государство создало огромную лестницу человеческих отношений... Право на уважение распределялось по чинам. В реальном быту это наиболее ярко проявилось в установленных формах обращения к особам разных чинов в соответствии с их классом... Чин пишущего и того, к кому он обращается, определял ритуал и форму письма»¹²². Однако далее в своих рассуждениях Ю.М. Лотман констатировал: «...Но жизнь есть жизнь, и она всеми средствами сопротивлялась принципу универсальной регламентации. Как не стремилась бюрократическая иерархия охватить все стороны человеческого существования, она никак не могла исчерпать разнообразия жизни...»¹²³. Кроме того, некоторые должности органов мещанского самоуправления, а во многих провинциальных городах и городского управления, долгое время считались общественными и не оплачивались. Им могли отпускаться небольшие суммы на жалование по приговору общества¹²⁴. Так, например, в 1861 г. должность помощника податного старосты по условию, заключённому в «мещанской конторе», должна была предполагать оплату 52 рубля серебром в год¹²⁵. Можно предположить, что чиновный мир для мещан города не был однородным и делился на «своих» и «чужих». «Иррациональные страхи, связанные с «чу-

жими», всегда были присущи горожанам... в традиционном обществе. ... «Чужими» в провинциальном русском городе... почти весь XIX век были люди, принадлежавшие к дворянской культуре»¹²⁶. Разницу между «своим» и «чужим» чиновничеством А.И. Куприянов весьма точно характеризует, строя оппозицию: коронная служба – общественная служба. «Социальная идентичность этого «нового гражданства», - пишет автор, – выстраивалась первоначально на обособлении горожан от дворян и чиновников. В дальнейшем – на представлениях о необходимости отмены сословных привилегий и уничтожении чиновничества как касты. Так, служащий в Красноярском самоуправлении И.Ф. Парфентьев в 1862 г. на предложение перейти в штат губернатора Восточной Сибири Муравьёва заявил: «Я родился служилым и умру таковым же... Да и пресса убеждает, что мы все скоро будем гражданами. Чиновничества не будет». Для Парфентьева, отец которого, мещанин, постоянно занимал выборные должности в самоуправлении, в том числе городского судьи, «служилый» – это не человек, состоящий на коронной службе, а человек, служащий обществу»¹²⁷. В таком значении обращения к людям, занимающим общественные должности, со стороны однообщественников приобретают совершенно иную коннотацию, связанную не с чиновничеством или раболепием, а с уважением.

Титул «Ваше степенство» получал в мещанских письмах и такой персонаж «паспортной повседневности», как податный староста, фигура также весьма значительная в мещанской жизни, в том числе связанной с паспортом, который выдавался при условии отсутствия недоимок. Самарский мещанин Николай Любимов, посылая за себя подати за 1860 г., писал: «*Вашему степенству Старосте податей... пришлите мне полугодичный паспорт в г. Оренбург в дом госпожи Г.. (неразборчиво. – З.К.) постояльцу рещику... прошу вас покорнейше не задержите высылкою паспорта*»¹²⁸. Одно из решений самарской городской думы за 1864 г. гласило: «*Из Городской Думы постоянно производится выдача мещанам разных документов: письменных видов на отлучку из города и промысловых билетов, свидетельств на мелочный торг, разрешений и удостоверений по открытию питейных заведений. Постоялых дворов, свидетельств на трактирные заведе-*

ния и других необходимых для мещанского класса удостоверений... Между тем, усматривая из отчётов Податного старосты, что по податям и повинностям на мещанах оказывается недобор в значительном количестве... не выдавать мещанам... до уплаты податей... никаких документов»¹²⁹. Податный староста рапортовал городскому голове в том числе и о всех прибывших и убывших мещанах: «Самарский мещанин Василий Романов Линёв предъявил мне, что брат его родной самарский мещанин Михаил Романов Линёв будучи в г. Оренбурге 2 на 3 число сентября сего года от удавления умер»¹³⁰. Таким образом, податный староста являлся ещё одной социальной фигурой, создающей так называемую «паспортную повседневность» мещан.

Самарские мещане были разбросаны промыслами, нуждой, обстоятельствами по разным городам империи. Связующие нити писем в Самару с просьбой о высылке паспорта демонстрируют это поле интراكций, создающее смысл города как дома. «Ваше степенство, – пишет неизвестный мещанин, – Милостивый Государь / Обнадёживаясь на ваше человеколюбие и добродушие к увечным людям простите чистосердечно ... прибегнуть к вам милостивый государь с усерднейшею моею просьбою не оставит исходатайствовать прислать мне на годное здесь в г. Казани проживание годовой паспорт ... ибо Вы сами знаете... меня что я во все увечен ногою...»¹³¹. «Новокрещённый богомолец из татар» Иван Гаврилов в 1861 г. писал из Нижнего Новгорода в Самару: «Милостивый государь / Степан Григорьевич! Во первых позвольте Вас поздравить с Новым годом и пожелать вам доброго здоровья всякого благополучия... в делах ваших служебных, будучи всегда уверен на доброту души вашей и расположение... не лишите меня радужным расположением и не оставити моей просьбы Продолжая путь свой... бывши у Соловецких чудотворцев и за молитвами вашими возвратился до Нижнего Новгорода, где чувствую себя обязанным править новый вид... выправить паспорт. За тем желая отправиться далее для путешествия...»¹³². Интересно, что значительное количество писем содержит поздравления должностных лиц с Новым годом: «Милостивый государь Василий Ефимович! Имею честь поздравить Вас с новым годом и новым счастьем Желая Вам ровно начальству Вашему от бога доброго здравия в делах

ваших счастливого успеха»¹³³. По билету, приложенному к этому письму, становится ясно, что автор – Гордей Аверьянов Ахапкин, 64-летний самарский мещанин, темнорусый, сероглазый, брови с проседью, беззубый («*во рту многих зубов нет*»), 2-аршинного роста, был отпущен в разные губернии России на 4 месяца¹³⁴.

В рассказе В.А. Гиляровского «Человек и собака» читаем: «Вчерашнего числа на льду Москвы-реки, в сугробе снега, под ёлками, окружающими прорубь, усмотрен полицией неизвестно кому принадлежащий труп, по-видимому солдатского звания, и не имеющий паспорта... А кому нужен этот бродяга по смерти? Кому нужно знать, как его зовут, если при жизни – то его, безродного, бесприютного, никто и за человека с его волчьим паспортом не считал...»¹³⁵. Люди мещанского сословия очень чётко осознавали этот водораздел между легитимным существованием по паспорту и асоциальным миром бродяг, с которым мещанство более других социальных страт соприкасалось, образуя некую фронтирную зону между социальностью и маргинальностью. Связи, личные и общественные, образующие локус мещанского мира, использовались для социализации. Так, в одном из писем к «милостивому государю Василию Ефимовичу» с просьбой о высылке паспорта мещанин замечает: «*встретил знакомого в Москве попросил выслать но Дума требует денег в счёт будущих платежей*»¹³⁶. Роль и значение мещанских связей проступает и в письме Ивана Степанова Куликова: «*Великопочтеннейший Филипп Платонович / осмеливаюсь вас беспокоить своей просьбой с согласия вашего и личной просьбой и надеясь на вашу добрую душу что вы не откажете мне. Потрудитесь внести деньги в число податей... За сим... засвидетельствовать моё нижайшее почтение Николаю Филипповичу и всему вашему семейству, причём скажу вам случай после того когда мы с вами виделись в ваксале на Николаевской железной дороге я шедши в квартиру к себе встретил супругу Михаила Ивановича Орлова / Назвал ея по имени, а она мне удивляется почему бы ея знаю я сказал ей кто я и что вы имели до М.Н. надобность пожелали его видеть ... после этого случая показала квартиру свою где найти...*»¹³⁷.

Другой вариант писем о паспорте в думу или мещанскому старосте носит безличностный характер, свидетельствующий о

том, что некоторые мещане располагались «у обочины» городской «ойкумены». Такие письма выглядели следующим образом: «Его Степенству / Самарскому мещанскому старосте Г. Аверьянову / мещанина Андрея Яковлева Скоростехова / Покорнейше прошу ваше степенство выслать билет» или «Милостивый государь / г. Староста Самарский мещанский / просьба выслать паспорт». Однако подпись последнего письма содержит такое количество уничижительных формул вежливости, что компенсируется недостаток личных интонаций в самом письме: «...чем премного обяжите почитающего вашего навсегда остающегося с преданностью ко всем милостивый государь покорнейший слуга самарский мещанин Иван Калинов»¹³⁸.

Ю.Л. Бессмертный в предисловии к коллективной монографии «Человек в мире чувств» писал: «частная сфера и формы взаимоотношений внутри неё имеют... огромное значение для уяснения своеобразия человека любой эпохи прошлого...»¹³⁹. Взаимоотношения индивида с властью через эпистолярный диалог в определённой степени также относятся к частной сфере, но на стыке с общественной. Насколько неискущён мещанин в дискурсе своего письма, настолько он своеобразен. Человеческая субъективность, отражённая в письме, позволяет рассмотреть конкретного индивида в сочетании свойств, приобщающих его к окружающим и отличающих от них. Мы солидаризируемся с мнением Ю.Л. Бессмертного в том, что «миропорядок в человеческом обществе предполагает существование неких рациональных норм поведения. Люди нигде и никогда не уподоблялись автоматам, выполнявшим лишь заданные им правила, сколь бы таковые ни были разумны и обоснованны. Своеобразным «правилом» выступало скорее нарушение принятых поведенческих норм. И совершалось оно, в частности, под влиянием эмоциональных импульсов самого разного рода»¹⁴⁰. По следующему письму трудно определить возраст просителя – но в любом случае, перед нами – два самых близких существа, прижавшихся друг к другу на чужбине, мать и сын, чья жизнь опять-таки напрямую связана с паспортом и чиновником самарского пространства, которое они покинули, но с которым продолжают быть тесно связаны «бумажной повседневностью»: «Милостивый государь / Лев Алексеевич / Мы Фалимон

Владимиров и моя маминька Марфа Ивановна просим Вас бути так добры для нещасных нас дайте увольнение моей маменьки Марфе ивановой и мы посылаем Вам старый паспорт Вы знаете что жить без всякого вида нельзя будьте так добры пришлите как можно скорее / Пришлите нам в г. Туринск Тобольской губ. Василью Кузьмич Телепневу мещанину»¹⁴¹. На помощь матери в высылке паспорта уповали мещане, оказавшиеся на чужбине: «Милостивая наша государыня матушка прошу у вас вашего родительского благословения навеки нерушимого низко вам кланяюсь высылаю вам денег... пришлите нам паспорт ради бога...»¹⁴².

Система паспортного контроля над населением, отражённая в делопроизводстве дум и управ, позволяет проникнуть и в мир межличностных внутрисемейных отношений мещанства. Так как женщины должны были вписываться в паспорта своих мужей, то паспорт становился ещё одной формой дисциплинарного контроля и проявлений власти, уже не на имперском, а на семейном уровне. Мужья и жёны использовали этот механизм для манипуляций своими «вторыми половинами», хотя надо отметить, что зачастую ими управляли не «роковые страсти», а элементарные экономические интересы, связанные с необходимостью выжить, прокормить себя и детей (в отношении женщин, а мужья зачастую демонстрировали свой скверный нрав или ущемлённое самолюбие). В 1898 г. самарский мещанин Парамон Прянишников написал Заявление на имя мещанского старосты: «Имею честь просить Ваше степенство законной моей жене Елене Васильевне Прянишниковой Невыдавать Положительно ни какого Письменного вида на жительство не только в иногородни места но и в самом городе Самаре без моего нато Письменного согласия или личной явки в Мещанскую управу в следствии ея Елены Прянишниковой безнравственного поведения... (2 февраля 1898 г.)»¹⁴³. 8 августа 1898 г. на имя самарского губернатора поступило прошение от самарской мещанки Е.В. Прянишниковой: «Муж мой самарский мещанин Парамон Николаев Прянишников, вот уже четвёртый год, как бросил меня, не давая мне не только что на прокормление, но постоянно бил меня, в виду чего и не имея при себе какого либо документа, я нахожусь в крайне безвыходном положении, а потому желая поступить куда либо на место и там

добывать себе средства к жизни, я обратилась в самарскую мещанскую управу с просьбой о выдаче мне свидетельства на проживание, но Управа в выдаче мне такового отказала, требуя на то согласие мужа, тогда как я и сама не знаю где он в настоящее время находится. Объяснив такое моё безвыходное положение Вашему Превосходительству я имею честь покорнейше просить о производстве о вышеозначенном полицейского дознания предписать самарской мещанской управе на основании Высочайшего Положения 7 июля 1897 года выдать мне годовой паспорт на проживание. Справедливость объяснённого мною могут подтвердить симбирская мещанка Марья Павловна Счастливецва, проживающая во второй части г. Самары по казанской улице в доме Павлова и мещанка... Кашина...»¹⁴⁴. 3 сентября 1898 г. из самарского губернского правления в мещанскую управу пришло распоряжение о выдаче мещанке Прянишниковой паспорта ввиду того, что её муж «в настоящее время в безвестной отлучке и два года не получал паспорта»¹⁴⁵. Подтверждение тому, что самарская бюрократия и паспортный контроль помогали мещанским жёнам призвать к порядку их мужей, находим в деле 1863 г., когда жена самарского мещанина Степана Андреева Мельникова Татьяна Иванова обратилась с просьбой о помощи в городскую думу. Городской голова отправил все документы в земский суд, было проведено следствие по розыску блудного мужа. Когда же данный мещанин был найден, жена уже проживала вместе с ним. «7 числа ноября минувшего года муж мой Степан Мельников, из г. Самары от меня тайным образом уехал в село Русскую Селидьбу Самарского уезда, где и по настоящее время имеет проживание без всякого письменного вида, меня же с малолетним сыном оставил не при чём, почему я крайне имею нужду в содержании себя с сыном, а потому прошу Городскую Думу, сделать распоряжение о высылке в г. Самару мужа моего, по прибытии в г. Самару обязать его надлежащею подпискою в том. Что бы он содержал меня так, как велено законом и не доводил меня до крайней нищеты. На что и буду ожидать надлежащего удовлетворения (к сему объявлению руку приложил самарский мещанин Михайла Фёдоров)»¹⁴⁶. Пристав второго стана спустя какое-то время (в границах 1863 г.) докладывал в земский суд: «Имею честь донести, что самарский

мещанин Степан Мельников проживает в с. Русской Селитбе по паспорту, одномесячному билету, выданному из Городской Думы, тут же с ним живёт просительница жена его татьяна иванова и малолетний сын, а потому высылку Мельникова в г. Самару не нахожу нужным, что же касается до билета, ...то... можно выслать в думу»¹⁴⁷. В любом случае люди решали свои межличностные проблемы быстрее, чем производилось чиновничье дознание. С другой стороны, чиновники также оказывались на удивление человечными, вникали в конкретные ситуации и исходили из жизненных обстоятельств момента.

В 1892 г. в самарскую мещанскую управу поступило заявление от мещанки Ефросиньи Кузьминой Гнеушевой с просьбой вернуть ей блудного мужа, уехавшего вместе с цирком, на основании того, что он проживает без вида на жительство: *«Муж мой... в настоящее время как мне известно из письма г. Управляющего Цирком Никитина-Миссури находится в г. Киеве при цирке Никитина шорником без всякого документа на жительство несмотря на то, что мною неоднократно были подаваемы прошения г. Харьковскому и Курскому полицмейстерам, Самарскому и курскому губернаторам и в Самарскую мещанскую управу В этом же письме г. Миссури высылая в мещанскую управу Зр. просит меня, чтобы я не препятствовала к выдаче документа моему мужу, при чём высказывает, что если я не вышлю паспорт, то ему придётся платить штраф... Покорнейше прошу Ваше высокоблагородие сделать зависящее распоряжение о немедленной высылке мужа моего... в Самару как не имеющего никакого вида на жительство...»¹⁴⁸. По всей видимости, Ефросинье не удалось вернуть мужа из Киева. Цирк, по её сведениям, переехал в Курск. И вот уже она пишет письмо курскому полицмейстеру: *«Его высокородию г. Курскому полицмейстеру /... 11 ноября сего года мною было подано прошение г-ну самарскому губернатору, чтобы он сделал зависящие распоряжения о не выдаче моему мужу Алексею Васильеву Гнеушеву паспорта на свободное проживание, в виду оставления меня с детьми без всяких средств к жизни, т.к. муж мой в июне месяце уехал от меня тихообразно с цирком Никитина в Нижний Новгород. Не оставив мне на пропитание положительно ни одной копейки, почему я как больная женщина сильно бедствовала**

не получая от него и по отъезде ни одной копейки. Затем мною было написано прошение г. Харьковскому полицмейстеру об объявлении мужа моего Алексея... подпиской о немедленном выбытии в г. Самару к своей семье. Т.к. у мужа моего документ только на 1 месяц и уже несколько месяцев просрочен./ Ныне узнав, что цирк Никитина находится в г. Курске, я в виду выше изложенного имею честь просить...»¹⁴⁹. К делу мещанина Гнеушева был приобщен полицейский протокол, составленный околоточным надзирателем Дворцово-Полицейского участка г. Киева Якубовским на основании предписания Киевской городской полиции от 27 января 1893 г. Полицейский чиновник писал: «...14 января прибыв в цирк Никитиных разыскивал там Алексея гнеушева и нашедши его, требовал предъявить документы о его самоличности, но Гнеушев пояснил, что документа о самоличности не имеет в настоящее время, раньше имел месячный билет... но т.к. билету тому срок окончился примерно 6-7 декабря 1892 г., то он послал его с 5 руб. для перемены на новый... Предъявил два свидетельства о приписке и отбытии воинской повинности...»¹⁵⁰. Околоточный надзиратель составил протокол. Однако решено было Гнеушеву предоставить двухнедельный срок для того, чтобы «исходатайствовать» себе новый паспорт. В мае 1893 г. из киевской полиции направляли ещё запрос в самарскую мещанскую управу о том, как обстоят дела с Гнеушевым¹⁵¹. После этого данный блудный муж и его настойчивая жена исчезают из делопроизводственной документации.

Интересный пример прямо противоположного поведения мещанки, не желающей иметь ничего общего с мужем-«альфонсом», обнаруживаем в делопроизводстве думы за 1863 г.: «В Самарскую городскую Думу / самарской мещанской жены Прасковьи Ефимовой Леонтьевой / Докладная записка / Со дня своего вступления в супружество я выношу от мужа своего постоянные претеснения и преследования. Разойдясь со мной назад тому ближе года, по собственному желанию, он оставил меня без всяких средств к жизни, даже почти без платья, которое было отчасти продано и отчасти заложено для удовлетворения его же разным надобностям. В то время, когда я, перебиваясь с гроша на грош жила у сестры своей в материнской келье и не имела ничего, а равно не

могла и ему чего-либо доставить, он, мой муж, оставлял меня в покое, и на образ жизни моей не обращал никакого внимания. Равным образом он не обращал на меня, как будто я вовсе для него не существовала, - никакого внимания и в ту пору, когда я проживала в модных магазинах; но только лишь разведал, что я, отойдя от модистки, живу сама по себе, работаю на некоторых лиц и кроме того нахожусь в услужении у двоих чиновников, доставляющих за это мне содержание и квартиру и кроме того платящих за мои труды, - муж мой тотчас же заявил на мою жизнь свои претензии с целью, чтоб я, - взяла его с собой жить и опять прожила с ним всё, что только я могла приобрести своими трудами; а он бы в это время ничего не делал и ел даровый хлеб, и проживал бы по прежнему всякую добытую мною копейку. Как жена своему мужу - я обязана с ним жить, но покорнейше прошу городскую Думу обязать его, чтоб он - во 1-х не мучил меня теми истязаниями, которые я от него выносила... и на которые уже жаловалась Градской Думе; а во 2-х доставал мне все средства к жизни; а в противном случае предоставил бы мне право жить независимо от него своими работами, которых я найду себе столько, чтоб прокормить самую себя и которыми вовсе не намерена кормить мужа и поощерять его к пьянству и разврату»¹⁵². Грамотность письма на фоне других мещанских писем объясняется не тем, что героиня - самостоятельная городская барышня, для провинции в определённой степени эмансипированная. К письму она «руку приложила». А мы можем предположить, что письмо написано достаточно грамотным горожанином, вполне возможно, из тех, у которых Прасковья работала в услужении, или её клиентов. Но «эмансипированная» Прасковья скорее выступает как исключение. В основном паспорта необходимы были женщинам для устройства на работу с одной целью: выжить с детьми, оказавшись брошенными мужьями. Так, например, самарская мещанка Авдотья Никитина завела гражданское дело на мужа своего Назара Петрова Сорокина, «недостающего ей средств к содержанию и ведущего нетрезвую жизнь... Сорокин уже был в арестантских ротах и в тюрьме... приговорён снова к заключению на 5 с половиной месяцев...»¹⁵³. Решено было предоставить ей вид на жительство с правом свободно «отлучаться на заработки»¹⁵⁴.

Также в пользу жены было решено дело самарской мещанки Федосьи Ионовой Левкиной, чей муж, Лев Афанасьев, вёл «жизнь нетрезвую, средств ей к содержанию малолетних детей не давал, но и не выдавал паспорт на отлучку для работы»¹⁵⁵. Некоторые мужья писали прошения в думу с целью напомнить чиновникам, кто в мещанском доме хозяин: *«Самарского мещанина Василия Степанова Бабушкина Прошение / Жена моя Аграфена Иванова с малолетней дочерью Елизаветой неизвестно куда, без моего позволения в 1866 г. из г. Самары скрылась. На проживание она... получает из думы паспорта или билеты, а как по статье... жена обязана жить вместе и по статье... в непосредственном послушании к мужу; ... просить думу более жене моей паспортов не высылать и сообщить где она живёт и немедленной высылке её в г. Самару. 1868 г.»*¹⁵⁶. Василий, отправляя прошение в думу, не забыл, по все видимости, с кем-то посоветоваться о тех статьях законов, в которых речь шла об обязанностях жены. Думе отстаивать интересы женщины в данном случае не было резона, и она выдала справку: *«Аграфене был выдан паспорт на один год 1867 г... так как срок паспорта уже истёк, то вновь паспорта не выдавать»*¹⁵⁷. В 1890 г. самарский мещанин, ефрейтор запаса Михаил Петров Пашкин писал в мещанскую управу заявление: *«Минувшего 1889 г. 2 октября месяца я был повенчен по первому браку с девицею самарской мещанкою Екатериной Ивановой Поповой Как видно что жена моя Екатерина Иванова ныне Пашкова оказалась дурного поведения и в настоящее время от меня самовольно удалась... покорнейше прошу жене моей... без ведома моего паспорта... не выдавать»*¹⁵⁸. Аналогичное заявление поступило от мещанина Анофриева, в котором он пишет, что жена Арина Капитоновна «от меня отстала»¹⁵⁹ и поэтому паспорт ей не выдавать. Козьма Конатов оказался более детален в своём заявлении о запрещении выдавать паспорт жене, из которого мы узнаём следующее: *«так как моя жена законная уже не живёт со мной... 4 года, и притом имеет у себя лёгкое поведение которое посрамляет моё имя... известна на всю Самару...»*¹⁶⁰. Никита Осипов вообще не видел свою жену Матрёну Порфильевну около 15 лет, её местожительство ему также неизвестно, поэтому *«в случае явки моей жены паспорта ей не выдавать»*¹⁶¹. Мещанин Андрей Захаров просил не вы-

давать письменного вида жене Марине, «так как она со мной не живёт а ведёт жизнь развратную»¹⁶².

Но были и такие мужья, которые спокойно относились к необходимости для жён выдачи паспортов: «В Самарскую мещанскую управу самарского мещанина Константина Епифанова Хрунтяева живущего в г. Самаре по Преображенской улице в своём доме / Прошение / ... выдать жене моей Елизавете... вид на жительство во всех городах Российской империи сроком на три года, а если на такой срок нельзя, то на один год»¹⁶³. Самарский мещанин Егор Карпов Баканов писал в самарскую мещанскую управу: «В случае обращения жены моей Федосьи... с просьбой о выдаче документа... не задерживать, так как хотя Федосья... со мной не живёт, но с моей стороны к выдаче ей письменного вида препятствий не имеется. 1893 г.»¹⁶⁴. Аналогичное прошение поступило от 27-летнего Аристарха Ефимова Заварзина, который писал: «выдавать ежегодно жене моей Авдотье... отдельный паспорт по её личной просьбе»¹⁶⁵. Ибрагим Яковлев Юдкин ходатайствовал о выдаче его жене Хиле Яковлевой трёхмесячного паспорта для выезда на Родину¹⁶⁶. Иногда из-за скрытых для нас подробностей и перипетий семейной жизни позиция мужей в отношении выдачи жёнам паспортов менялась. Так, например, в 1894 г. самарский мещанин Пётр Васильев Горелов написал в мещанскую управу заявление: «Имею честь заявить Самарской мещанской управе, что жене моей самарской мещанке Евдокии Викентьевой Гореловой не выдавать никакого вида на жительство... так как жена моя... уже как второй год не живёт со мной совместно, очень покорнейше прошу о не выдаче ей никакого вида¹⁶⁷ и свидетельства на жительство о чём и радействую». Через некоторое время Пётр Горелов изъявляет своё согласие на выдачу отдельного вида на проживание своей жене сроком на 6 месяцев¹⁶⁸. В 1910 г. он умирает, его жене на тот момент было 44 года, детей в этом браке не было¹⁶⁹.

Обращает на себя внимание значительное количество дел, связанных с нарушением патриархальной нравственности в мещанских семьях середины и второй половины XIX века. Родители, оставленные детьми без всякой помощи в старости, избиваемые, оскорбляемые, пишут жалобы в думу и управу, пытаются использовать в качестве механизма воздействия на своих отпры-

сков рекрутство или паспорт. Причём данная тенденция непочитания родителей обозначилась ещё в XVIII в., что подтверждает исследование быта горожан провинциального Бежецка, предпринятое А. Каменским, который обращает внимание на то, что родители нередко страдали из-за детей: были избиваемы и «бранимы всячески»¹⁷⁰. Арина Гурьянова, самарская мещанка, в 1858 г. писала мещанскому старосте: *«Ваше степенство / при сём условии представляю до вас всепокорнейшую мою просьбу возбудить начальное разбирательство при требовании паспорта с моего сына Павла Гурьянова взять денег на пропитание моё присылкою в город Уральск мне поневоле моего здоровья самой в Самаре ехать нельзя так же и кормиться нечем а он мне в течении с 1854 г. и по 1858 г. уплатил 25 рублей серебром и больше я с нево не получила И он мой сын указывает что за отца платил подушное ну как мой муж есть ли так был нездоров то мы должны лежать под забором в следствие чего Ваше степенство от детища иттить по миру весьма горько... естли же мы его сбивали то так ну он приди упокой нас я рада и тому что в тёплой избе была не хочет жену беспокоить так я буду людей нанимать а если он говорит что не в состоянии платить, то в надежде я с нево получать себе на хлеб если ба ещё кто у меня был то я бы за ним не гналась а у меня oprиче ево сродников никаких нет и так во уважении сей просьбы отдаю вашей начальнической милости»*¹⁷¹. Чтобы обязать своих детей заботиться о престарелых родителях, матери порой вынуждены были обращаться в думу с требованием получения от отпрысков официальной подписки. Так, например, 8 декабря 1858 г. Мещанин Павел Никитич Гурьянов дал подписку *«родительнице своей, самарской мещанке Арине Титовой Гурьяновой в том, что обязуюсь я ей родительнице моей давать на пропитание каждый год 45 руб. серебром и за родителя моего самарского мещанина Никиту Иванова подушные каждогодно уплачивать и паспорт каждый год выправлять на свой щёт с тем чтобы мне на промысленности своей мыт от ния особо если сие я обязанности свои не исполню то вольна она родительница моя поступить со мною по её родительской власти. В том подписуюсь»*¹⁷². Самарская мещанка Марфа Лукьянова Шахаткина в 1887 г. писала в мещанскую управу, чтобы сыну её без её ведома никаких доку-

ментов на отлучку не выдавали, и прибавляется новый персонаж мещанской повседневности, нотариус, для которого сыну также не выдавать никаких документов¹⁷³. И в отношении жён в конце XIX в. мещане продолжали настаивать, чтобы без их ведома паспорта не выдавать¹⁷⁴.

Другое дело – вдовы или солдатские жёны. Мещанские управы рассматривали такие дела по собственному усмотрению. В 1883 г. было выдано самарской мещанской управой удостоверение для проживания в г. Самаре в течение шести месяцев солдатской жене Василисе Ароновой, 50-ти лет, *«в том, что она принадлежит к обществу мещан г. Самары и значится записанною по сем. Списку солдата за 1875 г. под № 144, приметами она: росту 2 арш. 4 верш., волосы на голове и бровях светлые глаза серые лицо чистое особых примет нет»*¹⁷⁵.

Паспортная повседневность самарских мещан позволяет даже слегка заглянуть в мир детства. В любые эпохи и времена дети любят разрисовывать всё, что попадает им под руку. И вот на месячном билете 1868 г. ребёнок (сын владельца паспорта), аккуратно разлиновав карандашом оборотную сторону, записал сочинённое стихотворение на тему великого потопа. Отец юного поэта – Никита Степанов Ефремов, самарский мещанин, 43-х лет, женат, волосы и брови светлые, глаза серые, хромотает на правую ногу. На оборотной стороне было написано¹⁷⁶: *«Сия стих принадлежит самарскому мишенину михаилу никитичу ефремову / Жук / Потоп страшный умножался / народ видя испугался гнева господя / видя воды многий люты побегали / в горы круты там спастись ной / опечалился немного когда ковчег / поднимало водой той как шум с / водой оразился ковчех поводам / сия полетний птица воздухе / молнами вся повоздуху летала / ползы нет их силы прекратились воду повалить в... час / плавали водами тех покрыла / их волнами чёрными / извещай и назат возвращало / вести нет голубица валетала / день в... провожала... / нет денем квечеру окалонивши / голубица возвративши и радосно/суче древо знаменито отовсех древ / отменито маслично... / суша явилась дверь ковчеза / отворилась вышел ной / заним зверей вобирались / брали...»*. Внизу разворота верх ногами снева была сделана подпись: *«Сия книга принадлежит самарскому*

мещанину Михайли Никитичу Ифремову». Далее следовали два слова: «Кузнец Жук». И на второй половине лицевой стороны билета была нарисована девочка с лошадкой¹⁷⁷. Если исходить из качества рисунка и допустить, что исторически соответствие возраста качеству рисунка не претерпело существенных изменений, а так же допустить, что рисунок на билете не был дорисован ещё кем-нибудь из детей более младшего возраста, то приблизительно возраст ребёнка можно определить как пятилетний. Почерк аккуратный. Сам автор явно проявляет склонность к аккуратности ввиду того, что разлиновал лист. Взросление мещанских детей начиналось рано, в 5-6 лет многих уже отдавали в обучение в мастерские¹⁷⁹. Некоторых детей отдавали изучать грамоту к дьячкам, у которых обучение вначале шло по церковнославянски¹⁸⁰. У некоторых мещан было домашнее образование¹⁸¹. Не исключено, что юный автор под впечатлением священной истории, преподаваемой в контексте закона Божьего в церковно-приходских школах, сочинил стихотворение о потопе. Даже с учётом того, что некоторые слова трудно расшифровать, ясно, что изображение ребёнка было потрясено картинами такого бедствия, постигшего мир. Мальчик интерпретирует сюжет из Книги Бытия очень эмоционально. Неудивительно, что при дороговизне бумаги листами юному поэту послужил билет отца. Ввиду месячного назначения документа, вполне возможно уже просроченный. Но билет, как и положено, был возвращён в думу, и в результате дошёл до нас с таким ценным «приветом» из прошлого, как детское стихотворение и рисунок.

С паспортом связаны и такие «фабульные мотивы» мещанской повседневности, как «покинуть дом» – «вернуться в дом». «Покинуть дом» – «при прохождении определённого жизненного этапа (*rite de passage*) и обретения нового дома – как совершеннолетие, женитьба, переезд или смерть, или ... в результате конфликта – оказавшись беглецом или пленником, или превратившись в бездомного бродягу, или ища себе новый дом; и, наконец,... отправившись в гости...»¹⁸². «Вернуться в дом» - «...возвращение прежде потерянных членов семьи (как Одиссей или евангельский блудный сын)...»¹⁸³. В развитии «русской домашней культуры»¹⁸⁴ сложились различные мифологические обра-

зы дома, исходя из субкультурной и сословной стратификации общества: усадебный вариант «дворянского гнезда», купеческий дом с его традиционным укладом, «Домострой» и т.д. Миф мещанского дома – ускользающий, не обоснованный в достаточной степени в культуре, за исключением карикатурных деталей: канарейка, фикус, буфет и т.д. Поэтому если рассматривать паспорт не только как документ, удостоверяющий личность, а как символ домашнего мира, как один из элементов микрокосма мещанского дома, то любые события, связанные с паспортом, будут являться своего рода конфликтным пространством, актуализирующим наполнение повседневности событиями, порой носящими драматический характер. Самарский мещанин Иван Николаевич Барышников отправил своему брату Михаилу Николаевичу в г. Енисейск на золотые прииски «купцов Рязановых, Мошаровых и К» полугодовой паспорт через Енисейскую городскую полицию. Проходит год. Семья не получает никаких вестей от Михаила. Тогда, понимая, что для проживания вне Самары необходим уже новый паспорт, Иван отправляет ещё одно письмо в енисейскую полицию с приложенным к нему письмом от отца. Отец писал: *«Милый сын / Во первых строках посылаю тебе своё родительское благословление которое для тебя будет полезно... Я... не могу понять милый сыночек почему я от тебя и до сего времени не могу получить никакой (весточки) ... где ты в настоящее время служишь... Это для меня горько ... Нынче... я получил сведения о тебе что ты ещё существуешь на белом свете, от Ивана максимовича который мне сообщил сведения о тебе, но я милый сын ни письма ни денег ничего от тебя... прошу тебя приезжай ты ради Бога сам хоть избавишь ты меня от престоющей скорби о тебе прими милый сыночек от меня почтение да от брата твоего Ивана Николаевича и супруги Марьи ... почтение от сестры брата и супруги... от детей наших почтение...»*. На конверте отец что-то ещё неразборчиво дописал о «проклятой Сибири» и просьбу возвращаться домой¹⁸⁵. Через какое-то время письмо отца возвращается из Енисейска в Самару с припиской на конверте: *«Михайло Николаевич приказал всем своим знакомым долго жить, который уже помер как год тому назад»*¹⁸⁶. Иван пишет новое письмо в Енисейск с просьбой разобраться, так как *«в справедливости её (при-*

писки на конверте о смерти Михаила. – З.К.) сомневаюсь, полагаю что если бы он действительно помер, то хозяева его, вероятно, паспорт его, хотя и просроченный, обратно бы для уничтожения в думу (отправили)»¹⁸⁷. К сожалению, конца этой истории из материалов дела узнать не удастся. Обращает на себя внимание вера мещан в документ. Все интеракции, связанные с паспортом, оказываются важнее личностных связей. Приписка от неизвестного лица, носящая частный характер, уступает вере мещан в бюрократическую процедуру возвращения паспорта умершего в своё родное мещанское общество. Раз паспорт не вернулся, значит, жив. С другой стороны, безусловно, в этом сюжете присутствует естественная для любящих родственников надежда на ошибку в приписке, «надежда умирает последней».

В паспорте указывалось имя мещанина. «Очевидно, что идентификационная способность паспортного имени в принципе невелика», тем не менее «документное имя – всегда полное, как правило, не использовавшееся в повседневном общении, и уже эта особенность прагматики имени создавала определённый разрыв в восприятии двух практик именования, а включение в состав официального именования отчества и фамилии лишь подчёркивало специфику документного портрета человека»¹⁸⁸. Мещанские имена, как и само сословие, представляли собой своего рода сплав русской традиционной культуры и всех тех социальных, национальных и культурных сил, которые пополняли эту среду. Вот только из посемейного списка самарского мещанина Арасланова Яруллы Агмуллова выступают следующие имена: Гальма Баян, Вай Сима, Гьеза Бенат, Биби Осман, Вамехамет, Гэльма Банат, Вали, Махмут, Мухамет, Фатьма, Биби Сара¹⁸⁹. Однако даже самих чиновников мещанские имена повергали в недоумение и создавали путаницу. Так, в самарскую казённую палату из Самарской городской думы поступило заявление, в котором говорилось, что «девица не Леонида Зыкова, а Линкафида Перфировова, явясь в думу, просила выдать ей удостоверение о принадлежности к самарскому мещанскому обществу»¹⁹⁰. Почему-то чиновники в думе решили, что девицу зовут Александра Порфировова. Александра или Леонида, но только не Линкафида. Но настойчивая девица всё-таки добилась, чтобы в документы её внесли как

Линкафиду¹⁹¹.

Процедуры выяснения личности мещан, отражённые в делопроизводстве, в подлинности паспортов которых полиция усомнилась, помогают также воссоздать ту «бумажную повседневность», которая осуществляла «захват тела». («Историки давно начали писать историю тела. Они исследовали тело в плане исторической демографии и патологии. Они рассматривали тело как вместительницу потребностей и желаний, как место, где происходят физиологические процессы и метаболизм, как мишень для микробов и вирусов. Они показали, до какой степени исторические процессы были вовлечены в то, что может казаться чисто биологической основой существования, и какое место в истории обществ следует отвести биологическим «событиям», таким как циркуляция бацилл или увеличение продолжительности жизни. Но тело непосредственно погружено и в область политического»)¹⁹². В г. Уральске в 1860 г. был задержан человек с паспортом, «написанным на вытравленном бланке на имя самарского мещанина Абрама Александрова Мухлина»¹⁹³. Абрам заявил полиции, что в 1860 г. в «*бытность свою в г. Самаре он вошёл в одно присутственное место и получил от неизвестного писаря, оказавшегося при нём, паспорт, а билет его оставлен им у себя, сказав при том, что паспорт этот выдаётся ему из думы, за который взял с него 3 р. серебром, ... фальшивый или нет этот паспорт сказать не может, так как принял его за действительный*»¹⁹⁴. Уральская полиция препроводила паспорт «бродяги» в Самару.

В 1860 г. в Самарскую городскую думу «посредством внутренней стражи» от Чернского городничего был доставлен человек, называвший себя самарским мещанином Никанором Сергеевым Рябининым¹⁹⁵. При пересылке его в Самару Никанору были выданы казённая одежда и кормовые деньги, всего на сумму 2 рубля 40 копеек. Их необходимо было уплатить, но где взять? У Никанора не имелось никаких собственных средств. У думы тоже не оказалось никаких возможностей для того, чтобы вообще что-нибудь поделаться с Никанором. И вот сидит Никанор три дня в помещении думы без всякой стражи и никуда не сбегает. Раз всё его преступление, по мнению думы, заключалось в том, что он проживал с просроченным паспортом в г. Черни, следовательно,

должен был подлежать лишь денежному взысканию, эх, зачем же нам его доставили? Тогда решили Никанора отправить в город, чтобы он нашёл себе квартиру или поручителя. Да и Никанор уверил в думе чиновников, что у него в Самаре имеются родственники. Но ни родственников, ни *«желающих взять его к себе для зарабатывания денег не оказалось»*, *«рабочих же заведений при обществе, в которых бы можно поместить его для отработки денег»*, в Самаре не имелось. Поэтому был Никанор отпущен думой на все четыре стороны¹⁹⁶. Далее события развивались следующим образом. На основании, по всей видимости, какого-то запроса в думу, там снова забеспокоились о личности Никанора Рябинина. По *«секретному дознанию»* мещанского старосты выяснилось, что провёл Рябинин всё лето на берегу Волги *«с неблагонамеренными людьми»*, его видели в питейных заведениях, где Никанор объявлял себя *«знающим ремесло делать мишурные позументы»*, и вообще что он выдавал себя за самарского мещанина, а на самом деле был бродягой. Стали списываться с чернским городничим. И выяснилось, что там Никанор Сергеевич Рябинин заявил, что *«от роду ему 31 год, веры православной, на причастии бывал, грамотен, перед судом никогда не был, губернского г. Самары мещанин, рождён ... крапивненского уезда в имении князя Гагарина, села Спасского, от дворового человека Сергея Ефремова Рябинина и законной матери Анны Васильевой...»*. Никанор рассказывал: *«... отец мой получая вольную от помещика»* вначале проживал в *«недельном расстоянии от Самары»* управляющим в имении генерала С.Н. Муханова, потом приписался в Самаре мещанином, *«где я и потом состоял приписанным по последней ревизии в одной сказке с мачехой моей и ея сыном, паспорт же я получил из самарской градской думы через почту»*. Потом *«промышлял у родных... в деревне Хутор графини Марьи Сергеевны Шуваловой»*. *«Последний паспорт имею 1856 года ноября 23 числа с того времени я паспортов не получал всё это время проживал у Чернского 3-й гильдии купца Автамонова... отправился в с.Сергиевское к Черёмушкину для испрошения помощи на отправку паспорта так как он был хорошим знакомым родителя моего... (далее неразборчиво)... а потом взяли солдаты и привели к начальнику...»*¹⁹⁷. Далее в деле о Никаноре Рябинине следовало письмо на имя неизвестного покровителя:

«Всемилоостивый Государь! / Борис Филиппович! Прибегая к Ваше-му человеколюбию осмеливаюсь объяснить Вам самые теснейшие мои обстоятельства происшедшие по ненависти недоброжелателей моих: / а именно: / 1. бывал я в Новосильском уезде в имении Ея сиятельства графини Марьи Сергеевны Шуваловой в деревне Хутор у содержателя Зутенской водяной мельницы Чернского Зй гильд. купца Матвея Григорьева Автамонова который враждебно отнял у меня собственные мои карманные серебр. часы стоящие 10 руб серебром следующим образом. Отправился я с Новосильским мещанином Егором Алексеевым в д. Зиндовку он же Автамонов выпустя меня из деревни Хутора послал за мною своего работника верхом который подскакавши ко мне в виде разбойника с Ужасною Озартностью закричал как ты смел взять часы хозяина моего Я ему в ответ что эти часы не хозяина твоего а собственные мои он же мне на это если ты не возвратишься назад то я тебе сейчас же врось расшибу в такой крайности как беззащитный вынужден был возвратиться назад... снял с меня часы таким образом лишился я своей собственности

2-ое Бывши в Москве у мачехи проживал у нея неделю получа от второго мужа ея Василья Кириллова ответ чтобы я шёл из дома вон Я ж на другой день вышел из оного вспомоествовавши Ей незадолго перед тем 11 руб. серебром. Таким образом лишился наследства родительского заключающиеся до 8 тыс. рублей серебром. Но так как из Самарской градской думы в прилагаемой при паспорте выписке сказано: в будущем 1857 году с 2-ой половины поступить в оклад податей в 3-х душах а потому и следует при-слать в уплату оных и в обеспечение за 1858 год всего с выправкою годового паспорта 20 руб. серебром. При сей крайности прибегая под ваше покровительство явить Вам милосердие горькому сиротке со всех сторон притесняемому и беззащитному Желаю Вам всех благ: душевных, телесных, земных и небесных. С чувством глубочайшего почитания и совершенной преданности имею честь быть всенижайшим слугой Никанор Сергеевич Рябинин 1860 г.»¹⁹⁸. Самарская дума продолжала дознание по делу «бродяги» Рябинина. История, изложенная им в вышеприведённом письме, подтверждалась. В 1856 г. Н.С. Рябинин отправил в самарскую градскую думу старый паспорт и просил выслать новый по месту

жительства: «Тульской губ. Новосильскому у. в имение Ея Сият. Граф. Марьи Сергеевны Шуваловой в д. Хутор»¹⁹⁹. К письму за новый паспорт он приложил 2 рубля серебром. Однако по окладным спискам в составе его семейства числились три души: он, мачеха и сводный брат. Поэтому дума с него потребовала вначале уплатить в оклад за три души податей 20 рублей серебром. Рябинин писал в думу, пытаясь объяснить, что давно уже живёт отдельно от мачехи и брата. Мачеха проживает в Москве. Она купила собственный дом и *«пользуется доходом с него»*. *«Я ж, – писал Никанор, – совершенно от оного отстранён»*²⁰⁰. Пусть семейство мачехи само за себя платит подати, *«мачеха вышла замуж за артиста московских театров Василья Кирилова Скоробогатова»*²⁰¹. За себя же Никанор был готов уплатить 5 рублей. Однако, по видимому, никому не было дела до его действительных семейных обстоятельств. Паспорт ему не выслали. И Никанор решил жить беспаспортным. Следующим к делу Н.С. Рябинина был приложен Открытый лист от командира Нижегородского батальона внутренней службы на арестанта Никанора Рябинина, отправленного из Нижнего Новгорода в Самарскую городскую думу²⁰². Его освидетельствовали в Москве, выдали коту, рубаху, порты, онучи, шаровары, рукавицы, варежки, тульский зипун неформенный, московский полушубок, мешок (*«взыскать за оные вещи в казну деньги»*) и через Нижний Новгород отправили в Самару²⁰³. Сюжет, посвящённый делу Никанора Рябинина, заканчивается в делопроизводстве думы тем же, с чего и начинался: *«мещанин Никанор Рябинин препровождённый... (в Самару)... находясь при думе 3 дня, выпросился разыскать в г. Самаре родственников для чего был отпущен чтобы иметь постоянное жительство до настоящего времени не явился где находится неизвестно...»*. Для розыска обратились в полицию. Полиция не обнаружила пропавшего арестанта. Стали тогда искать, кто виноват в том, что просидевший в думе три дня без надзора арестант исчез. Виноватого нашли – им оказался мещанский староста, который отпустил Никанора для *«разыскания родственников»*²⁰⁴. В этой достаточно грустной истории показан маленький человек большой империи, *«вырванный с корнем»*. Дело иллюстрирует, как легко можно было потерять свой легитимный локус и превратиться в

бродягу: без паспорта, преследуемого законом, отверженного. Человеческое (Никанор), в этом сюжете приходит в столкновение с бюрократическим (паспорт). Внутри бюрократического снова происходит столкновение человеческого (мещанский староста) и бюрократического (дума). Никанор уходит на Волгу. Вместе с этой великой матерью-кормилицей обездоленного люда он пойдёт в своё странствие по просторам России, и мы, подобно Гоголю, будем говорить: «Никанор, куда ж бредёшь ты, дай ответ...» – «Не даёт ответа...».

Даже с великим русским писателем Ф.М. Достоевским произошла история, связанная с паспортом, из-за которой он был задержан как бродяга: «У столичных жителей был обычай, уезжая на дачу, отказываться от квартиры... Так в 1875 г. поступили и Достоевские, уехав в Старую Руссу. Но Фёдору Михайловичу пришлось по делам приехать в Петербург и поселиться в гостинице по всем правилам. По имевшемуся у него временному «билету» он был принят, записан в книгу, и об этом извещена петербургская полиция. Писатель был тут же вызван к полицейскому приставу, и последний стал объяснять Достоевскому, что его документы не в порядке, ибо у него должен быть не временный билет, а постоянный паспорт. «Я спорить не стал, – рассказывает Достоевский в письме к жене, – ... в Петербурге 20 тысяч беспаспортных, а вы всем известного человека как бродягу задерживаете». «Это мы знаем – с. Слишком знаем-с, что вы всей России известный человек, но нам закон» – отвечал помощник пристава»²⁰⁵.

Взятый за «безписьменность» 26-летний самарский мещанин Алексей Григорьев Базаров был отправлен в самарское полицейское управление «без оков» (так как ранее судим не был) в «звании арестанта»²⁰⁶. Другого «безписьменновидного мещанина г. Самары Алексея Волкова» решено было отправить в самарское городское полицейское управление из Бирючинского уездного полицейского управления (Воронежская губерния) также в состоянии арестанта, но уже со строгим сопровождением: «*препроводить по настоящему тракту за караулом, определяя везде к нему здоровых и не престарелых должное число провожатых, давать с рук на руки за распискою, а в ночное время не выводя из жилище, содержать в оных дабы побега учинить не мог под опа-*

сением взыскания по законам, по доставлении же его в Самарское городское полицейское управление отдать сим кому следует за распискою... 1867 г.»²⁰⁷. Волкову были выданы: халат, полушубок, мужская рубаша, порты, штаны с ремнём и пряжкой, коты, суконные онучи, мешок, каптур, рукавицы с варгами²⁰⁸. За всю арестантскую одежду взыскать нужно было с самарской стороны. Поэтому в документах, выдаваемых мещанам, указывалось: «если после сего срока не явится, то с ним будет поступлено как с бродягою»²⁰⁹.

Матери понимали, с какими перспективами для их детей связана в случае потери документа «безписьменность», и хлопотали о новых видах на жительство для своих сыновей, уехавших на заработки. Самарская мещанка Афимья Степанова Сахарова писала прошение: «Сыну моему Ивану Сахарову выдан был билет 11-го июля... для приискания места в приказчиках на Нижегородской ярмарке, но таковой им потерян, не доезжая до г. Симбирска...»²¹⁰. Если же мещанская управа задерживала высылку паспорта, мещане могли жаловаться губернатору²¹¹.

Паспорт владельца, вернувшийся в мещанское общество, может проиллюстрировать и всевозможные виды девиаций, совершаемых мещанами. Так, например, от самарского полицмейстера в мещанское общество был препровождён паспорт на имя мещанина Александра Иванова Рогова. Рогов представился полицмейстеру как агент пароходного общества «Кавказ и Меркурий». Был задержан из-за «неуплаты денег за проезд и долг по буфету»²¹².

Девиации в мещанской среде были связаны в том числе и с проблемой фальшивых паспортов. Несмотря на то, что «паспорт был документом, строго учитываемым», в стране было распространено широкое хождение фальшивок²¹³. Так, самарское мещанское общество решило воспользоваться своей дисциплинарной властью над сообщественниками и отправить мещанина Калина Осипова Гробовского в Сибирь за его дурное поведение. Калину на тот момент исполнилось 33 года. С фальшивым билетом он был пойман в Астрахани городской полицией ещё в 1849 году. Вместо заключения в работный дом его высекли розгами (50 ударов) и отправили домой в Самару, так как и до этого Гро-

бовский уже провёл два года в астраханских арестантских ротах. Получив в своё распоряжение такой «подарок», самарские мещане постановили: «на исправление его в поведении не надеемся, а считаем удалить его из среды своих сообщественников и сослать его в Сибирь на поселение». Мать его, Авдотью Петрову (65 лет), жену Марью Гаврилову (33 лет) и дочь Пелагею (13 лет) – принять в дом зятя²¹⁴. 32-летний самарский мещанин Давыд Моисеев Маневич был отправлен на два года в работный дом за составление подложных документов, потом в тюремный замок. В тюрьме, по мнению тюремного комитета, Маневич вёл себя хорошо, и мещанское общество Самары, рассудив, что *«хотя Маневич и подвергался суду за разные преступления, но подаёт надежду на исправление своей нравственности»*, постановило принять его обратно в свою среду²¹⁷.

Нередко местные бюрократы задерживали высылку паспортов под различными предлогами. Не только потому, что были крючкотворами. Есть у русских такая черта характера, которую можно определить как холуйство (*«Помолимся же господу за долголетие барина! сказал холуй чувствительный»*). Не за своё добро радели чиновники, а за государственное. Лишнюю копейку выторговать у однообщественников – дело чиновничьей чести. В подобном деле вынужден был разбираться губернатор, когда на его имя было подано прошение от самарских мещан Романа Фёдорова Воронова и Василья Алексея Морозова. Мещане писали, что ими 13 октября 1866 г. было отправлено через Ардатовскую почту в думу на государственные и общественные сборы и на высылку паспортов 13 рублей, но паспортов нет, *«этим совершенно стеснены и даже можем поднасть как без паспортные под ответственность, равно подвести под такую же ответственность и то лицо у коего мы проживаем...»*²¹⁸. На запрос губернатора дума отвечала, что действительно, деньги были получены, *«но по недостатке на бланки паспортов денег и на переправку их, паспорта им не высланы... в настоящем году следует с них с каждого по 2р. 60 коп. и на паспортные бланки с пересылкой по 1р. 35 коп.»*²¹⁹. Так для несчастных мещан образовывался порочный круг недоимок, которые создавали все условия для потери социального статуса в связи с отсутствием паспорта. Но надо отдать должное губерн-

ским властям, они реагировали на жалобы со стороны мещан, которым по неизвестным причинам задерживали высылку паспортов. Так, например, от начальника Самарской губернии в Самарскую городскую думу был отправлено письмо: «*Донести, выслан ли паспорт самарскому мещанину, проживающему в г. Омске...*»²²⁰. Губернатор распорядился выдать паспорт самарскому мещанину Кузьме Терентьеву Лебедеву, который обратился с жалобой на думу, не желающей выдать ему с семейством вид на отлучку из-за того, что он состоял в поморской секте²²¹. Вся специфика «истории снизу» заключается в том, что разные явления социальной жизни могли иметь свою оборотную сторону, тексты поведения должностных лиц в некоторых вопросах различались в зависимости от настроения, частных обстоятельств, личных связей и т.д. Если в некоторых ситуациях по отношению к мещанам в вопросах выдачи паспортов чиновники проявляли неуступчивость, то в других – выдавали документы, не разобравшись в недоимках и рекрутской очереди. Так в 1852 г. начальник самарской губернии в своём обращении в думу отмечал, что «дума должна справляться, нет ли недоимок или рекрутской очереди... А нам от подобных беспорядков при выдаче паспортов... происходит медленность и затруднения во взысканиях с лиц по паспортам уволенных казённых податей и недоимок...»²²².

Заслуживает внимания и такой сюжет паспортной повседневности мещан, который связан с проблемой дистанции в Российской империи, как территориальной, так и временной, в «диалоге» власти и общества, ведущемся между центром и периферией, между человеком и ближайшим к нему носителем власти, между «легитимным телом» и «повседневным телом». В 1858 г. «отпущенник господина Васикова» дворовый человек Яков Васильев был причислен указом казённой палаты в самарское мещанство. Вот уже год Яков платил подати в мещанскую управу за себя и жену Авдотью Герасимовну, но не мог выехать из сельца Григоровка, принадлежащего Васикову, так как барин его не отпускал и не отдавал вид на жительство. Данная история изложена Яковым в письме к матери (или тёще, из письма неясно): «*Милая моя Маминька! Авдотья Петровна! Письмо Ваше для меня весьма приятнейшее имею удовольствие получить И билет приношу Вам*

мою усердную благодарность / желаю Вам от Всевышнего творца здравия счастья и всех благ на свете свидетельствую вам искреннее почтение... Целую / Любезному моему братцу Григорию Герасимовичу моё искреннее почтение с пожеланием всех благ для света и всем моим родственникам моё Душевное почтение Уведомляю Вас что мы живём теперь с супругой Авдотьей Герасимовной в разлуке ибо ей барин дал годовой паспорт и она живёт от меня в 100 верстах... в таком случае прошу вас милый мой братец Григорий Герасимович съездите сами в Самару и узнайте пожалуйста... могу ли я в случае отойти от своего барина ибо мне барин говорит что я... не могу отойти от него покамест не прослужу у него 10 лет о чём усердно прошу вас узнайте пожалуйста повернее за что остаюсь вам весьма благодарен и надеюсь отдать вам в благодарность билет мой (для поездки) в самарскую городскую думу»²²⁴. Юбилейное издание 1911 г. «Великая реформа», пытаясь осознать спустя 100 лет величие события 1861 г., во вводной редакторской статье отметило такой момент, что «только освобождение из-под гнёта рабства давало крестьянству ясно осознать отношение к нему правительства, формулировать себе более или менее отчётливо свою роль в государственном организме. Стоявший между ним и государством помещик мешал выявлению истинного характера этих отношений»²²⁵. Помимо помещика, переселение крестьян в города было достаточно тяжёлым испытанием и с психологической точки зрения: «затруднительность ликвидации деревенского хозяйства, неуверенность в возможности удовлетворительно обосноваться в городе и обременительность процедуры официального оформления перемены...»²²⁶. П.Г. Рындзюнский в этом отношении отмечал в своём исследовании, что «для крестьянина радикальная перемена в его положении наступала лишь при выходе из сельского общества и приобретении им сословных прав мещанина или купца...»²²⁷. Осуществление перехода из крестьян в мещане требовало от них «больших усилий и немалых материальных затрат, причём до самого завершения процедуры сословной принадлежности не было гарантии, что она будет успешной»²²⁸. События нашего сюжета разворачиваются накануне реформы. Но даже после реформы 1861 г. «на весь срок временнообязанных отношений помещик признавался

«попечителем сельского общества». Это означало, что все перемены в этом обществе, в том числе выходы из него его членов, находились под контролем бывшего владельца крестьян... Получить согласие помещика на выход из сельского состояния было нелегко, так как это означало, что помещик уменьшит повинности общества крестьян в размере, соответствующем доли этих повинностей, приходящейся на отбывающего крестьянина...»²²⁹. Фактически только после 1870 г. наступило некоторое облегчение в порядках расторжения связей крестьян с их земельными наделами и упрощение в процедуре перехода крестьян в городские сословия²³⁰. На ситуацию, в которую попал самарский мещанин Яков Васильев 1858 г., во многом проливает свет пример другого конфликта, возникшего в Нижегородской губернии в 1877 г. Нижегородское губернское по крестьянским делам присутствие разбирало жалобу помещика Зыбина на то, что его бывшие крестьяне, «заявив о желании отказаться от своей наделной земли и коллективно причислиться в мещане городов Васильсурска и Козмодемьянска (приёмные приговоры мещанских обществ этих городов ими были получены), перестали платить помещику оброк и начали распродавать своё деревенское имущество. Уверенные в правомерности своего намерения, крестьяне, явочным порядком, не дожидаясь окончания оформления перехода в городское сословие, как бы самовольно превращали себя в мещан... Самовольные действия крестьян поддерживались мещанским обществом г. Козмодемьянска в лице его старосты. Возник спор между городской и сельской администрацией...»²³¹. Это дело не было решено даже в середине 80-х гг. XIX в. Сходная ситуация возникла и в Бугульминском уезде Самарской губернии: «крестьяне ... получили сначала приёмные приговоры от мещанских обществ, однако увольнительные приговоры из волостного правления им упорно не давали»²³². Таким образом, становится отчасти понятной ситуация Васильева. Мещанское общество города поспешило принять его в мещане и включить в круг фискальных обязанностей своего социального круга. Что же касается роли в этом деле помещика, то следует иметь в виду тот факт, что «все... «права» крестьян зависели от помещика... Все обязанности крестьян перед государством, их имущественные и личные «права»

реализовывались с помощью помещиков»²³³. Можно предположить, что в случае Васильева реализовывался на практике указ от 20 февраля 1803 г. об «отпущенниках», указ от 2 апреля 1842 г. об обязанных крестьянах, Свод уставов о паспортах и беглых, изданный в 1857 г., согласно которому помещичьим крестьянам полагалось жить там, где они записаны в подушный оклад. Если же, как в нашем случае, статус был не определён, крестьяне без паспорта могли отлучаться не далее 30 вёрст от места приписки. У Васильева был мещанский паспорт, но он боялся им воспользоваться, так как его помещик продолжал настаивать на проживании Васильева в сельской местности.

Совершенно иной образ паспортной повседневности самарских обывателей середины XIX в. создан в статье Ю.Н. Смирнова «Юрьев день» губернского масштаба. Отмена проверки паспортов в Самаре в начале 1850-х годов»²³⁴. Начать следует с того, что у разных исследователей городское пространство Самары предстаёт хронологически противоположным. Если нам Самара видится неким «обывательским мирком», сродни хронотопу провинциального города, описанного М. Бахтиным (в качестве критериев берётся психология связей акторов с городской властью), то Ю.Н. Смирнов видит самарское пространство в форме подвижной и открытой социальной среды, чей хронотоп определялся в середине XIX в. интересами торговли и такой транспортной артерии, как р. Волга (то есть в качестве основных критериев выделяются экономические интересы акторов). Основной тезис исследователя сводится к существованию достаточно гибкой системы власти как в центре, так и на местах, которая адаптировала законодательство под экономические потребности региона. Данную модель взаимодействия власти и общества Ю.Н. Смирнов рассматривает в системе координат такого события, как отмена паспортной проверки в Самаре в начале 1850-х гг. в интересах торговой жизни города. Персонажами, выделившими это событие в разряд казуса, выступают министр внутренних дел Л.А. Перовский, оренбургский и самарский генерал-губернатор В.А. Перовский и первый самарский гражданский губернатор С.Г. Волховский.

Население города определяется сразу в двух ипостасях: официальной и реальной. Автор пишет: «По официальным данным,

постоянное население в Самаре... к 1851 г. достигло 15 тыс. жителей. Однако реальная его численность была на порядок выше. С весны до зимы в город и его округу стекалось на заработки около 100 тыс. человек, и даже зимой в Самаре оставалось с учётом пришедших не менее 25 тыс. обитателей»²³⁵. Далее, обращая внимание на маргинальную специфику фронтирного пространства Самары, Ю.Н. Смирнов отмечает, что «изготовление фальшивых паспортов превратилось в настоящее ремесло. За приемлемую плату городские и даже деревенские грамотеи сами предлагали желающим на «материале заказчика» – заранее принесённом листе гербовой бумаги – написать необходимый документ и «заверить» его самодельной собственноручно вырезанной печатью. Пришедшую в ветхость фальшивку можно было со временем заменить официальной копией, заверенной в местных присутственных местах настоящими подписями реальных чиновников»²³⁶. Автор приводит интересный пример «житейского успеха» Ф.С. Плотникова, который «сбежал от рекрутчины в Самару», несмотря на мероприятия по его розыску со стороны оренбургского генерал-губернатора и симбирского вице-губернатора, так и не возвращённого к месту приписки, но трижды избранного впоследствии городским головой Самары²³⁷. Пример «державной мудрости» в действиях высшего чиновничества относительно особого режима проверки паспортов, которого требовала специфика самарского пространства, Ю.Н. Смирнов находит в переписке 1851 г. между министром внутренних дел Л.А. Перовским и его братом, оренбургским и самарским генерал-губернатором В.А. Перовским. Министр писал брату: «В г. Самару ежегодно стекается для закупки хлеба. Соли и других продуктов и для работ по заготовлению запасов, хранению и отправлению с открытием навигации судов около 500 тыс. чел. и с ними до 600 тыс. лошадей»²³⁸. Соответственно, у пришедших людей паспортов не будет, поскольку те привыкли, что в Самаре документов во время навигации не спрашивают. «Теперь же власти повысившего свой статус города (с 1851 г. – губернский. – З.К.) обязаны будут требовать документы, задерживать беспаспортных, что приведёт к вымогательствам и подрыву местной торговли»²³⁹. Л.А. Перовский предлагал, чтобы и впредь полиция не требовала на самарских торгах и пристанях

ни от кого паспортов. Первый самарский гражданский губернатор С.Г. Волховский представил возражение министру, считая необходимым следовать букве закона. Против Волховского выступила его собственная канцелярия, которая в предоставленном докладе отмечала, что «при многочисленном стечении народа в г. Самаре во время навигации, строгое требование паспортов и видов... , как это предписывается законом, окажет отрицательное воздействие на торговлю»²⁴⁰. В результате, «следуя... совету опытных местных чиновников, сначала министр внутренних дел в отношении оренбургскому и самарскому генерал-губернатору от 4 февраля 1852 года, а затем В.А.Перовский в секретном распоряжении С.Г. Волховскому от 24 февр. дали указания, фактически упразднявшие паспортный контроль в Самаре»²⁴¹. Данную традицию «пренебрежения паспортным контролем» в Самаре Ю.Н. Смирнов пролонгирует и на пореформенное время, отмечая, что «даже в начале XX в. в ней, в отличие от других крупных городов и губернских центров, не имелось паспортного стола, что облегчало проживание здесь «неблагонадёжных лиц»²⁴². Таким образом, в двух исследовательских позициях сформировалось два взгляда на паспортный контроль в Самаре: один, актуализированная теорией организации М. Фуко, исходит из представления о социальной жизни индивидов, организованной властью и контролируемой (надзираемой) властью. Другой, в определённой степени созвучная идеальной бюрократии М. Вебера, рассматривает действия власти как пример рационализации общества, когда «для достижения определённого результата выбирается лучший, наиболее эффективный путь»²⁴³.

После городской реформы 1870 г. лицо города принципиально поменялось, и вместе с ним поменялись связи и взаимодействия, определявшие мещанский быт. Меняется лицо и провинциального бюрократа: он становится менее патриархален, менее человечен, более дистанцирован от мещанского сообщества. Многие дела начинают решаться через поверенных. Так в 1871 г. от поверенного семьи Щёлоковых, кандидата прав В.Ф. Ролгова в мещанскую управу поступило прошение о том, чтобы сбежавшему от Щёлоковых приказчику, самарскому мещанину Феодосию Иванову Ширтову, паспорта не выдавать²⁴⁴.

С другой стороны, продолжали поступать по-прежнему патриархальные прошения от стариков-мещан с просьбами через паспорта воздействовать на их детей: *«Город Самару в мещанскую городскую думу всепокорнейшее вас прошу господа общественники что я чтобы моему сыну пашпорта не высыля потому что я хочу пробыть в своё общество сын мой остаётся а я втова настоящего чтобы мой сын остался здесь в Сибири а я чтов не желаю чтобы он от меня остался потому что я ево женил и лишил всех преимуществ он теперь бросил меня старика... и хочет приписывать в Красноярское общество...»*²⁴⁵.

Социальный конструктивизм исходит из того, что «способы... понимания и категоризации мира в повседневной практике – это не прозрачное отражение «вне» нашего, а продукт исторически и культурно специфического понимания мира...»²⁴⁶, «дискурс конструирует реальность»²⁴⁷. В рамках данного направления выделяется интеракционистский подход, который анализирует «ориентацию текста и речи в социальной интеракции на действие», то есть изучает, «как производится социальная организация через речь и интеракцию»²⁴⁸. «Исследователь анализирует диалоги людей как проявление мира, который участники создают сами»²⁴⁹. Синтетический подход дискурсивной психологии позволяет провести критическое исследование «роли повседневного разговора по отношению к более широким вопросам социальной практики и власти»²⁵⁰. Сторонники данного направления заменяют термин «дискурс» более гибким, на их взгляд, понятием «интерпретативного репертуара»²⁵¹: «люди активно используют дискурсы для придания формы социальным действиям в текстах и речи»²⁵². В этом отношении интересно письмо самарского мещанина Н.В. Гороховского, датированное 1890 г. С точки зрения тех изменений, которые претерпел город после реформы 1870 г., мы имеем дело с новым социальным пространством так называемой всесословной власти, новым типом социальных персонажей, интегрировавших в себя «городской нобилитет» в лице дворянства и интеллигенции, и новым типом интеракций, менее патриархальным и более рационализированным. Автор же письма продолжает использовать устоявшийся в середине XIX в. речевой канон обращения во власть в форме некоего слезливого горевания. И данная форма

обращения оказывается востребованной, принятой, понятой. Из чего можно сделать вывод, что новый рационализированный, образованный чиновник, о котором пишет Б.Н. Миронов, ещё не повсеместно распространился в эшелонах провинциальной власти, ещё остаётся место для «интимного» диалога в форме эпистолярного обращения, причём не относящегося к частной переписке, так как данное письмо было приобщено к делопроизводственной документации городской управы. Из штампа на письме становится известной личность автора: Н.В. Гороховский, владелец сыроваренного завода, расположенного в Пензенской губернии в имении господ Сатиных в Старой Акшине. Н.В. Гороховский писал: *«Милостивый государь Алексей Ильич! Описываю Вам своё несчастное положение. Хотя вы и не виноваты, извините, что я вас затрудняю. Прошу вас как родного отца, наведите справки, где в настоящее время находится паспорт и пришлите почтовую квитанцию отправленного паспорта, ещё прошу вас, если он отослан по ошибке, то попросите мещанскую управу, выдать копию, чтобы можно было мне проехать в Петербург, хотя на 15 дней Товар у меня отправлен и с того времени как с Вами видался, а сам живу в Пензе А из дому получил 4 телеграммы что паспорта нет. Прошу Вас уведомите меня телеграммой тотчас же по получении сего письма какая причина что будет стоить, запишите в мой счёт Письма и телеграммы пишите по адресу Пенза сырная лавка Я.Я. Кфеллер, Гороховскому (ниже стоит печать: Николай Владимирович Гороховский. – З.К.)»²⁵³*. Несмотря на элементы традиционного дискурса, появляются новые интонации: «прошу вас уведомить меня телеграммой», «что будет стоить», «запишите в мой счёт», личная печать – свидетельствующие о новом статусе мещанина, остающегося в своём сословии, но с точки зрения социального статуса поднявшегося над своей социальностью. Перед нами предстаёт уже человек хронотопа модернизированного города, с интенсивным ритмом жизни, торговыми делами, вовлекающими его в орбиту имперской жизни. Паспорт в этой ситуации становится важным элементом мобильности индивида. Появляется в повседневном быту телеграмма, также интенсифицирующая жизнь. Однако при всём при этом патриархальный стиль письма иллюстрирует «интерпретативный репертуар», то

есть индивид выбирает дискурс, исходя из обстоятельств времени и места: мещанских интеракций провинциального города. После письма Гороховского было проведено расследование и выяснилось, что виновата в исчезновении паспорта почтовая контора, по ошибке отправившая его паспорт в Ташкент²⁵⁴. Даже в финале этой истории есть свидетельства убыстрения темпа жизни провинции, разрушения традиционных для провинциального мира хронологических ценностей: мещанство разъезжается по империи, почтовая контора не справляется с увеличившейся нагрузкой, Ташкент уже не край ойкумены, а часть новой географии повседневности провинциального мещанства.

В 1908 г. на имя самарского губернатора поступило прошение от мещанина Ивана Матвеевича Жукова, в котором он пишет, что несколько раз обращался с просьбой в самарскую мещанскую управу о выдаче вида на жительство, но ему всё время отказывали на основании письменного отношения от земского начальника 5 участка Бугурусланского уезда, который обвинял Жукова в том, что он пишет «ложные кляузы». Дело, по всей видимости, дошло до суда, который оправдал Жукова. Жуков лично обратился к земскому начальнику с просьбой, чтобы он «в выдачи разрешения не препятствовал». Так как земский начальник продолжал упорствовать, пришлось обращаться к губернатору²⁵⁵.

Если в середине XIX в. в качестве удостоверения личности преобладали в мещанской среде плакатные паспорта и билеты, то с конца XIX в. их место заменяют паспортные книжки, в которых указывались: фамилия, имя, отчество, звание, время рождения или возраст, вероисповедание, место постоянного жительства, состоит ли в браке, отношение к отбыванию воинской повинности, документы, на основании которых выдана паспортная книжка (посемейные списки), подпись владельца книжки, если владелец неграмотен, то его приметы (рост, цвет волос, особые приметы), статья законодательства, на основании которой выдана книжка, перемены, произошедшие в служебном, общественном или семейном положении²⁵⁶. Продолжали употребляться и плакатные паспорта²⁵⁷. В документах самарской мещанской управы паспортные книжки появляются с 1897 г., с паспортной книжки на имя Апполона Леонова Кириллова.²⁵⁸ С 1900 г. появляется подпись

владельца паспорта²⁵⁹. Сведения, указанные в паспортах, часто носили условный характер. Так, например, в паспорте 1903 г. на имя самарской мещанки, скончавшейся в бакинской больнице, отмечено: «неизвестно состоит ли в браке»²⁶⁰. Известно только, что ей было 22 года, детей нет, православная, работала прислугой²⁶¹. Паспортные книжки продолжали возвращаться в мещанскую управу родного города после смерти их владельцев на чужбине: из Иркутской военно-фельдшерской школы пришёл паспорт самарского мещанина, умершего от внутреннего кровотечения после перелома рёбер; с парохода близ посада Дубовки – паспорт скоропостижно умершего 42-летнего мещанина, страдавшего чахоткой и т.д.²⁶².

Случались прецеденты, когда за неправомерно выданный паспорт мещанскую управу собирались привлекать к суду. В 1880-1883 гг. самарская мещанская управа столкнулась с таким обвинением. По приговору Владикавказского окружного суда коллежский регистратор Фёдор Семёнов за нанесение оскорбления действием своему начальнику был присуждён к лишению всех особенных прав и преимуществ и сослан на жительство в Самарскую губернию на три года с воспрещением всякой отлучки. В Самаре он был причислен к местному мещанскому обществу. Спустя некоторое время Семёнов вдруг обнаруживается проживающим в г. Хвалынске в гостинице Хренова по паспорту, выданному ему из мещанской управы. Когда направили запрос в мещанскую управу, там ответили, что по ошибке выдали паспорт. Им объяснили, что тем самым члены управы во главе с председателем совершили проступок, предусмотренный 979 статьёй уложения о наказаниях. Хвалынскому уездному полицейскому управлению было предписано паспорт у Семёнова отобрать и самого выслать в Самару. Мещанскую управу хотели предать суду, но служащие заявили, что были только что избраны, а прежняя мещанская управа в посемейных списках Семёнова не отметила и не отметила, что он был сослан в Самару под надзор полиции. Данные обстоятельства были учтены, и председатель управы с членами отделались выговорами²⁶³. В заключении к своему исследованию «Дамы на обочине» Н.З. Дэвис объясняет, что она понимает под понятием «обочина»: «каждая из женщин

по-своему обживала маргинальное пространство, превращая его в своеобразный центр... в каждом из... случаев личность старалась высвободиться из тисков европейских иерархий, уклонившись в сторону от привычной колени, сойдя на обочину»²⁶⁴. С другой стороны, как замечает автор, «от центров власти и иерархических структур нельзя отделиться полностью»²⁶⁵. Так же и герои данного эпизода, Семёнов и члены самарской мещанской управы, в определённой степени оказываются «на обочине» пространства власти: Семёнов нарушает официальную иерархию и за оскорбление начальника оказывается сосланным в Самару и лишённым всех прав и преимуществ. Далее он вновь нарушает закон и покидает определённое ему властью место дисциплинарной ссылки. Мещанские служащие находятся в определённом отдалении от власти и совершают должностное преступление по незнанию, безалаберности и традиционным для русского человека текстам поведения, определявшимся принципом «Бог не выдаст, свинья не съест». Сидя в своих захолустных мещанских управах «на обочине», они и не подозревали порой степень ответственности, на них возложенной. Власть как «множественность отношений силы»²⁶⁶ добралась в разнообразных проявлениях, объединённых сюжетом «паспортной повседневности», и до «обочины».

При интенсификации массовых коммуникаций в начале XX в. стали возникать проблемы с пересылкой паспортов по почте. Так 21 марта 1909 г. в самарскую мещанскую управу пришло открытое письмо от мещанина Ильи Михайловича Романова из Стерлитамака, в котором он пишет: «...покорнейше прошу Вас вышлите мне годовой паспорт я свой прочисленный паспорт отослал 7 но вы мне не дали никакого ответа затем пожалуста мне вышлите годовой паспорт я сейчас проживаю без виду жительство пожалуста вышлите мне как нибудь. Адрес город Стерлитамак Уфимской губ. Село Лешово Аверьяновский завод перидать в Литейный цех Илье Михайловичу Романову»²⁶⁷. Орфография источника сохранена намеренно для драматизации картины жизненных обстоятельств, в которые был поставлен «маленький человек» большой империи, включённой в модернизационные процессы. Мещане уезжают на чужбину, становятся рабочими промышленных предприятий, но с точки зрения сословной при-

надлежности продолжают быть связанными с мещанским обществом своего города, несмотря на то, что указом 1906 г. им была предоставлена возможность получать паспорт по месту проживания. Мещане г. Самары писали с просьбой о выдаче паспортов из г. Челябинска: *«Милостивый государь Господин Мещанский староста будьте настолько любезны Вышлите мне и брату паспорта Сергею Прохорову и Александру Прохорову Германову»*²⁶⁸. В ответ на эту просьбу самарская мещанская управа пишет в Челябинск г. полицейскому надзирателю: *«Просимые паспорта высланы быть не могут впредь до присылки в управу 7 коп. на отсылку их заказной корреспонденцией, 3 р. 13 коп. в уплату общественных повинностей, а для брата – согласие родителей...»*²⁶⁹. И в 1907 г. значительное количество писем в мещанскую управу Самары посвящено просьбам о выдаче паспортов²⁷⁰. Меняется стиль этих писем, становясь более дистанцированным, менее личностным. Так, мещанин из Царицына писал председателю управы: *«М.Г.Г. староста я вам послал письмо и просил вас выслать мне паспорт и призывное свидетельство но вы почему-то не высылаете Итак я вас прошу пожалуйста выслать мне поскорее паспорт и свидетельство, это требуется при совершении брака...»*²⁷¹.

В делах мещанской управы в начале XX в. не только по вопросу получения паспортов, но и по другим аспектам функционирования мещанского общества возникает много непонимания самими служащими управы, как в повседневной делопроизводительной практике интерпретировать те или иные правительственные постановления. В результате «местной самодетельности» управ возникала такая ситуация, что, несмотря на законодательные инновации, служащие продолжали вести свои дела по старинке, пока не вмешивалась вышестоящая власть в лице губернатора. С другой стороны, даже события начала века, включение мещанства в хронотоп новой эпохи, не вызвали в тот момент ещё полного очерствления чиновника. Так, например, мещанская управа приняла решение об исключении отметок о судимости из паспорта, выдаваемого мещанину Рябову. Хотя тот и продолжал вести «образ жизни нетрезвый» и «определённых занятий не имел», управа посчитала, что «выдача Рябову видов на жительство с отметками о его прежней судимости пре-

пятствует ему найти какое-либо занятие и изменить настоящий образ жизни»²⁷².

В переписке по поводу выдачи паспортов мещанам, которая велась на протяжении 1907-1908 гг. с председателем мещанской управы, обращает на себя внимание отсутствие таких эго-писем, которые были свойственны для середины XIX века. В значительном количестве паспортов, сохранённых в делопроизводстве управы, чётко вырисовывается новый социальный персонаж, идентифицируемый уже как городской профессионал. В паспортах указываются профессии: кондуктора, маляра, кузнеца, сапожника, прислуги, машиниста, телеграфиста, калошника, слесаря, приказчика, золотых дел мастера, столяра, фельдшера, черно-рабочего, техника и т.д.²⁷³ В управу пишут студенты мещанского происхождения: *«Покорнейше прошу выслать свидетельство о моём происхождении для канцелярии Томского технологического института студенту Сотникову»*²⁷⁴ В 1911 г. продолжается профессионализация мещанства, засвидетельствованная в паспортах: слесарь, помощник машиниста, садовник и т.д.²⁷⁵ В 1915 г. увеличивается количество требуемых паспортов для детей, отправленных учиться в другие города²⁷⁶ Обращает на себя внимание появление в делопроизводстве просьб о выдаче и не выдаче паспортов дочерям («вакансии для поступления в должность», «акушерка-фельдшерица» и т.д.)²⁷⁷ Всё свидетельствовало о постепенном включении женщин в активную социальную жизнь. Особенно этому способствовала Первая мировая война. «Женщины перестали посвящать себя исключительно домашнему хозяйству, они вторгались в те области, которые в XIX веке считались прерогативой мужчин... Первая мировая война ускорила изменения в различных областях жизни общества, культуры. Увеличилось число образованных, работающих женщин...»²⁷⁸. Мещанскому старосте понадобилось разъяснение от губернатора закона от 12 марта 1914 г. о выдаче паспортов и видов на жительство замужним женщинам без согласия мужа. Но матери по-прежнему писали в управу прошения, чтобы без их разрешения не выдавали паспорт дочерям²⁸⁰. Делопроизводственная документация управы за 1916 год хранит ещё один эпизод, приоткрывающий дверь в интимное пространство жизни мещан, и, что показательно, он

уже касается юной барышни. С 1903 по 1916 гг. председателем мещанской управы (мещанским старостой) Самары был Степан Матвеевич Евсеев²⁸¹. К нему и писала молодая особа, мещанка Самары, проживавшая в 1916 г. в г. Бузулуке: «Милостивый государь Степан Матвеевич! Я посылала Вам свой паспорт, чтобы Вы мне его переделали. Но до сих пор не получила...»²⁸². Следом приходит телеграмма: «покорнейше прошу скорее выслать его (паспорт. – З.К.), т.к. 8 октября я уезжаю в Хабаровск»²⁸³. Далее в письме от 5 октября барышня пишет: «Что за причина задержания? Меня это волнует. Скоро ведь две недели, как я его вам отослала... Вас просил наш папа... С полицией неприятно дел иметь да и задержат могут лишних несколько дней. А мне каждый день дорог. Елена Михайловна Коновалова»²⁸⁴. В письме от 9 октября Елена Михайловна пишет Степану Евсеевичу: «Милостивый государь / Степан Евсеевич! / За сообщение мне о моём паспорте благодарю вас. / Теперь вынуждена сказать вам о том, как бы не вышло какое недоразумение ввиду того, что у меня не было документов, я вынуждена была жить гражданским браком. Мои родные против гражданского брака. Когда я попала к своему жениху, то им сообщила, что вышла замуж, но в действительности я жила гражданским браком. Вот только теперь я хочу уже обвенчаться. Но мои родные, больше чем уверены, что я уже обвенчана! И я теперь боюсь, как бы не обнаружилось и они не узнали бы о моём гражданском браке. Вдуг у них что-либо запросит полиция? Конечно, они уверено так скажут, что я замужем. Вот тут то и может выйти недоразумение очень беспокоюсь! Я покорнейше прошу Вас нельзя ли полиции помимо их моих родных навести обо мне справки? С почтением к Вам Е.М. Коновалова»²⁸⁵.

В 1915 г. мещанская «паспортная повседневность» обнаруживает новые сюжеты, связанные с задачами военного времени. В мещанскую управу циркулярно сообщается, что «недогруз минерального топлива в вагоны, подаваемые на каменно-угольные копи Донецкого бассейна», произошёл из-за того, что многие рабочие, вернувшиеся на рождественские праздники домой, «лишены были возможности возвратиться на работы... вследствие задержки на родине, в связи с мобилизацией ратников ополчения» и изъятия в этой связи у рабочих паспортов. Министерский

циркуляр требовал «не допускать затруднений» в возвращении рабочих на производство²⁸⁶.

В конце XIX – начале XX вв. значительно увеличивается количество проживающих в Самаре евреев. Это находит отражение в документации мещанской управы²⁸⁷. Такая ситуация в определённой степени была вызвана личностью самарского городского головы П.В. Алабина, который проявлял значительную мудрость в национальном вопросе. «В бытность Алабина в Самаре весьма лояльно решался вопрос о виде на жительство для ... евреев»²⁸⁸. Я.Л. Тейтель, служивший в эти времена в Самаре служебным следователем, отмечал, что отношение к евреям в Самаре было очень корректное, выселения евреев, не имевших вида на жительство, здесь никогда не было²⁸⁹. Только в 1915 г. в делопроизводстве мещанской управы обнаруживается свидетельство ужесточения паспортного контроля для евреев, в частности мещанским управам нужно было принять к сведению, что «согласно статье 70 Паспортного устава в видах на жительство евреев как грамотных, так равно и неграмотных... обязательно должны быть обозначены приметы», так как при несоблюдении заполнения данной строки, «евреи стали передавать паспорта на право повсеместного в империи жительства своим единоверцам»²⁹⁰.

В пространстве мещанского эпистолярного дискурса обращает на себя внимание письмо в мещанскую управу, написанное иностранной компанией «Зингер» с просьбой о сообщении места жительства мещан г. Самары. Письмо датировано 4 ноября 1909 г. и свидетельствует о постепенном наступлении новой эпохи более сложных интеракций, вызванной экономическими изменениями в стране, разрушением патриархальных личностных связей индивида с институтом власти. Отпечатано письмо на машинке: *«Сим честь имеем покорнейше просить Самарскую Мещанскую Управу не отказать в любезности сообщить нам местожительство самарского мещанина А.А. Зеленкова или его жены М.П. или же адрес, куда ей/ему в последний раз выслан паспорт. Выражая заранее свою благодарность за любезный ответ, который просим сделать на обороте сего, прилагаем при сём конверт с маркой и имеем честь быть в совершенном почтении. Компания Зингер»*. Данное письмо было оставлено без ответа, по крайней мере на

данном конверте не указаны интересующие компанию сведения²⁹¹.

Совсем уже редко в предреволюционный период встречаются в делопроизводстве самарской мещанской управы письма во власть с элементами частной жизни автора. Они уже не носят того патриархально-семейного характера, как те, которыми было наполнено делопроизводство провинциального города середины XIX века. В качестве примера можно привести письмо 1914 г. в управу (самарскому мещанскому старосте) от мещанина Михаила Константинова Владимирова, проживающего в г. Уральске, но являющегося мещанином г. Самары: *«В настоящем марте месяце мною был получен годовой паспорт из Самарской мещанской Управы Спустя несколько дней, через полицию, управа требует с меня недоимку в сумме 6 р. 66 коп., но я в настоящее время уплатить эту сумму не в состоянии, потому что я человек чернорабочий, семейный, средств не имею, а работ в Городе совершенно нет никаких, даже кормлюсь кое-как. В Виду изложенного я имею честь покорнейше просить Вас Г-н Староста освободить меня от уплаты сего налога в виду моей бедности и известить Уральскую городскую полицию о снятии с меня требуемой недоимки 13 марта 1914 г.»*²⁹². И ещё одно письмо из последних в фонде мещанской управы эго-документов, связанных с паспортом, датированное 1911 годом. Письмо адресовалось «Г-ну самарскому губернатору» от самарского мещанина Николая Максимова Герасимова²⁹³. Николай писал, что *«1911 г. по случаю произошедшей драки при аресте меня г. Помощником пристава 4 части... была отобраена моя бессрочная паспортная книжка и как оказалось она затеряна, с тех пор я неоднократно обращался в самарскую мещанскую управу и полицию о выдаче мне дубликата... уже 2 месяца просьбы мои неудовлетворенны а т.к. я человек бедный и к тому же семейный... могу лишиться на ж/д службы и дети мои будут исключены из учебного заведения...»*²⁹⁴.

Письма о паспортах начинают с 1914 г. вытеснять телеграммы, в которых уже полностью устраняется оттенок личного обращения во власть²⁹⁵.

В 1916-1917 гг. мещанская управа Самары фактически выполняла функции паспортного стола: в делопроизводстве за эти

годы в основном находятся копии посемейных списков, расписки о выдаче паспортов, сведения о местожительстве, розыске мещан, алфавиты к настольному паспортному реестру и т.д.²⁹⁶ Паспорта свидетельствуют об усилившейся профессионализации мещан. В паспортах за 1916 г. доминируют среди мещанских профессий «хозяйство» и «служба»²⁹⁷, но так же часто встречаются слесари, столяры, позолотчики²⁹⁸. С мещанскими паспортами продолжали случаться всякие неурядицы. Какой-то мещанин облил весь паспорт чернилами и вынужден был восстанавливать его²⁹⁹. В делах, датированных декабрём 1917 г., ещё сохраняется термин «мещане»³⁰⁰.

По мнению В.Г. Чернухи, «паспортные правила были инструментом сословной политики... Они позволяли удерживать население на месте... Консервировать неподвижность и несмешиваемость разноплеменных и разноуровневых по развитию, обычаям, верованиям территорий, создавая разные условия для мобильности сословий и народов... паспортная система, замедлявшая естественные экономические и социальные процессы...»³⁰¹. Октябрьская революция 1917 года, изменив общественно-политический строй в стране, до 1932 г., то есть до введения единого советского паспорта, «пользовалась... случайными и краткосрочными документами – мандатами, удостоверениями и справками... и старые паспорта... не были выброшены и в отдельных случаях выручали их владельцев»³⁰². Таким образом, до 1932 г. новая «власть не забыла об этой удобной и принятой форме легитимации и слежения за гражданами...»³⁰³. Социальное «тело» самарской мещанской управы наполнилось после февраля 1917 г. новыми знаками альтерации, связанными с изменениями властных структур. Причём повседневная жизнь требовала всё тех же необходимых условий существования, к которым можно отнести паспорт. Так, в апреле 1917 г. в управу поступила бумага с печатью комиссара Оренбургской уездной военно-народной охраны: *«Штаб уездной охраны даёт знать для сведения, что мещанке г. Самары Екатерине Павловой Устиновой проживающей в Оренбургском посаде по годовому паспорту выданному самарской мещанской управой от 22 марта 1917 г... сим Штабом Охраны 22 апреля с.г. за № 31 выдана на проживание бессрочная паспортная книжка»*³⁰⁴. Говоря о

повседневности «маленького человека», застигнутого революцией (сознательно не хотелось бы проводить тему «маленький человек в катастрофе», придерживаясь более позитивного взгляда на практики выживания и роль революции в истории, чем это делает в своей монографии И.В. Нарский³⁰⁵), хотелось бы обратить внимание на тот факт, что при официальном уничтожении сословий декретом СНК и ВЦИК от 11 (24) ноября 1917 г. в повседневной практике данная терминология продолжала использоваться. Так, в мае 1918 г. в самарский городской исполнительный комитет поступило заявление от управления народной самарской городской милиции с просьбой выдать копию посемейного списка самарского мещанина Михаила Никифоровича Колесникова³⁰⁶. С другой стороны, в прошении от 2 ноября 1917 г. уже не было указано сословное происхождение просящей: *«Прошение / Самарской Гражданки / Прасковьи Константиновны Овчинниковой / проживающей в г. Челябинске Оренбургской губернии / имею честь покорнейше просить Городскую Штаб милицию, выдать моей дочери Зое Павловне по 18-му году свидетельство на проживание по всей Российской империи / А почему я решилась обратиться в оный Штаб Милиции, выдать дочери родной отдельный письменный вид на жительство и поступлении ей на должность куда либо не было»*³⁰⁸. Старший милиционер 1-го участка самарской городской милиции 7 ноября 1917 г. провёл дознание в отношении Прасковьи и выяснил, что она мещанская вдова 53-х лет, проживает со своим семейством в Челябинске, в Самаре в мещанской управе её хорошо знают, поэтому решено было выдать её дочери вид на жительство³⁰⁹. Данный документ иллюстрирует такое свойство повседневности, как быстрая адаптация к языковым изменениям политического характера. За полгода население уже привыкло именоваться гражданами, сословные термины параллельно сохранялись в делопроизводстве. «Чтобы понять формирование социальной идентичности, – отмечает в своём исследовании Э. Виртшафтер, – важно знать, как просители определяли себя и оценивали свои требования...»³¹⁰. Таким образом, язык повседневности конструировал синкретическую социальную практику, совмещающую в себе как дискурс власти, так и «интерпретативные репертуары» местной публики. «Я» провинциального ме-

щанина конструировалось неизбывно путём «интернационализации социальных диалогов»³¹¹. Власть же, функционируя « посредством позиционирования человека относительно различных дискурсивных категорий»³¹², не всегда успевала обнаружить это ускользающее социальное «Я», заключить его в свой дискурс, обозначить место в пространстве.

¹ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 206.

² Там же.

³ Там же. С. 208.

⁴ Там же. С. 209.

⁵ Чернуха В. Г. «Паспортный сбор» в России (1763-1897 гг.) // Страницы российской истории. Проблемы, события, люди: сб. в честь Бориса Васильевича Ананьича. СПб., 2003. С. 223; Чернуха В. Г. Паспорт в России. 1719-1917 гг. СПб., 2007.

⁶ Чернуха В. Г. Паспорт в Российской империи: наблюдения над законодательством // Исторические записки. 2001. № 4 (122). С. 91.

⁷ Чернуха В. Г. Паспорт в Российской империи. С. 91.

⁸ Стейнвелд Ч. Создание социальных групп и определение социального статуса индивидуума: Идентификация по сословию, вероисповеданию и национальности в конце империалистического периода в России // Российская империя в зарубежной историографии: работы последних лет: антология М. 2005. С. 610-633.

⁹ Смирнов И. Н. Мещанское сословие Области войска Донского в конце XIX – начале XX века.: дис. канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2007. С. 163.

¹⁰ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь: репр. воспроизведение издания 1890 г. Т. 44. М., 1992. С. 924.

¹¹ Чернуха В. Г. Паспорт в Российской империи. С. 92.

¹² Там же. С. 109.

¹³ Там же. С. 110.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 113.

¹⁶ Там же. С. 111.

¹⁷ Там же. С. 112.

¹⁸ Полное собрание законов Российской Империи. II. Т. 31. Отд. 1. № 30030.

¹⁹ Там же. Т. 36. Отд. 2. № 37604.

- ²⁰ Там же. Т. 42. Отд. 1. № 44239.
- ²¹ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). С. 461-462.
- ²² Чернуха В. Г. Паспорт в Российской империи. С. 122.
- ²³ Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: социал. и культ. аспекты. М., 2008. С. 209.
- ²⁴ Виртшафтер Э. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. М., 2002. С. 61-62.
- ²⁵ Амосова О. С. Правовой статус мещан Российской империи (XVIII – XIX вв.): дис... канд. юрид. наук. Владимир, 2005. С. 46.
- ²⁶ Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России XIX столетия.
- ²⁷ Полное собрание законов Российской Империи. II. Т. 22. Отд.1. № 21210.
- ²⁸ ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп.2. Д.12.
- ²⁹ Полное собрание законов Российской Империи. II. Т.28. Отд.1. № 27283.
- ³⁰ Амосова О. С. Правовой статус мещан Российской империи. С. 47.
- ³¹ Цит. по: Амосова О. С. Правовой статус мещан Российской империи. С. 47.
- ³² Амосова О. С. Правовой статус мещан Российской империи. С. 48.
- ³³ Свод законов Российской Империи. Т. 2. Ч. 1: Уложение о наказаниях. Ст. 48, 49, 51. СПб., 1885.
- ³⁴ Амосова О. С. Правовой статус мещан Российской империи. С. 49.
- ³⁵ Свод законов Российской Империи. Т. 2: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1885.
- ³⁶ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.235. Л.52.
- ³⁷ Чернуха В. Г. «Паспортный сбор» в России. С. 227.
- ³⁸ Чернуха В. Г. Паспорт в Российской империи. С. 117.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же. С. 118.
- ⁴² Амосова О. С. Правовой статус мещан Российской империи. С. 52.
- ⁴³ Свод законов Российской Империи. Т. 14. Ч. 5: Устав о паспортах и беглых. СПб., 1890.
- ⁴⁴ Амосова О. С. Правовой статус мещан Российской империи. С. 53.
- ⁴⁵ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.305. Л.70, 77.
- ⁴⁶ Там же. С. 55.
- ⁴⁷ Там же. Д.26. Л.387.
- ⁴⁸ Там же. С.56.
- ⁴⁹ Амосова О. С. Правовой статус мещан Российской империи. С. 56.
- ⁵⁰ Баак Й. ван. Дом и мир // Антропология культуры. Вып. 3. М., 2005. С. 41.
- ⁵¹ Баак Й. ван. Дом и мир. С. 41.

- ⁵² ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.305. Л.54.
- ⁵³ Там же. Ф.153. Оп.1. Д.84. Л.64-65.
- ⁵⁴ Там же. Ф.217. Оп.1. Д.363.
- ⁵⁵ Свод законов Российской Империи. Т. 14. Ч. 1-5. Устав о паспортах и беглых. СПб., 1890.
- ⁵⁶ Амосова О. С. Правовой статус мещан Российской империи. С. 58-59.
- ⁵⁷ ГУСО ЦГАСО.Ф.217. Оп.1. Д.26. Л.387.
- ⁵⁸ Там же. Д.391. Л.514.
- ⁵⁹ Чернуха В. Г. Паспорт в Российской империи. С. 125.
- ⁶⁰ Чернуха В. Г. «Паспортный сбор» в России. С. 228.
- ⁶¹ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество. С. 462.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Чернуха В. Г. Паспорт в Российской империи. С. 125.
- ⁶⁴ Там же. С. 126.
- ⁶⁵ Чернуха В. Г. «Паспортный сбор» в России. С. 228.
- ⁶⁶ Чернуха В. Г. Паспорт в Российской империи. С. 127.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Свод законов Российской Империи. 1903. Т. 14: Устав о паспортах. Ст. 48, 65.
- ⁶⁹ Чернуха В. Г. Паспорт в Российской империи. С. 127.
- ⁷⁰ Полное собрание законов Российской Империи. III. Т. 26. Отд. 1. № 28392. Ст. V.
- ⁷¹ Чернуха В. Г. Паспорт в Российской империи. С. 128.
- ⁷² Там же. С. 129.
- ⁷³ Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России XIX столетия. С. 210.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп.1.Д.391. Л. 88-88(Об.).
- ⁷⁶ Там же. Д.403. Л.6.
- ⁷⁷ Фуко М. Надзирать и наказывать. С. 288.
- ⁷⁸ Гидденс Э. Социология. С. 581.
- ⁷⁹ Стейнвелд Ч. Создание социальных групп и определение социального статуса индивидуума. С. 610-633.
- ⁸⁰ Там же. С. 31.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России XIX столетия. С. 205.
- ⁸³ Гидденс Э. Социология. С. 81.
- ⁸⁴ Там же. С. 84.
- ⁸⁵ Там же. С. 96-97.
- ⁸⁶ Виртшафтер Э. Социальные структуры: различия в Российской империи. М., 2002. С.14.

⁸⁷ И.В. Нарский в разделе «Технические замечания», предваряющем его монографию «Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917-1922 гг.» замечает, что «при обилии развёрнутого цитирования, оправданного неизвестностью большинства документов и жанром самого исследования, опечатки, опечатки, грамматические и пунктуационные ошибки исправлены без оговорок...» (Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917-1922 гг. М., 2001. С.8). Мы же сознательно сохраняем орфографию источника, в частности, того эпистолярного наследия мещанства, которое оказалось сохранённым в составе делопроизводственной документации, так как практически нет другого пути уловить вербальные особенности мещанской речи.

⁸⁸ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.26. Л.4(а)-4(б) (Об.).

⁸⁹ Там же. Л.4(б)(Об.).

⁹⁰ Плампер Я. Эмоции в русской истории // Российская империя чувств. Подходы к культурной истории эмоций. М., 2010. С. 16.

⁹¹ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д. 26. Л. 128.

⁹² Цит. по: Муравьёва О. С. Как воспитывали русского дворянина. СПб., 1999. С. 122.

⁹³ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1997. С. 26.

⁹⁴ Цит. по: Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. С. 27.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Богданов В. П. «Крапивенное семя»: чиновничество и российская саморефлексия // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2011. № 37. С. 101-126.

⁹⁷ Там же. С. 123-124.

⁹⁸ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): **генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства**. СПб., 1999. Т. 2. С. 173.

⁹⁹ Хренов Н. А., Соколов К. Б. Художественная жизнь императорской России (субкультуры, картины мира, ментальность). СПб., 2001. С. 168.

¹⁰⁰ Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 56.

¹⁰¹ Миронов Б. Н. Социальная история России. Т. 2. С. 162-175, 196-208.

¹⁰² Там же. С. 174-175.

¹⁰³ Там же. С. 175.

¹⁰⁴ Миронов Б. Н. Социальная история России. Т. 2. С. 182.

¹⁰⁵ Там же. Т. 1. С. 528.

¹⁰⁶ ГУСО ЦГАСО. Ф. 170. Оп.2.Д.12. Л.60.

¹⁰⁷ Там же. Л.60-60 (Об.).

¹⁰⁸ Суни Р. Г. Аффективные сообщества: структура государства и

нации в Российской империи // Российская империя чувств. М., 2010. С. 84.

¹⁰⁹ Фуко М. Надзирать и наказывать. С. 269.

¹¹⁰ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д. 26. Л.1021 (Об.)-1022 (Об.).

¹¹¹ Баранов В. С., Михеева А. В., Шерстнёв В. Г., Шерстнёва Г. С. История самарского купечества. Династии Плотниковых – Шерстнёвых. XIX – начало XX вв.: ист. очерк. Самара, 2012. С. 27.

¹¹² Куприянов А. И. Городская культура русской провинции. Конец XVIII – первая половина XIX века. М., 2007. С. 292.

¹¹³ Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей... С. 372.

¹¹⁴ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.43. Л.706 (Об.) – 707.

¹¹⁵ Там же. Д. 26. Л. 1026 (а)(Об.)

¹¹⁶ Там же. Л.1033.

¹¹⁷ Там же. Д. 43. Л.708 – 708 (Об.).

¹¹⁸ Там же. Л.1042.

¹¹⁹ Там же. Д.26. Л.1052 (Об.).

¹²⁰ Там же. Л.1052 (а).

¹²¹ Там же. Л.1052 (б).

¹²² Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. С. 29-31.

¹²³ Там же. С. 34.

¹²⁴ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. С. 469.

¹²⁵ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.43. Л.898.

¹²⁶ Куприянов А. И. Городская культура русской провинции. С. 398.

¹²⁷ Там же. С. 404-405.

¹²⁸ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.43. Л.709.

¹²⁹ Там же. Ф.170. Оп.6. Д.621. Л.563 (Об.).

¹³⁰ Там же. Д.621. Л.575.

¹³¹ Там же. Л. 711 (Об.)

¹³² Там же. Ф.217. Оп.1. Д.43. Л.712 (Об.).

¹³³ Там же. Л.729 – 730.

¹³⁴ Там же. Л.731.

¹³⁵ Гиляровский В. Избранное: в 2 т. Т. 1: Трущобные люди. Мои скитания. Люди театра. Куйбышев, 1965. С. 19.

¹³⁶ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.43. Л.802.

¹³⁷ Там же. Л.809.

¹³⁸ Там же. Л.850 (Об.).

¹³⁹ Человек в мире чувств: очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени. М., 2000. С. 8.

¹⁴⁰ Там же. С. 10.

- 141 ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.26. Л.1403.
142 Там же. Д.43. Л.855.
143 Там же. Д.306. Л.17.
144 Там же. Л.20.
145 Там же. Л.18.
146 Там же. Ф.170. Оп.6. Д.621. Л.9 (Об.)-10.
147 Там же. Л. 14-16.
148 Там же. Ф.217. Оп.1. Д.270. Л.36.
149 Там же. Л. 38-38 (Об.).
150 Там же. Л.42-42 (Об.).
151 Там же. Л.43-44.
152 Там же. Л. 392 – 392 (Об.).
153 Там же. Д.89. Л. 428-428 (Об.).
154 Там же.
155 Там же. Л.455.
156 Там же. Ф. 170. Оп.6. Д.1558. Л. 46.
157 Там же. Л.46 (Об.).
158 Там же. Ф.217. Оп.1. Д.254. Л.10.
159 Там же. Л.20.
160 Там же. Л.21
161 Там же. Л.52.
162 Там же. Л.100.
163 Там же. Ф.153. Оп.1. Д.84. Л.143.
164 Там же. Д. 85. Л. 534
165 Там же. Л.582.
166 Там же. Л. 311.
167 Там же. Д.85. Л.13.
168 Там же. Л.14.
169 Там же. Л. 12 (Об.).
170 Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей... С. 285.
171 ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.32. Л.226.
172 Там же. Д. 33. Л.227-227 (Об.).
173 Там же. Д.235. Л.104.
174 Там же. Л.105.
175 Там же. Ф.153. Оп.1. Д.84. Л.63.
176 Допускаю, что некоторые слова расшифровала неверно.
177 ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.1558, Л.284-285 (Об.).
178 Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России. С. 246-247.
179 Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России. С. 255.
180 Там же.
181 Там же. С. 256.
182 Баак Й. ван. Дом и мир. С. 67.

- 183 Там же.
- 184 Там же. С. 69.
- 185 ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.621. Л. 215-217.
- 186 Там же. Л.217.
- 187 Там же. Л.215-215 (Об.).
- 188 Байбурин А. К. К антропологии документа: паспортная «личность» в России // URL: <http://tnu.podelise.ru/docs/index-228127.html>.
- 189 ГУСО ЦГАСО. Ф.153. Оп.1. Д.86. Л. 673 (Об.)-675.
- 190 Там же. Ф.170. Оп.6. Д. 1558. Л.70.
- 191 Там же. Л.70 (Об.).
- 192 Фуко М. Надзирать и наказывать. С. 39.
- 193 ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.493. Л. 155.
- 194 Там же.
- 195 Там же. Д.573. Л.5.
- 196 Там же. Л.5 (Об.) – 6.
- 197 Там же. Д.573. Л.9-28.
- 198 Там же. Л.40 (Об.) – 41 (Об.).
- 199 Там же. Л.42.
- 200 Там же. Л. 42 (Об.).
- 201 Там же.
- 202 Там же. Л.47.
- 203 Там же. Л.48 (Об.)- 53.
- 204 Там же. Л.55.
- 205 Чернуха В. Г. Паспорт в Российской империи. С. 122.
- 206 ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д. 88. Л.432-433 (Об.).
- 207 Там же. Ф.170. оп.6. Д.1558. Л.52 - 54.
- 208 Там же. Л. 55 (Об.).
- 209 Там же. Ф.153. Оп.1. Д.86. Л.115.
- 210 Там же. Ф.217. Оп.1. Д.88. Л. 610.
- 211 Там же. Л. 762.
- 212 Там же. Ф.217. Оп.1. Д.88. Л.388.
- 213 Чернуха В. Г. Паспорт в Российской империи. С. 99.
- 214 ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.43. Л.644-644 (Об.).
- 215 Свод законов Российской Империи. 1899. Т. 9. Ст. 580.
- 216 Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. С. 468.
- 217 ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.207. Л.191.
- 218 Там же. Ф.170. Оп.6. Д.1558. Л.24.
- 219 Там же. Л. 25.
- 220 Там же. Д.1558. Л.57.
- 221 Там же. Л.87.
- 222 Там же. Ф.1. Оп.1. Д.311. Л.1. – 1(Об.).
- 223 Там же. Ф.1. Оп.1. Д. 259. Л.1-7.

- ²²⁴ Там же. Ф.217. Оп.1. Д.33. Л.280 – 283.
- ²²⁵ Великая реформа: русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Т. I. М., 1911. С. IV.
- ²²⁶ Рындзюнский П. Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века: (взаимоотношение города и деревни в социально-экономическом строе России). М., 1983. С. 198.
- ²²⁷ Там же.
- ²²⁸ Там же. С. 199.
- ²²⁹ Там же. С. 200.
- ²³⁰ Рындзюнский П. Г. Крестьяне и город. С. 201.
- ²³¹ Там же. С. 203.
- ²³² Там же.
- ²³³ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. С. 573-576.
- ²³⁴ Смирнов Ю. Н. «Юрьев день» губернского масштаба: отмена проверки паспортов в Самаре в начале 1850-х годов // Центр и периферия. 2012. № 1.
- ²³⁵ Смирнов Ю. Н. «Юрьев день» губернского масштаба. С. 4.
- ²³⁶ Там же. С. 4-5.
- ²³⁷ Там же. С. 5.
- ²³⁸ Там же. С. 6.
- ²³⁹ Там же.
- ²⁴⁰ Цит. по: Смирнов Ю. Н. «Юрьев день» губернского масштаба. С. 7-8.
- ²⁴¹ Там же. С. 8-9.
- ²⁴² Там же. С. 9.
- ²⁴³ Гидденс Э. Социология. С. 310.
- ²⁴⁴ ГУСО ЦГАСО. Ф. 217. Оп.1. Д.88. Л.48.
- ²⁴⁵ Там же. Л.144.
- ²⁴⁶ Филипс Л., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ: теория и метод. Харьков, 2008. С. 174.
- ²⁴⁷ Там же. С. 175.
- ²⁴⁸ Там же. С. 178.
- ²⁴⁹ Там же.
- ²⁵⁰ Там же. С. 180.
- ²⁵¹ Там же. С. 181.
- ²⁵² Там же. С. 182.
- ²⁵³ ГУСО ЦГАСО. Ф.153. Оп.1. Д.85. Л.255-259.
- ²⁵⁴ Там же. Л.257.
- ²⁵⁵ Там же. Ф.217. Оп.1. Д.391. Л.163-163 (Об.).
- ²⁵⁶ Там же. Д.346. Л.43.
- ²⁵⁷ Там же. Л.49.
- ²⁵⁸ Там же. Д.319. Л.94.

- 259 Там же. Л.17.
- 260 Там же. Л.152-153.
- 261 Там же.
- 262 Там же. Л.205, 216, 267 (Об.).
- 263 Там же. Д.235. Л.181 (а) – 181 (б) (Об.).
- 264 Дэвис Н. З. Дамы на обочине... М., 1999. С. 244-245.
- 265 Там же. С. 245.
- 266 Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 192.
- 267 Там же. Л. 172-172 (Об.).
- 268 Там же. Ф.217. Д. 391. Л.393-398.
- 269 Там же. Л. 398.
- 270 Там же. Ф.217. Оп.1. Д.446.
- 271 Там же. Л.28.
- 272 Там же. Д. 391. Л.253.
- 273 Там же. Д.447. Л.79 (Об.)-235.
- 274 Там же. Л.91.
- 275 Там же. Д.448. Л.1-19.
- 276 Там же. Д.449. Л.23.
- 277 Там же. Л.33, 41, 52.
- 278 История моды с XVIII по XX век: коллекция Института костюма Киото. М., 2003. С. 332.
- 279 ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.411. Л.172.
- 280 Там же. Л.109.
- 281 Памятная книжка Самарской губернии на 1916 год. Самара, 1916 г. С. 14. ; Памятная книжка Самарской губернии на 1909 г. Самара, 1909. С. 14 ; Памятная книжка Самарской губернии на 1915 г. Самара, 1915. С. 14.
- 282 ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.425. Л.340.
- 283 Там же.
- 284 Там же. Л.340 (Об.).
- 285 Там же. Л.342.
- 286 ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.417. Л.6.
- 287 Там же. Д.441. Л.17.
- 288 Евреи провинциальной России. Альманах. Вып. 1: Евреи в Самаре. Самара, 1992. С. 10.
- 289 Там же. С. 17-18.
- 290 ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.417. Л.13.
- 291 Там же. Д.391. Л.548.
- 292 Там же. Д.412. Л.34.
- 293 В тексте работы многие документы, являясь по существу «прошениями», названы письмами исходя из их стиля письма и адресного обращения.

- ²⁹⁴ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.412. Л.47.
- ²⁹⁵ Там же. Д.412. Л.57-177.
- ²⁹⁶ Там же. Д.423.Л.1-263; Д.313, 318, 299.
- ²⁹⁷ Там же. Д.450. Л.1-63.
- ²⁹⁸ Там же. Л.157 (Об.).
- ²⁹⁹ Там же. Д.450. Л.144.
- ³⁰⁰ Там же. Л.263.
- ³⁰¹ Чернуха В. Г. Паспорт в Российской империи. С. 116.
- ³⁰² Там же. С. 129.
- ³⁰³ Там же.
- ³⁰⁴ ГУСО ЦГАСО. Ф.153. Оп.1. Д.83. Л.213.
- ³⁰⁵ Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917-1922 гг. М., 2001.
- ³⁰⁶ ГУСО ЦГАСО. Ф.153. Оп.1. Д.83. Л.275.
- ³⁰⁷ Там же. Л.213.
- ³⁰⁸ Там же. Д.87. Л.129.
- ³⁰⁹ Там же. Л.129 (Об.).
- ³¹⁰ Виртшафтер Э. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. М., 2002. С. 172.
- ³¹¹ Филипс Л., Йоргенсен М. В. Дискурс – анализ. С. 200.
- ³¹² Там же.

ГЛАВА 4. МЕЩАНИН И ВОЙНА

*Буде уйдёшь, моё дитятко,
Во солдаты во некруты,
Так открой тебе, Господи,
Тебе службу-то царскую
Тебе войну государскую.*

*По могилушке хожу
Родиму матушку бужу:
Родима матушка, вставай,
Меня в солдаты провожай.*

Рекрутский фольклор

логике исследования, основанного на принципах социально-антропологического анализа, выделяется операция, которую можно было бы назвать медицинским термином «синдром»¹. «Совокупностью симптомов с общим патогенезом» в случае анализа мещанской повседневности по делам фон-

да городской думы за 50–60-е гг. XIX в. становится преобладание вопросов, связанных с рекрутской повинностью (несмотря на то, что из 1855 дел шестой описи фонда № 170 139 посвящены рекрутам, эти дела хронологически сосредоточены именно в 50–60-е гг. XIX в.)². Гипотетической рабочей моделью, объясняющей такую озабоченность мещан рекрутской темой, становится тезис о том, что, неся на себе до самого конца рекрутской повинности, наравне с крестьянами, всю её тяжесть³, и учитывая общинный характер данной повинности⁴, практики выживания мещан, как беднейшего сословия городов, были напрямую связаны с числом работников в семье и, покидавший дом, практически на всю жизнь (средняя трудовая), рекрут в обрядовых действиях и повседневности приравнивался к покойнику⁵. Через ритуал рекрутской обрядности (гуляния, связанные с приёмом на службу: жеребьёвкой, измерением, забриванием, присягой, проводами) семантически рекрутство выступало как уход из социума и репрезентировалось в терминах похоронно-поминальной обрядности⁶. Таким образом, рекрутство было

«страшной сказкой» в мещанской традиционной культуре, ситуацией, задаваемой извне и зачастую используемой родителями для подчинения непокорных сыновей (значительное количество дел содержат просьбы родителей отдать в рекруты своих сыновей за неподчинение родительской воле или за отсутствие уважения к родителям). В «хороших» семьях родители пытались придумать различные способы спасения своих детей от службы: переписывание семейных списков через раздел семей, справки от врачей, членовредительство, наём «охотников» и т. д.

В историографии поведение крестьян во время рекрутских наборов исследовалось как в дореволюционный, так и в советский и постсоветский периоды. Это работы А. Г. Иванова, Н. М. Дружинина, Е. И. Индова, И. Д. Ковальченко, В. А. Фёдорова, В. А. Александрова, П. П. Котова⁷ и др. Косвенно данная тема затрагивается в трудах Б. Н. Миронова⁸. В современной историографии рекрутская повинность исследуется в отношении таких локальных групп населения, как солдатские жёны, евреи и т. д.⁹. Наиболее полным на сегодняшний день исследованием рекрутской повинности является диссертационное исследование Ф. Н. Иванова, территориально ограниченное русским Севером¹⁰. Семантике рекрутского фольклора посвящена работа Ж. В. Корминой¹¹, однако в ней рекрутство рассматривается на примере крестьянского сословия. Законодательное регулирование рекрутской повинности мещан исследуется в диссертации О. С. Амосовой¹². Таким образом, кроме анализа правового статуса такой повинности мещан, как рекрутство, в исторической литературе мещанство вновь предстает в качестве некой периферийной группы. Сразу следует оговориться, что на региональном уровне (по материалам Самарской губернии) этнографами мещанский рекрутский фольклор практически не исследовался. Учитывая в общем-то тесную связь мещанства с крестьянством (межсословная мобильность), в определённый момент возник соблазн допустить возможность контаминации крестьянского фольклорного сознания и мещанского. Однако, принимая во внимание тот факт, как город трансформировал крестьянскую ментальность и бытовую культуру, нельзя отождествлять крестьянскую рекрутскую об-

рядность с мещанской, хотя, безусловно, присутствовали элементы и реценции, и трансплантации крестьянской картины мира в городской среде.

Обыденное сознание мещанства середины XIX века было пронизано неизбежностью государственного тягла. Принимая и осозная своё место в системе социальной иерархии, мещане города выработали свои модели поведения, позволявшие им жить в «повседневности», а не «в катастрофе» от пожаров, эпидемий, болезней, податей, разорений и рекрутских наборов. «Культурная традиция» мещанского «социального универсума» обладала глубинной программой смиренномудрия обывателя, позволяющей защититься от «неприемлемых структурных изменений, передать свои познания, опыт и идеалы от поколения к поколению»¹³.

Наряду с тем, что власть выступает формализующим началом, многое, что она несёт для человека, является эмоционально переживаемым событием. Наиболее сильные рефлексии в среде провинциального мещанства в середине XIX в. были вызваны рекрутством. Необходимо отметить, что в отечественной исторической науке уже заявило о себе такое исследовательское направление, как история эмоций¹⁴. Очевидно, что «сегодня «историю эмоций» уже нельзя назвать ни «просто очередным модным течением», ни «выходом из кризиса постмодернистского историописания»¹⁵. Тем не менее заниматься подобными исследовательскими практиками по-прежнему затруднительно как в связи с лапидарностью источников личного характера, так и в связи со сложностью интерпретации той скупой делопроизводственной документации, в которой в определённой степени были зафиксированы их групповые психосоциальные комплексы.

Чувства исторических акторов являются таким же предметом исторического исследования, как и их поступки и идеи. Однако возникает целый ряд проблем при их исследовательском анализе. Во-первых, принимая тезис о том, что «чувства являются культурно обоснованными символическими действиями, которые нарабатываются и инсценируются»¹⁶, мы тем самым в стремлении облечь рефлексия в структуру, изучая то,

как «члены группы вырабатывают совместные чувственные диспозиции, имеющие большое значение для конструирования общественных смысловых систем»¹⁷, удаляемся от «маленького человека» в своего рода постмодернистские интеллектуальные игры. С другой стороны, автор статьи об эмоциональном мире русских военнопленных в немецких лагерях Первой мировой войны О. С. Нагорная совершенно справедливо поднимает важные проблемы, касающиеся методологии подобных исследований: 1) как отыскать в письменных и визуальных источниках следы индивидуальных, групповых и коллективных эмоций; 2) как отличить проявления действительных чувств от инсценировки; 3) как избежать «самопроецирования историка в исторический документ»¹⁸. Автор оставляет в рамках данной статьи эти вопросы в формате риторических. На наш взгляд, любая инсценировка – результат не столько эмоциональных, сколько рациональных импульсов. Поэтому, принимая необходимость выделения в той или иной исторической ситуации анализа рациональной составляющей тех или иных переживаний, оставим их за рамками данного исследования. Что же касается «самопроецирования историка в исторический документ», то, как показывает практика, данного феномена исследовательской рефлексии избежать не удастся, так как историк, работая в архиве, находится в перманентном внутреннем диалоге со своими «героями» и стремится к осознанию их одушевлённости, поэтому «исследователь может лишь гипотетически конструировать «чужое я» по внешним обнаружениям его духовной жизни, по объективированным результатам его психической деятельности. При этом исследователь исходит из собственной индивидуальности, из собственного исследовательского и жизненного опыта и использует для воспроизведения в себе «чужого я» переживание, ассоциирование и «заключение по аналогии», которому предшествует анализ «собственной душевной жизни»¹⁹.

Человеку на его жизненном пути постоянно приходится преодолевать различные трудности. Они проистекают как из глобальных причин, таких как, например, природные стихийные бедствия, так и из-за того, что человек, будучи в той

или иной степени интегрирован в жизнь общества, вынужден адаптироваться к его социально-политическим и экономическим законам. Но при этом «ни производственная, ни политическая, ни культурная деятельность не представляют для конкретного человека самоцели. Все они фактически служат средством обеспечить данному человеку благоприятные условия повседневного существования»²⁰. Через силу эмоций, направленных на преодоление данного вторжения власти в частную сферу жизни индивидов, мы можем проанализировать меру их лояльности к окружающей социальной жизни, психологический климат в социальной группе и «интерпретацию этических идеалов в повседневной культурной практике»²². Сложнее обстоит дело с анализом реакций людей на «стимулы» власти. Согласно П. Бурдые, люди «на три четверти – автоматы», «запрограммированные» в своих действиях принятыми в обществе нормами²³, а следуя логике Ю. Л. Бессмертного, общество «не вполне интегрированная система, внутри которой мыслимы... «разъёмы», способные вмещать «чужеродные», выламывающиеся из неё феномены»²⁴. Степень казуальности того или иного поступка индивида может быть осмыслена не только на макроуровне, то есть на уровне отклонения от принятого поведенческого канона, но и на микроуровне – по степени эмоциональной лояльности или оппозиционности «стимулам» того или иного социального события.

За более чем вековую историю рекрутской повинности сформировалось как минимум несколько сильных коллективных эмоций, связанных с данным явлением: страх, скорбь, гнев, любовь. Возникает вопрос, чего мог бояться мещанин середины XIX века больше: Божественного правосудия, смерти, болезни, нищеты, власти? Именно с данными константами, на наш взгляд, так или иначе связано рекрутство.

Тема рекрутства – это и тема плача. Плач преобладает в рекрутских песнях и знаменует собой прощание рекрута с социумом. «Вот и вышло на них несчастье –/да невольщина – некрutchина!». Если так называемая элитарная культура России пронизана интеллектуальной рефлексией, в которой не плач, а игра в плач, не мистицизм народной религиозности, а игра

в неё²⁵, то «низовая культура» – надрывна²⁶ и бесхитростна. В последней трети XIX в. рекрутские песни создавались в жанре так называемого мещанского романса²⁷. О мещанском романсе, замершем на полпути между фольклором и литературой²⁸, написано так же мало, как и о мещанской рекрутской повинности в историографии и фольклористике. Рекрутские наборы были событием горестным, в эти дни «государство покрывалось траурной завесой, всё встревожено, всё стонет, всё ропщет, врата угнетений и всяких злоупотреблений отверсты»²⁹. По всей видимости, чтобы разобраться в проблеме повседневного «горевания», переживания этого эмоционального состояния группой населения, отодвинутой всеми слоями культур на «задворки» общекультурного российского процесса, нужно обратиться к анализу различных форм реакций мещан на рекрутство, отразившихся в архивных фондах. От горя мещан, столкнувшихся с рекрутством, в принципе, ничего не менялось в государстве. Тогда, может быть, исторической науке следует пренебречь этим эмоциональным переживанием (*«У отца было у матери три сына любимых/Отец с матерью всю ночь не спят,/Всю ночь не спят, за столом сидят,/За столом сидят, думу думают/Нам которого сына в солдаты отдать?»*). Самое сложное в этом вопросе не обозначить предмет исследования, связанный с рефлексией мещанства в отношении рекрутства, а определить, с помощью каких методов возможно проникнуть вглубь данной темы. Е. Вишленкова в своём исследовании по «визуальному народоведению» отмечает применительно к другой аналитической операции, что «ни этнография с её фиксацией на процессе накопления сведений и признаков «издавна существовавшего» народа, ни традиционное искусствоведение с интересом к способности искусства фиксировать социальную реальность, ни национальная история, создающая рассказ о разворачивающейся во времени жизни народа, ни даже нарождающаяся историческая психология не могут в собственных дисциплинарных рамках реконструировать и контекстуализировать идентификационные процессы, породившие группность... Анализ же языков самоописания позволяет обнаружить скрытые резервы самоорганизации»³⁰.

Понятие «раскладка рекрутской повинности» впервые появилось в законодательстве в XVIII в., было детализировано Рекрутским уставом 1831 г., который определил порядок образования рекрутских участков в каждом податном сословии и количество рекрутов³¹. Раскладка рекрутской повинности определялась количеством рекрутов, которых необходимо было выставить населению в предстоящий набор, системой льгот и «изъятий» от рекрутской повинности. Губернскими казёнными палатами производился сбор сведений о числе жителей. На основе собранных данных рассчитывалось число рекрутов, которых можно было собрать с каждого участка. Далее шло распределение рекрутских очередей и определение кандидатов в рекруты³². С 1831 г. расчёт числа рекрутов производился по формуле $A=(B \cdot C+D):1000$, где A – число рекрутов, которых должен выставить участок, B – численность населения, подлежащего рекрутской повинности, C – число рекрутов, объявленное в Манифесте о рекрутском наборе, D – долговые рекрутские доли, оставшиеся с прошлого набора³³. Вводилась следующая классификация рекрутских наборов: «обыкновенные» – менее 7 человек с тысячи ревизских душ, «усиленные» – от 7 до 10 и «чрезвычайные» – свыше 10 человек с тысячи душ³⁴. Определение кандидатов в рекруты производилось сообразуясь с «очередным порядком», основанным на учёте рабочей силы семейств. Распределение рекрутских очередей и определение кандидатов в рекруты проводилось самими общинами. В соответствии с правилами «очередной системы» семейства в составе участка заносились в так называемый «посемейный список». С 1853 г. в России для мещан (ремесленников и государственных крестьян) началось введение «жеребьёвого порядка» (для крестьян с 1838 г.)³⁵. Теперь все семейства рекрутского участка, в зависимости от числа работников, разделялись на два (с 1861 г. – три) разряда. В первый разряд попадали те семьи, где было больше работников – «многорабочие» (имевшие не менее 4 работников), а также бездомные и бессемейные одиночки. Во второй разряд – семейства с меньшим числом работников (3 работника), в третий – «малорабочие» (или двойниковые)³⁶. К жребию прежде всего призывали ре-

крутов 1 разряда, молодых людей от 21 до 35 лет. Срок службы для нижних чинов был сокращён с 25 до 20 лет, с тем чтобы они увольнялись сначала в «бессрочный» отпуск на 5 лет, затем – в отставку. Из этого отпуска солдат мог быть отозван в любое время. С воцарением Александра II срок службы был сокращён до 15 лет. Вначале действительная служба продолжалась 12 лет, после чего нижние чины увольнялись в бессрочный отпуск на 3 года, затем было введено увольнение в бессрочный отпуск на 5 лет после 10 лет службы³⁷. Работниками по закону считались мужчины в возрасте от 18 до 60 лет, независимо от состояния здоровья. В редких случаях члены общего собрания мещан освобождали некоторые семейства от поставки рекрутов (как правило, или многодетных, или увечных мужчин). Из числа ратников исключались сосланные на поселение, безвестно отсутствующие в течение 5 лет, приобретшие личную льготу от рекрутчины, по медицинским показаниям (инвалиды, калеки, умалишённые)³⁸. Особая ситуация складывалась с семейными разделами. Правительство им препятствовало, так как считало, что это способ избежать рекрутства. Рекрутский набор контролировался губернатором и рекрутским комитетом (до 1831 г. они назывались рекрутскими присутствиями)³⁹, состоявшим из председателя казённой палаты, губернского предводителя дворянства, председателя палаты государственных имуществ, управляющего удельной конторы. Делами по учёту и раскладке рекрутской повинности ведала Казённая палата⁴⁰. Городская дума отвечала за управление рекрутскими участками. Так, например, в Самаре по рапорту мещанского старосты, рекрутских участковых старост с добросовестными был подтверждён раздел между братьями Никитиными, чтобы у каждой семьи был свой особый номер по рекрутскому списку. Для этого было проведено расследование и подтверждено, что братья с семьями проживают раздельно⁴¹. Рекрутский набор продолжался несколько недель. Рекруты шли в уездный или губернский город в сопровождении «отдатчиков» – выборных на мещанских сходах благонадёжных лиц. Им помогал конвой из членов общества – «провожатых». Начальником отдатчиков был рекрутский староста. Отдатчики приводили рекрутов

в рекрутское присутствие и затем расселяли в специальные дома на постой. Потом отдатчики вносили деньги на обмундирование, провиант и выплату жалованья рекрутам. Взамен казначейства выдавали им специальные квитанции, без которых рекрутские присутствия не принимали новобранцев⁴².

Манифестом от 1 декабря 1855 г. был назначен рекрутский набор. Жеребьёвый список участка г. Самары малоробочих семейств показывает, что это были молодые люди 1833–1834 гг. рождения, холостые, в основном православные, несудимые, не знающие никакого ремесла, неграмотные⁴³.

Иногда с наёмом «охотников» были связаны семейные драмы. Об одной такой писала в думу самарская мещанка Надежда Степанова Александрова: *«муж мой Сергей Александров ... с которым я проживаю в г. Самаре и занимаюсь портным мастерством, всегда рачительна, веду себя пристойно... неизвестно каким чиновником склонён по наймы в рекруты без всякой к тому причины... оставляя меня с сыном... от роду 10 месяцев без всякого обеспечения, он сделал из любви ко мне и сыну...»*⁴⁴. Дело по найму этого «охотника» решили приостановить до выяснения обстоятельств.

Многим мещанам, отданным в рекруты, не на что было купить себе обмундирование, и решено было обществом каждому рекруту выдавать «вознаграждения» по 5 руб.⁴⁵

Мещане могли вносить вместо рекрутов деньги, купить «зачётную рекрутскую квитанцию» или нанять «охотника»⁴⁶. «Охотника» нанимали иногда за несколько лет. «Охотник» обходился от 100 до 300 рублей⁴⁷. С 40-х гг. XIX в. правительство стало само нанимать «охотников», выпуская по числу нанятых зачётные рекрутские квитанции⁴⁸. Значительное количество дел фондов мещанской управы и городской думы о найме в рекруты за другое мещанское семейство подтверждает распространённость данной практики в среде мещан⁴⁹. В Самарскую градскую думу писалось прошение приблизительно одинаковой формы: *«Из нас я Василий Забродин по собственному моему желанию изъявил согласие поступить по найму в рекруты, в зачёт будущих наборов за семейство самарского мещанина Кирилла Иванова Симатова сыновей его Никиту и Ефима, за что договорился получить 271 рубль 43 копейки серебром»*⁵⁰. В свою

очередь Симатов в данном документе даёт расписку в том, что обязуется оплатить данную сумму сполна «по забратию в рекруты»⁵¹. Если сыновья шли в «охотники», это должны были подтвердить родители. Так в 1860 г. самарский мещанин Михаил Семёнов и его жена Дарья Васильева подтвердили желание их сына Трофима поступить в рекруты за семейство Ефрема Егоровича Ефремова за 150 руб. серебром⁵². Аналогичные соглашения приблизительно варьировались в границах 65–400 рублей, в качестве обязательств за «охотника» указывалось ещё и содержание его малолетних детей⁵³. Тяжёлое экономическое положение многих мещанских семей вынуждало сыновей поступать в рекруты за чьё-либо семейство и за предоставление в этом случае льгот от повинностей⁵⁴. Так мать самарского мещанина Семёна Егорова Филатова выразила согласие, чтобы за семейство Белоноговых в рекруты пошёл её сын⁵⁵. За семейство мещанина Симанова записался «охотником» самарский мещанин Василий Забродин, в прошении в Самарскую городскую думу обозначив сумму: 271 руб. 43 коп. серебром⁵⁶. Сохранились ещё подобные договоры на сумму 200, 314, 257 руб. серебром⁵⁷. В 1855 г. указывались также следующие суммы за «охотников»: 300, 150 и 65 руб. серебром⁵⁸. Порой отцы ушедших в «охотники» сыновей вынуждены были через думу требовать уплаты денег со стороны тех, за чьё семейство ушёл сын в рекруты⁵⁹.

Помимо добровольцев-охотников, правительство выдавало квитанции за людей, отданных в солдаты вне рамок рекрутских наборов: за неуплату податей, самовольные отлучки, буйство и т.д.⁶⁰ Наёмник в рекруты должен был быть из того же сословия, к которому принадлежал наниматель, не должен состоять в рекрутской очереди, требовалось разрешение его родителей и «увольнительный» приговор от мещанского общества. Наниматель до очередной ревизии обязывался исполнять все повинности и подати, которые нес наёмник. В 1868 г. (в энциклопедии Брокгауза и Ефрона с 1872 г.⁶¹) всему населению империи было разрешено откупаться от воинской службы, сумма составляла 570 рублей⁶².

Расходы на производство рекрутских наборов ложились, в основном на плечи мещанских обществ. Их можно разделить

на 3 категории: 1) расходы на проведение собственно набора; 2) расходы на доставку рекрутов; 3) расходы на обмундирование, провиант, третное жалование и выплату наградных денег рекрутам⁶³.

Мещане пытались изыскать и другие, помимо «охотников», пути для уклонения от рекрутства, но все они по ряду причин были малоэффективными: это и членовредительство, и побег, подкуп лекарей и должностных лиц рекрутских присутствий, попытки изменить положение своих семейств в рекрутских списках за счёт уменьшения числа работников в семье⁶⁴. В 1861 г. самарский мещанин Пётр Чередников пытался освободить своего сына Василья от призыва к жребью, объясняя, что по прошлой десятой народной переписи показано было в ревизской сказке *«семейство моё... в пяти мужского рода душах: я, два племянника, сын, сын племянника... Племянник с сыном – в безвестной отлучке... Я за них уплачивал подати...»*⁶⁵. Вопросами об изменениях в посемейных списках, как правило, занимались мещанский староста, рекрутские участковые старосты с добросовестными⁶⁶, они отправлялись на места и выясняли, действительно ли те или иные семьи проживают раздельно и ведут раздельное хозяйство.

Самарская мещанская вдова Мария Иванова Шерстнянова просила о разделе её семейства от семейства брата мужа: *«покойный муж ... Василий Ефимов и она с детьми с давнего времени проживает отдельно от брата мужа... и прочего семейства имеет свой дом, промышляет им тоже разное и ничего общего не имеет и потому просит отделить её с детьми от семейства, для отправления рекрутской повинности под особый номер»*⁶⁷. Мещане привлекали свои метрические свидетельства с целью уточнения мест в рекрутских списках, так как это было чрезвычайно важным в их жизни: отсрочить, избежать рекрутства⁶⁸.

Самарская мещанская вдова Дарья Иванова Богомолова описала в прошении фактически всю свою жизнь. Раньше она вместе с мужем Ефимом Фёдоровым и сыном Михаилом Ефимовым состояли *«в купеческом капитале»* своего деда, купца третьей гильдии Алека Владимировича Богомолова. Муж умер в 1818 году. Семья деда не помогала ей воспитывать сына, Да-

рья пишет, что «с трудом воспитывала и давала содержание». На 1857 г. «по необъявлению капитала» семейство деда, а следовательно, и она, «остались в мещанах». Как можно судить из прошения, семья деда состояла в самарском «обществе из цыган». Дарья пишет, что они «собственных домов не имеют, проживают в зимнее время на квартирах а в летнее в своих кибитках... промышленность их известная, занимаются продажей лошадей, подати и повинности платят каждый за свою часть». Сама же она с сыном более 10 лет вела самостоятельное хозяйство. Он женился. И вот её Михаила собрались забирать в рекруты. Дарья пишет: «Я старая и глухая. В рекруты сына нельзя забирать»⁶⁹. Данное прошение было заверено добросовестным филером Новокрещеновым, ревизским и мещанским старостами.

Прямо противоположным было прошение самарского мещанина Фадея Матвеева с просьбой забрать его сына в рекруты: «Имея при себе троих детей Корнила 30 лет Ивана 27 лет и Фёдора 4 лет на обеспечение которых я брал заимобразно в Самарском Общественном банке 300 руб. серебром надеясь уплатить оный с помощью детей моих... но к несчастию моему помянутые мои дети не только что бы помогать мне в уплате долга но даже отказались и от обеспечения в содержании а я имею от роду уже 60 лет... не помогают в уплате долга даже причиняют мне сыновния оскорбления и в особенности Иван... отдать Ивана за меньшого моего сына Фёдора в солдаты»⁷⁰. В просьбе решено было отказать. Случались ситуации, когда сыновей забирали в рекруты по ошибке. У Фёдора Алексеева Колесникова забрали по ошибке сына и он «помер» в армии. Отец обратился за компенсацией в Окружной суд, и ему вернули за сына 150 руб.⁷¹

Некоторых по свидетельству медицинской комиссии вообще освобождали от воинской службы с записью: «Уволен навсегда». Так, самарский мещанин Громов был признан в 1908 г. «совершенно неспособным к строевой службе по неизлечимой болезни»⁷². Тем не менее, как только объявлялся набор, его начинали разыскивать, забыв о свидетельстве медицинской комиссии. Найдя, снова восстанавливали документы о неспособности Громова к выполнению воинской повинности⁷³. Подобного рода документация в форме переписки между воинским на-

чальником, полицейскими учреждениями и мещанской управой о поиске солдат свидетельствует, что присутствовали случаи самовольного уклонения от выполнения воинской повинности и дезертирства⁷⁴. Но и в самом делопроизводстве возникали ситуации, связанные с бесконечным поиском некоторых персонажей для отбывания воинской повинности, начиная со школьной скамьи. Так, к примеру, разыскивался мещанин Виктор Раменский. В делопроизводстве мещанской управы Самары сохранилась в связи с этим даже его ведомость об успеваемости. Виктор Раменский родился в 1882 г. Вначале обучался в приходском училище. С 1895 по 1900 гг. – в самарском реальном училище. Был «отличного поведения»⁷⁵. Получал следующие отметки: «В Законе Божиим – посредственные (2) В русском языке – удовлетворительные (3) немецком посредственные (2) французском хорошие (4) арифметики удовлетворительные (3) геометрии посредственные (2) алгебре посредственные (2) тригонометрии физике не обучался естественной истории удовлетворительные (3) географии удовлетворительные (3) истории удовлетворительные (3) рисовании посредственные (2) черчении удовлетворительные (3) чистописании хорошие (4)»⁷⁶. Далее в документах по розыску В. Раменского значилось: «Выбыл до окончания курса по решению родителей»⁷⁷. Служащие мещанской управы констатировали «нерозыск Раменского», но через некоторое время всё равно написали заявление в Самарский адресный стол с просьбой сообщить местожительство В. Раменского⁷⁸.

Человек, обличённый обязанностью защищать государство, был со всех сторон окружён государственными учреждениями, контролирующими, чтобы это тело и эта душа не избежали пополнения «пушечного мяса» империи. И городская управа Самары рапортовала в 1888 г. о том, что *«призыв молодых людей, подлежащих отбыванию воинской повинности, производится на основании Устава о воинской повинности... 1 января 1874 г. С этой целью Городская управа ведёт посемейные списки по сословиям»* и составляет призывные списки⁷⁹. По призывному списку от 1 января 1888 г. видно, что из 315 двадцатилетних юношей Самары 302 чел. принадлежат к мещанскому сословию, 4 – купцы,

5 солдатских детей и 4 – из других участков. Из всего этого коллектива 26 признаны негодными к службе, 46 даны отсрочки⁸⁰. Статистику это не меняет: основным «пушечным мясом» империи от города было мещанство.

В отношении рекрутской повинности в 1876 г. самарский губернатор докладывал, что в списки рекрутов внесено было 21689 чел., исключено – 436. Вытягивали жребий 20753 чел., из них часть имела право на льготу по семейному положению, часть имела квитанции, часть была исключена по недостаточному росту и часть – по болезням. Из данного числа призывников мещан и цеховых было 317⁸¹.

Многочисленные свидетельства училищных советов о льготах для учащихся по воинской повинности в 1908 г. свидетельствуют, что мещанское общество города сталкивалось с данной проблемой при проведении наборов⁸².

Из жеребьёвого списка участка мещан г. Самары малорабочих семейств по рекрутскому набору, назначенному Манифестом 1 декабря 1855 г., видно, что из 272 человек (1833–1834 гг. рождения) большинство холостых, безграмотных или малограмотных, не знающих ремёсел и не привлекавшихся к суду парней, в основном православных, годных по физическим параметрам к воинской службе, то есть здоровых. Среди них: 4 портных, 3 кузнеца, 3 маляра, 1 гребеньщик, 1 красильщик, 1 резчик и 3 плотника⁸³.

Таким образом, из повседневной жизни мещанских семейств вырывались потенциальные молодые, здоровые работники, будущие мужья, кормильцы, отцы, некая сердцевина «среднего» класса. Поэтому в народной культуре рекрутская повинность была связана с плачами. К. В. Чистов называет рекрутские причитания плачами-поэмами⁸⁴. В них присутствуют элементы, роднящие их с погребальным фольклором. Е. В. Барсов отмечал, что «завоенные плачи имеют ближайшее отношение к... плачам погребальным, надгробным и надмогильным»⁸⁵. Происходящие радикальные изменения в статусе рекрута приравнивались к смерти для социума. Одинаковой фольклорной формулой определялся социальный статус умершего сына. Сходство текстов похоронной и рекрутской причеты проявляется, по мнению Л. Г. Невской,

во фрагменте, связанном с изменением дома в результате смерти и ухода в армию: «И я взгляну да на косевчато окошечка:/И прикручинивши косевчаты окошечки,/И на слезах стоят стекольчаты околенки...»⁸⁶.

Рекрутство являлось смертью человека для социума. Мещанин был лоялен к власти и в определённой степени лоялен к смерти, но не настолько, чтобы не бояться обеих. С рекрутством была связана перспектива смерти для самого рекрута и перспектива нищеты для оставшихся без кормильца домочадцев. И то и другое страшило больше, чем перспектива Страшного Суда, так как оказывалось ближе с точки зрения дистанции. Этот страх заставлял людей искать выход из создавшегося положения. Но с точки зрения групповой ментальности неизбежность данного вида повинности прочно жила в сознании мещан. Когда найти лазейку, чтобы избежать рекрутства, уже не представлялось возможным, появлялась новая эмоция – скорбь, которая закрепилась в фольклоре в форме рекрутских плачей. С рекрутством связан и такой вид рефлексии, как гнев. По архивным источникам, чаще всего встречается родительский гнев на непокорных детей, которых отцы или матери в качестве наказания стремятся отправить в рекруты. Опять-таки перед нами очередное доказательство проникновения рационализма и индивидуализма в патриархальный семейный быт. Дети забывают нравственную проповедь почтения к родителям, стремятся выйти из повиновения и, более того, не оказывают социальной опеки по отношению к престарелым родителям. Возмущённые родители начинают писать заявления в мещанское общество, в думу, чтобы их непокорных сыновей забрали в рекруты. Мещанская вдова Феодосья Емельянова Мельникова просила забрать её сына Дмитрия в рекруты «за непочтение и неповиновение матери, за пьянство, расточительность и развратную жизнь»⁸⁷. Мещанское общество выразило на эту просьбу своё согласие. Отдать сына Павла в рекруты за дурное поведение хотел и самарский мещанин Пётр Алексеевич Марьин, так как Павел «ведёт жизнь развратную, не делает должного уважения», «вышел из повиновения родительского»⁸⁸. Но начальник Самарской губернии по канцелярии первого стола на данном

отцовском прошении написал: *«я не считаю себя вправе дать разрешение на отдачу в рекруты в предстоящий набор...»* самарского мещанина Павла Петровича Марьина. Самарская мещанская вдова Ненила Захарова также просила думу отдать вместо младшего сына старшего, который *«мне должного почтения не делает и не делает никакого пособия к пропитанию»*⁸⁹. Мещанское общество рассудило, что если мать содержит младший сын, то старшего следует вместо него отдать в рекруты. Аналогичная ситуация в семье мещан Аношиных, просивших думу и мещанское общество забрать старшего сына вместо младшего, так как старший *«имеет к нам непочтительность и беспечность о хозяйстве»*⁹⁰. Мещанское общество и в этом случае согласилось с доводами родителей. Примечательно, что сын мещанки Анны Егоровой Василий, которого мать просила забрать в рекруты вместо младшего из-за отсутствия *«уважения и почтения»*, сам добровольно согласился уйти в солдаты⁹¹.

Родители рассчитывали на вознаграждение за сыновей, которых забрали в рекруты. Федот Колесников, два года назад отправивший сына в рекруты, писал прошение в мещанское общество: *«...по преклонности лет имею слабое здоровье и чувствую постоянную боль по всему телу... дабы не расстроить домашнее положение прошу воззреть на бедное моё положение и благоугодным будет пожертвовать в вознаграждение за сына моего какое-либо денежное пособие единовременно... или право поступить в богадельню»*⁹².

По рекрутской документации можно узнать и о телесных недугах мещан, пытающихся доказать свою неспособность к прохождению воинской службы. Егор Николаев Щипачёв родился от законного брака рядового Оренбургского артиллерийского гарнизона и по правилам вместе с двумя старшими братьями был зачислен в кантонисты. Но если старшие братья находились в воинской службе, Егор, *«имеющий телесные неспособности»*, по просьбе отца был исключён из военного ведомства в податное состояние. Он женился на мещанке Матрёне Чекалиной и стал жить в доме её матери Василисы. Но тут оказался в рекрутских списках, и жеребьёвкой ему выпало идти в рекруты. 27-летний мещанин пишет прошение

в думу, к которому прилагает весьма ценное для историков описание своих болезней: имею *«постоянное удушье, сопряжённое с болью в груди; постоянное усиленное сердцебиение или расширение онаго, тяжёлые завалы в левом боку, постоянное кружение головы, ломоту в ногах и кроме того в 1846 г. я был разбит параличом, от чего я подвергаюсь частовременно болезненным припадкам и совершенно не имею определённой силы во всём корпусе»*⁹³. О тяжёлой доле семьи, которую рекрутский набор может лишить последнего кормильца, повествует прошение самарского мещанина Льва Яковлева Кочергина. *«Лет пятнадцать тому назад бывши отпущен госпожой Ерофеевой на волю... с отцом моим и матерью и тремя моими сёстрами... Отец вскорости по увольнении умер а мать быв не в состоянии пропитывать нас четверых детей трудами своими вышла в замужество за отставного солдата... с которым прижила ещё двоих детей... Мать моя и отчим умерли, оставив нас шестерых детей без всяких средств почему я с 1851 году причислен в мещанское общество... две сестры в замужестве... три ещё при мне... если заберут трое останутся без всяких средств...»*⁹⁴. Городская дума не сочла возможным удовлетворить данное ходатайство, так как Кочергин не представил никаких удостоверений, подтверждающих его рассказ. Сестра Юлия также написала прошение в думу. Тогда дума всё-таки решила провести собственное расследование силами участкового начальника. Выяснили с трудом, что Кочергин действительно воспитывает двух малолетних сирот, а старшие братья и сёстры уже устроились в жизни. Дума затруднилась сделать по этому случаю своё заключение и передала его на рассмотрение губернатора⁹⁵.

Самарский мещанин Евстигней Чуркин добился для своего сына освобождения от поставки в рекруты: *«Имея я только у себя на пропитание моё одного сына Исаю... , при котором есть жена и трое малолетних детей его, этот сын мой ныне по преклонности уже лет моих и больному моему положению был мне один в пропитание...»*⁹⁶. Врачи освидетельствовали Евстигнея и подтвердили, что за ним требуется уход.

Жизненные истории мещан всплывают за сухой рекрутской документацией. Жила-была мещанская девица Прасковья Малы-

шева. 17 октября 1842 г. «приимела» незаконно сына неизвестно от кого, крещёного 21 октября в самарской Вознесенской церкви, наречённого Дмитрием. Воспитывать ребёнка сама не могла и отдала его «добрым людям», мещанской семье Власовых, у которых была уже взрослая дочь Аксинья. *«Вскоре после этого Волею Божию»* родители Аксиньи померли, и девушка заменила приёмную мать. *«Много было употреблено денежных средств от недостаточного своего состояния»* Аксиньей *«на воспитание... приёмши, для предоставления ему осёдлости и права гражданина»*⁹⁷. Дмитрий вырос и почитал Аксинью как мать родную. По свидетельству соседа Степана Лебяжинского, Аксинья заботилась о Дмитрие как о сыне, *«так, что без помощи ея он должен бы остаться бесприютный...»*⁹⁸. Родная мать Дмитрия вышла замуж за мещанина Касыраева и подтвердила, что нагуляла в девичестве ребёнка и отказалась от него. Дмитрий жил с Аксиньей одним домом, сам стал зарабатывать и содержать приёмную мать. Но случилось так, что ему выпал жребий на рекрутство. Аксинья обратилась в мещанское общество с просьбой не лишать её кормильца. Проверив её историю, мещане г. Самары приняли решение освободить Дмитрия от рекрутства.

Подобных историй, связанных с рекрутством, было много. Матери писали прошения: *«..сын мой у меня единственная надежда на пропитание меня и трёх дочерей моих...»*⁹⁹, *«..сын мой... к жребию, но так как у него на правой руке два пальца средний и безымянный согнуты ... из-за ожёга, а на правой руке указательного пальца нет первого сустава... прошу освобождения от рекрутства...»*¹⁰⁰.

Иногда по договорённости один брат шёл в рекруты «охотником» за другого. Но и здесь порой мещан-горюнов подстерегал обман. В думу поступило прошение от рядового писарьской школы 68 пехотного резервного батальона Ивана Непрочнова, который отправился в рекруты за своего брата Никиту. *«...Брат же мой... при поступлении меня в рекруты дал мне вознаграждения только 9 рублей серебром на каковые я мог только обмундироваться посредственно, каковую в настоящее время обносился, хотя есть ещё казённое обмундирование, но которые отнимается в цехаузах и выдаётся только при смотрех Начальников а как*

из полученного распоряжения видно что в скором времени будет нам распределение в разные войска, а я не имею совершенно ничего как то денег и белья, а потому имею честь покорнейше просить самарскую городскую думу о сделании распоряжения в самоско-рейшем времени о вытребовании моего брата... в г. самару проживающего ныне в селе Зубовке... для удовлетворения меня деньгами по закону который занимается торговлей вином и другими напитками с присовокуплением непринимая от него никаких отговорок. В случае отступления то ниминую просить об этом начальника губернии...»¹⁰¹.

Безусловно, родители, спасая своих сыновей от рекрутства, надеялись получить от них поддержку в старости. Но этика патриархальной семьи в городской жизни уже в середине XIX в. не всегда соблюдалась, стариков-родителей бросали, оставляя без попечения, и тогда им только и оставалось жаловаться на своих сыновей в думу. Самарский мещанин Иван Андреевич Черкасов написал в думу «докладную записку», в которой изложил историю своей жизни. Первая жена его умерла, когда их сыну Андрею было 34 недели. «...я как отец, пекущийся о воспитании сына моего, прилагал своё отеческое старание, как родителям повелевает святое христианское учение, когда же сын мой достиг 7-летнего возраста, обучил его сам грамоте, как то читать и писать и наставлял его Закону Божию, в 54-м году два раза горел, и где я совершенно лишившись всего своего имения, но сына, и всё своё семейство с потерей своего здоровья, не оставлял, а как начальник своего семейства, трудами своими снискивал им пропитание. А когда он дожил совершеннолетия женил его на собственный свой капитал а в 64-м году упомянутый сын мой призываем был к рекрутскому призыву я видя себя в огорчительном положении что я должен остаться в дряхлости своей без подпоры и без куска хлеба потому что я не в состоянии пропитывать своё семейство за благо себе почёл подать в сию Градскую Думу Прошение, об о свидетельстве моего здоровья, и по распоряжению Градской Думы, быв я освидетельствован градским врачём, где и оказался я неработником по дряхлости моей и тем спас сына моего от рекрутской повинности, а оставлен мне на пропитание в прошлом 1867 г. к неожиданности и к сущему моему прискорбию сын мой без

дозволения моего от меня сошёл, так что меня не было в квартире, оставив меня без куска хлеба, и я многократно убеждал сына моего чтобы он жил при мне, но всё осталось тщетным. А потому и примел смелость умолять особу Вашу по данной власти, как нам отца бедным гражданам, спросить сына моего, какая его побудила причина оставить меня, и кому он даден на пропитание, мне или тестю его, которого он в настоящее время покоит, и прошу вас вычитать из святейшего закона царского, какая власть над ним родительская, на что буду ожидать от Вашего Высочествова отеческого удовлетворения»¹⁰².

Среди всего массива дел только одно было связано с патриотическими чувствами мещан, но и оно в конце концов заканчивалось меркантильными соображениями. На имя городского головы поступила докладная записка от бывшего мещанина, бессрочно-отпускного рядового самарской сборной команды Ильи Ветлова, в которой он просил выдать ему вознаграждение за неизвестного мещанина, вместо которого он отправился в рекруты *«по ревностному желанию своему в военную службу»*, не имея *«на себе очереди»*, так как решил сражаться за Отечество *«во время существовавшей войны с Англией, Францией и Турцией»*.¹⁰³

Ещё одной гранью взаимоотношений мещанства с войной была реакция простого обывателя на неё. А также создание властью такого образа войны, который примирил бы мещанина с необходимостью службы.

Проблема образа войны в картине мира мещанина напрямую связана с вопросом инверсии социальных ролей: обыватель переставал быть обывателем и превращался в воина, человека, покинувшего свой привычный локус и свою социальность, в *«комбатанта»*¹⁰⁴. *«Согласно теории М. Хайдеггера, единственное средство вырваться из сферы обыденности и обратиться к самому себе – это посмотреть в глаза смерти, тому крайнему пределу, который поставлен всякому человеческому существованию»*¹⁰⁵. В дифференциации войн особое место занимает отечественная война. В этой ситуации психология обывателя напрямую определяется необходимостью защищать своё обжитое пространство и свой самый ценный семейный мир. Но такая понятная и оправданная война в XIX – нача-

ле XX вв. была одна – Отечественная война 1812 года. Чтобы «поднять» патриотическую эмоцию до этого уровня в ситуации других войн, которые вело российское государство в рассматриваемый период, чтобы оправдать тяжёлую для мещанства рекрутскую повинность, заменённую впоследствии воинской, нужно было перманентно обращаться к исторической памяти народа, вводя в контекст визуальных образов и печатных текстов своего рода знаки альтерации, позволяющие «играть» на глубинных архетипах. Одним из инструментов воздействия на психологию общества является «формирование героических символов – феномена массового, во многом мифологизированного сознания»¹⁰⁶. Символы, возникающие в общественном сознании спонтанно, являются «народными», с ними связан весь комплекс патриотических эмоций, переживаемых социумом. Патриотизм в психологическом плане позволяет заглушить эмоциональное состояние страха. Страх начала XIX в. отличался от страха начала XX в. Как отмечает в своём исследовании Я. Плампер, если «поиск эмоции солдатского страха в личных свидетельствах периода войны 1812 года можно сравнить с пресловутым поиском иголки в стоге сена», то «начало XX века даёт массу описаний страха»¹⁰⁷. Исследователь приводит шесть объяснений этому явлению. Во-первых, модернизация приёмов ведения войны повлекла за собой усиление реального психологического стресса. Во-вторых, «с приходом Нового времени возникло понятие о человеке как автономном субъекте». В-третьих, для Нового времени характерна «интериоризация эмоций». Четвёртое – «в России стало допустимым говорить о страхе на войне». И, наконец, пятое и шестое объяснения усиления страха перед войной в начале XX в. напрямую связаны с интересующей нас природой патриотической эмоции, вызванной печатным текстом. Я. Плампер пишет: «...определённую роль сыграли повышение общей грамотности населения и возникновение новых медиа, с такими их жанрами, как детектив и скандальная жёлтая пресса с их неслыханными дотоле возможностями «нагнать на читателя страха» и «решающую роль в расширении границ дозволенности в описаниях страха, испытываемого военными, сыграла рус-

ская литература»¹⁰⁸. Особо автор выделяет ещё и так называемую доктрину Драгомирова, в связи с которой «развился «эмоциональный режим», который удивительно открыто обсуждал страх и его преодоление»¹⁰⁹. Страх – это то эмоциональное состояние, которого всячески избегал обыватель, стремившийся упорядочить и рационализировать свой повседневный быт. Бинарной эмоцией, противоположной страху, способной заглушить страх, становился патриотический пыл. Государство, со всем своим завуалированным идеологическим аппаратом, всемерно стремилось воздействовать на эмоциональное сопереживание войне. Журнал «Пробуждение», предназначенный для семейного чтения, в каждом номере за 1915 г. публиковал патриотические очерки и рассказы о героизме на войне и эмоциональной поддержке воюющих в тылу. В рассказе С. Гарина «Старый гусар» повествуется о генерал-майоре Суходольском, в первом же бою потерявшем своего сына, юного корнета: «Генерал слез с лошади, подошёл к лежавшему на шинели сыну, стал перед ним на колени, поднял голову юноши и долго смотрел в любимые черты. Затем поцеловал в лоб, в глаза, в слегка разомкнутые уста... Перекрестил три раза медленным размашистым крестом... Бережно опустил голову сына на шинель, нежно закрыл ему глаза... И вдруг вскочил на лошадь, подлетел к ожидавшему полку и зычно, уверенно крикнул: « –Ну, молодцы, гусары-орлы... за мной!»¹¹⁰. Эмоциональное состояние улицы, наполненной обывателями, рисовалось также в восторженном ключе: «Улица, охваченная пафосом войны, шумела, пела, носила национальные флаги»¹¹¹. На самом деле, если подразумевать под обывателем именно беднейшие городские слои, принадлежавшие к мещанскому сословию, понятие врага становится осязаемым только в случае угрозы обжитому пространству обывателя.

Групповое прошлое обывателя было связано с войной 1812 года. В честь столетнего юбилея Отечественной войны 1812 года в «Самарских губернских ведомостях» в нескольких номерах публиковался исторический очерк «Сто лет назад». Написанный в жанре исторического экскурса, констатирующего событийную канву военных действий и скупого

на эмоциональное акцентирование, данный текст всё же содержит в себе ряд «патриотических формул». Рефреном звучит оппозиция «свой – чужой», подразумевающая противопоставление русского народа и врагов – французов. В качестве «внутреннего врага», предателя выступают люди, покинувшие Москву. Но переселенцы из Смоленска не несут в себе отрицательных коннотаций. Здесь же мы встречаем социальный подтекст: дворяне, помещики, бегущие с занимаемых врагом территорий, объявляются врагами. Беженцы из народа вызывают сочувствие. В качестве латентного антигероя выступает Барклай де Толли, противопоставленный народному герою Кутузову. И, наконец, «надсобытийным» лицом, неким сакральным высшим судией выступает император Александр. Отдельно для анализа следует выделить упоминаемые в очерках афиши Растопчина, связанные с апелляцией к народной культуре. «Патриотическая формула», нацеленная на провинциальную аудиторию в рамках данного текста, не позволяет проводить количественный анализ, подобный тому, который предпринимает А. А. Горский, исследуя представления о защите отечества по древнерусским литературным произведениям¹¹². Однако на основании встречающихся в тексте эпитетов и словосочетаний можно уловить эмоциональный рефрен в адрес аудитории. В отношении «своих» в тексте встречаем следующие слова и словосочетания: «стойкость», «видите, ребята, как легко... побеждать», «умрём, а не сдадимся!», «гордость», «веселье», «рвение к мести», «ревность к учинению пожертвований», «разъярены», «кололи и били», «невероятные усилия», «неприступна», «храбрость и твёрдость», «отступал как лев», «герой», «погибнуть, но не допустить», «народное настроение», «не продажные люди, а истинные сыны Отечества», «ревностные слуги Царю», «русский народ был оскорблён дерзостью Наполеона», «русская душа возмущалась», «слёзы градом лились у православного народа, когда русские храмы осквернялись, жёны, дочери и сёстры подвергались диким расправам, избы горели в огне», «заставило дух народный взять меч», «любезные соотечественники», «любезнейшее Отечество», «верность и преданность к Престолу», «непоколебимый

дух», «россияне», «слава российского войска», «неимоверная храбрость»¹¹³. Образу «врага» соответствуют следующие слова и словосочетания: «неприятель», «наглый грабёж и насилие», «зверства французов», «варвары», «грабят», «бьют», «насилничают», «неистовства французов», «грабёж реликвий», «жестокосердный и несправедливый», «неприятель пардона не просил», «обратились в бегство», «труссы», «непристойно», «злодей», «разоривший мирную страну», «иго». В описании настроения после Бородинского сражения упоминается природа: «мелкий холодный дождь кропил землю», «дул осенний ветер», «тускло и редко горели огни»¹¹⁴. На фоне образа «своих» как своего рода квинтэссенция народного духа выступает в тексте фигура Кутузова, народного героя, с которым связаны следующие словосочетания: «торжественно», «хлебом и солью», «поклоны», «иконы», «толпы народа», «спаситель наш», «старался утешить», «сам часто плакал»¹¹⁵. Образ народа репрезентируется и через упоминание так называемых «афиш для народа» Растопчина: «Слава Богу! Всё у нас в Москве хорошо и спокойно! Хлеб не дорожает и мясо дешевет», «всем хочется, чтобы злодея побить и то будет», «государю угодить», «Наполеону насолить», «должно иметь послушание, усердие и веру к словам начальников и они рады с вами жить и умереть», «не бойтесь ничего: нашла туча, да мы её отдуем», «всё перемелется – мука будет», «берегитесь одного: пьяниц да дураков: они распустят уши, шатаются, да и другим в уши враспloch надувают», «государь изволил приказать беречь матушку – Москву, а кому ж беречь мать как не деткам», «ей-Богу, братцы, государь на нас, как на Кремль надеется», «а я – верный слуга, русский барин и православный христианин»¹¹⁶. Интересно, что в этих же «Самарских губернских ведомостях» была помещена статья «Памяти героев», в которой афиши Растопчина названы «крикливыми»: «до огромного большинства народа эти бумажки не дошли и никогда не были им прочитаны»¹¹⁷. Образ «предателей» связывается с поляками и знатью, покидавшей Москву: «поляки тайно готовили торжественную встречу»; обращение Наполеона к полякам: «Я люблю вашу нацию»; про покидающих Москву: «дамы и мужчины женского пола»,

«народ к уезжавшим из Москвы относился с раздражением», «изменники»¹¹⁸. «Надсобытийность» императора Александра, его сакральный статус подчёркивается мистическими размышлениями, связанными с цифрой «12» в его жизни: 1) число 1812 в сумме даёт 12; 2) родился 12 декабря; 3) декабрь – 12-й месяц; 4) 12 марта вступил на престол; 5) в момент вступления на престол ему было 24 года, то есть дважды по 12; 6) на 12 году жизни императора шведы подступили к Кронштадту; 7) в 1812 году императору было 36 лет, то есть три раза по 12; 8) хворал император 12 дней; 9) царствовал 24 года, то есть дважды по 12; 10) скончался на 48 году жизни – число, кратное 12¹¹⁹.

Дискурсивная природа данного юбилейного текста иллюстрирует явный крен в сторону изображения народа и его героев «как эстетической «натуры», приносящей удовольствие зрителю»¹²⁰. В данном случае мы не располагаем какими-либо зафиксированными рефлексиями малограмотных и неграмотных городских обывателей по поводу их патриотических чувств и образов Отечественной войны в народной памяти. Местная печать зафиксировала лишь уровень официальных мероприятий, среди которых, к примеру, раздача городской управой приходским училищам бланков юбилейных похвальных листов с иллюстрированной виньеткой, где под портретом Наполеона расположено четверостишие: «Он русскому народу/Высокий жребий указал/И миру вечную свободу/Из мрака ссылки завещал»¹²¹. Упомянутые в четверостишие словесные предпочтения (жребий, свобода, ссылка) иллюстрируют совершенно иные дискурсивные практики, нежели связанные с патриотизмом¹²². Официальный парад сопровождался большим стечением горожан на Хлебной площади, «желающих посмотреть ... было до того много, что до самого здания биржи шла сплошная стена людей, поднимающих тучи пыли»¹²³.

В атмосфере празднования 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года уже не звучит эмоция страха, так как данная война отделена от обывателя 1912 года значительным количеством поколений. Функционально сублимация страха необходима для дальнейшего благополучного социального

и биологического существования индивида. Страх незримо присутствует в обществе, но связан с современными войнами, так как нет ничего страшнее, чем потеря близких. Негативные социальные ожидания присутствуют и в юбилейных статьях: они вкрадываются исподволь в качестве параллельных колонок или заставляют обывателя погрузиться в эмоциональное переживание страха прошлого. Так в статье «Памяти героев» автор принуждал читателя к психологическому погружению в эмоцию страха: «нам, благополучным, трудно себе представить психологию войны и в особенности той ужасной войны. В Бородинской битве Наполеон потерял треть армии, а Кутузов – половину. Это значит, что в армии Наполеона один из трёх человек был обречён на смерть, а в армии Кутузова – один из двух. Вообразите же себе состояние, когда вы втроём или вдвоём ждёте катастрофы, причём кто-нибудь из вас, а кто неизвестно, наверное должен погибнуть. Это похоже на ожидание дуэли и даже хуже. На дуэли чаще всего оба противника остаются живыми, в войне же народной, в войне, где обе стороны доведены до крайнего отчаяния, гибель обеих сторон почти неизбежна. Стоят целыми часами и не шелохнутся когда кругом свищут пули, – стоят, зная, что каждая пуля несёт в себе смерть – для этого нужно совсем особое величие духа, отдавая свою душу за родину, солдат как бы совершает самое священное жертвоприношение... не далее, как через несколько часов надвинется может быть вечный мрак и тебя, с застывшими глазами и искажённым лицом, бросят в яму или оставят на съедение птицам...».¹²⁴ В данном отрывке артикулируется чувство страха и обречённости, более присущее концу XIX – началу XX вв., нежели началу XIX в. Знаменитая картина В. В. Верещагина «Апофеоз войны» иллюстрирует это новое для высокой русской культуры отношение к войне. Л. Н. Толстой «Севастопольскими рассказами» первым нарушил традицию изображения войны в образах бесстрашных полководцев, посылающих в сражение свои верные полки, и доблестных войск, под звуки фанфар и бой барабанов сокрушающих неприятеля¹²⁵. Ситуация с картиной В. В. Верещагина «Забывтый», когда по требованию генералов и офицеров турецкой армии Верещагин вынужден был её уничтожить, сви-

детельствует о том, что негативные эмоции, связанные с войной, не допускались в общественное сознание. Однако к 1912 г. они проникают в тексты массовой культуры, усугублённые общим усложнением социально-политической жизни провинции и ожиданием новой войны, где беднейшим слоям опять придётся быть «пушечным мясом», когда будут разорваны социальные связи, нарушены стабильные системы экономического семейного быта, образуются категории социальных изгоев, таких как солдатские жёны и солдатские дети. Нагнетанию психологического состояния ожидания войны способствовали средства массовой информации. Показателен очерк «Перед войной», опубликованный в «Самарских губернских ведомостях» за 1912 год. И хотя в нём речь идёт о Балканских войнах, создаётся впечатление, что война привычна и повседневна: «Не позже 15 сентября, – говорит он, – на Балканах начнётся война. – Ради Бога, не пугайте! – Я только что оттуда и говорю: война неизбежна...»¹²⁶. В сознании обывателя путём литературных текстов конструировался определённый психологический настрой, который можно было бы определить как патриотическую эмоцию. Собственно, данную стратегию можно рассматривать не только как «инструмент государственного строительства»¹²⁷, но и как подспорье в преодолении «травматической реакции на испытания военного времени»¹²⁸. Патриотизм обывателя укладывался в праздничную культуру города, как мы видим в связи с празднованием 100-летия войны 1812 г. в Самаре. В ситуации гибели близких – мещанин оставался наедине с собой – никаких корпоративных высказываний пацифистского или антиправительственного толка. Как отмечал в своём исследовании В. М. Бухараев, учитывая тот факт, что «русско-японская война отразилась на них (мещанах. – *Прим. авт.*) непосредственно: из всех призывников Казани с 1904 по 1905 г. мещане составили около 90%», несмотря на «поражение в войне, гибель родственников или знакомых», мещанство в целом оставалось аполитичным¹²⁹. В. М. Бухараев объясняет данное явление «державностью мещанского сознания»: «наблюдается определённая двойственность в отношении мещан к власти: это и верноподданнические чувства к самодержцу, бдительно хранящему державу от чужеземных

вторжений и внутренней крамолы, и недовольство деспотом в лице околоточного надзирателя...», то есть, по мнению автора, мещанин был задавлен «огромной мощью государства»¹³⁰.

Взаимоотношения мещанства с войной были во многом связаны и с социальным составом этого сословия, к которому причислялись нижние воинские чины. В фонде самарской мещанской управы сохранился послужной список унтер-офицера Полтавского пехотного полка Ивана Котенко, причисленного в самарское мещанство. За войну 1853–1856 гг. Иван получил бронзовую медаль на Андреевской ленте и на левый рукав мундира – нашивки из жёлтой тесьмы за беспорочную 15-летнюю службу. Начинал службу барабанщиком рядового звания. Закончил – музыкантом унтер-офицерского звания. Участвовал в двух кампаниях. В 1856 г. находился в Москве в составе корпусов, собранных по случаю Коронавания императора Александра II. Освободился от службы в 1874 г. в возрасте 41 года. Вернулся в Самару. Женился на солдатской вдове. Умер в 1900 г. В мещанской управе сохранилась документация, свидетельствующая о том, что теперь уже его вдове пришлось долго подтверждать, что она состояла в законном браке с Иваном для получения вдовьего паспорта¹³¹. Косвенно из данного источника прочитывается жизнь человека, практически половину которой он провёл в парадах и «грохоте канонады». Можно предположить, что единственным его желанием после выхода в отставку было хотя бы остаток жизни прожить мирно в лоне семьи. Другим примером соприкосновения мещанства с войной можно считать сохранившееся в фонде городской управы письмо 1916 г. со штемпелями «полевая почта», «церковь 63 пехотного полка», отправленное в мещанскую управу Самары: *«С преданностью в волю Божию молю вас безропотно перенести постигшее вас посещение Божие: незабвенный Георгий Иоаннов Сергеев 22 сего мая геройски грудью защищая дорогое отечество, отошёл к Господу, будучи сражён пулею неприятеля. Тело его покоится на позиции под Цебровым, Тарнопольского уезда, провод по чину православной церкви над ним совершён 23 сего мая. С соболезнованием к вам 63 пехотного углицкого полка иеромонах. 2 июня 1916 года. Действующая армия»*¹³². Родившийся в Самаре в 1877 г. мещанин Николай Михайлович Севастьянов

в 1898 г. был внесён в призывной список, а в октябре 1914 г. был убит, о чём в марте 1918 г. сообщили в Петроград в Главный штаб в Административный отдел в особое отделение по сбору сведений о потерях в действующих армиях¹³³. Возвращение домой в мирную рутинную повседневность для человека, прошедшего войну, также не всегда было психологически комфортно. Хронотоп провинциального общества предполагал размеренность и организованность бюрократического существования, пронизанного фискальной системой и необходимостью получения вида на жительство. Мужчины, возвращающиеся в сорокалетнем возрасте из хронотопа военной жизни, не всегда были готовы к данной ситуации, усугублённой коллективной нравственностью мещанского общества, уполномоченного «надзирать и наказывать» общественников. Так в 1874 г. мещане г. Самары на своём собрании, выслушав приговор Самарского окружного суда о лишении всех особых прав и преимуществ 45-летнего отставного рядового И. И. Кривцова за составление подложного вида на жительство, приняли решение заключить его в тюрьму на один год¹³⁴. Через год, учитывая примерное поведение Кривцова в тюрьме, мещане приняли его обратно в свою среду¹³⁵. В определённой степени власти города пытались поддержать городские семьи, соприкоснувшиеся с войной. В городскую и мещанскую управы поступил рескрипт губернатора от 17 ноября 1907 г. о том, что *«обеспечение отца, матери, деда, бабушки, братьев и сестёр – круглых сирот погибших низших воинских чинов относится к числу обязательных земских и городских повинностей»*¹³⁶.

В Самарском государственном архиве хранится заклеенное посередине письмо из армии. Заклеили его, по всей вероятности, посчитав более важным свидетельство, выданное жене отставного рядового Петра Гавриловича Цыцарева, написанное на оборотной стороне письма. Из свидетельства мы узнаём, что причисленный в самарские мещане отставной рядовой умер в 1885 г. в возрасте 44 лет¹³⁷. Из того, что удалось прочитать, становится ясно, что письмо, как это ни странно, адресовалось теще рядового. Видна приписка: *«Любезный мой кум/прошу я вас передать эту записку моей теще Дарье Андреевне Сырынкиной/Пётр Гаврилович Цыцарев»*¹³⁸. Своей теще Пётр рассказы-

вал, что с ним вместе служат ещё 7 его земляков, а двое – в третьей роте по другим батальонам. Какую-то записку он просит передать куме *«как возможно быстрее»*. *«Затем ещё прошу я вас мамаша в том если вы продали одежду то сберегите деньги у себя пришлите нам хоть ответ уведите нас об вашем здравии как вы живы здоровы я посылаю вам четвёртое извещение а вы нам не пришлёте мы живы и здоровы чего и вам желаем Адрест город Лхабат закаспийскую область в 4-й стрелковый батальон в... роту Петру»*¹³⁹. Вторая половина письма, которую можно было рассмотреть, полна «поклонами», то есть Пётр *«всем кланяется»*, *«куманёчкам»* и *«кумушкам»*, и прочитываются ещё два слова: *«Любовь»* и *«Бог»*¹⁴⁰.

В целом при изучении мещанского делопроизводства, связанного с войной, возникает стойкое ощущение не столько «державности» сознания мещанства, о котором пишет В. М. Бухараев, сколько «тягловой» психологии сословия, адаптировавшегося к роли основного, после крестьянства, поставщика солдат для империи. Смысл бытия беднейшей части этого сообщества заключался в выживании. Процесс выживания вовсе не обязательно был связан с доминированием эмоций обречённости. Но на всё, включая войну, мещанин смотрел по-деловому: раз неизбежно, следовательно, следует приспособиться. Такая сильная патриотическая эмоция, которую народ испытал в Отечественную войну 1812 года, больше не настигала их во второй половине XIX-начале XX в., за исключением искреннего сопереживания «братьям славянам». Роль печатного слова в жизни обывателя в начале XX века, безусловно, чрезвычайно возрастает. Поэтому патриотический колер статей, безусловно, находил своего адресата, но мещанин предпочитал не сталкиваться с войной, кроме варианта народных гуляний в честь юбилея. С другой стороны, городской обыватель эпохи модерна более плаксив и чувствителен, некий запоздалый «г. Бидермайер». В рассказе В. К. Измайлова «Глаза смерти» штатский обыватель едет на поезде к своей любовнице, у которой муж возвращается с фронта: «В четырёхместном купе, напротив от меня сидел офицер с маленьким клетчатым саком. Рука его висела на перевязи... вдруг офицер... в упор взглянул на меня своими светло-карими ... глазами... Точно какая сила

быстро откинула меня на спинку сиденья... это были не человеческие глаза!.. это обстоятельство поразило меня... и даже пронзило всё моё существо жуткой тайной...»¹⁴¹. Появляется вопрос, что же в начале XX века, века «нервов, нервности, неврастении»¹⁴², являлось эмоциональной нормой для обывателя, и соответствовало ли это воображаемой художественной реальности, окружающей его. В прочтении эмоционального дискурса обывателя нам видится перспективным использовать идею Б. Розенвейн о том, что человек может одновременно принадлежать к нескольким эмоциональным сообществам, которым свойственны различные и даже противоречащие друг другу эмоциональные нормы¹⁴³. Тогда становится понятным, что мещанин в начале XX в. через посредство текстов культуры был уже погружен в общероссийскую патриотическую рефлексию, но на уровне своей частной жизни был пацифистом.

20 марта 1909 г. в Самарское уездное полицейское управление поступило письмо от временного командующего 3-го Восточно-Сибирского сапёрного батальона из с. Спасского Приморской области с прилагаемой к нему светло-бронзовой медалью в память о Русско-японской войне 1904–1905 гг. и Александровско-Георгиевской лентой к ней для уволенного в запас по окончании срока службы унтер-офицера Ивана Бородачёва из мещан г. Самары¹⁴⁴. 20 апреля 1909 г. самарское полицейское управление обратилось в адресный стол с просьбой найти мещанина Бородачёва. Но в адресном столе не оказалось его места жительства. От воинского начальника самарской губернии пришло сообщение о том, что Бородачёв происходит из мещан г. Самары. За «нерозыском» медаль с ленточкой были переданы приставу 3 части г. Самары. В июне 1909 г. околоточный надзиратель так же ничего не смог узнать о Бородачёве. Тогда добросовестные чиновники передали ценную посылку в мещанскую управу г. Самары¹⁴⁵, в которой она, аккуратно вклеенная в дело, пролежала до 3 мая 2012 года, никем не обнаруженная.

Русско-японская война была проиграна. Однако Высочайшим указом от 21 января 1906 г. на имя военного министра (данным) Государю Императору благоугодно было установить «особую медаль в ознаменование Монаршей признательно-

сти войскам, участвовавшим в войне с Японией 1904–1905 годов, для ношения на груди на ленте, составленной из Александровской и Георгиевской»¹⁴⁶. На лицевой стороне медали помещено «всевидящее око» Провидения, окруженное сиянием; внизу, вдоль бортика, по кругу были указаны даты войны: «1904–1905». На оборотной стороне во всё поле медали шла пятистрочная надпись славянской вязью: «ДА – ВОЗНЕСЕТЬ – ВАСЪ ГОСПОДЬ – ВЪ СВОЕ – ВРЕМЯ». Медаль была отчеканена одного образца, но подразделялась на серебряную, светло-бронзовую и темно-бронзовую (медную). Серебряная предназначалась, по сути, только для защитников Квантунского полуострова (на юго-западной оконечности Ляодуна, где и находился Порт-Артур). Ею были награждены все лица, участвовавшие при защите подступов к крепости на Цзиньчжоуском перешейке и обороне Порт-Артура. Такая же серебряная медаль была выдана всем чинам различных ведомств, находившимся в осажденном Порт-Артуре по обязанностям службы; а также медицинским работникам, священникам, состоявшим на службе, и даже жителям Порт-Артура, участвовавшим в его защите. Медали из темной бронзы (меди) были вручены воинским чинам, «не принимавшим участия в боях, но состоящим на службе в действовавших армиях и в приданных им учреждениях... расположенных во время войны... по день ратификации мирного договора на Дальнем Востоке и вдоль Сибирской и Самаро-Златоустовской железных дорог, в местностях, объявленных на военном положении, а именно: всем вообще: военным, морским, пограничной стражи и ополчения; священникам, врачам и прочим медицинским чинам – лицам, не принадлежащим к военному званию, если эти лица находились по обязанностям службы при войсках и врачебных заведениях»¹⁴⁷.

В государственном архиве Самарской области была обнаружена светло-бронзовая медаль. Она была учреждена в одно время с серебряной. Чеканилась на Санкт-Петербургском монетном дворе. Вручалась в качестве боевой награды генералам, офицерам и нижним чинам военного и морского ведомства, а также чинам государственного ополчения, пограничной стражи и добровольцам, находившимся в войсках и особых дружинах. Кроме того,

данной медалью награждались все классные и медицинские чины, священники, санитары, сёстры милосердия, лица, не принадлежащие к военному званию, но исполнявшие во время боя служебные обязанности при частях войск и отрядах, на судах флота. И, наконец, лица всех сословий, награждённые Знаком отличия Военного ордена или медалью с надписью «За храбрость»¹⁴⁸. Отчеканено было светло-бронзовых медалей в количестве 101 тыс. штук¹⁴⁹. Носили их на груди, на комбинированной Александровско-Георгиевской ленте. По «высочайшему» повелению императора Николая II от 1 марта 1906 г. «получившие ранения и кантузии в сражениях с японцами..» стали носить эту медаль с бантом из такой же ленты, на которой носили саму медаль¹⁵⁰.

С данной медалью связан миф о курьёзности выражения, начертанного на ней: «ДА – ВОЗНЕСЕТЬ – ВАСЪ ГОСПОДЬ – ВЪ СВОЕ – ВРЕМЯ», порождённый автобиографической книгой участника Русско-японской войны А. А. Игнатъева «50 лет в строю», в которой он пишет: «...– А вот почему вы медали за японскую войну не носите? – спросило меня начальство. Медаль представляла собой плохую копию медали за Отечественную войну, бронзовую вместо серебряной; на оборотной стороне ее красовалась надпись: «Да вознесет вас Господь в свое время». – В какое время? Когда? – попробовал я спросить своих коллег по генеральному штабу. – Ну что ты ко всему придираешься? – отвечали мне одни. Другие, более осведомленные, советовали помалкивать, рассказав по секрету, до чего могут довести услужливые не по разуму канцеляристы. Мир с японцами еще не был заключен, а главный штаб уже составил доклад на «высочайшее имя» о необходимости создать для участников маньчжурской войны особую медаль. Царь, видимо, колебался и против предложенной надписи: «Да вознесет вас Господь» – написал карандашом на полях бумаги: «В свое время доложить». Когда потребовалось передать надпись для чеканки, то слова «В свое время», случайно пришедшиеся как раз против строчки с текстом надписи, присоединили к ней»¹⁵¹. Данный миф был поддержан А. М. Горьким, назвавшим данную медаль «памятником самодержавной глупости»¹⁵². «Эта версия была распространена столь широко и столь крепко засела в умах современников, что, стоило толь-

ко известному коллекционеру и исследователю В. Г. фон Рихтеру обратиться за разъяснениями к знатоку русских наградных медалей военному историку, полковнику А. И. Григоровичу, как тот без колебания подтвердил её достоверность. Мнение А. И. Григоровича было тем более авторитетным, что он во время описываемых событий был библиотекарем Главного и Генерального штабов. Немудрено, что эта версия стала общепринятой, и довольно долго никто в ней не сомневался и не пытался её проверить»¹⁵³. Данный миф был только недавно опровергнут В. Дуровым, который доказал несостоятельность легенды А. А. Игнатьева¹⁵⁴. Слова «Да вознесет Вас Господь в свое время» являются точной цитатой из «Первого соборного послания святого апостола Петра»: «Итак, смиритесь под крепкую руку Божию, да вознесёт вас в своё время»¹⁵⁵. В. А. Дуров обнаружил и опубликовал в «Военно-историческом вестнике» описание проектного рисунка: «На предложении для рассмотрения рисунке изображалось два варианта лицевой стороны и 5-оборотной стороны проектируемой медали. Император поставил крест рядом с одним из вариантов с лицевой стороны (лучезарное всевидящее око, ниже даты 1904–1905), который, будучи таким образом утверждён, перешёл и на металлический образец. Парный к лицевой стороне рисунок оборотной стороны медали царь подчеркнул тем же карандашом, а в верхней части листа начертил: «Да вознесёт вас господь в своё время», что и стало текстом медали.

Численность русской армии к концу войны составляла около 800 тыс. человек¹⁵⁶. Вместе с вспомогательными военными учреждениями насчитывалось более миллиона человек, которые могли претендовать на получение медалей в память войны 1904–1905 гг. «Большое число имевших право на эту награду, а также отдалённость театра военных действий от центра привели к тому, что, помимо медали официальной чеканки, появились многочисленные её воспроизведения кустарным способом – этим занимались различные мастерские и артели по всей России. Поэтому медаль за 1904–1905 гг. имеет особенно много разновидностей»¹⁵⁷, занимая второе место после юбилейных медалей в честь 300-летия Дома Романовых¹⁵⁸. Они отличаются от государственных и размерами

треугольника «всевидящего ока», и его положением на поле относительно центра, и формой лучезарного сияния, и шрифтом надписи с оборотной стороны, и даже количеством строк в ней. Но наиболее популярной среди коллекционеров является медаль с полной четырехстрочной надписью: «ДА – ВОЗ-НЕСЕТЬ ВАСЪ – ГОСПОДЬ ВЪ СВОЕ – ВРЕМЯ». Шрифт выполнен старославянской вязью¹⁵⁹. «Российские наградные медали прошлых времён являются истинными миниатюрными памятниками и особо чтимыми реликвиями истории нашего Отечества»¹⁶⁰. Когда же они неожиданно появляются из глубин «исторической памяти», запечатлённой в делах провинциальных архивов, это лишний раз способствует индивидуализации прошлого, выделению героя-одиночки из «безмолвствующего большинства» мещанского сословия.

В фонде мещанской управы Самары за 1915 год не так много документов, позволяющих увидеть отношение сословия к событиям Первой мировой войны. Сохранилось воззвание от общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям: «Все мы братья по Христу. У всех нас одна общая родина-мать-святая Русь»¹⁶¹. Кроме того, Скобелевский комитет рассылал извещения о своём новом иллюстрированном издании «Вторая Отечественная война по рассказам ея героев», доход от которого шёл на устройство и содержание новых инвалидных домов Комитета¹⁶². Воззвание от Общества для предоставления детям увечных и павших воинов, а также от пострадавших от войны, профессионального образования и обучения ремёслам подчёркивало трагизм для России войны: «Нежданно-негаданно среди глубокого мира, грянул гром из ясного неба и разразилась над Россией великая война»¹⁶³. А в целях ознакомления населения «с значением 5% военного займа 1916 г.» распространялись брошюры «Помогите армии разить врага», одна из которых сохранилась в фонде мещанской управы Самары¹⁶⁴. 60-летний самарский мещанин Н. С. Морозов ходатайствовал о казённом продовольственном пособии за сына, призванного в первую мобилизацию 1914 г. Оставшись с 58-летней женой и 16-летней дочкой, он апеллировал к властям, обращая внимание на тот факт, что война ли-

шила их кормильца¹⁶⁵.

«Ах, война, что ж ты сделала, подлая» для провинциального мещанства? С одной стороны, вырывала из социума, отнимала кормильцев, забирала жизни, ломала их в результате потери социальных связей. С другой – служила ещё одним средством власти поддерживать ментальное единство подданных через патриотические эмоции.

¹ Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 2009. С. 43.

² ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6 (подсчитано по описи).

³ Рыдзюнский П. Г. Городское гражданство в дореформенной России. М., 1958. С. 44.

⁴ Иванов Ф. Н. Рекрутская повинность населения России в 1831–1874 годах: на материалах Европейского Севера: дис... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2006. С. 5.

⁵ Кормина Ж. В. Рекрутский обряд: структура и семантика (на материалах севера и северо-запада России XIX – XX вв.): дис... канд. культуролог. наук. М., 2000.

⁶ Кормина Ж. В. Рекрутский обряд: структура и семантика... С. 1.

⁷ Иванов А. Г. Рекрутчина в низовьях Печоры. Архангельск, 1911; Дружинин М. Н. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселёва. Т. 1. М.-Л., 1946; Индова Е. И. Крепостное хозяйство в начале XIX века: по материалам вотчинного архива Воронцовых. М., 1955; Ковальченко И. Д. Русское крепостное хозяйство в первой половине XIX века. М., 1967; Фёдоров В. А. Помещичьи крестьяне Центрально-Промышленного района России конца XVIII – первой половины XIX в. М., 1974; Александров В. А. Сельская община в России (XVII – начала XIX вв.) М., 1976; Котов П. П. Удельные крестьяне русского Севера. 1797–1863 гг. Сыктывкар, 1991.

⁸ Миронов Б. Н. Русский город в 1740–1860-е гг. Л., 1990.

⁹ Петровский-Штерн Й. Евреи в русской армии: 1827–1914. М., 2003; Щербинин П. П. Жизнь русской солдатки в XVIII – XIX веках // Вопросы истории. 2005. № 1. С. 79–92.

¹⁰ Иванов Ф. Н. Рекрутская повинность.

¹¹ Кормина Ж. В. Рекрутский обряд.

¹² Амосова О. С. Правовой статус мещан Российской империи: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2005.

¹³ Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. С. 41.

¹⁴ Человек в мире чувств: очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени. М., 2000; Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций. М., 2010.

¹⁵ Нагорная О. С. «Полковник беззвучно рыдал, слёзы были на глазах у всех офицеров...»: коммуникация эмоций за колючей проволокой//Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2011. № 35. С. 195.

¹⁶ Нагорная О. С. «Полковник беззвучно рыдал, слёзы были на глазах у всех офицеров...»... С. 195.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 196.

¹⁹ Румянцева М. Ф. «Чужое я» в художественной литературе и исторической науке//История через личность: историческая биография сегодня. М., 2010. С. 30.

²⁰ Человек в мире чувств. С. 8.

²¹ Соловьёва С. В. На стороне власти: очерки об экзистенциальном смысле власти. Самара, 2009. С. 12.

²² Там же.

²³ Шартье Р. Одна четверть свободы, три четверти детерминизма//Споры о главном: дискуссии о настоящем и будущем исторической науки. М., 1993. С. 42–43.

²⁴ Человек в мире чувств. С. 19–20.

²⁵ Эткинд А. Хлыст. М., 1998.

²⁶ Кофман А. Ф. Аргентинское танго и русский мещанский романс//Литература в контексте культуры. М., 1986. С. 220–233.

²⁷ Краткая литературная энциклопедия. М., 1971. Т. 6.

²⁸ Кофман А. Ф. Аргентинское танго и русский мещанский романс... М., 1986.

²⁹ Цит. по: Корнилов В. А. Эволюция военной службы в России XIX в.: от рекрутской системы к всеобщей воинской повинности//Преподавание истории и обществоведения в школе. 2003. № 7. С. 2–12.

³⁰ Вишленкова Е. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М., 2011. С. 12.

³¹ Иванов Ф. Н. Рекрутская повинность. С. 54–55.

³² Там же. С. 55.

³³ Там же. С. 68.

³⁴ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь: репр. воспроизведение издания 1890 года. Т. 52: Резонанс и резонаторы – роза ди-тиволи. С. 532.

³⁵ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. С. 531.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

- ³⁸ Иванов Ф. Н. Рекрутская повинность. С. 77.
³⁹ Ерошкин Н. П. История государственных учреждений. С. 170.
⁴⁰ Иванов Ф. Н. Рекрутская повинность. С. 84.
⁴¹ ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д. 227. Л.1.
⁴² Иванов Ф. Н. Рекрутская повинность. С. 91.
⁴³ ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д.85. Л.1 (Об.).
⁴⁴ Там же. Д.621. Л.287.
⁴⁵ Там же. Ф.217. Оп. 1. Д.85. Л. 74.
⁴⁶ Иванов Ф. Н. Рекрутская повинность. С. 118.
⁴⁷ Корнилов В. А. Эволюция военной службы. С. 4.
⁴⁸ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь...

С. 531.

- ⁴⁹ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.25.
⁵⁰ Там же. Ф.170. Оп. 6. Д.53. Л.2.
⁵¹ Там же.
⁵² Там же. Оп. 2. Д.14. Л.1.
⁵³ Там же. Оп. 6. Д. 53. Л.4, 8, 10; Д.87. Л.5 (Об.), 6; Д.88.
⁵⁴ Там же. Д.122. Л.24 (Об.).
⁵⁵ Там же. Д.45. Л.1.
⁵⁶ Там же. Д.53. Л.2.
⁵⁷ Там же. Л.4–4 (Об.), 8,10.
⁵⁸ Там же. Д.87. Л.3 (Об.), 5 (Об.), 6.
⁵⁹ Там же. Д.87 (а).
⁶⁰ Иванов Ф. Н. Рекрутская повинность. С. 118.
⁶¹ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь...

С. 531.

- ⁶² Иванов Ф. Н. Рекрутская повинность. С. 119.
⁶³ Там же. С. 148.
⁶⁴ Там же. С. 162.
⁶⁵ ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д.506. Л.2.
⁶⁶ Там же. Д. 227.
⁶⁷ Там же. Ф.217. Оп. 1. Д.24. Л.228.
⁶⁸ Там же. Ф.170. Оп. 6. Д.150. Л.1.
⁶⁹ Там же. Д.221. Л.1–2 (Об.).
⁷⁰ Там же. Ф.217. Оп. 1. Д.102. Л.1–1 (Об.).
⁷¹ Там же. Д.104 (а). Л.38 (Об.), Л.1.
⁷² Там же. Д.393. Л.7.
⁷³ Там же. Д.393. Л.14–54, 103.
⁷⁴ Там же. Л.1–103.
⁷⁵ Там же. Д.393. Л.125.
⁷⁶ Там же.
⁷⁷ Там же.
⁷⁸ Там же. Л. 128, 129.
⁷⁹ Отчёт Самарской Городской Управы и подведомственных ей учреждений за 1888 год. Самара, 1890. С. 13.

- ⁸⁰ Там же. С. 14.
- ⁸¹ Приложение ко Всеподданнейшему отчёту самарского губернатора за 1876 год. Самара, 1877. С. 45–46.
- ⁸² ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.393. Л.135.
- ⁸³ Там же. Ф. 170. Оп. 6. Д.85.
- ⁸⁴ Невская Л. Г. Полное переиздание «Причитаний Северного края»//Живая старина. 1999. № 4 (24). С. 44.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д.122. Л.85.
- ⁸⁸ Там же. Д.650. Л.1–4.
- ⁸⁹ Там же. Д.1511. Л.1–5.
- ⁹⁰ Там же. Л.7–9.
- ⁹¹ Там же. Л. 10–11.
- ⁹² Там же. Д.85. Л.118 (Об.) – 119.
- ⁹³ Там же. Д.128. Л.1–2.
- ⁹⁴ Там же. Д.677. Л.1–1 (Об.).
- ⁹⁵ Там же. Д.677. Л.5–8
- ⁹⁶ Там же. Д.680. Л.1–11.
- ⁹⁷ Там же. Д.875. Л.1–11 (Об.).
- ⁹⁸ Там же. Л.6.
- ⁹⁹ Там же. Д.996. Л.3.
- ¹⁰⁰ Там же. Д.1508. Л.84
- ¹⁰¹ Там же. Д.1558. Л.4–4 (Об.).
- ¹⁰² Там же. Д.1558. Л. 58–59.
- ¹⁰³ Там же. Л.284.
- ¹⁰⁴ Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999//URL: http://www.modernlib.ru/books/senyavskaya_elena/psihologiya_voyni_v_xx_veke_istoricheskiy_opit_rossii/read/.
- ¹⁰⁵ Цит. по: Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке.
- ¹⁰⁶ Там же.
- ¹⁰⁷ Плампер Я. Страх: солдаты и эмоции в истории военной психологии начала XX века//Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций. М., 2010. С. 401–402.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 404–406.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 415.
- ¹¹⁰ Гарин С. Старый гусар//Пробуждение. Пг.,1915. № 4. С. 118.
- ¹¹¹ Брусянин В. В. Ручей Манчжурии//Пробуждение. Пг., 1915. № 2. С. 45.
- ¹¹² Горский А. А. «Всего еси исполнена земля русская...»: личности и ментальность русского средневековья. М., 2001. С. 62–77.
- ¹¹³ Самарские губернские ведомости. 1912. № 51–68.
- ¹¹⁴ Там же.
- ¹¹⁵ Там же.

- ¹¹⁶ Там же. № 63. С. 3.
- ¹¹⁷ Там же. № 68. С. 3.
- ¹¹⁸ Там же. № 51–68.
- ¹¹⁹ Там же. № 63. С. 3.
- ¹²⁰ Вишленкова Е. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М., 2011. С. 21.
- ¹²¹ Самарские губернские ведомости. 1912. № 55. С. 4.
- ¹²² Филипс Л., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков, 2008. С. 147.
- ¹²³ Самарские губернские ведомости. 1912. № 65. С. 4.
- ¹²⁴ Там же. № 68. С. 3.
- ¹²⁵ Воронихина Л., Михайлова Т. Русская живопись XIX века. М., 1990. С. 168–169.
- ¹²⁶ Самарские губернские ведомости. 1912. № 65. С. 3.
- ¹²⁷ Леонтьева О. Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX–начала XX вв. Самара, 2011. С. 10.
- ¹²⁸ Там же.
- ¹²⁹ Бухараев В. М. Провинциальный обыватель в конце XIX – начале XX века: между старым и новым//Социальная история: ежегодник. М., 2000. С. 31–32.
- ¹³⁰ Там же. С. 33.
- ¹³¹ ГУСО ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д.328. Л.93–94.
- ¹³² Там же. Ф. 153. Оп. 1. Д.88. Л. 283.
- ¹³³ Там же. Д. 84. Л.92.
- ¹³⁴ Там же. Д.905. Л.1–3.
- ¹³⁵ Там же.
- ¹³⁶ Там же. Д.928. Л. 7.
- ¹³⁷ Там же. Ф.217. Оп. 1. Д.392. Л.378.
- ¹³⁸ Там же.
- ¹³⁹ Там же.
- ¹⁴⁰ Там же. (Письмо нами обнаружено не пронумерованное и отдано на реставрацию).
- ¹⁴¹ Измайлов В. К. Глаза смерти//Пробуждение. 1915. № 13. С. 433–441.
- ¹⁴² Цит. по: Плампер Я. Страх: солдаты и эмоции в истории военной психологии начала XX века//Российская империя чувств. С. 401–431.
- ¹⁴³ Плампер Я. Эмоции в русской истории//Российская империя чувств. С. 20–21.
- ¹⁴⁴ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.393. Л.316.
- ¹⁴⁵ Там же. Л.314–320.
- ¹⁴⁶ Полное собрание законов Российской Империи. Т. XXVI. № 27275.
- ¹⁴⁷ Чепурнов Н. И. Наградные медали государства российского: энцикл. иллюстрированное издание. М., 2000. С. 614–616.

- ¹⁴⁸ Там же.
- ¹⁴⁹ Там же. С. 616.
- ¹⁵⁰ Балязин В. Н., Дуров В. А., Казакевич А. Н. Самые знаменитые награды России. М., 2000. С. 128.
- ¹⁵¹ Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю. М., 1988. С. 293.
- ¹⁵² Цит. по: Лозовский Е. В. Под покровом легенд и мифов//URL: http://medalirus.narod.ru/Tools/loz_4.htm.
- ¹⁵³ Там же.
- ¹⁵⁴ Дуров В. А. Русско-японская война 1904–1905 гг. в боевых наградах//Военно-исторический журнал. 1990. № 9.
- ¹⁵⁵ Цит. по: Лозовский Е. В. Под покровом легенд и мифов.
- ¹⁵⁶ Дуров В. А. Русские награды XVIII – начала XX в. М., 1997. С. 143.
- ¹⁵⁷ Там же.
- ¹⁵⁸ Чепурнов Н. И. Наградные медали государства российского. Энциклопедическое иллюстрированное издание. С. 618.
- ¹⁵⁹ Кузнецов А., Чепурнов Н. Наградная медаль 1701–1917. М., 1992. С. 372.
- ¹⁶⁰ Чепурнов Н. И. Наградные медали. С. 7.
- ¹⁶¹ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.418. Л.326.
- ¹⁶² Там же. Л.327.
- ¹⁶³ Там же. Д.419. Л.216.
- ¹⁶⁴ Там же. Л.253.
- ¹⁶⁵ Там же. Д.425. Л.308.

Раздел III

«ЖЕСТОКИЕ РОМАНСЫ» ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

ГЛАВА 1. СЕМЬЯ И ЛЮБОВЬ

*Ах, здравствуй, ах, здравствуй, мамаша
Здоров ли отец мой и брат
Отец твой давно уж в могиле
Сырую землёю зарыт
А брат твой далёко в Сибири
Давно кандалами звенит
Народная песня*

Если мы поймём роль мещанской семьи в первичной социализации и стабилизации личности, мы сможем правильно оценить и само сословие с точки зрения совокупности социальных институтов, выполняющих специфические функции для поддержания в нём целостности и согласия¹. Одновремен-

но правильным будет и взгляд на семью как на бурные личные взаимоотношения, в которых «индивиды сталкиваются с бесконечным рядом возможностей для создания, приспособления, исправления или разрушения союзов»². Кроме того, путь к пониманию характера внутрисемейных отношений может лежать и через знание моральных и правовых норм, которые регулировали эти отношения³. В рамках данного исследования нам показалось интересным посмотреть на мещанскую семью через сферу человеческой субъективности, через эмоциональные переживания, через родительскую любовь, страдания, ссоры и примирения.

Ряд исследователей склонны считать, что вплоть до середины XIX в. среди купцов, мещан и ремесленников «преобладали составные семьи, а в них – патриархально-авторитарные отношения»⁴. Это подразумевает управление всем домом и членами семьи главой семьи. Со второй половины XIX в. начинается гуманизация внутрисемейных отношений, но, по мнению Б.Н. Миронова, в семьях мещан и ремесленников она делала «более скромные успехи»⁵. С точки зрения типологии семей исследователь считает, что до середины XIX в. «около половины городского населения на протяжении определённого периода

своей жизни проживало в рамках составной семьи, так как малая семья перерастала в составную, а потом вновь распадалась на несколько малых», на рубеже XIX–XX вв. «составная семья ещё оставалась одной из форм семейной жизни для части мещанства...», позднее «малая семья ... становилась не просто главной, но и единственной формой жизни для большинства населения»⁶.

Что касается возраста вступления в брак, то, как пишет Б. Н. Миронов, «к середине XIX в. большая часть девушек вступала в брак до 21 года, а мужчин – до 23–24 лет... Средний возраст всех русских невест, вступавших в первый брак, в 1867–1910 гг. равнялся 21,4 года, женихов – 24,2 года»⁷. И как и в любых сословных группах, в мещанстве встречались одинокие девицы, за которых в некоторых ситуациях могли поручиться только однообщественники. Так, например, в 1883 г. *«мы, нижеподписавшиеся, дали сию подписку Самарской мещанской управе в том, что самарскую мещанскую дочь Олимпиаду Александрову Коясову мы хорошо знаем, удостоверяем, что она действительно девица и замуж не выходила»*⁸. Коллективная общественная нравственность, проявлявшаяся в форме поручительства за однообщественников, составляла ещё одну сторону коммуникаций в рамках сословной жизни. Однообщественники подтверждали, что кто-то из их среды холостяк, у кого-то жена действительно умерла⁹.

Детей рожали до тех пор, пока женщина и мужчина находились в репродуктивном возрасте. Мужчина в 52 года мог иметь 9-летнего ребёнка¹⁰. Женщины чаще всего становились матерями в 20–21 год¹¹.

Мужчины долго в холостяках или вдовцах не ходили. Экономические интересы, связанные, как правило, с хозяйством, заставляли их после смерти жены вступать в новый брак. Самарский мещанин Кирилл Иванов получил свидетельство в том, что он повенчан вторым браком¹². Мещанин Егор Ерофеев имел от первого брака двух дочерей и от второго – сына, а также дочь его второй жены от первого брака¹³. Иногда для них это был уже третий брак, как в случае с мещанином Иваном Петровичем Матвеевым. Его вторая жена Параскева умерла от чахотки, и он в том же году был повенчан с крестьянскою девицей 22 лет из Ново-Семейкина¹⁴.

По ревизским сказкам за 1897 г. в делах о причислении в самарское мещанство выясняется следующий состав семьи: глава семьи, мещанин г. Симбирска Иван Павлов Князев, 37 лет, его жена, Устинья, 36 лет, сын Александр, 3 лет, мать Анна Петровна, 58 лет¹⁵. Как видим, дети в браке могли быть достаточно поздними. Разница в возрасте между супругами в большинстве случаев незначительная, жена могла быть и на несколько лет старше. Причисленный в самарское мещанство крестьянин Самарской губернии Панфил Иванов Борадачев, 38 лет, был женат на Ольге Семёновой, 38 лет. У них были дети 17 лет и 10 месяцев¹⁶. Возраст супругов в семье Ивана Александрова Земцева – 35 и 32 года; Василия Прокофьева Дурнева – 48 и 46 лет; Алексея Алексеевича Семёнова – 34 и 36 лет; Григория Федотова Кривоногова – 22 и 21 год и др.¹⁷ Разница в возрасте в районе 10 лет выглядит скорее исключением из правил для первого брака. Так, например, новокрещёный из башкир Оренбургской губернии, причисленный в самарское мещанство Мухамет Зарыф Абдразаков (по святом крещении Григорий Николаев) 29 лет имел жену, 18-летнюю Пелагею Павловну¹⁸. Как правило, жена была намного младше в тех случаях, когда это второй брак, как, например, в семействе причисленного в самарское мещанство крестьянина (41 и 22 года)¹⁹. Дети в семьях чаще всего рождались подряд, как, например, в семье крестьянина Симбирской губернии Фёдора Иванова Теньгаева, причисленного в самарское мещанство: 5, 8 и 9 лет²⁰. Многодетные семьи среди мещанства не часто встречаются. Самое распространённое количество детей в семье – 2–3 ребёнка. Но были и такие семьи, как у причисленной в мещанство г. Самары крестьянской вдовы 42 лет из Симбирской губернии, в которых было много детей: старшей – 22 года, младшей – 6 лет: Иван (16 лет), Степан (9 лет), Екатерина (22 года), Антонина (13 лет), Акулина (7 лет), Татьяна (6 лет)²¹. Большинство причисленных в самарское мещанство в 1897 г. семей происходило из крестьянского сословия²². Поэтому характеризуя состав мещанской семьи, мы не можем чётко выявить именно сословную специфику в этом вопросе. Вчера – крестьяне, сегодня – мещане. Состав семьи, отношение к семейным ценностям и традициям не может в одночасье поменяться из крестьянского в мещанское.

Поэтому при характеристике мещанской семьи нужно учитывать это перманентное смешение сословий в границах города.

Состав мещанской семьи иллюстрируют и различные виды фискальных документов, в которых фиксировалось число податных душ. Так, по податной тетради мещанского общества Самары за 1853 год, число податных душ в семье варьируется от 1 до 6, больше всего семейств – с численностью от 3 до 5 человек²³.

О семейном статусе мещанства повествуют метрические книги и ведомости бракосочетания самарских мещан и мещанок, которые поступали из церковного причта в управу²⁴. Вступали в первый брак иногда уже в достаточно зрелом возрасте. Так, мещанин Косьма Степанов Яртылин (42 года) вступил в брак с крестьянкой Анной Сергеевной Бухаровой (40 лет)²⁵. Но в основном такой возраст у жениха и невесты был в тех случаях, когда она, к примеру, – вдова, а он – отставной фельдфебель²⁶. В основном возраст вступающих в брак в 1897 г. мещан был от 17 до 23 лет²⁷. Нарушают данную традицию лишь браки вдовцов или отставных военных на молоденьких мещанках, как, например запасной унтер-офицер из мещан Казанской губернии (31 года) вступил в брак с 16-летней самарской мещанкой²⁸.

Ревизские сказки, несмотря на свой канцелярский стиль, хранят семейные тайны и семейные драмы. Иван Леонтьев был отослан по суду в арестантские роты бессрочно. У него осталось семеро детей: двое новорождённых, и 1, 3, 6, 18 и 24 лет²⁹. Из посемейных списков, составленных в тех местах, откуда люди приезжали в Самару, мы можем увидеть, сколько домочадцев оказывалось сорванными с места. В 1874 г. в Кирсановском уезде Тамбовской губернии умер Набатов Андрей Иванов. После его смерти у него остались: жена 18 лет, сын одного года, дочь двух лет, ещё одна дочь умерла, мать Федосья, два брата, Емельян (20 лет) и Василий (17 лет), две сестры (обе уже выданные замуж)³⁰. Всё оставшееся семейство перебралось на жительство в Самару.

Из посемейных списков видна достаточно высокая смертность в среде мещан³¹. Б. Н. Миронов замечает, что «если ранжировать сословия по уровню смертности, то окажется, что во всём населении наиболее высокая смертность наблюдалась у дворян, затем – у мещан...»³². Однако уровень смертности Б. Н. Миронов

связывает не с социально-экономическими факторами, а со сменной привычных условий жизни. И если сравнивать город и деревню, то в городе смертность была выше, чем в деревне³³.

Многонациональный состав самарского мещанства, безусловно, влиял и на специфику сословного семейного быта. В 1910 г. мещанским служащим управы были присланы к сведению результаты состоявшейся при МВД Раввинской комиссии *«по рассмотрению предложенного на обсуждение вопроса о мерах предупреждения среди евреев двоежёнства»*³⁴. Комиссия *«признала необходимым обязать с этой целью раввинов требовать от жениха при вступлении в брак представления свидетельств: метрического и о приписке к призывному участку»*³⁵.

Что касается межсословных браков, из списка лиц самарских мещан и мещанок, повенчанных причтом Ильинской церкви в 1898 г., большинство – между мещанами и крестьянами³⁶. И, безусловно, приблизительно столько же внутрисословных браков³⁷. Встречаются и такие, которые раз за разом, брак за браком повышали свой сословный статус. Так в 1898 г. одна мещанка первый раз вышла замуж за купеческого сына, второй раз – за дворянина³⁸. Иногда сословный статус определён в документах весьма специфически: «самарский мещанин ... повенчан с дочерью учёного помощника агронома»³⁹.

По Посемейному списку мещан г. Самары за 1904 год, зафиксировавшему 702 мещанских семейства⁴⁰, состав семей по-прежнему оставался большим. Как правило, это муж с женой, несколько взрослых сыновей со своими семьями, дочери⁴¹. Ту же картину мы видим и в двух других томах этого списка⁴². К примеру, семья Фокия Ланкова состояла из него самого, его жены, четырёх сыновей с жёнами и детьми (у одного сына – 5 сыновей, у другого – 6 сыновей)⁴³. Вполне возможно, что в реальной жизни они не проживали таким составом. Но препятствием на пути выделения малой семьи из большой оставался низкий экономический статус большинства представителей сословия, и в первую очередь это было связано с дороговизной жилья. С другой стороны, следует отметить, что мещанские семьи гораздо меньше по составу, чем купеческие. Среди мещанства Самары в значительном количестве присутствует и малая семья, что находит от-

ражение в Посемейных списках. В начале XX в. в Самару многие малые семьи попадают в результате ссылки за политические преступления. Тогда в отношении главы семьи в Посемейном списке указывалось: *«лишён особых прав и преимуществ»*⁴⁴.

Вплоть до 1917 г. браки и разводы оставались прерогативой церкви, и если «до 1850-х гг. главными основаниями для развода служили длительное отсутствие и вступление в брак при жизни супруга, в начале XX в. почти единственным основанием стала супружеская измена. Формальные разводы происходили главным образом в среде городского населения, их значительное увеличение отражает серьёзные изменения в психологии горожан, произошедшие в результате реформ»⁴⁵. Женщина могла устроить свою судьбу и судьбу своих детей и после развода. Новый избранник мог усыновить её детей. Однако до подлинной эмансипации было ещё далеко, власть и церковь стояли на страже нравственности и текстов поведения женщины. Так от самарского мещанина Матвея Михайлова Негрустиева потребовали подтверждение в том, что он действительно отпустил свою жену в село Борское на богомолье и выдал ей через мещанского старосту в этом удостоверение⁴⁶.

Самарская мещанка Е. В. Головачёва обратилась в Самарскую духовную консисторию с просьбой о расторжении её брака с мужем Петром Васильевым *«по его неспособности к супружеству»*⁴⁷. Брак на этом основании был расторгнут. Истица вступила в новый брак, а ответчик Пётр Головачёв был навсегда осуждён на безбрачие⁴⁸.

Церковь пресекала «блуд», контролируя повседневную жизнь паствы, и со своей стороны вершила суд и выносила приговоры. Слово «девка» не только обозначало незамужнюю девушку, но несло в себе и негативные коннотации. Так 25 августа 1856 г. проживавшая в г. Бугуруслане солдатка Наталья Платонова Ефремова обнаружила около своего дома *«неизвестно кем подкинутого младенца»*, о чём и сообщила городничему. Следствие по этому делу обнаружило, *«что младенец был подкинут к Ефремовой... родною сестрою её бугульминскою мещанскою девкою Аграфеною Платоновой, которая прижила его с неизвестным человеком блудно...»*⁴⁹. Палата уголовного суда приговорила «озна-

ценную мещанскую девку» «преданию церковному покаянию»⁵⁰.

В 1891 г. в Самаре было заключено 389 браков среди православных, 9 – единоверцев, 28 – раскольников, 2 – лютеран, 6 – католиков, 5 – евреев, 5 – магометан. За этот же год у православных родилось 1604 мальчика и 1451 девочка (законнорождённые) и 172 ребёнка незаконнорождённые. Не приводя остальную статистику деторождения по религиозным группам, отметим, что незаконнорождённых детей у единоверцев – 1, у лютеран – 1 и 1 у католиков⁵¹. Случалось, что если при жизни отца по каким-либо причинам дети не были признаны законными, приходилось после его смерти обращаться в суд. Самарская мещанка Элька Ицыксоновна Крепляк обратилась в 1902 г. в суд с иском о признании законности её детей Моисея, Евы, Розы, рождённых от её законного, но ныне покойного мужа Мордуха Мовшева. Суд принял решение узаконить детей⁵².

Значительное количество дел в фонде самарской мещанской управы посвящено проблеме усыновления. По указам 1845 и 1863 гг. в мещанское сословие должны были приписываться незаконнорождённые, подкидыши и не помнящие родства⁵³. Вопросы об усыновлении решались мещанским обществом города. Мещанский староста контролировал посемейные списки, заменившие в 1874 г. ревизские сказки. Посемейные списки имели целью выявить лиц, подлежащих призыву в армию на основании закона о воинской повинности⁵⁴. В этой связи практики усыновления мещанскими семьями подкидышей не всегда были связаны с филантропическим чувством. Зачастую выросший подкидыш отправлялся от семьи, его усыновившей, в армию. С другой стороны, сердобольные мещане сталкивались с волокитой мещанских управ, связанной с приёмом в семью подкидыша. Ребёнок успевал вырасти, прежде чем оформлялись все документы.

26 января 1897 г. мещане г. Самары на своём собрании решили положительно дело о желании усыновить подкидыша и «о желании мещанина Иргизова усыновить воспитанника своего сына»⁵⁵. Само количество дел в фонде мещанской управы Самары о подкидышах свидетельствует о такой стороне мещанской повседневности, как избавление от нежелательных детей⁵⁶. Б. Н. Миронов отмечает высокую рождаемость детей в России, так как «женщины

всех сословий не делали аборт, а подавляющее большинство их даже не знало о возможности искусственного прерывания беременности и противозачаточных средствах»⁵⁷, и предполагает, что в середине XIX в. женщин с внебрачными детьми насчитывалось 260 тыс., а внебрачных детей в целом по стране в 1859–1863 гг. в городах рождалось около 26%⁵⁸. В мещанской делопроизводительной документации сведения по внебрачным детям – достаточно частое явление⁵⁹. Кроме того, Б. Н. Миронов обращает внимание на то, что официальные сведения по подкидышам есть только на 1867 г. – 2254 чел. по европейской России⁶⁰. По этим же данным число подкинутых младенцев было в 10 раз больше, чем привлечённых за это к уголовной ответственности⁶¹. Много подкидышей самарские мещане брали на усыновление из самарского земского приюта⁶². Иногда, чтобы усыновить подкидыша, требовалось свидетельство под присягой соседей и полиции. Так 12 человек соседей самарского мещанина Алексея Карпова Петюнова под присягой заявили, что 8 лет назад неизвестно кем у него на дворе была оставлена девочка трёх лет, которую он собрался официально усыновлять и приписывать к своему семейству⁶³.

На рассмотрение мещанской управы в 1897 г. было передано заявление самарской мещанки Евпраксии Афонасьевой Николаевой о том, что её родная сестра Наталья Афонасьева и её муж Пётр Харитонов Иванов передали ей на воспитание своего сына Александра девяти с половиной лет *«по неимению к тому собственных средств»*. *«...Затем мать последнего умерла 20 сентября 1886 г. и отец – 3 августа 1896 года. А так как я воспитала и обучила означенного приёмьша – племянника на свой счёт и он по настоящее время находится при мне, своих же детей не имею, то посему я ныне, достигнув 55-летнего возраста, желаю усыновить его с тем, чтобы ему была присвоена моя фамилия»*⁶⁴. Евпраксия надеялась таким образом добиться для племянника «льгот по отбытии воинской повинности». Ей отказали, сославшись, «что нет никаких доказательств тому, что она взяла племянника на воспитание до 10-летнего возраста»⁶⁵. Но в большинстве случаев дела об усыновлении решались мещанским обществом положительно⁶⁶.

Прошения об усыновлении иллюстрируют и такую сторону сословной этики, нравственности, как сердобольность: умерла

«крестьянская девица», оставив после себя незаконнорождённого сына – его усыновили; женился мещанин на женщине с ребёнком четырёх с половиной лет – усыновил и причислил к своему семейству⁶⁷; брали из приютов⁶⁸; Василий Жуков даже решил усыновить четверых незаконнорождённых детей девицы, воспитывавшейся в Николаевском сиротском доме⁶⁹. Таким образом, малышей, выкинутых на обочину жизни, самарское мещанство сердобольно принимало в свой состав. Шестилетнюю Анну, дочь бродяги Кирилла Афанасьева, прислали в Самару на попечение Приказа Общественного призрения. Но в 1860 г. в Самаре у приказа кроме больницы и богадельни никаких других заведений не было. Девочку не знали, куда девать⁷⁰. Обратились к мещанам с просьбой усыновить.

В Прошении самарского мещанина Луппы Васильева Попова прослеживается судьба несчастной женщины, солдатки Арины Кузьминой, вынужденной отдать ему на усыновление своего незаконнорождённого ребёнка⁷¹. *«Я, Ирина Кузьмина, – писала она расписку, – имею при себе родного сына незаконнорождённого Агапия по крёстном отце Архипове рождённого сего 1860 г. в марте месяце, но по случаю неимения средств воспитать сына своего по бедному своему состоянию и болезни своей... решила отдать его на воспитание в приёмьши навсегда Самарскому мещанину Лупе Васильеву Попову»*⁷². Попов в свою очередь подтвердил, что *«принимает младенца Агапия вместо родного сына»*, которого обязуется *«воспитать как моё состояние дозволяет»* и желает причислить его к своему семейству⁷³. Мещане города подтвердили, что Ирина *«по слабости своего здоровья и неимению никаких средств»* действительно не может воспитать сына и приписали младенца Агапия к семейству Попова⁷⁴.

С родными же детьми в мещанских семьях отношения не всегда складывались гладко. Обида душила порой настолько, что обиженные домочадцы отпраивлялись жаловаться во власть. Самарскому городскому голове В. Е. Бурееву поступила «докладная записка» от самарского мещанина Семёна Петрова Мамыкина: *«Семейство наше состоит по сказкам X ревизии в следующем: именно: умерший дед мой Игнатий Иванов Мамыкин, его сын Пётр, Петра сыновья: первый я проситель Семён, и второй Нико-*

лай всего в четырёх мужского пола душах с повинностями, по распоряжению родителя моего, плачу я один, за сей же год я уплатил только 3 рубля, остальные 25 руб. не уплачены мной потому... что я почти всё возможное время болел и ничего не заработал, брат же мой Николай живёт с отцом моим отдельно от меня в своём доме и ведёт промысел также, а я живу на квартире, по крайней своей бедности с своим семейством состоящим из меня самого, жены, трёх дочерей и престарелой безродной тётки, едва пропитываюсь... Прошу обязать брата моего Николая платить за две души самому, не касаясь меня, так как для меня одного обременительно платить за все четыре души причём присовокупляю, что родитель мой, завещанный мне дом по духовному завещанию дедом моим Игнатием Мамыкиным продал в 1868 г. за 100 руб... На означенную сумму отец купил себе другой дом...»⁷⁵. Родители тоже искали помощи у власти и защиты от своих детей. Самарский мещанин Никифор Карпов Мосягин написал жалобу на сына в думу: «Воспитал и женил я родного своего сына Степана, имеющего в настоящее время 22 года от роду, которому всю собственность мою, как то: дом в г. Самаре, скотоводство, загородный сад и всё прочее вручил ему в независимое его распоряжение, в надежде той, что он будет ценить ещё больше мои о нём попечения и будет стараться упрямить представляемое ему мною состояние, но вместо повиновения и хорошей жизни, с женитьбы, по поводу жены, он впался в пьянство, скрытно от меня берёт, что попало из дома и из сада овощи продаёт, употребляя деньги на мотовство. По многим замечаниям моим, я предупредил его оставить дурные поступки и вести себя как должно, но вместо доброй склонности, он отвечает мне бранными словами и нисколько мне не повинуется. Грубая дерзость тронула сердце отца и кровнотрудившегося для пользы сына и всё приобретённое переданное ему в собственность... я вынужден прибегнуть под покровительство В.В. и покорнее просить делать ему наказание розгами со внушением иметь ко мне отцу должное сыновнее почтение и не самовольствовать что послужит ему уроком на всю будущность и упрочит её»⁷⁶.

Мещанская вдова Хавронья Григорьева Лятаева жаловалась городскому голове на сына: «Родной сын мой самарский мещанин Козьма Алексеев, не только не даёт мне никакого вспомо-

ществования к жизни, но даже нередко делает невыносимые для меня оскорбления, поносит разными неблагопристойными словами и нередко причиняет побои, и наконец сего месяца 15 числа ночью пришёл в келью мою в которой я имею проживание, вытащил меня в сени и побил меня до бесчувственного состояния от чего я и по настоящее время чувствую в голове, руках и по всему телу сильную боль, почему я вынужденною нашлась довести о сём до сведения Вашего Степенства и просить сказанного сына моего Козьму Алексеева за причинённые им мне разные оскорбления и побои предать суду Уголовному с удалением из общества»⁷⁷. По данной просьбе матери было проведено дознание и выяснилось, что действительно Кузьма был известен в обществе «нетрезвой жизнью и дурным поведением»⁷⁸. Возмущённый подобным отношением к матери городской голова распорядился не только Кузьму отдать под суд, но и напомнил думе, что «по ст. 164, 165, 166 Уголовного уложения детей обоего пола за упорное неповиновение родительской власти, развратную жизнь и другие явные пороки, отдавать в Смирительные дома... и приносить жалобы в Словесный суд»⁷⁹.

Самарский мещанин Григорий Андреев писал жалобу городскому голове на своего зятя: «Проживая в г. Самаре около 10 лет собственными трудами приобрёл флигель, состоящий в первой части... выдал в замужество падчерицу за самарского мещанина И. И. Сухова, который был временно принят в наш дом как бесприютный с тем обязательством – меня старика покоить, но встретил неожиданно без всякой со стороны моей причины в нетрезвом виде причинил побои: о чём производится в городской полиции следствие и выгнал из дому. Не имея средств начать иск свой судебным порядком при бедном состоянии, осмелюсь всепокорнейшее просить Ваше Степенство, убедить неблагодарного зятя Сухова к почитению, и меня в дом устроить как хозяина»⁸⁰.

Но встречались семьи и с полной гармонией во взаимоотношениях. Самарская мещанка Марфа Парфёнова Бердникова обращалась в думу с просьбой причислить к её семейству зятя, самарского мещанина Герасима Васильева Борисова: «Не имея у себя ни одного сына и других ближних родственников которые бы могли давать средство к содержанию, кроме одной моей

дочери Василисы... я выдала её в замужество... для доставления средств к содержанию и призрения моей старости приняла в собственнo принадлежaющий мне дом... (зять) оказывает мне должное уважение и послушание своими трудами даёт средство мне в содержании так как бы родной сын и управляет домохозяйством с большою прилежностью и заботливостью...»⁸¹. А вот снохи порой доводили свёкров до необходимости жаловаться в сословные органы власти. По жалобе Якова Михайлова на сноху было проведено дознание добросовестным Аристархом Воронцовым и он выяснил: «от соседей мещанина Якова Михайлова с снохою, какого они поведения, Михайлов – трезвой жизни, хорошего поведения, занимается всегда при старости работою, а сноха его самой развратной жизни и произносит Михайлову разные неприличные обиды, при соседях и свидетелях»⁸².

Заглянуть в «замочную скважину» семейного конфликта позволяет докладная записка самарского мещанина Дмитрия Егорова Ширмова на имя самарского городского головы: «вчерашнего числа явясь ко мне в дом рассылный Градской Думы объявил, чтобы я за себя и сына Григория нёс подати, а как Вашему Превосходительству известно, что я с упомянутым сыном, по ходатайству старшего сына моего Самарского 3 гильдии купца Ивана Ширмова, исключён из купечества в мещане, без моего на то согласия, и оставлен им Иваном без всяких средств к поддержанию моего состояния с семейством, а потому... покорнейше просить за настоящий год подати и прочие повинности за меня и сына моего Григория истребовать с сына моего Ивана по уважению тому, что я за него платил купеческий капитал в течение 6 лет без всякого от него мне вспомоществования. На будущее же время, если жить буду, обязуюсь такове платить сам» (Дмитрий неграмотный, за него писал его сын Григорий. – *Прим. авт.*)⁸³.

Жалоба самарской мещанки Александровой в градскую думу иллюстрирует дореволюционный способ «избавления» от надоевших жён. Иван Клементьев Воткин отпустил жену «для свидания с родителями в Симбирский уезд в деревню Подлесную», а «обратно в дом не пустил» и «выкинул имущество во двор»⁸⁴.

Самарская мещанка Анисья Алексеева просила городскую думу вмешаться в её судьбу: «Муж мой, Самарский мещанин

Трофим Михайлов, вступивший со мной в законный брак в 1859 г., и проживя не больше полугодя со мною, я нередко замечала, что он употребляет много излишних горячих напитков, так что дошло до того, что нам нечем стало продовольствоваться, я неоднократно говорила ему об оставлении такой развратной жизни, но ему это не понравилось, производил ежедневную драку, потом прогнал меня от себя, совершенно в одном платье. Потом пустил. Но снова стал пить и драться. Чуть не убил...»⁸⁵.

Печальна была судьба жён, вынужденных следовать со своими детьми за мужьями на каторгу. Самарская мещанка Фёкла Ефимова Яманова в 1854 г. была уволена из самарского мещанства для следования за мужем в Сибирь. Губернское правление издало указ, что *«если она желает следовать за мужем своим в Сибирь, и буде не может отправиться на свой счёт, то явилась бы в Правление для отправления на счёт казны. Дозволяется ей взять с собой детей своих мужского пола до 5, а женского до 10 лет»*⁸⁶.

В 1890 г. самарский мещанин, ефрейтор запаса Михаил Петров Пашков писал Заявление в управу: *«Минувшего 1889 г. 2 октября месяца я был повенчан по первому браку с девицею самарской мещанкою Екатериной Ивановой Поповой. Как видно что жена моя Екатерина Иванова ныне Пашкова оказалась дурного поведения и в настоящее время от меня самовольно удалилась,.. покорнейше прошу жене моей без моего ведома паспорта не выдавать»*⁸⁷. Аналогичное прошение поступило от мещанина Анофриева: *«Моя жена законная Арина Капитоновна в настоящее время от меня отстала... не выдавать ей паспорт без моего разрешения»*⁸⁸. Козьма Канатов жаловался в управу: *«так как моя жена законная уже не живёт со мной... четыре года, и притом имеет у себя лёгкое поведение которое посрамляет моё имя... известна на всю Самару... не выдавать моей жене без моего разрешения никаких документов на жительство»*⁸⁹. Мещанин Никита Осипов также оказался в схожей ситуации: *«Около 15 лет как жена моя Матрёна Порфирьевна не живёт со мною и мне жительства ея неизвестно... в случае явки моей жены паспорта ей не выдавать»*⁹⁰.

Дела о нарушении патриархальной нравственности в семьях мещан во взаимоотношениях родителей и детей встречаются довольно часто. Старики обращаются во власть за защитой: *«Самар-*

скому Городскому Голове от Самарского мещанина Ивана Матвеева Скорнякова/Прошение/дети мои сыновья Андрей и Дмитрий... при таковых слабых наших дряхлых летах оба не почитают, не пропитывают нас так что и подати уже посредством постоя своего дома мы сами оплачиваем...»⁹¹. Но когда отец собрался продать половину дома, сыновья, видя в этом угрозу своему наследству, воспротивились, «не дают», жалуется старик голове.

Мещанин Иван Ермолаев Выров также написал Покорнейшее Прошение в думу, в котором жаловался на свою печальную отцовскую долю. В 10 часов утра 28 сентября 1866 г. по своему обыкновенному хозяйственному «распоряжению» Иван отправился на собственную пристань для «запродажи оставшего благоприобретённого строевого леса»⁹². Пересказать его Прошение современным слогом – значит потерять всё своеобразие письменного высказывания представителя его социальной среды и в то же время глубоко переживающего семейный разлад конкретного человека, принадлежащего к мещанскому сословию. Поэтому дальше текст Прошения приводится полностью: «до прибытия моём заместо пристани из расположения моего родительской любви к детям и к сыну Михаилу желая его спросить общего согласи что желаю запродавать по которой есть документам, но от сына моего Михаила вместо того чтобы получить ласковый к родителю ответ получил скверных на что ругательства, так что на сём поместить невозможно и сверх того с укоризною будто бы я весь лес промотал и пропил то поди вон из пристани чтоб духу твоего здесь не было, называя распутным человеком, я видя такое его безчеловечие был дабы ещё чего дурного от дерзости случится... Ему сказал благодарю тебя сынок за добрый твой к родителю привет это за то что я тебя воспитал женил и поделил как должно родителю Он не обращая внимания повторял ещё более скверные ругательства говоря поди вон с пристани покуда цел, я старик от такой неожиданной мне обиды не мог думать чтоб мог получить от родного своего сына таких выражений что законом религии воспрещается А потому чувствую в нанесённой мне сыном жестокой противу законной обиды покорнейше прошу Оную Думу о распоряжении в продаже леса моему сыну отказать и от него имение отобрать а с ним за нанесённую им к родителю несносную

обиду поступить с ним как Законы повелевают на что буду ожидать начальственного распоряжения и с тем вместе защиту»⁹³. Показательно решение думы по данному вопросу: «Так как изложенное в прошении обстоятельство распоряжению Городской Думы не подлежит, Прощение оставить без уважения»⁹⁴.

Мать самарского мещанина Павла Никитича Гурьянова, Арина Титова Гурьянова, потребовала от него расписку при городском голове Плотникове (в 1854 г.) в том, что он обязуется *«ей родительнице моей давать на пропитание каждый год 45 руб. серебром и за родителя моего Самарского мещанина Никиту Иванова подушные каждогодно уплачивать и паспорт каждый год выправлять на свой счёт с тем чтобы мне на промысленности своей мыт от ния особо сие я обязанности свои не исполню то вольна она родительница моя поступить со мною по её родительской власти. В том подписуюсь»⁹⁵.*

Среди целого спектра различных видов «дискриминаций», связанных с историей мещанского сословия в России, особое место занимает негласное изъятие права на «настоящую» любовь у представителей данной сословной группы. Даже наступившая в историографии эпоха исследовательской «реабилитации» мещанства⁹⁶, с особым интересом обратившаяся к анализу внутрисемейного быта городских обывателей⁹⁷, не затрагивает их любовные переживания, ограничиваясь констатацией: «отношения в семье в основном оставались патриархально-авторитарными»⁹⁸. Мещанская любовь не воспета в художественной литературе, пожалуй, за исключением достаточно вялого чувства Молотова в повести Н. Г. Помяловского «Мещанское счастье»⁹⁹. В русской поэзии стихотворение А. Кольцова «Мещанская любовь» («Забудь презренного скорей;/А я найду, поверь, другую/Себе красавку городскую/Тебя моложе и милей») семантически определяет дискурс чувств, на которое способны представители данной страты, вылившийся в позднейший период в карикатурный любовный образ «мещанских переживаний» в стихотворениях С. Чёрного: «Я имел для души/Дантистку с телом белее известки и мела,/А для тела –/Модистку с удивительно нежной душой»¹⁰⁰. И, наконец, между фольклором и литературой расположен жанр русского мещанского романса, который также в определённой степени

повинен в формировании образа мещанской любви. Как считают некоторые исследователи, мещанский романс не отличается высокими эстетическими достоинствами¹⁰¹. Ему свойственен «своеобразный эмоциональный настрой, который можно условно обозначить словом «надрыв». Надрыв – это не просто минорность, не просто трагичность – это чувство очень сильное, оголенное, нарочито выставленное и в то же время грубое и примитивное; надрыв – не столько слезливость, сколько смакование слезливости: *«И ничто меня в жизни не радует/И не манит в поля и луга,/Только слезы на грудь мою каплют,/Только манит сырая земля/Все уже пережито,/А мне семнадцать лет./Вся жизнь моя разбита,/В любви пощадь нет...»*¹⁰². Апогеем пародии на мещанскую любовь становится знаменитое стихотворение В. Маяковского «Маруся отравилась»: *«Из тучки вылез месяц/молоденький такой/Маруся отравилась/везут в приём-покой/Понравился Маруське/Один с недавних пор/нафабранные усики/расчёсанный проробор/Он был монтёром Ваней/но... в духе парижан/себе присвоил званье:/«электротехник Жан»/Он говорил ей часто/Одну и ту же речь:/Ужасное мещанство/невинность зря беречь...»*¹⁰³. Сразу следует оговориться, что в контексте русской культуры напрасный труд проводить водораздел между мещанством как сословием и мещанством как определённым типом духовности и текстом поведения: как сиамские близнецы с помощью великой русской литературы и интеллектуальной мысли срослись эти понятия и стали двумя сторонами одной медали, «отчеканенной» советской программой конструирования классовой идентичности и «доведённой до блеска» многолетней и многотрудной борьбой с мещанством.

Родительская любовь в мещанской среде так же глубоко сокрыта за образами «юных Бессемёновых», литературно обозначенными М. Горьким в пьесе «Мещане». *«А вы никакого внимания на отца своего не обращаете... никогда не поговорите с ним ласково, никогда не скажете, какими думами заняты, что делать будете? Я вам – как чужой...»* – сетует Василий Васильевич своим детям, так же как и герои Помяловского, стремящимся оторваться от мещанской среды, подняться над своей социальностью. В исторических исследованиях родительская любовь в мещанских семьях

также не выделяется в качестве предмета мещанской рефлексии, так, например, В. С. Чутчев и Ю. М. Гончаров в своём исследовании мещанской семьи Западной Сибири отмечают, что «главной особенностью провинциальных городских семей середины XIX в. являлась патриархальность внутрисемейных отношений»¹⁰⁴, про любовь – ни слова.

Одним из первых к анализу эмоциональной сферы жизни русских горожан обратился А. И. Куприянов в статье, опубликованной в сборнике под редакцией Ю. Л. Бессмертного «Человек в мире чувств»¹⁰⁵. В его более поздней монографии «Городская культура русской провинции» отдельная глава, посвящённая чувствам и представлениям русских горожан, рассматривает такую категорию, как «счастье», под которым во многих случаях понимается именно семейное счастье, в частности А. Куприянов пишет: «Для молодого Фёдора Васильевича Чижова счастье – категория, применимая лишь к... интимным переживаниям, связанным исключительно с восприятием семейных отношений, любви и секса»¹⁰⁶. Один из героев монографии А. Куприянова видит препятствие в отношениях с девушкой в том, что в её семействе нет «семейной привязанности»¹⁰⁷. Но под «семейной привязанностью» автор данного дневника, на который ссылается А. Куприянов, понимает не столько «любовь», сколько «тягу провинциала к патриархальности домашнего уклада и стремление обрести комфортную социальную среду посредством родственных связей»¹⁰⁸. В исследовании проводится водораздел между представлениями о счастье «интеллектуалов» и «мещанским счастьем». Репрезентация мещанского счастья основывается на дневниках купцов и мещан. С одной стороны, это вполне правомерно, так как социальный статус мещан и купцов третьей гильдии был достаточно близок, термин «мещане» мог использоваться как собирательный для обозначения купеческо-мещанского сообщества города, и тем не менее интересно, отличались ли представления о счастье у купцов и мещан в рассматриваемый период, или же их рефлексии возможно объединить понятием «мещанское счастье». По сравнению с «интеллектуалами», переживания купца Медведева более надрывны, эмоционально взвинчены, так же как и эмоциональный фон «мещанского романа» по сравнению с русским

классическим романсом. Купец пишет о том, что его «сердце готово изливаться во всех оттенках любви родственной»¹⁰⁹. В качестве доказательства того, что «среди благ земных семья занимала исключительное место в системе жизненных ценностей русских горожан», А. Куприянов обращает внимание на организацию записей в семейном синодике тверских купцов Блиновых¹¹⁰. Так как нас в рамках данной статьи интересует более узкая тема любви во взаимоотношениях родителей и детей в мещанстве, то особенно интересен оказывается сюжет в исследовании А. Куприянова, связанный с наказанием детей. В этом случае автор обращается к текстам поведения мещанина Нечкина, который считал возможным «оказывать физическое воздействие» в воспитательных целях на своего 11-летнего сына¹¹¹. Народная мудрость гласит: «Наказывай ребёнка, коль поперёк лавки лежит, а когда ляжет вдоль – поздно»¹¹². Выражение «бьёт значит любит», как правило, относилось к взаимоотношениям мужа и жены, но в отношении детей это также передавало смысл воспитательной парадигмы, в которой наказанию придавалось значение любви: «кто детям потакает, тот сам плачет»¹¹³. А. Куприянов отмечает интересный момент в семье Нечкина, когда «безответственное поведение мальчика вызывало у отца приступы ярости, которые останавливали не столько просьбы жены, сколько слёзы нежно любимой четырёхлетней дочери»¹¹⁴. Описывая отношение к наказаниям детей со стороны купца Медведева (не имея собственных, тот наказывал племянников), А. Куприянов поднимает интересную проблему переживания горожанином возможности насилия по отношению к другому человеку, в частности к ребёнку. Истоки насилия Медведев «видит в своём детстве, в примерах, которые повседневно видел в семье родителей, воспитанных в деревне «при образцах невежества и грубости нравов»¹¹⁵. Таким образом, традиционная воспитательная парадигма, основанная на наказаниях детей побоями, постепенно начинает исчезать из жизни горожан под влиянием тех гуманистических идей, которые, подобно брошенному в воду камню, начинали распространяться в обществе от образованных слоёв населения в глубинку, в патриархальную культуру, которую олицетворяла деревня. Размышляя над этим явлением, мы вновь оказываемся перед обра-

зами, созданными русской литературой: жизнь Алёши «в людях» (М. Горький), нянька Варька в рассказе А. П. Чехова «Спать хочется» и т. д. В этих произведениях город, напротив, представлялся тем местом, где «в силу юридической незащищённости дети нередко становились объектом эксплуатации, насилия и других преступных действий»¹¹⁶. Но, как замечательно написал в «Истории Англии» Дж. М. Тревельян в отношении XIX в. и детства, «сочувственное внимание к играм, фантазиям и мыслям детей было одной из лучших черт этого века, в котором многие думали о семейной жизни и воспитывали многочисленное потомство»¹¹⁷. Но он же отметил, что «пренебрежение к детям и дурное обращение с ними исчезало с трудом...»¹¹⁸. С другой стороны, в русском обществе, несмотря на проникновение гуманистических идей в отношении детства, продолжали оставаться такие практики воспитания, изучая которые, специалист по истории детских самоубийств в России на рубеже XIX–XX вв. А. Б. Лярский заключает: «подавляющее большинство людей, учившихся в русских гимназиях, всё-таки выжило»¹¹⁹.

Ещё один сюжет, связанный с родительской любовью, затрагивается в исследовании А. Куприянова в отношении реакции родителей на смерть детей. По мнению автора, горожанин конца XVIII в. стал более экспрессивно и эмоционально переживать смерть детей, чем это происходило ранее (царь Алексей Михайлович, утешая боярина М. И. Одоевского по случаю смерти его сына, наставляет: «через меру не скорбеть... прослезитца надобно, да в меру, чтобы Бога наипачи не прогневить...»¹²⁰), что отразилось и в лексике, связанной с дискурсом детской смерти, и в картине мира¹²¹.

Взаимоотношениям родителей и детей в городских семьях провинциального Бежецка XVIII в. посвящена глава «Дела семейные» в исследовании А. Б. Каменского о повседневности русских городских обывателей¹²². Нельзя не солидаризироваться с выбранным в качестве отправного момента высказыванием К. Фридрихса о том, что «можно документировать всевозможные формы семейного взаимодействия: мы можем найти как преданных супругов и снисходительных родителей, так и жестоких мужей, несносных жён, сварливых матерей и отцов. Но какой

тип поведения был обычным, а какой – отклонением от нормы, определить трудно»¹²³. Не акцентируя внимания на эмоциональном фоне, А. Каменский показывает эти различные типы поведения, в частности обращает внимание на то, что и родители нередко страдали из-за детей: были избиваемы и «бранимы всячески»¹²⁴. Причём «если родители время от времени жаловались на своих непутёвых детей, то ни одного случая жалоб детей на родителей в бежецких документах обнаружить не удалось»¹²⁵. Важное замечание А. Каменского касается самого процесса документирования внутрисемейных отношений через призму такой специфики русского менталитета, благодаря которой «не только власть считала себя обязанной вмешиваться в личную жизнь подданных, но и сами подданные видели во власти средство защиты и механизм регулирования их отношений с ближайшими родственниками»¹²⁶. Поэтому при изучении эмоционального контекста взаимоотношений родителей и детей применительно к середине XIX в. мы обращаемся к делопроизводственной документации, сосредоточенной в фондах городской думы и мещанской управы: мещане обращаются «во власть» с просьбами повлиять на их внутрисемейные отношения, точно так же как и в советскую эпоху на партсобраниях обсуждались публично такие вопросы семейного быта, которые в западной ментальности принято считать сферой *privacy*. Неудивительно поэтому, что зарубежные историки (Питер Гетрелл, Дэвид Мэйси, Грегори Фриз) в дискуссии по поводу выхода монографии Б. Н. Миронова о социальной жизни в России обращают внимание на то, что в его исследовании недостаточно затронута сфера *privacy*¹²⁷. Данный круг источников позволил выделить несколько сюжетов, которые иллюстрируют эмоциональный «режим» в повседневном семейном быту мещан.

«Письмо матери»

В достаточно объёмном деле распорядительной документации городской думы за 1855–1857 гг., хранящейся в фонде мещанской управы, попало письмо, написанное корявым детским почерком с отнюдь не детским сюжетом (письмо приводится в полном объёме с орфографией источника): *«Дрожайшая родительница и милостивая государыня маминька Анна Михайловна/свидетель-*

ствую Вам своё глубочайшее почтение/прошу я вас любезная маминька чтобы вы не отреклись наградить меня своим заочным родительским благословением которое может существовать по гроб моей жизни/Любезной моей сестрице Александре Константиновне свидетельствую я Вам глубочайшее почтение и низко склоняюсь любящим моим единоутробным братцем Якову Константиновичу и Павлу Константиновичу/Любящая маминька/Я верно знаю что вы не имея обо мне через несколько лет никакого известия и находитесь в отчаянии о моей жизни правда что я во время моего странствия претерпевая великие нещастии но при том лишившись драгоценнейшего своего родителя и придавши его земле 1836 го года января 2 дня... (неразборчиво. – З.М.)/... был приведён в худое состояние даже доходил до бешенства потому что больше думать мне другого ничего как только что я опять должен препроводить нищанскую жизнь свою в каземате если бы родитель мой был теперь в живее то может быть и я освобождён был бы ... /А что теперь касается до освобождения того я не знаю потому дело моё состоит за сенатом. А в продолжении сего времени как я сижу в каземате с 1853 года марта месяца выступил из Астрахани под строжайшим караулом в ножных и ручных оковах. А на упродовольствие наказанным выдаётся в сутки 5 коп. серебром на хлеб и на привару. А одежды казённой не дают ни нитки. А хлеб здесь 12 коп. ассигнац. за фунт. И так... голодаем. И при сём случае прошу Вас Дражайшая родительница имею я крайнюю нужду в деньгах и прошу Вас покорно пришлите мне сколечко нибудь денег ещё прошу я вас любезная маминька уведомите меня насчёт моих братьев при какой должности они находятся А ещё насчёт сестрицы за кого она отдана замуж и в какое место и как ея зовут супруга и пропишите мне все обстоятельства подробно а ещё получили от моего хозяина контракт шкатулка с инструментом золотарным... ещё прошу уведомить насчёт дедушки Петра Иванова и бабушки Федосьи Степановны что они живы или нет попрошу уведомить меня но при том ещё надеюсь что буду освобождён по манифесту только затем ещё содерживаюсь под арестом пока из сената придёт моё дело/При конце сего письма писать... более неподвижу Остаюсь жив и здоров/навсегдашний покорнейше сын Ваш/Иван Константинов Уланов/если будете писать письмо пошлите в Ставропольскую губернию в г. Кизляр Его благоро-

дию Алексею Павловичу смортителю тюремного замка с передачей Ивану Константинову Уланову/... 1857 го января 27 Любезный сын Иван Уланов»¹²⁸. Данное письмо, рефлексия одного исторического персонажа, представляет собой на фоне эмоционально скупой делопроизводственной документации некий «надрыв», в котором сосредоточились и тоска, и любовь, и отчаяние, и страх, своего рода «Письмо матери»: «Ты жива ещё, моя старушка?/Жив и я, привет тебе, привет...». Для изучения истории «немотствующего» (из-за практического отсутствия так называемых «эго»-источников) мещанского сословия подобный документ безусловно выразителен, но приводит в тупик с точки зрения возможного выхода на контекст (о мещанах-девиантах и пенитенциарной системе в России) или продолжения истории (случайные письма, попавшие в делопроизводство, как правило, не имеют продолжения). Встаёт вопрос о том, как интерпретировать эмоциональный заряд данного текста. Опять-таки напрашиваются аналогии с мещанским романсом. Так же как при противопоставлении жанров «высокого» искусства и «низкого» (каким принято считать мещанский романс), как высокое и низкое противопоставляется традиционно *emotio – ratio*, эмоциональность малообразованных социальных слоёв и сдержанность и рационализм элит. Низкие эмоции низких сословий, не поддающиеся сдерживанию, не отточенные воспитательной парадигмой (как в дворянском сословии), могут представлять собой исследовательский интерес в отношении анализа культуры эмоционального выражения, принятой в мещанском сословии. Следует ли считать «Письмо матери» эмоциональной девиацией, или же манера «громко» чувствовать как раз и была свойственна слою, породившему «мещанский романс». И насколько эмоциональная «громкость» «мещанского романа» отличается от «громкости» романтической литературы, формировавшей чувственный мир русского дворянства первой половины XIX столетия. Р.Г. Суни отмечал, что «данные эволюционной психологии подтверждают, что эмоции – это тот язык, без которого немислимы социальные отношения»¹²⁹. Язык сдерживания эмоций («подавления эмоций активностью интеллекта»¹³⁰) принуждением образовательного курса свойственен письмам дворян-декабристов из ссылки домой. Так, например, декабрист М.Ф. Митьков из Красноярска пишет:

«О моём житье-бытье скажу тебе, милый друг, что несмотря на моё болезненное состояние, затворническая жизнь моя мне не в тягость. За исключением моего доброго товарища Василия Львовича Давыдова, который меня посещает почти ежедневно, когда у него в семействе нет больных, знакомые меня посещают редко... Буду-чи всегда занят, скуки я не знаю... Если иногда и бывает грустно, то это происходит от тяжкой болезни...»¹³¹. Декабризм – весьма «опасная» тема для поверхностного контент-анализа, и тем не менее, учитывая тот факт, что «декабристы проявили значительную творческую энергию в создании особого типа русского человека... поведение значительной группы молодых людей, находившихся по своим талантам, характерам, происхождению, по своим личным и семейным связям, служебным перспективам и т. д. в центре общественного внимания, оказало воздействие на целое поколение русских людей»¹³², можно с уверенностью констатировать, что рефлексия этого образованного слоя, выраженная как в письменной, так и в устной речи, усвоившая «формы европейской мысли и принципы формотворчества»¹³³, была вне дискурса эмоциональности городских низов, не могла себе этого позволить. Секуляризированный европейский классицизм, а затем и романтизм научил облекать эмоцию в литературные рамки. Мещане городов, очень восприимчивые к моде в любых её проявлениях, соединяли в своих эмоциональных переживаниях «романтизм, не отрывающийся от земли», слезливость сентиментального чтива, авантюризм мобильного социального слоя («*бродяга, судьбу проклиная, тащился с сумой на плечах*») и крестьянскую религиозную сдержанность («*я никогда ещё не видал, чтобы большие плакали*»¹³⁴). Н. З. Дэвис в своём исследовании «Дамы на обочине» вводит понятие «маргинальное существование», подразумевая удалённость своих героинь от центров власти, образования и культуры: «скорее это было пограничное пространство между культурными слоями, которое способствовало возникновению нового и созданию удивительных гибридов»¹³⁵. Мещанский блудный сын, покинувший родительский кров, похоронивший отца и пишущий письмо матери, маргинален по состоянию «вырванности с корнем» и по удалённости от основного дискурса русской культуры «золотого века». В этом персонаже запечатлён знак мещанства, стремящегося на протяже-

нии XIX века вырваться из обжитого локуса на освоение новых пространств, но прикрепленного к хронотопу провинциального города, к «местечку», российским законодательством и бюрократической системой. Система поймала Ивана Константиновича Уланова. В письме к матери он взывает к тем социальным связям, которые покинул. Мы не знаем, найдёт ли он их...

Читая литературу по истории эмоций с желанием увидеть путь, по которому исследователь может пойти в интерпретации казуса, везде наталкиваешься на формулу соотнесения казуса и принятого в обществе на том или ином этапе поведенческого канона. Как же быть с вневременными чувствами, неизменно присущими любым социальным категориям – с родительской любовью? Может ли это чувство нести в себе след эпохи или социального происхождения? Был ли присущ низшим категориям населения России некий пассивный фатализм, отчасти связанный с христианским смирением, отчасти с многотрудной повседневностью? В выше приведённом письме практически отсутствуют привычные стереотипы. Оно очень лично и субъективно, отчасти ситуативно. Но в то же время, если, к примеру, М.Л. Абрамсон, анализируя семейные заботы флорентийки XV в., устанавливает определённую схему *parentado*, состоящую из ряда концентрических кругов со сложными связями и отношениями, то семейный круг в нашем случае только угадывается, стереотипы, связанные с большой патриархальной семьёй нарушены, и в то же время, если героиня статьи М.Л. Абрамсон – незаурядна, так как она – автор десятков писем¹³⁷, аналогичных которым не создали её современницы, женщины данного круга, то в нашем случае мы имеем дело с заурядными мещанами, но их незаурядность – в одном письме, случайно дошедшем до нас в составе делопроизводственных бумаг. Как нам кажется, следует солидаризироваться в вопросе интерпретации казуса с позицией, высказанной Ю.Л. Бессмертным о том, что «сталкиваясь с индивидуальным... следовало бы осмыслить в нём то, что составляет его собственную специфику и что не вмещается в массовое и повторяющееся... Наиболее непосредственно это можно было бы увязать с исключительной вариативностью внутренней организации каждого индивида, с изменчивостью его психофизических черт, бесконечным многообразием его жизненных обстоятельств»¹³⁸. Таким образом, индивиду-

альная эмоциональная реакция мещан в их переживаниях семейной разлуки исключительно выразительна и связана с таким острым чувством, как любовь. «Сердце рвётся», «надрыв», «тоска» – вот тот эмоциональный фон, который в случае родительского сердца не знает сословной специфики, но в культурном ареоле российского мещанского текста приобретает бесхитростные, литературно не завуалированные черты.

«Я» в моём семействе»

Я (исследователь) и документы (исторические источники, выявленные на протяжении года работы с фондами городской думы, духовной консистории и мещанской управы). Авторы сборника «Российская империя чувств» видят перспективу историко-эмоциональных исследований в разработке «новой «герменевтики тишины», или «герменевтики чтения между строк», то есть герменевтики, сосредоточенной на микроуровне текста и замечающей малейшие изменения языковой логики»¹⁴⁰. Сюжеты есть, но я присушиваюсь к междустрочью. От мещанских текстов доносится всё более и более различимое местоимение «Я». «Я» – как стержень той части социальной реальности, которая определялась частным пространством семьи. «Я» и моя семья – как ощущение тыла, защищённости, и в то же время того чувственного пространства, которое само нуждается в защите. Давайте вместе экзистенциально прислушаемся.

«В 1856 г. родитель мой, самарский мещанин Тимофей Фёдоров Шишкин, содержащий молоканскую секту, по неизвестно чьим проискам, был взят в городскую полицию и содержался под арестом, при чём отобрана от него Библия... Ныне, по смерти моего родителя... я осмеливаюсь покорнейше просить... о возвращении мне означенной Библии...»¹⁴¹; «Бугурусланская городская ратуша объявила мне и детям моим, сыновьям... с их жёнами отношение благочинного протоиерея Кувацкого..о том, чтобы я с детьми моими в течение полугода каждый день являлась к нему ... для увещания нас об обращении к православию... я и дети мои у благочинного Кувацкого на увещание быть не можем потому что они с мужем моим... имеют разные неприятности... , посему немудрено, что протоиерей Кувацкий в отмщение мужу моему, при увещании меня и детей моих, вместо духа кротости употребляет строгость или что дру-

гое неприличное...»¹⁴²; «**Я**, Ирина Кузьмина, имею при себе родного сына незаконнорождённого Агапия...»¹⁴³. Помимо того, что употребление местоимения «Я» в документах подобного рода было всего лишь формой делопроизводственного этикета, «Я» в тоже время как бы утверждает за собой социальное пространство.

У кого же нет семейства, у того нет «Я», тот заменяет семью властью, обращаясь к ней за защитой, устанавливая «единокровный» диалог: «*Дозвольте Ваше Высочество объяснить Вам мои бедственные и неожиданные последствия...* (из письма самарского мещанина В. И. Дьячкова к самарскому городскому голове М. И. Назарову)»¹⁴⁴; «*Милостивый государь Лев Алексеевич! решил я особу Вашу побеспокоить потому что не имея в Самаре родственников и знакомых сделайте милость не оставить меня своим покровительством...* (из письма мещанина Чаплыгина городскому голове Умнову)»¹⁴⁵.

Серединное положение с точки зрения эмоции уверенности «в тылах» занимают письма тех мещан, которые находятся на чужбине, вырванные из привычного локуса: «*Милостивый Государь Лев Алексеевич/Мы Фалимон владимиров и моя маминька Марфа Ивановна просим Вас бути так добры для нещасных нас дайте увольнение моей маменьки Марфе ивановой... буде так добры пришлите как можно скорее (паспорт. – З. К.) Пришлите нам в г. ... Тобольской губ.*»¹⁴⁶.

«Аленький цветочек»: любовь отца к дочери

Самарский 75-летний мещанин Тит Андреевич Кожевников написал городскому голове «покорнейшее прошение» о помощи во внутрисемейных делах, из которого нам немного приоткрывается дверь в частный мир отдельно взятой мещанской семьи в субъективном восприятии автора прошения. Выбор данного документа обусловлен сильным эмоциональным переживанием, чувством обиды на домочадцев. Трудно определить, кто прав, кто виноват в данной семейной ситуации. Общечеловеческий опыт подсказывает, что опасно жениться на слишком молодой женщине и при этом привечать в доме молодого зятя, а также отдавать свой бизнес детям, рассчитывая на их благодарность. Кстати, в этом отношении показательна притча о птицах, рассказанная еврейской женщиной конца XVII в. Гликль бас Иуда Лейб своим детям, мудрость которой

заключается в том, что родители, терпя муки из-за детей, не могут рассчитывать на их благодарность, но дети могут им пообещать сделать для своих детей столько же добра, сколько им сделали их родители¹⁴⁷. На пространное письмо Тита Андреевича городской голова Гладков, заняв, по-видимому, также не его сторону, ответил, что данное дело не в его компетенции, «пусть обращается куда следует».

Тит не знал притчу о птицах и, имея хороший бизнес, женился вторым браком на молодой женщине Прасковье Николаевне. В этом браке у него родилась любимая дочь Аграфена. Когда пришло время выдавать её замуж за коллежского регистратора Александра Поцынкова, Тит дал в приданное *«ради **родительской любви** моей к дочери» «на 3200 рублей ассигнациями»*. Жена, Прасковья, вскоре убедила Тита, что дочери необходимо *«дать средства на существование»*. *«Я передал зятю, – писал Тит в Думу, – лавку мою, находящуюся на Троицкой площади, с кожаным товаром на 4 тысячи рублей ассигнациями с тем, чтобы зять заплатил за настоящий 1863 г. в Думу следующий поземельный акциз 12 рублей серебром, а в течение следующих трёх лет, таковой акциз вносить я принимал на свою обязанность, а зять мой должен только уплачивать мне за товар мой, по успеху торговли и кончить совершенно оплату непременно до конца 1867 г. Напротив, вопреки ожидания моего, зять, начав торговлю собственным моим товаром и в моей же лавке, вместо **благодарности** за доставленное ему **истинно великодушное благодеяние** моё... стал делать мне разные **огорчения**, именно: а) по многократным моим настояниям, не уплачивал акцизные за лавку... , отзываясь сначала неимением денег, а потом решительно сказал, чтобы я к нему не обращался более... я вынужден был внести акцизные деньги сам... б) он, зять мой, вероятно с давно задуманной целью, чтобы воспользоваться всем нажитым, собственными **много-лютыми** моими трудами достоянием, под предлогом настоящей старости моих лет, а главное, как я знаю в душе моей, чтобы устранить от участия в оном родного моего сына Василия от первого брака, сумел преподать свои советы второй моей жене – выше поименованной Прасковье Николаевне, и таким образом, соединяясь вообще делали мне **невыносимые оскорбления**, в особенности жена моя, ибо она при результате своей жизни, действуя по наущению зятя – как я это разумею, на каждом шагу старалась и доставляет мне одни только **самые***

грубые и нестерпимые дерзости до того, что забыла долг свой перед законом Божьим и гражданским, публично и всенародно поносила меня и сына моего Василия на базаре, всевозможными бранными словами и названиями, а в доме дозволила себе, во-первых, восстановить против меня даже меньшую дочь мою 15-летнюю Федосью, и внучку дочь сына Василия Лукерью, доведённую женой моей, по ея вредному назиданью до развратного положения, которья, то есть дочь Федосья и внука Лукерья, следуя настойчивым приказаниям жены моей, так же как и сама она делали мне **беспрерывные дерзости, слушания и оскорбления**; во-вторых, за напоминания мои о неприличном поведении ея и беспорядках в хозяйственном быту моём, она, жена моя, **осмелилась вцепиться в мою старую бороду, угрожая при том задушить меня, потому что я много уже древен летами, а она гораздо моложе и сильнее меня**, и в-третьих, надеясь вероятно на поддержку со стороны зятя, а не менее и на приглашённого ею без моего согласия для квартирования в нижнем этаже моего дома ея племянника самарского мещанина Никифора Крисанфова с женою его, человека неблагонамеренного и вредного обществу, потому что он двукратно подвергался суждению за фальшивые деньги и за кражу часов и сидел за это 6 месяцев в остроге. Моя жена дошла до того, что силой выгнала меня из собственного моего дома под предлогом, что купчая крепость на дом по моему **добросердечному желанию** была совершена на её имя, причём захватила и удержала у себя всё имеющееся в доме собственное моё имущество... на сумму 298 руб. 44 коп. серебром. Обо всех этих **обидах и оскорблениях при древних моих летах** я заявил... здешней городской полиции... в) после таких проявлений, неслыханных мною до сего дня, чтобы жена, дети и внучата осмеливались когда либо безнаказанно **восставать** противу главы своего семейства, полного хозяина и властелина своего дома, – я снова обратился к зятю моему с требованием **отдать мне полный отчёт по торговле его в моей лавке и моим товаром...** но он окончательно отозвался, что знать меня не хочет и, чтобы я более к нему в лавку не приходил, а иначе он проводит меня по шеям. Претерпев такие **невыразимые для меня обиды и оскорбления**, я остаюсь теперь в опасении, что зять мой... растратит весь переданный ему товар мой, и потому не желая лишиться нажитого многолетними трудами имущества и подвергнуться разорению единственно

по проискам и **злому намерению** жены моей и зятя, я осмеливаюсь прибегнуть к покровительству Вашего степенства и всепокорнейшее прошу не лишить меня вашей **справедливой милости...**»¹⁴⁸. Тит был безграмотный, за него письмо писал отставной штабс-капитан, чем объясняется стиль прошения. Н. З. Дэвис в своём исследовании справедливо отмечает: «От центров власти и иерархических структур нельзя отделиться полностью»¹⁴⁹. Тит оказался вписанным в пространство не только местной самарской власти, к которой он столь эмоционально апеллирует, но и в пространство внутрисемейных властных отношений, в котором молодая жена, хитрый зять, мошенник – родственник жены, разгульная внучка образуют такую корпорацию силы, с которой Тит не в состоянии справиться. Даже если предположить, что Тит – зануда и крохобор и «бунт на корабле» имеет под собой законные основания, Тита жалко. В противостоянии с властью он, как слабый персонаж, оказывается в проигрыше, даже городской голова предпочёл с ним не связываться. Данный эмоциональный накал страстей свидетельствует о том, что не всё благополучно с патриархальной нравственностью в мещанском семействе. Женщины, попирая весь строй семейного быта, встают «у руля» интриги и принимают решения в пользу своих симпатий и своекорыстных интересов. Тит, который, вероятно, был хорошим дельцом, раз нажил приличное состояние, тем не менее, оказавшись в какой-то момент в плену своих нежных чувств к жене и дочери, теряет всё нажитое и оказывается в 75 лет у разбитого корыта. *Emotio* побеждает *ratio*.

Подводя итог анализу эмоционального мира мещанской семьи в середине XIX столетия, следует отметить, что, безусловно, эмоции следует рассматривать как часть сложного социального процесса превращения горожанина традиционной культуры в человека хронотопа нового времени, подверженного всем влияниям открытой городской культуры: моде на чувствительность, маргинальную авантюристичность текстов поведения, эмансипацию в форме «мещанской драмы», чрезвычайную незащищённость против соблазнов городской жизни и страсть по «потерянному раю» патриархальных семейных устоев. Сын пишет маменьке, отец – сыну, мещане позиционируют своё семейное «Я» в обращениях во власть, и, наконец, бедный Тит просит защиты – эмо-

циональное поле чрезвычайно напряжено, система нестабильна, всё свидетельствует о наступлении новой эпохи со всё убыстряющимся темпом жизни, с новым стилем жизни человека реализма.

Близился к концу сословный период в истории России. 1916 год. А в мещанском делопроизводстве всё обнаруживаются отголоски тех страстей, которым политические режимы и социальные системы неподвластны. Киевский купец Шишкин переписал фактически весь свой бизнес на самарскую мещанку Алмаеву. Переписав состояние, он озаботился её переводом в киевское купечество¹⁵⁰: «Не хочу быть столбовой дворянкой/А хочу быть вольною царицей»...

Вдовы постепенно пополняли ряды эмансипированных женщин, являясь более независимыми в своих передвижениях и жизненных текстах, чем замужние женщины. В качестве сопроводительного документа при таких перемещениях у них был «вдовый вид», в котором наряду с прочими сведениями было написано: «на свободное проживание в разных городах и селениях Российской Империи, а в случае надобности и выхода в замужество по третьему законному браку»¹⁵¹.

Таким образом, страсти, сотрясавшие мещанские семьи на рубеже XIX–XX вв., казалось бы, были вневременные, вечные, связанные с любовью, предательством, расчетом, игрой случая. С другой стороны, во всех этих эмоциональных переживаниях есть нечто общее, свойственное именно данной социальной среде, что позволило объединить их дискурсом «жестокоего романа». Сознание многочисленных социальных слоёв России, сдвинувшихся с места в пореформенный период, наводнивших город, но ещё не успевших приспособиться к городскому образу жизни, надрывно, как надрывен мещанский романс, появившийся как жанр фольклора в середине XIX в. Мещанство, поглощавшее в себя вчерашних крестьян, солдат, законнорождённых, ссыльных, инородцев и т. д., представляло собой достаточно неровное эмоциональное поле. Некоторая сословная потерянности, вызванная законодательным изменением социальных констант, угасание патриархальных устоев в условиях городской жизни, зарождение в недрах мещанской повседневности новых субкультур, связанных с изменениями социально-экономического порядка, выводили из равновесия «мещанский мирок», делая его открытым и исповедующим новые хронотопические ценности. Рус-

ский провинциальный город, а вместе с ним и мещанская семья стремительно убегали от горьковского дискурса, пригвождавшего их к образу душевной и неподвижной глубинки.

- ¹ Гидденс Э. Социология. С. 157.
- ² Там же. С. 160.
- ³ Миронов Б. Н. Социальная история России. Т. 1. С. 250.
- ⁴ Там же. С. 254.
- ⁵ Там же. С. 257.
- ⁶ Там же. С. 236.
- ⁷ Там же. С. 169.
- ⁸ ГУСО ЦГАСО. Ф.153. Оп. 1. Д.84. Л.104.
- ⁹ Там же. Л.109, 110.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. Л.7 (Об.)-8.
- ¹² Там же. Ф.170. Оп. 6. Д.155. Л.12.
- ¹³ Там же. Д.199. Л.42 (Об.) – 43.
- ¹⁴ Там же. Ф.153. Оп. 1. Д.83. Л.29 (Об.).
- ¹⁵ Там же. Ф.217. Оп. 1. Д.296. Л.2.
- ¹⁶ Там же. Л.8.
- ¹⁷ Там же. Л.8–31.
- ¹⁸ Там же. Л.2.
- ¹⁹ Там же. Л.35.
- ²⁰ Там же. Л.5.
- ²¹ Там же. Л.48.
- ²² Там же. Л.45–105.
- ²³ Там же. Ф.217. Оп. 1. Д.5.
- ²⁴ Там же. Д.305.
- ²⁵ Там же. Л.6.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. Л.6–6 (Об.).
- ²⁸ Там же. Л.6.
- ²⁹ Там же. Л.251 (Об.).
- ³⁰ Там же. Ф.153. Оп. 1. Д.82. Л.7 (Об.).
- ³¹ Там же. Л.56–56 (Об.), 848 (Об.); Д.84. Л.420–421, Д.86. Л.626 (Об.)-627.
- ³² Миронов Б. Н. Социальная история России. Т. 1. С. 190.
- ³³ Там же. С. 195.
- ³⁴ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.397. Л.1.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же. Д.305. Л.76.
- ³⁷ Там же. Л.160, 177.
- ³⁸ Там же. Л.99.
- ³⁹ Там же. Л.145.

- 40 Там же. Ф.153. Оп. 1. Д.93. Л.1 (Об.)-437.
- 41 Там же. Л.1 (Об.), 83 (Об.).
- 42 Там же. Д.94, Д.95.
- 43 Там же. Д.94. Л.26 (Об.) – 28.
- 44 Там же. Л.606 (Об.), 612 (Об.) и др.
- 45 Миронов Б. Н. Социальная история России. С. 176.
- 46 ГУСО ЦГАСО. Ф.153. Оп. 1. Д.85. Л.363.
- 47 Там же. Ф.217. Оп. 1. Д.393. Л.1.
- 48 Там же. Л.1 (Об.).
- 49 Там же. Ф.32. Оп. 1. Д.1145 (а). Л.1.
- 50 Там же.
- 51 Там же. Ф.171. Оп. 1. Д.52 (а). Л.1–1 (Об.).
- 52 Там же. Ф.217. Оп. 1. Д.346. Л. 124.
- 53 Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. С. 455.
- 54 Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России. С. 218.
- 55 ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.300. Л.1–2.
- 56 Там же. Д.366. Л.105; Д.371. Л.5,6,7 и т. д.; Д.372. Л.1.
- 57 Миронов Б. Н. Социальная история России. Т. 1. С. 181.
- 58 Там же. С. 82.
- 59 ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.372. Л.157.
- 60 Миронов Б. Н. Социальная история России. Т. 1. С. 184.
- 61 Там же.
- 62 ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.374, Д.375. Л.8–85. Д. 381, Л. 27,28,29,57,59,60,61,62.
- 63 Там же. Ф.170. Оп. 6. Д.23. Л.758.
- 64 Там же. Ф.217. Оп. 1. Д.300. Л.43.
- 65 Там же.
- 66 Там же. Л.65, 67, 73, 74.
- 67 Там же. Д.257. Л.12, 19.
- 68 Там же. Д.274. Л.16.
- 69 Там же. Л.18.
- 70 Там же. Ф.170. Оп. 6. Д.15. Л.76.
- 71 Там же. Д.396.
- 72 Там же. Л.1.
- 73 Там же.
- 74 Там же. Л.3.
- 75 Там же. Ф.217. Оп. 1. Д.80. Л.472–472 (Об.).
- 76 Там же. Ф.170. Оп. 6. Д.15. Л.44–44 (Об.).
- 77 Там же. Д.710. Л.1.
- 78 Там же. Л.4 (Об.).
- 79 Там же. Л.5.
- 80 Там же. Д.15. Л.71.
- 81 Там же. Д.326. Л.1.
- 82 Там же. Ф.217. Оп. 1. Д.26. Л. 1401 (Об.).

- ⁸³ Там же. Л.1402 (Об.)
- ⁸⁴ Там же. Ф.170. Оп. 6. Д.15. Л.72.
- ⁸⁵ Там же. Л.78–78 (Об.).
- ⁸⁶ Там же. Д.50. Л.1.
- ⁸⁷ Там же. Ф.217. Оп. 1. Д.254. Л.10.
- ⁸⁸ Там же. Л.20.
- ⁸⁹ Там же. Л.21.
- ⁹⁰ Там же. Л.52.
- ⁹¹ Там же. Ф. 170. Оп. 6. Д.493. Л. 74.
- ⁹² Там же. Д.856. Л.108.
- ⁹³ Там же.
- ⁹⁴ Там же. Л.109.
- ⁹⁵ Там же. Ф.217. Оп. 1. Д.33. Л.227.
- ⁹⁶ Бухараев В. М. Провинциальный обыватель в конце XIX – начале XX века: между старым и новым//Социальная история: ежегодник. М., 2000.
- ⁹⁷ Гончаров Ю. М., Чутчев В. С. Мещанское сословие Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2004.
- ⁹⁸ Там же. С. 126.
- ⁹⁹ Помяловский Н. Г. Мещанское счастье. Очерки бурсы. М., 1981.
- ¹⁰⁰ Чёрный С. Стихотворение «Ошибка».
- ¹⁰¹ Кофман А. Ф. Аргентинское танго и русский мещанский роман//Литература в контексте культуры. М., 1986. С. 222.
- ¹⁰² Там же. С. 223.
- ¹⁰³ Маяковский В. В. Маруся отравилась («Из тучки месяц вылез...»)//Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 8. М., 1958. С. 188–195.
- ¹⁰⁴ Гончаров Ю. М., Чутчев В. С. Мещанское сословие. С. 126.
- ¹⁰⁵ Куприянов А. И. Русский горожанин конца XVIII – первой половины XIX века: (по материалам дневников)//Человек в мире чувств: очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени. М., 2000.
- ¹⁰⁶ Куприянов А. И. Городская культура русской провинции. Конец XVIII – первая половина XIX века. М., 2007. С. 431.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 433.
- ¹⁰⁸ Там же.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 439.
- ¹¹⁰ Куприянов А. И. Городская культура. С. 440.
- ¹¹¹ Там же. С. 449.
- ¹¹² Русские народные пословицы и поговорки. М., 1958. С. 56.
- ¹¹³ Там же.
- ¹¹⁴ Куприянов А. И. Городская культура. С. 450.
- ¹¹⁵ Там же. С. 451.
- ¹¹⁶ Власов П. В. Благотворительность и милосердие в России. М., 2001. С. 374.
- ¹¹⁷ Тревельян Дж. М. История Англии от Чосера до королевы Вик-

тории. Смоленск, 2001. С. 570.

¹¹⁸ Там же. С. 570.

¹¹⁹ Лярский А. Б. Самоубийства учащихся как феномен системы социализации в России на рубеже XIX–XX веков. СПб., 2010. С. 15.

¹²⁰ Куприянов А. И. Городская культура. С. 455.

¹²¹ Там же. С. 457.

¹²² Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей... С. 271–291.

¹²³ Цит. по: Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей... С. 272.

¹²⁴ Там же. С. 285.

¹²⁵ Там же. С. 287.

¹²⁶ Там же. С. 290.

¹²⁷ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX вв.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб., 2003. С. 2.

¹²⁸ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.26. Л. 1404–1404 (а) (Об.).

¹²⁹ Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций. М., 2010. С. 82.

¹³⁰ Там же. С. 13.

¹³¹ Цит. по: Чернов Г. Сибирские письма декабриста М. Ф. Митькова//URL: <http://Decembrists.krasu.ru/index.html>.

¹³² Лотман Ю. М. беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1997. С. 331.

¹³³ Овчинникова Ю. А., Рожковский В. Б. Эстетика. Ростов-на-Дону, 2005. С. 178.

¹³⁴ Горький М. Детство. М.; Л., 1951. С. 10.

¹³⁵ Дэвис Н. З. Дамы на обочине... С. 243–244.

¹³⁶ ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д.621. Л.215–217.

¹³⁷ Абрамсон М. Л. Александра Строици и её семья (Флоренция, XV век)//Человек в мире чувств. С. 66–67.

¹³⁸ Бессмертный Ю. Л. Метод//Человек в мире чувств. С. 18–19.

¹³⁹ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1, Д.33, Л.280–282.

¹⁴⁰ Российская империя чувств. С. 35–36.

¹⁴¹ ГУСО ЦГАСО. Ф..32. Оп. 1.Д.1091.Л.2 (Об).

¹⁴² Там же. Д. 1096. Л. 19–19 (Об.)

¹⁴³ Там же. Ф. 170. Оп. 6. Д.396. Л.1.

¹⁴⁴ Там же. Д.493. Л.48.

¹⁴⁵ Там же. Ф. 217. Оп. 1. Д.26. Л.1033.

¹⁴⁶ Там же. Л.1403.

¹⁴⁷ Дэвис Н. З. Дамы на обочине. С. 13.

¹⁴⁸ ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д.621. Л.603–604 (Об.).

¹⁴⁹ Дэвис Н. З. Дамы на обочине. С. 245.

¹⁵⁰ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.425. Л.285–290.

¹⁵¹ Там же. Д.278. Л.5.

ГЛАВА 2. ТЕЛО: СТОЛКНОВЕНИЕ С БОЛЕЗНЯМИ, СТАРОСТЬЮ И СМЕРТЬЮ

*Говорила тебе я:
«Ты не ешь грибов, Илья!»
Не послушал –
И покушал,
Ну, теперь вина твоя!*

Эпитафия на городском кладбище

ело мещанина – это тело, предоставленное болезням, старости и смерти. И в этой ипостаси оно чрезвычайно одиноко, как одиноки все мы наедине с болезнями, старостью и смертью. Но обстоятельства, в которые человек оказывается поставленным в силу своего социального статуса, позволяют говорить о теле как о коллективном явлении. «На наши тела глубоко влияет как социальный опыт, так и нормы и ценности тех групп населения, к которым мы принадлежим»¹. Каждая социальная среда вырабатывает свой символический язык телесности, в котором общие понятия приобретают специфическую коннотацию. Для интеллигента, рефлексирующего на тему тела, принципиальным становится разведение понятий «обнажённость» и «оголённость»: слово «голая», по мнению Н. Евреинова, «отдаёт запахом банного веника; слово «нагая» – жертвенным фимиамом... Несомненно, что всякая нагая женщина вместе с тем и голая; но отнюдь не всегда и не всякая голая женщина одновременно и нагая»². Мещан, проживавших в городе, расположенном на берегу реки, не только не волновала грань между «наготой» и «оголённостью», но и не вызывало смущения публичное купание, чему находим косвенное подтверждение у рефлексирующего на эту тему самарского губернатора Аксакова, обратившегося в 1869 г. к городскому голове: «С наступлением жаркого времени, по всему берегу Волги, прилегающему к городской набережной, началось купание простого и рабочего народа, без различия пола и возраста, что кроме известных неудобств в нравственном отношении, представляет далеко неприличное зрелище для постоянно

проходящей и проезжающей по берегу публики. Для устранения этих неудобств, покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, немедленно отвести на б. Волги места для купания отдельно для женщин и мужчин и загородаить оныя с берега досчатым или лубочным забором, так чтобы не было видно купающихся и о сделанном известить полицию для надлежащего с ея стороны наблюдения. Вместе с тем принимая во внимание, что при неровности речного дна и жарком климате, вызывающем здесь потребность в частом купании, в Самаре, более чем в других местах, часты случаи утопления не только детей, но и взрослых – я покорнейше прошу Вас предложить городскому обществу просьбу мою устроить на средства городской казны общественные бесплатные купальни мужскую и женскую что при малоценности таких сооружений не послужит обременением для городской кассы»³.

Главную тенденцию, связанную с эволюцией отношения к «сословному» телу на протяжении пореформенного периода, можно определить как гуманизацию, что выразилось, в первую очередь, в освобождении сословия от телесных наказаний, которое началось с Положения от 10 марта 1897 г. и закончилось Манифестом от 11 августа 1904 г., освобождавшим бывшие податные сословия, в том числе и мещан, от телесных наказаний⁴. Телесная эмансипация от власти является важным моментом в генезисе личности. Применительно к дворянскому сословию об этом размышлял С.О. Шмидт в статье «Общественное самосознание noblesse russe в XVI – первой трети XIX в.»⁵, отмечая, что кодекс дворянской чести (не связанной с моралью воинского сословия) начинает складываться с того момента, когда никто больше не смеет ударить дворянина по лицу. Русский дворянин был телесно эмансипирован в конце XVIII в., а русский мещанин – в начале XX в. **В стоящий между этими событиями XIX в. происходит другое важное событие – исчезает физическое наказание тела как грандиозное зрелище⁶.** «Последняя экзекуция» на самарском эшафоте была произведена в 1865 г.: «наказуемый был положен на наклонно поставленную доску, так что голова была выше ног, руки были привязаны к доске. Присутствовал доктор. Нанесено было 63 удара розгами. Эшафот, будучи разборным, был поставлен там, где теперь находятся городские весы»⁷.

До этого исторического момента публичная казнь на самарском эшафоте не уступала в зрелищности казни богохульника Дамьена, казнённого на Гревской площади второго марта 1757 г., которую описывает М. Фуко в главе «Тело осуждённого»⁸. Лобное место в Самаре, на котором возвышался эшафот, было огорожено «городьбой, за которой обыкновенно теснился народ. На помост вела лестница. Привезённого из острога преступника на особого чёрного цвета «позорных дрогах» «выводили» на возвышение. На груди его висела доска с обозначением его преступления... После прочтения приговора его привязывали к столбу и производили экзекуцию. Толстый палач в красной рубахе с засученными рукавами, в широких чёрных шароварах, с 3-конечной плетью в руке приступал к делу. Перед ударом он вскрикивал: «Берегись!» и наносил удар, затем, не торопясь, переходил на другую сторону столба, снова произносил: «Берегись!» и снова наносил удар. Привозили преступника с барабанным боем. На «позорных дрогах» была сделана скамья, благодаря чему везомый возвышался над толпой. Сидел он задом к лошади»⁹. Народу зрелище нравилось. Народ вслух считал удары¹⁰. К концу XIX в. система наказания «уже не обращена на тело»¹¹. «Тогда за что же она цепляется?» – вопрошает М. Фуко и отвечает: «Если не тело, то душа»¹². В изменившихся обстоятельствах, когда сословная рефлексия становится глубже и тоньше, государство апеллирует к душе, провозглашая, что «добродетель есть дело государственное»¹³. Освобождая тело мещанина, государство рассчитывало на его душу. Но душа в начале XX в. становилась пленницей общего безумия: «безумие притягательно ... другой своей стороной... это не только тёмные глубины человеческой природы, но и знание»¹⁴. Знание мещанина о мире многократно умножалось с помощью растущего количества информационных каналов, пронизывающих его повседневность. Перефразируя поговорку, получаем правило: чем больше знаем, тем хуже спим. На мещанина обрушивалась информация о войнах, революциях, трагедиях, преступлениях, болезнях, событиях. Научные открытия изменяли быт. Однако душевная болезнь всего общества не признавалась болезнью, «философская и научная мысль отказывается принимать это узнавание себя в безумце»¹⁵. Отношение же общества к безумцам было определено сегрегаци-

ей, изоляцией таких. Лица, «подвергшиеся расстройству умственных способностей», представляли и представляют, помимо объекта приложения сил медицины, часть социального пейзажа города. Безумие в среде нормы воспринималось как отклонение от нормы, а следовательно, угроза. Как пишет М. Фуко в «Истории безумия в классическую эпоху», на майнцском смиренном доме была прикреплена надпись: «Если возможно было усмирить в свете Божиим диких зверей, то никогда нельзя отчаиваться в исправлении заблудшего человека»¹⁶. «Как для католической церкви, так и для протестантизма изоляция воплощает в себе в авторитарной форме миф об общественном благоденствии: это социальный порядок, целиком проникнутый принципами религии, и религия, чьи требования получают полное удовлетворение в системе правопорядка и тех принудительных мер, которые будут взяты им на вооружение»¹⁷. Так называемый «старый дом умалишённых» был выстроен в Самаре в 1860 г. «по инициативе губернатора Арцимовича на пожертвования частных лиц и имел вид летнего барака, из тонкого леса, для выздоравливающих и хронических больных, находился на двух местах, определённых по высочайше утверждённому плану на город Самару под богоугодные заведения...» Каково было содержание душевнобольных в Самаре, видно из доклада ревизионной комиссии земского собрания в 1876 году: «1) употреблявшиеся до сего времени цепи в отделении дома для умалишённых выведены их употребления новым врачом»¹⁸. Как писал в своей краеведческой картотеке К.П. Головкин, «по рассказам старожилов, около ветхой изгороди больницы всегда с одной стороны толпились прохожие и ребятишки, смотря на больных сквозь щели, с другой – больные, глядя на улицу и проходящих. Изводя друг друга разными способами, они громко и долго ругались»¹⁹. М. Фуко обращает внимание на непростой путь психиатрии в дофрейдковский период: «Проступок, вынесенное ему обвинение и сопровождающее его узнавание, равно и явленные, и скрытые в объективности органического: таково наиболее удачное выражение того, что XIX век понимал и хотел понимать под безумием»²⁰. Самарские врачи также были поставлены в ситуацию, когда необходимо было в многочисленных случаях их практики подтвердить «расстройство умственных

способностей» или доказать «притворное сумашествие»²¹. Приходилось обращаться в полицию, чтобы вместе с умалишённым в больницу доставлялись сведения «об образе жизни в домашнем быту и об обстоятельствах лиц этих окружающих»²². Медики предлагали полицейским разобраться в таких вопросах, как: *«не было ли вражды или другой побудительной причины / не находился ли он в таком положении, которое могло бы его довести до отчаяния и до умоступления»*²³. Несмотря на тот факт, что в деле «Об умалишённой мещанке Анне Хрунтяевой» за 1884 г. речь идёт об имущественных вопросах, прослеживается реакция городской семьи на подобное заболевание. И в первую очередь это касается уверенности близких в неизлечимости таких больных и роковой случайности, связанной с проявлением болезни. В массовом сознании и у современного российского горожанина начала XXI в. сохраняется стойкое убеждение в том, что сумасшествие врачи не лечат, а превращают медикаментозно пациентов «в растения» или закрывают в страшных палатах с решётками на окнах. Во второй половине XIX в. отношение к сумасшедшим было такое же. Самарский мещанин Михаил Степанов Цыков в своём Прощении писал: *«Родная моя дочь, Анна Михайлова, бывши в замужестве за Самарским мещанином Афанасием Хрунтяевым – после выхода в замужество впала в сумашествие, и хотя была помещена для лечения в г. Казани в больницу душевно-больных доктора Фризе и в Самарской городской больнице сумасшедших но болезнь её не излечилась... помер бездетный муж моей дочери Андрей Хрунтяев, и я поставлен был в необходимость взять мою сумасшедшую дочь на моё попечение, так как родные ея мужа, живших с ним в одном доме... тяготятся уходом и надзором за больной»*²⁴. Отец просил сделать врачебное освидетельствование дочери и на этом основании *«вернуть имущество от той родни»*. Речь шла о приданном в виде капитала в 3 тыс. руб., одежде и мебели. Судебные приставы описали всё имущество несчастной сумасшедшей и передали отцу. К делу были прикреплены материалы врачебного освидетельствования, проведённого в Присутствии Самарского губернского правления. Больной задавали вопросы, на которые она давала ответы: *«Как зовут тебя? Я не знаю как. Меня Вы узнали? Доктор. А меня узнали? Пустите меня! (не отвечая на вопросы,*

больная просит отпустить её) Не хочется покурить? Не хочу. Чаю пить не хотите? Не хочу! Не хочу!»²⁵.

Э. Гидденс обращает внимание на чёткую взаимосвязь между показателями смертности и заболеваемости «и тем социальным классом, к которому принадлежит человек», так как «между разными классами существует значительное неравенство, влияющее на показатели здоровья – от веса при рождении до артериального давления...»²⁶. О болезнях, которые тревожили мещан второй половины XIX – начала XX вв. можно узнать из той части делопроизводственной документации, которая касается просьб об освобождении от тех или иных повинностей на основании состояния здоровья. Так, мещанин Никита Кузьмин Малышев, прося освободить его от податей, писал в 1858 г. в Думу: *«всего я плачу податей за 3 души тогда как я сам человек нездоровый и разбитый параличом от которого лишён владением правой ноги и правой руки... а сын мой ещё человек молодой и тоже на родителей»²⁷*. В 1896 г. мещанская управа выдала свидетельство о том, что Захар Красных был причислен в самарские мещане из отставных рядовых. Недвижимой собственности в городе у него никакой не было. Ремеслом и торговлей он не занимался. Ни у кого не был в услужении. Не состоял сторожем в каких-либо присутственных местах или церквях. Собственных средств к жизни никаких не имел, равно как не имел и родственников, которые могли бы взять его к себе на содержание²⁸. Через два года такой жизни он умирает утром 22 февраля, о чём пристав г. Самары сообщил в мещанскую управу. В 1898 г. самарский мещанин Захар Иванов Красных умирает *«вследствие кровоизлияния в мозг, вызванного, как обнаружено вскрытие, болезнью, так называемой «Вермофовой»²⁹*. Из прошения в городскую думу Самары мещанки Марьи Степановой с просьбой освободить от рекрутства её сына всплывает описание болезни мужа и отца этого семейства. Марья пишет, что *«у меня муж, а у призываемого отец... одержим около пяти лет падучею болезнью, которая по удостоверению самарских врачей оказалась неизлечимую... призываемый постоянно находится при своём отце... с которым учащённо случаются припадки всюду, как то: в лавке во время торгового занятия, в своём доме, ... призываемый приводит его бесчувственного домой, а тем более. Что сын мой Пётр посту-*

пил на действительную военную службу, тогда останусь я с неспособным к труду моим мужем... и двумя малолетними детьми»³⁰. Члены мещанского собрания постановили признать Василия Степанова неспособным к труду и исходатайствовать сыну льготу 1 разряда³¹. Путь к выздоровлению бедного мещанина был многотрудным, так как рассчитывать на благотворительную помощь можно было при условии, что мещанская управа выдаст так называемое удостоверение о бедности. В мещанскую управу Самары пришло прошение: «*Страдая с давнего времени главною болезнью и находясь на излечении в самарской земской больнице около двух лет, я не получил никакого облегчения в болезни. Имея намерение при помощи благотворителей отправиться для лечения в Петербург в Университетскую при Академическую медицинскую клинику я покорнейше прошу выдать мне удостоверение в бедности*»³². Особенно трогательна и безысходна Докладная записка в думу самарского мещанина Ивана Дмитриева Журавлёва: «*В бывшей со мной несколько лет тому назад болезни лишился я совершенно владения ног, а с тем вместе лишился и всяких необходимых средств к своему существованию, благодетелей же и родственников, которые бы могли поддержать мой физический быт, не имею, а хотя и есть брат, но он в таком беднейшем положении, что не может как следует обеспечить и собственного своего семейства, не говоря уже обо мне... покорнейше прошу о помещении меня в богадельню и тем самым предоставить бедному страдальцу тёплый приют... Я уже находился в богадельне и только в марте месяце сего года вышел из оной, в надежде чем-либо излечиться от болезни, между тем надежда моя не оправдалась и я остался в таком же жалком положении, как и прежде...*»³³. В 1887 г. муж самарской мещанки Е.Л.Сапунковой умер в бригадном лазарете «от паралича сердца»³⁴. Мещанин Максим Григорьев Ларионов был освобождён от призыва в рекруты и исключён из числа работников по решению комиссии, которая констатировала, что у него «*значительная машоночная грыжа трудно вправимая в брюшную полость*». Сам Максим писал: «*С давнего времени страдаю грыжей от чего я не могу доставать себе средства к пропитанию трудами своими*»³⁵. В 1903 г. 14-летний мещанин умер от «*язвенного воспаления внутренней оболочки сердца*»³⁶.

Одной из самых распространённых в Самаре в рассматриваемый период болезней была холера. В городе постоянно проводились мероприятия, которые должны были бы предупредить очередную эпидемию холеры. Город в случае появления этой болезни предполагалось разделить на 8 участков, в каждом открыть холерную больницу на число кроватей от 10 до 20 с аптечкой³⁷. Дома для больниц сдавали самарские мещане приблизительно за 20 руб. в месяц, в зависимости от размера дома³⁸. В 1892 г. тиф в Самаре принимал эпидемический характер³⁹, и в этом же году в связи с очередной холерной эпидемией решено было открыть специальное отделение для холерных больных⁴⁰. В 1910 г. Самара вновь столкнулась с эпидемией холеры⁴¹. Во время эпидемий большинство больных проходили под категорией «сомнительнохолерные». Из списка за 1911 г. больных холерной больницы, принадлежавших к мещанскому сословию, большинство холостяков и вдовцов. Профессии, а следовательно и экономический статус у всех заболевших холерой мещан разные: австрийский дезертир, кровельщик, хозяйка бакалейной лавки на набережной, домохозяйка, торговец, маклер, сапожник, слесарь, чернорабочий⁴², бондарь, фельдшер, слесарь, торговец, солдат, портниха⁴³. Как уже говорилось выше, это всё были люди, которых госпитализировали с подозрением на холеру. Они, как правило, выздоравливали и покидали больницу. Но те, кто попадал в категорию «явнохолерный», то есть у кого диагноз подтверждался, в основном умирали. В 1911 г. врачи Самары имели дело с «азиатской холерой»⁴⁴. Замужняя мещанка, домохозяйка 27 лет, выздоровела от холеры и была выписана из больницы⁴⁵. И в то же время 55-летний мещанин, занимавшийся домашним хозяйством, умер⁴⁶. Если оценивать степень подверженности заболеванию по сословиям, то наибольшее число больных холерой было среди приехавших в город крестьян⁴⁷.

Главное внимание земства в 1876 г. в области медицинского дела было обращено на принятие мер против распространения сифилиса. В Бузулуке решено было даже учредить отдельную сифилитическую больницу на 25 кроватей⁴⁸. В 1856 г. самарский городской врач Григорий Андреевич Троицкий при рекрут-

ских участковых начальниках «свидетельствовал» самарских мещанок Авдотью Тихонову Баловневу и Наталью Филиппову Баловневу «в болезненном их состоянии». По освидетельствованию оказалось, «что они обе больны хронической венерической болезнью и одержимы дряхлостью отчего никаких работ производить не могут и для поддержания их здоровья им необходимо нужна помощь...»⁴⁹. В 1876 г. в Самаре работал всего один дантист⁵⁰. А плата за лечение и содержание в земской больнице мещан, «несостоятельных к уплате», в 1891 г. составила 1000 руб. 4 коп. Дума ассигновала на это 1000 руб.⁵¹ В 1896 г. в Самарской губернии работало уже 2 дантиста, 6 цирюльников, 77 фармацевтов, 145 врачей, 71 повивальная бабка и 5 оспопрививателей⁵². Для горожан Самары в конце XIX в. действовал приёмный покой на ул. Панской, расположенный в двухэтажном каменном доме. Помещение приёмного покоя состояло из общей приёмной комнаты для приходящих взрослых больных, кабинета врачей, кабинета женщины-врача, операционной и перевязочной комнат, аптеки и детской приёмной. В приёмном покое работали 4 врача, 4 фельдшера и фельдшерица. Приём больных производился ежедневно с 9 утра до 13.00 дня⁵³. За 1888 г. врачами приёмного отделения из всех сословий города Самары больше всего было принято мещан: 16595 человек⁵⁴. Среднее число посетителей в день составляло 99 человек⁵⁵. Самым распространённым заболеванием среди горожан были: «перемежающаяся лихорадка» (5156 случаев в год), «болезни лёгких» (4135), «желудка и кишек» (4349), «кожи» (3223), «женские болезни» (2154), инфекционные болезни (1553), болезни костей (1732), «язвы, раны, ожоги, ушибы» (1191), «ревматизм» (1334), «мозговые и нервные» (1087). Далее шли: «сердца и сосудов» (227), «глаз» (690), «ушей» (583), «сифилис» (606), «малокровие» (293), «цинга» (14), «золотуха» (153), «венерические болезни» (266)⁵⁶. Для лечения дифтеритных больных при земской больнице было выстроено два барака на 22 кровати. В 1888 г. дифтеритом заболело 99 мещан г. Самары и 35 мещан иногородних⁵⁷. Так как мещане города составляли фактически наиболее бедную его страту, постоянно перед властями города вставал вопрос о том, кто будет платить за их лечение в городских больницах. «Городское общественное управление, по

ходатайству мещанского общества, приняло на себя, по примеру прошлого 1887 г., платёж за лечение беднейших мещан г. Самары в губернской земской больнице; на этот предмет было внесено в смету расходов в отчётном году 500 руб.; впоследствии число больных, имевших надобность в лечении, значительно увеличилось. Всего Городской Управой, с разрешения Городской Думы уплачено земству за лечение бедных больных из числа мещан г. Самары 1117 руб. 47 коп.»⁵⁸. У значительной части мещан не было средств оплачивать своё лечение в больницах. Мещанский староста Самары в своём рапорте в городскую думу писал, что, во-первых, никто не соглашается платить за умерших в больнице мещан, во-вторых, «мещане, мещанки отправляются в контору больницы не всегда по собственному их желанию и не по крайней в том необходимости, а часто при случающихся ссорах и драках, последствие которых... не всегда открываются в удовлетворительном виде, так, что виновных, с которых следовало бы взыскать деньги за... больного, не оказывается, а те лица, которые находятся в больнице,... отказываются от платежа за лечение... так как не виноваты в ссорах и драках и потому деньги остаются невзысканными... гг. мещане и мещанки неимеющие никакой собственности отправляются в больницу Полицией без разбора в состоянии ли они уплатить за лечение их деньги, а мещанки иногда берутся из развратных домов и при отправлении их в больницу следовало бы требовать обеспечение в платеже денег за лечение, но этого никогда не исполняется, а по выздоровлению их они присылаются из конторы в Думу за пользование их и содержание в больнице деньги обращаются на общество»⁵⁹. По отчёту Самарского городского приёмного покоя за 1888 г., среди болезней, которыми страдали горожане Самары, были названы: оспа (23 чел.), скарлатина (50), дифтерит (80), круп (6), корь (36), коклюш (349), грипп (95), сыпной тиф (6), брюшной тиф (11), возвратный тиф (5), формы тифа, оставшиеся без распознавания (175), кровавый понос (233), холера (10), заушница (117), рожа (103), гнойное воспаление глаз (36), сифилис (666), венерические болезни (266), бугорчатка (13), крупозное воспаление лёгких (72), малярия (5156), зоб (2), чесотка (219), глисты (111), катар дыхательных органов (2130), воспаление плевры (39), воспаление лёгких и плевры (15), прочие болезни

дыхательных органов (667), воспаление сердца и его оболочек (3), органические болезни сердца (132), органические болезни сосудов (38), желудочно-кишечный катар (313), болезни желудка (1359), болезни кишок (1210), болезни печени (36), болезни селезёнки (12), грыжи (51), выпадение прямой кишки (13), воспаление мочевых органов (474), брайтова болезнь (43), болезни мужских половых органов (172), болезни женских половых органов (1612), расстройство умственных способностей (40), эпилепсия (24), воспаление головного мозга (7), воспаление спинного мозга (7), апоплексия и паралич (47), невралгия и судорожные болезни (947), мышечный ревматизм (1020), хронические сыпи (1348), воспаление подкожной клетчатки (1652), глазные болезни (690), ушные болезни (583), переломы (20), костоеда (1664), сочленовый ревматизм (260), болезни больших суставов (26), вывихи (24), болезни беременные (489), послеродовые болезни (43), малярия и старческий Антонов огонь (43), цинга (14), рахит (48), золотуха (153), доброкачественная опухоль (168), злокачественная опухоль (16), худосочные язвы (271), ожоги (141), замерзание (30), жаба (1095), кровотечения (54), инородные тела (71)⁶⁰. Из мещанства набирались лекарские ученики к врачам⁶¹. В 1871 г. первый городской врач обращался в думу с предложением отметить каким-либо образом, например, вознаграждением, многолетний труд по оспопрививанию жителей города старшим лекарским учеником мещанином Павлом Васильевым⁶².

Н. Рубакин отмечал, что Россия «беднее всех других стран стариками», из чего он заключал, что «в России борьба за существование с различными неблагоприятными условиями труднее, чем в других... странах»⁶³. По ревизским сказкам за 1857 г. видно, что мужчины в основном умирали в возрасте около 50 лет⁶⁴. «Когда люди стареют, они сталкиваются с комбинацией трудносочетимых медицинских, эмоциональных и материальных проблем. Одна из главных забот пожилых людей – сохранение независимости...»⁶⁵. За 63-летним мещанином Максимом Максимовым Марковым числилась недоимка в 54 рубля за лечение его жены в земской больнице г. Самары. Из-за этого мещанская управа в течение 6 лет не выдавала ему вид на жительство. Из жалобы Маркова губернатору открывается всё его безнадёжное положение

ние. Жена его умерла. Максим Максимов пишет: *«Между тем я, будучи 63 лет и болезненного состояния, едва имею возможность съискивать себе пропитание личным трудом, при крайней своей бедности»*. Марков не отказывается от платежа недоимки, а просит разрешения поэтапно отдавать долг. Из-за того, что ему не выдают паспорт, он не может устроиться на службу. В ответ на запрос губернатора о ситуации с Марковым управа заявила, что за 7 лет он выплатил только 3 рубля, следовательно, *«не заслуживает уважения»*, и отказала в выдаче вида на жительство⁶⁶.

Для стариков богадельня была выходом и спасением. Если в Москве богадельня мещанского общества была одним из самых крупных благотворительных учреждений⁶⁷, то в Константиновской богадельне Самары количество мест для представителей всех сословий было ограничено. С образованием земства в Самаре богадельни переходят в это ведомство из ведения Приказа общественного призрения. Земская богадельня в Самаре была передана земству в 1865 г. Несколько позже была образована богадельня для душевнобольных в 10 верстах от г. Самары при земской больнице. Она содержалась на средства земства и на частные пожертвования. В 1872 г. была учреждена городская общественная богадельня в память избавления Государя Императора от угрожавшей 25 мая 1867 г. в Париже Его Величеству опасности. Она помещалась в двух домах, пожертвованных почетным гражданином И.М. Плешановым. Богадельни в уездах были значительно меньше и содержались в основном за счет крестьян, как, например, богадельня в слободе Покровской Новоузенского уезда Самарской губернии, в которой к 1877 г. находилось 12 призреваемых, или на средства общества и добровольные пожертвования, как Гватентаутское убежище для сирот и бедных в приходе Гватентау Новоузенского уезда, где призывалось к 1900 г. 23 чел., а капитал ее насчитывал 9043 руб. 89 коп. Или Бузулукская богадельня (основана в 1882 г.), содержавшаяся на средства города и призревавшая в 1887 году 26 чел. Со временем количество богаделен, содержащихся преимущественно на государственные средства, в Самарской губернии увеличивается. В с. Балаково была открыта богадельня во имя Александра Невского, в которой призывалось до 63 чел. обоого пола. Ее капитал в 1894 году

насчитывал 91691 руб. 82 коп., а в 1895 году – 91918 руб. 4 коп. В 1889 году в Бугуруслане была открыта богадельня на средства земства, в ней в 1900 г. призревалося 35 чел.

В 1901 г. на призрении в Самарской городской общественной богадельне состояло 48 мещан⁶⁸. Попечительский совет богадельни докладывал, что призреваемые в мужском отделении не имеют тёплых брюк, *«между тем, с наступлением холодов, в таковых является крайняя необходимость, так как за неимением брюк, призреваемые во время зимы отвлекаются даже от посещения Божьего Храма»*⁶⁹. Порой в богадельню мещане помещались супружескими парами. Серафим Осипов и Акулина Матвеева Вольские, каждому по 73 года, не имеющие родственников, *«в виду преклонных лет и бедственного положения»* были помещены в богадельню⁷⁰. Мещанка Феврония Матвеева Казяева ходатайствовала о приёме её в богадельню, так как была бедная, *«слаба здоровьем»*, проживала *«у добрых людей из милости»*. У неё был сын Гаврила, но он сам *«слаб здоровьем»*, *«обременён семейством»*, *«в бедственном положении»*⁷¹. И таких случаев было много: пока дети были *«обременены»* собственными семействами, родители жили по чужим домам *«из милости»*⁷². Мест в самарских богадельнях было мало. И тем не менее туда попадали порой не те, кто действительно находился в безвыходном положении. 62-летний самарский мещанин Василий Иванов постоянно подвергался в богадельне замечаниям и выговорам за *«жизнь нетрезвую»*. Но это его не останавливало, и 17 января он *«позволил напиться пьяным, грубил с призреваемыми и в состоянии невменяемости даже перепортил своё бельё и постель. За последний проступок Иванов был послан на работы по богадельне но с таковых без разрешения отлучился и явился опять пьяным и в таком состоянии упал в снег и едва не замёрз»*⁷³. Было принято решение исключить его из богадельни. Мещанин Сусоров просился в богадельню, из которой был исключён *«за безнравственное поведение и пьянство»*, но его обратно уже не приняли⁷⁴. Были в богадельне и женщины-«хулиганки». 75-летняя мещанка А.И. Захарова занимала *«бесплатно уголок за печкой»*, днём *«ходит по сбору милостыни»*, *«на вид старая и больная старческим маразмом, всё её имущество состоит из рогожи и рваного платья на ней»*, родственников нет⁷⁵.

Попечительский совет богадельни положительно решил её прошение о приёме. Но, попав в богоугодное учреждение, старушка раскрылась с другой стороны. Самовольно уйдя, купила водки, напилась в саду богадельни и начала буяннить. *«В виду её неприличного поведения»* Захарову пришлось запереть в дровяник⁷⁶. После отрезвления она обнаружила, что исключена и может уже на законном основании отправляться за водкой и *«бесплатно в уголочек за печкой»*. Призреваемый в богадельне отставной рядовой из самарских мещан Иван Кривин *«напился пьяным, разбил оконное стекло»*. Спустя время *«опять напился, безобразничал, в присутствии священника ещё больше безобразничал и всех стариков поносил оскорблениями»*. В тот же день призреваемая самарская мещанка Т.М. Чурашева тоже *«напилась пьяной и самовольно отлучилась на свободу... явилась вечером... когда смотритель стал делать замечания... она ответила дерзостью выразив «что она не только его, но и других никого не боится»*⁷⁷. Обоих из богадельни исключили. Пётр Безденежнов был отпущен смотрителем в город. Назад он вернулся на извозчике *«без чувств пьяным»*. Стали выяснять личность дебошира, и оказалось, что *«за безнравственное поведение»* он уже был исключён из Константиновской богадельни. Поэтому его исключили и из общественной⁷⁸.

Стариков-мещан, кормящихся подаванием, живущих у чужих людей из милости, было много⁷⁹. Все они просились в богадельню. На этом фоне относительно молодой 54-летний мещанин, *«страдающий хроническими язвами голени»* и *«нуждающийся в хирургической операции»*, тоже вынужден был ходатайствовать о месте в богадельне, так как его 15-летняя дочь, работая в услужении, получала только 2 руб. в месяц и не могла оплатить лечение отца⁸⁰. Некоторые мещане имели преимущества при приёме. Так 57-летнюю мещанку, страдающую ревматизмом и параличом, несмотря на то, что у неё имелся сын, служащий писцом в Контрольной палате и получавший 30 руб. в месяц, приняли в богадельню, так как её покойный муж служил в пожарной команде города⁸¹. А были и такие мещане, за которых просила городская больница. Так одна параличная мещанка продолжала находиться в больнице просто потому, что её некуда было оттуда деть: ни родственников, ни денег у неё не было, а уход требовался⁸². А мо-

лодую женщину 47 лет просили принять в богадельню, так как она не может ходить без посторонней помощи, а средств к жизни у неё никаких нет⁸³. Ещё один мещанин, 56 лет, имущества никакого не имел, родных не имел, кроме жены, которая *«ввиду старости к труду мало способна»*, сына 14 лет и дочери, обременённой своим собственным семейством, просился в богадельню. У него были парализованы левая рука и нога, следовательно, к труду не способен. Единственные деньги приносила в семью жена, которая шила мешки на мукомольную мельницу, зарабатывая этим от 15 до 20 коп. в день⁸⁴. Частично парализованный 32-летний мещанин, чтобы заплатить 1 руб. 20 коп. в месяц за квартиру, ходил с трудом собирать милостыню⁸⁵. Это давалось ему всё труднее, и он, так же как и многие другие, обратился с просьбой о признании в богадельне. В Попечительский совет поступило заявление священника И. Беневальского: *«Вчера у парадной двери моей квартиры улеглась ночевать самарская мещанская вдова Ксения Фёдоровна Филиппова, имеющая от рождения 90 лет. Раньше она жила в Шихобаловской богадельне и билет её остался там. Мне она известна. Я позволил ей ночевать в холодном помещении на дворе моей квартиры. Так она и жила у меня во дворе, но теперь, когда настало холодное время, ей жить негде. Я сам с семьёй по случаю ремонта квартиры живу в холодном помещении»*. Чтобы от него забрали Филиппову, священник Беневальский обращался и в Константиновскую богадельню, и в Общество попечения о бедных. Но помощи не дождался. Обращаясь в общественную богадельню, он пишет, что Филиппова *«дошла до детского состояния. Она может замёрзнуть и умереть. Прошу взять её от меня сегодня же»*⁸⁶. 57-летний мещанин в своём прошении о принятии его в богадельню описывал свою непростую судьбу: он *«не очень хил, но одержим болезнью и слепотой»*. У него жена и две дочери. За квартиру нужно платить 1 руб. в месяц. Зарабатывать деньги он не может. Быть обузой семье тоже не хочет⁸⁷. Ещё одну семейную драму раскрывает прошение о приёме в богадельню 65-летней мещанки Самары. Сама она работать не может и собирает подаяние. Одна её дочь живёт бедно. Замужем за служащим на железной дороге. Имеет троих детей. Другая дочь, ещё совсем ребёнок, вынуждена работать подённо на заводе Александрова за

30 коп. в день⁸⁸. В деле Попечительского совета городской общественной богадельни прошения мещан о приёме собраны по 1910 год включительно. Во всех прошениях – приблизительно один сценарий социальной повседневности: старость, бедность, болезни, отсутствие родственников, которые могли бы взять на себя заботу о них⁸⁹.

В 1907 г. в Самаре ходатайствовала о приёме в Константиновскую богадельню мещанка г. Касимова Рязанской губернии Н.Н. Рахманова. Ей было 64 года, и проживала она во дворе дома Сурикова. Родных у неё не было, на вид – дряхлая. Средств к жизни – никаких. Решили принять⁹⁰. О приёме в богадельню своего тестя ходатайствовал самарский мещанин П.К. Поляков. Тестю было 67 лет. Зять писал, что имеет достаточно ограниченный заработок и *«не в состоянии держать его при себе»*⁹¹. У старика на самом деле было четверо детей, сын и три дочери. Но никто из них не мог взять на себя заботу об отце. По мнению зятя, *«сын ведёт образ жизни ненормальный, трудом не занимается, само-го себя не в состоянии прокормить»*⁹². Старика приняли. В богадельню попадали и молодые люди, которые по болезни не могли найти средства к существованию. Мещанка А.И. Казакова была парализована около двух лет. Родных у неё никого не было. Её маленького 8-летнего сына *«добрые люди старались определить в детский приют»*⁹³. Чтобы заплатить за квартиру 2 руб. в месяц, она вынуждена была выбираться на улицу для сбора милостыни. Имущества никакого не имела. Её также приняли в Константиновскую богадельню. Двое супругов, самарские мещане Михайловы, также находились в безвыходном положении. Жена – параличная. Муж *«одержим старческой болезнью»*⁹⁴. Средств к жизни также никаких не имели и оба просились в богадельню. О 77-летней мещанке А.С. Суховой писали в Попечительный комитет Константиновской богадельни: *«дряхлая, хилая, к труду неспособная, средств никаких не имеет»*⁹⁵. Мещанка Анна Климова ходатайствовала, чтобы в богадельню забрали её 77-летнюю родственницу А.Д. Климову. У Анны было своё дело – «Чайное дело Климовой». Раньше родственница помогала ей, но теперь стала *«неспособна к труду»*. Как докладывал Попечительский комитет, *«хозяйка обременяется её содержанием»*, так как име-

ет двоих малолетних детей, а муж её, Василий, отбывает наказание в местной тюрьме «за разные преступления». Родственница никакого имущества «кроме ветхого платья» не имеет⁹⁶. Самарская мещанка Н.И. Махина, тоже пожилая 70-летняя женщина, оказалась в таком положении полной безысходности, что спасти её могла только богадельня. За квартиру нужно было платить 1 руб. в месяц. Дочери у неё оказались беспутными. Одна вышла замуж и уехала в Ригу, причём «чем она занимается, этого никто не знает»⁹⁷. Другая дочь Пелагея «ведёт нетрезвую и безнравственную жизнь и содержать свою мать не хочет»⁹⁸. Имущества Н.И. Махина никакого не имеет, «кроме ветхого носильного платья». Кормится подаванием добрых людей, «на вид дряхлая, совершенно глухая, в бедственном положении»⁹⁹. 19 ноября 1907 г. самарский губернатор указывал в своём распоряжении, что «обеспечение отца, матери, деда, бабушки, братьев и сестёр – круглых сирот погибших низших воинских чинов относится к числу обязательных земских и городских повинностей»¹⁰⁰. Но количество стариков, находившихся в бедственном положении, не уменьшалось, а количество мест в богадельне было ограничено. Все они писали: «слаба здоровьем, в крайне бедственном положении», «слаб здоровьем, плохо видит, добывать пропитание не может», «стара, слаба, не имеет средств», «слепой, не имеет средств к жизни», «совершенно дряхлая, глухая», «слабость здоровьем», «ходит по сбору милостыни»¹⁰¹. Были среди них и молодые, которые в силу заболеваний оказались «к труду неспособными»¹⁰². Судя по данным документам, старость и немощность наступала в 60-70 лет. С другой стороны, были и долгожители. Мещанка 92 лет получала от казны пособие 3 руб. Но этого, безусловно, на жизнь ей не хватало¹⁰³. Некоторых стариков держали у себя «добрые люди из сожаления»¹⁰⁴. В 1910 г. в Александровскую богадельню Самары просился 41-летний мещанин И.В. Малкин, так как был совершенно слеп и к труду неспособен. Имущества у него тоже никакого не было. Зато было три брата, но у каждого из них своя судьба, поэтому рассчитывать на них не приходилось. Один брат работал почтальоном в Западной Сибири, другой – обер-офицер в г. Николаевске, третий – в Самаре, работал в уездном земском управлении, но был вдовцом с шестью малолетними детьми на руках

и престарелой матерью¹⁰⁵. Каждая история бедных мещан города трагична по-своему. 78-летняя мещанка Ф.Н. Мельникова, одинокая, не имеющая ничего, *«кроме ветхого рубища»*, два месяца пролежала в больнице после того, как ей проехали колесом по ноге¹⁰⁶. Теперь она просилась в богадельню. Не легче была и жизнь самарской мещанки М.Н. Ефимовой, *«очень хилой, дряхлой, к труду неспособной»*¹⁰⁷. На две недели её пустили в свою квартиру Зимины *«бесплатно из сожаления»*. А так она кормится, бедная, сбором милостыни на паперти церкви Троицы. Да и раньше, когда был жив муж, умерший уже более двадцати лет назад, она не жила богато. Муж торговал ветхой одеждой на толкучем рынке. Сын умер от холеры. Стала Ефимова лепить пельмени и торговать ими на Троицкой площади. Но потом и на это сил не осталось. И племянница, у которой Ефимова поселилась, *«выпроводила её на произвол судьбы»*¹⁰⁸. Вот и ходатайствует о месте в богадельне. Можно понять и мещанку Е.Е. Волгушеву, которая просила принять в богадельню её мужа, разбитого параличом, так как на руках у неё ещё было двое детей и старуха мать¹⁰⁹. Самарские мещане Иван Будылов и Дмитрий Скворцов написали прошение в городскую думу о месте в богадельне из больницы, в которой оба находились около трёх месяцев: *«не надеясь получить настоящего облегчения... мы оба желаем как безродные в преклонных летах немощие приюта и никаких средств к пропитанию себя»*¹¹⁰. Прошение этих стариков заканчивается просьбой: *«поспешите с выпискою нас из больницы в богадельню дабы ещё не заняты другими два места»*¹¹¹.

Как писал Ю.М. Лотман, «смерть выводит личность из пространства, отведённого для жизни: из области исторического и социального личность переходит в сферы вечного и неизменного»¹¹². Переживание смерти и отношение к ней связано со своеобразием той или иной культуры. Местом упокоения самарских мещан было городское кладбище. «Первое общее кладбище, – читаем в краеведческой картотеке Головкина, – было на теперешней Саратовской улице, в местности, где дом муллы, у стоявшей там Вознесенской церкви, что тогда была за городом. С расширением города кладбище опять отнесено за город, на место, где теперь Покровская церковь... В 1860 г. кладбище вновь перенесено... На плане

1852 г. показаны два кладбища: Покровское (Старое) и Всехсвятское (Новое)¹¹³. На этих кладбищах заканчивался жизненный путь самарских мещан. 6 августа 1850 г. Егор Степанов Глухов умер и был отпет 8 августа в Кафедральном соборе и похоронен на городском кладбище¹¹⁴. Самарская городская дума сообщала мещанскому старосте о смерти однообщественников: «Самарская мещанка Авдотья Провнитъева... волею Божьей померла и по обряду христианскому предана земле, о чём Городская дума даёт вам знать»¹¹⁵. Мещане г. Самары, умирая на чужбине, символически возвращаются в родной город через сословное делопроизводство. Так, от настоятеля Римско-Католического Вроцловского прихода пришло сообщение о смерти самарской мещанки; из конторы Черниговской губернской земской больницы – о смерти мещанина, и вместе с сообщением – его паспорт: Фёдор Алексеев, православный, 59 лет, сапожник, состоящий в браке с Анисьей Кирилловой, неграмотный, особых примет нет¹¹⁶. Из Симбирской губернской земской больницы пришло известие о смерти 62-летнего самарского мещанина Ивана Сафронова, работавшего чернорабочим¹¹⁷. В мещанскую управу приходили сообщения о смерти мещан, содержавшихся в богадельнях города¹¹⁸. О смерти приходили сообщения и из Управления Самаро-Златоустовской железной дороги: умер самарский мещанин, помощник машиниста самарского элеватора¹¹⁹. Вместе с актом Бакинской Михайловской городской больницы о смерти в ней самарского мещанина в управу были доставлены вещи покойного: одеяло, брюки, носки, фуражка¹²⁰.

Одиночество в смерти и коллективность в смерти. Мещанин умирает в одиночестве, но и после смерти продолжает оставаться частью мещанского общества, так как его документы и вещи переправляются в мещанскую управу того общества, к которому он был приписан. Мещанин Иван Матвеев был найден мёртвым 29 апреля 1889 г. близ села Воскресенского¹²¹, после чего его документы были переданы в мещанскую управу Самары. Другой мещанин, художник Фёдор Емельянович Буров, умер. А в мещанскую управу от судебного пристава пришло объявление, что 24 августа 1895 г. с 10 часов утра в Управлении первой полицейской части г. Самары будет проводиться публичная продажа его иму-

щества: мебели, книг, одной картины с рамкой из Манчестера, обложенной жёлтым багетом...¹²². Смерть наступала мешчан Самары в чужих городах: в Бакинской больнице умерла бездетная самарская мешчанка, от внутреннего кровотечения из-за перелома рёбер умер мешчанин в Иркутской военно-фельдшерской школе, умер мешчанин на пароходе близ посада Дубовка Саратовской губернии¹²³. Многие умирали от чахотки¹²⁴. Умер рекрут из самарских мешчан, прослужив в пехотном Дагестантском полку с 1868 по 1870 г., «оказался одержимым неизлечимую опухолью на обоих коленах» и был уволен из армии «с полупараличным состоянием»¹²⁵. Дочь сдала свою мать в больницу для душевнобольных, где та и умерла¹²⁶. В земской больнице Самары умирает мешчанин от воспаления почек¹²⁷.

Умирали мешчане от самых разных причин: в 1882 г. в г. Самаре 3 человека покончили жизнь самоубийством, произошло одно детоубийство, 9 человек умерло от пьянства, 12 – от неизвестных причин, было задавлено и упали с высоты 4 человека, один замёрз и 8 утонуло. В целом за этот год по городу умерло от насилия и случайностей 52 человека¹²⁸. В 1912 г. в г. Саратове от отравления морфием скончался 48-летний мешчанин г. Самары Вацлав Людвиг Левандовский, оставивший после себя 32-летнюю жену и двоих детей¹²⁹. Среди жертв «случайной смерти» самарский губернатор отмечал, что больше всего утонувших. Далее следуют задавленные и убитые падением с высоты. Потом – замёрзшие. И 20 человек за этот год умерло от пьянства¹³⁰. Мешчане-солдаты умирали не на войне, а по чьей-то безалаберности. В 1863 г. из Оренбургского линейного батальона в Самарскую городскую полицию пришла депеша от командующего корпусом по поводу смерти рядового Ивана Павлова, умершего от ушиба, полученного при нечаянном падении в амбар, находящийся около склада строевого леса для постройки бани. Амбар принадлежал самарскому мешчанину Акиму Светову, которого обязали «принять меры к отвращению опасности для караульных нижних чинов...»¹³¹. Песня «Степь да степь кругом, путь далёк лежит» о замерзающем в степи ямщике была написана (стихи) поэтом И.З. Суриковым в Самарском крае на Серноводском курорте¹³². Зимы суровые, степи бескрайние. Мешчане, проживавшие вдали от города, порой заканчивали свою жизнь также трагич-

но, как герой песни. Из донесения уездного исправника 30 декабря 1881 г. в селе Елшанке умирает земский фельдшер Пётр Александров Петров, оставив после себя жену и пятеро детей. 19 декабря 1885 г. на дороге близ села найдена была замёрзшей жена покойного, Юлия Самойлова¹³³. Маленькие дети: Мария, Вера, Клавдия, Анна и глухонемой Михаил – остались после смерти матери совершенно одни. Михаила определили в московское училище для глухонемых детей. Так как Петров принадлежал к самарскому мещанству, исправник писал письмо в мещанскую управу, чтобы та озаботилась устройством детей.

Мещанин болеющий, стареющий, умирающий предстаёт в источниках делопроизводственного характера не как человек страдающий, а как личность сословная, подверженная и в горе учёту и контролю. Тем не менее на фоне эмоционально скупой документации совершенно явственно проступает тема одиночества человека в городе. Смертность мещан в городе была в 1,7 раза выше, чем у купцов, но в деревне она у обеих групп выравнивалась, поскольку, как считает Б.Н. Миронов, «те и другие отрывались от дома, от привычных им условий жизни»¹³⁴. Таким образом, в отличие от купцов, мещанин и в городе не был дома. Это во многом было связано с упадком в среде мещанства отношений общинного типа. Мещанское общество выполняло жизненно важную функцию «дома» только в качестве последней инстанции, в которую направлялась информация об умершем. Все данные косвенно говорят только об одном общем для мещан факторе: о низком уровне жизни большинства представителей сословия. Не было денег лечить мещанское тело. Не было денег поддерживать мещанское тело в старости. Не на что было хоронить мещанское тело. Мещанскую душу уже не грела сословность, утраченная в эпоху «чрева».

¹ Гидденс Э. Социология. С. 132.

² Цит. по: Почепцов Г. П. История русской семиотики. С. 110.

³ ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.967. Л.1.

⁴ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. С. 466.

⁵ Шмидт С. Общественное самосознание noblesse russe в XVI – первой трети XIX в. // Cahiers du monde russe et soviétique, XXXIV (1-2), 1993, pp. 11-32.

⁶ Фуко М. Надзирать и наказывать. С. 22.

⁷ Классика самарского краеведения. Самара, 2007. С. 306.

⁸ Фуко М. Надзирать и наказывать. С. 7-11.

⁹ Классика самарского краеведения. С.305.

¹⁰ Там же.

¹¹ Фуко М. Надзирать и наказывать. С. 26.

¹² Там же.

¹³ Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М., 2010. С. 94.

¹⁴ Там же. С. 31.

¹⁵ Там же. С. 606.

¹⁶ Там же. С. 96.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Классика самарского краеведения. С. 148.

¹⁹ Там же. С. 148-149.

²⁰ Фуко М. история безумия в классическую эпоху. С. 611.

²¹ ГУСО ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 573. Л.1.

²² Там же.

²³ Там же. Л.2.

²⁴ Там же. Д.3653. Л.2.

²⁵ Там же. Л.11.

²⁶ Гидденс Э. Социология. С. 133-134.

²⁷ ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.235. Л.1

²⁸ Там же. Ф.217. Оп.1. Д.305. Л.43.

²⁹ Там же. Л.42.

³⁰ Там же. Д.242. Л.45-45 (Об.).

³¹ Там же.

³² Там же. Д.89. Л.737.

³³ Там же. Ф.170. Оп.6. Д.856. Л.46.

³⁴ Там же. Л.52.

³⁵ Там же. Д.678. Л.1.-3.

³⁶ Там же. Ф.217. Оп.1. Д.346. Л.3.

³⁷ Там же. Ф.170. Оп.6. Д.1532. Л.5.

³⁸ Там же. Л.7-8.

- ³⁹ Журналы Самарской Городской Думы. Самара, 1892. С. 32.
- ⁴⁰ Там же. С. 412-413, 470-471.
- ⁴¹ Приложение к всеподданнейшему отчёту самарского губернатора за 1910 год. Самара, 1911. С. 35.
- ⁴² ГУСО ЦГАСО. Ф.153. Оп.1. Д.920. Л.2-13 (Об.).
- ⁴³ Там же. Л.9- 11.
- ⁴⁴ Там же. Л.5 (Об.), 6 (Об.).
- ⁴⁵ Там же. Л.6 (Об.).
- ⁴⁶ Там же. Л.7.
- ⁴⁷ Там же. Л.2-13 (Об.).
- ⁴⁸ Приложение ко всеподданнейшему отчёту самарского губернатора за 1876 год. Самара, 1877. С. 73.
- ⁴⁹ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.43. Л.652.
- ⁵⁰ Приложение ко всеподданнейшему отчёту самарского губернатора за 1876 год. С. 72.
- ⁵¹ Там же. С. 135.
- ⁵² Приложение к всеподданнейшему отчёту самарского губернатора за 1896 год. Самара. 1897, С. 45.
- ⁵³ Отчёт Самарской городской управы и подведомственных ей учреждений за 1888 год. Самара. 1890. С. 16-17.
- ⁵⁴ Там же. С. 17.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Отчёт Самарской городской управы и подведомственных ей учреждений за 1888 год. Самара, 1890. С. 18.
- ⁵⁷ Там же. С. 19.
- ⁵⁸ Там же. С. 20.
- ⁵⁹ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.33. Л. 269-270.
- ⁶⁰ Отчёт Самарской городской управы и подведомственных ей учреждений за 1888 год. Самара, 1890. С. 332-333.
- ⁶¹ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.24. Л.96.
- ⁶² Там же. Д.85. Л.24.
- ⁶³ Рубакин Н. А. Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы. С. 51.
- ⁶⁴ ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.154. Л. 5 (Об.)-6.
- ⁶⁵ Гидденс Э. Социология. С. 151.
- ⁶⁶ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.368. Л.82.

- 67 Власов П. В. Благотворительность и милосердие в России. С. 223.
- 68 ГУСО ЦГАСО. Ф.153. Оп.1. Д.926. Л.4.
- 69 Там же.
- 70 Там же. Л.11.
- 71 Там же. Л.11 (Об.)-12.
- 72 Там же. Л.12 (Об.)-13.
- 73 Там же. Л. 13 (Об.)-14.
- 74 Там же. Л.29.
- 75 Там же. Л. 14 (Об.).
- 76 Там же. Л.29 (Об.)-30.
- 77 Там же. Л.33 (Об.)-34.
- 78 Там же. Л.62 (Об.)-63.
- 79 Там же. Л.15 (Об.), 16, 17, 18, 19,22, 24 (Об.), 25 (Об.), 38-61 (Об.).
- 80 Там же. Л.20-21.
- 81 Там же. Л.23.
- 82 Там же. Л.27.
- 83 Там же. Л.33.
- 84 Там же. Л.64 (Об.)-65.
- 85 Там же. Л.70.
- 86 Там же. Л.73.
- 87 Там же. Л.81 (Об.).
- 88 Там же. Л.83 (Об.).
- 89 Там же. Л.84 (Об.)-144 (Об.).
- 90 Там же. Д.928. Л.1 (Об.).
- 91 Там же. Л.2.
- 92 Там же.
- 93 Там же. Л.3.
- 94 Там же. Л.6.
- 95 Там же. Л.4.
- 96 Там же. Л.4 (Об.).
- 97 Там же. Л.5.
- 98 Там же.
- 99 Там же. Л.6.
- 100 Там же. Л.7.
- 101 Там же. Л.8-20.

- ¹⁰² Там же. Л. 9 (Об.), 14.
¹⁰³ Там же. Л.20.
¹⁰⁴ Там же. Л.36.
¹⁰⁵ Там же. Л.41.
¹⁰⁶ Там же. Л. 47 (Об.).
¹⁰⁷ Там же. Л.50.
¹⁰⁸ Там же.
¹⁰⁹ Там же. Л.55 (Об.).
¹¹⁰ Там же. Ф.170. Оп.6. Д. 621. Л. 62 (Об.).
¹¹¹ Там же.
¹¹² Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. С. 210.
¹¹³ Головкин К. П. Самара в конце XVIII – начале XX в.:
(краеведческая картотека) // Классика самарского краеведения:
антология. Вып. 3. Самара, 2007. С. 182-183.
¹¹⁴ ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.155. Л.50.
¹¹⁵ Там же. Ф.217. Оп.1. Д.8. Л.3-3 (Об.).
¹¹⁶ Там же. Л.44, 52, 54.
¹¹⁷ Там же. Д.305. Л.128.
¹¹⁸ Там же. Л.131.
¹¹⁹ Там же. Л.136.
¹²⁰ Там же. 156.
¹²¹ Там же. Ф.153. Оп.1. Д.84. Л.306.
¹²² Там же. Л.588.
¹²³ Там же. Ф.217. Оп.1. Д.346. Л. 152, 205, 216.
¹²⁴ Там же. Л. 267 (Об.).
¹²⁵ Там же. Л.273.
¹²⁶ Там же. Л.310-313.
¹²⁷ Там же. Л.323.
¹²⁸ Там же. Ф.171. Оп.1. Д.30. Л.3 (Об.)-4
¹²⁹ Там же. Ф.153. Оп.1. Д.85. Л.278.
¹³⁰ Там же. С.75.
¹³¹ Там же. Ф.170. Оп.6. Д.621. Л.107-109.
¹³² Храмов Л. В. Введение в самарское краеведение. Самара, 2003. С. 174.
¹³³ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.235. Л.111.
¹³⁴ Миронов Б. Н. Социальная история России. Т. 1. С. 194.

Раздел IV

МЕЩАНИН «ОЗОРУЕТ»

ГЛАВА 1. НАРУШИТЕЛИ ДИСЦИПЛИНЫ: МЕЩАНЕ-ХУЛИГАНЫ И МЕЩАНЕ- РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ

*Свищет ветер под крутым забором,
Прячется в траву.
Знаю я, что пьяницей и воров
Век свой доживу*

С.Есенин

*Пули, нагайки всюду свистят...
Чу! Слышен снаряда ласкающий звук...
Невиновныя жертвы «насилья» хрипят
В предсмертных конвульсиях невиданных мук...
А там... «Толпы народа» насилье гремят:
Гневно-бурных речей вихрь несётся
И в одобренье им аплодисменты гремят!
В стране ж в это время кровь льётся...
И пули, нагайки нахально свистят...
Ждёт спасенья народ от ареопага
Трибун – ж его? – Говорят, говорят
В роскошном дворце Петро-Града¹*

о ту сторону власти и дисциплины мещанин оказывался по различным причинам. Одна из них – невозможность экономически выдержать налоговый гнёт, всей своей тяжестью направленный именно на основной городской социальный слой. Тогда как большинство мещан выбирали тактику легитимного существования и непротivления обстоятельствам жизни, некоторая их часть устремлялась за границы обжитого локуса в поисках лучшей участи. Но машина власти использовала все возможные способы, чтобы водворять мещан на свои места дисциплинарного пространства и принуждать к выполнению их социальных ролей и обязательств. Городская дума Самары неоднократно в течение 1857 г. просила Уральскую городскую полицию выслать мещанина Лакутина в Самару для уплаты податей². Или Оренбургский земский суд – «взыскать с Самарского мещанина Макара Михайлова проживающего в Оренбургском уезде... занимающегося куз-

нечным мастерством, числящуюся за ним податную и общественную недоимку в количестве 10 р. 29 к. серебром»³. Практичный ум мещанина срабатывал и в том случае, если кто-то из его семьи оказывался за гранью, отделяющей легитимное существование от маргинального, вне закона. Он сразу же спешил внести изменения в ревизские сказки и рекрутские списки, чтобы не платить за выбывшего подати и получить надежду в плане рекрутства. «Сын мой по преступлению согласно решению уголовной палаты сослан в Сибирь на поселение... прошу исключить его из числа наличных душ», – писал в 1854 г. Ефрем Григорьев Пискулин⁴. Аналогичные прошения поступали и от других мещан⁵. Еремей Андреев Марков писал: «Старший мой сын в отлучке уже более пяти лет... вскоре был взят в тюремный замок а из оного куда-то – где неизвестно...»⁶. Привычная жизнь женщин мещанского сословия также нарушалась, если мужья преступали закон, так как полная социальная незащищённость заставляла их следовать за мужем в места наказания, чаще всего в Сибирь. Мещанка Варвара Михайлова Судакова просила мещанское общество разрешить ей следовать за мужем в Сибирь вместе с десятилетним сыном. Мещане постановили: «до 18-летнего возраста отдать ей на воспитание с выдачею паспорта»⁷.

Но в границах провинциального города и сама власть оказывалась порой патриархально близкой и умеющей приспособить пенитенциарную систему к своим собственным интересам и «мещанскому миру». Начальник самарской губернской тюрьмы в начале XX в. открыл в своём «заведении» переплётную мастерскую, исключительно «озабочиваясь занятием арестантов работами»⁸. Продукцию нужно было сбывать, и он написал письмо в мещанскую управу, предлагая присылать им для переплёта все канцелярские книги. Вскоре деятельность начальника тюрьмы расширилась и до столярных работ. В управу поступил рекламный листок, в котором сообщалось, что «приём заказов производится в тюрьме... , включая праздничные дни»⁹.

В этом периферийном пространстве наиболее типичными мещанскими девиациями были пьянство, драки («буйство») и воровство, от которых в первую очередь страдали их однообщест-

ственники. А.Б. Каменский в своём исследовании о повседневности городских обывателей заметил, что в «архаичном типе организации городского общества личность защищена самим фактором включённости в коллектив, воспринимающий покушение на одного как покушение на честь всех»¹⁰. Поэтому самарская мещанка Лукерья Борисова Колинина жаловалась городскому голове на своего деверя: *«деверь мой Иван Ефимов Колинин пришед ко мне в дом в пьяном виде и начал производить буйство и обличать меня скверноматерными словами по неизвестной мне причине, причём в комнате моей выбил стекло. А потому о сём доводя Вашему Степенству и покорнейше прошу деверя моего Ивана Колинина призвать и внушить ему дабы он подобных обид не причинял, которые он в пьяном виде нередко производит а за битое окно о вознаграждении меня сделает своё распоряжение»*¹¹ (Лукерья сама безграмотная, написано с её слов). Самарский мещанин Михаил Павлов Покровский был приговорён обществом в 1855 г. *«за пьянство и неплатёж податей»* на один месяц *«в городские работы»*. Только его выпустили, он снова начал пить. Общество его опять отправило уже на два месяца в городской работный дом¹².

Полиция направляла к мещанскому старосте сведения о дурном поведении мещан города, задержанных полицией или на которых приходили в полицию жалобы. «Негодование жителей» города вызывало поведение братьев Стромилловых, неоднократно задерживаемых полицией в 1852 г. *«за пьянство и буйство»*¹³. 31-летний самарский мещанин Константин Нелидов был препровождён полицией к мещанскому старосте Теплякову, так как постоянно задерживался за пьянство и неплатёж податей¹⁴. Решено было к нему применить исправительную меру¹⁵.

8 сентября 1853 г. *«самарские мещане домохозяева были в собрании»*, чтобы решить судьбу своих «порочных» однообщественников, обвиняемых в кражах, пьянстве и буйстве¹⁶. В 1854 г. мещанское общество Самары определило по приговору *«исправительную меру над мещанином Сергеем Евдокимовым постоянно занимающимся пьянством»*, который *«в отсутствии здравого рассудка делает кроме буйства разные неосмотрительные поступки, действия, влекущие к опасности семейство»*

его и соседей»¹⁷. В качестве «исправительной меры» было принято решение содержать его «в градской части до одного месяца с употреблением в городские работы»¹⁸. От самарского земского начальника пришло в мещанскую управу Самары требование не выдавать письменного вида на жительство для мещанина Андрея Александрова Гуревича до окончания производимого о нём дела по обвинению в проступках, предусмотренных статьями 38 и 44 Устава о наказаниях¹⁹.

Приговоры мещанского общества города о принятии в свою среду вновь тех мещан, которые были «содержимы в местах заключения с лишением прав», подлежали утверждению городской управы по примечанию к 313 ст. XIV т. Устава о предупреждении и пресечении преступлений²⁰.

Отбывших срок в исправительных арестантских отделениях мещан, как правило, вновь принимали в общество. Отношение сообщественников к мещанам-деликвентам было связано, по-видимому, с невыявляемыми субъективными причинами. К одним они были неоправданно строги. Других, наказанных за более тяжкие преступления, с радостью принимали вновь в своё общество. 45-летний И.И. Кривцов был лишён всех особых прав и преимуществ и заключён на один год в тюрьму за составление подложного вида на жительство. Мещане Самары вновь приняли его в своё общество после отбытия заключения²¹. Николай Семёнов Меркулов 2 года 4 месяца отбывал там срок и вернулся под надзор полиции в г. Бузулук. Вновь был причислен в мещанство. Окружным судом он был осуждён по 58 статье Уголовного кодекса. Портрет, данный видом на жительство, лишний раз подчёркивает типичность «маленького человека» Российской империи: православный, рост 2 аршина 5 вершков, лицо чистое, глаза серые, волосы русые, подбородок кругловатый, особых примет нет, мастерства никакого не знает²². Человек – как песок в песочных часах: сослан – возвращён; влился в одну часть империи – вернулся в родной город; согрешил – прощён; ремесла не знает – может работать одновременно и везде, и нигде. Мещанская управа строго следовала букве закона и только по статье 184 о прощении судебных дел выдавала судимым мещанам виды на жительство²³.

Девять самарских мещан были замечены в 1854 г. полицеймейстером «*в буйстве, без занятий и склонности к воровству*»²⁴. Среди них: Степан Кобешев, укравший чай у купца Буреева, а также замеченный в воровстве на волжских судах; Фёдор Усацкий, ограбивший мещанина и купца; Капитон Кривошеев, «пропивающий вещи»; Григорий Чернышёв, «занимающийся шалостями»; Егор Ложетников, обвиняемый в краже лошадей; Тимофей Осокин, судимый за кражу коров; Михаил Юдин, «пропивающий чужие вещи»; Григорий Журавлёв, судимый несколько раз за конокрадство; Макаров, подозреваемый «*в переводе фальшивой монеты*»²⁵. (Как писал И.А. Гончаров в «Обломове», «из преступлений одно, именно: кража гороху, моркови и репы по огородам – было в большом ходу, да однажды вдруг исчезли два поросёнка и курица... А то вообще случайности всякого рода были весьма редки»²⁶.) Все нарушители порядка были отданы «*на поручительство благонадёжным людям*»²⁷. В этом же году «по магистрату» были судимы следующие мещане: Осокин, заключивший брак с несовершеннолетней; Усацкий, судимый за ограбление конной упряжи; Кобешев, за кражу лошади; Муравьёв, за кражу лошадей у крестьян (наказан 40 ударами розг)²⁸, Евдокимов, постоянно занимающийся пьянством²⁹. Все эти мещане были «*приняты обществом под надзор*»³⁰. Мещанин г. Самары Максим Михайлов находился «*в подозрении по делу, в соучастии с исключённым из духовного звания Василием Спиридоновым*», о нападении на избу крестьянина Соловьёва³¹. Мещанское общество Самары неустанно обсуждало поступки мещан «*дурного поведения*» и принимало решение: принимать или изгонять их из своей среды³². Так, например, нужно было решить, принимать ли в свою среду мещанина С.А. Зернова, обманом взявшего с крестьянина 23 руб.³³ Чаще всего под «*дурным поведением*» понималось пьянство³⁴ и «*растрата своего имущества*»³⁵. Мещане часто оказывались виновными в краже лошадей³⁶ и «*принятии краденых вещей*»³⁷.

Сведения о некоторых «буйствах» самарских мещан доходили лично до начальника губернии. В 1855 г. он предписал самарской полиции «*самарского мещанина Петра Сорокина за буйство в доме самарской мещанки Т. Фирсовой подвергнуть исправитель-*

ному наказанию... а прочим мещанам, участвовавшим с ним в буйстве, Ф. Марычеву, А. Суrowsкому (и др.) внушить с подпискою чтобы они от противозаконных поступков воздержались и что за повторение подобных поступков они подвергнуты будут взысканию по всей строгости законов»³⁸. Мещанское общество приговорило Сорокина «как замеченного неоднократно в буйстве и других противозаконных поступках» отправить в рекруты. «Если он окажется негодным для службы, отправить его в Симбирский рабочий дом на 6 месяцев»³⁹. Яков Михайлов Дудинцев принёс жалобу на своего сына Николая, который «занимается пьянством», «ведёт жизнь распутную, не занимается хозяйством, растрачивает... притесняет в пьяном виде жену и малолетних детей наносит отцу оскорбления неблагопристойными словами»⁴⁰. Самарский мещанин Гаврила Михайлов Стромиллов, «взятый за буйство и пьянство», «оказал грубости и дерзости квартальному надзирателю в Самарской части» и «состоит под судом за пролом головы архиерейскому певчому». Гаврила был отправлен в тюремный замок. Но, в принципе, сообщественники уже и не знали, куда его ещё отправить: он уже три раза побывал в Симбирском работном доме за постоянное пьянство и буйство на собраниях мещан⁴¹.

В 1856 г. самарский мещанин Михайла Андреев Дурасов «на первый раз» «за пьянство и мошенничество» был препровождён в «городские работы»⁴². Так же поступили и с Осипом Назариным, «взятым с улицы в пьяном виде ругавшего скверноматерными словами всех мимо идущих и делавшего разные неблагопристойности»⁴³.

Евсей Никитов Саблуков, самарский мещанин, второй раз совершил кражу, после чего сообщественники отправили его в тюремный замок⁴⁴. Порой неизвестно было, кто оказывался на самом деле в худшем положении: пьяница-муж или его жена, которая не имела права без его разрешения или разрешения управы отправиться на заработки. Самарская мещанка Авдотья Никитина жаловалась на своего мужа Назара Петрова Сорокина за то, что он «не доставляет ей средства к содержанию и ведёт нетрезвую жизнь»⁴⁵. Сорокина уже не раз отправляли и в арестантские роты, и в тюрьму. Теперь ему снова предстояло отправиться в тюрьму на

пять с половиной месяцев. И только в этот раз Авдотья получила разрешение от управы *«отлучиться от него на заработки»*⁴⁶. В пользу Федосьи Ионовой Левковой суд решил дело об *«отлучке от мужа для работы»*, так как самарский мещанин Лев Афанасьев вёл *«жизнь нетрезвую»* и *«не доставлял ей средства к содержанию малолетних детей»*⁴⁷.

Аграфену Самойлову обвинили в краже коров. Но Аграфена обвинила в ответ пристава первой части Самарской городской полиции Кричевского и словесного судью Воронцова в вымогательстве. Аграфена согласилась, что да, действительно её два раза задерживали за кражу коров. В первый раз, когда её доставили в часть, пристав Кричевский приказал ей заплатить унтер-офицеру Артапьеву за проданную ему Самойловой краденую корову деньги с тем, чтобы не заводить дела. Во второй раз словесный судья Воронцов велел ей заплатить деньги мещанину Линёву, у которого она украла корову. Кричевский предъявленные ему обвинения отверг. Воронцов же сказал, что он сейчас и не состоит больше на должности словесного судьи. Решено было *«проступки Кричевского и Воронцова оставить без последствий, но строго воспретить последнему, что когда снова будет в должности... не осмеливался вмешиваться в разбор уголовных дел», иначе будет наказан «за превышение власти»*⁴⁸.

Города были не только очагами культуры и прогресса, но и тем местом, где «армии» вчерашних крепостных крестьян пополняли мир обитателей трущоб, «где оставались до конца своих дней, окончательно разлагаясь нравственно и физически»⁴⁹. Изданная в 1916 г. книга, посвящённая истории Всероссийского Александро-Невского братства трезвости, начиналась словами: «Великой рекой разливалось беспросыпное пьянство народа, и гибли в нём святые человеческие души...»⁵⁰. Ночные обходы собирали по городу пьяных мещан, и в случае, если личность их не была установлена, препровождали в мещанскую управу. В 1872 г. таким образом были доставлены мещане: Дмитрий Рогожкин, Ефим Петровский, Александр Порфилов и многие другие. Про некоторых в отчётах писали: *«взяли двух неизвестных человек, одного в пьяном виде, а другого за собирание милостыни, называющихся самарскими мещанами»*⁵¹. Дисциплинарная власть мещан-

ской управы над своими провинившимися однообщественниками порой оказывалась действенной, пьяницы и дебоширы каялись и присили приостановить заведённые на них дела. Самарский мещанин Пётр Стрельцов писал в управу: *«30 минувшего ноября, я бывши в управе в нетрезвом виде, нанёс оскорбление словами члену Грачёву. Сознывая в настоящее время, что подобный поступок с моей стороны в высшей степени безнравственный я приношу Грачёву искреннее в этом раскаянье... имею честь просить управу начатое обо мне дело покончить»*⁵². По требованию Ивана Грачёва действительно был составлен протокол об оскорблении и отправлен в городское полицейское управление, чем и объясняется письменное официальное извинение Стрельцова. Данное извинение удовлетворило оскорблённого Грачёва, и он написал в Управу: *«ныне же я Стрельцова за оскорбление прощаю и наказания подвергать за это не желаю»*⁵³.

В мещанскую управу города препровождали самих провинившихся или их паспорта. Паспорт самарского мещанина Александра Иванова Рогова, представившегося самарскому полицмейстеру агентом пароходных обществ «Кавказ» и «Меркурий», обвинённого в неуплате денег за проезд и *«долг по буфету»*, направили в мещанскую управу⁵⁴. Арестовывались мещане *«за безписьменность»*. В таком случае их *«без оков»* направляли в полицейское управление⁵⁵. Туда же вели за *«неуплату податей и неизвестную отлучку»*, как в случае мещанина Фёдора Сутулова и его жены Аксины Степановой⁵⁶.

По отчёту самарского губернатора за 1876 г. следует, что из различных преступлений больше всего в Самарской губернии было краж, на втором месте – убийства, на третьем – пождоги. Два случая в 1876 г. были связаны с обвинениями в скотоложестве⁵⁷. В 1875 г. в преступлениях разного рода были обвинены по Самарской губернии 161 мужчина и 39 женщин из мещанского сословия, а в 1876 г. – 187 мужчин и 22 женщины⁵⁸. В 1896 г. к суду за различные преступления были привлечены 759 чел. мещан Самарской губернии. И по-прежнему на первом месте в мещанских преступлениях были кражи⁵⁹. В 1901 г. по Самарской губернии к суду были привлечены 956 мещан. Из них в «смертоубийстве» обвинялись один мужчина и одна женщина, в «по-

кушении на смертоубийство» – трое мужчин и две женщины, в изнасиловании – 5 мужчин, в покушении на изнасилование – 5 мужчин, в кровосмешении – 1 мужчина, в грабеже – 19 мужчин и 9 женщин, в простой краже – 267 мужчин и 50 женщин, в краже со взломом – 99 мужчин и 4 женщины, в конокрадстве – 38 мужчин и 1 женщина, в покушении на кражу – 24 мужчины и 1 женщина, в подлоге – 2 мужчин, в мошенничестве – 10 мужчин и 1 женщина, в присвоении чужой собственности – 5 мужчин и 2 женщины, в подделке и сбыте фальшивых денег – 1 мужчина и 1 женщина, в нарушении питейного устава – 4 мужчины и 3 женщины, в поджогах – 10 мужчин, в нанесении увечий и тяжких побоев – 33 мужчины и 3 женщины, в оскорблении должностных лиц – 8 мужчин, в сопротивлении власти – 84 мужчины и 4 женщины, в нарушении строительного устава – 11 мужчин и 1 женщина, в нарушении устава о паспортах – 109 мужчин, в неосторожном обращении с огнём – 25 мужчин и 5 женщин и в побеге из Сибири и тюрем – 2 мужчин⁶⁰.

Мещанские общества не всегда принимали обратно в свою среду мещан, нарушивших закон. В одном из решений мещанского общества был обозначен круг таких отвергнутых нарушителей порядка: *«Матвея Алексеева (осуждённого) за приобретение заведомо краденых часов, ... Раневского... за приобретение заведомо краденой лошади, телеги и прочей сбору на сумму свыше 30 руб.... а также за приобретение просроченных видов и за хождение по улицам и повсюду с закуренной трубкою или же сигарою и папиросою...»*⁶¹. Но выявить их мотивацию в выборе тех, кого принять, а кого не принимать, достаточно сложно. Иногда случались ситуации, что из двоих, осуждённых за одно и то же преступление, одного принимали обратно, другого – нет. Вполне возможно, что в ход шли дружественные, семейные, соседские связи. Если, к примеру, Степан Сидоров, судимый за грабёж, не был принят обратно в мещанское общество, в то время как поделщик его Грачёв оказался принятым мещанами, мать Сидорова написала прошение в мещанское общество, и мещане отреагировали положительно: *«...желаем принять в среду свою, тем более, что он ещё в молодых летах, то есть в возрасте, который даёт возможность верить в буду-*

щее его исправление нравственности и доставление семейству прокормлений. Почему просим правительство, если Сидоров куда либо им сослан, возвратить его, и означенный выше приговор уничтожить»⁶².

О краже своих вещей написал заявление в Самарское городское полицейское управление бывший рядовой, причисленный в самарское мещанство: *«Находясь я на вольной службе в гостинице у Лазарева напротив Александровского сада, где 4 числа сего августа месяца вечером в часов 8 пропало: у меня сертук летнего трека в кармане сертука находилось моё свидетельство о признании меня в неспособности к личному труду выданное мне из Тихвинского Его Высочества Алексея Александровича полка которое по тщательному моему розыску нигде не найдены... сюртук пропал из кухни где мною был положен на кровать под подушку сам я находился в гостинице по приходу на кухню – увидел что покрывало было отброшено Я полагал что это сын хозяина 8 лет, который постоянно на кровати моей играет, тут увидел, что под подушкой нет сюртука...»⁶³.* Полицейское дознание так и не установило, кто украл сюртук.

Разыскивался полицией в 80-е гг. XIX в. самарский мещанин Андрей Тарханов, обвиняемый в краже сапог у ремонтного рабочего железной дороги⁶⁴.

«От сумы и от тюрьмы не зарекайся», – гласит народная мудрость. Так и с самарским мещанином Василием Ивановым Дьячковым произошла такая история, из-за которой его собирались отправить в тюрьму. Об этой ситуации мы узнаём из его Прошения о помощи к самарскому городскому голове Михаилу Назарову: «Дозвольте Ваше Высокопревосходительство объяснить Вам мои бедственные и неожиданные последствия. Казанский земский исправник через отношение своё просит Самарскую городскую полицию выслать меня посредством внутренней стражи к Приставу 1го Стана Казанского уезда, для каких то очных ставок с Смотрителем запасного магазина Рахметулиным по делу о выдаче им хлеба из магазина обывателям чурилинского общества Где я находился сельским писарем Хотя действительно находился я в Чурилинском обществе сельским писарем но в отношении выдачи из магазина хлеба я никакого участия не

имел, а таковое производилось через объявленного смотрителем Рахметулина, но на каком основании и кому именно я совершенно не знаю чему прошло времени уже 6 лет... во избежание ответственности смотритель придумал таковую навлечь на меня и вероятно по его же ходатайству что бы было удобнее сделать в его пользу придумано вытребовать меня туда...»⁶⁹. И вот маленький человек, мещанин Самары обращается за защитой к власти своего города. А в конце прошения просит разрешения, если власти города его не защитят, «отправиться на наёмных подводах» в Казань, чтобы его не позорили «по этапу». И добавляет: «уж если по другому нельзя я обязуюсь отправиться на наёмных подводах непременно»...⁷⁰

Из Наряда Самарской мещанской управы о судимости мещан г. Самары по решениям мировых судей в 1887 году видно, что основным преступлением, за которое привлекались мещане к суду, была кража⁷¹. Даже за «покушение на кражу», как в случае с мещанкой Екатериной Диковой, можно было попасть в тюрьму на полтора месяца⁷². Такой ходовой товар по самарскому бездорожью, как калоши, также становился объектом краж. 17-летний самарский мещанин Павел Лукин утащил калоши у казанского мещанина Степана Иванова, за что попал на шесть недель в тюрьму⁷³. Мещанин Константин Коннехов попал в тюрьму на три месяца «за растрату тулуна у крестьянина»⁷⁴. На четыре месяца отправился в тюрьму самарский мещанин Иван Сизов за «присвоение денег у рядового»⁷⁵. Даже за кражу уток, как в случае с Феофанов Яшиным, можно было оказаться в тюрьме на три месяца⁷⁶. «Мошенничество» грозило тюремным сроком в шесть месяцев⁷⁷. А уж за оскорбление действием полицейского чиновника можно было отправиться в тюрьму на один год, как и произошло с 34-летним мещанином Петром Богомоловым⁷⁸. Матвей Андреев утащил бельё, сушившееся на верёвке у солдатки, за что был наказан на десять месяцев тюремного заключения⁷⁹. А Кирилл Сорокин отправился туда же на четыре месяца за кражу шали у мещанки Клюквиной. Женщины-воровки не отставали от мужчин: Ольга Богомолова и Анна Курочкина были отправлены в тюрьму на три месяца за кражу белья⁸⁰. Отставной рядовой, численный в самарское мещанство, попал в тюрьму на три месяца

за кражу гаечных ключей в депо Оренбургской железной дороги⁸¹. Попадали в тюрьму мещане за укрывательство краденого⁸², за кражу лошадей⁸³, «за *растрату пальто*»⁸⁴. Были и девиации среди мещан, в определённой степени вызванные нищетой, как, например, порубка леса на городских выгонных землях. За порубку леса мещанину выписали штраф в 5 руб. 66 коп. Такую сумму уплатить он не мог. И был отправлен «на работы» в Красный Яр⁸⁵. Воровали мещане сапоги, столярные инструменты, часы – то есть вещи первой необходимости в их быту⁸⁶. Но иногда тянуло и на роскошь. Мещанка Пелагея Степанова попала в тюрьму на месяц за кражу шубки у дворянки⁸⁷. Но это скорее исключение. На четыре месяца попал в тюрьму мещанин Самары за кражу пудовой гири у купца⁸⁸. Кража кулей с гирями вообще была достаточно распространена в городе⁸⁹. Мещанин Никита Васильев был отдан под суд за то, что украл пальто у учительницы Рыбкиной⁹⁰.

Характерно выражение, принятое в сословном делопроизводстве в отношении тех мещан, чья вина хотя и не была доказана, но, как гласит народная мудрость, «дыма без огня не бывает». Про таких писали: «*оставить в сильном подозрении*»⁹¹. Сословный дисциплинарный самоконтроль был частью имперского паноптизма. Если «проказа породила ритуалы исключения... то чума породила дисциплинарные схемы»⁹². «Прокажённого вовлекают в практику отвержения и изгнания – отгораживания; он предоставляется собственной судьбе»⁹³. Но для «отгораживания» в условиях маленького провинциального города не хватало мест наказания. В Самаре, как уже отмечалось выше, не было работного дома, а тюрьма была переполнена более «достойными» персонажами. Поэтому сословные девианты обозначались «табличкой»: под подозрением. Если такой мещанин не рвался к занятию общественных должностей, такой статус ему ничем не грозил. Так как главная социальная функция его сводилась к исполнению «копилки» податного старосты, мещанского общества, государства. А от «порочных» был сплошной расход. В 1864 г. мещанская управа Самары истратила на «издержки по исправлению порочных мещан» 124 руб.⁹⁴

В 1896 г. по отчёту самарского губернатора видно, что к суду были привлечены 632 мещанина⁹⁵.

В 1902 г., как видно из Справки и переписки о судимости мещан г. Самары, в качестве основной девиации по-прежнему оставалась кража⁹⁶. Наряд о судимости мещан г. Самары в мещанскую управу за 1903 г. также подтверждает тот факт, что основным видом сословного преступления против закона оставалась кража, за которую получали срок от 10 дней до одного года, и, как правило, это были достаточно молодые люди, около 20 лет⁹⁷. Имена попавших в этот список самарских мещан звучат порой весьма витиевато: за укрывательство краденого в тюремный замок на один год был отправлен мещанин Флегонт Михайлов Маслов, а его жена Ирина Варфоломеева Маслова – на шесть месяцев⁹⁸. Порой самарские мещане попадали в тюрьму и далеко за пределами родного города. Так самарский мещанин, запасной старший писарь Николай Кузнецов был отправлен по решению Ташкентского окружного суда в тюрьму на восемь месяцев *«за оскорбление действием туркестанского участкового пристава и полицейских джигитов»*⁹⁹. Срок в восемь месяцев для него сложился из нескольких наказаний: за *«джигитов»* – 3 месяца, за *«оскорбление словами почтово-телеграфных чиновников»* – на 2 месяца, потом в обвинении в отношении почтово-телеграфных служащих его посчитали оправданным, но осталось неясным, почему срок увеличился¹⁰⁰.

По Наряду уведомлений о судимости мещан г. Самары за 1905 г. большинство по-прежнему были судимы за кражу, срок заключения в тюрьму за это варьировался от 10 дней до 3 лет¹⁰¹. Средний возраст нарушителей был 19 лет¹⁰². Подобная ситуация сохранялась и в 1909¹⁰³.

По сведениям о преступлениях по первому участку в г. Самаре за 1907 год, больше всего преступлений (177) – кражи, (47) оказываются связанными с похищением чужого имущества, далее – убийства (25), далее – преступления против порядка управления (22), потом идут – против телесной неприкосновенности (17), подлоги (14), оскорбление чести (12), нарушение правил благоустройства (9), против женской чести (5), по религии (4), служебные (3), истребление имущества (3), против брачного союза (2), против печати (1) и нарушение уставов казённых управлений (1)¹⁰⁴.

В материалах дела о мещанине Петре Заяшникове за 1908 г. не указывается, каким начальником он являлся, но показателем приговор суда в его отношении: «за нанесение удара рядовому Худякову и **превышение власти**, имевшее важное последствие, осуждён в исправительные арестантские отделения на 2 года»¹⁰⁵.

За 1910 г. 1541 мещанин обвинялся по делам, рассматриваемым Самарским и Саратовским окружными судами¹⁰⁶. На первом месте среди преступлений по-прежнему стояла кража (2342 дела), на втором – преступления против телесной неприкосновенности (542), на третьем – поджоги (516). Далее следовали: оскорбления чести, убийства, насильственное похищение чужого имущества, преступления против женской чести, подлоги, служебные преступления, преступления против законов о воинской повинности, стачки, самоубийства, оскорбления словами высочайших особ (из 25 обвиняемых – 2 мещанина), нанесение увечий и тяжких побоев (из 802 – 58 мещан)¹⁰⁷. Если рассматривать преступления с точки зрения их соотнесённости с сословным происхождением преступников, то в покушениях на убийство в этом году обвинялись 15 мещан, в проступках против порядка управления – 224, в простой краже – 571 (для сравнения – 3045 крестьян), в краже со взломом – 89, в проступках против народного здоровья – 65¹⁰⁸.

Среди уведомлений в управу о судимости мещан за 1910 г. встречаются и малолетние преступники, которых в качестве наказания отдавали под надзор своих родителей¹⁰⁹.

В 1914 г. двое 11-летних мещан г. Самары в компании с 15-летним сыном титулярного советника «в г. Оренбурге, тайно, с корыстной целью, сговорившись между собой и при взаимном участии, похитили из незапертой квартиры ветеринарного врача... 2 пиджачных костюма, мужской и детский, стоимостью в 50 руб., а сын титулярного советника (Кокурыкин) ещё и похитил из незапертой квартиры мещанина... принадлежавший последнему револьвер системы Смита и Вессона стоимостью 15 руб.»¹¹⁰. В 1916 г. мещанка Морашкина была арестована и препровождена на 2 недели в тюрьму за «оскорбления на словах чина полиции»¹¹¹.

В Самаре, как и в других русских городах, было много нищих. «Различного рода бродяги, живущие подаянием, калики и юродивые считались людьми божьими. Через милостыню обы-

ватель как бы приобщался к великому таинству божественной благодати, ибо был воспитан на заповеди: «Будьте милосердны, как милосерден Отец наш Небесный». Подаянием человек вносил свою посильную лепту в создание атмосферы сострадания и взаимопомощи»¹¹². Быт данной категории населения описан В.А. Гиляровским в очерках «Москва и москвичи»¹¹³. Описание Гиляровским обитателей «Шиповской крепости» в определённой степени созвучно социальному портрету «дна» любого русского дореволюционного города: «...беглые крестьяне, мелкие воры, нищие, сбежавшие от родителей и хозяев дети, ученики и скрывшиеся из малолетнего отделения тюремного замка, затем ... мещане и беспаспортные крестьяне... Всё это развесёлый пьяный народ, ищущий убежища от полиции...»¹¹⁴. В 80-90 е гг. XIX в. в мещанскую управу Самары периодически поступали из полиции списки лиц мещанского сословия, задержанных за нищенство. Из 68 человек одного такого списка – практически нет бездомных. Мещане, задержанные полицией за нищенство, проживали или в чьих-то домах (Сорокина, Цветковой, Щетинина, Чернышёва, Саккулина, Чуркина, Суханова, Плотникова), или в своих собственных, на постоянных дворах, в землянках за полотном железной дороги, в «заведениях»¹¹⁵. Из всего списка к калекам, то есть людям, которые не в состоянии были добывать себе пропитание своим трудом, можно отнести только глухонемую Александру Киселёву, слепого Александра Апилосова, 70-летнюю убогую мещанскую девицу Пелагею Леонтьеву¹¹⁶. Но с точки зрения трудности для женщин – вдов с детьми найти себе работу и средства к жизни, а также детей-сирот, в эту категорию «вынужденных нищих» можно отнести: солдатку Наталью Князеву, солдатского сына Алексея Пантелеева, у которых не было никакого вообще места жительства, «не причисленного ни к какому званию незаконнорождённого сына вдовы штабс ротмистра Луканиды Даниловой Евсеевой Степан»¹¹⁷, солдатку Елену Сычёву и находящихся при ней детей, Марью и Татьяну (у которых в принципе был свой дом), солдаток Евдокию Богомолу и Варвару Бадикову, также имевших собственные дома¹¹⁸. Остальные, по-видимому, занимались нищенством как профессией. Иван Васильев Данилов, взятый под арест за собиранье милостыни, когда на него по-

смотрели в управе, в действительности был больной, старый, не имеющий родственников и средств к существованию человек¹¹⁹. Нищие создавали проблемы городской думе. В частности, в 1893 г. на повестке дня актуальным был вопрос о «бесчинстве ночлежников», которых до назначенного времени не впускали в ночлежный дом¹²⁰.

В начале XX в. в среде мещанства появляются девиации, вызванные военным временем: нарушение законов военного времени и дезертирство. В каторжные работы на 8 лет был отправлен мещанин-часовой, у которого на охраняемом объекте произвели кражу со взломом казённого имущества (к сожалению, такой документ, как наряд уведомлений о судимости, не даёт подробного описания дел)¹²¹. Заметим, что покушение на убийство наказывалось сроком в 1 год¹²². Рядовой Александр Семёнов Алабин (он же Тюрин), из мещан Самары, временным военным судом в Харбине по 128 статье Уголовного уложения за организацию публичного «*порицания*» существующего образа правления, распространение сочинений, призывающих к «*бунтовщическим деяниям*», пропаганду среди войск был лишён воинского звания и сослан на поселение¹²³.

В 1916 г. побег со службы рядового 4 роты 135 пехотного запасного полка мещанина г. Самары повлёк за собой наказание в 10 лет каторги¹²⁴. Так же поступили и со сбежавшим из 130 запасного пехотного полка 19-летним самарским мещанином. Только «*приняв во внимание несовершеннолетие*», дали 4 года каторжных работ¹²⁵. В том же 1916 г. 23-летний самарский мещанин бежал из запасного самарского батальона к своей матери. Прятался там 6 месяцев. После чего был обнаружен, судим военно-полевым судом. Несмотря на то, что это преступление влекло за собой смертную казнь, суд заменил её 10 годами каторжных работ¹²⁶. Дела о таких дезертирах из мещан, не названных в делопроизводстве дезертирами, так как этот термин использовался для другой категории людей, заканчиваются, как правило, наказанием в виде каторжных работ от 6 до 10 лет¹²⁷.

Вторая половина XIX – начало XX вв. «отмечены сильным ростом общественного движения, нередко приобретающего протестную и временами агрессивную и революционную форму»¹²⁸.

В это движение оказались включёнными и мещане провинциальной Самары. Рост протестного движения в пореформенное время Б.Н. Миронов относит к девиантному поведению и объясняет с помощью теорий аномии, социальной дезорганизации и напряжения. По его мнению, Великие реформы 1860-х гг. «породили дезориентацию, так как социальные нормы стали противоречивыми, утратили прежнюю ясность... , прежние устойчивые социальные связи становились противоречивыми и разрушались, вследствие чего социальный контроль над человеком со стороны социальных организаций, таких как сельская община, мещанское, купеческое и дворянское общества, чрезвычайно ослабел, и в обществе появились черты дезориентации... , возникло невиданное прежде по масштабам противоречие, или напряжение, между потребностями людей и реальными возможностями их удовлетворения... Это напряжение со временем увеличивалось по мере роста индивидуализма, личной свободы, гражданских прав, уровня культуры и кругозора»¹²⁹. Девиантность мещанского населения Самары, связанная с политикой, была следствием «прогрессивных социальных изменений в обществе, последствием предоставленной экономической и гражданской свободы огромной массе прежде бесправных людей, результатом развития рыночной экономики и невероятного прежде роста потребностей и ожиданий»¹³⁰. Разгул революционной стихии приводил и к тому, что народ начинал «озоровать», и, как верно заметил в «Климе Самгине» М. Горький, «озоруют у нас от избытка сил»¹³¹. Озорующий мещанин – это, как правило, уличный пьяница-дебошир, повторяющий те антиправительственные лозунги, которые подслушал всё в том же кабаке, это и провинциальные учащиеся, вдохновлённые идеями и лозунгами эгалитаризма. Это и сосланные в Самару под гласный надзор полиции мещане из более промышленно развитых губерний. Наше внимание будет сфокусировано в основном на периоде первой русской революции в связи с переломностью момента. Это было время, когда обыватель включался в революцию. Обыватель 1917 года ментально уже был человеком иного дискурса. Слишком много эсхатологически тревожного, принципиально нового произошло в его повседневной жизни за 10 предреволюционных лет. Если бы не задача проследить постепенное

угасание сословности к 1917 году, данный период можно было бы выделять как самостоятельное исследование эволюции самосознания мещанина, перешагнувшего все «рубежи»: сословный, легитимный и нравственный. Этот мещанин одной ногой стоит в дореволюционной России, другой – в советской. Этот мещанин вовлечён в стихию гражданской войны и примеряет новые социальные маски. Поэтому, несмотря на хронологический период, пролонгированный в нашем исследовании до 1917 г., девиации революционного времени будут в основном сосредоточены на периоде первой русской революции.

«Дисциплина производит подчинённые и упражняемые тела, «послушные» тела» через технику «монотонного» городского пространства, которое «увеличивает силы тела (с точки зрения экономической полезности) и уменьшает те же силы (с точки зрения политического послушания)»¹³². Уже в 1880-е гг. в делопроизводстве мещанской управы Самары появляются дела о мещанах, находившихся под гласным надзором полиции. Чтобы получить «вид на отлучку» из места ссылки, им приходилось обращаться помимо полиции в управу. Если нареканий в адрес сосланного не поступало, по прошествии указанных в наказании лет он вливался в благоспешную самарскую повседневность. Так Павел Романов был сослан в с. Воскресенское на четыре года под надзор полиции. *«Жил по ту сторону Самарки. Занимался казённым своим сапожным мастерством, поведение его было безукоризненное»*¹³³. Полицейский надзор за ним был прекращён. Бывший дворянин А.А. Бозолович, лишённый за политические преступления всех особых прав и преимуществ в конце XIX в. был сослан в Самару. В 1887 г. был освобождён от полицейского надзора. Мещане города причислили его в своё общество¹³⁴. Таких примеров на рубеже XIX–XX вв. было достаточно, особенно после Всемилоштивейшего Манифеста от 15 мая 1883 г. Среда мещанства города за счёт ссыльных представителей высшего российского благородного сословия, высшего воинского начальства, отпрысков семей священнослужителей¹³⁵ и т.д. менялась по составу, а изменения состава, пусть и незначительные, вели за собой неизбежно изменения сословного менталитета, если и не в сторону радикализации взглядов, то к разру-

шению сословной идентичности, основанной на консерватизме городского обывателя.

В Самаре некоторую «опасность» для обывательского мира представляли поляки, сосланные после восстаний 1830-1831 и 1863–1864 гг. В отношении их в мещанскую управу был направлен секретный циркуляр, согласно которому нужно было *«доставить сведения о всех служащих и частно проживающих в Самарской губернии уроженцах Царства Польского и западных губерний... о благонадёжности и образе мыслей и буде он, или кто из его семейства, выказывает явное сочувствие к нынешним польским делам, то объяснить чем оно выражается, например: ношением траура, каких-либо знаков...»*¹³⁶.

Новгородский мещанин Николай Алексеевич Сахаров был выслан в 1898 г. из Нижнего Новгорода в Самару для отбытия в течение двух лет гласного надзора полиции. Он обвинялся в государственном преступлении (государственной измене). Жить ему позволялось только вне столиц, университетских городов и «тех местностей фабричного района, в которых пребывание его будет признано МВД нежелательным»¹³⁷. Кроме того, в качестве «нежелательных» мест его пребывания были обозначены: Нижегородская, Владимирская, Ярославская губернии, Тула, Екатеринославль, Ростов-на-Дону, Николаев, Вильна, Рига. По открытию навигации на Волге 28-летний Николай отправился в ссылку в Самару. С собой он вёз всё своё семейство: жену, дочь нижегородского мещанина Раису Ивановну Иванову, двух дочерей – трёхлетнюю Ольгу и Анну, которой исполнился год. В Саратовской губернии у него остались 50-летняя мать, брат и сестра. Собственных средств к существованию никаких не было. Родители состояния не имели. Ремеслом он не владел. Средства к существованию добывал только письмоводством¹³⁸. Спустя некоторое время в Самару был выслан и его младший брат, работавший в библиотеке Всесословного клуба Нижнего Новгорода¹³⁹. Год семья прожила в Самаре. В 1899 г. Сахаров написал Прошение самарскому губернатору: *«...имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство дать означенному прошению надлежащий ход и, в виду моего крайне стеснённого материального положения, не отказать в содействии...»*¹⁴⁰. Через не-

которое время он вновь пишет прошение губернатору: *«Будучи выслан в г. Самару для отбытия гласного полицейского надзора, по распоряжению Вашего Превосходительства, на 2 года, сроком по 5 ноября 1899 г. и не имея в настоящее время возможности вместе с семейством, состоящем из жены и двоих малолетних детей, никаких собственных средств к существованию, не имея также возможности найти какой-либо частный заработок, обращаюсь к Вашему превосходительству с покорнейшей просьбой разрешить мне занятия канцелярскими работами по вольному найму в правительственных и общественных учреждениях г. Самары, в частности, в Земской и Городской Управе и в Управлении Самаро-Златоустовской железной дороги. В виду того, что вознаграждение за обыкновенную канцелярскую работу в этих учреждениях настолько низко, что... с трудом может обеспечить меня с семейством, имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство разрешить мне также разъезды по губернии для работы по оценке земель, предпринятой Губернским земством, так как этот труд оплачивается значительно выше»*¹⁴¹. От губернатора полицмейстеру г. Самары было направлено секретное поручение, узнать, *«не занимается ли Сахаров ... чем-либо предусудительным и какое его материальное положение»*¹⁴². В ответном рапорте полицмейстера губернатору говорилось, что Сахаров *«ни в чём предусудительном не замечался», «имущества, кроме носильного платья, не имеет»,* в качестве средств к существованию располагает только личным заработком за частные письменные занятия¹⁴³. Губернатор передал просьбу Сахарова господину министру внутренних дел. И, наконец, из МВД пришло разрешение для Сахарова устроиться на работу в управление Самаро-Златоустовской железной дороги¹⁴⁴. И уже спустя некоторое время пришло извещение об освобождении Сахарова от гласного надзора полиции¹⁴⁵. Вышеприведённая ситуация со всей очевидностью иллюстрирует лояльность власти к «маленькому человеку» империи, который «восстал» против власти, был наказан, взмолился о прощении и о снисхождении. И был прощён. Не последнюю роль в изменении жизненной стратегии индивида сыграло то географическое пространство, в которое он был испомещён в наказание.

«Дисциплинарным пространством» явился город, всем своим менталитетом нацеленный на «благоспешность», успешность в области предпринимательства и торговли и обывательские ценности. В этом пространстве самым главным мотивом в жизни Сахарова становится выживание семьи путём трудоустройства и заработка. Униженно попросил – великодушно получил. Но были и другие примеры. 47-летний мещанин г. Маленкова Владимирской губернии Дмитрий Евсеев Фомин был сослан в Самару под гласный надзор полиции в 1898 г. за государственное преступление – хранение «нецензурных книг»¹⁴⁶. Причём сам Дмитрий был малограмотный, получивший только домашнее образование. Он был женат на мещанке Матрёне Ивановой Гавриловой. У него было две дочери, 10 и 8 лет. На высылку был отправлен со всей своей семьёй. Собственных средств к существованию никаких не было. «По мастерству» Фомин был слесарь и машинист. Занимался слесарным мастерством у частных лиц. После смерти его родителей средств никаких не осталось, и жена Матрёна существовала только на случайные заработки мужа. Поэтому, приехав в Самару, семья столкнулась с крайней нуждой, и Фомин вынужден был также писать прошение губернатору Самары, чтобы ему разрешили *«перейти на жительство в Бугурусланский уезд Самарской губернии, на Сергиевские минеральные воды, для поступления на службу при местной Санитарной военно-лечебной станции»*¹⁴⁷. Но пока готовился ответ от властей на Прошение, Фомин самовольно, *«без установленного проходного свидетельства и надлежащего разрешения на перемену места жительства»*¹⁴⁸ уехал в Казань¹⁴⁹. Когда его обнаружили в Казани, Фомин заявил, что поступил так по совету пристава второго стана. Из канцелярии самарского губернатора отправили запрос уездному исправнику с требованием объяснений от пристава Давыдова. В секретном рапорте Давылов писал: *«честь имею донести, что мещанину Дмитрию Фомину советов мною никаких даваемо не было...»*¹⁵⁰. Конца у этой истории по архивным документам нет. Мы можем только наблюдать картину резкого изменения места жительства у мещанина и вытекающее из этого обстоятельства бедственное положение семьи. Детей и жену кормить нужно было каждый день. Устро-

иться на работу в Самаре он не смог. Ждать ответа от властей не было времени. Фомин самовольно покидает место ссылки, тем самым, вероятно, продлив себе срок наказания. Вечно ищущий правды русский мужик, приобщившись к запрещённой литературе, фатально нарушил устоявшуюся семейную жизнь, обрёк своё семейство ещё на большие лишения.

Более типичен с возрастной и образовательной точек зрения для персонажа революционного подполья мещанин Василий Васильевич Солдатов, сосланный в Самару в 1898 г. за «государственное преступление». До этого он 6 месяцев провёл в Арзамасском тюремном замке. Василию было 22 года. Перед ссылкой в Самару он учился в Казанском земледельческом училище. Из родных у него были только брат 30 лет, который проживал в Самаре и работал учителем в первом городском четырёхклассном училище, и старуха-мать. На средства брата Василий и обучался в Казани и вообще жил. В Самаре он написал прошение на имя губернатора о разрешении поступить на общественную службу по вольному найму¹⁵¹. Прошло некоторое время. Ответа от губернатора не поступило. Василий настойчиво пишет новое прошение: «...на днях мне представляется возможность занять должность помощника Губернского агронома при Губернской земской управе»¹⁵², «прошу ускорить ответом»¹⁵³. Выяснилось, что Солдатову разрешили канцелярские работы по вольному найму в общественных и частных учреждениях за исключением статистических¹⁵⁴, но до него это сообщение по неизвестным причинам не дошло. Но позднее из департамента полиции Петербурга пришло сообщение, что «так как должность помощника агронома связана с разъездами по губернии, запретить»¹⁵⁵. Шло время. Василий Васильевич Солдатов обосновался в Самаре в доме № 30 по Успенской улице, женился, перевёз к себе мать. И вновь написал прошение губернатору: «В настоящее время я отбываю срок моего наказания двухлетнего гласного надзора в г. Самаре и уже отбыл его в течении полутора года. Здесь я занимал должность писца в Губернской земской управе, где служит также моя жена, наш совместный заработок даёт нам с женой и больной старухой-матерью возможность жить без особой нужды, но в скором времени положение это должно измениться к худшему, так как у нас будет скоро ребёнок и жене при-

дётся бросить службу: жить только на мой заработок нам будет трудно и мы будем поставлены в крайне затруднительное положение... В настоящее время мне представляется возможность занять место заведующего конторой имени А.Н. Шалашникова при с. Исаклах, Бугурусланского уезда. Эта должность, при готовом содержании и квартире, оплачивается настолько хорошо, что я с моей семьёй был бы вполне обеспечен в материальном отношении, можно сказать, на всю жизнь»¹⁵⁶. По содержанию это письмо свидетельствует, что в диалог с властью вступил не революционер, а обыватель, заботящийся о «хлебе насущном». Пространство Самары «поглотило» мещанина-революционера и породило мещанина-обывателя. Губернатор Самары, учитывая положение Солдатова, разрешил уехать в с. Исаклы и пожить там два месяца до получения официального разрешения из МВД¹⁵⁷. Через два месяца разрешение из МВД так и не пришло. Тогда Солдатов вновь пишет прошение губернатору о том, что его ребёнку только ещё два месяца и не разрешит ли губернатор остаться на больший срок до получения известий из МВД. Губернатор вновь пошёл навстречу. И, наконец, пришло разрешение из Санкт-Петербурга¹⁵⁸. Таким образом, «лицо» власти и в этом случае обращено к человеку. Губернатор фактически нарушает правило и идёт навстречу просьбе человека, который за бунт против власти был наказан, и которому, в принципе, некого винить в сложных жизненных обстоятельствах, кроме себя самого.

В Самару под гласный надзор полиции в 1898 г. был сослан зубной врач Гирша Абрамович Голландский. В результате обыска на его квартире была обнаружена «воспрещённая к обращению в России брошюра *«Русский рабочий в революционном движении»* г. Плеханова, изд. Женевской типографии «Социал Демократия» 1892 г.»¹⁵⁹. В результате дознания выяснилось, что книга принадлежала и была найдена не у самого Гирши Абрамовича, а у его бывшего квартиранта оренбургского казака Александра Кузьмина Маслова. Но Голландский был заключён в тюрьму¹⁶⁰.

В 1898 г. в Самару под гласный надзор полиции был отправлен на два года 25-летний мещанин из Ярославля Николай Семёнович Кондратьев. Он работал фельдшером на одной из фабрик Иваново-Вознесенска. В Самаре ничем не занимался.

Средств к жизни никаких не имел, только получал пособие от казны. Из родственников имел 57-летнего отца и сестёр. Сам был холост. В таком положении, вырванный из привычной жизни в нищету чужого города, он также написал прошение губернатору Самары, в котором просил разрешить ему канцелярские работы по вольному найму в казённых и общественных учреждениях без права разъездов¹⁶¹. По приказу губернатора было проведено полицейское дознание о том, как себя ведёт Кондратьев¹⁶². Выяснилось, что ни в чём предосудительном он не был замечен. Но при более подробном расследовании оказалось, что Кондратьев хотел поступить на службу в статистическое бюро Самарской губернской земской управы или Управление Самаро-Златоустовской железной дороги. Всё, что касалось возможности для ссыльных служить в статистических учреждениях, «не подлежало удовлетворению». Кондратьеву было отказано.

В 1898 г. на имя директора департамента полиции г. Самары поступило прошение от мещанина Павла Александрова Зиссера. Он писал: *«Ваше высокопревосходительство! Несколько недель назад я обращался к Вам с просьбой о разрешении мне выезда в пределы Персии, где мне предлагали место, но получил отказ – в настоящее время я вновь решаюсь беспокоить Вас всепокорнейшею просьбой по нижеследующему поводу: по приезде в Самару, в апреле месяце настоящего года, я, больше месяца тщетно искал себе какого бы то ни было Занятия и только с 1 июня получил место конторщика в коммерческой службе Самаро-Златоустовской железной дороги, с жалованием 30 руб. в месяц, что при моём семействе (жена и трое детей) дало мне возможность очень незавидного существования. Но вот 10 или 11 августа Заведующий Самарского отделения железнодорожного полицейского управления потребовал моего увольнения и с 15 числа этого месяца я вновь остался без заработка и следовательно, без средств к жизни. Не видя за собой никакой вины, которую я заслужил бы такое наказание, как лишение возможности зарабатывать кусок хлеба для себя и детей, я обращаюсь с просьбой к Вашему Высокопревосходительству с всепокорнейшей просьбой о разрешении мне заниматься в Управлении Самаро-Златоустовской железной дороги,*

так как кроме личного труда, никаких, буквально, средств к жизни у меня нет и несмотря на все мои старания другого занятия в Самаре я найти не мог»¹⁶³. По данному прошению было проведено дознание. Выяснилось, что Зиссер был привлечён Санкт-Петербургским жандармским управлением к дознанию по обвинению в государственном преступлении и в результате отправлен в Самару под «особый надзор полиции». В Самару он приехал с женой и тремя детьми – двух, пяти и семи лет. Никаких средств к жизни, кроме носильного платья, не имеет. Но несмотря на это, в возможности работать в управлении Самаро-Златоустовской железной дороги ему было отказано¹⁶⁴.

Таким образом, дисциплинарный ненавязчивый контроль через призму комплексно организованного пространства («организуя «кегли», «места» и «ранги», дисциплина создаёт комплексные пространства: одновременно архитектурные, функциональные и иерархические»¹⁶⁵) выработывал общий *жест* в виде уничижительной формулы обращения к власти с просьбой разрешить устройство на работу, которая обеспечила бы возможность существования в пространстве данного города, ««обсерватории» человеческих множеств».

Анализируя проблему участия мещан в партийной борьбе, отправным может явиться тезис В.В. Шелохаева о том, что «русские партии «прорастали» не «снизу», а насаждались интеллигенцией «сверху». Разрабатываемые ею разновекторные идеологии и программы носили, как правило, абстрактно-теоретический характер и были слабо синхронизированы как с общественными потребностями развития страны вообще, так и с интересами различных классов, социальных страт и профессиональных групп в частности»¹⁶⁶. Следовательно, рассматривая те или иные проявления политических девиаций в среде мещанства, мы сознательно устранимся от дискурса партийной идеологии и структуры, так как «политические партии России сравнительно слабо были связаны не только с соответствующими классами и социальными группами, но и с избирателями вообще, которые, как правило, в подавляющем большинстве были общественно инфантильными и политически инертными»¹⁶⁷. Такая ситуация позволяет рассматривать те или иные тексты поведения мещанства не столько как

пример политической борьбы, сколько как всеобщую разнузданность революционной эпохи, беспорядок или девиацию и высвобождение авантюрного духа. С другой стороны, профессиональные интересы, сформулированные мещанством в форме тех или иных политических требований, свидетельствуют в первую очередь о модернизации города через профессионализацию.

Что касается проблемы сословного состава политических партий России в революционный период, то во многих исследованиях советского периода мещанство не было зафиксировано вообще, частично включённое, по-видимому, в состав рабочего класса. Так, в сборнике статей «Политические партии России в период революции 1905-1907 гг. Количественный анализ» сословный состав указывается в отношении кадетской, октябристской и черносотенной партий. Что касается РСДРП и эсеров, то стратификация социального состава дана по классовому принципу¹⁶⁸. В отношении РСДРП А.И. Уткин отмечает, что «в 1895-1896 гг. рабочих было 51,6%,... К началу 1905 г. в рядах РСДРП было 61,7% рабочих, 4,7% крестьян и 33,6% служащих и представителей революционной интеллигенции»¹⁶⁹. По аналогичным критериям определяется М.И. Леоновым социальный состав партии эсеров. Он пишет, что из 21752 членов 21 губернской организации в 1906 – начале 1907 гг. было 43,2% рабочих, 45,2% крестьян (вместе с солдатами), 11,6% интеллигентов (включая учащихся)¹⁷⁰. В более расширенном анализе состава центральных органов партии эсеров сословие мещан также не упоминается, хотя упомянуты дворяне, торговцы, служащие, служители культа, интеллигенты, купцы, рабочие и крестьяне¹⁷¹. Сама сословная категория «мещанин» упоминается М.И. Леоновым при характеристике социального состава руководящих органов партии эсеров, вынесенной в приложения (3 представителя мещанского сословия)¹⁷². Что касается кадетской партии, при анализе её социального состава В.В. Шелохаев упоминает мещан среди прочих категорий (рабочие, крестьяне, ремесленники, приказчики, торговцы, купцы, служащие земских и городских учреждений, чиновники, интеллигенты, лица интеллигентных профессий, студенты, землевладельцы, домовладельцы, владельцы фабрик, священники)¹⁷³. Частично, по-видимому, ме-

щанство подразумевается, когда речь идёт о «мелкой городской буржуазии», так как в эту категорию В.В. Шелохаев включает ремесленников, кустарей, владельцев средних и мелких торговых заведений и контор¹⁷⁴. Мещане упоминаются В.В. Шелохаевым в составе партии октябристов¹⁷⁵. Категория «мещанство» учитывается С.А. Степановым при анализе социального состава черносотенных союзов и организаций¹⁷⁶. В целом следует отметить, что общих сведений по России и по губерниям в отношении сословного состава партий не приводится. Исходя из материалов фонда Самарского жандармского управления, складывается впечатление, что мещанство было достаточно активно если и не в партийной борьбе, то в общем околопартийном брожении, в частности связанном с партией эсеров. По подсчётам М.И. Леонова, в Самарской губернии в годы первой русской революции в партии эсеров состояло 1100-1200 чел.¹⁷⁷ Эсеровскую печать в губернии представлял «Самарский курьер»¹⁷⁸.

Эсеры были весьма популярны среди городской молодёжи. Одна мещанско-эсеровская история произошла в мае 1907 г. в уездном городке Николаевске Самарской губернии.* Местом действия был Бульвар.* Все идеи, которым суждено было получить свою реализацию, драматичную для главного героя и незаметную в масштабах революционной России, террористической России, эсеровской России, созревали в головах 19-летних провинциальных юношей* именно там, на Бульваре уездного города Н. Т. Ланина в предисловии к книге «Приключения Тома Сойера» М. Твена 1954 г. издания писала: «Том Сойер жил с тётей Поли и младшим братом Сидом в Сент-Петербурге – захолустном городишке на берегу многоводной реки Миссисипи. Сид был «примерным» мальчиком – послушным тихоней и ябедой. Он жил скучной и пустой жизнью «по правилам». Ему были вполне по душе и школа, и вся жизнь городка. А Том был совсем другим. Тому был тесен душный мир ребёнка из благонаправленной мещанской семьи».¹⁸² Как бы ни хотелось присоединиться к современному историографическому крену в сторону «реабилитации мещанского сословия», всё было именно так, как понимала ситуацию провинциального Сент-Петербурга советский литературовед. В провинциальном Николаевске – «захолустном го-

родишке на берегу реки Большой Иргиз», среди благонаправленного мещанского размеренного жития в головах учеников городского мужского училища зрели романтические мысли о жизни, полной приключений, риска, опасностей во имя справедливости. Жили эти мальчишки в переходную эпоху. Формирование их происходило во время «сакрализации революции»,¹⁸³ когда «влечение к девиантному поведению, разрушению, свойственное русским социалистам»,¹⁸⁴ распространилось и на часть обывательской провинциальной среды. Мальчишки (а в 18-19 лет они ещё оставались мальчишками), в силу возрастных особенностей особо податливые внешним воздействиям, вбирали в себя романтику революционного террора, разрушавшую банальность повседневного существования, оказывавшуюся для них «миром идеальных отношений и идеальных людей»¹⁸⁵, и готовились во имя всего этого совершить убийство помощника исправника. Классическая радикальная мифология докатилась до провинциального Николаевска с некоторым опозданием. М. Магильнер отмечает в своём исследовании «Мифология «Подпольного человека», что «даже формально будучи вне подпольной России, вращаясь где-то на её периферии, он (читатель радикальной литературы. – *Прим. авт.*) морально принадлежал ей».¹⁸⁶ В 1907 г. в «Русском богатстве» появляется рассказ А. Деренталя «В тёмную ночь», в котором «из уст прежнего героя» звучат «невозможные ранее слова: «Ведь пойми: я же не в берёзу буду стрелять, а в человека, который ест, пьёт, ходит, разговаривает, думает о чём-нибудь!»¹⁸⁷ Литературная традиция выводит в этом же году новый тип героя, отказывающегося от убийства (в рассказах «Карантин» А. Грина, «Дело» Вл. Ленского и др.)¹⁸⁸. Террористические организации были частью партии эсеров. Террору отводилась особая роль в повышении революционного настроения масс, приобщении их к политической деятельности на примере самопожертвования героя¹⁸⁹. Террористический акт – убийство или покушение на убийство для достижения определённых политических целей – нуждался в ясно выраженной и мобилизующей нравственной мотивации, основой которой могла быть убеждённость в бесчеловечности данного политического устройства и действий властей¹⁹⁰. М.И. Леонов отмечает, что в партии эсеров на протяжении революции 1905-

1907 г. позиция партийного руководства в отношении террора не оставалась неизменной. Трижды ЦК принимал решение о прекращении террора. Но несмотря на это, на местах террор продолжался¹⁹¹. За 1907 г. было произведено эсерами 68 (71; 81) покушений¹⁹². М.И. Леонов пишет о том, что эсеровский террор не был одноплановым.¹⁹³ Он разрушал нравственные устои, инициировал «террористический ажиотаж», жертвами которого стали тысячи человек. Террор несовместим с основополагающими заповедями человеческой жизни. Грань между политически мотивированными убийствами, «экспроприациями» и уголовными преступлениями зачастую была размыта¹⁹⁴. Николаевская группа эсеров была образована в 1906 г.¹⁹⁵ В Самарской губернии эсеровский террор на протяжении 1906-1907 гг. выглядел следующим образом: 19 января 1906 г. в Самаре был убит жандармский полковник Бобров; 21 июля 1906 г. эсером Фроловым убит губернатор Блок¹⁹⁶. После 1907 г. происходит «охлаждение либерального общества к революционерам вообще и к террору в особенности», «измельчание террора»¹⁹⁷. Когда в эпицентре революционного подполья формулируется мысль об отказе от убийства, на периферии сочувствующие революции мальчики психологически оказываются готовыми к убийству. На уровне массового сознания революционная мифология создавала свои собственные интерпретации в провинциальной среде, снижая градус выразительности, как акторов, так и их действий: городское училище, мещанство, смутная мотивация, алкогольная поддержка, несостоявшееся убийство. Но всё это не снимает трагедийности происшедшего события и его последствий для юноши-обывателя, подкарауленного Революцией.

14 мая 1907 г. в восемь с половиной часов вечера ученик 3 класса Николаевского городского училища Захар Евтихийевич Ярыгин произвёл два выстрела в упор из пятизарядного револьвера системы «бульдог» в помощника исправника Трофимова. Два раза револьвер дал осечку. После чего Ярыгин протянул револьвер помощнику исправника со словами: «**Вот, возьмите револьвер, мне он больше не нужен**»¹⁹⁸. Ярыгин был схвачен, обезоружен и доставлен в жандармское управление Трофимовым и городовым Заграничным. Ночью Ярыгин от объяснений от-

казался. Утром 15 мая, на допросе он заявил, что хотел убить Трофимова по распоряжению революционного комитета за жестокое обращение со служащими и жителями. Проведение дознания по данному делу было поручено подполковнику Энгельгардту¹⁹⁹. Из жандармского управления Самары в Николаевск была отправлена срочная телеграмма о необходимости принятия самых энергичных мер по незамедлительному выяснению обстоятельств дела и ликвидации сношений Ярыгина с лицами, «прикосновенными к совершённом акту»²⁰⁰. С этого момента «игра» закончилась: заработала машина государственного возмездия, унёсшая Захара Ярыгина из своего привычного мира в неизвестность (в фондах ЦГАСО не удалось проследить дальнейшую судьбу героя данной статьи).

События, предшествовавшие покушению на убийство, разворачивались следующим образом. На последних днях Пасхи из Саратова в Николаевск приехали двое молодых людей: один тонкий, высокий, в веснушках, в лакированных сапогах, другой – среднего роста. Оба были хорошо одеты и носили фуражки²⁰¹. Следует отметить, что сигналетика одежды играет особую роль в восприятии событий представителями мещанского сословия. Во многих архивных делах, касающихся мещан, герои как бы вскользь замечают, кто хорошо или плохо был одет.* Одежда в российской ментальности вообще является одной из дискретных характеристик личности на уровне древнейшей бинарной оппозиции «свой – чужой». Для мещанства, специфичной в силу своей сословной размытости социальной страты, одежда была особо значима, так как определяла статус (богатый – бедный), локус (город – деревня) и культурную идентичность (образованный («студент») – необразованный). То, что современному исследователю кажется сочетанием в городском костюме элементов крестьянской и модной готовой одежды (пиджачные пары с косоворотками, сапогами и фуражками; «баскиньи» с «бараньим окороком» и платки, повязанные по-крестьянски), на самом деле представляло сложную систему символов повседневного, каждодневного, своего рода герменевтического анализа с целью узнавания и определения места в социальной жизни города или села. Двух

молодых людей из Саратова Ярыгин встречает на Бульваре. Впоследствии часто меняя показания, на одном из допросов Ярыгин заявил, что молодые люди состоят в боевой дружине и приехали в Николаевск с целью убийства двух представителей власти, исправника Архангельского и председателя Николаевского отдела Союза русского народа Дублянского²⁰³. За неделю до 14 мая на Бульваре встречаются Ярыгин, Геранин, Понамарёв и Долматов. Ярыгин – мещанин г. Николаевска, 19 лет, русский, ученик 3 класса Николаевского училища, холост, жил на средства братьев, отец и мать работали на николаевской мельнице, одна из сестёр служила на винном складе, другая – монахиня. Константин Понамарёв – 19 лет, мещанин, холост, зарабатывал на жизнь уроками математики и русского языка, образование – Николаевское городское училище. Моисей Геранин – крестьянин, 18 лет, проживал в Николаевске, работая счетоводом в земской управе, холост. Дмитрий Долматов – крестьянин, проживал в Николаевске на средства отца, писца Николаевской земской управы, и брата, учителя приходского училища, холост. Все действующие лица за границей не были и к суду не привлекались.²⁰⁴ Из контекста дела (чёткого указания на это нет) можно предположить, что все они принадлежали к партии эсеров. Следует отметить, что в конце 1906 – начале 1907 г. в партии эсеров было чуть более 65 тыс. человек. Значительную часть составляли «попутчики», «пассивные», те, кто не принимал активного участия в партийных делах. Критерии членства были весьма расплывчаты²⁰⁵. Огромную роль играла учащаяся молодёжь²⁰⁶. На Бульваре Моисей Геранин объявил Захару Ярыгину, что тот должен убить помощника исправника потому что принадлежит к партии эсеров и не имеет права отказываться от возложенного на него дела, если вздумает отказаться, то выйдет из партии. Ярыгин согласился²⁰⁷. Понамарёв же стал убеждать Ярыгина, что он сделает благо для народа, убив Трофимова, и рассказал случай, произошедший в деревне Давыдовке. «Случай в Давыдовке», на наш взгляд, является типичным примером радикального мифотворчества, иллюстрирующего «когнитивную карту» определённой социальной общности, в данном случае периферийный круг сочувствующих

щих революции. В структуре «картины мира» миф выступает как последовательность реальных действий, запрограммированных для воплощения в действительность: «...Образы, в которых живёт миф, никогда не воспринимаются как образы. Они считаются не символами, а действительностью»²⁰⁸. Данный рассказ нацелен на конкретную реакцию, априори прогнозируемую у впечатлительного молодого человека, подготовленного литературным дискурсом подпольного текста, в течение уже нескольких десятилетий бытовавшего в среде образованной части российского общества. Да и вся культура русского социально заострённого реализма была той почвой, на которой произрастал миф о зле, которое нужно искоренить.

Николаевский исправник получил письмо о том, что давыдовские крестьяне рубят казённый лес. Взяв с собой 102 стражника, он явился в Давыдовку, позвал местного старосту, велел ему сесть на стул и приказал двум стражникам взять его за уши. Стражники с такой силой тянули за уши, что оторвали оба уха. Кроме того, стражники истязали и всех крестьян, бывших в хороших отношениях со старостой²⁰⁹.

Ярыгин, выслушав рассказ, поинтересовался, причём же здесь помощник исправника, и Понамарёв ответил, что помощник и исправник делают всё сообща, следовательно, одинаково виновны²¹⁰.

В 1866 г. в журнале «Русский вестник» был опубликован роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», в котором воспроизводится психология человека накануне убийства: «Убийцу от убийства отделяет менее суток, а он уже охвачен страхом»²¹¹. Спустя 41 год аналогичные чувства переживает провинциальный юноша Захар Ярыгин. По логике Раскольникова, «пока существуют войны, пока за пролитие человеческой крови продолжают венчать в Капитолии, первейшая заповедь, призванная регулировать человеческие отношения, древнее «не убий» – не может приобрести несомненность»²¹². Но одно дело согласиться на убийство, другое – привести решение в исполнение. Материалы дела позволяют реконструировать последние часы Ярыгина перед покушением. Ф.М. Достоевский в другом своём знаменитом романе «Идиот» писал:

«Причина действий человеческих обыкновенно бесчисленно сложнее и разнообразнее, чем мы потом объясняем»²¹³. В качестве объяснения мотивации Ярыгина в нашем распоряжении имеется только общая для России поведенческая модель революционного Подполья. Данный конкретный случай не позволяет заглянуть в интимное, частное бытование Ярыгина. Кроме того, интересно было бы взглянуть на индивидуальную поведенческую практику Ярыгина и с точки зрения тотальной девиации в среде учащейся молодёжи, связанной с общей неврозностью эпохи начала XX в., проявлением которой стала и так называемая «эпидемия детских самоубийств»²¹⁴. В 1893 г. в «Педагогическом сборнике» И. Радецкий писал по поводу детских самоубийств: «Сердце разрывается от боли, слушая «философствования» книжных юношей о том, что в жизни нет радости, везде одни страдания...»²¹⁵. Круг чтения подростков в России, даже исключая подпольную литературу, был слишком проблемным и печальным. А.Б. Лярский, анализируя влияние детской литературы на самоубийства учащихся, отмечает, что «жертва, страдание и сострадание – вот к чему призывался маленький читатель»²¹⁶, «существовали растиражированные образцы поведения, существовал круг чтения, создававший весьма нежизнерадостный настрой...»²¹⁷ Каким образом социально-политические изменения преломлялись в сознании Ярыгина остаётся только предполагать, им не оставлено никакого нарративного текста. Но даже нарративный текст не может передавать всего богатства жизни в её хаотичности и многоцветности²¹⁸. Кроме того, исходя из идеи монотонности и однообразия жизни провинциального города, в нём одновременно существовало множество гетерогенных пространств, оказывающих влияние на личность в точке бифуркации.

Вернёмся к событиям 14 мая 1907 года. Во втором часу дня Ярыгин идёт в чайную, встречается там мать знакомого мальчика Фёдора Чирикова и выпивает вместе с ней бутылку водки. Около трёх часов, Ярыгин отправляется к трём братьям Бутузovým и выпивает с ними ещё полторы бутылки водки. О своём намерении убить помощника исправника он никому не говорит (по крайней мере, так заявляет на допросе). Около шести

часов вечера Ярыгин заходит домой, берёт револьвер и идёт на Бульвар²¹⁹. Револьвер он взял заранее у другого своего одноклассника, Василия Баланушкина. На вопрос Баланушкина, зачем Захару понадобился револьвер, тот отвечает: «Пойду на большую дорогу расклеивать прокламации. Револьвер нужен для самозащиты»²²⁰. Данный сюжет кажется важным для составления представлений о том, что являлось нормой, а что – отклонением. Объяснение о расклеивании прокламаций выглядит настолько обычным, что одноклассник не задумываясь отдаёт револьвер (опять-таки, если принимать за истину показания Ярыгина). Материалы фонда Самарского жандармского управления (выборка по сословному принципу – только дела мещан) показывают, что различные виды агитационной литературы становятся в 1905-1907 гг. частью повседневности обывателей: листовки валяются на окошках почтампов, мещанина, уронившего на улице папку с бумагами, прохожие ловят как распространителя листовок, кто-то читает листовки, чтобы посмотреть, о чём пишут «студенты», и т.д.²²¹ На бульваре Ярыгин встречает ещё одного своего одноклассника Безрукова, которому помощник исправника, Трофимов, приходится дядей. Захар просит свести его с Трофимовым «для личных, важных переговоров»²²². У Безрукова такое объяснение тоже не вызывает сомнений. Дело в том, что практика доносов в это время была чрезвычайно распространена. Мальчики пришли в дом Трофимова, где прислуга им сообщила, что он ещё не возвращался. Тогда Ярыгин важно заявил, что «прошу по возвращению помощника исправника передать ему, что имею до него важное дело и поэтому прошу его подождать меня»²²³. Далее мальчики отправились в строящийся дом Трофимова, где его и обнаружили. Безруков позвал дядю во двор. Трофимов вышел, подошёл вплотную к Ярыгину с вопросом: «Что вам нужно?» Ярыгин отступил назад, выхватил револьвер и сделал два выстрела в упор²²⁴.

При обыске в доме Ярыгина были найдены мимиограф Эдисона, валик, краска, 11 оттисков воззваний, несколько воззваний партии эсеров, план казарм и винного склада, несколько брошюр той же партии²²⁵. Ярыгин объяснил, что план был им начерчен в

качестве практики в черчении и не имел никакого злого умысла. Обыски были проведены и у всех причастных к делу лиц, в частности у Геранина, Понамарёва, Баланушкина и др. Ничего преступного обнаружить не удалось. Арестованные приятели Ярыгина все как один заявили, что о готовящемся покушении ничего не знали²²⁶. Но тем не менее все были доставлены в Самарскую губернскую тюрьму. Все, кроме Ярыгина, были отпущены под залог. Последний документ данного дела – прошение крестьянина Ивана Геранина о возвращении ему купчей крепости на недвижимое имущество в залог за сына Моисея Геранина, датированное 4 марта 1913 г.²²⁷ Кроме того, в ноябре 1907 г. Ярыгин заявил, что показания, в которых он обвинял в подстрекательстве на убийство и принадлежности к партии эсеров Понамарёва, Геранина и Долматова, были вызваны побоями, которым он подвергался после ареста в полицейском управлении Николаевска. В предъявленном обвинении признал себя виновным только Захар Ярыгин²²⁸. У М. Твена в его знаменитом романе читаем: «Так кончается эта хроника. И поскольку это история мальчика, она должна остановиться здесь, а если её продолжить, она стала бы историей взрослого человека. Когда пишешь роман о взрослых, то наперёд известно, где надо поставить точку: на свадьбе. А когда пишешь о детях, приходится ставить точку там, где это всего удобнее»²²⁹.

Ряд дел фонда жандармского управления, отмеченных принадлежностью к мещанскому сословию, позволяет выявить некий общий поведенческий стереотип, вызванный, с одной стороны, революционными событиями в стране, с другой стороны, надисторический, неизменный для обывательской психологии в любые эпохи – критика власти, облачённая в форму своего рода «исторического анекдота», так как каждая история была бы смешна, если бы её следствием не являлись искалеченные судьбы. (Во время работы с этими делами особо обращалось внимание на семейное положение, возраст и графы «за границей не был», «к суду не привлекался»: в отличие от интеллигенции, эти мещане не видели мир, их собственный провинциальный локус был обжит и регламентирован, повседневность, не связанная с нарушением закона, определялась хронотопом провинциального города и отсутствием серьёз-

ных девиаций. Столкновение с машиной власти отныне всё меняло. Для маленького человека сила данного столкновения значила много, вела к смене жизненных стратегий, разрушала привычную повседневность.) Сюжет приблизительно один: напившийся (или трезвый) мещанин ругает публично царя, предрекает революцию (что идёт в разрез с логикой мещанина – Пингвина в горьковском «Буревестнике») и производит какие-либо действия с Бумагой как знаком революционного времени (совсем необязательно это запрещённая литература, листовки или прокламации). В контексте общественного неуровня 1905-1907 гг. эти вполне обычные действия и обычные предметы приобретают логику бунта и порождают фигуру Доносчика (который, собственно, так же неизбытен в любые эпохи, но только в нестабильные периоды власть его поощряет и стимулирует). «Любой донос... имеет под собой почву», – отмечает А.С. Лавров²³⁰. Доносчик – наблюдатель. Исследование «почвы» его наблюдений – ещё один путь постижения ускользающей истории повседневности, в данном контексте – революционной повседневности.

5 февраля 1905 г. самарский мещанин и пароходовладелец П.В. Лобастов зашёл в свою мастерскую и обратился к слесарям, слышали ли они об убийстве генерал-губернатора Москвы Великого князя Сергея Александровича. Слесаря ответили, что читали об этом в «Самарском курьере». На что Лобастов заметил: *«Подделом вору и мука! Будет, пожил и пограбил будучи генерал-губернатором г. Москву и её градожителей!»*²³¹. Среди слесарей находился И.Н. Палкин, крестьянин, проживавший в этой же хозяйской слесарной мастерской. В деле отмечено, что Палкин был уволен Лобастовым за верноподданнический протест по поводу его высказывания. Как следствие, Палкин донёс на своего хозяина в жандармское управление. *«Имею честь просить Самарское городское жандармское Управление принять моё доношение в том, что я подписавшийся... сего года к отбыванию воинской повинности и по сие время находясь на службе в должности слесаря у Нижегородского магазина и пароходовладельца «Павла Васильевича Лобастова» проживающего в настоящее время в г. Самаре, получил от него г. Лобастова по*

весьма неудовлетворительным причинам расчёт от службы, а именно: за протест с моей стороны на слова вышеупомянутого Лобастова, которые заключаются на правонарушения Государственного Общественного Строя и всяк его данных, а именно за поношение чести на Его Императорское Величество Великого Князя и генерал-Губернатора г. Москвы Сергея Александровича в бозе почившего от руки злоумышленника. В тот день т.е. 5 числа февраля по приходе его г. Лобастова к нам в мастерскую и обращение к нам с вопросом: «Слышали ли вы о вышеупомянутом происшествии». И когда получил ответ от двух служащих, что слышали из доставленного нам № Самарского Курьера изволил осчастливить нас следующим ответом: «Поделом вору и мука» к довершению сего добавил: «будет дескать поджил и пограбил будучи Генерал-губернатором г. Москву и ея градожителей». И я, как будущий слуга Царя и Отечества дерзнул донести на своего хозяина то, что слышал, да и нельзя допускать подобных вещей, так как и по время у нас ещё не окончились между рабочим людом и их подстрекателями социал демократические движения по поводу сказанного не токмо, чтоб установить тишину, а подобные хозяева и пароходовладельцы как г. Лобастов производят совершенно обратное дело для революций»²³². Палкину на момент доноса было 20 лет. В его голове, как видно из данного текста, полная сумятица: на слуху термин «социал-демократические движения», верноподданнические чувства, подлость, зависть и проч. на фоне общей нестабильной ситуации в городе. Даже если принять на веру сведения Палкина, существует совершенно определённая грань между революционными речами и вечным упрёком русского человека в адрес воров из власти самого разного уровня. Жандармское управление эту грань осознавало. Производство дела решено было прекратить за отсутствием признаков преступления²³³. Самарская городская дума на своём чрезвычайном заседании 13 декабря 1905 г. отмечала, что «жизнь обывателей» находится в опасности, так как «масса вооружённых людей не стесняются стрелять на улицах»²³⁴, «торговля прекратилась»²³⁵. Спустя некоторое время представитель другого лагеря И.И. Блюменталь охарактеризует Самару 1905 года как «сравнительно глухой провинциальный пункт»,

в котором мещанско-купеческое население жило «сонной провинциально-обывательской жизнью», а самарские рабочие в значительной степени «были полумещанами»²³⁶. В подобном обывательском пространстве выстрелы звучат сильнее, речи кажутся крамольнее, а в листах бумаги видятся прокламации. Так, во время пьяной драки в ресторане гостиницы Улановой на углу улиц Вознесенской и Москательной у мещан В. Бабенышева и Н. Бурова вывалилась пачка бумажек, которую свидетели приняли за прокламации. Было заведено уголовное дело по статье 129 Уголовного уложения. Был допрошен официант гостиницы крестьянин Андрей (фамилия неразборчиво. – *Прим. авт.*). Он сообщил, что к ним в гостиницу пришли Н.П. Буров, И. Максимов и постоянный посетитель гостиницы, служащий в губернской земской управе рыжий господин с бородой и в очках и ещё какие-то два-три неизвестных мужчины. Сидя за одним столом, рыжий господин стал что-то читать, но что он читал, официант не обратил внимания и ушёл за кушаньем. Когда Андрей вернулся, в ресторане произошёл скандал. Некто Дольнов бросил в рыжего господина стаканом. И из рыжего господина вывалились бумажки, похожие на прокламации²³⁷. Из протокола допроса присутствовавшего там мещанина Василия Никитича Бабенышева выяснилось следующее. *«Придя в гостиницу г. Улановой, я заказал две порции жареной рыбы, ко мне подошли торговцы Николай Фёдорович Назаров, Иван Петрович фамилии не припомню служащий у И.Н. Александрова Клавдий Павлович Соколов и с ними слесарь, помощник бухгалтера... Я между прочим показывал письмо печатанное на пишущей машинке и картинку, присланную мне на 1 апреля в письме выражено, как я ездил сдавать хлебные продукты на дальний Восток и вообще сдачу интендантству в скверноматерных выражениях Карточку эту видели все и смеялись»*. А потом все подрались²³⁸. Жандармскому управлению в этой всеобщей смуте действительно каждый раз следовало разбираться: политическое это преступление или элементарная пьяная драка. Показательно другое: реакция свидетелей драки на Бумагу и последовавший донос.

Мещанин Н. Васильев, проходя по улице Саратовской, в 22.30 вечера выронил прокламации, начал их собирать, но

мимо проходившие люди, сразу распознав эти листки, его задержали²³⁹. Прокламации наводнили обывательский мир, стали элементом повседневности, обыватель даже знал, как они должны выглядеть: узкая полоска печатного текста. 31 июля 1905 г. в городском саду г. Бузулука, напившись, буйствовал крестьянин И.Н. Пушкин. При задержании нарушителя покоя в карманах его шаровар была найдена прокламация социал-демократической партии. Пушкин сообщил, что прокламацию ему дал мещанин Барковский. Барковский виновным себя не признал, так как, по его словам, прокламацию нашёл за городом, недалеко от мельницы Чемодурова, на которой он работал. Придя домой, он попросил своего соседа Пушкина почитать, о чём пишут студенты. А Пушкин напился и забыл выбросить прокламацию²⁴⁰. 9 февраля 1905 г. мещанин А.О. Смирнов, будучи пьян, сообщил крестьянину, высказавшему соболезнование по поводу убийства Великого князя Сергея Александровича: *«Туда ему подлецу, мерзавцу, с... сыну и дорога... 19 февраля предстоит бунт, у меня есть по этому поводу прокламация, которую даю только под страхом меня не выдавать, а иначе того...»*²⁴¹. Мещанин М.И. Булычёв 21 января 1905 г. принёс в слесарную мастерскую прокламацию Георгия Гапона «К рабочим», потом попросил сжечь²⁴². Булычёв немного отличается от основного контингента мещан-деликвентов периода первой русской революции: он старше, ему 30 лет, у него уже четверо детей, достаточно серьёзная профессия позолотчика²⁴³. Мещане разбрасывали прокламации на железнодорожных путях²⁴⁴, оставляли на подоконниках в общественных учреждениях²⁴⁵. Мещане сквернословили в адрес власти, как правило, напившись. В первый день Пасхи 1905 г. двое мещан, Е. Борисов, наборщик типографии, и И. Васильев, столяр, *«будучи немного вытимиши»* (в документе уточняется *«твёрдо стояли на ногах»*) в гостях заявили: *«Царя нам не нужно, царь обирал и обирает народ, дурак он!»*²⁴⁶. 30 августа, на базаре, 49-летний мещанин, переплётчик и письмоводитель В.Д. Волохов, будучи пьян, говорил торговцам: *«Я знаю, в Японии идёт бунт. Микадо хотят убрать. Уберут и у нас Николашку, выгонят в ... мать...»* (далее ненормативной лексикой о том, что государь не умеет вести

войну и слушать своих министров, потому что дурак! – *Прим. авт.*). Когда Волохова допрашивали в жандармском управлении, вину свою он не признал, так как, по его словам, страдает запоем, и что с ним в это время происходит, он *«решительно не помнит»*²⁴⁷. Мещанин П.А. Бобылёв, 27-летний конторщик чайной компании «Губкин-Кузнецов», в магазине пел, будучи пьян, революционную песню «Отречёмся от старого мира» и нецензурно выражался в адрес царя: *«Мать вашу эти, а равно вашего царя»*²⁴⁸. Поздно вечером, в пивной, мещанин В.А. Константинов обругал наследника престола матерными словами. В своё оправдание заявил, что «был пьян, ничего не помнит, даже как очутился дома!»²⁴⁹. К мещанину Васильеву, выпивавшему после работы с друзьями, подошёл мещанин Скосырев и спросил: «В кого ты веришь?». Васильев ответил: «В Бога и Царя». На что Скосырев ответил: «...(ненормативная лексика. – *Прим. авт.*) я вашего царя, какую он тебе помощь дал?»²⁵⁰. Мещане Васильевы оказываются одной из самых «революционных» сословных фамилий с точки зрения количества дел жандармского управления с участием Васильевых. Так, мещанин Иван Васильевич Васильев был осуждён по 131 статье Уголовного уложения. Он пришёл к казарме батареи, расположенной в доме Топорнина, и стал говорить солдатам, что не нужно царя и не нужно войны: «Зачем вам самодержавие, нужно жить свободно!»²⁵¹. Ивану в 1905 г. исполнилось 17 лет. Он служил санитаром при Губернской земской больнице, был холост, не закончил курс в городском Бугурусланском училище «по малоуспешности», отец его служил в торговом доме «Квил и К»²⁵². У 20-летнего мещанина Фёдора Васильевича Богоявленского, работавшего в Самаре колбасным мастером, но закончившего Симбирское городское училище, при обыске обнаружили воззвания «Крестьяне к Вам наше слово», «В бой за свободу» и т.д. и брошюру «Пауки и мухи»²⁵³. Мещанин Д.О. Попов, маляр, угощая за свой счёт в пивной приятелей пивом, рассказывал, что в Самаре существуют два комитета, которые очень богаты и вооружены, что скоро в Самаре будет бунт, царя убьют и государством будет управлять народ²⁵⁴. Работник иконописной мастерской, мещанин А.В. Календо, на-

пившись, решил выступить перед народом с призывом давить купцов и отбирать у них землю на углу Троицкой и Москальской улиц. Дело решено было прекратить, так как Календо *«просто был пьян, ещё и дрался!»*²⁵⁵. Мещанин Александр Ефимович Мельников собрал вокруг себя на вокзале толпу солдат, уезжавших на Дальний Восток, и стал их убеждать вступить в партию социал-демократов, не исполнять приказы начальства в особенности в тех случаях, когда будут приказывать *«стрелять в бунтовщиков»*²⁵⁶. 28-летний мещанин Пётр Алексеевич Хальзов, сотрудник «Самарской газеты», окончивший два класса духовной семинарии, женатый, был осуждён по 129 статье за распространение изданий социал-демократической рабочей партии²⁵⁷. Мещанин Игнатий Васильевич Серебряков был приговорён к аресту на один месяц за то, что 18 октября 1905 г. крикнул: *«Долой самодержавие, мы свергнем Николашку!»* – и сбежал²⁵⁸. Мещанин Александр Акимович Дмитриев пел на станции «Самара» революционные песни. А когда осмотрщик вагонов депо увидел его, то *«схватил в зубы и начал рвать тетрадку»*. При обыске у Дмитриева была обнаружена брошюра «Молодое слово»²⁵⁹.

Мещанин Пётр Иванович Севастьянов был обвинён по статьям 103, 107, 130 Уголовного уложения 22 декабря 1905 г. Дело было закончено 9 февраля 1907 года. Проживая в селе Лебяжье Самарской губернии под надзором полиции, он вёл среди крестьян *«противоправительственную пропаганду, выражаясь оскорбительно в Бозе почившем Государе Императоре Александре III и возбуждал крестьян жечь и грабить помещичьи усадьбы»*²⁶⁰. Пётр был 37-летний холостяк, без родственных связей, православный, рождённый в г. Симбирске и принадлежащий к мещанскому сословию. В качестве меры пресечения для него было избрано отобрание вида на жительство. Севастьянову разрешено было уезжать из посада Мелекесс только в село Андреевку. Спустя какое-то время его потеряли из виду. Дело решили разобрать более тщательно и выяснили, что *«большинство свидетелей показали, что он не подстрекал жечь и грабить. Только заявитель об этом говорил»*²⁶¹. Кто был заявителем, из материалов дела неясно. Известно только, что Севастьянов остановился

на ночлег в избе крестьянина Михеева из с. Озерки. Он зашёл в дом и попросился переночевать. А потом «с чувством негодования заговорил: *«Что за чуду, за крестьян стараемся, а нигде не добьёшься, чтобы на ночлег пустили!»*²⁶². Тогда его усадили за чай и покормили. Севастьянов стал говорить, что *«теперешний Российский Государь правил не знает»*. «Именуя себя студентом», Севастьянов добавил, что *«они сменяют Государя и поставят так, что будет царь избираться на каждый год»*. А покойного Государя Императора называл алкоголиком²⁶³. Присутствующие в доме гости также подтвердили, что *«Севастьянов будучи нетрезв и расхаживая по дому говорил, что – Свобода слова и он не признаёт никакого начальства... покойный император Александр алкоголик наделал должностей и завёл много начальства, которое только брюхо растят»*²⁶⁴. С Севастьяновым связано и показание учителя церковно-приходской школы грамоты Павла Ильича Верухина, который 25 ноября 1905 г., придя в свою квартиру в доме Чухманова в д. Любавке, встретил неизвестного человека, который повёл разговор о том, получают ли в д. Любавке газеты и что в них пишут о бунтарях. Вечером он снова возобновил разговоры политического свойства и коснулся вопроса о вознаграждении за преподавание учителям школ грамоты. Сказал, что жалование в 10 руб. слишком мало, а затем повёл разговор о том, что когда соберутся в г. Ставрополе новобранцы, то, возможно, среди них произойдёт бунт²⁶⁵. Дискурс революции наводнил и пропитал ментальность обывателя настолько, что уже невозможно было понять, с кем в действительности имеешь дело: с революционером или хулиганом; с играющей в революцию местной интеллигенцией или теми, кто серьёзно покушался на государственный строй и презумпцию человеческой жизни. 2 декабря 1905 г. после заседания семейно-педагогического кружка в здании земской управы в Самаре публика расходилась в 12 часов ночи с пением «Марсельезы» и выкриками *«Долой самодержавие!»*. Та же публика, которая окружила «скопище» кружковцев, шла за ними, готовая броситься в драку, со словами *«Вас самих, мерзавцев, долой!»*²⁶⁶.

5 мая 1905 г. в половине десятого вечера в Струковском саду начался беспорядок с криками *«Долой полицию!»*, *«Долой*

самодержавие!». В это время в саду было много гуляющей публики, на эстраде играл оркестр. Около 200 человек, пришедших в сад поодиночке, собрались вокруг эстрады, стали стрелять из револьверов вверх и «запели преступную Марсельезу»²⁶⁷. Дамы и дети стали в панике разбегаться. Толпа ушла из сада, прошла по Александровской улице, дошла до Соборного зала, где и была остановлена казаками и полицией. Позднее в результате расследования данного дела в частности, об участии мещанина Г.И. Дмитриева, выяснились некоторые подробности. Пристав второй части города докладывал, что какой-то офицер с дамой «матерно ругал казаков» за нанесение кому-то побоев и называл их опричниками. Мещане Цыва Муравина и Авраам Магазинер были освобождены ввиду неустановления дознанием их участия в демонстрации²⁶⁸. Вообще мещане-евреи достаточно активно включались в революционные события, потрясавшие и город, и страну. В конце концов Магазингер, еврейский юноша из Харькова, мещанин Самары, был осуждён по статье 129 Уголовного уложения за распространение воззваний социал-демократической партии «Последние друзья самодержавия»²⁶⁹. Герш Соломонович Бронзович, 17-летний самарский мещанин, работавший подмастерьем у часового мастера, был осуждён по 129 статье за распространение прокламаций²⁷⁰. 17-летний мещанин Мендель Гершович Курзаниер был обвинён по 132 статье. 30 мая в 6 часов вечера в Струковском саду г. Самары проходила забастовка. Из толпы забастовщиков особенно выделялся один молодой человек, который, идя впереди толпы, размахивал руками и кричал: «Товарищи! Идём вперёд!». На его левой руке была надета чёрная лента в виде траура. При аресте в кармане у него был обнаружен шестизарядный револьвер без патронов и прокламации. На допросе Мендель заявил, что работает мастером в часовом магазине Рутерега. Толпа рабочих ворвалась в магазин и потребовала прекратить работу. Мендель сначала, по его словам, не соглашался, а потом «из боязни побоев, которыми угрожали мне», присоединился к забастовке²⁷¹. «А что касается воззваний, которые вы мне предъявляете (ко всем рабочим), – продолжал говорить на допросе Мендель, – Я тогда этих воззваний не читал, и положил их к себе в карман. Под угрозами

*быть побиту... одел чёрные повязки... что касается револьвера, то я носил его в починку. Держал его при себе потому что хозяин уезжает на ночь на дачу и я оставался в доме только с двумя учениками»*²⁷². Мендель Гершович оправдывался так правдоподобно, что спустя время решили его допросить вновь на предмет, кричал ли он «Товарищи, идём вперёд!» или «Товарищи, сюда!»²⁷³. Мендель от всех обвинений в свой адрес отказался²⁷⁴. Самарская мещанка Шеина Нахимовна Гершевич была обвинена по 132 статье за распространение нелегальной литературы²⁷⁵. Узел с данной литературой Гершевич оставила в дамской уборной на станции Самаро-Златоустовской железной дороги. На неё донесла горничная, убиравшая дамскую комнату²⁷⁶.

На протяжении всей второй половины XIX в. наблюдалось увеличение числа студентов – выходцев из мещан²⁷⁷. Как отмечает в своём исследовании Л.В. Кошман, «главным смыслообразующим элементом в понятии «разночинец» является образование, получение которого давало право исключения из податного состояния»²⁷⁸. Э.К. Виртшафтер отмечает, что распространение образования в России во второй половине XIX в. «способствовало снятию социальных барьеров и реструктуризации социальных идентичностей»²⁷⁹. Невостребованность этих новых кадров «в области профессиональных навыков и специальных занятий» «усиливала традиционную неопределённость социального положения и тем самым ещё больше политизировала и фрагментировала новые модели объединений»²⁸⁰. В делах жандармского управления многие так называемые «бывшие студенты» продолжают сохранять и сословную идентичность, в частности писалось: «бывший студент Михаил Веденяпин, мещанин»²⁸¹. Михаил Веденяпин вместе со своей супругой Софьей Хворостовой принадлежали к партии эсеров и были осуждены в 1905 г. по 126 и 132 статьям. В результате обыска, проведённого в их доме петербургскими филерами, были найдены «какие-то тонкие, медные цилиндры, длиною около вершка, вроде пистонов крупного калибра и фунта два бертолиевой соли», а также «записки с перечнем различных инструментов, веществ и химических формул, имевших отношение к изготовлению разрывных снарядов»²⁸² и мимеограф²⁸³. У них же в доме был задержан студент Казанского

университета Василий Петрович Благодатный, у которого был отобран *«заряженный револьвер, коробка с патронами, разная переписка и два номера Пролетарской газеты»*²⁸⁴. Заслуживает внимания социальное происхождение Веденяпина. Полная его фамилия Веденяпин-Штегеман. Внебрачный сын дворянина, он, хотя и родился в имении своего отца в 1874 г., был записан в мещанское сословие. После того как оказался отчисленным из университета, занимался частными уроками и «литературным трудом»²⁸⁵. В отличие от большинства мещан, на которых были заведены дела в жандармском управлении, Веденяпин объехал практически всю Западную Европу «без всякой определённой цели»²⁸⁶. Также в отличие от большинства провинциальных мещан-делинквентов революционной поры, уже привлекался к дознанию жандармского управления в 1901 г.²⁸⁷ Жена Веденяпина, Хворостова Софья Васильевна, родилась в Самаре в 1881 г., принадлежала к мещанскому сословию. Окончила 8 классов самарской гимназии. Работала домашней учительницей. Была в Женеве в 1902, 1903 гг. «без определённой цели»²⁸⁸. В 1901 г. привлекалась в жандармское управление и содержалась в тюрьме в Самаре²⁸⁹.

У мещанки Павлы Трофимовой при обыске было найдено «значительное количество нелегальных произведений и гектограф с имеющимся на нём отпечатком воззвания революционного содержания»²⁹⁰. Кроме того, «экземпляр гектографированного Журнала Самарской учащейся молодёжи «Молодая речь» №1 1904 г. из числа пропаганды из незначительного количества воззваний и брошюр издательства «Партии социалистов революционеров»²⁹¹. Павла Трофимова родилась в Саратове в 1886 г., сектантка поморской секты, определённых занятий не имеет, средства к жизни – личный труд, семейное положение – девица, отец – маляр, в 1904 г. поступила в Саратовскую фельдшерскую школу, по собственному желанию была исключена. Вначале её заключили под стражу, потом освободили на поруки с денежной ответственностью в 200 рублей на жительство в Самаре. Потом дознание было окончено²⁹². В определённой степени биография Павлы – типичная для революционной поры. 18-летняя девица, порвавшая со своей социальной средой, но вместо того, чтобы

учиться и вливаться в новую категорию профессиональной интеллигенции, она влилась в девиантную, но романтическую среду революции или, как её ещё называют, «русского подполья».

Самарский мещанин Абрам Давидович Поляк был обвинён по 129 статье Уголовного уложения за то, что при выборах в Государственную думу произнёс речь с призывом к вооружённому восстанию. В Самаре он прибыл из Виленской губернии, еврей, 1886 года рождения, иудейского вероисповедания, работал фармацевтом, холост, за границей не был, к суду не привлекался²⁹³. Из самарской тюрьмы его выпустили под залог в 500 рублей²⁹⁴. Позднее, в 1908 г. он был осуждён приговором саратовской судебной палаты к заключению в крепость на один год²⁹⁵.

Мещанин Пётр Петрович Кузьмин был обвинён по статье 129 Уголовного уложения за то, что во время выборов в Государственную думу в 1906 г. кричал: «*Долой Государственную Думу!*», а также называл её черносотенной и предлагал собранию подняться на вооружённое восстание²⁹⁶. Биография этого социального актора революционной поры позволяет предположить, что молодой человек (1881 года рождения) принадлежал к той части сословия, которая уже порвала со своей социальной средой и включилась в хронотоп революции, борьбы, девиаций и того образа мысли, который был свойственен русской студенческой молодёжи, образованной публике, интеллигенции. Отец Кузьмина – бузулукский купец Пётр Леонтьевич Кузьмин, проживал в собственном имении. Два брата также принадлежали к городской интеллигенции: один работал ветеринарным врачом, другой учился в Пензенском художественном училище. Пётр Петрович являлся студентом Санкт-Петербургского политехнического института и членом самарской организации Российской социал-демократической рабочей партии²⁹⁷. В 1904 г. он привлекался к суду за участие в уличной противоправительственной демонстрации, распространение и хранение воззваний и брошюр революционного толка²⁹⁸. После его выходки в Самаре, связанной с выборами в думу, его искали самарские службы и не могли обнаружить вплоть до 1912 года, так как «в циркуляр вкралась ошибка»²⁹⁹. Только становилось известным, что он проживает в имении отца, как его уже там не оказывалось. Потом в 1908 г. поступили сведения, что П.П. Кузь-

мин проживает в Санкт-Петербурге и за ним установлено негласное наблюдение. Потом пришли сообщения, что он содержится в Санкт-Петербургском тюремном замке как пересылаемый из московской тюрьмы в енисейскую, куда был осуждён на ссылку московской судебной палатой³⁰⁰. В 1911 г. было сообщено, что из красноярской тюрьмы он перенаправляется в самарскую тюрьму³⁰¹. Но до Самары Кузьмин так и не добрался, так как в 1912 г. был задержан около Нижнего Новгорода «по подозрению в нелегальности», так как именовал себя крестьянином³⁰². Он был помещён в тюрьму Нижнего Новгорода³⁰³. В Самаре признали «нерозыск обвиняемого»³⁰⁴. Таким образом, если во второй половине XIX в. город и его мещанское общество обвивали мещанина тысячами нитей дисциплинарной власти, то на фоне революционной эпохи начала XX в. мещанин вырывается из власти города и сословия, и город и сословие его не могут поймать, обнаружить, вернуть.

По статье 132 Уголовного уложения за хранение «преступных изданий», воззваний Российской социал-демократической рабочей партии, были отправлены в тюрьму два мещанина, евреи по национальности, холостяки, один 1888, другой 1876 гг. рождения, Яков Осипович Бахрах и Иахим Ицкович Быховский. Оба работали «заготовщиками», за границей не были, к суду не привлекались³⁰⁵. Мещанин П.Ф. Толкачёв был привлечён к суду по 129 статье за распространение в бузулукском саду воззваний в 1906-1907 гг.³⁰⁶ В своей обычной жизни он занимался письмоводством, был холост, за границей не был, к суду не привлекался³⁰⁷. Обращает на себя внимание в большинстве дел жандармского управления о мещанах формула «за границей не был, к суду не привлекался». Меньшинство мещан, те, кто уже давно и серьёзно были приобщены к революционной борьбе, бывали за границей, для дискурса русского революционного подполья это достаточно распространённая практика. Большинство же мещан, вовлечённых в революционную смуту общим изменившимся стилем жизни, были в основном молодыми людьми, не вступавшими в контакты с политической эмиграцией, не путешествующими по миру, не вступавшими в конфликт с властью, но соблазнённые теми романтическими идеями социальной справедливости, кото-

рые витали в воздухе не только студенческих центров, но и такого провинциального захолустья, которым являлась Самара, с её духом меркантилизма и деловой этикой обывателя.

Мещане Василий Дмитриевич Кузнецов и Дмитрий Григорьевич Елфимов были обвинены по 128 и 129 статьям Уголовного уложения за распространение прокламаций преступного содержания среди рабочих железнодорожного депо на станции «Самара». Елфимову в 1905 г. было 19 лет, а Кузнецову – 20. Елфимов закончил городское приходское училище, а Кузнецов «по малоуспешности» не доучился в самарском городском училище. Оба – православные, русские, холостые, за границей не были, к суду не привлекались. Елфимов часто получал взыскания за пьянство во время работы слесарем в депо. 17 января 1905 г. они принесли в мастерскую воззвания «Канун революции», «Петербург 8 и 9 января», «Ко всем рабочим». В этот день рабочие читали вывешенное правительственное сообщение по поводу беспорядков в Петербурге. Стоявший между ними Кузнецов спросил: *«Ну что, хорошо написали?»*. Получив утвердительный ответ, Кузнецов вынул из бокового кармана пальто узенький листок: *«У меня лучше написано!»*. Рабочие высказали своё недовольство: *«Это нам давно известно. Этого мы слушать не желаем! Людей, которые себе позволяют это делать – надо выгнать!»*. На что Кузнецов сказал: *«Для вас же, дураков, стараются – а вы знать ничего не хотите!»*. Тут показались жандармы. И Елфимов незаметно выбросил какие-то листки. Один из рабочих, Подкопаев, подошёл к вахмистру Самарского жандармского управления и сообщил об этом. При обыске у Кузнецова и Елфимова были обнаружены 6 воззваний, в том числе тексты «Марсельезы», «Вставай, поднимайся рабочий народ! Вставай на борьбу, люд голодный!». В воззваниях говорилось: *«Товарищи! Настал наш час! Поддержат петроградских рабочих... Свистят пули, грохочут выстрелы... Самодержавие обогрило кровью руки...»*³⁰⁸.

Некоторые мещане уже совсем не имели ничего общего со своим сословием, становясь неким всесловным авантюристом или своего рода революционером-бретёром, которому заниматься революционной борьбой было интересно не с точки зрения идей, а из-за того приключенчески-девиантного образа

жизни, который появлялся у человека революционного подполья. Таким персонажем был и самарский мещанин Павел Филимонович Вовченко. Его дело в фонде жандармского управления начинается с сообщения о том, что 12 октября 1906 г. 16-летний социалист-революционер Вовченко был доставлен из губернской земской больницы в тюремную больницу в карете скорой помощи³⁰⁹. При освидетельствовании больного тюремным врачом у него была обнаружена «с левой стороны от позвоночного столба на уровне 12 грудного позвонка круглая около одного см в поперечнике рана, по-видимому пулевого происхождения. В области левого ребра – другая рана круглой формы... от ранения пулей в область спины»³¹⁰. Вовченко служил разносчиком комитета эсеровской партии и получал за это жалование 15 руб. в месяц³¹¹. Как-то вечером он понёс письмо одному студенту. Того не оказалось дома. Вовченко расположился ждать его на улице около дома Чельшова. В 12 часов ночи из своей квартиры из дома Чельшова вышел его знакомый реалист Николай (отчества Вовченко не знал). С ним были какие-то мужчина и женщина. Николай поссорился с Вовченко «из-за политического фанатизма и произвёл два выстрела из револьвера»³¹². По словам Вовченко, пока его везли в больницу, письмо, с которым он был направлен комитетом по данному адресу, потерялось. Судя по материалам дела, письмо у Вовченко всё-таки забрали. В нём обнаружили визитку Николая Павловича Куперина³¹³. Текст письма был следующий: «1906 г. Самарский комитет социалистов-революционеров просили тебя Володя придти в 8 ч. вечера в закрытый комитет для того что бы ты взял у нас 3 револьвера, а так же мы не знаем куда их послать...» (далее почерк неразборчивый. – *Прим. авт.*)³¹⁴. Далее к делу были прикреплены ещё несколько документов, собранных по дознанию. В одном говорится, что Павел Филиппович Вовченко был арестован в Саратове. При аресте он заявил, что принадлежал к партии социалистов-революционеров и был ранен последними в 1906 г. по подозрению в сношениях с жандармским управлением³¹⁵. Далее в деле было прикреплено письмо: «*Прошу тебя Павел зйти ко мне завтра в 13 ч. дня, т.к. я без тебя не знаю когда кому при-*

нести мои книги». Подпись на данном письме: «Самарский Воровской Анархический комитет. Вовченко»³¹⁶. По ещё одним сведениям, Вовченко в конце 1905 г. состоял в организовавшейся в г. Самаре боевой дружине³¹⁷. Вместе с сыном местного торговца Абрамом Вовченко уехал в Варшаву. Предварительно Абрам обокрал своего отца, так как средства понадобились для партии³¹⁸. Позднее в отношении кражи в деле появляется уточнение: «неправильные сведения». И, наконец, в конце дела Вовченко было написано: «Уголовное преследование прекратить. Передать на попечение родителей»³¹⁹. Однако в мае-августе 1907 г. Вовченко вновь был обвинён по 129 статье³²⁰. Павел явился в Самарскую городскую библиотеку и показал сторожам прокламацию под заглавием «Письмо от русских крестьян Царю Николаю II». Потом стал бедным сторожам объяснять, что царя больше никому не надо³²¹. Сторожа всполошились и сообщили в жандармское управление. Теперь уже вновь всполошилось появлением Вовченко жандармское управление Самары. Был отправлен запрос в Ростов-на-Дону, и выяснилось, что Вовченко находился там в тюрьме. Далее были подняты материалы старого самарского дела, обросшие некоторыми подробностями: «10 октября 1906 г. в г. Самаре, на Алексеевской улице, близ дома Чельшова, Вовченко был ранен из револьвера реалистом Николаем, личность коего не установлена. В больнице Вовченко заявил, что он социалист-революционер и ранен Николаем вследствие произошедшей ссоры по политическому делу. Ввиду этого он был заключён в Самарскую тюрьму с переводом в тюремную больницу. На допросе Вовченко показал, что в начале 1906 г. он служил в Народном доме А.С. Пушкина, в Самаре, состоял в дружине при местной организации партии социалистов-революционеров, занимался разноской конспиративной корреспонденции и получал за это 15 рублей в месяц. При обыске в квартире Вовченко были обнаружены два письма, которые указали, что Вовченко принадлежал к «летучей воровской анархической партии». После освобождения 29 октября Вовченко предлагал услуги в качестве секретного сотрудника. В чём ему было отказано, а вскоре он был вновь арестован чинами первой полицейской части г. Самары за кражу, а по осво-

бождении скрылся неизвестно куда. Весной 1907 г. Вовченко вновь появился в Самаре и в мае месяце о нём было возбуждено формальное дознание... О принадлежности Вовченко к партии социалистов-революционеров сведений не поступало...»³²².

Мещанин Николай Александрович Батистов обвинялся по 129 статье Уголовного уложения. В жандармское управление поступил донос от земского фельдшера Никифора Степановича Аркаева, проживавшего в селе Сурикове Бузулукского уезда. Аркаев сообщал, что 13 июля 1906 г. он шёл по Уфимской улице г. Бузулука. Вдруг из окна гостиницы Ефграфова писарь бузулукской городской управы, мещанин Николай Александрович Батистов, закричал Аркаеву, чтобы тот зашёл в гостиницу. Аркаев зашёл и увидел Батистова, сидящего за столом с товарищами. Они пили пиво. Батистов поинтересовался, раздал ли Аркаев воззвания. Аркаев подумал, что Батистов шутит. И в ответ тоже пошутил: «Да, раздал». Тогда Батистов обратился к одному из товарищей с просьбой, чтобы выдали Аркаеву ещё несколько штук воззваний для раздачи крестьянам. Аркаеву выдали 15 экземпляров воззваний партии социалистов-революционеров и 6 экземпляров телеграмм «Самарского курьера»³²³. Позднее Аркаев отказался выступать по этому делу в качестве свидетеля, и дело было прекращено³²⁴.

Бугурусланский мещанин Александр Григорьевич Суряков, находясь 7 октября 1906 г. в квартире крестьянина Тимофея Рассторопова, «произносил дерзкие и оскорбительные слова против особы Государя Императора («площадная брань в адрес Государя Императора и Государыни Марии Фёдоровны»³²⁵) и призывал к неповиновению властям и отказу платить подати и отбывать воинскую повинность»³²⁶. Суряков был православный, жил в деревне Топорино, занимался хлебопашеством, был женат, имел четверых малолетних детей, малограмотный, за границей никогда не был, к суду не привлекался, в 1906 г. ему исполнилось 29 лет³²⁷. В принципе, как и все, он любил покритиковать власть, но в 1906 г. слова о том, что Государя Императора и Государыню Императрицу «нужно сменить», так как «Государь Император отправляет всё золото за границу и там разоряет Россию», приобрели особое крамольное звучание и повлекли за собой статьи 103 и 129 Уголовного уложения³²⁸.

Мещанин Василий Владимирович Владимиров проходил в жандармском управлении г. Самары в 1907 г. по 126 статье, принадлежал к партии эсеров³²⁹; мещанин Василий Александрович Матвеев привлекался в 1907 г. по статье 129 за распространение брошюры «Песни и стихи революции»³³⁰; мещанин Леонтий Андреевич Бойков проходил в 1908 г. по 128 статье Уголовного уложения³³¹; мещанин Самуил Григорьевич Раймус, обвинённый по 129 статье за распространение «преступных воззваний»³³² и т.д.

Дело мещанина Василия Васильевича Бажутина рассматривалось в жандармском управлении Самары с 1906 по 1908 гг.³³³ В 1906 г. в результате обыска в его квартире была обнаружена «преступная литература (значительное количество)»³³⁴. Ему шёл 27 год, он был женат, происходил из крестьян, но в городе был причислен к мещанскому сословию, работал переписчиком в переплётной мастерской, никаких средств к жизни не имел, за границей не был, к суду не привлекался³³⁵. Литература, обнаруженная у него во время обыска, была эсеровской. Над Василием был установлен особый надзор полиции³³⁶. Но 6 марта 1907 г. он без разрешения «выбыл на жительство в с. Тимашево Бузулукского уезда, поступил на службу в Правление общества потребителей Тимашевского сахарного завода»³³⁷. После того, как полиция его обнаружила, с завода его уволили как «политически неблагонадёжного»³³⁸. Он пишет прошение в Самарское полицейское управление: «...имею честь покорнейше просить Самарское жандармское полицейское управление в виду безвыходного моего положения за неимением других средств кроме службы в качестве бухгалтера Тимашевского общества потребителей» выдать справку о благонадёжности. На что полицейское управление Самары отреагировало: «Никакие справки о политической благонадёжности частным лицам на руки не выдаются»³³⁹.

Мещанки Надежда Ивановна Шилова и Мария Ивановна Ишутина (Щеглова) приехали в 1906 г. в с. Средняя Покровка в доме крестьянки Степаниды Колесниковой собрали крестьян и стали им читать прокламации. При аресте у них изъяли брошюры «Протокол учредительного съезда Всероссийского крестьянского союза» и др. и отправили в тюрьму³⁴⁰. Шилова вначале отказалась давать о себе какие-либо сведения³⁴¹. Позднее выясни-

лось, что ей 21 год, родом из Уральска, не замужем, определённых занятий не имеет, за границей не была, к суду не привлекалась³⁴². Девушка Ишутина – её ровесница. Родители живут в селе, имеют свой дом. Образование получила домашнее, за границей также не была и к суду не привлекалась³⁴³. Девушки, оказавшись в тюрьме, стали просить изменить меру пресечения: вместо освобождения под залог – на поручительство или гласный надзор полиции³⁴⁴. Но их не выпустили из тюрьмы. В результате полицейского дознания пришло секретное донесение унтер-офицера: *«В деревню приехали какие-то неизвестные барышни и остановились в доме Василия Егоровича Колесникова»*³⁴⁵. Далее к донесению прилагался список крестьян, которым барышни успели раздать «листки»³⁴⁶. Крестьяне сообщили следующее: *«...мы сидели хороводом. К нам подошли неизвестные барышни и стали расспрашивать, как мы живём и что у нас новенького, а потом пригласили в дом Колесникова и стали читать нам газеты...»*³⁴⁷. Интересно, что приговором Саратовской судебной палаты от 1908 г. мещанки Шилова и Ишутина «были оправданы, причём постановлено: вещественные доказательства по сему делу уничтожить»³⁴⁸. О дальнейшей судьбе мещанки Шиловой можно узнать из документа, прикрепленного к этому же делу: «Пензенская губернская земская управа предполагает определить на службу в оценочное отделение Управы слушательницу Санкт-Петербургского Политехнического института Надежду Ивановну Шилову, проживающую в Санкт-Петербурге, Лесная»³⁴⁹. В этой связи Шилова ходатайствует о выдаче ей свидетельства самарской полицией о благонадёжности. Ей данное свидетельство выдали³⁵⁰. Перед нами в образе этих двух мещанок предстают типичные представительницы женского революционного движения: и с точки зрения типичности биографий, и с точки зрения типичности текстов поведения. Власть проявляет себя в их судьбе исключительно лояльно. Общий цинизм этого молодого поколения российских революционных деликвентов заключается в том, что они не брезгают в случае тяжёлой жизненной ситуации обращаться к этой власти за помощью, выпрашивать у этой власти, против которой вступили в бой, льготы и преимущества. Это удивительное «попрошайничество» у своих

«классовых врагов» в случае ареста иллюстрирует и дело мещанина А.А. Лангина, обвинённого в 1906-1908 гг. по 129 статье Уголовного уложения. Вместе с другим мещанином, В.М. Абрамовым, они собрали на железнодорожной станции «Самара» в зале III класса много людей, которым стали рассказывать, что «не нужно Бога и Царя», и читать воззвания³⁵¹. Лангину было 27 лет. К этому времени он уже 4 года не жил с женой, оставленной им в Оренбурге. Работал шапочником. Но, по всей видимости, основная профессия у него уже была другая – революционная борьба. И вот этот рыжий Лангин, после того, как был отправлен в тюрьму, писал Заявление: *«Его Превосходительству Господину жандармскому адъютанту ротмистру Бакину. 1906 г. Снявши с меня допрос 24 февраля Вы Ваше Высокоблагородие обещали меня освободить 25 февраля. Но и по настоящее время я нахожусь в заключении. 14 марта»*³⁵². И вновь мы сталкиваемся с лояльностью власти. Дело было прекращено. Лангин выпущен на свободу³⁵³.

Дело о мещанине М. Константинове начинается с его письма в Самарское губернское жандармское управление³⁵⁴. *«Ваше Высокоблагородие, – пишет он в 1906 г., – неужели моя вина заслуживает такого строгого одиночного наказания если вы считаете у меня найденные книги неразрешёнными то тогда зачем же их печатают и продают если вы подозреваете за мной ещё что-то то прошу вас допросить и освободить меня так как я человек семейный у меня на воле осталась семья безо всяких средств которая состоит жена, мать женина, трое детей, мальчик 4 л. девочка 2 л. И мальчик 1-года, ещё моя мать в Москве, которой я помогал тоже как на дворе Праздник и им придётся проклинать свою судьбу если я не столько виноват то ещё раз прошу вас освободить меня до суда так как мне скрывать от своей семьи и от вас некуда и... я это хорошо сознаю что мне за это наказание будет гораздо строже... (Далее лист изорван. – Прим. авт.) Если моя просьба невозможна, прошу передать мою просьбу Губернатору чтобы дали бесплатный билет на проезд в Москву моему семейству...»*³⁵⁵. Из материалов дела становится понятно, почему 31-летний мещанин из Московской губернии оказался в самарской тюрьме. По специальности он литограф. Служил в

московской литографии Евдокимова. В 1906 г. приехал в Самару и поступил работать в литографию Жданова. Никаких революционных бесед с рабочими литографии, по его показаниям, не вёл и прокламаций на работу не приносил, «а если какие прокламации и бывали, то случайно нашёл в Струковском саду»³⁵⁶. Тем не менее Константинов был арестован «за преступную агитацию среди рабочих типографии в г. Самаре»³⁵⁷. Из показаний В.И. Фуражева следует, что Константинов его «звал с собой на собрания, куда он часто уходил по вечерам». «Я говорил: Не пойду, – доносил В.И. Фуражев, – т.к. этими делами заниматься не хочу говоря слова «этими делами» - Я разумел вообще нехорошие дела, какими занимался Константинов, а именно: раздача им прокламаций, чтение различных книг, частые беседы на политические темы...»³⁵⁸. Протокол допроса жены Константинова, Анастасии Яковлевны, превращает эту вырванную из контекста повседневности революционной поры историю в интригу без финала: «Я жена Михаила Константинова. В квартире нашей была свободная комната, которую мы хотели отдать кому-нибудь... – клеили объявления на окна. В мае месяце нынешнего года, эту комнату снял молодой человек – фамилия Степанов, как его зовут, я теперь не помню – брюнет, высокого роста, по профессии приказчик (для Самары, пожалуй, самая революционная профессия. – Прим. авт.) О занятиях не спрашивала – некогда паспорт не спрашивала. Прожив месяц и не заплатив денег, он, в виде залога, оставил много различных брошюр...»³⁵⁹.

Некоторые истории про мещан в революции выглядят просто анекдотично. Так, мещанин Михаил Гаврилович Макеев был обвинён по 128 статье за то, что 8 декабря 1905 г. в конторе при станции «Самара» «немного в не трезвом виде собрал около себя служащих криком: Долой самодержавие! Долой Николку!». Далее кричал, что он его затопчит ногами: «при этом плюнуть и топнуть ногой и сказать: «если бы за это пришлось поплатиться жизнью, зато буду знать, что погиб за свободу!»³⁶⁰.

Можно ли на основании подобных поведенческих практик со стороны представителей мещанского сословия делать вывод о десакрализации или делегитимизации власти в их картине мира и о нарастании политической активности? Можно ли гово-

речь об изменениях мещанской ментальности с её ориентацией на патерналистско-имперское сознание? Скорее всего, характер мещанского протеста был, как пишет В. Бухараев в своём исследовании по г. Казани, «не активным социально-политическим, а скрытым, зачастую неосознанным; его выразители, мещане-деликвенты, не выпадали из мещанского архетипа»³⁶¹. Но в провинции также как и в стране, началось общее брожение, обыватель пришёл в движение.

В 1905 г. в Самаре проживало 163284 мещанина³⁶². Скорее всего, следует отказаться от попыток выяснить общие для сословия поведенческие практики в период революции 1905-1907 гг., так как данная социальная категория была определена с учётом приоритета фискальных интересов государства. За юридическим термином «мещанство» стояли достаточно противоречивые социальные реальности, которые можно было бы определить как субкультуры. Все они приходят в движение в 1905 году. Среди участников стачечного движения в Самаре мещанство выражено через профессиональную принадлежность: «приказчики», «модистки», «парикмахеры», «служащие конки», «официанты», «грузчики» и т.д.³⁶³ Являясь естественной частью городских обывателей, они же и затрудняют обывателю своей политической активностью его повседневную жизнь. По всей видимости, следует разводить само явление политической активности и те формы, в которых она проявлялась. Приказчик и хозяин ментально принадлежат к единому пространству. В ситуации революционного протеста они пытаются договориться, торгуются, лукавят³⁶⁴. Январь 1905 г. оказался особо тревожным временем для всех горожан. 14 января 1905 г. приказчики г. Самары собрались для выработки своих требований³⁶⁵; происходят волнения среди мастериц модных мастерских; 18 января приказчики вырабатывают свои экономические требования владельцам торгово-промышленных заведений; 21 января парикмахеры отправляют петицию губернатору об улучшении своего положения. Потом забастовала самарская конка³⁶⁶. Отдельно вышли на забастовку кондукторы конки. После чего бастовавшие служащие конки были уволены. Полицией было разогнано собрание приказчиков слободы Покровской, которые

собрались для обсуждения вопроса о праздничном отдыхе³⁶⁷. Стали формулировать свои требования официанты Самары³⁶⁸. Началась однодневная забастовка приказчиков³⁶⁹. Свои требования вырабатывали портные и модистки³⁷⁰. Ломовые извозчики Самары грозили хлеботорговцам стачкой, происходили волнения грузчиков³⁷¹. Бастовали оперные хористы, наборщики «Самарской газеты», кондитеры, приказчики учреждения «1-ый союз труда в г. Самаре», а так же приказчики магазинов общества потребителей, легковые извозчики, кучера и дворники³⁷². В целом ситуация в Самаре напоминала текст «городского романа»: «Крутятся улицы, церковь, дома / Кругом крутится моя голова / Крутятся лавки, трактир и базар / Крутится вихрем весенний угар / Крутится, крутится, крутится шар / Душу кидает то в холод, то в жар...». Волнения грузчиков (3000 грузчиков были разогнаны казаками³⁷³) сменялись собраниями портных. За забастовкой приказчиков магазина Жижина следовала забастовка официантов, портных и сходка маляров. Шляпочницы добились введения 11-часового рабочего дня³⁷⁴. И все эти в основном мещанские профессии И.И. Блюменталь справедливо относит не к пролетариату (классу) и не к сословию, а к «полумещанам». Причина слабости самарской социал-демократии в 1905 году, по его мнению, «лежит не в её составе, а в самом характере той социальной среды, в которой приходилось работать партии в Самаре... (то есть в среде. – *Прим. авт.*) ... рабочих, которые являлись ещё в значительной мере полумещанами»³⁷⁵.

В марте 1905 г. торговцы – хозяева г. Самары заключили соглашение с приказчиками в отношении службы последних. Приказчики требовали 11-часовой рабочий день – получили 12-часовой. Хотели полуторачасовой обеденный перерыв – получили на это полчаса. Приказчики требовали предоставить всем в течение года двухнедельный отпуск «по возможности летом и с сохранением жалования» – получили только те, кто служит не менее 3 месяцев. Приказчики рассчитывали, что все недоразумения с хозяевами будут рассматриваться третьей инстанцией. Хозяева единогласно отклонили данное требование, так же как и отпуск служащих от 1 до 7 дней в случае болезни близких без вычета жалования. Приказчики выдвинули также требование в

случае продолжительной болезни выдавать месячное жалование и содержать за счёт хозяев для лечения приказчиков одну кровать на 100 человек. Хозяева согласились только для тех, кто служит более трёх лет и без содержания кровати и т.д.³⁷⁶ Обращает на себя внимание тот факт, что хозяйственная жилка сильна и непоколебима у той стороны, которая должна бы была дрогнуть под натиском смуты в городе, – у торговцев-хозяев. Они жёстко и разумно оценивают требования тех, кто должен был бы находиться с ними в одной связке, связке торгующего мира города. Приказчики же выглядят на удивление грамотными в области выдвигаемых требований. Ведётся торг. Только вместо традиционных товаров самарского рынка теперь выступают требования политической экономии. А вместо традиционной для России трудовой этики выступает этика «Капитала» К. Маркса.

Революция приветствовалась частью обывателей, склонных к разрушению. Для тех же, кто понимал необходимость государственного порядка, события 1905-1907 гг. были временем опасным и нарушающим привычный жизненный уклад. В октябре 1905 г. дума находила положение в городе «крайне опасным как для имущества так и для жизни граждан»³⁷⁷. В ноябре 1905 г. Самарская городская дума обсуждала мероприятия по охране города: увеличение жалования полицейским, реформирование ночной охраны – сторожей и приглашение казаков³⁷⁸. Вот как описывал ситуацию в городе в декабре 1905 г. «Журнал частного совещания» Самарской городской думы от 8 декабря: *«...вся торговля в Самаре, благодаря происшедшей сегодня забастовке, прекратилась, потому что магазины все закрыты и когда всё это кончится неизвестно. А между тем такое положение влечёт за собой полнейшее разорение торгового класса... в обществе приказчиков состоялось постановление, в силу которого завтрашний день, 9 декабря, буде организован вооружённый отряд в 50, а если мало будет и 100, который будет следить за Дворянской и Панской улицами и на Троицкой площади за тем, чтобы магазины не открывались для торговли. Те же магазины, которые будут открыты, должны быть закрываемы по требованию отряда, а в случае неподчинения ему – закрывать их вооружённой силой, а с товаром посту-*

пать так, как им угодно»³⁷⁹. 13 декабря журнал чрезвычайного заседания Самарской городской думы констатировал, что от «вновь возникающих забастовок» перед «насильственным закрытием» встали не только торговые и заводские заведения и электрическое освещение, но даже присутственные места, такие как окружной суд, нотариусы, банки «с угрозами убивать тех, кто не подчиняются», «около месяца не работали почта и телеграф», «жизнь замерла и страшная катастрофа разорения надвигается»³⁸⁰. На заседании было высказано требование о том, что «Дума должна принять какие-нибудь меры к тому, чтобы жизнь обывателей не находилась в такой опасности, в какой она находится теперь вследствие того, что масса вооружённых людей не стесняется стрелять на улицах, чтобы ни торговые, ни заводские, ни всякие другие учреждения не подвергались насильственному закрытию со стороны лиц, враждебно относящихся к труду»³⁸¹.

Провинция была взбаламучена событиями первой русской революции, и обыватель уже не собирался успокаиваться. 28 декабря 1909 г. в посаде Мелекесс Ставропольского уезда в народном доме был устроен танцевально-костюмированный вечер с выдачей призов за наиболее оригинальный костюм. Среди собравшихся гостей в начале вечера появился загримированный молодой человек, как впоследствии оказалось, уволенный ученик Симбирского коммерческого училища Власов, в костюме, изображающем политического преступника, приговорённого к смертной казни. Одетый в грязное и поношенное платье, Власов держал в руках, по обеим сторонам туловища, сделанную из картонных трубок виселицу. Спускавшаяся с виселицы верёвка обматывала шею замаскированного, а на перекладине был прикреплен картон с надписью «За слово». Власов был тотчас же удалён полицией. На этот же вечер в половине второго ночи пришёл судебный следователь второго участка Ставропольского уезда Красноярский. Исполнявший должность пристава посада Мелекесс Василий Верозуб отозвал судебного следователя в сторонку, рассказал ему про костюм Власова и попросил совета, как поступить в данном случае: **«донести ли об этом начальству или же ограничиться со-**

общением об этом жандармским властям и прокурору»³⁸².

Красноярский ответил, что он прислушается к разговорам публики, подумает, а затем даст просимый совет. Через полчаса Верозуб снова разыскал Красноярского и попросил всё-таки ответить ему. Тогда Красноярский сказал: *«Власов совсем ещё мальчишка, за поведение на вечере его просто следовало бы побить, а доносить об этом начальству не стоит, впрочем – это Ваше дело»³⁸³*. Верозуб всё-таки донос написал, о чём, встретившись 31 декабря с Красноярским, сообщил ему. *«Напрасно, – ответил Красноярский, – Власова исключат из учебного заведения»³⁸⁴*. Красноярский был после этого заподозрен в том, что *«придерживается левых взглядов»*. Об этом свидетельствовали другие доносы о его репликах. Так, ставропольский уездный врач Дютнер сообщал, что Красноярский в разговоре с приставом четвёртого стана Ставропольского уезда осуждал действия правительства по поводу военного суда и, в частности, осуждал деятельность губернатора Якунина за приговор о смертной казни для политического преступника³⁸⁵.

Таким образом, политическая ситуация в стране добавила к традиционным девиациям, связанным с преступлениями уголовного порядка, политические девиации и нравственные, являющиеся неизбежным следствием репрессивного контроля над населением. Общая атмосфера вседозволенности, этически подкреплённая революционными идеями, приводила к появлению нового хулиганства – хулиганства революционного. Исчезали старые дегрессивные символы, скреплявшие традиционные городские общины, и вместе с ними разрушалась «уставная норма», исчезал порядок. Общество мещан города из последних сил пыталось привести всё в систему. Но если раньше оно изгоняло из своей среды «порочных», и «кристаллическая решётка» сословной организации от этого не страдала, то в ситуации, когда общество менялось изнутри, интенсивно пополняясь около революционным элементом, всё труднее становилось определить «порок» и избавиться от него. «Порок» пропитал сам воздух города и создал иной язык, синкретический язык, на котором говрил обыватель революционной эпохи, объединяющий саму идею, её адаптированный обывательской средой вариант и новые комму-

никативные эмоции. При этом сама дисциплинарная сословная структура продолжала функционировать, создавая видимость непоколебленного целого. Имперские сословные ритуалы спасали обывателя от революционной стихии.

- ¹ Стихотворение неизвестного автора из дела З. Е. Ярыгина.
- ² ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.24. Л.312 (Об.)
- ³ Там же. Л.384.
- ⁴ Там же. Ф.170. Оп.6. Д.1483. Л.1.
- ⁵ Там же. Л.5,7.
- ⁶ Там же. Л.7.
- ⁷ Там же. Л.15.
- ⁸ Там же. Ф.217. Оп.1. Д.393. Л.533 (Об.).
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей. С. 193.
- ¹¹ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.26. Л.157- 157 (Об.).
- ¹² Там же. Ф.170. Оп.6. Д.122. Л.81 (Об.).
- ¹³ Там же. Ф.217. Оп.1. Д.4. Л.1-1 (Об.).
- ¹⁴ Там же. Л.7.
- ¹⁵ Там же. Л.8.
- ¹⁶ Там же. Д.26. Л.167.
- ¹⁷ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.26. Л.925.
- ¹⁸ Там же. Л.925 (Об.).
- ¹⁹ Там же. Д.306. Л.4.
- ²⁰ Отчёт Самарской городской управы и подведомственных ей учреждений за 1888 год. Самара, 1890. С. 15.
- ²¹ ГУСО ЦГАСО. Ф.153. Оп.1. Д.905. Л.2-3.
- ²² Там же. Ф.217. Оп.1. Д.382. Л.32 – 33 (Об.).
- ²³ Там же. Д.306. Л.8-11.
- ²⁴ Там же. Ф.217. Оп.1. Д.8. Л.6.
- ²⁵ Там же. Л.6-6 (Об.).
- ²⁶ Гончаров И. А. Обломов: роман в 4 ч. М., 1954. С. 111-112.
- ²⁷ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.8. Л.6 (Об.).
- ²⁸ Там же. Л.7-9.
- ²⁹ Там же. Л.19.
- ³⁰ Там же. Л.9.
- ³¹ Там же. Л.15.
- ³² Там же. Л.16.
- ³³ Там же. Л.151-152.
- ³⁴ Там же. Л.226.

- ³⁵ Там же. Л.246.
- ³⁶ Там же. Л.245.
- ³⁷ Там же. Л.309.
- ³⁸ Там же. Д.14. Л.95.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же. Л.108.
- ⁴¹ Там же. Л.153-153 (Об.).
- ⁴² Там же. Д.26. Л.1747.
- ⁴³ Там же. Д.26. Л.1748.
- ⁴⁴ Там же. Д.89. Л.420.
- ⁴⁵ Там же. Л.428.
- ⁴⁶ Там же. Л.428 (Об.).
- ⁴⁷ Там же. Д. 89. Л.455.
- ⁴⁸ Там же. Ф.170. Оп.6. Д.621. Л. 199-199 (Об.)
- ⁴⁹ Власов П. В. Благотворительность и милосердие в России. М., 2001. С. 108.
- ⁵⁰ Цит. по: Власов П. В. Благотворительность и милосердие в России. М., 2001. С. 108-109.
- ⁵¹ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.88. Л.314, 362, 378, 385 (а), 386, 387, 394, 398, 413, 416,419, 430, 442, 472, 574, 613, 640, 670, 670 (а),682, 695, 785,825, 826, 832.
- ⁵² Там же. Л.1019.
- ⁵³ Там же. Л.1020.
- ⁵⁴ Там же. Л.388.
- ⁵⁵ Там же. Л.433 (Об.).
- ⁵⁶ Там же. Л.742.
- ⁵⁷ Приложение к Всеподданнейшему отчёту самарского губернатора за 1876 год. Самара, 1877. С. 57-58.
- ⁵⁸ Там же. С. 59.
- ⁵⁹ Приложение к Всеподданнейшему отчёту самарского губернатора за 1895 год. Самара, 1896. С. 33-34.
- ⁶⁰ Обзор Самарской губернии за 1901 год. Самара, С. 24.
- ⁶¹ ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.785. Л.8.
- ⁶² Там же. Ф.217. Оп.1. Д.85. Л.66 (Об.)-67 (Об.).
- ⁶³ Там же. Ф.153. Оп.1. Д.90. Л.182 (Об.) - 184.
- ⁶⁴ Там же. Ф.217. Оп.1. Д.235. Л.181.
- ⁶⁵ Там же. Л.181 (а)
- ⁶⁶ Там же. Ф.217. Оп.1. Д.235. Л.181 (а) (Об.)-181 (б).
- ⁶⁷ Там же. Л.181 (б)(Об.).
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Там же. Ф.170. Оп.6. Д.493. Л.48.- 48 (Об.).
- ⁷⁰ Там же. Л.48 (Об.).
- ⁷¹ Там же. Ф.217. Оп.1. Д. 235. Л.188-266.
- ⁷² Там же. Л.189.
- ⁷³ Там же. Л.190.

- ⁷⁴ Там же. Л.191.
⁷⁵ Там же. Л.193 (Об.).
⁷⁶ Там же. Л.194 (Об.).
⁷⁷ Там же. Л.195.
⁷⁸ Там же. Л.196 (Об.).
⁷⁹ Там же. Л.197.
⁸⁰ Там же. Л.202,203,204.
⁸¹ Там же. Л.211.
⁸² Там же. Л.212.
⁸³ Там же. Л.213.
⁸⁴ Там же. Л.224.
⁸⁵ Там же. Л.228 (Об.).
⁸⁶ Там же. Л.232, 233, 234.
⁸⁷ Там же. Л.237.
⁸⁸ Там же. Л.255.
⁸⁹ Там же. Л.261.
⁹⁰ Там же. Ф.170. Оп.6. Д.625. Л.178 (Об.).
⁹¹ Там же. Ф.217. Оп.1. Д.43. Л.686.
⁹² Фуко М. Надзирать и наказывать. С. 289.
⁹³ Там же. С. 290.
⁹⁴ Там же. Ф.217. Оп.1. Д.49. Л.72 (Об.).
⁹⁵ Приложение к Всеподданнейшему отчёту самарского губернатора за 1896 год. Самара, 1897. С. 36.
⁹⁶ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.445.
⁹⁷ Там же. Д.345. Л.1-64.
⁹⁸ Там же. Д.345. Л.17.
⁹⁹ Там же. Л.34.
¹⁰⁰ Там же. Л.34 (Об.).
¹⁰¹ Там же. Д.367. Л.1-47.
¹⁰² Там же.
¹⁰³ Там же. Д.394.
¹⁰⁴ Там же. Ф.8. Оп.1. Д.990. Л.41 (Об.).
¹⁰⁵ Там же. Л.16.
¹⁰⁶ Приложение к Всеподданнейшему отчёту самарского губернатора за 1910 год. Самара, 1911. С. 30-31.
¹⁰⁷ Там же. Приложения идут без нумерации.
¹⁰⁸ Там же.
¹⁰⁹ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.398. Л.7.
¹¹⁰ Там же.
¹¹¹ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.418. Л.236.
¹¹² Власов П. В. Благотворительность и милосердие в России. М., 2001. С. 81-82.
¹¹³ Гиляровский В. А. Москва и москвичи // Гиляровский В. Москва и москвичи. Друзья и встречи. Т. 2. Куйбышев, 1965.
¹¹⁴ Там же. С. 73.

- 115 ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.235. Л.175-177.
116 Там же.
117 Там же. Л.175.
118 Там же. Л.175-177.
119 Там же. Д.89. Л.687 (Об.).
120 Журналы Самарской городской думы за 1893 г. Самара, 1893. С. 197.
121 ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.394. Л.18 (Об.).
122 Там же. Л.19.
123 ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.398. Л.121.
124 Там же. Д.416. Л.2.
125 Там же. Л.5.
126 Там же. Л.36.
127 Там же. Л.42.
128 Миронов Б. Н. Страсти по революции. С. 198.
129 Там же. С. 199.
130 Там же. С. 201.
131 Горький М. Жизнь Клима Самгина (Сорок лет) // Собрание сочинений в 16 томах. Т. 14. М., 1979.
132 Фуко М. Надзирать и наказывать. С. 201.
133 ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.243. Л.120.
134 Там же. Д.235. Л.31.
135 Там же. Л.36, 38, 39, 48.
136 Там же. Ф.170. Оп.6. Д.336.
137 Там же. Ф.3. Оп.233. Д.1604. Л.1-1 (Об.).
138 Там же. Л.3-4.
139 Там же. Л.6-6(Об.).
140 Там же. Л.11.
141 Там же. Л.12-12 (Об.).
142 Там же. Л.13.
143 Там же. Л.14.
144 Там же. Л.15-17.
145 Там же. Л.21.
146 Там же. Д.1620. Л.1-4.
147 Там же. Л.1.
148 Там же. Л.17.
149 Там же. Л.16.
150 Там же. Л.20.
151 Там же. Д.1593. Л.1-25.
152 Там же. Л.25.
153 Там же. Л.26.
154 Там же. Л.27 – 27 (Об.).
155 Там же. Л.30.
156 Там же. Ф.3. Оп.233. Д.1593. Л.32-32 (Об.).
157 Там же. Л.34-35.

- 158 Там же. Л.51.
- 159 Там же. Д.1558. Л.1-3.
- 160 Там же. Л.4.
- 161 Там же. Д.1542. Л.1-12.
- 162 Там же. Л.13-14.
- 163 Там же. Д.1563. Л.2-2 (Об.).
- 164 Там же. Л.5.
- 165 Фуко М. Надзирать и наказывать. С. 216.
- 166 Шелохаев В. В. Политические партии России в свете новых источников // Политические партии в российских революциях в начале XX в. М., 2005. С. 99.
- 167 Там же.
- 168 Политические партии России в период революции 1905-1907 гг.: колич. анализ: сб. ст. М., 1987.
- 169 Там же. С. 22.
- 170 Там же. С. 54-55.
- 171 Там же. С. 57.
- 172 Там же. С. 91-95.
- 173 Там же. С. 101.
- 174 Там же. С. 106.
- 175 Там же. С. 147.
- 176 Там же. С. 196, 237-242.
- 177 Там же. С. 80.
- 178 Там же.
- * К 1 января 1896 г. – 12604 чел. жителей г. Николаевска; училища духовное, уездное, 2-классное мужское, 2-классное женское, начальное; 7 фабрик и заводов с производством на 42 300 р.; типография; ж/д. станция (Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 41. С. 543.) (Ныне г. Пугачёв)
- * Бульвар упоминается без уточнений названия улицы в деле З.Е. Ярыгина.
- * В толковом словаре В. Даля «юноша» определяется как «молодой», «парень от 15 до 20 лет и более», горюю романа Ф. М. Достоевского «Подросток» уже исполнилось 20 лет – нечёткость в возрастных градациях дореволюционной России позволяет отнести героев данной статьи к миру детства.
- 182 Твен М. Приключения Тома Сойера. М., 1954. С. 3-4.
- 183 Леонов М.И. Партия эсеров: середина 90-х годов XIX века – 1907 год // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М., 2005. С. 411.
- 184 Там же.
- 185 Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: Радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М., 1999. С. 41.
- 186 Там же. С. 45.

- ¹⁸⁷ Там же. С. 79.
- ¹⁸⁸ Там же. С. 92.
- ¹⁸⁹ Там же. С. 22.
- ¹⁹⁰ Леонов М. И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. М., 1997. С. 126.
- ¹⁹¹ Там же. С. 23.
- ¹⁹² Там же. С. 23, 44.
- ¹⁹³ Там же. С. 24.
- ¹⁹⁴ Там же. С. 409.
- ¹⁹⁵ Леонов М. И. Эсеры в революции 1905-1907 гг. Самара, 1992. С. 112.
- ¹⁹⁶ Там же. С. 164-166.
- ¹⁹⁷ Леонов М. И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. М., 1997. С. 136.
- ¹⁹⁸ ЦГАСО. Ф.468. Оп.1. Д. 958. Л. 9.
- ¹⁹⁹ Там же. Л. 1.
- ²⁰⁰ Там же. Л.7.
- ²⁰¹ Там же. Л.10.
- ²⁰² В материалах фонда канцелярии губернатора о расследовании деятельности секты хлыстов в Самарской губернии встречаем аналогичные характеристики (ГАСО. - Ф.3. - Оп.233. - Д.1558.)
- ²⁰³ Там же. Л.20, 24.
- ²⁰⁴ Там же. Л.27, 28, 29, 31, 33.
- ²⁰⁵ Леонов М.И. Партия эсеров: середина 90-х годов XIX века – 1907 год // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М., 2005. С. 407.
- ²⁰⁶ Там же. С. 408.
- ²⁰⁷ ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 958. Л. 10.
- ²⁰⁸ Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания. Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья //http: www. Fedy-diary С.3.
- ²⁰⁹ ГУСО ЦГАСО. Ф. 468. Оп.1. Д. 958. Л. 10 (Об.).
- ²¹⁰ Там же. Л. 11.
- ²¹¹ Гурвич И. А. Преступление Раскольникова и его объяснение // Известия АН СССР. Сер. лит. и языка. 1988. № 1-2. С. 44.
- ²¹² Там же. С. 46.
- ²¹³ Достоевский Ф. М. Идиот // Собрание сочинений: в 15 т. Т. 6. Л., 1988.
- ²¹⁴ Лярский А. Б. Самоубийства учащихся как феномен системы социализации в России на рубеже XIX-XX веков. СПб., 2010. С. 11.
- ²¹⁵ Цит. по: Лярский А. Б. Самоубийства учащихся. С. 19.
- ²¹⁶ Там же. С. 248.
- ²¹⁷ Там же. С. 257.
- ²¹⁸ Гуревич А. Я. Человеческое достоинство и социальная структура: опыт прочтения двух исландских саг // Одиссей. М., 1998. С. 5-7.

- 219 ГУСО ЦГАСО. Ф. 468. Оп.1. Д. 958. Л. 11-11 (Об.).
220 Там же. Л. 11.
221 Там же.
222 Там же. Л. 9 (Об.).
223 Там же. Л. 11 (Об.).
224 Там же. Л.9.
225 Там же. Л. 12.
226 Там же. Л. 13.
227 Там же. Л. 271.
228 Там же. Л.91.
229 Твен М. Приключения Тома Сойера. Приключения Гекльберри Финна. М., 1987. С. 226.
230 Лавров А. С. Колдовство и религия в России. 1700-1740 гг. М., 2000. С. 27-35.
231 ГУСО ЦГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.467. Л. 1-2.
232 Там же. Листы в деле далее не пронумерованы.
233 Там же.
234 Там же. Ф.153. Оп.36. Д.1144, Л. 62 (а).
235 Там же. Л.45.
236 Блюменталь И. И. Социал-демократия и революционное движение 1905 г. в Самарском крае: материалы по истории РКП (б) и революционного движения. Самара, 1925. С. 4-10.
237 ГУСО ЦГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.484. Л.5-21.
238 Там же. Л.27-27 (Об.).
239 Там же. Д.455. Л. 8-25 (Об.).
240 Там же. Д.490. Л. 5-27.
241 Там же. Д.468. Л. 2.
242 Там же. Д.460. Л.2-4
243 Там же. Л.4.
244 Там же. Д. 470, 484, 490, 486, 460, 411 «А», 438, 439, 424, 418, 442, 458, 456, 455, 563 и др.
245 Там же. Д.456. Л.1 (Об.).
246 Там же. Д.411 (а). Л.6-24.
247 Там же. Д.438. Л. 1-18.
248 Там же. Д. 439. Л. 2-16.
249 Там же. Д. 418, Л.5,6.
250 Там же. Д.442. Л.8 (а).
251 Там же. Д.492. Л.2-3.
252 Там же. Л.14.
253 Там же. Д.491. Л.4-11.
254 Там же. Д.458. Л.6-27.
255 Там же. Д.514. Л.18-25 (Об.).
256 Там же. Д.563. Л.1.
257 Там же. Д.543. Л.5-6.
258 Там же. Д.546. Л.1.

- 259 Там же. Д.518. Л.1-7 (Об.).
260 Там же. Д.573. Л.1-11.
261 Там же. Д.573. Л. 23 (Об.)-34 (Об.).
262 Там же. Л.50 (Об.).
263 Там же. Л.51.
264 Там же. Л.51 (Об.).
265 Там же. Д.573. Л. 50.
266 Блюменталь И. И. Социал-демократия и революционное движение. С. 21.
267 ГУСО ЦГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.490. Л.2.
268 Там же. Л.11-15.
269 Там же. Д.486. Л.1-5.
270 Там же. Д.554. Л.7.
271 Там же. Д.506. Л. 3-12.
272 Там же. Л.12.
273 Там же. Л.17-17 (Об.).
274 Там же. Л.22.
275 Там же Там же. Д.500.
276 Там же. Л.1-3 (Об.).
277 Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России. С. 249.
278 Там же. С. 251.
279 Виртшафтер Э. К. Социальные структуры. С. 198.
280 Там же. С. 203.
281 ГУСО ЦГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.675.
282 Там же. Л.22-22 (Об.).
283 Там же. Л.26 (Об.).
284 Там же. Д.657. Л.13.
285 Там же. Л.25 – 25 (Об.).
286 Там же. Л.26.
287 Там же. Л.26 (Об.).
288 Там же. Л.27 (Об.)-28.
289 Там же. Л.28 (Об.).
290 Там же. Д.470. Л.1-2.
291 Там же. Л.5-5 (Об.).
292 Там же. Л.6-10.
293 Там же. Д.671. Л.1-4 (Об.).
294 Там же. Л.5 (Об.)-8.
295 Там же. Л.42.
296 Там же. Д.677. Л.1.
297 Там же. Л.5-25.
298 Там же. Л.77.
299 Там же. Л.46 (Об.).
300 Там же. Л.38.
301 Там же. Л.39.
302 Там же. Д.677. Л.52.

- 303 Там же. Л.55.
304 Там же. Л.79.
305 Там же. Д.704. Л.1-15.
306 Там же. Д.706.
307 Там же. Л.1-5 (Об.).
308 Там же. Д.459. Л.3-66 (Об.).
309 Там же. Д.847. Л.1,3,8.
310 Там же. Д.847. Л.8-8 (Об.).
311 Там же. Л.9.
312 Там же.
313 Там же. Л.12.
314 Там же. Л.13.
315 Там же. Л.16.
316 Там же. Л. 24.
317 Там же. Л.27.
318 Там же. Д.847. Л.27.
319 Там же. Л.28,43.
320 Там же. Д.957.
321 Там же. Л.4.
322 Там же. Д.957. Л.13-18.
323 Там же. Д.864. Л.4-4 (Об.).
324 Там же. Л.12.
325 Там же. Д.834. Л.4.
326 Там же. Л.1.
327 Там же. Д.834. Л.8-9(Об.).
328 Там же. Л.21.
329 Там же. Д.945.
330 Там же. Д.941.
331 Там же. Д.905.
332 Там же. Д.672.
333 Там же. Д.695.
334 Там же. Л.1.
335 Там же. Л.4.
336 Там же. Л.5 (Об), 12.
337 Там же. Л.12.
338 Там же. Д.695. Л.13.
339 Там же. Л.13-22.
340 Там же. Д.672. Л.1-1(Об.).
341 Там же. Л.3-4.
342 Там же. Л.12-13.
343 Там же. Л.6.
344 Там же. Л.37.
345 Там же. Л.45 .
346 Там же. Л.45 (Об.).
347 Там же. Л.46.

- 348 Там же. Л.103.
349 Там же. Л.108.
350 Там же. Л.108-110.
351 Там же. Д.630. Л.1.
352 Там же. Д.630. Л.6, 31, 49.
353 Там же.
354 Там же. Д.598. Л.1.
355 Там же. Л.1-1(Об.).
356 Там же. Д.598. Л.23-24.
357 Там же. Л.5.
358 Там же. Л.25 (Об.).
359 Там же. Л.29 (Об.)-30.
360 Там же. Д.566. Л.1.
361 Бухараев В. М. Провинциальный обыватель. С. 32.
362 Адрес-календарь Самарской губернии на 1905 год. Самара, 1905.
363 Блюменталь И. И. Социал-демократия и революционное движение 1905 года в Самарском крае // 1905 год в Самарском крае: материалы по истории РКП(б) и революц. движения. Самара, 1925.
364 ГУСО ЦГАСО. Ф.153. Оп.36. Д.1144. Л. 1(а), 1(б).
365 1905 год в Самарском крае. Самара, 1925. С. 10.
366 Там же. С. 13.
367 Там же.
368 Там же. С. 15.
369 Там же. С. 17.
370 Там же. С. 20-21.
371 Там же.
372 Там же. С. 29-55.
373 Там же. С. 22-23.
374 Там же. С.28-29.
375 Блюменталь И. И. Социал-демократия и революционное движение 1905 года в Самарском крае... С. 10.
376 ГУСО ЦГАСО. Ф.153. Оп.36. Д.1112. Л.1(а), 1 (б); Д.1124. Л.7.
377 Там же. Д.1136. Л.6.
378 Там же. Д.1144. Л.4 (б).
379 Там же. Л.45.
380 Там же. Л.62 (а).
381 Там же.
382 Там же. Ф.8. Оп.1. Д.706. Л.4.
383 Там же. Ф.8. Оп.1. Д.706. Л.4.
384 Там же.
385 Там же.

ГЛАВА 2. ВЛАСТЬ И ДУША: МЕЩАНЕ- «РАСКОЛЬНИКИ» В ГРАНИЦАХ «ПРАВОСЛАВНОГО ЦАРСТВА»

*По упорству и закоснению в заблуждении
своём остались непреклонными»...*

*Подумаем, подумаем, братцы
Подумаем, погадаем, братцы
Как на земле жить, как Богу служить
Как прежние жили, как Богу служили
В вере терпеливы, в любви чистоте...*
Хлыстовский кант

Мещанин в пореформенной России – это горожанин, застигнутый процессом социальной модернизации. Б. Н. Миронов рассматривает секуляризацию жизни как важнейшее направление социальной модернизации: «Мы имеем множество свидетельств современников о том, что со временем посещаемость церкви падала, соблюдение постов становилось менее строгим, заключались гражданские браки и т. д.»¹. Однако в рамках нашего исследования мы хотели бы проследить появление признаков социальной модернизации не в десакрализации повседневной жизни мещанина, а наоборот, в его религиозности, но взятой не со стороны официального православия, а в контексте «народной веры», под которой мы будем понимать формы повседневного религиозного поведения и которая находилась между мистицизмом «духовного христианства» и рационализмом городского менталитета. И только по таким признакам, как религиозные практики, специфические типы идеологий и фольклорных текстов, можно опознавать границу между «сектантами» и «не сектантами» в массовой городской культуре. А. А. Панченко считает, что понимание «секты» как «социальной организации религиозных диссидентов, противопоставляющих себя господствующей религии»², возникло «не без усердной помощи идеологии православного фундаментализма»³. До указа от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении»

нии начал веротерпимости» в таком аспекте понимала власть религиозное инакомыслие, объединяя его термином уничижительного характера «раскольники». В указе от 12 декабря 1904 г. в этом отношении существует важное терминологическое уточнение: «установить различие между вероучениями, соединёнными ныне под наименованием «раскол», разделив их на три группы: а) старообрядческие согласия, б) сектанство, в) последователи изуверных учений»⁴. Но указ 1905 г. о веротерпимости фактически предоставлял и старообрядцам, и сектантам равные права в религиозном отношении. Однако в Списке населённых мест Самарской губернии за 1910 г. встречаем следующее понятийное разведение: «православных и единоверцев – 77,3%; раскольников 3,4%...»⁵. Таким образом, термин «раскольники» продолжает бытовать в официальной речевой практике. Более того, в силу того, что «русская культура считается особенно психологичной» из-за «социальной структуры, которая из-за самодержавного контроля приобрела авторитарный квазисемейный характер», и из-за «противостояния между государством и личностью», которое с середины XIX в. «выдвигается в центр культурной рефлексии»⁶, «игра» понятиями приобретает особый смысл в дихотомии власти и общества и не всегда ведётся сознательно. Анализ употребления тех или иных понятий как случайных, бессознательных оговорок представляется весьма перспективным для выяснения отношения общества к вопросу религиозного инакомыслия. Несмотря на то, что за списки отвечал образованный при министерстве внутренних дел центральный статистический комитет, на местах они составлялись земскими статистиками, чьим «пером» употребление слова «раскольники» было сохранено, в частности, в данном источнике. После Именного Высочайшего Указа от 17 октября 1906 г. «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов», самарское губернское правление 30 января 1907 г. утвердило «Общину старообрядцев Поморского законно-брачного согласия», большинство членов которой принадлежали к сословию мещан г. Самары⁷. Но в выдаваемых им из мещанской управы г. Самары видах на житель-

ство всё равно было написано: «раскольник-сектант Поморской секты Поморского толка»⁸. Для людей, столько времени подвергавшихся гонениям, было чрезвычайно важно легитимировать их статус и на бумаге. В частности они писали в управу заявления, чтобы на документах было написано: «Старообрядец поморского законно-брачного согласия»⁹. Упрямые служащие управы никак не хотели заменять выражение «раскольник-сектант» на «старообрядец». В результате старообрядцы обратились в губернское правление, чтобы «мещанской управе дали предписание правильно обозначать»¹⁰.

Так как в Российской империи «конфессиональный статус являлся важным элементом идентичности и способом классификации подданных властями»¹¹, это позволяет нам рассмотреть техники власти в отношении религиозного инакомыслия среди провинциальных мещан на примере старообрядцев и сектантов (хлыстов) в период до 1905 г. Религиозные практики и тех и других могут быть отнесены к «народной религиозности», под которой следует понимать «верующего человека, взятого с субъективной стороны его веры»¹². Опять-таки, понятие «религиозное сектантство» объединяло в русской речевой культуре как старообрядцев, так и духовных христиан. Их истоки уходят в один и тот же период XVII века. С той только разницей, что староверам жизненно необходима была книжная культура. И эта же книжная культура вызвала такой жест эсхатологического отчаяния, как избавление от всех книг основателем хлыстовства. Появление этой секты относят к 1645 году, основателем называют уроженца Костромы Данилу Филипповича. В момент, когда никониане и их противники вчитывались в книги, «готовясь сделать мелкие варианты текста главным предметом смертной схватки»¹³, Данила Филиппович собрал все книги и выбросил их в Волгу со словами, что никаких книг не надо, а нужна одна книга «не писаная, книга золотая, книга животная, книга голубиная: сам сударь Дух Святой»¹⁴.

Понятие секты, как пишет Д. А. Таевский, характерно для тоталитарных обществ и религий. Секты появляются в среде тех религий, которые претендуют на исключительность, абсолютную истину, полную непогрешимость – т. е. прежде всего в иудаизме,

христианстве и исламе.¹⁵ По классификации сект, приводимой Д. А. Таевским, хлысты принадлежат к православным сектам – духовному христианству (Старому русскому сектантству) – христоверам (в число которых помимо хлыстов входят богомолы, люди божии, монтане, последователи христовой веры), которые в свою очередь состоят из беседников, голубцов, дурмановщины, духовных христиан Дубово-Умётской веры, еленушкиной секты, иннокентьевцев, искуплённого Израиля, квасников, марьяновцев, мормонов духовно-христианского направления, новохлыстов, паниашковцев, плясунов и постников, телешей, шалопутов и штундохлыстов¹⁶. Хлысты принадлежат к третьему мистическому направлению народной веры, которое одновременно отталкивается и от православной обрядности, и от рационализма в религии¹⁷. Это деление сект на мистические и рационалистические происходило от миссионерской литературы. Рационалистическими именовались секты, в которых предполагалось западное, протестантское влияние. Мистическими назывались секты более оригинальные и почвенные. Названия сект – сектонимы – давались чаще всего внешними и враждебными наблюдателями и несли оскорбительные коннотации¹⁸. «Секты – особая сторона русской истории, её культурная изнанка... В России религиозное инакомыслие приняло необычайно радикальный характер. Оно породило уникальные идеи и формы жизни, но так и не сумело войти в основное тело культуры», – пишет в предисловии к книге «Хлыст» А. Эткинд¹⁹. Однако нам кажется более верным замечание А. Панченко о том, что «идея исследования «культуры безмолвствующего большинства» является, в сущности, парадоксальной. Большинство оказывается безмолвствующим именно потому, что не получает права голоса. За него говорят представители социальной элиты: начиная с проповедников и инквизиторов и заканчивая политиками и фольклористами»²⁰. Поэтому нельзя утверждать, что «религиозное инакомыслие... не сумело войти в основное тело культуры». С другой стороны, в исследовании А. Эткинды, на которое достаточно резко обрушивается А. А. Панченко²¹, обвиняя в «постмодернистской логике», в отсутствии систематизации этнографических и фольклорных данных при формулировке «историко-антропологических, социологических

и даже психоаналитических объяснений хлыстовской и скопческой экстастики, эсхатологии, религиозного самозванства, ритуальной кастрации и т.д.»²², существуют, на наш взгляд, такие эвристически значимые соображения в отношении рационализации сознания горожанина, которые необходимы для осмысления исторического процесса модернизации с новых методологических позиций «преодоления скучной дробности методов, дисциплин, предубеждений»²³.

И, наконец, следует оговориться, что в рамках данного исследования мы не претендуем на полный анализ проблемы народной религиозности мещан в пореформенной России. Импульсы источников выбросили этот вопрос как болевой в повседневных практиках города. «Сектанты», «раскольники», так же как и «хулиганы», «революционеры», являлись нарушителями дисциплины, к которым власть применяла «правило общей истины»²⁴. В нашем исследовании совершенно не слышен голос православной паствы в отношении религиозного инакомыслия своих однообщественников (за исключением реакции мещанского общества на принятие их в свою среду и исключение), так как он не озвучен теми группами источников, которые нами были определены в качестве базовых. Это происходит, на наш взгляд, из-за того, что религиозная нетерпимость в отношении русского старообрядчества и мистических сект в большей степени навязывалась властью и церковью сверху, чем была распространена снизу, в среде горожан. Как пишет в этом отношении М. Фуко, «различные противозаконности, характерные для каждой общественной группы, поддерживали отношения не только соперничества, конкуренции, конфликта интересов, но также взаимной поддержки и участия»²⁵. И, наконец, официальная идеология не обладала ещё таким количеством информационных средств, которые позволили бы создать негативный образ «раскольника» в массовом сознании городского населения. Этот образ активно создавался «Самарскими епархиальными ведомостями», но целевая аудитория этого издания была ограниченной. Кроме того, терпимость такого фронтального города, как Самара, к различным видам инаковости порождала неофициальную синкретическую городскую культуру низов, в которой проблема веротерпимости

была подчинена другим законам и другим стихиям, связанным с практиками выживания, конкуренции, борьбы новаций и традиций в повседневном быту. И, наконец, следует отметить тот факт, что городская народная религиозность изучена фольклористами, на чьи исследования можно было бы опереться в данном случае, гораздо меньше, чем крестьянская.

После указа 1762 г. старообрядцам было разрешено селиться по берегам рек Волги и Иргиза²⁶. После разгрома Иргизских монастырей в 1837–1841 гг. саратовским губернатором Степановым многие старообрядцы переселились в сёла и деревни Бузулукского и Бугурусланского уездов²⁷. И с самого начала распространения старообрядчества в Среднем Поволжье так сложилось, что «посадским ... жителям невозможно было открыто исповедовать свою веру. Попытки строительства новых молитвенных домов заканчивались их закрытием и арестом устроителей»²⁸. Среди городских жителей Самары, относящихся к старообрядцам, следует выделить купечество. Авторы коллективной монографии «Самарское купечество: вехи истории» характеризуют этноконфессиональный состав купцов, но не выделяют проблему купеческого религиозного инакомыслия и его взаимоотношения с властью города. За период с 1895 по 1916 гг. в составе самарского купечества численно преобладали православные, но были представлены ещё 11 религиозных конфессий, включая старообрядцев, единоверов, духовных христиан и др.²⁹ Для примера, в 1895 г. в среде самарского купечества был 141 православный, 7 старообрядцев, 2 единове́ра, 4 духовных христианина³⁰. Как отмечает в своём исследовании В. В. Катькова, «Самарская губерния с момента её образования официально числилась среди наиболее «зараженных расколом» российских губерний», и приводит данные, что в конце 50-х гг. в губернии насчитывалось 32 441 чел. старообрядцев³¹. В 1895–1897 гг. старообрядцев в губернии становится 81462 чел.³² В Самарской губернии старообрядчество было представлено «достаточно широким спектром согласий и толков: поповцы, признававшие белокриницкую (австрийскую) церковь; беглопоповцы, не признававшие белокриницкую церковь... поморцы (даниловцы), признававшие брак как одно из таинств православной церкви; поморцы (федосеевцы), отрицавшие брак

как священное таинство; спасовцы... (которые) делились на староспасовцев и новоспасовцев; часовенное согласие (разновидность спасова согласия); странники, или бегуны, считавшие, что надо всё время менять место жительства, спастись от Антихриста. Из этих согласий и толков наиболее широко представлены в Самарской губернии... поповцы... , беглопоповцы и поморцы»³³. Несмотря на то, что в 1858 г. министерство внутренних дел разослало губернаторам два секретных циркуляра, запрещающих вмешиваться в дела старообрядцев и прекратить преследование старообрядческих священников, самарский губернатор не дал этим документам никакого практического применения³⁴. Дальнейшие попытки правительства законодательным порядком облегчить статус старообрядцев (1864, 1874 гг.) на практике не облегчили их положение. Местными светскими и церковными властями продолжали закрываться старообрядческие храмы, монастыри, молельные дома³⁵. В 1864 г. в Самаре мещанами Захаровыми и Власовыми были устроены два молельных дома. Но по доносу в этом же году эти дома были закрыты и опечатаны, имущество арестовано и увезено в Духовную консисторию³⁶. Тогда Д. П. Захаров «вступает в многолетние тяжбы, добиваясь возврата икон и книг»³⁷. Спустя несколько лет его сын П. Д. Захаров выкупает у города здание бывших полицейских казарм, перестраивает его и открывает новый молитвенный дом – Крестовоздвиженский храм. Вскоре открывается и Власовская молельная³⁸. В 1878 г. в Самаре появляется Любимовская молельная, основанная купцом Ф. М. Любимовым (из мещан Кинешмы). В 1890-е гг. в Самаре действовали пять общин старообрядцев-поморцев, в том числе молитвенный дом мещанина П. Г. Шунина³⁹. В 1883 г. выходит закон «О даровании раскольникам некоторых прав гражданских по отправлению духовных треб», согласно которому власти не должны были им чинить препятствия в выдаче паспортов и занятии торговлей и промыслами. Но положение старообрядцев не стало лучше, чему свидетельствуют жалобы в Правительствующий сенат на притеснения со стороны местных властей, которые продолжали проводить «запечатание» старообрядческих молелен, конфискацию икон, книг, различных предметов богослужебного назначения⁴⁰. И несмотря на разъяснения Прави-

тельствующего сената на места в 1897 г. о том, что иконы, книги и другие богослужебные предметы не могут быть отобраны у тех, кто имеет на них право собственности, книги в Самаре у старообрядцев продолжали отбираться⁴¹. Так как до 1905 г. старообрядцам запрещалось иметь общественную собственность, то есть записывать молитвенные дома на общины, все моленные записывались на частных лиц. Сразу после 1905 г. на старообрядческих моленных зданиях стали надстраиваться небольшие купола с крестами, что было ранее запрещено властью. 27 (14) сентября 1905 г. в самарском Крестовоздвиженском храме собрался Третий самарский всероссийский собор христиан-поморцев, 200 человек⁴². Постоянными попечителями Крестовоздвиженского храма были состоятельные самарские мещанские семьи, владевшие недвижимостью, пароходами, баржами, занимавшиеся сплавом грузов по Волге: Годуновы, Крашенинниковы, Карповы и др.⁴³ И тем не менее даже после указа о веротерпимости в годы первой русской революции, губернские власти проводили порой жестокую по отношению к старообрядцам политику⁴⁴. Однако после указа 1906 г., как отмечает А. А. Наумлюк, административные притеснения власти в отношении старообрядцев в Самаре пошли на спад, приняв форму публичных и частных бесед и проповедей, а старообрядцы начали активно регистрировать свои общины⁴⁵. В 1912–1913 гг. в Самаре была построена церковь Успения Пресвятой Богородицы, объединившая общины Власовской и Шунинской моленных⁴⁶. К 1917 г. на территории Самары действовали три старообрядческих общины: Крестовоздвиженского храма, Успенской церкви и Любимовской моленной⁴⁷.

Из 95461 горожан Самары в 1910 г. православных и единоверцев было 77,5%; раскольников – 3,4%; католиков – 2,1%; лютеран – 6,4%; остальных христианских вероисповеданий – 0,2%; иудеев – 0,1%; магометан – 10,3%; остальных нехристианских вероисповеданий – 0,2%⁴⁸. «Состоящие в расколе» члены мещанского общества города фиксировались не только духовным ведомством, но и мещанским обществом. Так, по списку семейств многорабочего участка Самары, состоящих в расколе, можно увидеть, что в 1855 г. это были большие семьи, состоящие в среднем из 8–14 человек, всего 29 семейств. Среди них выделяются: мо-

локане, поповщицкая секта и поморского согласия⁴⁹. Но в целом, рассматривая проблему борьбы самарских духовных и светских властей с религиозным инакомыслием, следует иметь в виду, что речь идёт о меньшинстве сословия.

В результате реформ 1860-х гг. «система ценностей... городских низов переживала трансформацию, в их поведении наблюдался рост рационализма, прагматизма, расчётливости, индивидуализма»⁵⁰. Для многих вопросы веры не являлись настолько принципиальными, чтобы помешать их социально-экономическому благополучию. Много проблем автоматически устранялось при переходе в православие. Так из прошения самарского мещанина Алексея Акинфова Грачёва, перешедшего из молокан в православие, видно, что главный мотив сводится к предоставлению льгот от платежа податей. Он отказывается от всех отцовских заповедей и пишет в 1858 г. в думу: *«По примеру моего родителя Самарского 3 гильдии купца Акинфия Прохорова Грачёва содержал я молоканскую секту»*. Но вопреки воле родительской *«оставил... ту пагубную ересь которую считает он истинным путём ко спасению и обратился к православию каковое желание моё исполнено»*. К делу прилагалась справка, подтверждающая его обращение в православие⁵¹. Хвалынский мещанин Алексей Дионисиев Грачов изъявил желание перейти из поморской секты в православие и обратился с этим в Самарскую духовную консисторию⁵². Также в православие «из раскола» решили перейти самарские мещане Андрей Микунов и жена его Ульяна⁵³. О желании присоединиться к православию писала в своём обращении в консисторию и самарская мещанка Ксения Филиппова: *«Я, нижеподписавшаяся г. Самары умершего мещанина Сергея Давыдова жена Ксения Филиппова дала сию подписку при нижеподписавшихся свидетелях в том что я с малолетства своего состою в расколе секты поморской, ныне же ... решительное моё желание присоединиться к православию и обязуюсь прибыть в оном до конца моей жизни непоколебимо»*⁵⁴. К «единоверию» присоединился из «раскола Спасовой секты» в 1852 г. мещанин г. Николаевска Герасим Болдов с семейством⁵⁵. До этого, в 1848 г. он был сослан за раскол под надзор саратовской градской полиции. После перехода в православие ему разрешили вернуться

«в место его жительства в г. Николаевск»⁵⁶. При анализе такого явления, как переход из старообрядчества в православие, следует учитывать и такой фактор, как предоставление трёхлетних льгот от платежа податей тем, кто переходил из «сект к единоверию» (кроме скопцов)⁵⁷. Из поморской секты глава обращённого в православие семейства самарских мещан Спиридон Николаев Ушагов писал: «*Я нижеподписавшийся самарский мещанин изъявляю решительное и искреннее желание присоединиться к единоверию и обязуюсь **пребывать в послушании***»⁵⁸. В принципе, все подобные расписки были составлены и написаны по одному образцу с небольшими разночтениями: «*состоя от рождения моего в расколе поповщинской секты убеждены оставить раскол...*», – писали самарские мещане «числом 10 душ» в 1852 г.⁵⁹

В отношении «раскольников» православная церковь проводила процедуру увещевания (в источниках встречается и вариант «увещания»). Слово «увещевать» в библейских текстах означает «призывать», «просить», «утешать», «ободрять». Увещевание является также основным элементом проповеди. Однако на практике данная процедура была ненавистна семьям, не состоявшим в православии, так как отвлекала их от хозяйственных дел и отдавала в руки «маленьких начальников», которые в России неизбежно, в духовной или светской сферах, являются самыми неприятными персонажами. Большинство старообрядческих семейств продолжали и после увещаний оставаться в своей вере. Так, упорствующим в расколе мещанам сызранских мещанских хуторов Андрею Николаеву и его жене Феодосье Васильевой троекратно предлагали на увещаниях перейти в православие, но они «*по упорству своему остались непреклонными*»⁶⁰. Зыбкая грань между купечеством и мещанством проявлялась и в материалах дела о бугурусланских купцах, находящихся «в расколе». Вначале по документам они проходят как купцы, спустя некоторое время становятся мещанами. Марья Белоногова, стремясь избежать наказания за то, что 7 лет не была у исповеди, перешла в православие. На неё только наложили за это церковную епитимию на 7 недель. Спустя полтора года Марья умерла⁶¹. Среди списка раскольников г. Бугульмы, собранного в духовной консистории Самары за 1853 год, было много мещанских се-

мейств. Но у православной власти никак не получалось добиться, чтобы они прибыли на увещание. В графе, почему не явились, в основном значится: «*помер*», «*в отлучке*», «*болен*», «*осталась при детях*»⁶². А те семейства купцов и мещан, которые всё-таки прибыли для увещания, «*по упорству и закоснению в заблуждении своём, остались непреклонными*»⁶³. Поэтому было принято решение «*после троекратного увещания отпустить в их место жительства*»⁶⁴. К увещаниям призывались и те, кто вступил в брак не по православному обряду. Такой брак считался «*блудом*». Из старообрядческого семейства «*мещанскую девку Авдотью Аврамову Белоногову*» решено было предать церковному суду за блуд и подвергнуть церковному покаянию на 4 года под надзором приходского священника. К такому же покаянию была приговорена и её сестра Степанида. В материалах дела уточнялось, что «*не только за блуд, но ещё и раскольница Поморской секты*»⁶⁵. В конце концов консистория резюмировала: раз «*девка Белоногова поморской секты не повинуется попечениям православной церкви*»⁶⁶ и «*по упорству отклоняется*», «*как неповинующуюся правилам Святой Церкви предать гражданскому суду*», дело «*отослать в Самарскую уголовную палату*»⁶⁷. Так же поступили и с мещанами Балахонцевыми, Заглядиными, которые «*по упорству и закоснению в заблуждении своём остались непреклонными*»⁶⁸. В целом дело об увещании этих семейств из Бугульмы состоит из 227 листов. И везде в качестве итога попыток увещевать мещан-раскольников стоит запись: «*остались непреклонными*». Порой терпение старообрядцев лопалось и имели место такие заявления, как писала на гербовой бумаге мещанка г. Бугульмы Прасковья Анисимова Балахонцева: «*Всепресветлейший, Державнейший Великий Государь Император Александр Николаевич, самодержец всероссийский, государь всемилостивейший! 1. Живу я с дочерьми в г. Саратове. 2. Меня хотят в Самару выслать для увещания. 3. С открытием половодья и хорошего времени я сама намерена направиться в г. Самару явиться в духовную консисторию для обращения в православие. Я давно уже с детьми своими обратилась в православие...*»⁶⁹. Слову мещанки-раскольницы, безусловно, никто не поверил. Затребовали удостоверение от местного священника в том, что Балахонцева бывает на исповеди.

Священник Саратовского Спасо-Преображенского монастырского подворья Святогоров выдал такое удостоверение. Обращает на себя внимание значительный промежуток между датами: удостоверение затребовали из консистории в 1858 г., а обращена в православие Прасковья была в 1854 г., следовательно, весь этот период от неё требовали явиться в Самару на увещания⁷⁰. Такая ситуация складывалась не из-за плохой работы ведомства, а из-за того, что распространённой практикой среди старообрядческих семейств было *«вторично уклоняться в раскол»*. Так, к примеру, бугульминский купец, а через некоторое время мещанин Казаков принял православие, а затем снова уклонился в раскол. Поэтому протоиерей г. Бугульмы вынужден был постоянно контролировать религиозный быт семьи и доносить о нём в Консисторию. Но сколько бы он ни ходил в дом к Казаковым, никого там не заставал, *«по-видимому скрываются, – доносил он, – а дети говорят, что не могут послушаться родителей»*⁷¹.

Ну хуторе Лохматкином Новоузенского уезда проживало мещанское семейство молокан во главе с Фёдором Захаровым Мулюкиным. Семья была выслана земским судом на увещания. После чего новоузенский соборный священник Князевский рапортовал в Самарскую духовную консисторию: *«Успехи увещания до сего времени сомнительны: крайнее невежество их исключает возможность держаться последовательного порядка в увещании: я принуждён бываю сам указывать им на предмет их заблуждения и разъяснять, как противно не только правому учению, но и простому здравому разумению их противозерие. Слушающие молча слушают, но на приглашение оставить заблуждение своё обыкновенно отвечают: коли мы уж пошли в эту веру, так в ней и хотим остаться»*⁷². Спустя некоторое время вновь читаем в рапорте Князевского: *«молокане Новоузенского мещанства... остаются на прежней степени упорства, беседы с ними, по упорному молчанию их, имеют постоянный характер увещаний. В тех случаях, когда постоянство увещателя им наскучает, они отвечают только, что не имеют в иконах спасения, по сему учение о Святых иконах и о Честном Кресте, по руководству книги «Камень веры» предложено им посильно в возможной полноте, но не разу не вызвало осмысленного ответа: невозмутимые слушатели упорно*

отмалчиваются»⁷³. Шесть месяцев посещал священник Князевский семью мещанина Мулюкина. В конце данного срока в 1859 г. он вновь рапортовал в консисторию: «Касательно результата полугодового увещания ничего утешительного сказать не могу. С равнодушием, понятным для всякого, кому выпадал тяжёлый жребий бороться с невежеством и закоснелостью, сдерживаемыми к тому опасением высказаться не кстати, Мулюкин с прочими, почти во весь период увещания, отмалчивались за тем весьма редким исключением, когда, поддерживаемые вероятно, своими руководителями, высказывали общее всем молоканам еретические мысли, очевидно с усилением ими заученные. При сем долгом считаю выразить своё мнение что в листе жительства Мулюкина, на хуторе Лохматкином укоренение зла, и даже возможность распространения оно, окончательно зависит от того, что новоузенским молоканам дозволено жить на этом хуторе в значительном расстоянии от города, 25–27 вёрст. Приходские священники, занятые отправлением разнообразных должностей, непозволяющих частых отлучек из города, лишены возможности аккуратно следить за религиозным состоянием своих прихожан, а это представляет без меры полную свободу Ересеучителям. Замечательные приёмы одного из них, мещанина Петра Маркелова Альхова, недавно под секретом рассказали мне. Альхов владеет двумя мельницами на Лохматкином хуторе; при ветре житель хутора, без сомнения по настоящей нужде, является с зерном на мельницу: «Что тебе хлеба?» – спрашивает Альхов (два его сына – ревнители ереси, безумнейшее отца), а вот давай-ка – покормим – ка душу-та хлебом-та: тут он раскрывает Библию – начинается сусловное толкование. Если слушатель не удовлетворяет надеждам проповедника, то под каким-нибудь предлогом выпроваживается, и, несмотря на безотлагательную крайнюю нужду, идёт на мельницу в город»⁷⁴.

Мещане по разным причинам писали расписки о переходе в православие: и чтобы их просто оставили в покое, и чтобы иметь возможность заниматься спокойно своим хозяйством. Скорее всего для людей, поставленных в ситуацию постоянного гонения, легче было пойти на подписание официальной бумаги: *«Мы нижеподписавшиеся будучи убеждены внушениями Приход-*

ского священника... сим даём решительное обещание, чтобы впредь не слушать внушений учителей старообрядческих»⁷⁵.

По рапорту священника села Селезниха Самарской губернии, на жителей оказывали «вредное влияние» приехавшие из города Николаевска «мещане-раскольники беглопоповской секты» с семьями⁷⁶. Священник в своём рапорте в консисторию писал: *«Вреда для православия в настоящее время от них хотя и не видно, но они, как враги Святой Церкви, при удобных случаях советами своими из Православия легко могут вовлекать в раскол простой народ, нередко обращающийся к ним в нуждах своих по случаю помолы... все эти раскольники тщательно были мною увещеваемы к соединению с православною церковью... но остались упорными в своём заблуждении»⁷⁷.* Священник отправил материалы на них в земский суд. Суд распорядился, чтобы сотник прислал семейство на увещевание. Но мещане отказались, аргументировав тем, что принадлежат к мещанскому обществу г. Николаевска и поэтому состоят «в ведомстве городской полиции» и земскому суду не подчиняются⁷⁸.

Одним из самых тяжких «преступлений» против православной церкви считалось *«совращение в раскол»⁷⁹*. Крещение по старообрядческому обряду детей, а также заключение браков с «раскольниками», приравнивалось русской православной церковью также к «совращению в раскол»⁸⁰. Но и для того, чтобы вступить в брак по православному обряду, бывшие «раскольники» также встречали препятствия, так как находились *«на подозрении»*. В 1855 г. вновь приписанный в православие мещанин Кирилл Ефимов Владимиров обратился с прошением повенчать согласно обряду православной церкви его сына Ивана с «девкою Наталей Евдокимовой». Ему было отказано. Потребовали, чтобы вначале он «предоставил... верное сведение о содеянном им Владимировым расколе». И вот что докладывал в консисторию Самары местный приходской священник: *«Владимиров сам с своей женою как он мне сообщал откровенно венчан в Православной церкви Саратовской губернии Волжского уезда в с. Черкасском между прочим, как до венчания, так и после оног... содержит раскол Поморской секты, в коем дети его все рождены и воспитаны по принятому им в означенной церкви обычаю, минуя всех*

*таинств Православной церкви...»*⁸¹. Если старообрядцы вступали в брак по своему обычаю, в документах консистории это называлось *«вступление с девкою в брак по раскольнически»*⁸². Такой проступок разбирался уголовным судом. А родившийся в таком браке ребёнок, определялся как *«прижитый девкою»*⁸³. В данном конкретном деле речь шла о поженившихся старообрядце, мещанине Веденее Денисове Крючкове с православной мещанкой Анной Карякиной и о родившейся у них дочери. Ребёнка предлагалось отобрать у родителей, крестить в православном храме и отдать православным родственникам на воспитание⁸⁴. Данных мещан *«по ст. 30 Св. Зак. Улож. Изд. 1842 г. супругами не признавать, пока не осветят того брака венчанием в Православной или Единоверческой церкви... уклонившихся из православия в раскол на основании 206 ст. Улож. отослать к духовному начальству»*⁸⁵.

Как уже отмечалось выше, местные власти постоянно конфисковывали у старообрядцев их книги. У бугурусланского мещанина, раскольника Николая Орлова церковные власти отобрали старопечатную книгу «Часослов». Он пытался объяснить, что эта книга досталась ему от его покойного родителя, священника Феоктиста Темникова, и ходатайствовал о возвращении ему книги. Духовной консисторией Самары было проведено целое расследование, прежде чем отреагировать на просьбу Орлова. Выяснилось, что впервые эта книга была напечатана и издана в Москве при царе Алексее Михайловиче, а спустя 100 лет была перепечатана в Гродненской губернии. Прочитав «Часослов», пришли к выводу, что *«в книге нет ничего противного Православной вере и нравственности христианской»*, но есть «разночтения в молитвах», сам же «означенный мещанин Николай Орлов прихожанин Сосновской единоверческой церкви и обряды христианские соблюдает каждодневно по духовным росписям»⁸⁶. Но по материалам дела неясно, вернули ли семейную реликвию Николаю. У самарского мещанина Семёна Дудинцева отобрали целую старообрядческую *«библиотеку-сокровищницу»*: *«маленький устав, псалтырь царя Алексея Михайловича, часовник большой старинный, цветник Кириллы Иерусалимского, каноник издан 1306 г., пролог на три месяца, листок, писанный по печатному, ладоницу, 14 листовок, из коих 5 вышитых, а прочие простые, 2 пе-*

лены, из которых одна со словами, а другая парчовая, три штуки с бахромой, 4 лапостка, 3 подручника, монашеский крест, книги, употребляемые в церквах Единоверческих»⁸⁷. После «идентификации» отобранного имущества решено было всё передать «священнику Самарской Единоверческой церкви для употребления при богослужении»⁸⁸ за исключением «письменного листка без обозначения года и месяца», который являлся «частной перепиской о предмете, касающемся раскола», в нём извещалось о «месте нахождения раскольнического попа»⁸⁹.

Церковные власти забрали у мещанина молоканина Тимофея Шишкина его Библию⁹⁰. Его сын обратился в духовную консисторию с покорнейшим прошением: «В 1856 г. родитель мой, Самарский мещанин, Тимофей Фёдоров Шишкин, содержавший молоканскую секту, по неизвестно чьим проискам, был взят в Городскую Полицию и содержался под арестом, при чём отобрана от него Библия и передана в рассмотрение Самарской Духовной Консистории, где находится и по настоящее время. Ныне, по смерти родителя, имея в виду с одной стороны, что Библия, как книга, находящаяся в общем употреблении между христианами, не включает в себе ничего вредного для религии, с другой стороны, что она мне, принявшему из молоканства св. крещение, для руководства всей жизни духовной, необходима, я осмеливаюсь покорнейше просить Ваше преосвященство сделать распоряжение о возвращении мне означенной Библии, на что и буду ожидать милостивейшей Вашей... резолюции»⁹¹. Библию Шишкину вернули.

Порой ряды православной паствы терпели урон даже на уровне церковного старосты с семейством. В г. Бугуруслане в 1859 г. мещанская семья Казаковых, глава которой Пётр Никитин Казаков был церковным старостой, стала всё реже и реже бывать в церкви, а познакомившись с «мещанскими девками из г. Оренбурга Марьей и Дарьей Никитиными Комовыми, неизвестно по какому поводу... стали уклоняться от исполнения христианских обязанностей»⁹². Спустя некоторое время в результате увещаний, проводимых православными священниками, семья вновь перешла в православие и дала расписку: «Мы нижеподписавшиеся будучи убеждены внушениями Приходского священника Тихомирова сим даём решительное обещание, чтобы впредь

не слушать внушений учителей старообрядческих как это было нами делаемо по убеждениями оренбургской мещанки Дарьи Кожовой и родной моей сестры а детей моих родной тётки купчихи Казаковой... хотя нами это и было делаемо но не с полною верою к их внушениям и нами ещё не было принято решительного намерения оставить Св. Церковь, с настоящего же времени будем неуклонно следовать правилам Св. Соборной и Апостольской Церкви, в чём и даём подписку»⁹³. Спустя некоторое время Казаков перешёл в купечество, и от семьи вновь требовали ответ о вероисповедании. На этот раз «отзыв» писала жена Казакова, Анастасия Матвеева Казакова: «бугурусланская городовая ратуша объявила мне и детям моим, сыновьям: Ивану и Василью с их жёнами, отношение благочинного протоиерея Кувацкого, от 25 ноября 1856 г. о том, чтобы я с детьми моими в течении полугода каждый день являлась к нему Благочинному для увещания нас к обращению в православие... Я и дети мои никуда не отлучались, честь имею отозваться: я и дети мои у благочинного Кувацкого на увещании быть не можем потому что они с мужем моим Петром Никитиным Казаковым по должности церковного старосты имеет разные неприятности, а в чём именно заключаются неприятности, то о том знает муж мой посему немудрено, что Протоиерей Кувацкий в отмищение мужу моему, при увещании меня и детей моих, вместо духа Кротости употребляет строгость или что другое неприличное. Вместе с сим, я послала к Епархиальному Архиерею просьбу о том, чтоб мне и детям моим увещание было сделано в Духовной Консистории, или через другого Священнослужителя, только не протоиереем Кувацким»⁹⁴. Кувацкий обязал всю семью в течение полугода каждый день ходить к нему на увещания и никуда не отлучаться, следовательно, никаким бизнесом не заниматься, а только общаться с Кувацким⁹⁵. Купец Казаков объяснял городской ратуше впоследствии, что его сыну Ивану по купеческим делам необходимо ездить в три разных города: в Самару, в Казань, в Чистополь⁹⁶. Самого Ивана также заставили писать после очередной жалобы Кувацкого⁹⁷ объяснение в Ратушу о самовольной отлучке из г. Бугуруслана в то время, когда он ежедневно должен был находиться на увещаниях у Кувацкого⁹⁸. Иван писал: «...а в Казань мне было необходимо

ехать, потому что в это время я отправил туды около 40 подвод с товаром...»⁹⁹. К «отзыву» Казаковой в консисторию прилагались выписки из духовных ведомостей из архива о том, когда семейство Казаковых было на исповеди¹⁰⁰. В Консистории приняли решение: «Раз не желает слушать увещания от Кувацкого, тогда пусть слушает от священника Тихомирова»¹⁰¹. По рапортам Кувацкого действительно складывается впечатление, что он сложного нрава, со склонностью к скандальности. Он требовал от Бугурусланского городничего присылать своих писцов, если «желает получить такую огромную выписку» о всех «грехах» ненавистного ему семейства¹⁰². Не выдержав такого гнёта, семья Казаковых перешла в единоверие и прикрепились к Единоверческой церкви¹⁰³. Ещё одно дело из фонда духовной консистории называется «дело об уклонении самарского мещанина Андрея Васильева Микунова с семейством в раскол поморской секты»¹⁰⁴. В Консистирию регулярно докладывал священник самарской уже единоверческой церкви Павел Кустов: «прихода моего Самарский мещанин Андрей Васильевич Микунов жена его Ульяна Фёдоровна отступили в раскол поморскую секту и детей крестили в расколе...»¹⁰⁵. Церковные власти решили подвергнуть семью «тщательному увещанию по обращению в Единоверие»¹⁰⁶. Священник опять на них жаловался: «прямо сказали, что мы не будем ходить к вам куды нас хотят»¹⁰⁷.

Некоторые семьи обманывали и изворачивались, только чтобы их оставили в покое. Но консистория проводила разыскные мероприятия, как в случае с мещанином Елисеевым и его женой Матрёной Греховой в 1857 г., которые, приехав в Самару из Саратовской губернии, заявили, что венчаны по православному обряду в Верхнеспасопреображенском монастыре, но, как выяснилось потом, священник их не венчал¹⁰⁸.

В пространство Самары ссылались не только революционеры, но и представители религиозного инакомыслия, в частности скопцы. Из Якутского округа, селения Мархинского на жительство в Самару под надзор полиции был отправлен скопец Яков Семенников, причисленный в мещанство¹⁰⁹. А также скопцы-крестьяне Олекминского округа Спасского селения, Кильдемского селения, села Ново Николаевского, Балагурского селения

и др.: Роман Губанов, Лазарь Лесин, Анисим Демидов, Максим Москвителев, Яков Гражданкин с женой Степанидой, Леонтий Губанов, Василий Барков, Михаил Каровяковский, Михаил Перфильев, Иван Новокрещенов, Еремей Дунилин, Никита Забродин, Костьма Сапрыкин. Все они были причислены к самарскому мещанству¹¹⁰. Принимались семьи, принадлежавшие к «поповщинской» и молоканской сектам. Это были большие семьи, состоявшие в среднем из 5-12 душ: Былинский Василий Андреевич, 70 лет, с тремя сыновьями; Акинфий Прохорович Грачёв, 79 лет и 12 душ домочадцев; Алексей Алексеевич Глухов, 40 лет и семья из 6 душ и др.¹¹¹. В 1856 г. самарская мещанка Козьмина, которая значилась как православная, проживала на самом деле в молоканском семействе в доме мещанина Бутузова. Молоканства придерживался и её сын. Православный священник уговаривал Козьмину покинуть дом молоканина, но она отказывалась на том основании, что ей больше негде жить¹¹². И уже в 1914 г. по поводу принятия в свою среду мещан-скопцов, мещанское общество резюмировало: «препятствий не встречается»¹¹³.

В 1898 г. в самарскую полицию обратился мещанин Вахх Пименович Копанкин с предложением раскрыть и сдать полиции с уликами руководителей самарских хлыстов, так называемых лжепророков (лжеисусов, кормщиков и т.д.) и лжебогородиц (мамаш). В этом как раз и заключалась вся сложность полицейского дознания, так как хлысты за века гонений выработали эффективную систему конспирации и их никак не удавалось взять «с поличным», например, во время радений. Начиная с 1830-х годов и последующие полтора столетия мистические секты, в том числе хлысты, считались особо опасными и подвергались полицейским репрессиям. Хлысты отвечали на репрессии особого рода конспиративностью, устраивая свои радения в строго секретной атмосфере. Посторонним людям редко удавалось бывать на них. Копанкин утверждал, что у него имеется своего рода пропуск на хлыстовские радения, фотокарточка 76-летней «Богородицы» – крестьянки-мордовки из села Кузькина Матвеевской волости Бугурусланского уезда Самарской губернии Надежды Платоновны Коноваловой, на которой та изображена с дочерьми Вассой (40 лет, проживающей с матерью) и Ульяной (55 лет, мо-

нахиной бузулукского Таллиннского-Ключегорского Казанско-Богородницкого женского монастыря, расположенного в селе Ключегорье, в 70 верстах от города Бузулука)¹¹⁴. Кроме того, он знает ответы на вопросы, которые могут быть заданы предъявителю карточки, и вхож на все хлыстовские *«тайные сборища и безнравственные обрядности»*¹¹⁵. Своё намерение разоблачить хлыстов Копанкин объяснял тем, что в 1891 г. он привлекался к суду в числе прочих последователей и распространителей хлыстовской секты, раскаялся, был освобождён и стал *«убеждённым последователем православия»*¹¹⁶. После ссылки в 1892 г. главного руководителя крестьянина Василия Ивановича Шелестова деятельность секты на время затихла, но спустя несколько лет вновь проявилась в Бузулукском и Бугурусланском уездах Самарской губернии. По словам Копанкина, его вновь стали склонять к переходу в ересь представители секты, и он готов помогать полиции в деле привлечения хлыстов к суду. Для этого Копанкин выдвинул два условия: во-первых, чтобы корпус жандармов оказал ему содействие, так как *«чины полиции, при возбуждении преследования в деле о хлыстовстве, не сохраняли должной тайны, чем давали хлыстам возможность скрыть улики»*¹¹⁷, во-вторых, ему должны были предоставить в помощь двух свидетелей, которые под видом единоверцев или завербованных Копанкиным посетили указанные им населённые пункты Самарского, Бузулукского и Бугульминского уездов Самарской губернии, вместе с Копанкиным вели бы беседы с членами хлыстовской секты и тем самым добыли бы на них компромат.

В самарском жандармском управлении в первую очередь решили проверить указанную Копанкиным хлыстовскую *«мамашу»* (так в документах называется *«Богородица»*) Надежду Платоновну Коновалову. Действительно, таковая особа проживала в селе Кузькине Бугурусланского уезда. Замужем она была за *«стариком преклонных лет»*¹¹⁸, слепым Тимофеем Максимовичем Коноваловым. У неё было три дочери – помимо вышеупомянутых ещё и дочь Мария, замужем за крестьянином села Абдулина. Надежда Платоновна владела двумя домами, в одном проживала с семьёй, а другой отводила под странноприимный дом. В нём проживали четыре келейницы, трое из них были односельчанками

Коноваловой. Кроме того, «мамаша» владела землёй, занималась хлебопашеством, была хозяйкой пасеки на 150 ульев, семи лошадей, 8 коров и мелкого скота¹¹⁹. По материалам жандармского управления, Коновалова «среди своих односельчан пользуется репутацией обманщицы, ханжи и обдиралы»¹²⁰. Образ жизни ведёт религиозный, строго соблюдает посты, мяса и молока не ест совсем. Представляется больной и дряхлой старухой, слепой и глухой, в связи с чем для исполнения христианских обрядностей приглашает на дом священника. Сам же местный священник никогда не слышал, что Коновалова является хлыстовской «Богородицей» и ведёт пропаганду секты. Надежда Платоновна всегда носит чёрное мирское платье, что выглядит несколько странно. Кроме того, двадцать лет назад она ездила на богомолье в Св. Афон и в Старый Иерусалим, больше никогда никуда не отлучалась. Несколько лет назад, желая выказать себя с религиозной стороны, Коновалова набрала из разных мест Оренбургской и Уфимской губерний около двадцати келейниц и открыла странноночлежный дом. Келейницы периодически посылались в разные места и осторожно везде рассказывали о богоугодных делах «мамашы». К ней стали приезжать богомольцы с приношениями, в ночлежном доме им оказывали приют, кормили, поили, вели беседы о святом Писании. Коновалова постепенно прослыла пророчицей. Пребывание в одном доме странников и странниц «превратилось в разгул и полный разврат»¹²¹. О происходящих беспорядках в этом приюте вскоре пошли слухи сомнительного свойства, и последовало распоряжение от губернских властей «разогнать это сборище разврата»¹²². Келейницы были отправлены этапным порядком на их место жительства. Таким образом, из материалов полицейского расследования остаётся непонятным, почему сельский батюшка оказался в неведении относительно связи Коноваловой с хлыстами, хотя это очень типично для хлыстов – внешне представляться истинными православными христианами и соблюдать обряд. Но история со странноприимным домом должна была бы насторожить местный причт.

В своём заявлении Копанкин называл и имена известных ему «лжепророков»: Михаила, по прозвищу Покровский, проживающего в селе Сарагиз, купца Утина из города Бузулука, Бах-

метова, Рахмешина и Барсукова, владельцев собственных хуторов недалеко от Бузулука. Копанкин указал места значительных хлыстовских сборищ, подтвердив их «безнравственность» с точки зрения официальной церкви. Собрания хлыстов начинались с бесед на тему близкого пришествия антихриста и о том, что спасение обретут только хлысты как истинно верующие. Затем начинали петь канты, после следовала исступлённая пляска, рыдания и «свальный грех»¹²³.

К материалам дела прилагалась «копия с заявления принадлежащего к хлыстовской секте и ныне раскаявшегося крестьянина Бугурусланского уезда Покровской волости Захара Матвеевича Саламатина», разоблачённого Копанкиным в ходе его совместного с жандармами «рейда» по хлыстовским местам. «В том сознаюсь, что я виновен в хлыстовской или мармонской или иеговистов секты... Раньше я был православный крестьянин, я не знал никаких сектов, что такие есть пагубные ереси, так что под видом благочестия и вместо того оказалось странное заблуждение»¹²⁴. «И вот тому назад 7 лет, – начинает свой рассказ Захар Саламатин, – познакомился я того же села Покровки с Михаилом Павловичем Бурцовым»¹²⁵. Вначале Бурцов вёл с односельчанином беседы о том, что жить нужно благочестиво, а не как весь мир живёт во грехе. Мир погибает, а с ним и все власти гражданские, духовные и сам Государь. Саламатин поинтересовался, почему же все погибают, на что Бурцев ему разъяснил: «Потому что высокий их разум не может смириться. Не может небесной мудрости научиться, там от них заперты Царские ворота, а ключи от царства – у старцев»¹²⁶. На вопрос, где же найти этих старцев, Бурцов тут же ответил, что не только может их показать, но они ещё и все грехи могут простить. «Вот во-первых есть в Кузькине селе Мамаша, Надежда Платоновна... , а в селе Кирюшкине Артёмий Иванович»¹²⁷. И, как оказалось, сам Бурцов – старец и живой пророк. И стал Саламатин у него исповедоваться, перестал посещать церковь, «и отпала у меня любовь от церкви и от священников», «и ещё по ихому научению и все власти и Государя называл я сим язычником. А они называют так, что не могу я такое слово выразить (антихристом). И всегда они устрашали, что миру конец жизни. Только вот жди того, как провалится, как Содом и Го-

морра. Я всегда боялся этого, что они велели, то и делал всякие пакости»¹²⁸. В рассказе Саламатина упоминается история одного хлыста, солдата Данилы Евдокимова, проживающего в селе Матвеевка. Учение хлыстов он узнал во время службы на Кавказе. Вернувшись домой, стал жить *«не с женой, а с блудницей»* и *«считает это за истину»*¹²⁹. (Следует отметить, что во второй половине XIX века хлыстовство с особой силой стало распространяться на юге России, преимущественно на Кавказе, куда был сослан по приговору саратовского окружного суда хлыстовский пророк Перфил Катасонов. Личным своим присутствием он ещё более содействовал распространению хлыстовства на Кавказе в 70-е годы XIX века. Позднее хлыстовство распространилось в Оренбургскую и Самарскую губернии¹³⁰). В тексте Саламатина встречается упоминание о пророках из села Покровка, Елизаре Дмитриевиче Кондратьеве и Василии Степановиче Краснове. *«А жён своих побросали и живут с келейницами блудно и ... делают страшные дела... у них страшное похуление на все святые и таинства... и эти самые учителя приказывают, чтобы детей не было плотских. А чтобы были дети духовные. Кто познает от вас этот путь, тот и находится от вас сыном духовным или дочерью духовной»*¹³¹. Далее Саламатин описывает, как повстречался с Копанкиным, что оказалось для него роковым событием, приведшим к разоблачению и привлечению к следствию. *«И вот в одно время приходит Копанкин в монастырь к таким же ересицам монашкам, к Авдотье и говорит ей, что я был в селе Кузькине у Мамашки Надежды Платоновны и показывает от неё портрет. И говорит, вот мне дала Мамаша для поклонения. А Авдотья тому обрадовалась, что ещё такой брат оказался верующий. Взяла этот портрет и поцеловала»*¹³². Копанкин попросил денег для Надежды Платоновны. Но Авдотья решила отправить в город для проверки Копанкина Саламатина. *«А Копанкина спросить не смеем, думали это какой-то купец или барин потому что на нём тулуп был... купеческий»*¹³³. Саламатин начинает ходить в гости к Копанкину, который остановился в городе. К их беседам с некоторых пор начинает присоединяться какой-то солдат, и, как рассказывал Саламатин, *«нельзя никак было признать что они выпытывали у меня и разузнавали секту»*¹³⁴. Забегая вперёд,

скажем, что под видом солдата к Копанкину был приставлен унтер-офицер дополнительного штата Самарского губернского жандармского управления Гражданкин. Далее в документах следует текст раскаяния разоблачённого Саламатина: «*Вот я Захар, вполне удостоверяю, что я жил в Тихвинском монастыре*¹³⁵. *Я жил один без жены, ещё жили со мною наши Покровские Бугурусланского уезда Сергей и Терентий. Ещё в монастыре там проживало семь монашек ересницы такие же как и я, и вот мы с ними назывались родными, чтобы нам можно было с ними сходитья... Нас считали за родных, и мы ходили к ним, когда уходили все ко Всенощной или во время обедни. Вот мы имели с ними такие мирские дела что и страшно об этом подумать. Я до сего времени не считал за грех, что это такое заблуждение, будто так жить я думал так нужно, жить так велит нам Мамаша и лже-пророки. Так они живут, так и нам велят, теперь я вот в этом раскаиваюсь, что я был такой блудник... Господь простит... А зовут их сестёр: Фимонда, Федора, Авдотья, Анна, Васёна, Федора, Паша*¹³⁶. По памяти Саламатин приводит текст хлыстовского канта:

*«Пойдём в дом/Божий молюся там/Век чудныя доли там/Век праведные ликуют/Как Ангелы в высоте/Пребывают в страхе/Божим премудрости/В чистоте. Но не так/Как Давид пред/Своим ковчегом с людьми/Божиями святыми с какими/Игриша, вокруг мысли/Соединиша руками выплещут/Руками ногами праведны трепещут/Дам ты дом, дам/Давидов что в нём творится/Молюся до поту лыкая как/Волны блескают глазами/Премудры из уст выпущены/Фарисеи все на то дивятся/Войти во Божие царство умом не ухитрятся/Высокий их разум не может/Смирися и не можь небесный/Мудрости научися/Там от них заперты/Царские ворота Туд и только/Входят кроткие и смиренные/Бедные земледельцы/Век рабы праведны святыя/Вот полно всем братцы с Богом/Долю не коротко надо покорится Отцу сыну/Божию и духу святому/Пророку живому. Аминь./Богу слави вечно с похвалами/Во веки веков Аминь тебя/Господа благодарим»*¹³⁷.

Самый поверхностный анализ текста (переписанного под диктовку со слов Саламатина в полицейском управлении, при сохранении пунктуации и орфографии архивного документа) позволяет, во-первых, соотнести данный кант с основными догма-

тами хлыстовской веры и их ритуалом и идентифицировать как принадлежащий данной секте, во-вторых, психологически, или даже мировоззренчески, данный текст иллюстрирует крестьянскую ментальность и позволяет предположить, что данная ересь действительно отвечала потребностям угнетённого, отодвинутого модернизационными процессами на периферийный план мира, в его желании восстановить равновесие, обретя своё Царство Божие, крестьянское, на земле, своих пророков и богородиц, живущих в соседнем селе или на соседней улице.

Полиция продолжала проверку предоставленных Копанкиным адресов. В село Покровское Бугурусланского уезда Самарской губернии в дом крестьянина Михаила Борщёва были направлены помощник начальника полиции по Бугурусланскому и Бугульминскому уездам, пристав второй части г. Самары Кожуховский и два переодетых городских. Полицейские должны были по доносу Копанкина застать хлыстов во время радения и взять их с поличным. Но прибыв на место сборища хлыстов, радения никто не обнаружил, более того, у полицейских создалось впечатление, что их приезда ждали, так как никто не высказал удивления ни расспросам, ни обыску. Крестьяне подтвердили, что у них действительно было молитвенное сборище в 30 человек, но оно уже окончилось и не сопровождалось никакими безнравственными действиями. Полицейские решили, что доносчик Копанкин из-за каких-то своих личных целей «намерен играть двусмысленную роль, то есть вводить в заблуждение власти»¹³⁸, вследствие чего нельзя в будущем более доверять его заявлениям и пользоваться услугами. Полицейское удостоверение о свободном проезде в пределах Самарской губернии для исполнения секретного поручения у Копанкина было отобрано¹³⁹. Удивительно, что полицейские даже не усмотрели возможности внутриведомственной утечки информации, хотя Копанкин сразу же в начале оговаривал в качестве неперемennого условия его помощи в расследовании соблюдение строжайшей секретности внутри полицейского управления.

В фонде помощника начальника Самарского губернского жандармского управления в Самарском и Бузулукском уездах за 1898 год¹⁴⁰ в деле № 57 о распространении хлыстовской ереси

в уездах снова всплыл Копанкин, только повествование уже ведётся от лица унтер-офицера Гражданкина, приставленного к Копанкину для поиска улики.

Вернёмся и мы к поездке мещанина Копанкина и унтера Гражданкина в Бузулук в Тихвинский монастырь. Из материалов дела выяснилось, что «братья»-хлысты Терентий, Сергей и Захар Саламатин проникли в Тихвинский монастырь под видом черно-рабочих. В квартиру к Копанкину был приглашён и Терентий. Копанкин представился странником, знающим многих хлыстовских старцев, и много рассказывал о том, как живут хлысты в сармарских сёлах и хуторах. Рассказывал и про «мамашу» Надежду Платоновну из Покровки. Терентий в свою очередь рассказал, что в монастыре живёт Улита, мамашина дочь, в селе Кирюшкино Бугурусланского уезда есть Артёмий Иванов, принимающий у себя верующих «братьев», в селе Сарагиз – Михаил Иванов. Копанкин поблагодарил, сказал, что обязательно их посетит, и поинтересовался, как же «братья» в монастыре встречаются с монахинями-«сёстрами». Терентий пояснил, что встречи происходят, когда все заняты службой, но в основном летом на хуторах. Копанкин выспрашивал о том, как же «братья» попали в монастырь. Далее Гражданкин в своём отчёте пишет: *«Терентий объяснял, что нас сюда проводила Мамаша для поддержки монастыря, потому что погибает без верующих монастырь, а так же и миры выших наук погибают и Мамаша очень плачет об этом»*¹⁴¹. Терентий рассказал о том, какие поются хлыстами канты. *«Этот кант у них поётся когда самая ихняя Благодать сходит. Чудные дела творятся и все члены трепечют. Копанкин спрашивает этого еретика как Мамаша и пророки воспоминают о просвящённом. Он тоже погибает его душа не хочет покориться «мамаше» и пророкам живым. Копанкин спрашивает ересника как воспоминают Мамаша и пророки об Государе тоже плачет что погибает о чём имею честь донести Вашему высокоблагородию»*, – заканчивает своё донесение унтер-офицер Гражданкин¹⁴².

Совершенно другим почерком, изящно и грамотно, написано донесение начальнику управления ротмистра Битенара. Ротмистр пишет, что *«после ссылки в 1892 году главного руководителя хлыстов Шелестова распространение ереси в уезде*

прекратилось, но, по прошествии нескольких лет, явились новые руководители и ересь вновь стала распространяться, охватив Бузулукский и Бугурусланский уезды, последователи которой в обоих уездах постоянно находятся между собой в сношениях и подчиняются одним и тем же руководителям. Раскрытие ереси полицейскими лицами и привлечение распространителей её к суду, в виду принимаемых последними мер крайней предосторожности и сокрытии улик, цели не достигает, и привлекавшаяся неоднократно к суду хлыстовская «богородица» Надежда Платоновна за отсутствием улик каждый раз была оправдана. В бытность мою в мае прошлого года в городе Бузулуке ко мне явился мещанин Копанкин с заявлением, что хлыстовская ересь вновь распространилась в уезде в значительных размерах, и руководители ереси, не ограничиваясь распространением её среди крестьян, имеют своих клеветов в обоих монастырях – мужском и женском»¹⁴³. Так как ротмистру ересь виделась особенно вредной из-за того, что предписывала своим последователям «при сожитии с женой принимать меры к неимению детей», он обо всём доложил в вышестоящие инстанции¹⁴⁴. Копанкину позволили отыскать двух свидетелей, мещан г. Бузулука Михаила Сергеевича Решетникова и Алексея Степановича (фамилия не указана). Сам Копанкин должен был отправиться в Самару к начальнику жандармского управления. Унтер-офицер Гражданкин, на основании личных бесед с Копанкиным, доносил, что хлысты для отвлечения от себя подозрений имеют у себя в домах православные иконы, ходят к причастию, чтобы иметь удостоверение о причащении в православном храме. По мнению Гражданкина, Копанкин не преследует никаких личных целей, так как вознаграждения не просит, а хочет «порадеть» для православия¹⁴⁵. Далее Копанкин просит обеспечить его поездку с двумя свидетелями по местам хлыстовских сборищ Самарской губернии. Следуют расчёты затрат на поездку, из которых можно составить предполагаемый маршрут и ареал распространения секты в губернии. Копанкин со свидетелями должны были выехать на паре лошадей из города Бузулука в село Сарагиз Бугурусланского уезда, затем по уезду: в сёла Покровское, Матвеевское, Кузькино, Кирюшкино, Большой-Толкай, затем на же-

лезнодорожную станцию «Ключи» Самаро-Златоустовской железной дороги, от неё ещё около 300 вёрст по грунтовой дороге до станции «Кинель». Дальше, взяв билеты третьего класса, доехать до села Каменки Самарского уезда и обратно по грунтовой дороге 10 вёрст. Затем снова от станции «Кинель» до сёл Берёзовый Гай и Колывань. После чего предполагалось вернуться в Бузулук, а от него – на хутора Рахманина, Бахметьева и Барсукова и обратно в Бузулук. На поездку полицейское управление должно было затратить 120 рублей¹⁴⁶. Самара сама не могла сразу же принять решение по вопросу организации дознания о хлыстах. Дело было представлено на разрешение в Петербург. До получения ответа Копанкину предписывалось не прекращать сношений с хлыстами. Потом последовало от начальника Самарского губернского жандармского управления предписание Копанкину выполнить следующее: 1) указать имя, отчество, фамилию, звание, место приписки и жительство, а также занятия и знакомства так называемой «Богородицы» хлыстов; 2) то же относительно «лже-пророков» хлыстов, главных радетелей этой секты и выдающихся особенно чем-либо, выказавших себя фанатичными приверженцами и последователями этой секты; 3) о месте и времени замеченных сборищ для обрядностей хлыстовской секты и в чём именно эти обрядности проявлялись; 4) не согласится ли Копанкин выдать карточку «Богородицы» хлыстов, служащую для пропуска на означенные сборища; 5) не может ли Копанкин указать благонадёжных лиц, проживающих в местах замеченных сборищ хлыстов, которые согласились бы способствовать жандармам в деле собрания нужных секретных сведений, могущих уличить последователей секты; 6) заручившись подобными сведениями от Копанкина, предложить ему оказать содействие в смысле своевременных указаний и руководства назначенным вам двум расторопнейшим жандармам в деле собрания секретным путём сведений и разведок об означенной секте... Исполнение было поручено ротмистру Муромцеву¹⁴⁷. На все пункты Копанкин ответил, но выдать карточку отказался, объяснив свой отказ тем, что *«приобретённая с большим трудом карточка имеет значение только в руках лица, хорошо ознакомленного со всем церемониалом»*¹⁴⁸.

И вдруг в деле раскрытия хлыстовской секты возникает интрига: приходит послание от начальника Самарского губернского жандармского управления, в котором он пишет: *«В записке ... упоминается о полученном от мещанина Копанкина заявлении, что он в 1892 году в Самарском окружном суде судился и был освобождён от наказания... (далее перечисляются основные сюжеты дела Копанкина, связанные с судимостью В. Шелестова, Н. П. Коноваловой и др. – Прим. авт.)... Между тем, согласно наведённым тщательным справкам в самарском окружном суде, в оном не оказалось никаких сведений о судимости названных лиц не только в 1892 г., но и в последующих годах!»*¹⁴⁹. Картина вырисовывалась следующая: было начато полицейское дознание по делу Копанкина, в жандармском управлении приняли за чистую монету его рассказ о суде над В. Шелестовым, над ним самим, над Коноваловой, о раскаянии и желании помочь разоблачить секту. И более того, материалы были отправлены в Петербург! А дело в окружном суде не рассматривалось. Срочно был вызван Копанкин, который показал, что точно не помнит дату суда: может быть, он был и не в 1892, а в 1891 году¹⁵⁰. Но вскоре последовал новый секретный документ из Самары, в котором начальник жандармского управления писал своему помощнику в Бузулук: *«Я частным образом обратился к товарищу Прокурора самарского Окружного суда господину Микулину с просьбой дать справку из архива Окружного суда и в настоящее время мною получена от господина Микулина справка, вполне подтверждающая справедливость заявления мещанина Копанкина: по Бугурусланскому уезду, за 1891 год, находится в архиве окружного суда № 30430, дело о крестьянине Ставропольской губернии, Новогригорьевского уезда, Архангельской волости Василии Ивановиче Шелестове, мещанине Вакхе Пименовиче Копанкине... в числе 15 человек, обвиняемых в распространении хлыстовской секты, причём главный виновный Василий Шелестов приговорён к ссылке в Сибирь на поселение»*¹⁵¹. Полицейские чины в желании сохранить строгую секретность сами себя запутали и затягивали дело, которое могло бы принести удивительные результаты, так как доносчиком выступал один из активных в прошлом членов секты. Ещё более непоследовательным выглядит вывод полиции относительно Ко-

панкина: не пользоваться его услугами, отобрать удостоверение. Если встать на точку зрения полиции о том, что Копанкин вёл двойную игру, остаётся непонятной его мотивация и факт разоблачения Соломатина, монахинь Тихвинского монастыря и «мамаши» Надежды Платоновны. Так или иначе, но дело Копанкина на этом заканчивается.

«Самарские епархиальные ведомости» («СЕВ») за период, связанный с делом Копанкина (1891–1896 гг.), создают свой образ хлыстов. Епархиальные ведомости за 1891 год вводят читателей в тему хлыстовства, приводя данные из книги К. Кутепова «Секты хлыстов и скопцов»¹⁵², в которой автор, подробно описывая секту, отмечает её «непримиримую вражду, ненависть и презрение к православным». «Православный народ, по словам хлыстовских песен, – «злой мир, житейский род», «неверный народ», «злые люди, тати, злой князь мира», правительственные люди – «чёрные враны», «звери кровожадные», «волки злые», «безбожные иудеи», «злые фарисеи»... Пророки хлыстовские всегда побуждают своих верных детушек быть готовыми к отчаянной борьбе с этим злым миром... «Стало тошно на земле; Жить последним сиротам...»¹⁵³. В «СЕВ» за 1893 год публиковались очерки на тему: «Состояние раскола и сектанства в Самарской епархии за пятилетие с 1888 по 1892 год включительно», в которых сразу же оговаривалось, что «хлыстовщина причисляется к сектам или ересям, особенно вредным»¹⁵⁴. «Хлысты нисколько и ничем, по внешности, не отличаются от православных: все они строго соблюдают обязанности православного христианина, ежегодно по нескольку раз бывают у исповеди и приобщаются Св. Таин, чаще православных посещают церковные службы»¹⁵⁵. В этом отношении уместно вспомнить поведение «мамаши» Надежды Платоновны, в которой местный священник не смог заподозрить хлыстовскую «Богородицу». Самарские хлысты, как писалось в «СЕВ», имели множество наименований: келейные, беседники, люди Божие, духовные христиане, монтаны, блаженные, прыгуны, скакуны, мормоны, лутошники и т. д.¹⁵⁶ «Живучесть ереси доказывается ежегодными возникновениями дел о хлыстах, обыкновенно кончающихся ничем, и объясняется она тою таинственностью, которою еретики стараются прикрыть

свои религиозные мистерии. Хлысты до гроба хранят тайну этих мистерий, и не было ещё, кажется, примера ренегатства среди них»¹⁵⁷. (Подобное утверждение лишний раз доказывает необычность дела Копанкина). В 1888 году хлысты были обнаружены в сёлах Палимовка и Царская Александровка Бузулукского уезда и в Константиновке Николаевского уезда. Сухо, как о врагах, повествуется о наставниках хлыстовщины, их «пособнице», так называемой «божьей матери» Ефросинье Ефремовой. «Собрания Константиновских хлыстов происходили в ночь под праздничные дни и сопровождалась чтением и пением хлыстовских кантов, беганием и кружением при произнесении слов *«дух! дух!»*¹⁵⁸. Карта сёл, охваченных ересью по Самарской губернии, вырисовывается следующая: село Черноречье Самарского уезда, село Большая Глушица Николаевского уезда, село Печёвка Бузулукского уезда, село Дмитриевка Николаевского уезда, сёла и деревни Колывань, Раковка, Лебяжье, Яблонька, Апальково, Светловка, Казачье, Шпановка, Берёзовка, Ягодинка, Сухой угол, Пустыновка, Четыровка, Димитриевка, Васильевка, Кульмановка, Заблоцкая, Преображенка, Малые Пичерки, Тульская, Мелехина, Лазовка, Пролейка и Малая Царевщина Самарского уезда. Наставницей сектантов здесь была крестьянка села Раковки Анастасия Кузьминична Керова. Сёла Вязов Гай, Константиновка, деревня Дергачи Николаевского уезда. По данным Консistorии, хлыстов в епархии на 1893 год числится 208 душ обоего пола. Но сами «СЕВ» отмечают, что «цифры эти ... далеки от действительности»¹⁵⁹. В «СЕВ» за 1894 год находим статью «Вразумление для совращённого в хлыстовщину, в особенности о таинстве брака», в которой читаем: *«Из всей лжи, посеянной врагом, хлыстовщина есть ложь самая грубая, самая страшная, самая отвратительная. Самая грубая, потому что простые мужики величаются у хлыстов именами Господа Саваофа, Иисуса Христа, а распутные девки называются богородицами... Хлыстовщина есть ложь самая отвратительная, ибо, что истинно, что честно, что чисто (как брак), то у хлыстов попирается и оскверняется, а что достойно омерзения (как свальный грех), то восхваляется совершается как дело богоугодное»*¹⁶⁰. В этом же году под рубрикой «Известия и заметки» была помещена статья «Из жизни хлыстов»,

в которой сообщалось, что в селе Богородском Ставропольской епархии существует секта хлыстов. Её появление относится к 1676 году. *«Крестьянин Сила Сухпирин был возвращён в хлыстовство после того как женился, – своей женой. Она же совершила и свёкра своего, а затем задумала совершить и брата своего мужа – Флора. ... Флор не поддавался невестке... Но невестка, ярая фанатичка, не переставала нападать на Флора. «Откуда, спрашивала она его, – откуда у «мирских» иконы? ... А у нас, «духовных», живые лики: богородица, спас сам... Откуда у «мирских» водка? Из Божьего Закона? А у нас блаженная вода не испортит живота, – чай до вода... Откуда сквернословные песни? А у нас хоть коровой реви – да Бога хвали»... Крепко задумался Флор... Согласился, наконец, поехать ... к Голозубу... Со всех соседних сёл... собрались хлысты к Голозубу на собрание... Он начал речь.: «Братья возлюбленные! Каспий, Чёрное... море наполняются реками. Хлебни воды из Каспия, из моря Чёрного: она солёная: это правда. А в реках какая вода? В реках вода сладкая. Это правда. Мир, братицы, велик, дюже велик, что твой Каспий или Чёрное море, и вода его дюже солёная. Сколько ты там не лей в неё сладкой воды, она всё будет солёная. Так и мы, братицы, сколько ни льём в море житейское сладкой воды, оно всё солёное. ... А может кто не хочет принять эту истину?.. Я знаю: Флор Сухпирин не принимает... Выходи наперёд Флор Сухпирин!.. Выступил из толпы Флор,.. начал говорить им, что непристойно выдумывать новый закон, когда дан уж один закон – Богом... До конца собрания просидел Флор у хлыстов: слышал монотонное, унылое пение... видел их прыганья... по распоряжению Голозуба всё собрание разделилось вдруг пополам: по одну сторону стали мужчины, по другую – женщины... вышел с одной стороны мужик, толкнул своей ногой ногу женщины – и та за ним... Остался один Флор в избе, поражённый справедливостью тех слухов, кои доходили до него о повальном грехе... Ужас, омерзение охватило всем его существом и он выскочил вон из избы... В это время заблаговестили к заутрене и слёзы раскаяния, сожаления о своём поступке душили его...»¹⁶¹. Как отмечает А. Эткинд, обвинения в сексуальном разврате сопровождали русские секты с момента их открытия высокой культурой¹⁶². Консервативная линия изучения сектантства, и в частности, хлыстов,*

представленная «СЕВ», видела в сектантских общинах «преступные и конспиративные группы, представлявшие непосредственную опасность для легковверных граждан, для православной церкви и для государства в целом»¹⁶³. Рассмотренный выше псевдофольклорный текст несёт в себе дидактическую задачу с целью уберечь православную паству от религиозного инакомыслия. В «СЕВ» за 1895 год была напечатана статья «Кое-что о хлыстах». «*Между жителями села К. – П., есть зараженные хлыстовщиной*», – начинает рассуждения автор, священник С.Н-ий. По преданию, в 70-е годы XIX века в это село приехала из Орловской губернии семья Павловых, принадлежащая к хлыстам, и вскоре вся «Гореловская улица» стала хлыстовской. Позднее «*православные не только перестали слушать их лжеучение, но даже поговаривали... как бы им избавиться окончательно*» от хлыстов¹⁶⁴. Тогда хлысты стали тщательно скрываться. Что удалось разузнать о жизни хлыстов православному священнику, он решил опубликовать в «СЕВ». Живут хлысты в домах, устроенных на задах своих дворов, иногда бывает, что изба выходит на улицу, но в ней живёт прислуга, а сами хозяева селятся в избах на задах дворов. Если рядом два дома хлыстов, то между ними в сараях есть потаённые калиточки, заставленные санями, рыдванами, телегами. Живут хлысты очень зажиточно, вероятно, благодаря взаимопомощи. Вина не пьют, мяса не едят. Выполняют безропотно все сельские повинности. В уличных играх и драках не участвуют и на них не глядят. (Священник предполагает, что это от того, чтобы подрастающее поколение «предохранить от сочувствия православию, при виде торжественных религиозных церемоний, вроде выноса покойника, ведения новобрачных из храма»¹⁶⁵). В церковь к богослужению хлысты ходят. Себя называют «духовными христианами», «малым стадом», «младенцами», друг друга – «брат-братец-сестра-сестрица». Живут между собой в согласии и гостеприимно. К православным относятся с ненавистью и презрением, берут с них большие проценты при даче денег займы. (Вспомним отношение односельчан к «мамаше» Коноваловой.) Особенно презрительно относятся хлысты к православным священникам, говоря: «попам вечная погибель»¹⁶⁶. У хлыстов принят обряд положения крестного зна-

меня обеими руками. Свои общие молитвы хлысты совершают по большим православным праздникам. Зажигают в одной избе много свечей. Моление совершается с хоровым пением, притоптыванием ногами и хлопаньем в ладоши: «все языцы воспещите руками». Перед началом моления они садятся на лавки и начинают петь с прихлопыванием руками о бедра: *«Из-под грушицы из-под зелёной,/Из-под камушка, из-под белого,/Течёт речка, речка быстрая./Как по этой речке/Сам Христос проходил/И нас верных своих/На моление созывал»*¹⁶⁷.

Потом все вскакивают со своих мест и начинают плясать и вертеться круг за кругом. Становятся мокрыми от пота. Для молений у них есть специальная одежда – длинная белая рубаха. Во время моления «богородица» впадает в транс и начинает бредить, а хлысты внимательно вслушиваются в её слова. Моления заканчиваются или общим чаепитием, или «свальным грехом»¹⁶⁸. Мотив пения хлыстов очень монотонный и печальный. Вот пример одной из песен: *«На страшной было неделе/За Христом гнались иудеи/Они гнались, не догнали/Стали думать и гадать:/Как бы нам Христа поймать/Ко сырой земле предать./Пошёл Юда хлеба закупать/Архиереев полк собравши/Стал такую речь держать/Вы духовные архиереи/Что вы думаете-гадаете/Я хочу Христа поймати/Ко сырой земле предати/Архиереи взрадовались/Все за Юдушку хватались/Уж ты, Юда Скариотский/Много ль злата тебе надо/Уж мне злата – триста злата/Оставайся место свято!»*¹⁶⁹. При отправлении своих молений хлысты ставят снаружи стражу и платят ей большие деньги. Хлысты отвергают таинства брака и крещения, говоря: *«Какое-же это таинство, если мы видим, как священник крестит и венчает и каким человек был до таинства, таким и остаётся. Вот у нас совсем другое: у нас невидимо дух сходит в верующего, после чего верующий пророчествует...»*¹⁷⁰. Брак хлысты считают за блуд. Но *«молодость и физическая потребность берут своё, от чего девы их ведут безнравственную жизнь и, чтобы скрыть своё поведение, употребляют меры к вытравливанию плода»*¹⁷¹. *«На младенцев хлысты смотрят как на лягушат или щенят, поэтому при появлении младенца... не считают за грех лишать его жизни. По их верованию души младенцев... пе-*

*реходят... в животных; почему... хлысты не едят мяса»*¹⁷². В заключение статьи священник делает вывод о хлыстах: *«они в руках... дьявола... При помощи дьявола они улавливают в свои сети простецов»*¹⁷³.

Подобного же колера в «СЕВ» за 1895 год публиковались «Письма о беседниках Ставропольского уезда»¹⁷⁴. В 1896 году «СЕВ» напечатали статью «Замечательный случай из жизни хлыстов», в которой описывалось, как в станице Дмитриевской один хлыст впал в бешенство и умер в этом состоянии. Секта хлыстов представлена в этом рассказе как опасная тоталитарная организация. *«Хлысты-коноводы, сбившие Маслова в свою секту, усугубили своё внимание на нём: завлекали его в свои собрания, одуражили его своими радениями,.. запугивали его»*¹⁷⁵. Маслов сходит с ума, и автор статьи под псевдонимом «пастырский Собеседник» подробно описывает его безумие, состояние, от которого читатель вновь испытывает всё то же чувство отвращения. В заключение Собеседник задаётся вопросом: *«не есть ли хлыстовщина ужасная болезнь, подобно гангрене, русского простого человека? Если так, то не ведёт ли она к вырождению его?»*¹⁷⁶. В «СЕВ» за этот же год печатались очерки из истории сектантства мистического направления в Самарской епархии в 60-х годах XIX века¹⁷⁷. Хлыстовский ритуал описан священником из Малого Узенья. Сектанты устраивали собрания, на которых сооружались обеды, называвшиеся преломлением хлебов. Собирались в одном каком-либо доме. Сначала пили чай, трапезовали, потом начиналось моление. Наставник читал псалмы, слушатели стояли молча. Потом, по сигналу наставника, начинали хлопать и топать. Всё усиливалось, притоптывание превращалось в прыганье со словами: *«Загоню, пригоню, хлыщущу-хлыщущу, Христа ищущу»*¹⁷⁸. Кричали до упаду. Потом ложились в повалку спать. Последователей этой ереси называли: прыгунами, трясунами, духовидцами, шалыганями, любовной ересью, хлыстами¹⁷⁹. Хлыстовство, как отмечалось в очерках, нашло себе поддержку в келейничестве, *«кельи черничек и чернецов вскоре обратило в притоны, служившие и убежищем для хлыстовских странников и своего рода очагами, откуда выходили пропагандисты хлыстовства»*¹⁸⁰. В 1860 г. секта хлыстов появляется и в Дубовом Умёте. Расследование ду-

бОВОУМѢТСКИХ сектантов было поручено в 1868 году чиновнику по особым поручениям Малыковскому. Тот выяснил, что хлысты впервые появляются в этой местности ещё в 1834 году. Одновременно расследовалось дело и о колыванских хлыстах. Секта распространялась стремительно по семейным связям среди крестьян. Пророками, как правило, были или писари, или старшины. При удалении властями вожаков ересь потихоньку затухала. Но автор очерков не нашёл в консистории результатов завершения дела по колыванским и дубовоумётским хлыстам. В очерках приводятся тексты 10 кантов дубовоумётской ереси. *«Как у нас-ли было на тихим Дону/Как у гостя у богатого в дому/Среди ли зелёного саду/Тут стояла нова горенка/Нова горенка – нова светлица/Со столами, со дубовыми/Как в той ли новой горенке/Новой горенке, новой светлице/За столами, за дубовыми/Тут сидел удалой добрый молодец/Он читал-то книгу Евангелие/Воздыхал своим сердцем тяжело/Изливал сам горячие слёзы...»*¹⁸¹. Или ещё отрывки: *«Среди двора/Зелена сада/Среди двора/Стоит деревце/Кипарисное./На этом деревце/Пташечки сидят/Да всё царские поют песенки/Поют песенки, да всё царские...»*¹⁸²; *«Подумаем, подумаем, братицы/Подумаем, погадаем, братицы/Как на земле жить, как Богу служить/Как прежние жили, как Богу служили/В вере терпеливы, в любви чистоте...»*¹⁸³; *«Матушка, матушка, родимая матушка!/Упроси ты, матушка, упроси у батюшки./Батюшки, батюшки, батюшки родимого./Родимый наш, батюшка, родимый наш батюшка,/Построй нам батюшка, свою церковь соборную./Соборную, батюшка, ещё богомольную!»*¹⁸⁴.

Хлысты, как и другие русские мистические секты, владели значительным запасом религиозных песен и духовных стихов («песенка – к Богу лесенка»). Многие из них имели характер импровизации, содержали повествования о различных деятелях сектантства, «Христах», «Богородицах» и т. д. Немало стихов было посвящено аллегорическому изображению сектантской церкви в образе сада с кипарисными деревьями, в образе корабля, плывущего по житейскому морю. Существовали песни, соединённые с радениями. Удивительно, что даже через всю тенденциозность материалов, составленных православными миссионерами и полицейской властью и изложенных на страницах «СЕВ», просту-

пает лиризм народного апокрифа, в ситуации гонений вынужденного принимать порой уродливые формы.

История хлыстов достаточно подробно изучена ещё в до-революционной историографии¹⁸⁵. Библиография сектоведческой литературы, изданная А. Пругавиным в 1887 г., заняла целый том¹⁸⁶. А в статье о хлыстах из словаря Брокгауза и Ефрона приводится список литературы на две страницы¹⁸⁷. Как отмечает А. Эткинд, на рубеже XIX–XX вв. «знание о сектах – их идеях, нравах, ритуалах, поэзии – шло по развитым, высококодифференцированным каналам письменной культуры: через журналы, книги, энциклопедии»¹⁸⁸.

По мнению А. Синявского, хлыстовство – самая интересная секта в России. «Оно окружено непроницаемой тайной, что связано с двумя обстоятельствами: во-первых, жестокие преследования хлыстов и крайне подозрительное отношение к ним населения, которое видело в хлыстах чуть ли не сатанинскую секту и приписывало ей самые страшные дела; во-вторых, эзотерический характер их учения. Священники и полицейские власти жаловались, что даже те хлысты, которые, под давлением, раскаялись в еретичестве и вернулись в лоно православия, не раскрывают до конца свою религиозную тайну»¹⁸⁹. Хлысты учат, что существует мир духовный и мир материальный. Небес семь. На седьмом небе обитают Святая Троица, Богородица, архангелы, ангелы и святые угодники. Бог может воплощаться в людях неопределённое количество раз. Воплощение Христа может осуществляться от духовного отца духовному сыну или через продолжительный пост, молитву и добрые дела. Одновременно может быть несколько Христов. Православную церковь хлысты признают внешнею, плотской, свою церковь считают внутреннею, духовной. Хлысты советуют наружно принадлежать к православной церкви и показывать усердие в храмах. На самом деле хлысты относятся к православной церкви враждебно. По мнению хлыстов, православные – неверный народ, злые люди, хищники. Духовные лица – это чёрные враны, кровожадные звери, волки злые, безбожные иудеи. У хлыстов существует учение о предсуществовании душ и их переселении. Путём переходов душа очищается, пока наконец не попадёт в тело хлыста, в котором

совершенно очистится и по смерти которого перейдёт в ангелы. В основе нравственного учения хлыстов лежит дуалистическое воззрение, по которому дух есть начало доброе, а тело – начало злое. Естественные потребности человеческой природы должны быть умерщвляемы. С женою следует жить, как с сестрою. Детей, рождённых от церковного брака, хлысты называют утёхой сатаны, щенятами, грешниками и т. д. Отвергая церковный брак, хлысты имеют духовных жён. Плотские связи между ними не составляют греха. Хлыстами оправдываются и внебрачные связи. Хлысты стараются не иметь детей. В случае беременности хлыстовки принимают напиток из ртути, селитры, пороха и купороса и этим вытравливают плод¹⁹⁰. Из представлений об умерщвлении плоти вытекает хлыстовское учение о неупотреблении в пищу мяса и о воздержании от алкогольных напитков. Будущая жизнь, по мнению хлыстов, начинается страшным судом. Прежде всего явится Иван Тимофеевич Суслов. За его явлением раздастся «труба божия господа саваофа Данилы Филипповича». Хлысты, оставшиеся на земле, полетят по воздуху на облаках вослед за воскресшими вначале в Москву, а затем – в Петербург, где и произойдёт страшный суд. Явится новое небо, а на этом небе – пресветлый град Сион, в который и поселятся праведные (т. е. хлысты). Там они будут гулять в роскошных садах, жить в хрустальных дворцах, одеваться в золотые ризы, есть сладкие явства, постоянно веселиться и т. д. Хлысты делятся на 3 разряда по степени посвящённости в тайну: 1 – посещают только простые беседы хлыстов; 2 – допускаются на обыкновенные радения; 3 – производят годовые и чрезвычайные радения. Отдельные общины хлыстов называются «кораблями», предполагая, что хлысты брошены в море человеческой жизни. Во главе каждого стоит «кормщик» (Христос, пророк, апостол). «Ай у нас, на Дону, Сам Спаситель во дому; И со ангелами; Да с архангелами»¹⁹¹. Иногда бывает «кормщица» (богородица, матушка). Кормщица руководит радениями и воспитывает молодых девушек себе на смену. Местом собраний хлыстов служат или подземелья или здания, выстроенные в огороде, во дворе, но иногда и жилые помещения. Во время молений ставни закрывают, а снаружи выставляют караул. Явившись на собрания,

мужчины надевают белую до пят коленкоровую или холщёвую рубашку с широкими рукавами, а женщины поверх рубашки надевают белый сарафан или белую юбку, а голову повязывают белым платком с красными крапинками. Во время молений сектанты остаются босыми. Радения – это своего рода молитвенные экстатические кружения, в ходе которых святой дух должен снизойти на молящихся, «накатить». Радение бывает одиночное, в схватку (мужчина с женщиной), стенкой (круг), в расходку (люди становятся крестообразно и перебегают в противоположные стороны) и т. д. Во время радений люди трясутся, ломаются, бьют себя в грудь, рвут волосы, приседают, подпрыгивают и кричат: «*Ой, дух! Ой, бог! Царь дух! Царь бог!*». Радения почитаются хлыстами и как способ умерщвления плоти. Во время радений пот катится с молящихся градом. Поэтому радения именуется у хлыстов ещё и «баней духовной». Вокруг радений в народе складывались легенды, самая популярная – о «свальном грехе», которым якобы заканчиваются радения. А. Синавский считает, что «в большинстве случаев это плод народного воображения», хотя и допускает, что «в некоторых ответвлениях хлыстовства и близких ему сектах были возможны и разврат, и свальный грех»¹⁹². А. Эткинд, отмечая тот факт, что «поиски нового социального порядка всегда связаны с поисками нового сексуального порядка», предполагает, что «стратегий поиска могло быть только две: либо ограничение сексуальности, мыслимым пределом которого является кастрация; либо же, наоборот, размыкание сексуальности до широких границ общины, мыслимым пределом чего является групповой секс»¹⁹³.

Дело бузулукского мещанина Вакха Пименовича Копанкина приоткрывает покрывало, скрывающее такую инаковость, к которой не могли найти подход силовые структуры, так как не знали эту народную антикультуру, ушедшую подобно Китеж-граду под воду в тот момент русской истории, когда состязались «официальный оптимизм... царей Алексея и Петра» и «эсхатологическое отчаяние старообрядцев»¹⁹⁴, унёсших с собой порядок Древней Руси «как некой родовой общины, состоявшей из кровных семей и из семей «покаяльных». Все взрослые обитатели Руси, включая царя и патриарха, были чьими-то духовными детьми»¹⁹⁵. С того

момента, как в историософском противостоянии XVII века победило европейское барокко, начинается путь «русского сфинкса», той народной культуры, которую не могло разгадать ни одно поколение просвещённых европейцев.

В осмыслении русской истории и русской культуры неизменно присутствует некая романтическая традиция, воспринимающая народную культуру как национальную истину. «В России отношения интеллигенции и народа представляли собой специальный вариант колонизации и потом деколонизации... Миссионерство, этнография и экзотические путешествия, характерные феномены колониализма, в России имели преимущественно внутренний характер... Народ есть другой...»¹⁹⁶. А. Эткинд пишет, что «к концу XIX века интеллигенция относилась к народу так, как имперская элита в момент распада империи относится к бунтующей колонии: с чувством вины, с подавляемым страхом и с надеждой на примирение»¹⁹⁷. Власти, государственная и религиозная, также находились в оппозиции к народу, систематически преувеличивая эту культурную дистанцию. Роль интеллигенции в использовании материала русской мистической секты хлыстов анализируется А. Эткиндром. Однако ни в одном из исследований, посвящённых хлыстам, не встречается анализ социальной составляющей этого религиозного течения, за исключением общепринятого факта о его крестьянской природе. Постоянно с конца XIX века попадают сведения о нахождении в секте представителей мещанского сословия. Главный герой рассматриваемого нами архивного документа – мещанин Вакх Пименович Копанкин, он же предатель, он же доносчик. Что из себя представляло мещанское сословие на рубеже XIX–XX веков? Фактически это был формирующийся в постреформенном российском пространстве средний класс, проникающийся новыми ценностями рационалистического буржуазного города, но ещё тысячами нитей связанный с крестьянским миром с социальной и культурной точек зрения. И в этом отношении хочется привести одну мысль А. Эткинда, сформулированную им в заключении своей монографии о хлыстах: «Культура капиталистического города, рационализм среднего класса, знакомство человека с собственной природой вызывали ожесточённое сопротивление. Буржуазная цивилиза-

ция очищала жизнь от страсти и карнавала, освещала собственность и семью, разграничивала частную и публичную жизнь...»¹⁹⁸. Мещанин выступает в этом случае «скопцом», отсекающим от своей социальной «плоти» всё, что связывало его исторически с иррациональным миром народной крестьянской культуры. Он предаёт не только свою крестьянскую «Богородицу», не требуя ничего взамен, он выбирает новый текст поведения человека «срединного мира»: никто, ничей, ниоткуда, self made individual.

¹ Миронов Б. Н. Социальная история России. Т. 2. С. 326.

² Панченко А. А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2004. С. 11.

³ Там же.

⁴ Энциклопедический словарь. Дополнит. т. Т. 2. М., Репр. воспр. изд. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. 1890. М., 1994. С. 699.

⁵ Список населённых мест Самарской губернии. Самара, 1910. С. XI.

⁶ Шахадат Ш. Психологизм, любовь, отвращение, разум: эмоции с точки зрения литературоведения//Российская империя чувств. С. 37–38.

⁷ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.403. Л.2.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период. Саратов, 2010. С. 310.

¹² Панченко А. А. Народное православие. СПб., 1998. С. 8.

¹³ Эткинд А. Хлыст. Хельсинки, 1998. С. 26.

¹⁴ Синявский А. Иван-дурак: очерк рус. нар. веры. М., 2001. С. 419.

¹⁵ Таевский Д. А. Христианские ереси и секты I–XXI веков: словарь. М., 2003. С. 4.

¹⁶ Там же. С. 21–23.

¹⁷ Синявский А. Иван-дурак. С. 418.

¹⁸ Эткинд А. Хлыст. С. 33–34.

¹⁹ Эткинд А. Хлыст. С. 3.

²⁰ Панченко А. А. Христовщина и скопчество. С. 14.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Эткинд А. Русские скопцы: опыт истории//Звезда. 1995. № 4. С. 131.

²⁴ Фуко М. Надзирать и наказывать. С. 141.

- ²⁵ Там же. С. 121.
- ²⁶ Половинкин П. В., Кожевникова М. В. Старообрядчество Самарского края: история и культура. Самара, 2007. С. 1.
- ²⁷ Катькова В. В., Мышенцев Н. П. Старообрядческие общины Самарской губернии: численность, структура, динамика развития//Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13 (41). № 3. С. 47.
- ²⁸ Половинкин П. В., Кожевникова М. В. Старообрядчество Самарского края. С. 1–2.
- ²⁹ Самарское купечество: вехи истории. С. 50–54.
- ³⁰ Там же. С. 52.
- ³¹ Катькова В. В., Мышенцев Н. П. Старообрядческие общины Самарской губернии. С. 48, 49.
- ³² Там же. С. 51.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Катькова В. В. Старообрядчество Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: дис... канд. ист. наук. Самара, 2010. С. 36–37.
- ³⁵ Там же. С. 37–39.
- ³⁶ Половинкин П. В., Кожевникова М. В. Старообрядчество Самарского края. С. 2.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Половинкин П. В., Кожевникова М. В. Старообрядчество Самарского края. С. 2.
- ⁴⁰ Катькова В. В. Старообрядчество Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX в. С. 50, 52.
- ⁴¹ Там же. С. 52, 53.
- ⁴² Половинкин П. В., Кожевникова М. В. Старообрядчество Самарского края. С. 3.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Наумлюк А. А. Самарское старообрядчество в начале XX в.//Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 1 (67). С. 68.
- ⁴⁵ Там же. С. 69.
- ⁴⁶ Половинкин П. В., Кожевникова М. В. Старообрядчество Самарского края. С. 3.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Список населённых мест Самарской губернии. 1910. С. X–XI.
- ⁴⁹ ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д.26. Л.193.
- ⁵⁰ Миронов Б. Н. Социальная история России. Т. 1. С. 332.
- ⁵¹ ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д.234. Л.1–1 (Об.).
- ⁵² Там же. Ф.32. Оп. 1. Д.119. Л.1–1 (Об.).
- ⁵³ Там же. Д.154. Л.1.
- ⁵⁴ Там же. Д.280. Л.2.

- 55 Там же. Д.293. Л.1.
56 Там же. Л.1 (Об.).
57 Там же. Ф.170. Оп. 6. Д.1684.
58 Там же. Ф.32. Оп. 1. Д.527. Л.1 (Об.)-2.
59 Там же. Л.1 (Об.).
60 Там же. Д.46. Л. 1–3.
61 Там же. Д.98. Л.13–25.
62 Там же. Л.30–30 (Об.).
63 Там же. Л.31–32.
64 Там же.
65 Там же. Ф.32. Оп. 1. Д.98. Л. 64–73.
66 Там же. Л.74.
67 Там же. Л.77.
68 Там же. Л.84–90.
69 Там же. Л.196.
70 Там же. Л.198–200.
71 Там же. Л.227.
72 Там же. Д.1016. Л.1 (Об.)-31 (Об.).
73 Там же. Л.34–34 (Об.).
74 Там же. Л.37–38.
75 Там же. Д.1096. Л.15.
76 Там же. Д.1222. Л.1–2.
77 Там же. Л.2–11.
78 Там же. Л.15–15 (Об.).
79 Катькова В. В. Старообрядчество Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX в. С. 56.
80 Там же. С. 59.
81 ГУСО ЦГАСО. Ф.32. Оп. 1. Д.955. Л.15.
82 Там же. Д.1223.
83 Там же. Л.1 (Об.).
84 Там же.
85 Там же. Л.3 (Об.) – 4 (Об.).
86 Там же. Д.1250. Л.1–7.
87 Там же. Д.1250. Л.1–5.
88 Там же. Л.8 (Об.).
89 Там же. Л.11.
90 Там же. Д.1091. Л.1.
91 Там же. Л.2–2 (Об.).
92 Там же. Д.1096. Л.4 (а).
93 Там же. Л.15.
94 Там же. Д.1096. Л.19.
95 Там же. Л.36.
96 Там же. Л.71.
97 Там же. Л.73.
98 Там же. Л.78.

- ⁹⁹ Там же.
- ¹⁰⁰ Там же Л.23.
- ¹⁰¹ Там же.Л.30.
- ¹⁰² Там же.Л.34.
- ¹⁰³ Там же.Л.93–100.
- ¹⁰⁴ Там же.Д.1020.
- ¹⁰⁵ Там же.Л.1.
- ¹⁰⁶ Там же.Л.3.
- ¹⁰⁷ Там же.Л.25.
- ¹⁰⁸ Там же.Д.1199. Л.1–4.
- ¹⁰⁹ Там же.Ф.217. Оп. 1. Д.382. Л.6–6 (Об.).
- ¹¹⁰ Там же.Л.9–23, 27, 28.
- ¹¹¹ Там же.Д.10. Л.113–118.
- ¹¹² Там же.Ф.1. Оп. 1. Д. 1108. Л.1–3.
- ¹¹³ Там же.Ф.217. Оп. 1. Д.410. Л.38.
- ¹¹⁴ Названия монастырей, упомянутых в деле Копанкина, выведены по исследованию О.И. Радченко «Монастыри Самарской губернии: история и современность»//URL: <http://www.muzeum.Murom.ru/wwwmuus/Uwar/3/Radchenko.htm>.
- ¹¹⁵ ГАСО.Ф.3. – Оп. 233. – Д.1558. – Л. 1.
- ¹¹⁶ Там же.
- ¹¹⁷ Там же. – Л.2.
- ¹¹⁸ Там же. – Л.4.
- ¹¹⁹ Там же.
- ¹²⁰ Там же.
- ¹²¹ Там же. – Л.4. об.
- ¹²² Там же.
- ¹²³ Там же. – Л.3. об.
- ¹²⁴ Там же. – Л.7.
- ¹²⁵ Там же. – Л.8.
- ¹²⁶ Там же.
- ¹²⁷ Там же. – Л.8–8. об.
- ¹²⁸ Там же.
- ¹²⁹ Там же.
- ¹³⁰ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь/Ф. А. Брокгауз, Ф. А. Ефрон. Т. 73. М., 1993. С. 404; Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 3. М., 1995. С. 161.
- ¹³¹ ГУСО ЦГАСО.Ф.3. Оп. 233. Д.1584. Л.9.
- ¹³² Там же.Л.9. об.
- ¹³³ Там же.
- ¹³⁴ Там же.Л.10.
- ¹³⁵ Бузулукский Тихвинский женский монастырь (1830–1930) находился в г. Бузулуке//См.: Радченко О.И. Монастыри Самарской губернии.
- ¹³⁶ ГУСО ЦГАСО.Ф.3. Оп. 233. Д.1584. Л.10. об.

- ¹³⁷ Там же. Л.11.
¹³⁸ Там же. Л.15–16.
¹³⁹ Там же. Л.20–22.
¹⁴⁰ Там же. Ф.472. Оп. 1. Д.57.
¹⁴¹ Там же. Л.3.
¹⁴² Там же. Л. об. – 4.
¹⁴³ Там же. Л.5. об.-6.
¹⁴⁴ Там же. Л.6.
¹⁴⁵ Там же. Л.9–10.
¹⁴⁶ Там же. Л.10. об. – 11. об.
¹⁴⁷ Там же. Л. 15.
¹⁴⁸ Там же. Л.17–17. об.
¹⁴⁹ Там же. Л.21. об.
¹⁵⁰ Там же. Л. 20–22.
¹⁵¹ Там же. Л.22–23.
¹⁵² Кутепов К. Секты хлыстов и скопцов. Казань, 1853.
С. 323//Цит. по: Самарские епархиальные ведомости. 1891. С. 274–
275.
¹⁵³ Там же.
¹⁵⁴ Там же. 1893. С. 616.
¹⁵⁵ Там же. С. 616–617.
¹⁵⁶ Там же.
¹⁵⁷ Там же.
¹⁵⁸ Там же.
¹⁵⁹ Там же. С. 620–621.
¹⁶⁰ Там же. 1894. С. 248–249.
¹⁶¹ Там же. С. 409–411.
¹⁶² Эткинд А. Хлыст. С. 72.
¹⁶³ Там же. С. 64.
¹⁶⁴ Самарские епархиальные ведомости. 1895. С. 159.
¹⁶⁵ Там же. С. 160–161.
¹⁶⁶ Там же. С. 162.
¹⁶⁷ Там же. С. 163.
¹⁶⁸ Там же. С. 163–164.
¹⁶⁹ Там же. С. 164.
¹⁷⁰ Там же. С. 213.
¹⁷¹ Там же. С. 214.
¹⁷² Там же. С. 214–215.
¹⁷³ Там же. С. 216.
¹⁷⁴ Там же. С. 801–815.
¹⁷⁵ Там же. 1896. С. 166–167.
¹⁷⁶ Там же. С. 167–168.
¹⁷⁷ Там же. С. 341–349; 402–517.
¹⁷⁸ Там же. С. 342.
¹⁷⁹ Там же. С. 343.

¹⁸⁰ Там же. С. 409.

¹⁸¹ Там же. С. 68–469.

¹⁸² Там же. С. 470–471.

¹⁸³ Там же. С. 74–475.

¹⁸⁴ Там же. С. 474–475.

¹⁸⁵ Кутепов К. Секты хлыстов и скопцов. Казань, 1882; Бондарь С. Д. Секты хлыстов, шелапутов, духовных христиан, Старый и Новый Израиль, субботников и иудействующих. Пг., 1916; Мельников П. (Печёрский). Тайные секты. Полное собрание сочинений. Спб.; М., 1898; Буткевич Т. И. Обзор русских сект и их толков. Харьков, 1910; Коновалов Д. Г. Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве. Сергиев Посад, 1908; Бирюков П. Песни, псалмы и гимны русских сектантов, раскольников и мистиков//История русской литературы. Т. 2: Народная словесность. Спб., 1908.

¹⁸⁶ Пругавин А. С. Раскол – сектантство: материалы для изучения религ. -быт. движений русского народа. 1. Библиография старообрядчества и его разветвлений. М., 1887//Цит.по: Эткинд А. Хлыст.

¹⁸⁷ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. С. 408–409.

¹⁸⁸ Эткинд А. Хлыст. С. 64–65.

¹⁸⁹ Синявский А. Иван-дурак. С. 422.

¹⁹⁰ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. С. 406.

¹⁹¹ Синявский А. Иван-дурак. С. 424.

¹⁹² Там же. С. 430.

¹⁹³ Эткинд А. Хлыст. С. 72.

¹⁹⁴ Панченко А. М. Я эмигрировал в Древнюю Русь. Спб., 2005. С. 236.

¹⁹⁵ Там же. С. 107.

¹⁹⁶ Эткинд А. Хлыст. С. 61.

¹⁹⁷ Там же. С. 60.

¹⁹⁸ Там же. С. 675.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Так получилось исторически, что маленькой крепости на берегу реки Волги суждено было превратиться в своего рода «Парадиз» – город, где сложился совершенно особенный, неповторимый менталитет горожан, связанный с его географическим положением и особой конфигурацией власти и общества. Фронтир, пограничье, столкновение образов жизни, культур, этносов при взаимной толерантности, усиленной гриондерским духом – вот основные слагаемые успеха этого городского организма. Имидж города неизбежно основывается на тех, кто более ярок и успешен, и на том, что выделяется: купечество, авиационно-космическая промышленность, Жигулёвский пивоваренный завод, Самарская Лука. Выскочка, парвеню: никто, ничей, ниоткуда. Но, как и любой другой город, Самара обладает тайной, которая благодаря данному исследованию станет, мы надеемся, секретом Полишинеля. Это тайна связана с исторической памятью о мещанском «чреве» города, которое, отвергнутое рефлексией русской интеллигенции и этикой советского общества, превращённое из реально существовавшей социальной группы горожан в качественную характеристику души с узким кругозором и торгашескими ценностями, долгие годы ждало исторической реконструкции и реабилитации. Многие из этих мещан, пришедших в наш город из крестьян других губерний, или старожилы до сих пор покоятся на старом городском кладбище. Многие продолжают жить в «бабушкиных сундуках» и пожелтевших семейных архивах. Некоторым повезло, и их деревянные двухэтажные домики ещё украшают исторический центр города. Но большинство безвозвратно утрачено, стёрто из памяти великими социальными экспериментами XX века. Как во многих еврейских семьях продолжают настаивать на русских фамилиях и русской идентичности в неизбежном страхе перед очередным поворотом истории, так и с мещанством, страх оказывается древнее политических новаций. Если на сегодняшний день никто не призывает на борьбу с мещанством, то в генетической памяти сформировался устойчивый «клапан», перекрывший все воспоминания об изгое-сословии. Поэтому настало время рассказать о мещанской старой Самаре, развивавшейся во второй половине XIX – начале XX вв. в сторону превращения в один из европейских городов.

Всё было продумано пленительной и мудрой Екатериной II. Её век «вольтерянцев и вольтерианок» сочинил концепцию русского

провинциального города в форме «городского гражданства», которое позволило бы даже в условиях гипертрофированно сильной власти и крепостничества как стиля жизни устремиться в европейскую урбанистическую семью. Дух бюргерства был пробуждён в мещанах и купцах третьей гильдии законодательством конца XVIII в. даже в маленькой уездной Самаре. На их счастье, дворянство презрительно отказалось от нелестного социального соседства в городском самоуправлении, разночинная интеллигенция тогда ещё не являлась заметной силой, и первая половина XIX в. стала для мещан «золотым веком». Не с точки зрения гражданских прав и свобод, а благодаря возможности участвовать в делах города, которые в то же время являлись и их собственными делами. Городское общество творило миф о «чреве»: благоспешно живущем и благоспешно торгующем, благоспешно ругающемся и благоспешно горящем. В этой благоспешности были и свои «болевые точки»: собственность, свобода и война. Мещане постепенно изгонялись из «парадиза»: теряли городские земли. Паспорт приковывал их к месту и не давал свободы. Рекрутство убивало.

В результате реформ второй половины XIX – начала XX вв. мещанство обрело свободу. Но приобретая свободу, оно теряло идентичность, выравниваясь в правовом отношении с другими городскими социальными группами. Оно оказалось изгнанным из «чрева» реформой 1870 г., провозгласившей всесословность, но лишившей мещанство возможности воспользоваться этой всесословностью. Городская дума губернского периода и основное городское сословие оказались чужими друг другу, они говорили на разных языках, чувствовали по-разному и по-разному представляли себе Город.

К началу XX в. город изменился до неузнаваемости, превратившись в «Поволжский Новый Орлеан» с грюндерами во власти и модниками на улицах. А также с автомобилями, трамваями, ресторанами, музеями и библиотеками. Хронотоп убыстрялся, а вместе с ним и человек срединного мира. Мещанин легко принимал любые «вызовы» эпохи: революции, индустрию готового платья, парламентаризм и телеграф. Мещанки переодевались в платья модерна и требовали развода. Уличные хулиганы начинали верить в революцию, а ученики городского училища – играть в эсеров. Пьяным как всегда было «море по колено», и они ругали царя самозабвенно и только до тех пор, пока не оказывались в жандармском управлении. А в 1917 г. в обиходную речь мещанок естественно и органично

но входит слово «милиция», заменившая привычную «полицию». Мещане – приказчики, модистки, парикмахеры, официанты – отправляются вместе с революционерами формулировать свои требования в 1905 году, а тишина Струковского сада нарушается выстрелами. Бьются витрины, и шумит самарский рынок. И плачут матери по своим сыновьям, отправленным на фронт. И с трудом дождались мещане-старообрядцы закона о веротерпимости. А таинственные хлысты всё так же консперативны, как и их соседи по деликвентности, революционное подполье России. Во всей этой круговерти никто уже не видит чётко социальное лицо мещанина, за исключением великого пролетарского писателя и рефлексирующей о грядущем хаме интеллигенции. Да и сам мещанин нет-нет да и наденет очередную «маску», зачем ему лишний раз быть узнаваемым. Только его адрес по-прежнему обозначит мещанская управа города, тихо и незаметно закрывшая свои двери в 1917 году. Сам обыватель Самары проснулся 26 октября 1917 г. всё тем же мещанином-обывателем. Аккуратно сложил свою идентичность в сундук, подоткнул нафталином и стал ждать новой социальной роли, уготованной ему творцами русской истории.

Научное издание

КОБОЗЕВА Зоя Михайловна

**Мещанское сословие г. Самары в пространстве власти и
повседневности (вторая половина XIX – начало XX в.),
или Рассказ о «душе с повинностями»**

Публикуется в авторской редакции
Директор издательства – Л.В. Крылова
Корректор – Т.И. Кузнецова
Художественный редактор – Л.В. Крылова
Корректор – Н.А. Коровина
Компьютерная верстка – А.Д. Пономарев

Подписано в печать 26.06.2013

Формат 60×90 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 38,5. Уч. -изд.л. 38,5. Гарнитура «PeterburgС»

Тираж 500 экз. Заказ № 818

Управление по информационно-издательской деятельности
Самарского государственного университета www.infopress.samsu.ru

Отпечатано в типографии ООО «Медиа-Книга»
443070, Самара, ул. Песчаная, 1. Тел. (846) 267 36 82
E-mail: izdatkniga@yandex.ru